
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА
Д. ХОЛДЕМАН
ПЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ
БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА
12

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОГО
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО
И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Зарубежная остросюжетная фантастика

ДЖО ХОЛДЕМАН

ПЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ

ТАЛЛИНН «МЕЛОР» 1993

И / США /

ЭЛИТАРНАЯ СЕРИЯ. Издается с 1990 года.

ВНИМАНИЮ КНИГОИЗДАТЕЛЕЙ!

Сериал «Звездные войны» является интеллектуальной собственностью издательства Эстонии и охраняется Законом. Перепечатка данного сериала с нарушением авторских прав ЗАПРЕЩЕНА!

Нарушители Закона будут преследоваться в судебном порядке в соответствии с межгосударственным соглашением между Эстонией и Россией, а также другими государствами.

ДЖО ХОЛДЕМАН

«Пятые звездные войны». Перевод с англ. Составитель А. Саяпин. Таллинн: «Мелор». 1993, 416 стр. ил. («Библиотека кримин. и прикл. романа»). Выпуск 12.

Продолжаем сериал «Звездные войны». Обращаем внимание поклонников серии на то, что тираж книг сокращен до 50 000 экз. Отвечая на многочисленные вопросы читателей, сообщаем, что недостающие тома серии вы всегда можете купить в Смоленском магазине «Кругозор», а также на книжных рынках Москвы (спорткомплекс «Олимпийский»), Санкт-Петербурга и Минска.

В настоящем сборнике мы предлагаем Вашему вниманию три новых фантастических боевика. В первом из них «Бесконечная война» Джо Холдемана события разворачиваются с головокружительной быстротой. Изобретен новый способ коллапсорного прыжка в гиперпространстве. Тысячи землян отправляются в чужие Галактики для освоения колоний. На подходе к одной из них, в созвездии Тельца, корабль землян атакован и уничтожен неизвестным противником, получившим название «тельциан». И вот 50 женщин и мужчин чрезвычайной силы и выносливости отбираются в суперотряд, призванный нести охрану наиболее важных планет ближайших Галактик...

В супербоевике Кэрола Кэписа (псевдоним Мак Апп) «Забыть о Земле» наша планета подвергается нападению темных сил Империи Вельмута и погибает. В живых остается несколько десятков мужчин, находившихся в воздухе на сражавшихся кораблях. Цивилизация землян обречена на вымирание, но оказалось, что один из противников Империи похитил несколько женщин с Земли и спрятал их на одной из отдаленных планет. Он готов передать их землянам, но за это им предстоит сражаться на его стороне...

Супербоевик Дугласа Хилла «Охотник» также посвящен теме звездных войн. Одна из планет подвергается нападению звездных пришельцев, грабящих и убивающих местных жителей. Охотник племени вступает в неравную схватку с захватчиками...

И завершает книгу подсериал «Звездный патруль» Джеймса Блиша, рассказывающий о приключениях знаменитого капитана Кирка и других членов команды космического патрульного корабля «Дерзость», несущего службу по поддержанию порядка и законности в Галактике...

ИТАК, «ПЯТЫЕ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ» ...

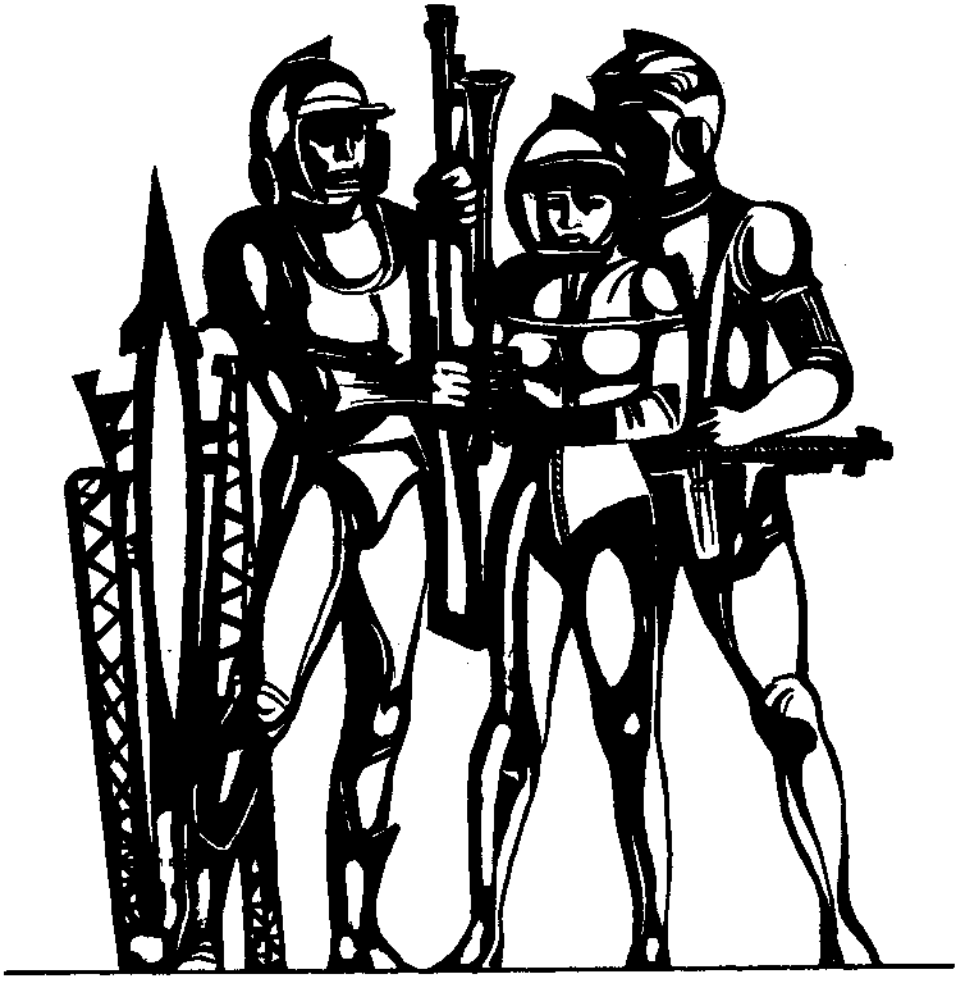
Х $\frac{4703040100-9}{904(15)93}$

© «Мелор». Таллинн, 1993 г.

ISBN 5-7979-0412-8
ISBN 5-7979-0495-0

Джо ХОЛДЕМАН

БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА

Часть первая

РЯДОВОЙ МАНДЕЛЛА
(1997—2007 гг.)

I

— На сегодняшнем вечернем занятии мы покажем вам восемь способов бесшумно убить человека.— Говорил сержант-инструктор, который выглядел едва ли на пять лет старше меня. Следовательно, если ему и приходилось убивать в бою, бесшумно или наоборот, то только будучи еще ребенком.

Я уже был ознакомлен с восемнадцатью способами убить человека, хотя подавляющее большинство из них было довольно шумными. Я уселся прямо, придав лицу выражение вежливого внимания, и заснул с открытыми глазами. То же самое сделали почти все остальные, мы уже знали, что ничего действительно ценного на вечерних занятиях не дают.

Разбудил меня включенный проектор, и я просмотрел короткую учебную ленту, иллюстрирующую «восемь бесшумных способов». Часть актеров была из преступников-мозгостеров, потому что их убивали на самом деле.

После фильма какая-то девушка из первого ряда подняла руку. Сержант кивнул ей, и она поднялась, чтобы задать вопрос. Симпатичная, хотя шея и плечи немного мощноваты. Это от постоянного таскания тяжелых вещмешков, чем мы занимались последнюю пару месяцев.

— Сэр,— сказала она,— мы должны были обращаться к сержантам только через «сэр», пока не пройдем обучение,— большинство этих способов, они, как мне кажется, ну, выглядят просто глупо.

— Например?

— Ну вот, это — удар в область почек саперной лопаткой. Неужели мы действительно можем оказаться в ситуации, когда у нас не будет под рукой ножа или другого оружия? И почему именно в почки, почему бы просто не раскроить противнику голову?

— На голове у него может быть каска,— резонно заметил сержант.

— Но ведь у тельциан, видимо, вообще нет никаких почек!

— Вероятно,— вздохнул инструктор. Шел только лишь 1997, и никто еще не видел живого тельцианина или хотя бы его останков размером более хромосомы.— Но химически их тела сходны с нашими, поэтому мы предполагаем, что и анатомически это похожие на человека существа. И у них должны быть уязвимые места. Их придется найти вам.

— Не забывайте,— он ткнул пальцем в сторону экрана,— что эти восемь смертников получили свою долю ради вашей пользы, чтобы вы смогли найти способ убить тельцианина — все равно, с помощью ручного лазера или с помощью точильного бруска.

Девушка опустилась на место, но ответ сержанта ее, судя по всему, не очень удовлетворил.

— Будут еще вопросы?

Но поднятых рук больше не было.

Мы приняли более-менее вертикальное положение. Сержант ожидающе глядел на нас.

— Так-растак вас, сэр!— послышался обычный усталый хор.

— Громче!

— ТАК-РАСТАК ВАС, СЭР! — Еще одно убогое армейское изобретение для поднятия нашего духа.

— Уже лучше. Не забудьте, завтра на рассвете маневры. Завтрак в три тридцать, построение — в четыре ноль-ноль. Кто будет пойман в мешке после трех сорока — потеряет нашивку. Разойдись.

Я затянул молнию на комбинезоне и пошагал по снегу в комнату отдыха, чтобы выпить чашку сои и покурить. Мне всегда хватало пяти-шести часов сна, и иначе, как здесь, я не мог побыть сам по себе, хоть на несколько минут забыть про армию. В комнате отдыха я некоторое время смотрел инфо. Еще один корабль накрылся в секторе Альдебарана. Это, считай, четыре года назад. Готовится флот для ответного удара, причем потребуется еще четыре года, пока они туда доберутся. За это время тельциане прочно усядутся на всех входных планетах.

В казарменном бараке, когда я туда вернулся, все уже полезли в спальные мешки, и основное помещение было выключено, вся честная компания до сих пор окончательно не пришла в себя после двухнедельного учебного цикла на Луне. Я запихал комбинезон в шкафчик, сверился со списком и обнаружил, что мне выпала на сегодня койка № 81. Проклятие, прямо под нагревателем!

Я как мог тихо пробрался за полог, стараясь не разбудить соседа. Кто это был, я не видел, но ни малейшего значения это не имело. Я шмыгнул под одеяло.

— Что-то поздно ты, Манделла,— зевнули на соседней койке. Это была Роджерс.

— Извини, я не хотел тебя будить,— прошептал я.

— Не страшно,— она подкатилась ко мне и обхватила, прижимаясь. Она была теплая и в меру податливая.

Я провел рукой по ее бедру, надеясь, что жест был только братской лаской.

— Спокойной ночи, Роджерс.

— Спокойной ночи, мой жеребчик,— она вернула ласку мне, но более решительно.

И почему так всегда получается — когда в активе ты, то твой сосед хочет спать, а когда устанешь — соседу не спится? И я склонил голову перед неизбежным.

2

— Нухршо-о, понеслись снова! Стрингеры! Взяли быстренько — ну, кому говорю, взяли!

Около полуночи фронт теплого воздуха достиг нашей округи и снег превратился в жидкую грязь. Продольная балка-стрингер из пермопласта весила пятьсот фунтов, и тащить ее было не сахар, не считая даже, что она была покрыта ледяной коркой. Каждая команда стрингеров состояла из четырех человек — по двое на каждом конце балки. В паре со мной шла Роджерс.

— Сто-о-й... — выкрикнул парень, шедший за мной, имея в виду, что сейчас балка выскользнет у него из закоченевших рук. Хоть и пермопластовая, она вполне могла бы сломать человеку ногу. Мы все разжали пальцы и отпрыгнули в сторону одновременно. Балка, подняв фонтан грязевых брызг, рухнула на землю.

— Черт тебя побери, Петров,— сказала Роджерс.— Может, тебе лучше перейти в Красный Крест или еще куда? Растакая балка не на растак тяжелая.— Обычно наши девушки гораздо осмотрительнее в выборе выражений, но Роджерс можно было понять.

— Нухршо-о! Стрингеры, вперед! Склейщики! Не отставать!

Два человека нашей бригады склейщиков бросились бежать, раскачивая своими ведрами.

— Манделла, давай двигать. А то я что-то отморожу.

— И я,— поддержала девушка. Больше с чувством, чем с логикой.

— Раз — два взяли-и!

Мы подхватили чертовку и потащили к мосту. Он был готов примерно на три четверти. Похоже, второй взвод нас обгоняет. Мне-то было бы все равно, но только взвод, первым закончивший мост, домой полетит на вертолете, а нам придется тогда четыре часа шлепать по грязище, и отдыха у нас сегодня уже не будет.

Мы установили балку на место и начали прилаживать фиксирующие скобы к опоре. Девушки из бригады склейщиков начали уже выплескивать смолу на балку, хотя мы не успели ее закрепить. Ее напарник ждал по другую сторону моста. Настильщики дожидались своей очереди у подножия, каждый из них поднял над головой лист упрочненного пермопласта, словно зонтик. Они были сухие и чистые. Интересно, заметил я громко, за что им такая честь выпала? Роджерс высказала несколько предположений, красочных, но маловозможных.

Мы направлялись за следующей балкой, когда проводящий полевые занятия (имя его было Дагльстайн, но мы звали его «Нухрош») засвистал в свою свистульку и проревел:

— Нухро-о-ш, солдаты, десять минут перекура. Курите, ежели есть что. — Он сунул руку в карман и включил обогрев наших комбинезонов.

Мы с Роджерс присели на край стрингерной балки, и я вытащил кисет. Скруток с травой у меня было полно, но их не разрешалось курить до вечера. С табаком у меня был только сигарный окурок: дюйма на три. Я закурил — и после пары затяжек почувствовал себя не так уж плохо. Роджерс тоже затянулась, но только за компанию, тут же скорчила гримасу и вернула окурок обратно.

— Ты еще учился, когда тебя призвали?— спросила она.

— Ага. Как раз получил диплом об окончании — физика. Хотел стать преподавателем.

Она невесело кивнула.

— А я на биологическом...

— Долго?— Я зачерпнул полную пригоршню снеговой каши.

— Шесть лет. Я бакалавр.— Она водила ботинком из стороны в сторону, нагребая холмик замерзающей грязи и мокрого снега, похожего на кристаллы замерзающего молока.— И отчего так получилось, отчего эта сволочь началась?

Я вздохнул. Вопрос не требовал ответа, тем более вроде тех, что нам предоставляли ИСООН. Интеллектуальная и физическая элита планеты, коей должно спасти человечество перед лицом тельцианской угрозы. Вот дерьмо. Все это только гигантский эксперимент. Хотят попробовать, не удастся ли нам навязать тельцианам столкновение на поверхности планеты.

Нухрош дунул в свисток на две минуты раньше, чем положено, как и всегда, но я и Роджерс, и еще два наших стрингера, могли сидеть с минуту, пока склейщики и настильщики приканчивали нашу последнюю балку. Костюмы быстро остывали, так как обогрев уже выключился, но мы из принципа не трогались с места.

Вообще-то, никакого смысла не было в тренировке на холодке. Типичная армейская полулогика. Конечно, там будет холодно, но ничего похожего на снег или лед. Даже по своему определению, входная планета находится в зоне температур, близких к абсолютному нулю. Коллапсары совсем не греют — и если вы почувствуете холод, значит, вам пришел конец.

Двенадцать лет назад, когда мне было всего десять лет, был открыт коллапсарный прыжок. Направьте предмет с достаточной скоростью прямо в коллапсар, и вот он уже выпрыгивает где-то в совсем другой части Галактики. Быстро нашли закономерность, позволяющую определить место выхода: объект как бы движется в начальном направлении вдоль «линии» (то есть вдоль энштейновской неодезической линии) и выпрыгивает в пространство, когда эта воображаемая «линия» упирается в другой коллапсар. И объект выпрыгивает в нормальное пространство в том же направлении

и с той же скоростью, с какой он вошел в первый коллапсар. Время между двумя коллапсарами... практически ноль.

Явление задало работы физикам и математикам. Им пришлось пересмотреть теорию одновременности, потом разобрать до основания здание общей теории относительности и собрать его снова, включив необходимые изменения. И политики тоже очень обрадовались, потому что теперь они могли послать корабль с колонистами на Фомальгаут с меньшими затратами, чем раньше обходилась посылка двух человек на Луну. Политики были бы рады отправить массу людей на Фомальгаут, совершать невиданные подвиги, вместо того, чтобы эти люди не давали им спать спокойно дома, на Земле.

Каждый колонистический корабль сопровождался автоматическим зондом. Зонд следовал за кораблем примерно в двух миллионах миль. Уже были получены данные о существовании входных планет — скальных мирах, вращающихся вокруг коллапсаров. Зонд, в случае если корабль врежется в такую планету на скорости 0,999 световой, должен был вернуться домой и сообщить о печальном событии.

Именно такого рода катастроф никогда не случалось, но однажды все-таки зонд вернулся домой один. Информация, им доставленная, была проанализирована, и оказалось, что корабль колонистов был атакован чужим кораблем и уничтожен. Это произошло в окрестностях Альдебарана, в созвездии Тельца, и так как выговаривать слово «альдебаранианне» несколько неудобно, враг получил имя «тельциан».

Корабли переселенцев начали отправляться в полет под защитой крейсеров. Потом крейсера начали совершать рейсы самостоятельно, и в конце концов Группа Колонизации уступила место ИСООН, то есть Исследовательским Силам при ООН. Ударение на слове «силы».

Потом какой-то умник в Генеральной Ассамблее родил идею, что следовало бы подготовить группу людей, способных вести наземные боевые действия и охранять входные планеты ближайших коллапсаров. Это привело к Элитарному Призывному Закону 1996 года и появлению самой элитарной набранной армии в истории военных сражений.

И вот мы, пятьдесят мужчин и пятьдесят женщин, все с коэффициентом интеллекта выше 150 и необыкновенной силы и выносливости, самым элитарным образом месили грязь в центральной Миссури, размышляя при этом о практичности умения строить балочные мосты на планетах, где единственная жидкость являет собой случайную лужицу жидкого гелия.

3

Примерно через месяц мы стартовали к месту наших последних учебных полевых занятий — на Харон. Хотя планета и приближалась к перигею, но все равно была в два раза дальше от Солнца, чем Плутон.

В качестве транспорта был использован корабль для колонистов, рассчитанный на двести переселенцев, а также домашних животных и различные растения. Но не думайте, что там было очень просторно, если нас насчитывалось в два раза меньше, чем двести. Почти все дополнительное пространство занимало добавочное горючее и необходимая наша амуниция.

Весь перелет занял три месяца, половину дороги мы шли с ускорением два «ж», вторую половину — тормозили с тем же ускорением. Максимальная наша скорость, когда мы проскакивали орбиту Плутона, составляла примерно одну двадцатую световой. Эффекты релятивистики еще не давали о себе знать.

Три недели в поле тяжести в два раза больше нормального — это совсем не пикник. Три раза в день мы выполняли, очень осторожно, некоторые упражнения, а в основном старались сохранить лежачее положение. И все равно, имели место несколько случаев переломов и вывихов. Люди носили специальные бандажи и повязки, чтобы не растерять по пути конечности и прочие части тела. Спать было почти невозможно: мучили кошмары (удушение и сплющивание в лепешку), кроме того, приходилось постоянно переворачиваться, чтобы не застаивалась кровь и не образовывались пролежни. У одной из девушек, замученной до предела, во сне ребро протыкало кожу и высовывалось наружу.

Я уже несколько раз бывал в космосе до того, так что когда мы кончили тормозиться и перешли в свободный полет, я не испытывал ничего, кроме облегчения. Но многие из наших никогда не страдали от тошноты и головокружения. Остальным приходилось прибирать каюты, летая туда-сюда с мокрыми губками и инспираторами, всасывающими шарики полупереваренной «Муки Мясной Концентрированной» (в обиходе — соя).

Когда мы покидали орбиту, можно было хорошо рассмотреть Харон, хотя смотреть было почти не на что. Планета выглядела как туманная, едва светящаяся сфера, белесоватая, с несколькими темными полосами. Мы спустились примерно в двухстах метрах от базы. К транспорту подполз герметический краулер и соединился с выходным шлюзом через переходный рукав. Поэтому скафандры надевать не потребовалось. Краулер, звякая и крякая, полз к главному зданию базы, бесформенному строению невзрачного цвета.

Внутри здания доминировал тот же убогий цвет. Наша команда разместилась за столами, весело переговариваясь. Я нашел свободное место рядом с Фрилендом.

— Джефф, ты как?... Уже лучше?— Фриленд был все-таки бледноват.

— Если бог предназначал человеку выжить в невесомости, отчего бы ему не снабдить его чугунной глоткой?— он тяжело вздохнул. — Сейчас уже полегче, курить хочется — помираю.

— И я.

— Ты-то, похоже, был как рыба в воде. Бывал наверху еще в колледже, да?

— Ага, дипломная работа в вакуумной сварке. Три недели на околоземной.

Я облокотился на спинку стула и потянулся за кисетом, наверное, уже в тысячный раз. И как всегда, его в кармане не оказалось. Система жизнеобеспечения не рассчитана на табачный дым и, тем более, на табачный.

— До сих пор приходилось паршиво,— проворчал Джефф,— но это еще цветочки...

— Становись!

Мы поднялись на ноги, постанывая и пошатываясь, по двое и по трое. Дверь распахнулась, и вошел офицер. Полный майор, и я слегка подтянулся. Полного майора я раньше еще не видел. На комбинезоне у него была целая полоса наградных нашивок, включая и пурпурную ленту, означавшую, что ему приходилось быть раненым в бою, еще в старой американской армии. В Индокитае, стало быть, но эта затея кончилась крахом задолго до моего рождения. На вид ему нельзя было дать столько.

— Садитесь, садитесь,— сказал он, подбадривая нас соответствующим жестом руки. Потом он упер руки в бока и оглядел всю компанию. На его губах играла улыбочка.

— Добро пожаловать на Харон. Отличный денек выбрали вы для посадки, температура снаружи совсем летняя, восемь и пятнадцать сотых по Кельвину. Ожидается небольшое колебание температур в период двух ближайших столетий или около того.

Кто-то неуверенно засмеялся.

— Советую наслаждаться нашим тропическим климатом базы «Майами», пока есть у вас такая возможность. Мы тут в самом центре солнечной стороны, а большую часть времени вам придется провести на теневой половине. Там всегда довольно прохладно:— около двух и восьми сотых выше абсолютного нуля.

— Курс, который вы прошли на Земле и на Луне, вы также можете считать теперь лишь первой, подготовительной ступенью, назначение второй — помочь вам выжить здесь, на Хароне. Здесь вы пройдете полную программу обучения: работа с инструментами, оружие, полевые занятия. И вы убедитесь, что при здешних температурах инструменты не работают, как положено, и оружие не желает стрелять. И люди — они передвигаются о-о-очень осторожно.

Он углубился в список, вставленный в пружинную планшетку у него в руках.

— Итак, у вас имеется на настоящий момент сорок восемь мужчин и сорок девять женщин. Два смертельных случая на Земле, кроме того, одно освобождение по состоянию психики. Признаюсь,

что ознакомившись с программой вашей подготовки, я был искренне удивлен, что вы смогли пройти ее в почти полном составе.

— Но будет вам также известно, что я буду весьма рад, если хотя бы половина вас благополучно завершит обучение здесь. Единственная другая возможность, кроме благополучного окончания курса,— погибнуть. Здесь. На Землю все мы, включая и меня, попадем только в единственном случае: если вернемся из боевого рейса.

— Через месяц вы завершите подготовку. Отсюда вы будете переброшены на Старгейт Один — ближайший наш коллапсар на дистанции в половину светового года. Вы будете оставаться на базе Старгейт Один — это самая большая из входных планет — до прибытия смены. Ждать ее, к счастью, недолго. Не более восьми месяцев, так что после вашего отбытия им принимать следующую группу.

— От Старгейт вы будете отправлены к одному из стратегически важных коллапсаров, оборудуете там базу и будете удерживать ее в случае нападения противника. Если противник не даст о себе знать, ваша задача — охранять базу до получения дальнейших приказов.

— Две последние недели вашей подготовки будут посвящены изучению конструкции и сборке точной копии такой базы, но там, на теневой стороне. Там вы будете полностью изолированы от базы «Майами»: ни транспортного сообщения, ни снабжения медикаментами и прочим. В течение двух этих недель ваши оборонительные способности будут подвергаться проверке с помощью управляемых зондов. Зонды будут стрелять.

Неужели они потратили на нас все эти деньги только для того, чтобы прикончить во время обучения?

— Весь постоянный персонал здесь, на Хароне, состоит из боевых ветеранов. Следовательно, каждому из нас от сорока до пятидесяти лет. Но, думаю, мы от вас отставать не будем. Двое из нас будут находиться с вами постоянно и сопровождать вас на Старгейт. Это капитан Скотт, командир вашей группы, и сержант Октавио Кортес, ваш старший сержант. Джентльмены, прошу.

Два человека, сидевшие в первом ряду, быстро и легко поднялись на ноги, повернувшись к нам лицом. Капитан Скотт ростом немного пониже майора, но выкован явно тем же молотом; лицо с твердыми чертами, гладкое, будто фарфоровое, циничная полуусмешка, бородка ровно сантиметровой ширины вокруг широкого подбородка. На вид ему лет тридцать, не больше. На бедре капитан носил большой пистолет пулевого типа.

Сержант Кортес был совсем другого типа, страшного. Голова, обритая наголо, имела неправильную форму, потому что с одной стороны часть черепа была явно удалена в свое время, образуя плоскую впадину. Лицо у него было очень темное и все испещрено морщинами и шрамами. У левого уха не хватало половины, а глаза по выразительности не уступали кнопкам лифта. Он носил какой-то

гибрид бороды и усов, что выглядело, как белая гусеница, обнимающая его челюсть и рот. Если бы не все это, то его улыбка школьника выглядела бы очень привлекательно, но в данном случае это было самое жуткое, чудовищное существо, какое мне приходилось видеть. И тем не менее, если принимать во внимание все нижние шесть футов сержанта, начиная от головы, он мог бы служить моделью рекламы какого-нибудь культуристского клуба. Ни Скотт, ни Кортес не носили наградных нашивок. Кортес был вооружен небольшим карманным лазером на магнитном присосе, подвешенном у левой подмышки. Рукоятка у него была деревянная, отполированная до блеска рукой хозяина.

— Теперь, прежде чем я оставлю вас на милость этих двух джентльменов, позвольте мне еще раз предостеречь вас.

Два месяца назад на планете не было живой души, и вообще ничего не было, кроме кое-какого оборудования, оставленного экспедицией 1991 года. Сорок пять человек целый месяц строили эту базу. Двадцать восемь — больше половины, погибли во время строительства. Это самая опасная для человека планета из всех, на которых люди успели побывать. Но вы отправитесь туда, где будет так же плохо, или еще хуже. Наши люди сделают все, чтобы вы пережили этот месяц. Слушайте, что вам будут говорить... и следуйте их примеру. Все они выжили здесь дольше, чем нужно выжить вам. Прошу вас, капитан.

Капитан встал, а майор тем временем вышел.

— Стано-о-вись!— последний слог походил на взрыв гранаты, и мы все вскочили на ноги.

— Все, что я скажу, я скажу первый и единственный раз, так что вы лучше вникайте сразу,— прорычал он.— Мы сейчас находимся в боевых условиях. А в боевых условиях за непослушание и невыполнение приказа есть только одно наказание,— он снял с бедра пистолет и протянул его в нашу сторону. Держал он его за ствол, как клюшку для гольфа.— Это армейский кольт сорок пятого калибра, модель 1911 года. Это примитивное, но надежное оружие. Сержант и я имеем право убить любого из вас для поддержания дисциплины, если в этом будет необходимость. Лучше не заставляйте нас доходить до крайностей, потому что мы воспользуемся правом. Воспользуемся.— Он вернул пистолет на место. Застежка кобуры громко щелкнула в мертвой тишине.

— Я и сержант Кортес убили вместе больше людей, чем сидит в этом зале. Мы оба воевали во Вьетнаме на стороне США, и мы оба пошли служить в Международные Силы ООН десять лет назад. Я отказался от звания майора, чтобы принять участие в этом деле, а сержант Кортес потерял звание суб-майора. Мы — не просто солдаты, мы были в бою, а это первая боевая ситуация с самого 1987 года.

— Не забывайте все, что я сказал, пока сержант будет давать вам детальные инструкции относительно ваших обязанностей. Приступайте, сержант.— Он повернулся на каблуках и пошагал прочь

из зала. Выражение лица у него не изменилось ни на йоту во время выступления.

Первый сержант двигался, как тяжелая машина со множеством передач. Когда дверь, прошипев, задвинулась, он задумчиво повернулся к нам лицом и сказал голосом, неожиданно мягким:

— Вольно, садитесь.— Сам он присел на стоящий впереди стол. Стол заскрипел, но выдержал.

— Капитан говорил вам страшные вещи, и я тоже выгляжу страшновато. Но мы оба хотим вам добра. Работать вы будете со мной, так что привыкайте к этой штуке у меня на черепе. Капитана вы увидите только на маневрах.

Он коснулся впадины на черепе.

— Кстати, о черепах и содержимом. Все мои остались в целости почти при мне. И все мы, старые ветераны, поступившие в ИСООН, прошли те же тесты, что и вы, набранные по Элитарному Закону. Так что я подозреваю, ребята, что вы все сообразительные и крепкие, но мы с капитаном тоже сообразительные и крепкие, и у нас есть кой-какой опыт при том.

Он перелистал списки, не вникая по-настоящему.

— Значит, как сказал капитан, за невыполнение приказа в боевых условиях будет только одно наказание — высшая мера. Но в обычных условиях, дома, мы не будем стрелять из-за простого непослушания:— вас накажет сам Харон.

— Далее, в помещении расквартирования можете чувствовать себя как дома. Хоть стой, хоть падай — нас не волнует. Но если ты надел боекостюм и вышел на полевые учения, дисциплине должен позавидовать римский центурион. Будут ситуации, когда один глупый поступок может убить нас всех.

— Ну, а самое первое, что мы должны сделать, это подобрать вам боекостюмы. Оружейник ждет вас в казарме, он будет заниматься каждым из вас индивидуально. Ну, пошли.

4

— На Земле вам, знаю, уже прочли лекцию с боекостюмами и о том, что они могут.

Оружейник оказался невысоким человеком, частично лысым, без знаков отличия на комбинезоне. Сержант Кортес велел нам называть его «сэр», так как оружейник был лейтенантом.

— Но я хочу сделать ударение на некоторых аспектах, и кроме того, добавить, возможно, некоторые сведения, которые вам не сообщили, или которые сами инструкторы не могли знать. Ваш первый сержант любезно согласился послужить для нас моделью. Сержант?

Кортес вылез из комбинезона и подошел к небольшой платформе, где был установлен боекостюм. В раскрытом виде он напоминал раковину моллюска человекообразной формы. Сержант, пятясь, вступил в костюм, сунул руки в рукава. Послышался щелчок, и кос-

тюм захлопнулся, вздохнув при этом. Он был ярко-зеленым, с белыми буквами КОРТЕС на шлеме.

— Камуфляж, сержант.

Зелень поблекла, сменилась белизной, потом уступила место грязно-серому.

— Это самый подходящий камуфляж для Харона и большинства входных планет.— Голос Кортеса доносился будто со дна глубокого колодца.

— Но имеется и несколько других комбинаций.

Серый цвет потемнел, местами стал ярче, превращаясь в смесь зеленого и коричневого.— Для джунглей.— Зелено-коричневая раскраска сменилась охряной.— Пустыня. Темно-коричневой, почти что черной.— Космическое пространство. Или ночь.

— Прекрасно, сержант. Насколько мне известно, это единственное устройство, которое подвергалось усовершенствованию в ходе вашего обучения, и вы можете о нем не знать. Регулятор камуфляжа помещен у левого запястья, и очень чувствителен. Но если вы нашли нужную комбинацию, то закрепить ее уже несложно.

— На Земле вы не получили достаточно тренировки в боекостюмах. Это потому что мы намерены выучить вас пользоваться костюмами в боевой обстановке. Боекостюм — самое совершенное личное оружие, когда-либо созданное, но и для неумелого владельца оно может стать смертоносным. Ничего не стоит прикончить самого себя только из-за невнимательности. Повернитесь, сержант.

— Вот они где,— оружейник хлопнул Кортеса по обширному квадратному вздутию между плечами.— Радиаторы. Как вы понимаете, в задачу боекостюма входит поддержание наиболее благоприятной температуры внутри, а не в зависимости от температуры окружения. Материал костюма — самый совершенный изолятор, какой нам только удалось создать, учитывая требования прочности. Поэтому излишки тепла сбрасываются наружу через радиаторы — по сравнению с температурой на теневой стороне пластины радиаторов просто раскалены.

— Стоит вам только прислониться спиной к валуну из замерзшего газа, а их множество в округе, как твердый газ мгновенно начнет сублимироваться. При этом он, расширяясь, будет отталкиваться от окружающего льда и... всего за одну сотую доли секунды вы получите эквивалент ручной гранаты, взрывающейся у вас за плечами. Но понять этого вы уже не успеете.

— Разновидности подобного явления убили одиннадцать человек за два прошедших месяца. А ведь они всего-навсего строили пару бараков.

— Я предполагаю, что вы уже знакомы с силовыми усилителями костюмов и знаете, как легко они могут лишить жизни неумелого человека. Кто желает пожать руку нашему сержанту?

Он подождал, потом подошел сам к платформе, и они с сержантом пожали друг другу руки.

— Сержант умеет пользоваться усилителем. Вы же, пока не на-

учитесь, должны проявлять крайнюю осторожность. Вам захочется почесать спину, совершенно машинально, и кончится это тем, что вы сломаете себе позвоночник. Не забывайте о полулогарифмической прогрессии: сила в два фунта дает при усилении пять фунтов, три фунта дают десять, четыре — двадцать три, пять фунтов — сорок семь. Большинство из вас может развить давление в хватке руками до сотни фунтов. Теоретически вы сможете, применяя усиление, разломать стальную балку. На самом же деле, данной мощности усилие разрушит материал ваших перчаток, и, следовательно, вы быстро погибнете от холода и дегерметизации костюма. От чего именно, значения не имеет.

— Ножные усилители также являют немалую опасность, хотя степень усиления у них меньше. Пока не приобретете постаночные навыки, не пытайтесь бегать или прыгать. Там, снаружи, немудрено споткнуться, и, как сами понимаете, немудрено быстро умереть.

— Сила тяжести на Хароне составляет три четверти земной. Не так уж плохо. Но на какой-нибудь действительно небольшой планете, вроде Луны, вы можете, прыгнув с разбега, не приземлиться в течение двадцати минут, просто улетите за горизонт. Скорее всего, врежетесь в скалу на скорости восемьдесят метров в секунду. А на небольшом астероиде ничего не стоит вообще никогда не приземлиться, набрав скорость убегания, вы отправитесь с неофициальным визитом в межзвездное пространство. Не самый быстрый способ путешествовать.

— Завтра утром мы начнем обучать вас искусству остаться в живых внутри этой адской машины. Остальную часть сегодняшнего дня и вечера мы будем заниматься подборкой индивидуальных боекостюмов для каждого. Я буду вызывать вас по одному. Сержант, мы кончили.

Кортес направился к входной двери, включил воздушный кран, подававший воздух в шлюз. Одновременно включилась батарея инфракрасных излучателей, предохраняя воздух от замерзания. Когда давление в шлюзе и в отсеке сравнялось, он завернул кран, раздвинул дверь и зашел в переходной шлюз. Дверь задвинулась, насос начал откачивать воздух из шлюза. Примерно через минуту Кортес открыл наружную дверь и покинул жилой корпус.

Совсем как на Луне.

— Первым пойдет рядовой Омар Альмизар. Остальные могут отправиться в спальню. Я буду вызывать по интеркому.

— В алфавитном порядке, сэр?

— Да. Один человек займет примерно десять минут. Если ваша фамилия начинается на «зет», можете спокойно вздремнуть.

Спрашивала Роджерс. Наверное, она и вправду надеялась подремать.

5

Солнце выглядело как по твердости яркая белая точка прямо над головой. Оно было куда ярче, чем я ожидал, потому что мы находились в восьмидесяти астрономических единицах от него, и яркость Солнца составляла лишь одну шестидесятичетырехтысячную от видимого с Земли сияния. И тем не менее, оно давало света не меньше, чем мощная лампа в уличном фонаре.

— На входной планете у вас света не будет.— Голос капитана Скотта треснул в наших наушниках.— Будьте рады, если разглядите, куда поставить ногу.

Мы стояли в колонну, друг за другом, на пермопластовой дорожке, соединявшей жилой корпус и склад. Мы отрабатывали перемещение в боекостюмах в условиях открытого окружения. Все утро мы учились внутри базы — и особой разницы теперь не испытывали, не считая экзотического пейзажа. Хотя света было маловато, но благодаря отсутствию атмосферы можно было просматривать местность до самого горизонта. Территорию базы окаймляла черная скальная стена, слишком правильных очертаний, чтобы быть естественным образованием. До нее было примерно с километр. Поверхность была абсолютно черного цвета, местами голубели ледяные проплешины. Рядом со складом помещался громадный бункер с горкой замерзшего в снег газа и надписью «Кислород».

В костюмах было вполне удобно передвигаться, но только создавалось впечатление, что ты — одновременно и марионетка, и кукловод. Делаешь усилие, чтобы передвинуть ногу, костюм усиливает импульс и двигает твою ногу за тебя.

— Сегодня мы обойдем территорию базы и никто не должен выходить за ее периметр,— правда, кольт капитан на костюм не прицепил, хотя мог носить его под костюмом — в качестве счастливого амулета. Но у него в перчатке имелся пальцевый лазер, как и у всех нас, но только его лазер наверняка был заряжен.

Соблюдая интервал не менее двух метров между собой, мы, вслед за капитаном, покинули пермопластовую дорожку и ступили на гладкую поверхность скалы. Мы с великой осторожностью шли около часа, расширяя спираль маршрута, пока не оказались у защитного периметра.

— Всем смотреть и слушать внимательно! Сейчас я пойду к тому большому куску льда.— Это была действительно большая ледяная лужа примерно в двадцати метрах от нас.— Я вам покажу кое-что, а вы запомните хорошенько, если хотите остаться в живых.

Сделав дюжину уверенных шагов, капитан оказался в районе ледяного озерка.

— Сначала мне нужно немного подогреть вот эту скалу. Опустить фильтры!

Я прижал рычажок под левой подмышкой, и на экране моего видеоконвертора скользнул светофильтр. Капитан направил свой палец-лазер на кусок черной скалы размером с баскетбольный мяч и

коротко ударил лучом. Вспышка отбросила бесконечно длинную тень капитана куда-то за наши спины. Обломок разлетелся на дымящиеся осколки.

— Они быстро остывают.— Капитан пошел вперед и поднял один такой осколок.— Его температура сейчас около двадцати или двадцати пяти по Кельвину. Теперь смотрите.— Он швырнул «горячий» обломок на поверхность льда. Обломок бешено завертелся, заскользил по льду и вылетел обратно на скальную поверхность. Капитан бросил еще один — тот же результат.

— Как вы знаете, вы изолированы не абсолютно. Температура этих камешков примерно соответствует температуре подошв у ваших костюмов. И если вы попадете на поверхность водородного льда, с ними случится то же, что случилось с кусками скалы. Но только скала — она всегда была мертвой скалой, чего не скажешь о вас.

— Причина такого поведения камня — в образующейся между ним и льдом прослойкой жидкого водорода, всего в несколько молекул толщиной. Трение между скалой или вами и поверхностью льда отсутствует, совершенно. А если отсутствует трение, и стоять невозможно.

— Примерно через месяц тренировок в костюме вы научитесь — должны будете научиться — выживать при падении. Но не сейчас — у вас нет еще навыков. Смотрите на меня.

Капитан пригнулся и одним прыжком вскочил на ледянку. В воздухе мелькнули подошвы, но капитан ловко перевернулся в полете и приземлился на руки и колени. Он соскользнул со льда на скалу и поднялся на ноги.

— Самое главное — не дать вашим радиаторам соприкоснуться с замерзшим газом. По сравнению со льдом они все равно что горнило домны. Мгновенный взрыв.

После этого мы еще около часа бродили по территории базы, а потом вернулись в жилой корпус, уж пройдя шлюз, необходимо было выждать некоторое время, чтобы костюмы успели прогреться до «комнатной температуры». Кто-то подошел ко мне и коснулся шлемом моего шлема.

— Это ты, Уильям?— на шлеме у нее имелась надпись «МАККОЙ».

— Привет, Син. Что-то случилось?

— Я просто хотела спросить, с кем ты сегодня будешь спать.— Верно, я и забыл. Списки здесь не составляли, каждый выбирал соседа сам.

— Э... я... то есть, я еще ни с кем не договаривался. Если ты... то конечно...

— Спасибо, Уильям. Пока.— Я смотрел ей вслед. Если кто-то и мог бы выглядеть соблазнительно в боекостюме, так это Син. Но и у нее ничего не получалось.

Кортес решил, что мы уже достаточно прогрелись, и повел нас в раздевальню. Каждый, пятясь, завел свой костюм в надлежащее гнездо и подключил к подзаряжающим батареям. (В боекостюм

была вмонтрирована автономная плутоновая батарея, которой бы хватило на несколько лет, но нас приучали к бережливости). В конце концов все благополучно подключили свои боекостюмы и было позволено выходить на свет божий: девяносто семь цыплят, выскакивающих из ярко-зеленых яиц. Было холодно, особенно это касалось боекостюмов, поэтому мы весьма недисциплинированной толпой бросились к шкафчикам с одеждой.

Я натянул тунику, брюки и сандалии, но все равно дрожал от холода. Я взял свою чашку и встал в очередь за порцией горячей сои. Чтобы согреться, все в очереди прыгали на месте.

— К-как... т-ты... думаешь, Манделла, ск-колько з-здесь... градусов?— это была Маккой.

— И... знать... не хочу... — Я бросил прыгать и начал растирать ладонями, со всей возможной энергией, но одной рукой, так как в другой держал чашку.— Во всяком случае, не холодней, чем в Миссури.

— Уж... хоть бы... включили... обогрев... дьявол их забери!

Маленьким женщинам всегда приходится хуже всех. А Син была у нас самой маленькой, куколка с осиной талией, одна пяти футов ростом.

— Уже включили кондиционер. Скоро прогреется.

— Хотела бы я... быть такой здоровенной... как ты.

А я втайне радовался, что все наоборот.

6

Потери у нас начались на третий день, когда мы учились делать ямы.

Учитывая нашу энерговооруженность, копать лопатой или подобным инструментом долбить промороженный камень Харона было бы просто непрактично. И тем не менее, можно день-деньской стрелять из гранатомета и не выдолбить даже окопа. Поэтому используется пальцевой лазер. С его помощью делается углубление, в него бросается заряд с часовым механизмом, и вы поскорее убираетесь в укрытие. Только укрытие на Хароне — это проблема, если только вы уже не обзавелись ямой где-нибудь поблизости.

Самое сложное в данной операции — это как раз успеть убежать. Безопасным считается расстояние не менее сотни метров от места взрыва. После включения часового механизма у вас есть три минуты времени. Но сломя голову бежать не рекомендуется. Не на Хароне.

Несчастный случай произошел, когда мы делали действительно солидную яму. Подходящую для подземного бункера. Для этого требовалось сделать углубление, потом спуститься на его дно, заложить еще один заряд и повторять операцию, пока не получится яма нужного размера. И глубины. Мы использовали взрыватели с пятиминутным замедлением, но и этого времени едва хватало — выбираться из кратера следовало с крайней осторожностью.

Уже все успели «выкопать» двойной глубины яму, кроме меня и еще трех человек. Думаю, поэтому только мы действительно внимательно следили за происходящим, когда это случилось с Бованович. Расстояние между нами было метров двести. На экране моего конвертора, включенного на сорок процентов мощности, я видел, как она исчезла за гребнем кратера. После этого я только мог слушать ее переговоры с Кортесом.

— Я на дне, сержант.— Во время полевых занятий подобного рода радио работало только на прием, исключая инструктора и выполняющего упражнение.

— О'кей, перейди в центр и расчисть днище. Не спеши. Пока не выдерешь кольцо, спешить некуда.

— Ясно, сержант.

Мы могли слышать, как крохотным эхом отдается шорох мелких камней, проходящих через подошвы в костюм. Несколько минут она молчала.

— Достала дно,— дыхание у нее несколько участилось.

— Лед или скала?

— Скала. Зеленоватая масса.

— Используй малую мощность. Один и две десятых, дисперсия «четыре».

— Боже, сержант, я проковыряюсь целый день.

— Возможно, но только в этой зеленоватой гадости имеются кристаллы гидрата, от сильного жара полетят куски. И нам ничего не останется, только оставить в кратере твой хладный труп.

— О'кей, один и две десятые,— противоположный край кратера озарился отсветом лазерного луча.

— Когда дойдешь до глубины в метр, перейди на дисперсию «два».

На это уже потребовалось семнадцать минут, три последние — на второй степени рассеивания. Представляю, как устала у нее рука.

— Теперь отдохни пару минут. Когда дно углубления перестанет светиться, активизируй взрыватель и бросай заряд. Потом выходи из кратера. Ясно? Времени у тебя полно.

— Ясно, сержант. Буду выходить.

Но в ее голосе чувствовалось напряжение. Еще бы, не каждый день приходится на цыпочках удирать от тахионной бомбочки в двадцать микротонн. Несколько минут слышалось ее учащенное дыхание.

— Готово.— Слабый стук — это бомбочка улеглась на место.

— Теперь не спеши, осторожно. У тебя целых пять минут.

— Ага-а, пять,— застучали камешки о подошвы ее костюма. Сначала регулярные, эти звуки потом, когда она начала взбираться на гребень, стали более частыми. И когда осталось четыре минуты...

— Зараза,— долгий скребущий звук, стук камешков.— Вот зараза.

— Что случилось, рядовой?

— Зараза!— Тишина.— Сволочь!

— Рядовой Бованович, я спрашиваю, что случилось?

— Я... сволочь, я застряла... Эта сволочная нога. ДА ПОМОГИТЕ ЖЕ!... Я не могу двинуться. Я не могу... я...

— Молчать! Как глубоко она застряла?

— Не могу вытащить, она застряла... моя нога... ПОМОГИТЕ!...

— Тогда помогай руками, черт побери, толкай руками! У тебя усилие по тонне на каждую руку! Остается три минуты.

Она перестала чертыхаться, и что-то забормотала низким монотоном. Она тяжело дышала.

— Я вытащила ее.

Две минуты.

— Двигайся, насколько можешь быстро.

Голос у Кортеса был совершенно лишен волнения.

За девяносто секунд до взрыва Бованович появилась над гребнем кратера. Она выползла на четвереньках, переваливаясь через гребень.

— Беги... беги, как можешь быстро...

Она пробежала пять или шесть шагов, упала, поднялась, бросилась бежать, опять упала, проехав несколько метров, опять вскочила на ноги...

Казалось, что она успеет, но едва покрыв тридцать метров, она израсходовала почти весь запас времени. Десять секунд...

— Хватит, Бованович,— сказал тогда Кортес,— падай на живот и не шевелись.— Но она не услышала или же хотела отбежать подальше, и продолжала мчаться отчаянными прыжками, и тут сверкнула вспышка, сквозь скалу донесся грохот, и в самой верхней точке прыжка что-то ударило ее сзади, пониже затылка. Обезглавленное тело завертелось в полете, за ним потянулась спираль мгновенно высохшей в пыль крови. Черно-красная лента легко оседала на грунт, и ни один человек не наступил на эту дорожку, пока мы собирали обломки камня, чтобы завалить ее обезжизненный труп.

В тот вечер Кортес вечерних занятий не проводил и вообще не показывался на нашей половине корпуса. Все мы были особенно вежливы друг с другом, и никто не боялся говорить о том, что случилось.

На ночь мы устроились с Роджерс. Каждый старался выбрать в соседи доброго товарища. Но Роджерс ничего не хотела, только плакала, и я тоже едва не разревелся.

7

— Огненная группа «А», вперед!

Двенадцать человек нашей группы продвигались вперед, растянувшись ломаной цепью, двигаясь к бункеру-стимулятору. До него было с километр, и все по тщательно подготовленной полосе препятствий. Мы могли двигаться довольно быстро, так как с нашего

пути убрали весь лед, но даже после десяти дней тренировки нас не хватало на большее, чем легкая трусца.

Я нес гранатомет с обоймой учебных тахионных гранат по десять микротонн каждая. Пальцевые лазеры у всех были установлены на 0,8 мощности, не опаснее, чем ручной фонарик. Это была учебная атака — бункер и защищающий его робот стоили слишком много, чтобы использовать их всего лишь один раз.

— Группа «Б», следуйте за нами. Командиры групп, принимайте командование.

Примерно на половине пути до бункера мы достигли скопления валунов, и Поттер, наш групповой командир, сказал:

— Залечь в укрытие!

Мы пристроились за валунами и поджидали группу «В».

Едва видимая в черном камуфляже боекостюмов, дюжина мужчин и женщин проскользнула мимо нас. Едва оказавшись на открытом пространстве, они сделали уход влево. Теперь мы их уже не могли видеть.

— Огонь!— Кружки красного света заплясали на дистанции в половину «щелчка» прямо перед нами, где едва можно было разглядеть темную массу бункера. Пятьсот метров — это предел для учебных гранат, но я решил попытать счастья. Я свел прицел с изображением бункера, придал гранатомету угол в сорок пять градусов и грянул залпом из трех гранат.

Бункер ответил огнем еще до того, как мои гранаты коснулись грунта. Его автоматические лазеры не превосходили по мощности наши, но при прямом попадании в человека его видеоконвертор выключался и человек считался условно мертвым до конца маневров. Автомат стрелял наугад. Нам в укрытии валунов ничего не угрожало.

Гранаты лопнули с фотографически-яркими вспышками метрах в тридцати от бункера.

— Манделла! Я думала, ты умеешь обращаться с этой штукой!

— Черт, Поттер, пятьсот метров — для нее предел. Как только подойдем поближе, я его накрою.

— Оттуда всякий накроет.

И ничего не ответил. Не всегда же она командир у нас. И к тому же, пока власть не стукнула ей в голову, она была совсем не плохой девчонкой.

Поскольку гранатометчик одновременно считался и помощником командира группы, я был «пристегнут» к поттеровскому радио и слышал ее переговоры с группой «В».

— Поттер, здесь Фримен. Есть потери?

— Здесь Поттер... нет, похоже, они концентрируют огонь на тебе.

— Ага, мы потеряли троих. Сейчас мы забрались в углубление, примерно в сотне метров прямо от вас. Можем прикрыть, как только будете готовы.

— О'кей, давай.— Тихий щелчок.— Группа «А», за мной.

Она выскочила из-за прикрытия камней и включила тусклый розовый маячок, встроенный под энергорезервуаром костюма. Я почти ничего не видел, поэтому «переступил» свой конвентор на усиление «два». Изображение стало несколько туманным, но достаточно ярким. Так, похоже, что бункер действительно окончательно пригвоздил группу «В» и задает им жару. Они отвечали только лазерным огнем, видимо, потеряли уже гранатометчика.

— Поттер, здесь Манделла. Может, мы возьмем огонь с группы «В» частично на себя?

— Сначала я найду достаточно надежное укрытие. Этот вариант вас устроит, рядовой?— на время маневров Поттер была временно произведена в капралы.

Мы взяли вправо и залегли за массивной скалой. Большинство наших укрылось тут же. Но некоторым пришлось просто шлепнуться на грунт.

— Фримен, здесь Поттер.

— Поттер, это Смити, Фримен «выключился». Семмельсон тоже «выключился». У нас осталось всего пятеро. Прикройте нас, чтобы мы...

— Ладно, Смита.— Щелк.— Группа «А», огонь. «В» попала в переделку.

Я осторожно оглянулся из-за скалы. По дальномеру до бункера было еще три с половиной сотни метров. Изрядно. Я специально взял повыше и выпустил три гранаты, потом опустил прицел гранатомета градуса на два и выпустил еще одну серию. Первые три гранаты дали перелет метров на двадцать, зато второй залп лег прямо перед бункером. Я, стараясь не менять угол прицела, выдал всю оставшуюся обойму, все пятнадцать гранат.

Мне надо укрепиться за скалой и перезарядить магазин, но я хотел увидеть, куда лягут эти пятнадцать, поэтому не отводил глаз от бункера, на ощупь открывая новый магазин...

Когда в меня ударил луч лазера, экран конвертора озарила ослепительная вспышка красного цвета. Свет, как мне показалось, насквозь пронзал мне череп, эхо отразилось от задней стенки. Всего несколько миллисекунд потребовалось конвертору, чтобы под воздействием перегрузки выключить изображение, но зеленый отсвет еще долго плясал у меня перед глазами.

Поскольку я теперь считался «убитым», мое радио автоматически выключилось. Я должен был оставаться на месте, пока учебный бой не закончится. Я был абсолютно отрезан от окружающего (если не считать, что болела кожа лица там, где его осветила вспышка на экране конвертора), и время тянулось бесконечно. Наконец, чей-то шлем щелкнул о мой.

— Манделла, ты как? — спросил голос Поттер.

— Извиняюсь, помер от скуки минут двадцать назад.

— Вставай и держись за мою руку.

Я так и сделал, и мы потопали обратно к жилому корпусу. Это

заняло около часа. Всю обратную дорогу она больше ничего мне не сказала, звуковые волны — самый неудобный способ коммуникации, если на тебе боекостюм; но когда мы прошли сквозь шлюз и прогрели костюмы, она помогла мне разоблачиться. Я уже приготовил себя к потоку язвительных вопросов, но, к моему изумлению, она обхватила меня за шею и запечатлела на моих губах влажный поцелуй.

— Отличный выстрел, Манделла.

— Ну?

— Как, ты не видел? Ну конечно же... Твой последний залп — четыре прямых попадания. Автомат в бункере поднял лапки, и нам оставалось не спеша пройти оставшиеся метры...

— Здоров.— Я почесал кожу на лице под глазами, начали отпадать чешуйки.

— Ой, ты бы посмотрел на себя! Ты похож...

— Весь боесостав, собраться в лекционном зале.— Это был голос капитана. Как всегда, какие-нибудь мрачные новости.

Поттер подала мне тунику и сандалии. Зал находился прямо в конце коридора. На двери имелся ряд кнопок от регистрационного устройства. Я нажал кнопку со своим именем. Четыре фамилии были уже заклеены черной лентой. Всего четыре, не так уж плохо. Значит, на сегодняшних маневрах обошлось без потерь.

Капитан сидел на лекционной платформе, и следовательно, отпадала ежедневная ерунда со «Становись!— Смирно!». Менее чем за минуту зал наполнился, мягкий звон регистратора засвидетельствовал присутствие полного состава.

Капитан Скотт не встал с платформы.

— Сегодня занятия прошли довольно хорошо. Никто не погиб, вопреки моим опасениям. В этом отношении мои опасения оказались ложными, но только в этом отношении. Все остальное никуда не годится.

— Я рад, что вы достаточно заботитесь о собственной безопасности, поскольку каждый из вас — это капиталовложение в миллион долларов плюс четверть человеческой жизни.

— Но в этом учебном бою с очень глупым роботом тридцать семь человек из вас ухитрились попасть под лазерный огонь и были убиты — условно. Так как мертвые солдаты не требуют пищевого довольствия, вы тоже обойдетесь без данного довольствия в течение трех дней. Каждый «убитый» в сегодняшнем бою будет получать только по два литра воды и витаминный рацион.

Как уже наученные опытом, мы не пытались протестовать, хотя на некоторых лицах появилось соответствующее выражение, особенно на тех, что выделялись розовым прямоугольником воспаленной кожи вокруг глаз и опаленными бровями.

— Манделла!

— Да, сэр?

— У вас самый сильный ожог на лице. Ваш конвертор был установлен на нейтральной позиции?

Проклятье!

— Нет, сэр. Усиление «два».

— Ясно. Кто был вашим групповым командиром сегодня?

— Временный капрал Поттер, сэр.

— Рядовой Поттер, вы приказывали ему включить усиление?

— Сэр, я... я не могу вспомнить.

— Не можете, значит. Что ж, для улучшения памяти, думаю, можете присоединиться к «убитым». Это вас устроит?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Все «убитые» получат сегодня ужин — и это их последняя еда на трое суток, начиная с завтрашнего дня. Какие будут вопросы?— Наверное, капитан решил пошутить.— Вопросов нет. Разойдись.

Я постарался выбрать на ужин самое калорийное на вид блюдо и поставил поднос рядом с Поттер.

— Спасибо тебе, хотя зря ты донкихотствуешь.

— Ничего. Я уже давно собиралась скинуть несколько лишних фунтов.

Что-то я не замечал у Поттер лишних фунтов.

— Я знаю одно неплохое упражнение,— сказал я. Она улыбнулась, не поднимая глаз.— Уже выбрала себе соседа?

— Ну, я собиралась, правда, договориться с Джеффом...

— Тогда поторопись. Он, по-моему, вожделеет к Маеджимме. Почему бы и нет? Ее все обожают.

— Не знаю. Наверное, нам следовало бы поберечь силы. Еще три дня...

— Ну же, перестань.— Я легонько коснулся ее руки.— Мы ведь от самой Миссури не соседствовали. А вдруг я успел научиться чему-нибудь новому?

— Возможно.— Она лукаво склонила голову.— Согласна.

В действительности кое-что новое узнала как раз она. Новый фокус назывался «французский штопор». Она так и не сказала, кто ее научил. Я был бы рад пожать ему руку. Потом, когда ко мне вернулись бы силы.

8

Две недели тренировок на базе «Майами» стоили нам, в конечном итоге, одиннадцать жизней. Двенадцать, если считать Долквиста. Провести остаток жизни на Хароне без руки и обеих ног не намного лучше смерти.

Фостер погиб под обвалом, у Фриленда что-то отказало в боекостюме, и он замерз прежде, чем мы успели вытащить его в помещение. Почти всех остальных из погибших я знал не очень хорошо. Но легче от этого не становилось. Смерть товарищей, похоже, больше пугала нас, чем заставляла быть более осторожными.

И вот мы на теневой стороне. Флаер перевез нас группами по двадцать человек и высадил у сваленного в кучу оборудования и

стройматериалов. Кто-то благоразумно расположил их в самой середине лужи из гелия П.

Чтобы вытащить материалы, нам пришлось использовать захваты-кошки. В брод пускаться было неблагоразумно, гелий П растекался по поверхности костюма, полз вверх, и к тому же, нельзя было узнать, что на дне: стоило ступить на водородный лед, и вашему счастью приходил конец.

Я предложил испарить лужу совместными усилиями лазеров, но десять минут концентрированного огня не понизили уровень гелия в значительной степени. Он не хотел кипеть. Гелий П — это «сверхжидкость», поэтому испарение могло иметь место только равномерно по всей поверхности. Никаких горячих точек, никаких пузырей.

Фонарями нам пользоваться запретили в целях «избежания обнаружения». Света звезд вполне хватало, если поставить видеоконвертор на третью или четвертую ступень усиления, но каждая ступень означала потерю четкости. При четвертой пейзаж казался неважной одноцветной гравюрой, и невозможно было прочесть имя на шлемах людей, только если стоять вплотную.

Впрочем, ничего особенного вокруг не наблюдалось. Имелось с полдюжины среднего размера метеоритных кратеров (почти вровень с краем заполненных гелием П), а на горизонте проглядывали какие-то карликовые горы. По консистенции перемороженный грунт напоминал заледенелую паутину — при каждом шаге нога уходила в грунт на полдюйма, вызывая хруст. Жутко надоедало.

Почти весь день мы потратили на вызволение наших материалов из лужи гелия. Спали по очереди — стоя, сидя или лежа на животе. Ни одна из этих позиций не пришлась мне по вкусу, поэтому я не мог дождаться окончания сборки бункера.

Мы не могли строить бункер в яме — он наполнился бы гелием П. Следовательно, сначала нужно было устроить специальную изолированную платформу, такой трехслойный бутерброд пермопласта.

Я был произведен временно в капралы и командовал группой из десяти человек. Мы переносили пермопластовые листы — два человека легко справлялись с таким листом — когда один из моих людей поскользнулся и упал на спину.

— Проклятье, Сингер, смотри под ноги.— Именно таким вот способом уже отправились на тот свет пара человек.

— Простите, капрал. Я споткнулся. Зацепился за что-то.

— Смотрите, все же.— Он благополучно поднялся на ноги и вместе с напарником потащил лист далее, потом вернулся за новым.

Я не забывал посматривать за Сингером. Через несколько минут он явно начал шататься, что не так-то легко в наших кибернетизированных доспехах.

— Сингер! Когда отнесете плиту, подойдите ко мне.

— О'кей.— Покончив с заданием, он подошел.

— Дай-ка я взгляну на твои индикаторы.

Я открыл крышку на груди его костюма, где находился медицин-

ский монитор. Температура тела была на два градуса выше нормальной, частота пульса и кровяное давление тоже показывали повышенные цифры. Но не до красных секторов, впрочем.

— Плохо себя чувствуешь?

— Черт, Манделла, я в норме, просто упал. Поэтому мне слегка не по себе.

Я вызвал нашего доктора.

— Док, здесь Манделла. Подскочите к нам на минуту.

— А где вы?— я помахал ему, и он направился к нам в обход лужи.

— Что случилось?— я показал ему показатели Сингера.

Док умел читать все другие индикаторы, не только термометр и давление, поэтому некоторое время обдумывал данные.

— Могу сказать только... что ему жарко.

— Черт, я сам мог сказать вам это,— проворчал Сингер.

— Наверное, пусть оружейник посмотрит его костюм.— У нас было два «оружейника»— они прошли сверхкраткий курс по устройству боекостюмов.

Я вызвал Санчеса и приказал ему подойти к нам вместе с инструментным ящиком.

— Через пару минут, капрал. Мы тут тащим лист.

— Бросай и давай сюда быстро.

У меня появилось тревожное предчувствие. Дожидаясь оружейника, мы с Доком осмотрели костюм Сингера.

— Ого-го,— сказал Док Джоунс,— погляди-ка сюда.— Я зашел с другой стороны и посмотрел. Две пластины радиатора были вогнуты.

— Что там?— спросил Сингер.

— Ты упал ведь прямо на радиатор?

— Точно, капрал, это он. Что-то плохо работает.

— Думаю, он вообще не работает,— сказал Док.

Подошел со своим чемоданом Санчес, и мы объяснили ему, что случилось. Он взглянул на радиатор, вставил в гнезда пару контактных зажимов, и на индикаторе в чемодане высветился ряд цифр. Не знаю, что они означали, только там было восемь знаков после нуля.

Послышался легкий щелчок. Это Санчес включился в мою личную частоту.

— Капрал, этому парню конец.

— Что? Ты не можешь починить эту штуку?

— Возможно... возможно, я и смог бы. Но только, если бы разобрал его. Но разобрать...

— Ой! Санчес?— это Сингер говорил на общей частоте.— Ты понял, что с ним?— Он тяжело дышал.

Щелк.— Спокойно, парень, мы разберемся.— Щелк.— Он не выдержит до сборки и герметизации купола. А я с радиатором так не справлюсь, нужно его разобрать.

— У тебя ведь есть запасной костюм?

— Даже два, «безразмерного» типа. Но где же мы... как...

— Так. Подогрей один костюм.— Я включил частоту.— Сингер, тебе придется поменять костюм. У Санчеса есть запасной, но чтобы ты мог переодеться, мы вокруг тебя построим домик. Понял?

— Мгм.

— Смотри, мы сделаем коробку, а ты будешь внутри и подключишь ее к установке жизнеобеспечения. И ты сможешь дышать, пока будешь переодеваться.

— Вроде как... немного сложновато... для меня.

— Да нет, смотри, тебе нужно только...

— Я в порядке, только дай мне отдохнуть...

Я подхватил его под руку и потащил к строящемуся бункеру. Его здорово качало. Док взял его под вторую руку, и мы вдвоем удерживали его от падения.

— Капрал Хоу, здесь капрал Манделла.— Хоу отвечала за жизнеобеспечение.

— Проваливай, я занята.

— Сейчас, мы добавим тебе работы.— Я обрисовал ей проблему. Пока ее группа поспешила перенастроить СЖБ — нам требовался только воздухопровод и нагреватель — я приказал своим людям притащить куски пермопласта, из которого должен был быть построен ящик для Сингера, и запасной костюм. Ящик должен был выглядеть вроде громадного гроба, метр высотой и шесть метров длиной.

Мы опустили запасной костюм на плиту, которой надлежало стать полом «гроба».

— Ну, давай, Сингер, укладывайся.

Нет ответа.

— Сингер, двигай.

Молчание.

Сингер!— Сингер не двигался с места. Док Джоунс проверил его индикатор.

— Он в обмороке.

Бешено заметались мысли. В ящике мог бы поместиться еще один человек.

— Помоги-ка мне.— Я взял Сингера под руки, а Док взял его за ноги, и мы осторожно уложили его в ногах у запасного костюма.

Потом я улегся сам, уже на костюм.

— Так, закрывайте.

— Послушайте, Манделла, этим должен заняться я.

— Идите вы, Док. Мой человек, моя работа.— Ну и выдал же я: Уильям Манделла — герой космоса!

Пермопластовую плиту поставили на ребро — в ней уже проделали два отверстия для ввода и вывода трубопроводов СЖБ, и начали приваривать ее к днищу ящика. На Земле вместо узконаправленного лазерного луча используется клей, но здесь из жидкостей в наличии имелся только гелий, а он имеет множество интересных свойств, за исключением клейкости.

Примерно минут через десять нас уже «замуровали». Я почувствовал, как завибрировала включенная СЖБ, и зажег нашлемный фонарь — первый раз за все время с самого начала высадки на теневой стороне. От света перед глазами заплясали пурпурные пятна.

— Манделла, это Хоу. Оставайся внутри костюма еще две-три минуты. Мы нагнетаем горячий воздух, но обратно он почти что течет.— Пурпурные пятнышки постепенно проходили.

— Порядок, можешь вылезать, хотя там еще холодновато.

Я раскрыл костюм. До конца он не распахнулся, но я без особого труда выбрался наружу. Поверхность костюма была еще довольно холодной, и в достаточной степени, чтобы оставить на ней по кусочку кожи с ладоней и ягодиц, пока я ужом выкручивался из него.

Чтобы добраться до Сингера, пришлось ползти, но ногами вперед. Фонарик на шлеме давал совсем мало света. Когда я раздвинул костюм Сингера, в лицо мне ударил поток горячего воздуха. В тусклом свете кожа его казалось темно-красной и усеянной пятнами. Дышал он неглубоко, и сердце ощутимо участило ритм.

Сперва я отсоединил отводные трубки — занятие не из приятных,— потом биосенсоры, а потом пришлось повозиться, пока не высвободил его руки из рукавов.

Куда как просто, если можешь вытащить руку самостоятельно. Поворот туда, поворот сюда — и вот уже рука свободна. Совсем другое дело, если вытаскиваешь чужую руку. Приходилось сгибать руку Сингеру. Потом исподнизу дотягиваться до рукава и тащить за рукав, а попробуйте-ка поворочать боекостюм — силенка требуется.

Когда я освободил ему одну руку, все пошло уже легче. Я просто пополз вперед и потянул его за свободную руку. Сингер вылез из боекостюма, словно устрица из раковины.

Я расстегнул запасной костюм и, помучившись изрядно, умудрился всунуть ноги Сингера в «штанины». Нацепил биосенсоры и присоединил переднюю отводную трубку. Второй трубкой пусть сам занимается, это дело сложное. В энный раз я порадовался, что родился мужчиной, женщинам приходилось иметь дело с двумя этими проклятыми «друзьями водопроводчика» вместо всего лишь одного, плюс обыкновенный шланг.

Руки в «рукава» я вставлять не стал — костюм не пригоден для какой-либо работы, усилители нужно настраивать индивидуально для каждого хозяина.

Веки у него вздрогнули.

— Ман... делла. Где... черт...

Я объяснил ему, не спеша, и он, похоже, все в основном понял.

— Теперь я закрою твой костюм и залезу обратно в свой. Люди снаружи вскроют торец этой штуки и вытащат тебя. Понял?

Он кивнул. Странно это выглядело даже: ведь когда киваешь или пожимаешь плечами внутри костюма, это никому ничего не

говорит. Я вполз обратно в свой костюм, прицепил все аксессуары и включился на общую чистоту.

— Док, думаю, он в порядке. Теперь вынимайте нас.

— Сейчас начнем.— Это голос Хоу. СЖБ сменила гудение на кудахтанье, потом заухала. Выкачивали воздух на «саркофага», чтобы избежать взрыва.

Один из углов торцевой плиты засветился красным, потом белым, и наконец, яркий малиновый луч пронизал стенку, пройдя всего в футе от моей головы. Я отодвинулся, насколько мог. Луч обошел углы плиты, и конец короба медленно отвалился, потащив за собой нити расплавленного пермопласта.

— Манделла, погоди, пока пласт затвердеет.

— Сейчас, я еще не такой глупый.

— А ну, держи.— Кто-то бросил мне веревку. Правильно это будет поразумнее, чем тащить его самостоятельно. Я сделал петлю и продел ее под руками Сингера, завязав концы у него на затылке. Потом я вылез наружу, чтобы помогать им тащить — уже с дюжину ребят выстроились в линию, готовые взяться за веревку.

Сингер был благополучно извлечен, и пока Док Джоунс проверял его показания, уже смог сесть. Все меня поздравляли и задавали вопросы, как вдруг Хоу крикнула: «Смотрите!» и показала в сторону горизонта.

Корабль, совершенно черный, быстро приближался. Я едва успел подумать, что это нечестно, они не должны были атаковать до нескольких последних дней, а корабль был уже прямо над нами.

9

Мы все инстинктивно попадали на грунт, но корабль не стал атаковать. Он в последний раз выстрелил тормозными двигателями и опустился на лыжи-шасси. На них он и покатился, пока не замер у самой строительной площадки.

Все уже поняли, в чем дело, и с поникшими головами обступили корабль, когда из него вышли двое.

Знакомый голос затрещал на общей частоте:

— Вы все видели, как мы приближались, и ни один из вас не попытался ответить огнем. Это ничего не дало бы, но уже знаменовало бы присутствие определенной степени боевого духа. Вы здесь пробудете еще неделю, пока произойдет настоящая атака, и мы — сержант и я — позаботимся, чтобы вы проявили несколько большее желание выжить. Исполняющий обязанности сержанта Поттер!

— Здесь, сэр.

— Дайте мне группу в двенадцать человек разгрузить машину. Мы привезли с собой роботоснаряды для упражнения в стрельбе, так что у вас, возможно, будет шанс, когда появится настоящая цель.

— Приступайте немедленно. Через полчаса корабль возвращается на «Майами».

Я специально засек время — на самом деле корабль улетел через сорок минут.

Присутствие сержанта и капитана ничего в принципе не меняло, мы по-прежнему могли полагаться только на себя, офицеры только наблюдали.

После того, как была сооружена изолированная платформа, потребовалось всего двадцать четыре часа, чтобы построить бункер. Это было серое, продолговатое строение, некоторое разнообразие в очертание вносили четыре окна и пузырь входного шлюза. На крыше был установлен в шарнирном подвесе гигаваттный лазер. Оператор — если хотите, то «пушкарь» — должен был сидеть в своем кресле и держать спуски в каждой руке. Пока он будет держать спуски, лазер не будет стрелять. Если он выпустит спуск, лазер автоматически нацелится на любой летящий объект в поле видимости и откроет огонь. Предварительное обнаружение и прицеливание производилось с помощью километровой высоты антенны, поднимавшейся за бункером.

Только такая система могла оказаться эффективной и действенной, учитывая близкий горизонт и медленные человеческие рефлексы. Полностью положиться на автоматику было нельзя, потому что теоретически могли приближаться и не вражеские корабли.

Управляющий прицеливанием и огнем компьютер мог справиться с двенадцатью целями, появившимися одновременно, и поразить все всего за полсекунды (первый выстрел — по самой крупной цели).

Установку частично прикрывал от вражеского огня эффективный теплоотражающий экран. Незащищенным оставался только оператор. На то и были сконструированы особые спуски. Восемьдесят человек в бункере, один — на крыше, прикрывает остальных. Любимая арифметика армии.

По завершении строительства бункера половина нашего состава постоянно находится внутри, по очереди дежуря у лазера, в то время как остальные уходили на полевые занятия.

Примерно в четырех «щелках» от бункера имелось большое «озеро» замерзшего водорода. Одно из наших занятий — из наиболее важных — было отдано тренировкам умения передвигаться по этому опасному веществу.

Все оказалось довольно просто. Если стоять на водородном льду невозможно, то опускайтесь на живот и скользите.

Если кто-нибудь может дать вам первичный толчок, то со стартом нет проблем. В противном случае, вам приходилось сучить ногами и руками, медленно продвигаясь вперед серией небольших подскоков. Набрав скорость, вы продолжали двигаться, пока не выезжали за пределы «льда». Направление скольжения можно было изменить в некоторой степени, тормозя ногами или рукой с соответствующей стороны. Но полностью остановиться таким образом было

невозможно. Поэтому благоразумно было слишком не разгоняться и, прибывая на конечный пункт, не давать своему шлему поглотить всю энергию торможения.

Мы повторили уже знакомую по солнечной стороне программу обучения: стрельба, работа со взрывчаткой, учебные атаки. Мы также через регулярные промежутки времени запускали роботоснаряды в сторону бункера. Таким образом, десять или пятнадцать раз в день оператор-пушкарь демонстрировал свое искусство бросать спуски лазера, едва загорался предупредительный индикатор.

Я тоже отдежурил свои четыре часа, как и все остальные, и сперва волновался, но только до первой атаки, когда я понял, что ничего особенного тут нет. Вспыхнул индикатор, я отпустил рукоятки, компьютер нацелил пушку, и едва снаряд показался над горизонтом... «эээт!» Радужная вспышка, брызги расплавленного металла. В общем, ничего особенного.

Таким образом, никто из нас не беспокоился относительно предстоящего «выпускного экзамена», рассудив, что ничего нового нам не предстоит.

База «Майами» атаковала на тринадцатый день, выстрелив с противоположных точек горизонта одновременно два снаряда приблизительно на сорока километрах в секунду. Лазер испарил первую цель без труда, но второй снаряд находился в восьми километрах от бункера, когда его достал луч. Я по чистой случайности смотрел в сторону бункера, когда это началось, а иначе ничего бы и не заметил.

Взрыв второго снаряда послал поток раскаленных осколков прямо в сторону бункера. В здание попало одиннадцать из них, и вот, как потом удалось установить, что случилось:

Первой жертвой стала Маеджимма, всеобщая любимица Маеджимма. Ее ударило в спину и в голову, она умерла мгновенно. Воздух хлынул наружу сквозь пробоины, начало падать давление, установка жизнеобеспечения пошла вразнос. Фридмен стоял как раз перед основным раструбом кондиционера, и поток воздуха бросил его на противоположную сторону с такой силой, что тот потерял сознание. Он умер от удушья прежде, чем остальные успели вложить его в костюм.

Все остальные смогли, преодолевая воздушный вихрь, добраться до своих боекостюмов, но костюм у Гарсии оказался пробитым и ничем ему не помог.

К тому времени, когда мы добрались до бункера, они уже выключили СЖБ и заваривали пробоины в стенах. Какой-то парень пытался прибрать с пола неузнаваемую массу, которая когда-то была Маеджиммой. Его душили приступы тошноты и слезы. Гарсию и Фридмена уже вынесли наружу, чтобы похоронить. Капитан возглавил группу ремонтников. Сержант Кортес отвел всхлипывающего парня в угол и сам занялся приборкой останков Маеджиммы. Он никому не приказал помочь, и никто не вызвался добровольно.

10

В качестве «выпускного экзамена» нас, довольно бесцеремонно, затолкали в корабль — «Надежду Земли», тот самый, на котором мы прибыли на Харон — и отправили на Старгейт с ускорением чуть больше одного «ж».

Перелет казался бесконечным, почти шесть месяцев субъективного времени, и ужасно скучным, хотя и не таким костоломным, как в первый раз. Капитан Скотт заставлял нас повторять весь курс обучения — устно, день за днем, и еще мы выполняли упражнения до полного коллективного изнеможения.

Старгейт Один очень походил на теневую сторону Харона, только там было еще хуже. База на Старгейте была размером меньше, чем «Майами», едва лишь превосходила наш бункер на теневой стороне, и мы должны были провести там неделю, помогая гарнизону расширить жилые помещения. Все они нам очень обрадовались, особенно две представительницы слабого пола, выглядевшие несколько усталыми.

Мы столпились в небольшом зале столовой, где субмайор Уильямсон, командующий базой на Старгейте Один, сообщил нам неожиданные новости.

— Устраивайтесь поудобнее. Эй, слезай со стола, места и на полу хватит.

— У меня уже есть некоторое представление о том, чем вы занимались на Хароне. Не скажу, что время было потрачено зря, но там, куда вас направят, там все будет не так. Там будет потеплее.

Он сделал паузу, чтобы все прожевали то, что услышали.

— Альфа Возничего, первый из когда-либо обнаруженных коллапсаров, вращается вокруг обыкновенной звезды, Эпсилон Возничего. Период обращения — двадцать семь лет. Вражеская база находится не на входной планете коллапсара, а на одной из планет Эпсилона. О ней известно не так уж много. Мы знаем только, что она обращается вокруг Эпсилона за 745 дней, размеры ее составляют примерно три четверти земных, ее альбедо — 0,8; судя по всему, она закрыта облаками. Какова температура на поверхности, точно сказать нельзя, но судя по расстоянию до Эпсилона, там жарче, чем на Земле. Конечно, нельзя сказать заранее, где вам придется работать... вести боевые действия — на солнечной или теневой стороне, на экваторе или на полюсе. Вряд ли атмосфера окажется пригодной для дыхания, так что вы будете оставаться внутри костюмов.

— Ну, вот. Теперь вы знаете об этом месте ровно столько, сколько знаю я. Есть вопросы?

— Сэр,— протянул Стейн,— мы уже знаем, куда нас направляют. А что мы там должны будем делать — кто-нибудь знает?

Уильямсон пожал плечами.

— Это зависит от вашего капитана... и сержанта, и капитана

«Надежды Земли», а также логического компьютера «Надежды». Сейчас у нас просто не хватает данных, чтобы даже вчерне набросать программу действий. Возможно, предстоит тяжелый бой, а возможно, только приятная прогулка. Возможно, что тельцианне предложат перемирие...— сержант Кортес фыркнул.— ... в таком случае вы будете нашим «мускулом» — представителем нашей силы на переговорах.— Майор укоризненно посмотрел на сержанта.— Никто не может сказать заранее.

Вечером разразилась целая оргия. Со стороны, может, это и выглядело забавно, но попробуйте заснуть посреди буйновеселого пикника. Единственно достаточно большое помещение, способное вместить всех на ночь — столовую — разгородили несколькими простынями, создав так иллюзию интимной обстановки, после чего восемнадцать помиравших без женской ласки мужчин гарнизона Старгейт были спущены с поводка. Естественно, наши женщины в соответствии с армейским обычаем (и законом) проявили достаточно благожелательности и уступчивости, хотя единственно чего они действительно желали, так это спокойно уснуть на надежном покрытии пола базы.

Восемнадцать старгейтцев, очевидно, старались извлечь из обстоятельств максимум для себя, и устроили впечатляющий спектакль (по крайней мере, в чисто количественном отношении). Некоторые из наших даже вели счет и подбадривали наиболее даровитых представителей. Думаю, это самое подходящее слово.

На следующее утро — как и во все остальные нашего пребывания на Старгейте Один — мы выбрались из мешков, и замкнув костюмы, отправились наружу пристраивать «новое крыло» к зданию базы. В свое время Старгейт Один станет штаб-квартирой командования с персоналом в несколько тысяч человек, охраняемой дюжиной кораблей, тяжелых крейсеров класса «Надежда». Но в то время, когда мы туда прибыли, это была всего лишь горстка людей (двадцать человек) и четыре барака. Постройку новых бункеров едва ли можно было назвать работой, по сравнению с условиями на теневой стороне Харона. У нас было достаточно света, и работали мы только по восемь часов. И никаких роботоснарядов в качестве финальной проверки наших навыков.

Поэтому мы не очень радовались, возвращаясь на борт «Надежды», хотя некоторые из наиболее популярных представительниц прекрасного пола заявили, что неплохо и вправду немного передохнуть. Позади оставался последний безопасный бункер нашего маршрута, впереди ждала встреча с тельцианами. И, как заметил майор Уильям еще в первый день, «никто не может сказать заранее, чем это кончится».

Большинство наших без особого восторга взирали на перспективу коллапсарного прыжка. Нас заверили, что мы вообще ничего не почувствуем, свободное падение — вот и все.

Меня это объяснение не удовлетворило. Как студент физического факультета, я прослушал обычный курс по теории относительности

и теории гравитации. Правда, тогда у нас было очень мало действительных данных. Старгейт была открыта, когда я уже заканчивал учебу. Но математическая модель представлялась вполне ясной.

Коллапсар Старгейт являл собой идеальную сферу трех километров коллапса, что означало — его поверхность падает к центру коллапсара почти со световой скоростью. Но падает она вечно, теория относительности, по крайней мере, придает коллапсару иллюзию действительного существования в данном месте. Вообще, вся реальность становится не такой уж реальной, когда вы изучаете общую теорию относительности. Или буддизм. Или вас набирают в армию.

Как бы там ни было, а по теории выходило, что в определенной точке пространства могло получиться так, что нос нашего корабля находился в километре позади. С нашей точки зрения. В любой нормальной вселенной это вызовет такие перепады напряжений, что корабль мгновенно развалится на куски и мы все станем еще одним миллионом килограммов дегенерировавшей материи на теоретически существующей поверхности коллапсара и понесемся в никуда на весь оставшийся промежуток вечности, а может, будем падать к центру коллапсара всю следующую триллионную долю секунды. Словом, каждый выбирает точку отсчета по вкусу.

Но все вышло, как нам и говорили. Мы стартовали с входной планеты — это и была, собственно, Старгейт Один — сделали несколько курсовых коррекций, а потом *перешли в свободное падение* в течение нескольких следующих часов.

Потом зазвонил сигнал, двойная перегрузка вжала нас в подушки наших коек. Мы находились уже на вражеской территории.

11

Мы тормозили на двойном ускорении уже девять дней, когда битва началась. Распластанные на койках, мы только и почувствовали, что два слабых толчка: это наш крейсер выстрелил ракеты. Примерно через восемь часов закаркал интерком.

— Внимание, экипаж. Говорит капитан. Квисана, наш пилот, был всего только лейтенантом, но ему разрешалось называть себя капитаном — на борту корабля, где он по значению превосходил всех нас, даже капитана Скотта.— И вы, из трюма, тоже слушайте.

— Только что с помощью двух ракет, по пятьдесят мегатонн каждая, мы уничтожили вражеский корабль и другой объект, запущенный этим кораблем в нашу сторону, примерно за три микросекунды до этого.

— Вражеский корабль пытался перехватить нас на протяжении последних ста семидесяти девяти часов, время бортовое. В момент поражения он двигался с почти половинной скоростью света, относительно Альфы, и находился всего в трех астрономических единицах от «Надежды». Он двигался 0,47 С относительно нас, следо-

вательно, мы столкнулись бы — врезались — примерно через девять часов. Ракеты были выпущены в 07.19 по бортовому времени и уничтожили вражеский корабль в 15.40, обе тахионные бомбы детонировали на дистанции в тысячу «щелчков» от цели.

Сами эти ракеты представляли собой — их двигательная система представляла — едва контролируемые тахионные бомбы. Будучи запущенными, они ускорялись до постоянных 100 «ж» и двигались на околосветовой скорости, пока масса вражеского корабля не детонировала их.

— Новой встречи с вражескими кораблями мы не ожидаем. Наша скорость относительно Альфы уменьшилась до нуля через пятнадцать часов. Потом мы начнем обратный путь. Это займет двадцать семь дней.

Всеобщие вздохи и унылые проклятия. Все это нам уже было известно, так какого дьявола еще раз повторять?

Таким образом, через еще один месяц логических упражнений при постоянных двух «ж», мы получим возможность впервые взглянуть на планету, которую нам предстояло атаковать, пришельцы из космоса, так точно, сэр.

Она выглядела, как ослепительно белый полумесяц, поджидающий нас в двух астрономических единицах от Эпсилона. Еще за пятьдесят а. е., капитан определил местоположение гельцианской базы, и теперь мы приближались по широкой дуге, выходя им в тыл, масса планеты предохраняла нас от обнаружения. Но они все равно нас обнаружили и нанесли упреждающий удар ракетами. Но это только прибавило нам бдительности. Мы были в относительной безопасности, но только до той поры, когда высадимся на поверхность. Тогда это можно будет сказать только о корабле и его экипаже.

Поскольку планета вращалась довольно медленно — один оборот за десять с половиной земных суток — орбита для корабля должна была находиться на высоте 150 000 километров. Оставшихся на корабле защищали 6 000 километров камня и 90 000 миль пустоты, отделяющие их от врага. Но это означало секундное запаздывание в обмене сигналами между десантной командой и боевым компьютером на корабле. Пока нейтринный импульс проползет туда и обратно, от человека останется мокрое место.

Нам был дан не слишком детальный приказ атаковать базу тельциан и захватить ее, нанести при этом как можно меньше разрушений, взяв одного «языка». По крайней мере одного... Ни в коем случае мы не могли допустить захвата в плен наших людей. И в конечном итоге мы и не могли бы сдаться — всего один импульс с корабельного боевого компьютера, и частица плутония в батарее нашего костюма отдаст энергию деления своих ядер со всей 0,01% эффективностью, а вы превратитесь в не что иное, как сгусток очень горячей плазмы.

Мы заняли места в шести посадочных катерах — по двенадцать человек в каждом — и на восьми «ж» покинули борт «Надеж-

ды». Каждый катер должен был спускаться своим, совершенно нормальным маршрутом, пока все вместе мы не соберемся в месте встречи, за 108 «щелчков» от базы тельциан. Одновременно с «Надежды» выпустили еще четырнадцать роботоснарядов, чтобы привести в замешательство вражескую систему противоракетной обороны.

Посадка получилась почти идеальная. Один катер незначительно пострадал, вражеский снаряд испортил часть защитного экрана на одной стороне корпуса, но катер по-прежнему мог выполнять задачу, пришлось только снизить скорость, войдя в атмосферу.

Мы тщательно прошли по всем зигзагам положенного нам маршрута и первыми оказались в точке встречи. Только эта точка, как оказывается, находилась на глубине четырех километров.

Я почти собственными ушами слышал, как стратегическая машина в 90 000 милях от нас скрежещет умственными шестеренками, внося дополнения в свои блоки памяти. Мы же продолжали действовать, как будто шли на обычную посадку на твердом грунте: тормозные двигатели взревели, выдвинулись полозья шасси, удар о волну, еще удар, отскок, удар, погружение.

Возможно, было бы разумно продолжать погружение и опуститься на дно, но корпус не выдержал бы давления воды. Вместе с нами в катере находился и сержант Кортес.

— Сержант, скажите, пусть компьютер что-то сделает.

— Заткнись, Манделла. Молчи и надейся на бога.— Он сказал на «бога» совершенно так же, как говорил слово «рядовой» или «заткнись».

Что-то громко забулькало: потом бульканье повторилось еще раз, и я почувствовал, как спинка кресла слегка надавливает мне на спину — корабль поднимался.— Надувные поплавки?— Кортес не соизволил ответить. Или сам не знал.

Но это и в самом деле были надувные поплавки. Мы поднялись почти к самой поверхности, до нее оставалось десять-пятнадцать метров, и там зависли. Сквозь иллюминатор было видно, как ртутным блеском мерцает над нами водная поверхность. Интересно, подумал я, каково быть рыбой и иметь ясно видимую границу над своим миром?

Я видел, как в воду плюхнулся еще один катер, в облаке воздушных пузырьков он начал медленно погружаться хвостом вперед, пока под каждым дельтавидным крылом не вздулись мешки поплавков. После этого он воспарил до нашего уровня и замер.

— Говорит капитан Скотт. Слушайте внимательно. Берег находится в двадцати восьми километрах от нашего настоящего положения, в направлении базы противника. На берег вас доставит катер. Дальше вы будете продвигаться самостоятельно.

Не так уж плохо, разве что придется топать восемьдесят «щелчков» до тельцианской базы, которую нам предстоит осадить и взять.

Из поплавков был выкачан воздух, мы взлетели на поверхность и без особой спешки, развернувшись цепью, полетели к берегу.

Это заняло несколько минут. Когда катер, проскрежетав по каменистому берегу, наконец, замер, я услышал гудение насосов, выравнивающих разницу давления в кабине и снаружи. На миг выходной лаз с моим креслом открылся. Я выкатился на крыло нашей машины и спрыгнул на землю. Десять секунд на поиск укрытия — я помчался по рыхлому галечному пляжу к линии «деревьев» — каким-то голубовато-зеленым, кривоватым и утыканным иглами кустам, разбросанным довольно редко. Нырнув в шипастую массу, я обернулся и увидел, как взлетают катера. Взлетели на самом деле роботоснаряды — поднявшись на сотню метров, они с оглушительным грохотом устремились прочь в разных направлениях. Настоящие катера тихонько уползли обратно под воду. Что ж, возможно, это неплохая идея.

Нельзя сказать, что планета была слишком уж привлекательной, но одно несомненно — здесь было куда лучше, чем в том криогенном аду, для которого нас подготавливали. Небо было серебристо-серым, тусклым и монотонным, над морем оно сливалось с туманом и невозможно было сказать, где кончается небо и начинается вода. Небольшие волны лизали черную гальку берега, при местной гравитации, составляющей три четверти земной, они наплывали и откатывались медленно и грациозно. Даже с расстояния в пятьдесят метров шорох миллионов перекатывающихся камешков громко отдавался в ушах.

Температура воздуха была 79 градусов Цельсия — даже при местном, пониженном по сравнению с Землей давлении, море еще не кипело. Струйки пара поднимались к небу в том месте, где волны встречались с берегом. Как долго выживет здесь человек, не защищенный боекостюмом? От чего он погибнет скорее — от жары или от недостатка кислорода (одна восьмая земного)? Или его скорее убьют неизвестные микроорганизмы?

— Говорит Кортес. Всем собраться вокруг меня.— Он стоял несколько левее меня и описывал рукой круги над головой. Я пошагал к нему сквозь кусты. Они оказались неожиданно ломкими, непрочными и неожиданно высохшими для такой влажной атмосферы. Хорошего укрытия из них не получится.

— Наше направление — 0,05 градуса восточнее северного, впереди пойдет первый взвод. Второй и третий последуют с интервалом в двадцать метров слева и справа. Седьмой, командный взвод, пойдет в центре. Пятый и шестой образуют пугообразный арьергардный фланг. Все ясно?— Еще бы, маневр «наконечник», мы могли совершить его даже с закрытыми глазами.— Хорошо. Пошли.

Я был в седьмом, командном взводе. Капитан Скотт определил меня туда не потому, что я должен был отдавать какие-то команды, а из-за моего образования — я ведь изучал физику.

Командный взвод был, предположительно, самым безопасным местом, прикрываемый шестью остальными взводами. Все, кто был в него назначен, имели, следовательно, тактическую ценность и должны были оставаться в живых дольше, чем остальные. Кортес дол-

жен был отдавать приказы. Чавес должен был устранять неполадки в боекостюмах. Наш старший врач Док Джоунс (единственный среди нас, кто имел степень доктора медицины) тоже был здесь, а также и Теопополис, радиоинженер, наше связующее звено с капитаном, который предпочел остаться на орбите.

Все остальные из нас были приписаны к командной группе благодаря своим специальным знаниям или особым талантам. Перед лицом неизвестного противника нельзя было сказать заранее, что может пригодиться. Я, например, имел некоторые познания в физике. Роджерс — в биологии. Тейт изучал химию. Хоу давала сто процентов правильных ответов на любом тесте по телепатическим способностям. Бор был полиглотом, бегло говорил на двадцати восьми языках, используя идиомы. Талант Петрова заключался в том, что в его психике не было обнаружено и одного грамма ксенофобии. Китинг был искусным акробатом. Дебби Холлистер — «счастливчик Холлистер»— отличался необыкновенными способностями делать деньги и кроме того проявлял телепатическую чувствительность.

12

Сначала мы использовали «джунглевую» комбинацию наших камуфляжных систем. Но местные джунгли были слишком уж анемичны, и мы смахивали на подозрительную толпу арлекинов, пробирающуюся через лес. Кортес приказал переключаться на черный цвет, но стало еще хуже, потому что свет Эпсилона исходил равномерно со всего неба и теней здесь не было. В конце концов, мы остановились на охряной «пустынной» комбинации.

Чем дальше мы удалялись на север от морского побережья, тем заметнее изменялся характер местности. Шипастые стебли — думаю, можно назвать их деревьями — стали малочисленнее, но увеличились в размерах и были уже не такими хрупкими, основание у каждого такого дерева было опутано чем-то вроде виноградных лоз того же зелено-голубого цвета, которые расползались во все стороны, образуя сплющенный конус метров до десяти в диаметре. На вершине каждого дерева имелся довольно нежный на вид цветок зеленого цвета величиной примерно с человеческую голову.

Трава появилась примерно в пяти «щелчках» от моря. Трава, похоже, с полным уважением относилась к «праву собственности» деревьев на землю и оставляла вокруг каждого стебля и его конуса перепутанных лоз полоску голой земли. На границе этой полоски трава росла невысокой и нежной. Чем дальше от дерева, тем выше становилась трава, пока на особо обширных открытых пространствах не достигала человеческого плеча. Трава имела более светлый оттенок, чем деревья и лозы, и казалась зеленой. Мы переключили камуфляж костюмов на ярко-зеленый, что использовали на Хароне

для максимальной видимости. Теперь, держась в самой высокой траве, мы были довольно неплохо замаскированы.

В течение каждого дня мы покрывали по двенадцать «щелчков», полные жизненной энергии после месяцев, проведенных под двухкратной перегрузкой. Вплоть до второго дня единственной формой животной жизни, которую мы смогли обнаружить, были какие-то черные червяки, с палец толщиной, и с сотней ножек-ресничек, похожих на волосы щетки. Роджерс сказала, что здесь определенно должны водиться какие-нибудь крупные животные, иначе зачем тогда деревьям шипы? Поэтому мы удвоили осторожность, ожидая неприятностей, как со стороны тельциан, так и со стороны неизвестных «крупных животных».

В голове шел второй взвод под командованием Поттер. Общая частота связи была отдана им, так как именно второй взвод первым должен был обнаружить что-либо необычное или опасное.

— Сержант, говорит Поттер,— услышали мы все.— Вижу движение впереди себя.

— Немедленно залечь.

— Уже лежим. Не думаю, чтобы нас заметили.

— Первый взвод, заходи справа. По-пластунски. Четвертый обход слева. Скажите, когда займете позицию. Шестой, оставайтесь на месте и прикрывайте тыл. Пятый и третий, присоединяйтесь к командной группе.

Две дюжины человек неслышно вынырнули из травы, сливаясь с нашим взводом. Четвертый, очевидно, уже доложил Кортесу.

— Хорошо, что у вас, первый?.. О'кей, отлично. Сколько их там?

— Мы видим восемь.— Это голос Поттер.

— Хорошо. Огонь откроете по моему сигналу. Стрелять насмерть.

— Сержант... это просто животные.

— Поттер... если ты уже знаешь, как выглядят тельциане, то тебе давно следовало поделиться с нами. Стрелять насмерть.

— Но нам нужен...

— Нам нужен «язык», но мы не можем тащить его с собой еще сорок «щелчков» до его родной базы, да еще не спускать с него глаз, пока идет бой. Ясно?

— Да, сержант.

— Отлично. Седьмой, держать наготове все извилины и колдовские штучки. Пятый и шестой, двигайтесь с нами, будете прикрывать.

Мы поползли средь метровой высоты травы к позиции второго взвода, который уже растянулся в стрелковую цепь.

— Я ничего не вижу,— сказал Кортес.

— Прямо и чуть влево,— темно-зеленый цвет.

Они были лишь чуть темнее травы. Но как только мы заметили одного, то уже видели и остальных. Они медленно передвигались метрах в тридцати от нас.

— Огонь!— Кортес выстрелил первым. Потом еще двенадцать ярко-малиновых нитей прыгнули вперед. Трава съежилась и испа-

рилась, существа скорчились в конвульсиях и умерли, напрасно стараясь скрыться.

— Прекратить огонь, прекратить!— Кортес поднялся на ноги.— Надо, чтоб хоть что-то осталось... Второй взвод, за мной!

Он пошагал вперед, к тлеющим трупам, палец лазера направлен вперед, как зловещий жест темного божества, тянущий его к месту кровавой бойни. Я почувствовал, что мой завтрак просится наружу, я знал, что несмотря на все жуткие учебные занятия, на страшные смерти товарищей во время учебы, я все равно не готов лицом к лицу столкнуться со страшной действительностью... У меня есть магическая палочка, я могу направить ее на живое существо и превратить его в кусок полузажаренного мяса. Я никогда не был солдатом и никогда не хотел быть солдатом, и никогда не захочу...

— Ладно, седьмой, подходите.

Пока мы шли туда, одно из существ вдруг зашевелилось, легкая судорога, и Кортес чиркнул лучом лазера поперек создания почти что небрежным жестом, луч распорол его почти пополам. Существо умерло, не издав и звука, как и все остальные.

Ростом они уступали людям, но превосходили нас в обхвате. Шкуру покрывала зеленая, очень темного, почти черного оттенка, шерсть. В местах, где ее коснулся луч лазера, шерсть скорчилась в завитки. Оказалось, что у них имеется по три ноги и по одной руке. Единственное украшение головы — рот, черное влажное отверстие, полное плоских черных зубов. Были они достаточно отвратительными, правильно, но что хуже всего, так это была не их непохожесть на человека, а их сходство... Всюду, где лазерный луч распорол кожу, сквозь рану виднелись молочно-белые, обвитые кровеносными сосудами внутренние органы, и кровь у них была темно-красная...

— Роджерс, посмотрите. Могут это быть тельциане?

Роджерс присела около одного из «выпотрошенных» существ и раскрыла плоский пластиковый ящичек, полный блестящих хирургических инструментов, она выбрала скальпель.— Попробуем вот что.— Док Уильсон смотрел ей через плечо, пока скальпель методически вспарывал мембраны, прикрывавшие некоторые органы.

— Вот.— В руках у Роджерс была черноватая губкообразная масса. Она держала ее двумя пальцами — грустная пародия изысканности посреди бронированных сочленений.

— Что это?

— Это трава, сержант. Если тельциане едят траву и дышат таким воздухом, то им удалось отыскать планету, удивительно похожую на их родину.— Она отбросила черную массу в сторону.— Это животные, сержант, просто животные, дьявол их забери.

— А я не уверен,— сказал Док Уильсон.— Только потому, что они передвигаются на четвереньках, то есть на трехреньках и едят траву...

— Хорошо, тогда посмотрим на мозг.— Она нашла одного уби-

того выстрелом в голову и соскребла верхний обуглившийся слой с раны.— Взгляните-ка.

Почти что одна глухая кость. Роджерс поскребла голову еще одного существа.

— Черт, где же у них органы чувств? Ни глаз, ни ушей, ни...— она поднялась с колен.

— Ничего у них нет в башке, только пасть и десять сантиметров кости. И ничего она не защищает, ни черта.

— Если бы я мог пожать плечами, я бы пожал,— сказал доктор — Это ведь еще ничего не доказывает. Мозг вовсе не обязан походить на водянистый орган вроде нашего и он может находиться не в голове. Возможно, это не кость, это и есть мозг, особая кристаллическая структура...

— Ага, желудок-то на положенном месте, и если это не кишки, то я скушаю...

— Слушайте,— сказал Кортес,— это все очень интересно, но нам нужно знать одно — представляет этот... эта штука опасность или нет, и мы двинем дальше. Мы...

— Они не опасны,— начала Роджерс.— Они не...

— Доктор ДОК — кто-то призывно махал руками среди людей в огневой цепочке. Док бросился к нему, мы последовали за ним.

— Что такое? Что?— Док на бегу отцепил от спины свой медиокомплект.

— Что-то с Хоу. Она в обмороке.

Док распахнул дверцу монитора Хоу. Много времени ему не понадобилось.

— Она мертва.

— Мертва?— сказал Кортес.— Проклятье, каким образом...

— Минуту,— Док вставил зажим в контакт на мониторе и повозился с ручками в своем чемоданчике.— У всех бимед установлен на двенадцатичасовую запись. Сейчас я прогоню ее в обратную сторону... вот.

— Что?

— Четыре с половиной минуты назад... именно в тот момент, когда открыли огонь... боже!

— Ну же!

— Обширное кровоизлияние в мозг. Никаких...— он смотрел циферблаты,— никаких признаков, все в полной норме: давление, правда, повышенное, пульс повышенный, но в данных обстоятельствах это нормально... ничего не предвещало...— он нагнулся и расстегнул боекостюм Хоу. Тонкие восточные черты лица Хоу были искажены в страшной гримасе, рот оскален, обнажая десны, липкая жидкость вытекала из-под ресниц, а из ушей все еще сочилась кровь. Док Уильямсон застегнул костюм.

— Никогда ничего подобного не видел. Словно в голове у нее бомба взорвалась.

— Дьявол,— сказала Роджерс.— Ведь она, кажется, была телесенсетивом?

— Правильно,— глубокомысленно заметил Кортес.— Ну, хорошо, внимание, слушайте все! Командиры взводов, проверить личный состав. Есть ли раненые или пропавшие? Пострадал ли еще кто-нибудь из седьмого?

— У меня... у меня зверски болит голова, сержант,— сказал «счастливчик».

Еще у четверых тоже болела голова. Один из них подтвердил, что обладает большой телепатической чувствительностью. Остальные этого точно не могли сказать.

— Кортес, думаю, все ясно,— сказал Док Уильямс.— Нам следует подальше от этих... чудовищ, а особенно, ни в коем случае не причинять им вреда. Пять человек явно чувствительны к фактору, убившему Хоу.

— Конечно, черт возьми, и можно было мне не напоминать. Нужно двигать. Я только что сообщил капитану о случившемся. Он тоже считает, что нам нужно поскорее уходить отсюда и подальше, прежде чем сделаем привал на отдых.

— Слушай команды: порядок движения и направление то же самое. Впереди пойдет пятый взвод, второй займет место в арьергарде. Остальные занимают прежние места.

— А как быть с Хоу?— спросил «счастливчик».

— О ней позаботятся с корабля.

Когда мы отошли на пол-«щелчка», позади вспыхнуло и прокатился гром. На том месте, где мы оставили Хоу, к небу поднимался небольшой светящийся дымный столб, быстро исчезнувший средь серых небес.

13

Мы сделали привал на «ночлег»— на самом деле солнце сядет только через семьдесят часов — на вершине небольшого холма; в десяти «щелчках» от места встречи с неизвестными существами. Но в этом мире не они были «неизвестными существами», напоминал себе я, это мы — чужаки.

Два взвода развернулись в оборонительное кольцо вокруг нас, и мы, то есть все остальные, в изнеможении попадали на землю. Каждому было разрешено спать четыре часа, кроме того, еще два часа он должен будет нести дежурство.

Рядом со мной опустилась на землю Поттер. Я включил на ее частоту.

— Привет, Меригей.

— А, это ты, Уильям,— в наушниках ее голос звучал хрипло и надтреснуто.— Боже, что это был за ужас!

— Теперь уже все позади...

— Я убила одного из них, в самый первый миг, я выстрелила ему... в...

Я тронул ее колено. Перчатка щелкнула о пластины ее костюма,

и я отдернул руку, пораженный вдруг видением обнимающихся, любящих друг друга машин.— Не взваливай всю вину только на себя, Меригей, если мы и виноваты, то... то все в равной мере, но тройная доля на Кор...

— Эй, рядовые, кончайте трепаться и поспите хоть немного. Вам обоим стоять на часах через два часа.

— О'кей, сержант.— Голос у нее был такой печальный и усталый, что я не мог этого просто вынести. Я чувствовал, что если бы мог хотя бы дотронуться до Меригей, я облегчил бы ее печаль, впитал бы ее, как песок впитывает дождь, но мы оба были словно в ловушке, заключены в наших пластиковых мирках...

— Спокойной ночи, Уильям.

— *Спокойной ночи.*

Практически невозможно почувствовать какое-то чувственное возбуждение внутри боекостюма, со всеми его отводными трубками и хлорированными сенсорами на руках и ногах, но именно так мой организм ответил на мое эмоциональное бессилие. Невозможно, в его клетках еще не стерлась память о проведенных с Меригей ночах, возможно, мое «биологическое» я, сознавая, что в вихре ждущих нас всех смертей, его собственная гибель может наступить очень скоро, активизировало детородное приспособление для одной последней попытки... с веселенькими мыслями, вроде последней, я заснул и мне приснилось, что я машина, копирующая живой организм, со скрипом и скрежетом пробирающаяся сквозь мир людей, а они, очень вежливые, ничего мне не говорят, только хихикают за спиной, и крошечный человек в моей голове дергает рычаги, нажимает на кнопки и следит за циферблатами, он уже совсем сошел с ума и припомнит все обиды, когда наступит...

— *Манделла, черт тебя забери, просыпайся, твое дежурство!*

Я, волоча ноги, занял положенное мне место в оборонительном периметре, чтобы следить за... бог знает за чем... но я чувствовал такую усталость, что даже не мог заставить себя поднять веки. Пришлось, в конце концов, воспользоваться таблеткой стимулятора. Хотя я и знал, что даром мне это не пройдет.

Почти целый час я сидел, просматривая свой сектор слева направо и наоборот, вдали и вблизи, ничего там не менялось, даже ветер не шевелил траву.

Потом, внезапно, трава расступилась и показалось одно из тех трехногих существ, показалось прямо передо мной. Я поднял лазер, но не стрелял.

— Вижу движение!

— Движение!

— Боже, один из них прямо передо мной...

— НЕ СТРЕЛЯТЬ! Не стрелять, чтоб вам провалиться!

— Движение.

— Движение.— Я посмотрел влево и вправо, и насколько мне хватало поля зрения, перед каждым из часовых периметра сидело безглазое и глухое существо.

Наверное, возбуждающая таблетка, которую я принял, усилила мою чувствительность к тому излучению или чему-то еще, что использовали эти существа. Кожа на черепе у меня зашевелилась, и я явственно ощутил внутри головы «нечто». Вроде кто-то спросил вас о чем-то, а вы не расслышали и хотели бы переспросить, но такая возможность уже потеряна, момент упущен.

Существо сидело на корточках, опираясь на единственную «руку» и переднюю ногу. Большой зеленый медведь с одной недоразвитой лапой. Его телепатическая сила пропитывала мой мозг, будто паутина, будто отзвук ночных кошмаров, он пытался установить со мной контакт, а, может, убить меня, я не знаю.

— Так, часовые по периметру, отходить назад, не спешите. Никаких резких движений... у кого-нибудь болит голова, или что-нибудь еще?

— Сержант, здесь Холлистер.— Это «счастливчик».— Кажется, он что-то пытается сказать нам... Я почти что... нет...

— Но я точно чувствую, они считают, что мы забавные... Они нас не боятся.

— Ты хочешь сказать, что тот, напротив тебя...

— Нет, ощущение исходит от всех одновременно. Они все думают одно и то же. Не спрашивайте, откуда я знаю, я просто чувствую.

— Может, они думают, что сыграли забавную шутку с Хоу?

— Возможно. Но я не чувствую опасности. Им просто любопытно.

— Сержант, говорит Бор.

— Что там?

— Тельциане здесь уже по крайней мере год... возможно, они установили контакт с этими... винни-пухами. Они могут шпионить за нами, могут посылать сообщения...

— Не думаю, чтобы они обнаружили себя в таком случае,— сказал «счастливчик».— Они ведь явно могут надежно прятаться от нас, если хотят.

— Как бы там ни было,— сказал Кортес,— даже они шпионы, мы уже нанесли им потери. Я знаю, что вы хотели бы отплатить им за Хоу, но сейчас нам нужно проявлять максимум осторожности.

Я не хотел отплатить за Хоу, я вообще предпочел бы не иметь с ними дела. Я медленно возвращался в центр лагеря. Существо, судя по всему, не собирались за мной следить. Возможно, оно понимало, что мы окружены. Единственной лапой оно щипало траву и отправляло пучки в пасть.

— О'кей, командиры взводов, разбудить своих людей, сделать перекличку. Проверить и доложить, нет ли пострадавших. Мы выступаем через минуту.

Не знаю, чего ожидал Кортес, но и существа, конечно, последовали за ними. Они не старались держать нас в кольце, просто двадцать или тридцать особей шли за нами по пятам. Но не одни и те же. Отдельные животные время от времени исчезали в траве, на смену им появлялись другие, присоединялись к параду. Было совершенно ясно, что они нисколько не устали.

Нам было разрешено принять по одной таблетке стимулятора. Без этого мы не продержались бы на ногах и часа. Все мы были не прочь принять и по второй, когда искусственное возбуждение начало постепенно убывать, но ситуация этого не позволяла; до базы противника оставалось еще тридцать «щелчков», то есть пятнадцать часов марша, самое меньшее. И хотя легко было оставаться на ногах и по пять суток, принимая стимулятор, но уже после второй таблетки искажения восприятия и суждений росли, как снежный ком, пока не наступал час самых жутких галлюцинаций, воспринимаемых, и чтобы принять простейшее решение, например, позавтракать или нет, человек мог тратить часы упорных размышлений.

Возбужденная таблетками, наша команда продвигалась вперед с избытком энергии в течение первых шести часов. Скорость замедлилась к седьмому часу, а после девяти часов марша и девятнадцати «щелчков» мы уже едва тащились и только что не валились на землю. Винни-пухи не теряли нас из виду, и, как сообщил нам «счастливчик», не прекращали «передавать». Кортос решил сделать привал на семь часов, каждый взвод в течение часа должен был нести дежурство на периметре. *Славу богу, я был в седьмом взводе*, и мы дежурили последними, что давало возможность поспать целых шесть часов.

В последнюю секунду, перед тем как соскользнуть в пропасть сна, мне вдруг пришла в голову мысль, что это может быть последний мирный сон. И, частично под воздействием возбуждающего наркотика, а больше всего — после пережитых за последние часы кошмаров, я обнаружил, что мне совершенно на этот факт наплевать.

14

Наше первое столкновение с тельцианами имело место во время моего дежурства.

Винни-пухи не покидали нас, когда я проснулся и сменил Дока Джоунса на посту. Как и прежде, перед каждым часовым сидел на корточках зеленый медведь. Тот, что сидел напротив меня, казался крупнее остальных, но ничем другим от своих сородичей не отличался. Он уже выщипал всю траву вокруг себя и периодически совершал набеги то влево, то вправо. Но всегда возвращался на свое место напротив меня и продолжал, можно сказать, «глядеть», хотя *ничего похожего на глаза* у него не было.

Мы играли в гляделки минут пятнадцать, когда вдруг загремел голос Кортеса:

— Эй, команда, всем проснуться и попрятаться!

Я совершенно инстинктивно бросился на землю и откатился туда, где трава была повыше.

— Вражеская машина над нами!

Строго говоря, он пролетал не точно над нами, а в стороне к востоку. Двигался он не очень быстро, примерно «щелчков» сто в час, и больше всего походил на помело, окруженное пузырем из грязного мыльного раствора. Верхом на помеле сидело существо, несколько более напоминающее человека, но все равно, не первый приз. Я передвинул рукоятку моего конвертора на сорокакратное увеличение, чтобы рассмотреть его получше.

У существа имелось две руки и две ноги. Но талия была до того тонкая, что ее спокойно можно было обхватить двумя ладонями. Под тонкой талией имелось подковообразной формы «брюшко», почти метровой ширины, из которого свисали две худосочные ноги, без явно видимого коленного сустава. Выше талии тело существа опять распухало, и грудная клетка не уступала по размерам громадному тазобедренному узлу. Руки у него неожиданно были очень похожи на человеческие, не считая того, что имелось слишком много пальцев, и они были очень длинные и тонкие. Ни плеч, ни шеи. Голова представляла собой жуткий нарост, словно зоб, вздымающийся над грудной клеткой. Два глаза напоминали скопление рыбьей икры, связка кисточек на месте носа и намертво открытое отверстие, возможно, рот, хотя находилось оно где-то в районе адамова яблока, если бы только оно у него имелось. Окружающий его мыльный пузырь, очевидно, создавал внутри пригодную для тельцианина обстановку, потому что на летящем ничего не было, кроме собственной рубцеватой кожи, напоминавшей передержанную в горячей воде шкуру, покрашенную затем в бледно-оранжевый цвет. Никаких наружных признаков пола у «него» не наблюдалось, но за отсутствием даже намека на молочные железы мы остановили выбор на местоимении мужского рода.

Очевидно, он или не заметил нас, или подумал, что мы принадлежим к стаду винни-пухов. Он ни разу не взглянул на нас, продолжая полет в том же направлении, что двигались и мы — 0,05 восточнее северного.

— Можете теперь снова отправляться на покой, если только вы сможете уснуть, после того, как видели такую жуть. Выходим в 4.35. — Значит, осталось сорок минут.

Из-за окутывающего планету мощного облачного слоя невозможно было определить с орбиты, как выглядит база противника или каких она размеров. Нам было известно только ее местонахождение, причем с такой же точностью, как и положение точки встречи наших катеров — то есть база вполне могла находиться под водой или под землей.

Но некоторые из роботоснарядов одновременно являлись и разведзондами, во время отвлекающей атаки на базу одному из них удалось сделать снимок. Капитан Скотт передал схему строений базы Кортесу, который единственный из нас имел в боекостюме видиоприемник, в то время, как мы находились уже в пяти километрах от «условленного» местонахождения. Мы сделали остановку, и сержант вызвал всех командиров взводов для совещания.

Участвовал также и весь седьмой взвод и двое прискакавших винни-пухов. Их мы старались игнорировать.

— Значит, так, капитан передал нам снимки нашего объекта. Сейчас я набросаю схему, а командиры взводов ее скопируют.

Они повытаскивали блокноты и стило из набедренных карманов, а Кортес тем временем развернул пластиковый лист. Встряхнув лист несколько раз, чтобы поравномернее распределить остаточные заряды, он включил свое стило.

— Так мы, значит, подходим отсюда,— он нарисовал стрелку внизу листа.— Сперва там идет цепь каких-то строений, возможно, жилые помещения или бункера, черт его знает... Перво-наперво, нужно уничтожить эти строения — база находится на открытой местности, мимо них нам не проскочить.

— Говорит Поттер. Мы могли бы через них перепрыгнуть?

— Могли бы, почему же, а потом оказались бы в полном окружении и нас смололи бы в порошок. Сначала мы уничтожим здания.

— После этого... могу сказать, что нам придется соображать на ходу. По данным аэросъемки, мы можем только догадываться о назначении этих объектов. Может, окажется, что мы сровняли с землей ихний бар для рядового состава, а рядом остался в целости большой логический компьютер, потому что он выглядел... как куча отбросов в соответствующем контейнере или еще что.

— Говорит Манделла,— сказал я.— Может, у них там есть космопорт? Мы, наверное, должны были бы...

— До этого я еще дойду, Манделла. Значит, эти здания окружают базу кольцом, мы должны где-нибудь прорваться. Лучше всего, в самом ближайшем месте, чтобы не выдать себя перед атакой.

— На всей территории базы не заметно ничего такого, что могло бы стрелять. Но это, впрочем, ничего не меняет — в любом из этих строений можно спокойно упрятать гигаваттный лазер.

— Так, теперь в пятистах метрах за линией «избушек» имеется большая структура, формой напоминающая цветок.— Кортес нарисовал что-то похожее на цветок с семью лепестками.— Что это такое, провались оно в болото, я знаю не больше вашего. Эта конструкция единственная на базе, поэтому мы постараемся без необходимости ее не трогать. То есть... взорвем к чертям, если мне покажется, что она грозит опасностью.

— Теперь касательно космопорта, Манделла,— такого там нет. Ничего похожего.

— Крейсер, который схлопнула наша «Надежда», был, видимо, оставлен на орбите, вроде нашего. Если у них имеется какой-либо эквивалент посадочного катера или роботоснаряда, то или они находятся в другом месте, либо очень хорошо спрятаны.

— Говорит Бор. Каким же образом они тогда нас атаковали, когда мы спускались?

— Хотел бы я знать, рядовой.

— Установить численность гарнизона, даже приблизительно, мы, ясное дело, пока не можем. На снимках не видно ни одного

тельцианина. Но косвенным образом... можно ориентироваться на количество этих летающих штук, что похожи на помело.

— Имеется пятьдесят одна «избушка», и у каждой есть по крайней мере одно «помело». У четырех припаркованного «помела» нет, но мы обнаружили три свободных на остальной территории базы. Возможно, это означает, что на базе имеется пятьдесят один тельцианин, причем, один из них находился вне территории базы, когда был сделан снимок.

— Здесь Китинг. Возможно, только пятьдесят один офицер.

— Правильно: пятьдесят тысяч пехоты прячутся в одном из этих зданий. Но наверняка сказать мы не можем. Может, там только десять тельциан. У каждого — по пять палок, на выбор по настроению.

— Мы имеем одно преимущество — нашу систему связи. Тельциане явно пользуются частотной модуляцией электромагнитных волн.

— Радио!

— Правильно, как там тебя? Надо называться, когда говоришь. Так вот, вполне возможно, что они не в состоянии перехватывать наши фазонейтринные сообщения. Кроме того, перед самой атакой «Надежда» сбросит небольшую ядерную бомбу, она взорвется в верхних слоях атмосферы прямо над базой тельциан. Им придется перейти на связь по прямому лучу — на некоторое время. И даже там будет полным-полно помех.

— Почему бы... это Тайт... почему бы не скинуть бомбу прямо на голову им? Избавило бы нас от труда...

— Я мог бы не отвечать, рядовой. Но я отвечу — они могут это сделать. Молись всем святым, чтобы они этого не делали. Потому что удар по базе будет означать угрозу для «Надежды», причем атака уже начнется и убежать нам далеко не удастся.

— Поэтому мы постараемся поработать как следует, чтобы этого не случилось. Мы должны вывести базу из строя, чтобы она уже не могла выполнять свои функции. При этом нужно оставить в целости и сохранности как можно больше. И взять одного пленного.

— Здесь Поттер. Вы хотите сказать, по крайней мере одного пленного?

— Я говорю именно то, что хочу сказать. Только одного. Поттер... я освобождаю вас от обязанностей командира. Передайте взвод Чавесу.

— Есть, сержант.— В ее голосе явно слышалось облегчение.

Кортес продолжал рисовать карту и давать инструкции. Имелось еще одно задание, его функции были очевидцы — на крыше торчала большая поворотная антенна с параболическим отражателем. Ее мы должны были уничтожить, едва гранатометчики приблизятся на дистанцию огня.

План атаки не отличался детальностью. Сигналом послужит

вспышка ядерного взрыва. Одновременно несколько роботоснарядов с разных направлений помчатся к базе, таким образом, мы выясним их систему противовоздушной обороны. Мы постараемся свести на нет эффективность этой системы, полностью ее не разрушая.

Немедленно после взрыва бомбы и атаки роботоснарядов гранатометчики превратят в пыль семь ближайших к нам «избушек». Сквозь эту брошь все мы проникаем на территорию базы... что будет дальше — оставалось только гадать.

В идеале, мы пронесемся с одного ее края к другому, уничтожая определенные объекты и всех тельциан, кроме одного. Но такой исход был весьма маловероятен, так как предполагал почти полную беспомощность противника в обороне. С другой стороны, если тельциане с самого начала будут иметь явное преимущество, Кортес даст команду спасаться врассыпную. Каждому было дано индивидуальное направление бегства — мы разлетимся во все стороны. Выжившие соберутся в долине, примерно за сорок «щелчков» к востоку от базы. Там мы выясним ситуацию для повторного нападения, после того, как «Надежда» слегка обработает тельциан.

— И наконец, последнее,— проскрежетал голос Кортеса.— Возможно, некоторые из вас чувствуют то же самое, что и Поттер, возможно, некоторые из ваших людей это чувствуют... что мы должны быть помягче, не лить зря крови и так далее. Но на данной ступени войны мы не имеем права позволить себе роскошь милосердия. Враг виноват в смерти 749 человек — это все, что мы знаем о нем. Враг без тени сомнения атаковал наши крейсеры, и глупо было бы ждать парламентеров сейчас, во время первой наземной схватки.

— Противник виноват и в смерти всех ваших товарищей, погибших во время обучения, и в смерти Хоу, и всех других, которые неизбежно погибнут сегодня. Я не могу понять, кто и как может испытывать к ним жалость. Но это не имеет значения. У вас есть приказы, и, черт возьми, вы прекрасно знаете, что все вы получили постгипнотическое внушение, которое я реализую ключевой фразой, перед боем. Это вам поможет немного.

— Сержант...

— Молчать. У нас мало времени. Всем разойтись по своим взводам и провести инструктаж. Мы выступаем через пять минут.

Командиры взводов вернулись к своим людям, оставив Кортеса и нас десятерых, если не считать трех винни-пухов, которые бродили вокруг нас и лезли под ноги.

15

Последние пять «щелчков» мы продвигались с максимальной осторожностью, стараясь держаться самой высокой и густой травы, а случайные поляны перебегали. За 500 метров от предполагаемого расположения базы противника Кортес выслал вперед в разведку третий взвод, пока все остальные залегли.

— Все примерно так, как мы и предполагали,— раздался его голос на общей волне.— Продвигаться вперед ползком. Достигнув расположения третьего взвода, следуйте за своим командиром влево или вправо.

Мы так и сделали, в результате получилась вереница из восьмидесяти трех человек, грубо перпендикулярная направлению атаки. Мы все довольно надежно укрылись среди травы, только около дюжины винни-пухов бродили вдоль нашей линии, пощипывая траву.

База не подавала никаких признаков жизни. Все строения не имели окон, все были одного ярко-белого цвета. «Избушки», объект нашего первого удара, представляли собой что-то вроде громадных, наполовину погруженных в грунт яйцевидных строений, расположенных с интервалом в шестьдесят метров. Каждому гранатометчику Кортес определил по «избушке».

Мы разбились на три огневые группы: группу А составляли второй, четвертый и шестой взводы, группу З — первый, третий и пятый, командный седьмой взвод образовал группу 0.

— Осталось меньше минуты. Опустить фильтры. Когда я дам команду, гранатометчики откроют огонь. Упаси нас боже промахнуться.

Вдруг раздался какой-то громкий утробный звук, и серия из пяти или шести радужных пузырей воспарила над цветкообразным зданием. Они понеслись в вышину со все возрастающей скоростью, потом, уже почти исчезнув из виду, изменили направление и помчались на юг. Местность внезапно озарилась яркой вспышкой и впервые после высадки я увидел свою собственную длинную тень, указывающую на север. Бомба взорвалась раньше времени. Я едва успел подумать, что особой разницы тут нет, все равно тельцианская связь теперь накрылась...

— Ракеты!

Роботоснаряд с жутким визгом выскользнул из-за верхушек деревьев, а радужный пузырь уже был готов встретить его. Когда они столкнулись, пузырь лопнул и роботоснаряд превратился в веер мельчайших осколков.

Еще одна ракета скользнула с другой стороны, ее постигла та же участь.

— ОГОНЬ!

Семь ярких вспышек от разрывов гранат по пятьсот микротонн и страшное сотрясение.

— Поднять фильтры.

Серая дымка от дыма и пыли. Куски земли сыплются сверху, как тяжелые дождевые капли.

— Всем слушать.

ШОТЛАНДЦЫ, ВЫ С УОЛЛЕСОМ СРАЖАЛИСЬ.
ШОТЛАНДЦЫ, ВЫ С БРЮСОМ В БИТВУ ШЛИ.
НА СМЕРТНОМ ОДРЕ ВАМ ПОЧИТЬ
ИЛЬ В БИТВЕ ПОБЕДИТЬ!

Я почти не слышал сержанта, стараясь уследить за происходящим у меня в голове. Я понимал, что все это только послегипнотическое внушение, я даже помнил свет, там, в Миссури, когда мне это внушение делали, но сила его воздействия от этого совсем не уменьшилась. Удар псевдовоспоминаний обрушился на мое сознание: лохматые обезьяноподобные тельциане (хоть мы теперь и знали, что они совсем не так выглядят) врываются на борт транспорта переселенцев, пожирают детей на глазах вопящих от ужаса матерей (колонисты никогда не брали с собой детей, те не выдержали бы ускорения), потом до смерти насилуют женщин большими, с красными прожилками вен, членами (невероятно, что тельциане могли чувствовать какое-то влечение к нашим женщинам), потом сдирают кожу и куски мяса с мужчин и тоже пожирают окровавленную человеческую плоть (как будто они были бы в состоянии усваивать протеин чуждых организмов) и еще сотни чудовищных подробностей, и все это я помнил с такой отчетливостью, словно события вчерашнего дня, хотя и были они до смехотворности нелепы и логически абсурдны. Но в то время, когда мое сознание отметало всю глупость внушения, и где-то в темной глубине, там, где таится сиявший зверь, где берут начало наши побуждения, нечто жаждало там крови тельциан, убежденное в благородности поступка — умереть, пытаясь убить хоть одного из инопланетных чудовищ...

Я знал, что все это — дерьмовая брехня чистейшей воды, и я ненавидел тех людей, что позволили сыграть такую грязную шутку с моим сознанием, и все же я в буквальном смысле слышал, как скрежещут мои зубы, как судорога кровожадной гримасы сводит мои щеки... Словно ослепленный, передо мной проковылял винни-пух. Я вздернул лазер, но кто-то опередил меня, и голова существа взорвалась кашей серой плоти и крови.

— Сволочи... сволочи проклятые,— простонал, почти провыл «счастливчик». Лазерные лучи пересекались и расходились, и вот все винни-пухи пали замертво.

— Гляди в оба,— выкрикнул Кортес.— Целиться осторожнее, это вам не игрушки, дьявол!

— Группа А, вперед... группа В занимает воронки, прикрывает группу А!

Кто-то одновременно смеялся и всхлипывал.

— В чем дело, Петров, так тебя растак!— Странно, раньше Кортес никогда не выражался.

Я повернулся и увидел, что Петров, забравшись в небольшое углубление, панически пытается зарыться руками и ногами, рыдая булькающим плачем.

— Зараза,— сказал Кортес.— Группа В, на десять метров дальше воронок залечь в цепь! Группа С — залечь в воронки вместе с А!

Я поднялся на ноги и покрыл сотню метров за двенадцать прыжков с усилием. Воронки могли вместить по посадочному катеру каждая, имея десять метров в диаметре. Я перепрыгнул через дно на

противоположную сторону и приземлился рядом с парнем по имени Чин. Он даже не обернулся, продолжая пристально наблюдать за территорией базы. Там по-прежнему ничего не изменилось.

— Группа А, залечь в цепь за группой В, интервал десять метров!

Едва сержант отдал команду, как здание прямо перед нами извергло залп пузырей, веером устремившихся к нашим цепям. Все видели, пузыри летят, и припали к земле, но Чин как раз вскочил на ноги и наткнулся на один из них.

Тот только едва задел верхушку его шлема и исчез с негромким хлопком. Чин сделал шаг назад и повалился на дно воронки, оставляя на скате полосу крови и мозгов. Безжизненное тело, с раскинутыми руками, сползло вниз, забивая грязью совершенно симметричное отверстие, где пузырь с одинаковым равнодушием прогрыз пластик, волосы, кожу и кости черепа.

— Всем лежать. Командиры... проверить состав, сколько убитых... Щелк... щелк... щелк... У нас три трупа. А могло быть ни одного, если бы они держали головы пониже! Всем падать пластом, как только услышите, что заработала эта штука. Группа А, продолжать маневр.

Группа А без неприятностей завершила маневр.

— Отлично, группа С перебежками к группе В... Отставить! Ложись!

Все уже попадали на землю. Пузыри прошли плавной дугой в двух метрах над нами. Безмятежно проплыли они над нашими головами, и не считая одного, превратившего в щепки случайное дерево, исчезли вдали.

— Группе В, перебежать за линию группы А, дистанция десять метров. С, занять позицию группы В, посмотрите, можно достать «цветок»?

Взрыв двух гранат образовал воронки примерно в сорока или тридцати метрах от цветкообразной конструкции. В правдоподобном приступе паники «цветок» принялся извергать бесконечную серию пузырей, но по-прежнему ни один из них не спустился ниже двух метров от земли. Мы прижимались к грунту и продолжали двигаться вперед. Вдруг в здании образовалось отверстие и расширилось до размеров большой двери. Оттуда повалили тельцианe.

— Гранатометчики, оставить огонь! Группа В, огонь вправо и влево, не давать им уйти в сторону. А и С, вперед по центру!

Один тельцианин погиб, пытаясь перебежать луч лазера. За ним никто не последовал.

Довольно трудно бежать и одновременно держать голову пониже, когда ты в боекостюме. Приходится делать рывки из стороны в сторону, словно конькобежец на старте, иначе можно оторваться от земли и разделить участь Чина.

Мне казалось, что я в какой-то ловушке, справа и слева лазерный огонь, над головой летучая смерть. Но несмотря на это, я чувствовал прилив радости и энергии, я был просто счастлив, что мне

наконец выпал случай прикончить одного из этих злодеев, пожирателей младенцев. Хоть и понимал, что это брехня.

Тельциане не отвечали нам огнем, не считая малоэффективные пузыри (очевидно, они не были предназначены для поражения наземной силы), и обратно в здание они тоже не отступали. Они метались из стороны в сторону, их было около сотни, и смотрели, как мы приближаемся. Пара гранат покончила бы со всеми, но Кортес, очевидно, рассчитывал все-таки взять пленного.

— О'кей, когда я скажу «вперед», мы возьмем их в клещи. Группа В будет держать заслон... второй и четвертый взводы направо, шестой и седьмой налево. Группа В будет двигаться цепью, чтобы не выпустить их.

— Вперед!

Мы рванули влево. Как только прекратился лазерный огонь, тельциане тоже кинулись бежать всей толпой.

— Группа А, залечь и открыть огонь. Целиться точно. Если промажете, можете зацепить своего. И ради всего святого, оставьте мне одного в живых!

Жуткое это было зрелище — толпа монстров, мчавшаяся на нас. Они бежали, высоко подпрыгивая — пузыри уклонялись от столкновений с ними — и все выглядели точно как тот, что летел на «помеле»: совершенно голые, кроме прозрачной сферы, окружавшей их тела. Эти сферы двигались вместе с хозяевами. Правый фланг открыл огонь, выбирая свои жертвы в арьергарде толпы.

Внезапно луч лазера прошел сквозь толпу тельциан с той стороны — кто-то небрежно прицелился. Раздался жуткий вопль, и я взглянул дальше по цепи, увидел, как кто-то — кажется, это был Перри — корчится на земле, прижимая правой рукой дымящийся обрубок, который остался от отсеченной левой руки. Сквозь пальцы брызгала кровь, а вышедший из строя камуфляж костюма одну за другой проигрывал все маскировочные комбинации: черный- белый — джунгли — пустыня — серый- зеленый.

Не знаю, сколько времени я смотрел, пока не прибежал врач и не начал оказывать помощь, но когда я поднял глаза, тельциане были почти рядом со мной.

Я выстрелил инстинктивно, я взял очень высоко, но все равно задел верхушку защитного пузыря одного из тельциан. Пузырь исчез, а монстр-инопланетец споткнулся и упал на землю, сотрясаемый судорожными спазмами. Из ротового отверстия потекла пена, сначала белая, потом розовая. Последний спазм согнул тельцианина почти в подкову, и он замер. Крик его, тонкий высокий свист, замолк в тот же момент, когда его товарищи начали прыгать через него и на него. Я улыбался и ненавидел себя за это.

Это был не бой, а бойня, хотя численно они превосходили нас раз в пять. В смысле, наш фланг. Тельциане просто шли и шли, даже когда им пришлось перебираться через баррикаду тел и отсеченных конечностей, выросшую параллельно нашей цепи. Земля стала блестящей от красной тельцианской крови — все создания божьи

используют гемоглобин — и как и у винни-пухов, их внутренности тоже очень напоминали человеческие. Хотя я и не специалист. Мой шлем сотрясало от истерических приступов смеха, пока мы крошили тельцианн в кровавую окрошку, и я почти не услышал приказа Кортеса:

— Прекратить огонь... Я сказал, ПРЕКРАТИТЕ, черт побери! Поймайте парочку живых, они вас не укусят.

Я перестал стрелять, и, соответственно, все остальные тоже. Когда следующий тельцианин выпрыгнул на меня из-за кучи дымящихся останков, я сделал рывок, стараясь обхватить его за тоненькие ноги.

Это было все равно, что ловить большой скользкий воздушный шар. Он выскользнул у меня из рук и продолжал бежать.

Нам удалось остановить одного тельцианина простым способом — навалить полдюжины человек на него вверху. За это время остальные пробежали сквозь нашу цепь и теперь мчались к ряду больших металлических цилиндров, напоминавших баки, которые Кортес считал какими-то складами. Маленькая дверца открылась у основания каждого цилиндра.

— Пленного мы уже взяли!— крикнул Кортес.— Убрать остальных!

До них было уже пятьдесят метров, и бежали они изо всех сил, попасть было нелегко. Лазерные шпаги сверкали то над бегущими, то брали слишком низко. Один упал, перерезанный надвое, но остальные продолжали бежать и почти достигли дверок, когда открыли огонь гранатометчики.

Магазины у них были заряжены «пятисотками», но сотрясение от взрывов не причинило тельцианам вреда, они падали и вскакивали снова, невредимые в своих пузырчатых защитных оболочках.

— Здания! Огонь по заразам-зданиям!

Гранатометчики взяли прицел повыше и дали новый залп, но бомбы только опаляли поверхность зданий, пока одна не влетела в дверцу. Цилиндр раскололся словно по шву, извергнув облако механических обломков и язык бледного пламени, мгновенно развернувшийся и пропавший. Тогда остальные гранатометчики сконцентрировали огонь на дверях цилиндров, не считая случайных выстрелов по оставшимся тельцианам, больше для того, чтобы не дать им попасть в здания. Чего тельциане, похоже, очень хотели бы.

Все это время мы пробовали достать тельциан из лазеров, пока они метались вокруг цилиндрических конструкций. Мы приближались как можно ближе, чтобы только не попасть под разрывы гранат, но достаточно все-таки для точного прицела.

Все же одного за другим мы выводили из строя, кроме того, уничтожили четыре из семи строений. Потом, когда их оставалось всего двое, близкий разрыв гранаты бросил одного прямо в отверстие входа. Тельцианин исчез внутри цилиндра, и последовавшие залпы не причинили обшивке вреда. Гранаты падали вокруг конструкции, стоял грохот от взрывов, но вдруг его поглотил могучий вздох,

словно гигант набрал полную грудь воздуха и на месте цилиндра осталась уходящая прямо в стратосферу колонна дыма, словно вычерченная по линейке. Второй тельцианин находился в это время у самого основания цилиндра. Его разорвало в клочья. Через секунду нас накрыло взрывной волной, мы, как перекати-поле, были сдуты на кучу мертвых тельциан, и я прокатился через груду тел и был отнесен еще дальше.

Когда я все-таки сумел подняться на ноги, меня охватила секундная паника — весь боекостюм был в крови. Но тут я сообразил, что это тельцианская кровь, и паника прошла, я чувствовал только желание вымыться.

— Поймайте сукина сына! Поймайте!

Воспользовавшись замешательством, пленный тельцианин вырвался на свободу и теперь мчался к зарослям травы. За ним гнался целый взвод, но тельцианин скрылся бы, если бы другая группа не перекрыла ему путь к отступлению. Я тоже потрусил в ту сторону, принять участие в забаве.

На тельцианина навалилось четыре человека, еще пятьдесят стояли кольцом вокруг, наблюдая за борьбой.

— По местам, чертовы дети! Их здесь, может, еще тысяча, может, они только и ждут момента, чтобы накрыть нас в одном месте!

Нехотя мы разошлись. Мы почему-то все были уверены, что больше тельциан на базе не осталось. И вообще на всей планете.

Сам Кортес тем временем направился к вновь пойманному тельцианину. Вдруг вся четверка свалилась в кучу на тело инопланетника... даже оттуда, где я стоял, можно было видеть пену, вытекающую из ротового отверстия тельцианина. Его защитный пузырь лопнул. Самоубийство.

— Вот сволочь,— Кортес был уже там.— Отойдите в сторону.

Четверо отошли, и Кортес лазерным лучом расчленил тельцианина на дюжину трепещущих кусков плоти. Какое отрадное зрелище!

— Ладно, не беда, найдем еще одного... Слушай команду! Порядок движения — строй «наконечник»! Начинаем приступ «цветка».

Ну, мы построились и пошли приступом на «цветок», который, очевидно, истратил весь боезапас, потому что рыкающие звуки он издавать продолжал, но пузырей больше не появлялось, там было пусто. Мы промчались по въездным спускам и по коридорам, пальцевые лазеры наготове, играющие в войну. Пусто, все ушли.

То же самое нас ожидало в строении с антенной, в «салями», и в сорока четырех «избушках» периметра, которые уцелели во время штурма. Таким образом, в нашем распоряжении оказалась куча строений, преимущественно неизвестного назначения, но ни одного живого тельцианина, необходимого ксенологистам, чтобы поэкспериментировать с ним. Во всяком случае, в их распоряжении любые части тельцианских останков. Лучше, чем ничего.

После того, как мы прочесали каждый квадратный дюйм базы, пришел катер с настоящей исследовательской командой. Ученые.

— Ну, ладно, конечно,— сказал Кортес, и мы вышли из гипнотического транса.

Поначалу всем нам несладко пришлось. Потрясение от воспоминаний о кровавом убийстве едва не свело с ума некоторых людей, вроде «счастливчика» и Мэригей. Кортес приказал всем принять по таблетке транквилизатора-седатива. Две — для наиболее чувствительных. Но я тоже принял две, хотя мне и не приказывали.

Потому что это было откровенное убийство, ничем не приукрашенная резня. Как только мы обезвредили противовоздушную систему базы, нам уже не угрожала опасность. Тельцианс, судя по всему, вообще не имели понятия о рукопашном бое. Мы просто согнали их в стадо и перебили. Вот вам и псовый контакт человечества с иной разумной расой. Впрочем, второй контакт, если считать винни-пухов. Почему мы даже не пытались начать переговоры? Или вступить в контакт? Но и с первыми, и со вторыми мы поступили одинаково.

Не раз потом я говорил сам себе, что это не «я» с весельем сумасшедшего пластал на куски перепуганных, спасающихся бегством существ. Там, в двадцатом веке было установлено ко всеобщему удовольствию, что оправдание «я только исполнял приказ» таковым не является. И не оправдывает человеческую жестокость. Но что я мог поделать, если приказы исходили из глубин моего подсознания, от запрятанного там кукловода?

Но что хуже всего, так это было сознание того, что мои действия были не полностью бесчеловечными. Всего несколько поколений назад мои предки сделали бы то же самое без всякого гипноза, и даже со своими товарищами.

Я чувствовал отношение ко всему человечеству, к армии и войне, и перспектива жить с воспоминаниями о прошлом еще почти столетие приводила меня в ужас... Правда, можно было стать добровольным мозгостером.

Корабль с уцелевшим тельцианином благополучно удрал, защищенный от «Надежды» шаром планеты. Прыгнул сквозь Альфу и был таков. Вернулся домой, я так думаю. Где бы эта планета ни находилась, и рассказал там, что могут сделать двадцать человек с ручным оружием с сотней невооруженных существ.

Я подозревал, что в следующий раз тельцианс будут лучше оснащены и для ведения наземного боя. И я был прав.

Часть вторая

СЕРЖАНТ МАНДЕЛЛА
(2007—2024 гг.)

1

Боялся ли я? Конечно, боялся, еще бы! А кто не боялся бы? Только дурак или самоубийца, или робот. Или строевой офицер.

Подмайор Скотт прохаживал взад и вперед за небольшим возвышением-платформой в зале общего сбора (он же обеденный зал, он же гимнастический зал, он же комната отдыха) крейсера «Годовщина». Мы только что совершили последний коллапсарный прыжок от Тет-38 и ИОД-4. Мы тормозились с постоянным ускорением в полтора «ж», и наша скорость относительно коллапсара составляла, соответственно, 0,9 световой. Нас преследовали.

— Я думаю, что нам следует на некоторое время избавиться от напряжения, довериться корабельному компьютеру. Тельцианский корабль в любом случае приблизится на дистанцию удара не ранее, чем через две недели. Если вы будете все это время слоняться с кислыми лицами, ни вы, ни ваши люди не будут находиться в боевой форме в нужный момент. Страх — это болезнь заразная, Манделла!

Обычно он не забывал добавить «сержант», когда обращался ко мне в присутствии подчиненных. Но на сегодняшнем брифинге все были чинами не ниже командира отделения, ни одного рядового. Поэтому подмайор отставил формальности.

— Да, сэр!

— Манделла, вы отвечаете как за физическую, так и за психологическую эффективность людей в вашем отделении. Поскольку вы сознаете опасность нарастания напряженности психики людей у нас на борту, и поскольку ваше отделение исключением не является... что в связи с этим вы предприняли?

— В связи именно с моим отделением, сэр?

Подмайор некоторое время разглядывал меня.

— Конечно.

— Мы поговорили на эту тему, сэр.

— И к какому же заключению вы пришли?

— Если позволите мне говорить прямо, сэр, то основная проблема представляется очевидной. Мои люди в стенах корабля, как и все остальные, уже четырнадцать...

— Чепуха. Мы все в равной степени были кондиционированы для условий жизни в замкнутом помещении, кроме того, у вас есть преимущество свободного общения.— Весьма деликатный способ выражаться.— Все офицеры этого лишены, и тем не менее, у нас нет психологических проблем.

Если он действительно так думал, то ему не мешало бы пого-

ворить по душам с лейтенантом Гармонией. Наверное, он имел в виду только строевых офицеров. То есть себя и Кортеса. Но и в этом случае ошибка составляла пятьдесят процентов — Кортес весьма благосклонно относился к рядовой Камехамелле.

— Терапевты усилили кондиционирование, когда работали с устранением постгипнотического внушения,— все знают, как я к этому отношусь,— и не думаю, чтобы они пошли по ложному пути.

— Капрал Поттер.

Он обратился как полагается, по званию, чтобы всем еще раз напомнить, почему Поттер не повысили вместе с нами. Излишнее мягкосердечие.

— Вы «поговорили» со своими людьми?

— Мы обсудили проблему, сэр.

У Скотта был талант «пронизывать благосклонным взглядом». Сейчас он пронизывал Меригей благосклонным взглядом, пока она продолжала:

— Не думаю, что сержант Манделла имел в виду неправильное кондиционирование.

— Сержант Манделла может сам за себя ответить. Мне нужно ваше личное мнение. Ваши наблюдения.— Хотя по его тону этого не скажешь.

— Что ж, я тоже думаю, что кондиционирование здесь ни при чем, сэр. У нас нет никаких трений внутри команды. Просто все устали и раздражены, ведь мы занимаемся одним и тем же неделю за неделей.

— Значит, им не терпится в бой?— В голосе абсолютно никакого сарказма.

— Просто нужна какая-то перемена, сэр.

— Они ее скоро получат,— сказал он, позволяя себе короткую механическую усмешку.— И очень скоро пожалеют о доброй старой рутине.

Беседа продолжалась в том же духе еще довольно долго. Никто из нас не хотел сказать прямо: мужчины и женщины больше года живут в постоянном ожидании будущего боя, ожидание сидит у них в печенках, и чем дальше, тем сильнее нарастает тревога и раздражение. А теперь еще тельцианский крейсер гонится за нами. За целый месяц до начала кампании мы уже должны рискнуть жизнью.

Входная планета тоже не сахар, особенно если придется играть в войну на ее поверхности, но там хоть в малой степени наша судьба зависит от нас. А так приходится сидеть в жестянке, быть частью цели, пока «Годовщина» разыгрывает математическую партию с тельцианским кораблем... вот эту наносекунду ты еще жив, а в следующую — уже мертв, и все из-за ошибки в тридцатом знаке после запятой чего-то там — вот что выводило из себя, но попробуй только заикнуться об этом Скотту. Я в конце концов пришел к выводу, что он не притворяется, а на самом деле не способен понять разницу между страхом и трусостью. Или его подвергли особой психообра-

ботке — в чем я сильно сомневаюсь — или у него просто не все дома. Но в данный момент это уже не имело значения.

Скотт перенес огонь на беднягу Чинга, задал ему жару. Все та же старая песня. Я крутил в пальцах только что выданную «Таблицу организации».

Большинство тут были ветеранами, их я знал по кошмарной компании Альфы. Новенькими в моем отделении были только Дэми, Луталли и Хейровски. Всего в «толпе» (прошу прощения, ударной группе) у нас было двадцать замен — вместо девятнадцати человек, что мы потеряли на Альфе. Одна ампутация, четыре трупа, четырнадцать психических расстройств, вызванных чересчур тщательным постгипнозом.

Я все никак не мог свыкнуться с датой «20 марта 2007» внизу листа. Выходило, что я в армии уже десять лет, хотя прошло только два года. Эффект релятивистики, ясное дело. Даже если использовать коллапсарный прыжок, путешествие меж звездами плохо сказывается на календаре.

После этого рейда я, наверное, смогу уйти в отставку по возрасту с полным пенсионом — если только выживу и если относительно нас не будут изменены правила. Ветеран с двадцатилетним стажем, а ветерану только двадцать пять.

Скотт подводил итоги, когда в дверь постучали, точнее, стукнули один раз, но довольно сильно.

— Войдите,— сказал подмайор.

Вошел какой-то прапорщик, из новеньких, и вручил Скотту листок бумаги, не говоря ни слова. Пока Скотт читал, прапорщик стоял рядом сутулясь с точно вымеренной позой дерзости. Практически Скотту он не подчинялся, кроме того, подмайора во флоте недолюбливали.

Скотт вручил бумагу прапорщику и сказал, глядя сквозь последнего:

— Предупредите своих людей, в 20.10 корабль начнет выполнять противоракетный маневр. Осталось пятьдесят восемь минут.— На часы он даже не взглянул.— Всем занять места в противоперегрузочных оболочках в 20.00. Ста-а... новись!

Мы поднялись и без особого энтузиазма ответствовали хором:

— Так-растак вас, сэр.

Идиотизм.

Скотт покинул помещение, за ним, ехидно ухмыляясь, последовал прапорщик. Я повернул свое кольцо в положение «4», канал моего заместителя по отделению, и заговорил в него:

— Тэйт, это Манделла.— Все остальные в комнате делали то же самое.

Отозвался голос Тэйта:

— Здесь Тэйт. Что случилось?

— Собери людей и предупреди, чтобы к 20.00 все находились в оболочках. Противоракетный маневр.

— Вот сволочь. А говорили, что еще две недели.

— Думаю, что-то случилось. Возможно, у командора появилась оригинальная идея.

— Командор может засунуть ее кой-куда. Ты в холле?

— Ага.

— Захвати для меня чашечку, как будешь возвращаться, ладно? С кусочком сахара.

— Идет. Буду через полчаса.

— Спасибо. Начну общий сбор.

Все собравшиеся в холле уже потянулись к раздатчику сои. Я стал в очередь за капралом Поттер.

— Что случилось, Мэригей, как ты думаешь?

— Я всего-навсего капрал и платят мне не за...

— Ладно, ладно. Я серьезно.

— Думаю, ничего серьезного. Наверное, командор решил еще раз испытать оболочки.

— Еще раз перед настоящим боем?

— Мгм. Наверное.

Она взяла чашку и подула на сою. Вид у нее был озабоченный, тонкая прямая морщина появилась на лбу между бровями.

— А может, нас поджидает еще один тельцианский корабль. Они вполне могут делать, как мы на Старгейте.

Я вздохнул.

— Старгейт — совсем другое дело. Прикрытие наиболее возможных углов выхода требует семи или восьми крейсеров для настоящего патрулирования. Мы не можем себе позволить прикрытие более чем одного коллапсара, и они, думаю, тоже.

— Не знаю.— Они ничего не сказали боль...— Возможно, мы наткнулись на их вариант Старгейта. Или у них в девять раз больше кораблей, чем мы думали. Или в сто раз. Кто знает?

Я наполнил две чашки и добавил сахар. Одну чашку прикрыл крышкой.— Никто не знает.

Мы вернулись к столу, аккуратно неся чашки, чтобы соя не расплескалась — при полутора «ж» она так и норовит выплеснуться.

— Наверное, Сингх что-нибудь знает,— сказала она.

— Наверное, знает. Но до него я могу добраться только через Роджерс и Кортеса. Кортес меня загрызет, если я полезу сейчас к нему.

— Что ты, я могу связаться с ним прямо. Мы... — она посмотрела на меня очень серьезно, на щеках появились ямочки.— Мы были друзьями!

Я отхлебнул немного сои — серная кислота — и постарался, чтобы голос у меня звучал хладнокровно:

— Вот, значит, куда ты исчезла в среду?

— Придется мне проверить список нарядов.— Она улыбнулась.— Думаю, что это будут понедельник, среды и пятницы в месяцах с буквой «Р» в названии. А что? Ты не одобряешь?

— Да нет же... черт побери, нет, конечно. Но... ведь он же офицер! Флотский офицер!

— Его прикрепили к нашей команде, значит, частично он в армии.— Она повернула кольцо.— Дирекционную!— Повернулась ко мне: — А как поживает ласковая мисс Гармония?

— Это не одно и то же.

Мэригей шептала код дирекционной в свое кольцо.

— Неужели? Ты просто хотел попробовать с офицером. Извращенец.— Кольцо прогудело два раза.— Понравилось?

— Вполне.— Теперь я возьму реванш.

— Кстати, прапорщик Сингх — настоящий джентльмен. И совсем не ревнивый.

— И я тоже,— сказал я.— Если он тебя обидит, скажи мне, я ему накостыляю.

Она улыбнулась мне из-за чашки.

— А если лейтенант Гармония обидит тебя, скажи мне, и я ей накостыляю.

— По рукам.— И мы с подобающей серьезностью скрепили договор рукопожатием.

2

Противоперегрузочные оболочки были установлены во время нашего отдыха на Старгейте. Последнее слово науки. Они позволяли нам использовать двигательные ресурсы корабля почти полностью, тахионная тяга позволяла ускоряться более чем с двадцатипятикратной перегрузкой. Тэйт ждал меня в акселерационном отделении. Остальные мои люди уже были собраны здесь и склонялись без дела. Я протянул Тэйту чашку.

— Спасибо. Ты что-нибудь узнал?

— Боюсь, что ничего. Но флотские, похоже, не очень волнуются, а это их игра. Возможно, еще одна учебная тревога.

Он отхлебнул немного сои.

— Вот черт. Но нам-то все равно. Только сиди тут, пока тебя до полусмерти задавит. Не люблю я такие штуки.

— Может, они скоро начнут воевать вообще без людей. Тогда мы отправимся домой.

— Ясное дело.

Подошел медик и сделал мне положенный укол.

Я подождал до 19.50 и отдал моим людям приказ:

— Двигаем. Забраться в оболочки и застегнуться!

Противоперегрузочная оболочка напоминала обыкновенный гибкий скафандр, во всяком случае внутреннее устройство почти полностью совпадает. Только вместо ранца с системой жизнеобеспечения здесь имеются три шланга, один идет в шлем, два выходят из пяток, кроме того, имеются по две отводные трубки на каждую оболочку. Костюмы плотно уложены плечом к плечу на легких противоперегрузочных койках. Забираться в оболочку — все равно, что пробираться по огромному блюду *вчерашнего спагетти*.

Когда индикаторы у меня в шлеме показали, что все задраили свои оболочки, я нажал соответствующую кнопку, затапливающую комнату. Видно ничего не было, конечно, но я живо представил, как бледно-голубая жидкость — этилен-гликоль и еще что-то, пенясь, заполняет нашу камеру. Материал оболочки, прохладный и сухой, плотно обхватил меня со всех сторон, прилегая к каждой точке тела. Я знал, что давление у меня внутри быстро растет, уравновешивая наружное давление. Для этого и делался укол — чтобы вам не расплющило клетки. Но все равно тяжесть давала о себе знать. К тому времени, когда на счетчике у меня появилась «2» (наружное давление соответствовало глубине в две морские мили), мне показалось, что я сейчас лопну и буду раздавлен одновременно... В 20.05 счетчик показывал «2,7» и на этом успокоился. Когда в 20.10 началось выполнение маневра, я особой разницы не заметил. Хотя игольная стрелка указателя немного вздрагивала, и я еще подумал, интересно, какое ускорение потребовалось, чтобы вызвать это едва заметное колебание.

Основным недостатком противоперегрузочных оболочек была их стационарность. Всякий, не успевший забраться в свой костюм до начала ускорения, когда «Годовщина» выдавала полные свои двадцать пять «ж», автоматически превращался в земляничный джем. Управлял крейсером и вел бой исключительно компьютер — в нормальной обстановке происходит то же самое, но всегда хочется иметь за пультом человека-контролера.

Кроме того, если корабль получал повреждение и происходила разгерметизация, вы взрывались, как перезрелая дыня — вот еще одно маленькое неудобство. А если падало давление, вас расплющивало в мгновение ока.

Чтобы выбраться из оболочек, требуется минут десять — это только на снятие костюма. А вы думали, выпрыгнули из оболочки и прямо в бой? Только четверо человек на борту обладали какой-то подвижностью, пока мы были замкнуты в оболочках — это корабельная аварийная команда. Но им приходилось, естественно, таскать свой костюм вместе с собой, что превращало оболочки в двухтонные аппараты. И даже им приходилось не двигаться с места, пока крейсер маневрировал.

Ускорение продолжалось до 20.30. Загорелась зеленая лампочка, и я нажал кнопку откачки амортизационной жидкости.

Мы с Мэригей одевались снаружи. От запаха этилен-гликоля у меня слегка кружилась голова.

— Это откуда?— я показал на ярко-красную полосу, бежавшую по коже Мэригей от правой груди к противоположному бедру.

— Уже второй раз,— сказала она, сердито растирая кожу.— Первый раз она была на спине. Наверное, костюм плохо прилегает.

— Наверное, это ты немного похудела.

— Очень умно.

Наш режим питания и упражнений был расписан по калориям и контролировался с момента пригонки боекостюмов на Старгейт. Сенсорная пленка внутри костюма должна обволакивать тело, как вторая кожа, иначе вы не сможете пользоваться боекостюмом.

Вмонтированный в систему интерком заглушил дальнейшие комментарии Мэригей.

— Внимание! Весь армейский персонал, эшелон 6 и выше, и весь флотский персонал, эшелон 4 и выше, собраться в брифинг-холле в 21.30. Внимание!..

Сообщение повторили два раза. Я отправился полежать несколько минут, пока Мэригей показывала свой синяк медику и оружейнику. Прошу заметить, я совсем не ревновал.

Брифинг проводил сам командор.

— К сожалению, ничего хорошего сообщить вам не могу.

— Шесть дней назад преследующий нас корабль тельциан выпустил снаряд-ракету. Первоначальное ускорение его составляло восемьдесят «ж».— Командор сделал паузу.

— Примерно через сутки ускорение снаряда возросло до 148 «ж».— Всеобщий вздох.

— Вчера оно подпрыгнуло до 203 «ж». Все вы знаете, что это в два раза превосходит ускорение вражеских ракет во время нашего последнего боя.

— Мы выпустили четыре ракеты по четырем, наиболее вероятным в соответствии с прогнозом нашего компьютера, будущим траекториям тельцианского снаряда. И один из них прошел очень близко от снаряда, пока мы выполняли маневр ухода. Мы уничтожили тельцианский снаряд на дистанции в десять миллионов километров отсюда.

Десять миллионов — это ведь почти рукой подать.

— Единственное, чему можно порадоваться, так это результатам анализа взрыва. Судя по всему, мощность заряда у тельциан не увеличилась. Видимо, их достижения в области системы тяги не соответствуют достижениям в области поражающих зарядов. Или они не считают необходимым увеличивать мощность взрыва.

— Здесь мы впервые сталкиваемся с проявлением весьма важного физического эффекта, который до сих пор рассматривали только теоретики. Вот вы, скажите мне,— он указал на Негулеско,— сколько времени прошло с тех пор, как мы впервые столкнулись с противником у Альфы?

— Это зависит от системы отсчета,— с готовностью ответил Негулеско.— С моей точки зрения, прошло восемь месяцев, командор.

— Совершенно верно. Из-за релятивистского замедления времени вы потеряли около девяти лет, пока мы маневрировали между прыжками. Следовательно, в инженерном смысле, этот тельциан-

ский корабль явился из нашего будущего!— он сделал паузу, чтобы все смогли обдумать услышанное.

— И чем дальше, тем с ходом войны эта разница между субъективным и объективным временем будет становиться все более заметной. Поскольку тельциане в равной с нами степени подвержены действию законов теории относительности, эффект будет играть им на руку так же часто, как и в нашу пользу.

— Но в данный момент преследуют нас, и чем больше будет уменьшаться дистанция между нами, тем больше риск. Тельциане в конце концов могут вас просто расстрелять.

— Мы решили попробовать одну хитрость. Как только дистанция сократиться до пятисот миллионов километров, вся команда ляжет в противоперегрузочные оболочки и мы доверим наши жизни логическому компьютеру. Компьютер произведет сложную серию внешне случайных изменений в скорости и направлении полета.

— Скажу вам откровенно. Если у тельциан всего на одну ракету больше, чем у нас, они могут нас прикончить. Пока они выпустили только одну. Вероятно, не хотят зря тратить боезапас.— Он нервно промакнул лоб.— А возможно, у них и было всего одна. В таком случае, это они у нас в руках.

— Как бы там ни было, весь корабельный экипаж и команда должны быть готовы залечь в оболочки по десятиминутному предупреждению. Когда дистанция сократится до миллиона километров, все должны находиться в противоперегрузочных камерах, готовые лечь в оболочки. Мы не можем ждать ради одного человека.

— Вот все, что я могу сказать. А вы, подмайор?

— Я поговорю со своими людьми позже, командор. Благодарю.

— Разойдись.

Никаких «так-растак» и прочей ерунды. Флотские считают подобные штучки ниже своего достоинства. Но мы продолжали стоять по стойке «смирно»— все, кроме Скотта,— пока командор не вышел. Потом какой-то чин еще раз сказал «разойдись», и мы повалили из комнаты. Я отправился в наш холл, выпить сои, поговорить с ребятами, и может, что-нибудь разузнать.

Но ничего существенного я не услышал. И отправился спать.

3

Обещанная беседа с подмайором состоялась на следующее утро, но он в основном повторил все то, что мы уже слышали от командора, только в других терминах. Он особо отметил тот факт, что если фактическая подготовка тельцианских кораблей значительно улучшилась, то нечто аналогичное могло произойти с их навыками наземного боя, и теперь с ними будет куда сложнее справиться.

Но тут возникал интересный вопрос. Восемь месяцев, или девять лет, тому назад, у нас было подавляющее преимущество пе-

ред тельцианами. Те, похоже, просто не понимали, что происходит. Если судить по их воинственности в космосе, то в рукопашном бою тельциане должны были оказаться сущими дьяволами. На самом же деле, они спокойно дали себя перебить. Одному удалось, и он, очевидно, познакомил сородичей с идеей старомодного наземного боя.

Но это, конечно, вовсе не означало, что тельциане, которые нас преследовали, уже знали о битве у Альфы. Единственный способ коммуникации, более быстрый, чем скорость света, представлял собой тот же коллапсарный прыжок. Или серию прыжков. Определенно сказать, сколько прыжков от родной планеты тельциан до базы у Иод-4, было невозможно. Поэтому гарнизон местной базы мог бы оказаться таким же пассивным, как и первый. Хотя не исключено, что они уже почти декаду упражнялись в приемах рукопашного боя. Ответ мы узнаем, когда доберемся туда.

Мы с оружейником помогали нашему отделению проводить профилактику боекостюмов, когда сигнал заставил нас отправиться в противоперегрузочную камеру. Мы пересекли рубеж дистанции в миллион километров.

У нас оставалось еще около пяти часов ничегонеделанья, прежде чем придется забраться в коконы оболочек. Я сыграл в шахматы с Раби и получил мат. Потом Роджерс затеяла гимнастику, просто чтобы люди отвлеклись от перспективы четыре часа лежать полузадавленными в оболочках. До сих пор и половины этого срока мы не проводили в коконах.

За десять минут до пересечения последнего предела в пятьсот миллионов километров, мы, командиры отделений, лично занялись укладыванием и проверкой герметичности оболочек. Через восемь минут мы уже все улеглись в костюмы, и камеру наполнила амортизационная жидкость. Теперь наши жизни зависели — или находились в надежных руках — нашего логического компьютера.

Пока я лежал, сдавливаемый невидимым прессом, одна нелепая мысль засела мне в голову и никак не хотела исчезать, все кружила и кружила, словно заряд в сверхпроводимом контуре: в соответствии с формальной наукой войны, последняя требует приложения, как тактики, так и логики, она же стратегия. Стратегия занимается передвижением войск в больших массах и всем остальным, кроме действительного ведения боя, который относится к тактике. И вот мы сейчас ведем бой, но у нас почему-то не тактический компьютер, а логический, то есть, другими словами, стратегический, этакий сверхэффективный клерк от стратегии.

Другая половина моего сознания, не столь, видимо, угнетенная перегрузкой, возражала. Какое значение имеет название компьютера? В любом случае это только куча кристаллов памяти, процессоров, стекло и пластик... Запрограммируй компьютер соответствующим образом и получишь эквивалент Чингиз Хана, вот тебе и тактический компьютер, хотя до этого он контролировал товарный рынок или сток нечистот.

Но первый голос продолжал упрямо спорить. Если так рассуждать, говорил он, то и человек — это не более, как куча костей, облаченных в плоть, кожу и волосы. Обучи его соответствующим образом — и получишь то ли дзень-буддиста, то ли послушного и кровожадного солдата-убийцу. Зависит от обучения.

А что такое тогда я, мы, вы, отвечала вторая половина. Миролюбивый специалист по вакуумной сварке, а также и учитель физики, призванный в соответствии с Элитарным Призывным Законом и перепрограммированный в убивающую машину. Ты, я, мы — убивали, и нам это понравилось.

Но ведь это был гипноз, внушение, поведенческое кондиционирование, возражал я сам себе. Больше такого с нами не сделают.

А почему? Потому, говорил я себе же, что уверены, без кондиционирования вы будете теперь убивать еще эффективнее. Простая логика.

Кстати о логике. Почему логический компьютер выполняет работу человека? Или, о чем я думал сначала?.. И тут я отключился.

Потом замигала зеленая лампочка, и рефлекторно я нажал кнопку разгерметизации. Я не сразу сообразил, что мы живы и, значит, выиграли первый раунд.

Я был прав только частично.

4

Я затягивал ремешок куртки, когда кольцо связи укололо мне палец и пришлось оставить ремешок, чтобы послушать.

Вызывала Роджерс.

— Манделла, проверь камеру третьего взвода, там что-то случилось. Дальтон разгерметизировал их с центрального пульта.

Третья камера... это же отделение Мэригей! Я помчался по коридору босиком и был у дверей камеры как раз в тот момент, когда они уже сами открывали ее изнутри и выбирались наружу.

Первым показался Бергман. Я схватил его за руку:

— В чем дело, Бергман?

— Что?— он уставился на меня все еще не вполне очнувшись, как и всякий, только покидающий камеру.— Ты, Манделла... Не знаю, а что такое?

Я попытался заглянуть внутрь камеры, не выпуская руку Бергмана.

— Как что? Вы опоздали с расшнуровкой, парень.

Он потряс головой, стараясь прийти в себя.

— Опоздали? На сколько опоздали?

Я в первый раз посмотрел на часы.

— Не слишком... Боже, мы ведь улеглись в оболочки в 05.20. Правильно?

— Ну да.

Я все никак не мог разглядеть Мэригей среди смутно видимых фигур внутри камеры, пробиравшихся к выходу между рядами коек и спутанными шлангами оболочек.

— Вы, вроде, всего на пару минут опоздали. Но предполагалось, что мы пробудем под ускорением четыре часа, или меньше, а сейчас уже 10.50.

— Угм,— он опять мотнул головой. Я отпустил руку Бергмана, чтобы дать дорогу Стиллеру и Дэми, выходившим из камеры.

— Все опоздали, выходит,— сказал Бергман.— Все, значит, в порядке.

— В порядке... Постой... Эй, Стиллер! Ты не видел...

Из камеры донесся крик:

— Медика! Медика!

Кто-то проходил в дверях, но это была не Мэригей. Я оттолкнул ее в сторону и нырнул в дверной проем, приземлился еще на кого-то и пробрался к Струве, заместителю Мэригей. Струве очень громко говорил в свое кольцо.

— ... и переливание крови тоже...

Это Мэригей все еще лежала в расстегнутой оболочке, она вся была...

...нам сообщил Дальтон...

каждый квадратный дюйм тела Мэригей был покрыт кровяной пленкой, *повсюду одинаково* яркой

— ... когда она не вышла из кокона...

Она начиналась у нее под подбородком алой лентой и до самой грудины это была только красная пленка.

— ... я сам расстегнул оболочку...

Дальше живот рассекала длинная рана, все более углублявшаяся, пока в самом низу наружу не выглядывала белесая мембрана кишечника.

— ... да, она без сознания... понял, левое бедро, Манделла...

Но Мэригей еще дышала, сердце сбилось с ритма, глаза закатились, кровяные пузырьки появлялись и лопались в углу рта всякий раз, когда она едва заметно вздыхала.

— ... татуировка на левом бедре. Манделла! Ты слышишь? Посмотри, на левом бедре, какая у нее кровь?

— Группа «о», резус отрицательный,— БОГ МОЙ, я сто раз видел эту татуировку!

Струве начал передавать сведения, а я вспомнил о висевшем у меня на поясе пакете первой помощи и начал лихорадочно перебирать его содержимое.

«Остановить кровь... наложить повязку... ввести противошоковый препарат». Так говорилось в учебнике. Что-то я забыл, что-то там еще... «Обеспечить доступ воздуха». Она дышит, что бы они ни имели в виду. Остановить кровь... Как ее остановить, если рана в метр длиной, а у меня одна стерильная повязка? Противошоковый препарат... Это я сейчас. Я выловил в пакете зеленую ампулу, приложил к руке Мэригей и нажал кнопку. Потом я положил по-

вязку стерильной стороной на выпиравшие из раны внутренности, эластичный ремешок обвел за спиной, поставил нейтральное давление и дал ему затянуться.

— Что еще можно сделать?— спросил меня Струве.

— Не знаю,— я отступил на шаг, чувствуя полную беспомощность. — Может, ты что-нибудь посоветуешь?

— Я такой же доктор, как и ты.— Взглянув в сторону двери, он сжал кулак, напрягая мускулы.— Черт, скоро они? У тебя в пакете есть морфлекс?

— Есть, но меня предупреждали не вводить его внутрь...

— Уильям?

Мэригей открыла глаза и пыталась приподнять голову. Я поддержал ее.

— Все будет в порядке, Мэригей. Сейчас придет врач.

— Что... в порядке? Я хочу пить. Воды.

— Нельзя, тебе сейчас нельзя пить. Потерпи немного.— Ее наверняка будут оперировать.

— Откуда кровь?— сказала она тоненьким голосом. Голова упала обратно.— Какая я нехорошая.

— Это оболочка виновата,— быстро сказал я.— Помнишь, еще раньше появились складки?

Она покачала головой.

— Костюм?— Она вдруг побледнела, словно ее тошнило.— Воды... пожалуйста.

— Принесите полотенце или губку, смоченную водой.— Уверенный голос позади меня. Я обернулся и увидел Дока Уилсона и еще двоих с носилками.

— Сначала пол-литра в бедренную,— сказал он, ни к кому определенно не обращаясь, после того, как осторожно приподнял повязку и посмотрел на рану.— Отпустите пару метров отводкой трубки, потом обрежьте. Проверьте, нет ли там крови.

Один из медиков ввел десятисантиметровую иглу в бедро Мэригей и начал переливать кровь из пластикового мешка.

— Мы не смогли сразу к вам,— устало сказал Док.— Работы по горло. Что ты говорил насчет оболочки?

— У нее уже два раза перед этим были синяки. Костюм плохо прилегал, получались складки.

Док рассеянно кивнул, измеряя давление у Мэригей.

— Вы ей вводили...— Кто-то сунул ему в руки мокрое бумажное полотенце.— Ага, хорошо. Вы ей что-нибудь вводили?

— Одну ампулу «анти-шока».

Он сложил полотенце несколько раз и положил его в раскрытую ладонь Мэригей.

— Как ее зовут?

Я сказал ему.

— Мэригей, воды мы сейчас тебе не можем дать, но смочи губы полотенцем. Сейчас я посвечу тебе в глаза.— Пока он смотрел в зрачки Мэригей сквозь металлическую трубку, один из помощни-

ков измерил температуру с помощью электронного тестера.— Внутреннее кровотечение?

— Есть, но не очень сильное.

Док слегка прижал рукой повязку на животе Мэригей.

— Ты не смогла бы чуть-чуть повернуться на правый бок?

— Да,— медленно сказала Мэригей, упираясь локтем для опоры.— Нет,— сказала она через секунду и заплакала.

— Ну-ну,— быстро сказал Док и слегка помог ей повернуться, только чтобы можно было видеть спину.— Только одна рана,— пробормотал он.— До черта крови.

Он дважды нажал на кольцо связи и потряс им возле уха.

— Есть кто-нибудь свободный?

— Харрисон оставался, может, и его уже вызвали.

В камеру вошла какая-то женщина, бледная, с растрепанными волосами, в запачканной кровью куртке. Это была Эстелл Гармония, но я ее не сразу узнал.

Док Уильсон поднял глаза.

— Новые пациенты, доктор Гармония?

— Нет,— устало ответила она.— У аварийщика была двойная ампутация. Прожил всего несколько минут. Мы его подключили к машине на случай, если понадобятся трансплантанты.

— А остальные?

— Взрывная дегерметизация.— Гармония шумно вздохнула.— Вам помочь?

— Да, погоди только минуту.— Док еще раз попытался вызвать медотсек.— Проклятье, ты не знаешь, куда делся Харрисон?

— Не знаю... может, во второй хирургической, если что-то не в порядке с аварийщиками. Но я вроде сделала все как надо.

— О, черт, ты же знаешь как...

— Готово!— сказал медик, переливавший кровь.

— Еще пол-литра в бедренную,— сказал Док Уильсон.— Эстелл, ты не могла бы заменить одного из ребят, подготовить девушку на операцию?

— Конечно, я сейчас свободна.

— Хорошо... Хонкинс, сходите в медотсек и привезите «телегу» и литр, нет, два литра изотонического флюокара, основной спектр.— Док отыскал на своем рукаве не испачканное кровью место и промакнул лоб.— Если найдешь Харрисона, пусть бежит в первую хирургическую, настраивает анестезиатор на внутрибрюшную операцию.

— А ее отвезти в первую хирургическую?

— Да. Если не найдешь Харрисона, возьми тогда кого-нибудь...— он ткнул пальцем в сторону,— вот этого парня, пускай поможет отвезти ее в операционную, а ты побежишь вперед и подготовишь анестезиатор.

— Можно было бы начать прямо сейчас,— он рылся в сумке с медикаментами,— но у меня только пераметадол.— Мэригей, как ты себя чувствуешь?

Слезы все еще катились у нее по щекам.

— Мне... больно.

— Потерпи немного,— ласково сказал Док. На секунду он задумался, потом повернулся к Эстелл.— Неизвестно в точности, сколько она потеряла крови. Кроме того, имеется небольшое внутреннее кровотечение. Но не думаю, чтобы это случилось очень давно — она бы не выжила под ускорением. Надеюсь, что мозг тоже не пострадал.

Он тронул измеритель, прикрепленный к руке Мэригей.

— Следи за кровяным давлением, как только придет в норму, введешь ей пять кубиков вазоконстриктора. Я побегу.

Он закрыл сумку.

— У тебя есть какой-нибудь вазоконстриктор, кроме пневматического?

Эстелл проверила содержимое своей сумки.

— Нет, только одноразовая ампула... ага, есть ограниченная доза с мышечным дилятором.

— Отлично, если давление подскочит, вводи.

— Буду давать ей вместе с дилятором по два кубика за один раз.

— Сойдет. Все не путем, но... Если ты еще не очень устала, может, будешь ассистировать?

— Буду.

Док Уильсон кивнул и убежал.

Эстелл начала вытирать живот Мэригей изопрониловым спиртом. У него был холодный чистый запах.

— Ей вводили «анти-шок»?

— Да,— сказал я.— Минут десять назад.

— Ага. Вот отчего Док беспокоился... нет, ты все правильно сделал. Но в состав «анти-шока» входит вазоконстриктор. Пять кубиков сверху — этого может оказаться слишком много.— Она продолжала смазывать засохшую кровь, каждую минуту поглядывала на индикатор давления.— Эта жен... то есть Мэригей, она твой постоянный партнер?

— Да.

— Она красивая,— достойное замечание, особенно сейчас, когда вся Мэригей покрыта запекшейся кровью, на щеках потеки, там, где я старался утереть слезы. Наверное, только врач или женщина могла под всем этим увидеть красоту.

— Да.— Мэригей перестала плакать и лежала с крепко зажмуренными глазами, высасывая последние остатки воды из бумажного полотенца.

— Можно дать ей еще воды?

— Да, но только так же, как и в первый раз.

Немного.

Я пошел в раздевалку, где была вода и бумажные полотенца. Пары этиленгликоля успели к этому времени развеяться, и теперь я чувствовал запах воздуха. Тревожный запах. Слегка тянуло

машинным маслом и перегретым металлом, словно в мастерской. Наверное, перегрузили кондиционер, подумал я. То же самое случилось при первом испытании оболочек.

Мэригей взяла мокрое полотенце, не открывая глаз.

— Вы думаете остаться вместе, когда вернетесь на Землю?

— Наверное. Если вернемся. Впереди еще кампания.

— Ничего больше не будет,— равнодушно сказала она.— Ты, получается, ничего еще не знаешь?

— О чем ты?

— Ты знаешь, что корабль получил попадание?

— Попадание! Как же мы тогда все уцелели?

— Да,— Эстелл снова начала вытирать кровь.— Четыре противоперегрузочные камеры. Камера оружейников и оружейная. Теперь у нас ни одного боекостюма... а в одном белье много не навоюешь.

— Что... четыре камеры... а люди?

— Никто не выжил.

Тридцать человек.

— Кто именно?

— Весь третий взвод. И первое отделение второго взвода.

Аль-Седат, Вусья, Максвелл, Негулеско.

— Бог мой.

— Тридцать убитых, и они даже не поняли, как это получилось. И до сих пор никто не понимает. Но может повториться каждую минуту.

— Так это была не ракета?

— Нет, мы перехватили все их снаряды. И покончили с их крейсером тоже. Ни один индикатор ничего не показывал. Просто — БАММ!— треть корабля провалилась в преисподнюю. Хорошо, что не двигатель и не СЖБ.

Но я едва слышал ее. Пенворд, Смайдерс, Кристиан и Фрида. Все мертвы. Я словно онемел.

Эстелл вытащила из сумки бритву и тюбик гелевой пасты.

— Будь джентльменом, не смотри. А, вот.— Она смочила кусок марли спиртом и подала мне.— Сделай доброе дело, вытри ее лицо.

Я начал вытирать.

— Что ты делаешь?— спросила Мэригей, не открывая глаз.

— Стараюсь быть настоящим джентльменом. Я делаю доброе дело...

— Весь персонал, внимание! Весь персонал!— В камере не было интеркома, но в открытую дверь все было хорошо слышно. Интерком находился в раздевалке.— Весь персонал шестого эшелона и выше, кроме непосредственно задействованных в аварийных работах и оказании медицинской помощи, должен явиться в центральный холл.

— Я должен идти, Мэригей.

Она ничего не сказала. Наверное, она даже не слышала объявления.

— Эстелл,— я повернулся к Гармонии, черт с ним с джентльменом.— Ты мне...

— Да, я сразу тебе сообщу, как только можно будет что-то сказать наверняка.

— Хорошо.

— Все будет в порядке.— Но лицо у нее было озабоченное и невеселое.— Теперь иди,— мягко добавила она.

Когда я выбрался в коридор, интерком начал повторять объявление уже четвертый раз. В воздухе чувствовался какой-то новый запах, но я и знать не хотел, что это было.

5

На полпути в центральный холл я вдруг сообразил, что вид у меня кошмарный, и нырнул в ближайшую раздевальню рядом с комнатой отдыха флотского персонала. Капрал Камехамелла торопливо расчесывала волосы щеткой.

— Уильям! Что с тобой стряслось?

— Ничего.— Я пустил воду и взглянул в зеркало. Все лицо испачкано в засохшей крови, и куртка тоже.— Это Мэригей, капрал, ее оболочка... очевидно, образовалась складка...

— Она *погибла*?

— Нет, тяжело ранена, ее будут оперировать...

— Не горячей водой. Останется пятно.

— Да, правильно.— Горячей водой я умыл лицо, побрызгал холодной на куртку.— Камера твоего отделения идет третьей после камеры Ала, правильно?

— Да.

— Ты видела, что случилось?

— Нет. То есть, не видела, когда это случилось.— Первый раз я увидел, как она плачет, слезы, как горошины, катились по щекам и капали с подбородка. Голос у нее оставался ровным, она только с силой потянула себя за волосы.— Это мясорубка.

Я подошел к ней и положил руку на плечо.

— НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ,— она вспыхнула и сбросила мою руку щеткой для волос.— Извини. Пойдем, наверное.

В дверях она слегка тронула меня за рукав.

— Уильям, ты понимаешь...— она посмотрела на меня с вызовом.— Понимаешь? Я просто рада, что меня там не было. И никак иначе.

Я понимал ее, но не могу сказать, что поверил.

— Обо всем, что произошло, можно рассказать очень коротко,— с напряжением в голосе сказал командир,— потому что мы очень мало знаем.

— Через десять секунд после уничтожения крейсера противника, какие-то два тела, очень маленькие по размерам, ударили наш корабль примерно в средней части. Поскольку они не были обнару-

жены заранее, а мы знаем пределы возможностей наших следящих устройств, можно сказать, что двигались они со скоростью, превышающей девять десятых световой. Выражаясь точнее, вектор их скорости, перпендикулярный вектору скорости корабля, превышал девять десятых световой. Они проскользнули за отражающими полями.

— Когда «Годовщина» идет на релятивистских скоростях, впереди нее, по линии полета, генерируются в пространстве два мощных энергетических поля. Первое — в десяти тысячах километров от корабля, второе — в пяти тысячах. Энергию этим полям дает «разгонный» эффект — они поглощают ее из межзвездного газа, который мы встречаем на пути.

— Всякое достаточно большое тело, чтобы вызвать тревогу за целость обшивки крейсера — то есть, если его можно разглядеть в мощную лупу — проходит сначала сквозь первое поле и получает сильный отрицательный заряд. Потом оно попадает во второе поле и отбрасывает с пути корабль. Если тело слишком велико и его невозможно отклонить в сторону, то мы можем загодя обнаружить его и уйти от столкновения.

— Нет нужды подчеркивать, что за страшное оружие применили тельциане. В момент попадания «Годовщина» двигалась относительно противника со скоростью, позволяющей ей всего за одну десятитысячную секунды проходить расстояние, равное длине ее корпуса. Кроме того, мы постоянно совершали короткие, совершенно не укладывающиеся в систему рывки в стороны с переменным ускорением. Следовательно, настигшие нас снаряды должны были управляться. Эта управляющая система должна была находиться внутри самих снарядов, так как в этот момент тельцианский крейсер был уже уничтожен. И все это помещалось в оболочку, по размерам не превышающую размеры речной гальки.

— Большинство из вас слишком молоды, чтобы помнить термин «футуршок». В семидесятые годы прошлого столетия некоторые люди считали, что технический прогресс идет слишком быстрыми темпами, что психика обыкновенных людей скоро будет не в состоянии справляться с этими темпами, что не успеют люди привыкнуть к настоящему, как это настоящее перейдет в будущее и застанет их врасплох. Человек по имени Тоффлер придумал специальный термин, описывающий такую ситуацию — «футуршок»— психический шок от невероятного по быстроте темпа перемен в жизни.— Иногда командор любит вдаваться в академические подробности.

— Сейчас мы в реальности находимся в ситуации, напоминающей эту психологическую концепцию. Результат чего — катастрофа. Трагедия. Как мы уже знаем по предыдущему собранию, сделать здесь мы ничего не можем. Относительность держит нас в прошлом — в прошлом для техники тельциан. Относительность ставит нас лицом к лицу с этой техникой, относящейся к нашему будущему. Мы можем только надеяться, что в следующий раз си-

туация кардинально изменится. И единственное, чем мы можем тут содействовать — это постараться вернуться на Старгейт, чтобы на Земле узнали о случившемся и тогда, возможно, специалисты на основе полученных нами повреждений смогут создать какую-нибудь контрсистему.

— Сейчас мы можем атаковать входную планету и уничтожить базу тельциан из космоса, не высаживая десант. Но мне кажется, что это повлекло бы за собой слишком большой риск. Нас могут... сбить с помощью того же устройства, что нанесло нам такой урон сегодня, и мы уже не вернемся на Старгейт, и не принесем сведения, которые я считаю жизненно важными для Земли. Мы могли бы послать автоматический снаряд, зонд, с соответствующим сообщением, но он может не достичь цели, и мы так и останемся позади противника в техническом оснащении.

— В соответствии с этим, мы рассчитали курс, который позволит нам обогнуть Иод-4, коллапсар будет прикрывать нас от нападения с базы противника на входной планете, и вернуться на Старгейт в кратчайший срок.

Тут командор сел и помассировал виски. Я не поверил своим глазам.

— Все вы здесь, по крайней мере, командиры секций или отделений. Большинство из вас имеет отличные послужные списки. И я надеюсь, что некоторые из вас вновь присоединятся к Силам по истечению двух лет вашей службы. Те, кто пожелает вернуться, будут, очевидно, произведены в лейтенанты и станут настоящими командирами.

— Именно с этими людьми я сейчас говорю, и не как непосредственный начальник, а как старший офицер и товарищ.

— Человек не может принимать командные решения, исходя только из соображений тактики и действовать только в соответствии с задачей нанести противнику максимальный урон, понеся при этом максимальные потери. Ведение войны в наше время превратилось в очень сложное дело. Победа — сложное целое, куда входят и военный успех, и экономическая ситуация, стратегические соображения, политические силы — десятки, в буквальном смысле, десятки факторов.

Я слушал командора, но в сознании у меня закрепился только один факт: всего час назад треть моих товарищей погибла мгновенной смертью, а он сидит тут перед нами и читает лекцию по теории ведения войны.

— Поэтому иногда, чтобы помочь выиграть войну, нужно отказаться от сражения. Сейчас мы находимся именно в такой ситуации.

— Мне не легко принять решение. Как никогда трудно, за всю мою службу. Потому что на Земле, по крайней мере, оно может показаться трусостью.

— Наш логический компьютер считает, что мы имеем примерно шестьдесят два процента на успех, если попытаемся атаковать

базу тельциан. К сожалению, мы имеем только тридцать процентов вероятности, поскольку некоторые варианты атаки включают в себя таран входной планеты на околосветовой скорости.

О БОЖЕ!

— Надеюсь, что никому из вас не приходилось стоять лицом к лицу с необходимостью принимать такое решение; когда мы вернемся на Старгейт, меня, возможно, будет судить трибунал — за трусость в бою. Но я искренне уверен, что информация, которую мы доставим, которую получат, исследуя нанесенные «Годовщине» повреждения, гораздо важнее, чем уничтожение одной базы противника.— Командор выпрямился.— Гораздо важнее, чем карьера одного офицера.

Я едва удержал смешок. Конечно же, «трусость» тут совершенно ни при чем. Конечно же, командор не имел понятия о таком примитивном и невоенном чувстве, как желание жить.

Аварийная ремонтная команда ухитрилась залатать огромную пробоину в борту «Годовщины» и загерметизировать поврежденный сектор. Остаток дня мы занимались уборкой помещений, не прикасаясь естественно к драгоценным «уликам», в жертву которых командор жаждал принести свою карьеру.

Хуже всего было выбрасывать за борт трупы погибших. Особенно тех, у кого лопнули противоперегрузочные оболочки.

Я зашел в комнату Эстелл на следующий день, едва она закончила дежурство.

— Сейчас тебе ее видеть ни к чему,— сказала она, потягивая из стакана смесь этилового спирта, лимонной кислоты и воды, с каплей какого-то эфира, за отсутствием апельсиновой цедры.

— Ей уже ничего не грозит?

— Не совсем. Во всяком случае, следующие две недели. Я объясню.— Она поставила стакан и оперлась подбородком на переплетенные пальцы рук.— Такая рана ничего серьезного не представляла бы — в нормальных условиях. После переливания крови мы бы смочили кое-чем ее внутренности и зашили бы рану. Через пару дней она бы уже вставала.

— Но имеются осложнения. Еще никто не получал ранение, находясь в коконе оболочки. Пока нет никаких тревожных симптомов, правда. Но мы хотим поддержать еще несколько дней.

— Кроме того, мы боялись перитонита. Знаешь, что такое перитонит?

— Да, приблизительно.

— Произошел разрыв в тканях внутренних органов — под воздействием давления. Воспаление брюшины. Поэтому мы полностью стерилизовали полость. Потом мы, естественно, заменили погибшую микрофлору готовой культурой из наших запасов. Это тоже, в общем-то, обыкновенная процедура, но обычно ее применяют при более опасных ранениях.

— Я понял.— От рассказа Эстелл мне стало не по себе. Похоже,

наши доктора не понимают, что нас совсем не восхищает видение самих себя, как мешков из кожи, наполненных непотребным мусором.

— Уже только поэтому не стоит ее беспокоить еще несколько дней. Замена внутренней микрофлоры — это процедура безопасная, но она производит бешеный эффект на пищеварительную систему.

— Но опять же, в нормальных условиях ей ничто не угрожало бы. Но мы тормозимся на постоянных полутора «ж», а ее внутренние органы и так получили хорошую встряску. И если мы вдруг начнем увеличивать ускорение, хоть немного выше двух «ж», она погибнет.

— Но... нам придется давать больше двух, на финальной прямой! Что...

— Знаю, знаю. Но это еще недели через две. К тому времени она уже поправится.

— Уильям, ты должен посмотреть правде в глаза. Она чудом выжила. И только если повезет, она доберется до Земли. Жаль, конечно, она много значит для тебя, но мы уже стольких потеряли... ты должен свыкнуться с этой мыслью...

Я сделал долгий глоток из своего стакана. Содержимое его ничем не отличалось от эстеллиного, не считая лимонной кислоты.

— Ты становишься довольно толстокожей.

— Возможно... нет, я просто реально смотрю на вещи. Мне кажется, впереди нам еще не такое придется увидеть.

— Меня это уже не волнует. Едва придем на Старгейт, как можете считать меня штатским.

— Не торопись. Эти клоуны, призвавшие нас на два года, вполне могут растянуть их до четырех или...

— Или шесть, или двадцать, или до бесконечности. Но ничего у них не получится. Начнется восстание.

— Не знаю. Если они приучили нас убивать, они могут приучить нас к чему угодно. Даже добровольно остаться на сверхурочную.

Мрачная перспектива.

Позже мы попытались заняться любовью, но ничего не вышло. Мы оба были заняты посторонними мыслями.

Я увидел Мэригей примерно через неделю. Она была еще очень слабой, сильно осунулась и с трудом реагировала на окружающее. Док Уильсон заверил меня, что этот эффект дают медикаменты, мозг, к счастью, совсем не пострадал.

Мэригей все еще не поднималась с койки, кормили ее через трубку, внутривенно. Я начинал чувствовать беспокойство. Хотя с каждым днем ей становилось все лучше, но если она не встанет на ноги до прыжка, у нее нет шансов выжить. Ни Док Уильсон, ни Эстелл ничем не могли меня обнадежить. Все зависит от выносливости Мэригей, говорили они.

За день до выхода на финальную прямую они переместили ее в противоперегрузочную койку Эстелл в лазарете. Чувствовала она

себя уже вполне хорошо и начала принимать пищу нормальным образом, но вставать еще не могла — при полуторной силе тяжести.

Я пришел к ней в медотсек.

— Ты уже знаешь, что мы меняем курс? К Тет-38 пройдем через Альфа-9. Еще четыре месяца в этой проклятой жестянке. Но зато шесть дополнительных лет боевого стажа, с соответствующей оплатой.

— Это хорошо.

— Еще бы, ты подумай только, вот вернемся мы на Землю...

— Уильям.

Я замолк. Никогда не умел врать.

— Хватит меня подбадривать. Расскажи про вакуумную сварку, про свое детство, все что угодно. Только не суй ты мне эту чушь про возвращение на Землю.— Она отвернулась к стене.

— Я слышала, как два врача разговаривали обо мне в коридоре. Думали, что я еще не проснулась. Но я и сама уже догадалась, очень уж все старались меня обнадежить.

— Так что расскажи мне о Мехико-Сити, ты ведь родился в 1975 в Мехико-Сити, правильно? А что было потом? Ты все время там жил? А в школе хорошо учился? Были у тебя там друзья? Или все считали тебя умником, как случилось со мной? А сколько тебе было лет, когда ты стал настоящим мужчиной?

Мы еще некоторое время поговорили в таком тоне. Мне было неудобно. И во время разговора меня осенила идея. Сразу от Мэригей я пошел к Доку Уильсону.

— Шансов у нее — примерно пятьдесят на пятьдесят. Но это очень приблизительно. Это первый известный случай такого рода, заранее ничего нельзя сказать наверняка.

— Но можно сказать, что чем меньше будет она подвергаться перегрузкам, тем более у нее шансов выжить?

— Конечно. Командор постарается вести «Годовщину» насколько это будет возможно мягко. Но все равно, будет четыре или пять «ж» в конце. А для нее даже трех хватит. Хотя заранее мы ничего не можем сказать точно.

Я нетерпеливо кивнул.

— Правильно, но я, кажется, нашел способ. Можно сделать так, что Мэригей будет подвергаться гораздо меньшей перегрузке, чем мы все.

— Если ты изобрел антиперегрузочный экран,— с улыбкой сказал Док,— то спеши получить патент. Продашь его за солидную...

— Нет, в нормальной обстановке от него будет мало толку. Наши оболочки работают лучше, и основаны они на том же принципе.

— Тогда объясняй.

— Мы поместим Мэригей в свободную оболочку и заполним...

— Погоди, погоди. Ничего не выйдет. Плохо прилегающая обо-

лочка все и натворила, во-первых. А ведь теперь ей придется пользоваться запасной...

— Я это знаю, дай мне объяснить, Док. Оболочка может и не прилегать, как требуется обычно, пусть только работает вход и выход системы жизнеобеспечения. Внутри не будет никакого давления. Потому что и снаружи она не подвергнется обычному давлению в килограмм на квадратный сантиметр, как все.

— Тогда я не понимаю.

— Здесь действует... ты ведь изучал физику, верно?

— Изучал немного в медшколе. Самый для меня жуткий предмет, после латыни.

— Ты помнишь принцип эквивалентности?

— Название такое помню. Что-то связанное с теорией относительности, кажется.

— Правильно. Согласно ему... нет разницы между поведением *тела в поле притяжения и под действием соответствующего ускорения*. То есть, если «Годовщина» дает ускорение в пять «ж», то это все равно, как если бы мы опустились на большую планету с притяжением в пять «ж» на поверхности.

— Очевидно.

— Отлично. И никакой эксперимент, проводимый на борту корабля, не покажет разницы: то ли корабль идет с большим ускорением, то ли он совершил посадку на тяжелой планете.

— Как это не может? Если выключить двигатели...

— Или выглянуть наружу, правильно. Я имею в виду изолированный, лабораторный физический эксперимент.

— Ну ладно, я понял. И так?

— Ты знаешь закон Архимеда?

— Конечно, историю с поддельной короной... вот что меня всегда поражало, относительно этой физики — сколько шуму вокруг очевидных вещей, а когда доходит до грубого дела...

— Этот закон говорит: на всякое тело, погруженное в жидкость, действует сила, равная весу вытесненной телом жидкости.

— Все справедливо.

— И этот закон, соответственно, справедлив для любого гравитационного поля или системы, которая движется с ускорением. В корабле при ускорении в пять «ж» вода, вытесненная телом — если это вода — весит в пять раз больше, чем вода обыкновенная, при одном «ж».

— Понятно.

— Значит, если кто-нибудь будет плавать в резервуаре с водой, находясь в состоянии невесомости, то он будет в невесомости как при одном «ж», так и при пяти.

— Погоди-ка. Ты меня почти убедил, только ничего не получится.

— Почему не получится?— Мне ужасно хотелось сказать Доку, чтобы он занимался пилюлями и стетоскопами, а физику предоставил мне, но, к счастью, я удержался.

— Что будет, если ты упустишь гаечный ключ, находясь внутри подводной лодки?

— Подводной лодки?

— Да. Подводная лодка тоже подчиняется закону Архимеда...

— Проклятье! Ты прав. Я не подумал до конца...

— Ключ упадет на пол, даже если подводная лодка висит в толще воды, как в невесомости.— Док смотрел в пространство, постукивая карандашом по крышке стола.— Подобно тому, что ты предлагаешь, мы лечим пациентов с сильнейшими повреждениями кожи, ожоги и так далее, но этот способ не дает никакой опоры внутренним органам, что делают противоперегрузочные оболочки. Поэтому Мэригей это ничем не поможет.

Я поднялся, собираясь уходить.

— Извини, что отнял время...

— Погоди минуту. Возможно, твоя идея нам пригодится, частично.

— Каким образом?

— Я тоже сначала не подумал. Обычное применение оболочки для Мэригей исключается.— Мне даже думать об этом не хотелось.— Без шипнокондиционирования там бы не выдержать, пока насыщенный кислородом флюскарбон проникает внутрь сквозь все естественные отверстия и одно искусственное.— Я потрогал пальцем вращенный у бедра клапан.

— Ее бы просто разорвало... ты думаешь... низкое давление...

— Правильно. Нам придется защищать ее от полного пятикратного ускорения, маневрировать и менять ускорение мы ведь не будем. Я сейчас свяжусь с ремонтной секцией. Отправляйся-ка в камеру вашего отделения, мы используем ее. Далтон придет прямо туда.

До погружения в поле коллапсара осталось пять минут, и я начал заполнение камеры. Мы были там с Мэригей одни. Мое присутствие тоже особенно не требовалось, все манипуляции могли выполняться с пульта управления. Но никогда не мешало подстраховаться, и кроме того, я хотел быть с Мэригей.

По сравнению с обыкновенной процедурой нам было невозможно хорошо — никакого расплющивания, никакого распухания. Просто сначала нас совершенно внезапно наполняет пахнущая пластиком субстанция (никак не удается уловить момент, когда она замещает воздух в легких), потом вы чувствуете легкое ускорение, а в следующий момент уже ждете, пока раскроется костюм. Потом вы отключаете шланги, выбираетесь наружу...

— Началось кровотечение.— Голос Дока Уильсона звучал словно из склепа. Я повернулся и сквозь щипанье в глазах увидел, что Док стоит, прислонившись к косяку двери в алькове раздевальни. О ужас, он улыбался.

— Что мы и ожидали. Доктор Гармония позаботится о ней. Все будет в порядке.

6

Через неделю Мэригей уже ходила, еще через неделю мы уже делили прелести «свободного общения», а через шесть недель было объявлено о ее полном выздоровлении.

Десять долгих месяцев полета и все эти месяцы — армия, армия, армия всю дорогу. Гимнастика, бесмысленная работа, обязательные лекции — поговаривали, что будто даже собираются восстановить прежний порядок соседств на ночь, но этого не сделали, наверное, опасались бунта. Ведь многие уже нашли себе более или менее постоянных друзей и подруг, и их совсем не устраивал случайный партнер на ночь.

Вся эта чушь, вся армейская дисциплина и прочее волновали меня вот почему: я боялся, что нам не разрешат подать в отставку. Мэригей назвала меня параноиком. Просто ничем другим нельзя занять людей на целых десять месяцев, сказала она.

Кроме обычных сплетен из армейской жизни, всех в основном занимал один вопрос: как сильно переменилась за эти годы Земля, и что мы там будем делать, когда до нее доберемся? Все мы будем довольно состоятельными людьми — двадцать шесть лет копилась наша плата, плюс проценты — пятьсот долларов, что мы получили за первый месяц в армии, уже выросли до полутора тысяч.

На Старгейт мы прибыли в конце 2023 года.

База разрослась до неузнаваемости за семнадцать лет, что мы провели в компании ИОД-4. Теперь это было единое здание, размерами с лунный Тихо-сити, вмещавшее десять тысяч человек.

К базе было припарковано семьдесят восемь крейсеров, все класса «Годовщины» или еще крупнее, которые занимались рейдами на входные планеты тельциан. Еще десять кораблей охраняли систему Старгейт, а два крейсера крутились на орбитах, поджидая своих десантников и экипаж. Один корабль, «Надежда Земли-П» вернулся из боевого рейда, и теперь ждали возвращения еще одного корабля.

Они потеряли две трети команды, и посылать корабль с тридцатью девятью людьми обратно на Землю было неэкономно. Тридцать девять выживших — тридцать девять убежденных штатских.

Мы отправились на базу Старгейт в двух посадочных катерах.

Генерал Ботофорн (на Хароне, когда там имелось только два бункера и двадцать четыре могилы, мы звали его всего-навсего майором) принял нас в не без изящества оборудованной комнате для занятий. Он прохаживался взад и вперед, за ним виднелся большой куб демонстратора голографического изображения. Я едва различал надписи и был изумлен, когда увидел, как далеко до Иод-4. Конечно, расстояние особой роли не играет, у нас ведь есть прыжок. До Альфа Центавра мы добирались бы в десять раз дольше, хотя Альфа Центавра наш ближайший сосед, но это не коллапсар.

— Вы знаете...— начал он слишком громко, но тут же сменил тон на более доверительный.— Вы знаете, что мы могли бы включить вас в состав других ударных групп и послать обратно в действие. В Элитарный Призывной Закон внесена поправка, срок службы удлинен до пяти лет субъективного времени.

— Но мы этого не делаем, хотя... Черт побери! Я просто понимаю, почему бы некоторым из вас не остаться в армии. Еще два-три года, и вы будете обеспечены на всю жизнь. Конечно, вы понесли тяжелые потери... но это неизбежно, вы были первыми. Теперь будет куда легче. Боекостюмы были усовершенствованы, мы больше знаем о тактических приемах тельциан, наше оружие стало гораздо эффективнее... Вам просто нечего бояться.

Он сел во главе стола, за которым мы все собрались, и посмотрел вдоль его продольной оси, никого особо не замечая.— Моим собственным воспоминаниям о войне уже полвека. Мне война дала возможность почувствовать себя настоящим мужчиной. Возможно, я был человеком другого склада.

Или у него хорошая избирательная память, подумал я. Здесь помню, а здесь...

— Но что было, то сплыло. Я могу предложить нам вариант, исключающий непосредственное участие в боевых действиях.

— Нам не хватает квалифицированных инструкторов. Практически, у нас их вообще нет. Идеальный инструктор — это только боевой ветеран.

— Вас обучали ветераны Вьетнама и Синая, самым молодым из них было уже за сорок, когда вы покинули Землю. Двадцать шесть лет тому назад. Поэтому вы нам очень нужны и оплата будет соответствующей.

— Каждый из вас получит звание лейтенанта, если согласится стать инструктором. Инструктором на Земле, или на Луне — с двойной оплатой, на Хароне — с тройной, или здесь на Старгейте — оплата увеличена в четыре раза. Кроме того, вы можете не спешить с ответом. Каждому разрешается свободный проезд обратно на Землю — завидую вам, ребята. Я не был дома уже двадцать лет, и наверное, никогда не вернусь теперь, и вы сможете почувствовать себя штатским человеком. Если это вам придется не по вкусу — просто обратитесь в любое отделение ИСООН, и оттуда вы уже выйдете офицером. С правом выбора места службы.

— Вижу, кое-кто улыбается. Погодите с выводами. Земля немного не похожа на ту, что вы покинули.

Он вытащил из кармана небольшую карточку и взглянул на нее, слегка усмехнувшись.— У большинства из вас на счетах имеется по четыреста тысяч долларов, это накопившаяся оплата и проценты. Но Земля ведет войну, и ее гражданам приходится поддерживать экономику своими налогами. Ваши доходы подлежат налоговому обложению в размере 92%. Тридцать две тысячи долларов вам может хватить года на три — если будете экономить.

— Кроме того, вы захотите найти работу, а война — единст-

венное дело, для которого вы обучены по высшему классу. На Земле не так уж много рабочих мест. Население сейчас составляет девять миллиардов человек, из них пять или шесть миллиардов — безработные. И вы еще отстали на двадцать шесть лет от развития науки и техники.

— Не забывайте также, что все ваши друзья и возлюбленные постарели на те же двадцать шесть лет. Многие из ваших родителей уже не живут. Боюсь, что дома вам покажется весьма одиноко.

— Но чтобы вы узнали побольше о мире, куда направляетесь, я передаю слово сержанту Шири, который недавно прибыл с Земли. Сержант, прошу.

— Прошу вас, генерал.

Что-то не в порядке было у сержанта с лицом, с кожей, и тут я понял, что щеки у него напудрены и он пользуется губной помадой. Ногти на руках очень ухоженные, миндалевидные.

— Не знаю даже с чего начать.— Он закусил верхнюю губу и нахмурившись взглянул на нас.— Все очень переменилось даже с тех пор, как я был еще мальчиком.

— Сейчас мне двадцать три, то есть я даже еще не родился, когда вы ушли к Альфе... Ну ладно, для начала... много ли среди вас склонных к гомосексуализму?— Склонных не было.— Не удивительно... Я лично гомосексуалист.— Ого, шутки в сторону.— Как и каждый третий в Европе и Северной Америке. В Индии и Ближнем Востоке это число еще больше. Но уменьшается в Латинской Америке и в Китае.

— Большинство правительств поощряет гомосексуальность, ООН заняла нейтральную позицию, главным образом потому, что это наиболее действенный метод контроля над рождаемостью. Благовидный предлог. В армии поступают просто — замораживают образец спермы, а потом донору вазектомию. Надежная защита от дурака.

— Еще когда я учился, большинство гомосексуалистов в корпусе оправдывались этим аргументом. Кроме того, метод действовал, судя по всему. Я ожидал, что на Земле будет жить больше, чем девять миллиардов людей.

— Когда меня предупредили, еще на Земле, что я буду с вами говорить, я специально разыскал некоторые сведения, в основном из старых журналов и инфо-записей.

— Многое из того, чего вы опасались в прошлом, так и не произошло. Скажем, голод человечеству до сих пор не грозит. Даже не используя всю пригодную для обработки землю и океанские ресурсы, нам удалось накормить все население, и мы сможем удовлетворить потребности даже вдвое большего количества людей. Новая пищевая технология и равномерное распределение калорий. Когда вы покидали Землю, миллионы людей находились на грани медленного умирания от голода... С этим покончено.

— Вас волновала проблема преступности? Как я узнал из журналов и записей, в наше время невозможно было пройти по улицам

Нью-Йорка или Лондона или Гонконга без телохранителя. Но теперь, когда все получают достаточное образование, когда о людях больше заботятся — успехи психометрии позволяют развить потенциально преступника еще в детском возрасте и он получит действенное корректирующее лечение — теперь число серьезных преступлений неуклонно уменьшается вот уже последние двадцать лет. Наверное, сейчас в целом мире совершается меньше тяжких преступлений, чем в ваше время в одном большом...

— Все это хорошо и прекрасно,— вмешался в беседу генерал, давая тоном понять, что все далеко не так,— но мне приходилось слышать кое-что другое. Что вы называете тяжким преступлением? А остальные виды правонарушений?

— Ну, это убийство, избиение, изнасилование — все серьезные преступления, связанные с нападением на человека, сходят на нет. Покушения на собственность личности — мелкие кражи, вандализм, незаконное поселение — все они еще продолжают су...

— Что это значит «незаконное поселение»?

Сержант поколебался, потом ответил:

— Человек положительно не должен лишать другого человека части жизненного пространства, незаконно присваивая собственность последнего.

Александров поднял руку.

— Вы хотите сказать, что не существует понятия «частная собственность»?

— Почему существует... Я, например, имел в собственности свою комнату, пока меня не призвали.— Эта тема почему-то явно смущала его. Новые социальные табу?— Но имеются границы.

— Как вы поступаете с преступниками?— Это Лутулли.— Приговаривают ли еще к мозгостиранию?

Сержант с видимым облегчением переменил тему.

— Нет, нет. Этот способ считается примитивным. Варварским. Мы накладываем на сознание преступника матрицу новой, здоровой личности. Общество принимает их обратно как полноправных членов. Очень хороший способ.

— Существуют ли тюрьмы?— Это Юкава.

— Наверное, вы можете назвать корректировочный центр тюрьмой. Пока люди не получат лечения и не будут выпущены, они находятся там против воли. Но можно сказать, что именно неправильное применение свободы воли привело их в этот центр.

Я не имел намерений стать правонарушителем, поэтому я спросил его о том, что меня больше всего волновало.

— Генерал сказал, что большая часть населения не имеет работы, что нам не удастся получить место. Это верно? Нам тоже придется перейти на пособие?

— Я не знаю, что вы имеете в виду под пособием? Конечно, правительство оказывает помощь не имеющим работы. Это верно... я сам не имел работы, пока меня не призвали. По образованию я композитор.

Видите ли, хроническая безработица имеет две стороны. Обеспечивать ведение войны может миллиард человек или два миллиарда. Но это не значит, что все остальные сидят сложа руки.

— Каждый гражданин имеет право в течение молодости — до восемнадцати лет, до четырнадцати — в обязательном порядке — получить бесплатное образование. Плюс отсутствие необходимости заботиться о пропитании — все это привело к расцвету искусств. Сейчас на Земле больше художников и писателей, чем за все прошедшие тысячелетия после нашей эры! И плоды их труда получает самая широкая и образованная общественность, из когда-либо существовавших.

Не мешало над этим поразмыслить. Раби поднял руку.

— И вы уже произвели нового Шекспира? Нового Микельанджело? Количество — это еще не все.

Сержант Шири совершенно женским жестом откинул волосы со лба.

— Это несправедливый вопрос. Решать будут наши потомки. Только они могут делать сравнения подобного рода.

— Сержант, когда мы с вами разговаривали перед этим,— сказал генерал,— вы упомянули, что жили в этаком гигантском улье, а не в обыкновенном здании, и что никто уже не может жить за городом?

— Да, сэр, это верно. никто не имеет права поселяться на потенциально обрабатываемой земле. И у меня, там где я живу, то есть ж и л, семь миллионов соседей, мы все помещаемся практически в одном здании — городской комплекс Атланта. Но это не значит, что мы живем в тесноте. В любой момент спуститься на лифте вниз, погулять по полю, пойти посмотреть морской берег, если захочешь...

— Вам, ребята, нужно подготовиться к этому. Города теперь мало напоминают случайные агломерации зданий, к каким привыкли вы. Большинство больших городов было сожжено и разрушено во время голодных бунтов в 2004 году, перед тем, как ООН взяла в свои руки производство и распределение пищи. Восстанавливать они уже будут по новым, функциональным проектам.

— Париж и Лондон, например, были полностью перестроены. Так же, как и большинство мировых столиц. Вашингтон, впрочем, уцелел. Сейчас это просто куча монументов и административных зданий, подавляющее большинство служащих которых живет в окружающих комплексах — Рестоне, Фредерике, Колумбии.

Потом Шири отвечал на вопросы ребят, каждый хотел узнать, что сталось с его родным городом — и в общем-то, картина вырисовывалась не такая уж мрачная, куда лучше, чем мы думали.

Кто-то грубо поинтересовался, почему Шири употребляет косметику, и сержант ответил, что теперь так делают все, независимо от наклонностей. Я решил, что буду отщепенцем, и пускай моя физиономия выглядит, как она есть.

Мы присоединились к уцелевшим членам экипажа «Надежды-П» и на их крейсере отправились в путь к Земле. Ученые и техники

тем временем занимались анализом повреждений нашей «Годовщины». Командор в скором времени должен был давать показания о случившемся, но насколько я знаю, судить его не собирались.

На обратном пути жилось нам довольно. За семь месяцев я прочитал тридцать книг, научился играть в го, и провел курс лекций по основам физики — весьма устаревшей к тому времени — и еще больше привязался к Мэригей.

7

Пусть это меня не слишком волновало, но на Земле мы стали своего рода знаменитостями. На посадочном поле нас лично встречал Генеральный Секретарь — невысокий чернокожий человек по имени Якубу Ойуккви — и еще сотни тысяч, если не миллионы зрителей собрались в округе посмотреть на наше прибытие.

Генеральный Секретарь выступил с речью перед собравшимися, потом офицеры с «Надежды-П» тоже что-то там пробормотали по бумажке, пока все остальные потели в тропическом зное.

Большущий чоппер доставил нас в Джексонвиль, где находился ближайший международный аэропорт. Сам город был перестроен и выглядел примерно так, как и описывал его сержант Шири. Впечатляющее зрелище, должен вам сказать.

Сначала мы увидели монолитную серую гору, этакий слегка неправильный конус серого цвета, поднимающийся навстречу нам из-за горизонта. Гора сидела посреди бесконечного пространства, занятого разноцветными заплатками обрабатываемых полей, к ее основанию сходились десятки шоссейных дорог и железнодорожных веток. Видимость была прекрасной, четко виднелись белые ниточки дорог с маленькими кучками машин, ползущих по ним, но мозг отказывался воспринять это зрелище в правильном соотношении размеров. Очень уж громадным он был, этот комплекс.

Мы подлетали все ближе и ближе — слегка потряхивало в зонах восходящих потоков — пока здание-город не превратилось в светло-серую стену, закрывшую все поле зрения с одной стороны. Приблизившись еще больше, мы начали различать черные точечки людей. Одна точечка была на самом краю балкона, возможно, махала нам рукой.

— Ближе нам не подойти,— сказал пилот по интеркому,— иначе управление перехватит городская система и посадит нас на крышу. Аэропорт находится севернее.

И мы свернули в сторону, проносясь сквозь тень города.

Аэропорт ничего особенного не представлял — таких больших, конечно, мне еще не приходилось видеть, но конструкция была обычной: центральное здание вокзала походило на ступицу гигантского колеса, от него множество монорельсовых дорог вели к расположенным в километре или около того от центрального здания вспомога-

тельным терминалам, где совершалась посадка и высадка пассажиров. Но наш чоппер приземлился прямо на поле рядом со стратолайнером, идущим в Швейцарию. Мы шли по коридору, который охрана расчищала среди восторженной толпы встречающих. Думаю, имея в запасе миллиарды ничегонеделающих, собрать такую толпу труда не составляло.

Я боялся, что опять придется терпеливо выслушивать чьи-нибудь речи, но мы поднялись сразу на борт лайнера. Стюарды и стюардессы угощали нас сандвичами и напитками, пока поле очищали от посторонних. Просто слов нет, какой вкус у сандвича с цыпленком, после двух-то лет на дерьмовой сое, а про холодное пиво и говорить нечего.

Мистер Ойуккви объяснил, что мы направляемся в Женеву, в резиденцию ООН, где нас сегодня вечером будет приветствовать Генеральная Ассамблея. Будет глазеть на нас, скорее, подумал я. Он сказал, что родственники большинства из нас уже находятся в Женеве.

Пока мы набирали высоту, я обратил внимание; что вода в Атлантике кажется неестественно зеленой и решил позже спросить стюардессу. Но тут все стало ясно — мы пролетели над океанской фермой — я не знал, на какой высоте мы находимся, и не мог оценить ее размеры — четыре больших плота двигались цепью, оставляя за собой полосы чистой голубой воды, которые постепенно исчезали, затягиваясь зеленью. Еще до посадки мне удалось узнать, что плоты собирают какой-то вид тропической хлореллы, ею откармливают скот.

Женева тоже представляла собой здание-город, похожее на Джексонвиль, но поменьше размерами. Возможно, окружавшие ее настоящие горы создавали такую иллюзию. Внешние стены и крыша были покрыты снегом. Было очень красиво.

Сквозь вихри снежинок — как здорово оказаться под открытым небом!— мы перешли из лайнера в чоппер, он доставил нас на крышу города, потом мы спустились лифтом, проехали на движущейся дорожке, снова спустились на лифте, снова дорожка, потом уже нормальный коридор и вот мы на Трансштрассе 281 В, комната 45 — указано было на адресной карточке в моей руке. Мой палец задержался у кнопки звонка, я вдруг оробел.

Я уже свыкся с мыслью, что отца больше нет на свете — подобного рода информация была приготовлена для нас на Старгейте — и меня куда больше волновала сейчас перспектива увидеть маму, которая стала вдруг восьмидесятичетырехлетней. Я едва не рванул в сторону, чтобы отыскать местный бар и слегка приглушить чувства, но решил идти напролом и нажал кнопку.

Дверь тут же открылась. Мама постарела, но внешне почти не изменилась, только больше стало морщин и волосы были совсем седые. Мы посмотрели друг на друга и обнялись и мне стало удивительно хорошо, что я так рад снова ее видеть.

Она взяла у меня шапку и проводила в гостиную номера, и тут

я встал на пороге, как вкопанный: там стоял мой отец, он улыбался, но лицо серьезное, в руке — неизменная трубка. На мгновение я послал проклятье армейским растяпам, неправильно меня информировавшим, но тут же понял, что это не мог быть мой отец, что таким я видел его еще в детстве.

— Майкл? Это ты, Майк?

Он засмеялся.

— А кто же еще, Уилли?

Это был мой младший брат, теперь уже солидный мужчина среднего возраста. Последний раз я видел его в 1993 году, когда я закончил колледж. Ему было тогда шестнадцать, через два года он был уже на Луне в составе программы ИСООН.

— Ну, как Луна, надоела?— спросил я, пожимая руку брату.

— Э? Нет, нет, Уилли, я теперь каждый год на месяц-другой возвращаюсь на «большую землю». Теперь не то, что раньше.— Когда его завербовали, человек получал право только одного проезда назад — в случае, если рассчитывал, топливо стоило слишком дорого для ежегодных отпусков.

Мы все трое уселись вокруг мраморного кофейного столика, и мама предложила мне сигарету.

— Все так переменилось,— сказал я, прежде чем они смогли спросить что-нибудь про войну.— Расскажите мне, как вы живете, расскажите обо всем.

Брат замахал руками и рассмеялся:

— Однако, длинная будет история. У тебя как, пара недель в запасе имеется?— Он явно еще не решил, какого тона придерживаться со мной. Что я ему, племянник или как? Во всяком случае, я уже не старший брат.

— Майкла можешь не спрашивать, по крайней мере,— сказала мама.— Все селениты разбираются в жизни на Земле не больше, чем девственницы в поцелуях и прочем.

— Ну, мама...

— Огромный энтузиазм и никакого опыта.

Я закурил сигарету, у нее был странный сладкий привкус, и глубоко затянулся.

— Луняне каждый год по пять недель проводят на Земле. Половину времени они тратят на советы, как земляне должны вести дела.

— Возможно. Но остальную половину времени мы просто наблюдаем. Объективно.

— Ага, вот и любимое словечко нашего Майкла — «объективно»,— мама откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

— Мам, ты же сама понимаешь... Черт, оставим. Уильям сам разберется, у него еще жизнь впереди.— Он выпустил облачко дыма, я заметил, что он курит не затягиваясь.— Расскажи нам лучше о войне. Я слышал, ты был в настоящем бою с тельцианами. Лицом к лицу.

— Да, было. Ничего особенного.

— Ага. Я слышал, они трусы,— сказал Майкл.

— Да я бы не сказал... так.— Я потряс головой, собирая мысли. Марихуана нагоняла на меня сон.— Похоже, они просто не понимали, в чем дело. Это было как в тире — они выстроились в линию, мы их подстреливали.

— Как же это?— сказала Ма.— А передавали, что у вас убито девятнадцать человек.

— Девятнадцать человек убито? Это не правда.

— Я не помню сейчас точно.

— Мы действительно потеряли девятнадцать человек, но только четверо были убиты. Это еще в самом начале боя, пока мы не разобрались на подробностях, обойтись без лишних сложностей.— Из оставшихся пятнадцати одного ранило нашим же выстрелом. Он потерял руку, но остался в живых. Остальные... сошли с ума.

— Как... особое оружие тельциан?— спросил Майкл.

— Да не при чем тут тельциане! Наше подсознание подвергли кондиционированию, как только сержант произнесет ключевую фразу. Когда люди пришли потом в себя, они не смогли вынести воспоминаний. Как они крошили тельциан.— Я потряс головой. Наркотик что-то сильно стал на меня действовать.

— Слушайте, я ужасно извиняюсь,— с некоторым трудом я поднялся на ноги.— Я уже почти двадцать...

— Ну, конечно же, Уильям. — Мама взяла меня под локоть и провела в спальню, пообещав разбудить вовремя, чтобы мы успели на вечернее празднество. Кровать была чересчур удобной, но я мог бы заснуть даже прислонившись к обхватистому дереву.

Усталость плюс «трава» и множество впечатлений, в результате маме пришлось брызгать мне в лицо холодной водой, иначе просыпаться я не хотел. Потом мы подошли к стенному шкафу и она выбрала для меня подходящую для официального приема обмундировку. Я предпочел кирпично-красное одеяние — серо-голубое показалось мне несколько франтоватым — принял душ и побрился. От косметики я отказался. (Майк уже накрасился и предлагал мне свою помощь), вооружился листком с инструкцией, как найти здание Генеральной Ассамблеи и отправился в путь.

Я дважды терял направление, но, к счастью, у них на каждом перекрестке коридоров имелись миниатюрные компьютеры, дававшие указания для потерявшихся на четырнадцати языках.

Мужская мода, как я заметил, явно начала обращаться к прошлому. От талии и выше все еще было не так плохо — облегающая блуза с высоким воротником и небольшая шапочка, но ниже шел широкий, сверкающий и совершенно бесполезный пояс, на котором болтался украшенный драгоценными камнями кинжал, пригодный разве что для распечатки конвертов, потом панталоны, ниспадавшие широкими складками и заправленные в сияющие сапоги из пластика, на высоком каблуке и доходящие до колен. Добавьте шляпу с пышным пером, и Шекспир с дорогой душой взял бы вас статистом в свой «Глобус».

Женщинам было легче. Я встретил Мэригей у входа в холл Генеральной Ассамблеи.

— Уильямс, мне кажется, что на мне совсем ничего нет.

— Смотрится неплохо, впрочем. Ничего не поделаешь, мода... есть мода.— Большинство молодых женщин, встретившихся мне на пути к Ассамблее, были одеты аналогичным образом: нечто очень похожее на обыкновенную сорочку с обширными прямоугольными вырезами по бокам. Вырезы начались у подмышек, а заканчивались там, где у вас сам собой вырывался возглас «Гм!». Наряд требовал от хозяйки большой сдержанности в движениях и не меньшей веры в силу статического электричества.

— Ты уже видел зал?— спросила Мэригей и взяла меня под руку.— Пойдем, конкистадор.

Мы прошли сквозь полуавтоматические двери, и я тут же остановился, пораженный. Холл был таким огромным, что можно было подумать, что находишься где-то снаружи.

Пол представлял собой круг около ста метров в диаметре, стены уходили на высоту шестидесяти или семидесяти метров, вместо потолка был прозрачный купол — я припомнил, что видел этот купол во время посадки — сквозь который были видны языки и спирали серого снега, несущегося по ветру. Стены покрывала мозаика — тысячи фигурок в хронологическом порядке представляли историю достижений человека. Не знаю, сколько времени я так простоял.

Пройдя через холл, мы присоединились к компании наших ребят — отважные ветераны угощались кофе. Кофе был синтетический, но все равно лучше, чем соя. К великому моему разочарованию, оказалось, что табак на Земле почти не выращивают, а в некоторых странах его даже запретили — дабы сохранить пригодную для обработки почву. Поэтому то, что можно было достать, стоило ужасно дорого, а качество оставляло желать лучшего — в основном это был самосад, его выводили любители где-нибудь в балконных ящиках или на крохотных двориках. Единственный хороший табак привозили с Луны, и цены были в буквальном смысле астрономическими.

Зато вдоволь было дешевой марихуаны... В некоторых странах, например в США, ее вообще можно было получить бесплатно. Она производилась и распределялась правительством.

Я предложил Мэригей сигарету с «травой», но она отказалась.

— Придется привыкать постепенно. Я уже попробовала одну, она меня чуть не «выключила».

— Со мной то же самое.

Пожилой мужчина в форме вошел в наш уголок, грудь мундира украшал настоящий винегрет из наградных планок, его плечи были отягощены пятью звездочками каждое. Он благожелательно нам улыбнулся, когда почти половина людей вскочила на ноги. Я же остался сидеть, чувствуя себя в решающей мере штатским.

— Добрый вечер, добрый вечер,— сказал он, жестом приглашая садиться.— Рад видеть вас. В столь многочисленном составе.

Многочисленном? Едва ли половина от начального нашего отряда.

— Я — генерал Джери Манкер, начальник кадрового отдела ИСООН. Через несколько минут мы отправимся вот туда,— он кивнул в сторону Зала Ассамблеи — для проведения небольшой церемонии. Потом вы будете свободны, вы заслужили отдых. Познакомьтесь с миром, побездельничайте пару месяцев. Все, что угодно. Только держитесь подальше от репортеров.

— Но прежде позвольте сказать вам вот что: после этих месяцев отдыха вы захотите чем-нибудь заняться, кроме того, деньги тоже могут понадобиться...— как я и думал, это оказался примерно такой же шпиль, что приготовил для нас генерал Ботсфорд на Старгейт,— вам понадобится работа, и армия — единственная работа, которую вы наверняка сможете получить.

Известив нас, что через несколько минут к нам присоединится сопровождающий, который направит нас в Зал, генерал покинул наше общество. Оставшееся время мы развлекались перечислением достоинств сверхсрочной службы.

Сопровождающий оказался симпатичной молодой женщиной. Она без труда выстроила нас в алфавитном порядке (она явно придерживалась сходного с нами мнения о военных) и провела нас через холл.

Первый ряд делегатов освободил для нас места. Мне достался стол с табличкой «Гамбия», за которым я с неловким чувством прослушал речь о нашем героизме и самопожертвовании. Генерал Манкер излагал верные факты, только немного неправильными словами.

Потом нас вызывали одного за другим, и мистер Ойуккви вручил каждому золотую медаль весом, наверное, с целый килограмм. Потом он произнес речь о человечестве, сплоченном общей целью, пока скрытые голокамеры снимали нас. Вдохновляющее зрелище для граждан Земли. Потом мы потянулись к выходу под бурю аплодисментов. Мне почему-то не было радостно.

У Мэригей не осталось живых родственников, и я пригласил ее к себе. У центрального входа в Ассамблею слонялась толпа зевак, поэтому мы воспользовались другим выходом, поднялись случайным лифтом на несколько этажей и тут совершенно потерялись в лабиринте движущихся дорожек и экскалаторов. Тогда мы обратились за помощью к электронному ящику на перекрестке и добрались домой.

Я рассказал маме про Мэригей и что мы будем жить вместе. Они тепло поздоровались, и мама усадила нас в гостиной, позаботилась о напитках и отправилась готовить обед. К нам присоединился Майк.

— На Земле вам будет ужасно скучно,— сказал он после обычного обмена любезностями.

— Не знаю,— сказал я.— Армейская жизнь тоже не большое развлечение. Всякая перемена...

— Ты не найдешь работы.

— Да, физик из меня уже не выйдет. Двадцать шесть лет — все равно, что геологическая...

— Ты вообще не найдешь никакой работы.

— Почему? Я думаю снова пойти учиться и получить еще раз степень магистра, возможно, буду продолжать...

Майк покачал головой.

— Уильям, пусть скажет,— беспокойно задвигалась Мэригей.— Кажется, он что-то знает.

Майк опустошил свой стакан и покрутил его, наблюдая за кусочками льда на дне.

— Верно. Ты, знаешь, ведь Луна — это территория ИСООН, все мы там работаем на Силы, военный или штатский — все равно. И ты знаешь, как разносятся слухи.

— Старое армейское развлечение.

— Вот, вот. Ну, так я слышал кое-что...— он махнул рукой — ... кое-что о вас, о ветеранах и постарался этот слух проверить. Он оказался правдой.

— Рад слышать.

— Погоди радоваться.— Он поставил стакан на место, вытащил сигарету, повертел и спрятал назад.— ИСООН намерен любым способом склонить вас к возвращению в армию. Они контролируют Бюро Трудоустройства, и будь спокоен — ты окажешься или плохо обученным или слишком хорошо обученным для любой работы, какую бы ты ни попробовал найти, кроме армейской службы.

— Ты уверен?— спросила Мэригей. Мы оба знали достаточно много и понимали, что ИСООН вполне может такое устроить.

— Клянусь господом Богом. У меня есть знакомый в лунном отделении Бюро. Он показал мне приказ — все очень вежливо сформулировано. И в скобках — «без исключений».

— Может, когда я закончу колледж...

— Ты не попадешь в колледж. Не пробьешься сквозь лабиринт стандартов и ограничений. Попробуешь нажать — скажут, что ты уже стар... проклятье, я не смог пробиться на доктора, это в моем-то возрасте и...

— Да, я понял, я на два года старше, чем нужно.

— Вот именно. Или всю оставшуюся жизнь проживешь за счет государства, или вернешься в армию.

— Тут и думать нечего,— сказала Мэригей.— В солдаты мы не пойдем.

Я согласился:

— Если пять или шесть миллиардов человек могут прилично существовать и без профессии, то смогу и я.

— Они привыкли к этому с детства — к такому положению вещей,— сказал Майк.— И это, скорее всего, не совсем то, что ты представляешь себе. Еды они получают едва достаточно, чтобы

сбалансировать затраты энергии. Мясо раз в неделю. Даже по первому классу обеспечения.

— Ничего особенно нового,— сказал я,— особенно, по части еды — в армии нас так и кормили.

— Что до остального, то как ты сказал, мы с детства к этому не привыкли. Мы не станем целый день сидеть и смотреть телевизор.

— Я хочу рисовать,— сказала Мэригей.— Я всегда хотела серьезно заняться рисованием и живописью.

— А я буду продолжать изучать физику, просто так, для себя. И займусь музыкой и буду писать...— я обернулся к Мэригей,— или еще чем-нибудь займусь, как нам рассказал сержант Шири на Старгейте.

— Присоединишься к Новому Возрождению,— сказал Майк безжизненным тоном и раскурил трубку. Это был настоящий табак, и по комнате распространился замечательный запах.

Он, видимо, заметил, как я смотрю на него голодными глазами.

— Ну что из меня за хозяин!— Он извлек несколько листов бумаги из кисета и ловко свернул сигаретку.— Держи, Мэригей, ты будешь?

— Нет, спасибо, Майк. Если с табаком действительно трудно, то я лучше буду снова привыкать.

Майк кивнул, попыхивая погасшей было трубкой.

— Да, ничего хорошего. Лучше тренировать психику, научиться расслабляться и без табака.

Я закурил свою тонкую сигаретку.

— Хороша.

— На Земле ты ничего лучшего не достанешь. И марихуана у нас тоже лучше — от нее голова так не мутнеет.

Вошла мама и присела к нам.

— Обед будет готов через несколько минут. Майкл опять критикует наши порядки, я слышала.

— Разве я не прав? Пара сигарет с земной «травой»,— и ты зомби.

— Кто это «ты»? Ведь ты сам не куришь ее?

— Ладно, ладно. Послушный мальчик не перечит мамочке.

— Когда она права,— сказала мама, совершенно, однако, без улыбки. — Так! А вы, детки, любите рыбу?

И мы заговорили на совершенно безопасную тему, о том, какие мы голодные, и потом сели вокруг блюда, на котором лежал громадный лютианус, гарниром к нему был подан рис. Первая настоящая еда, которую нам с Мэригей пришлось отведать за последние двадцать шесть земных лет.

8

Как и все остальные, на следующий день я давал интервью на стереовидении. Полное отчаяние.

Комментатор:— Сержант Манделла, вы, судя по наградам, один из самых бравых солдат в ИСООН.

— Это точно, мы все получили по пригоршне планок еще на Старгейте.

— Вы участвовали еще в знаменитой кампании Альфа-О, первой настоящей битве с тельцианами, и вот сейчас как раз вернулись из рейда к Иод-4.

— Э-э, не совсем так, мы...

Комментатор:— Прежде чем мы расскажем о кампании Иод-4, наши зрители очень бы хотели услышать ваши личные впечатления от столкновения с тельцианами, так сказать, лицом к лицу. Жуткие существа они, не правда ли?

Я:— В общем-то, да. Наверное, вы видели снимки. Единственное, что на них плохо видно — это фактура покровной ткани. Кожа у них морщинистая, как у ящериц, и бледно-оранжевого цвета.

Комментатор:— А как они... пахнут?

Я: — Понятия не имею. В боекостюме можно чувствовать только собственный запах.

Комментатор: — Ха-ха, понимаю. Но мне хотелось бы узнать вот что, что вы чувствовали, вы лично, когда первый раз увидели противника... Испуг, отвращение, ненависть — что именно?

— Ну, сначала я был испуган, и отвращение тоже чувствовал. Это еще до боя, когда над нами пролетел одиночный тельцианин. Во время же боя мы находились под воздействием постгипнотического внушения — его нам сделали на Земле, и ключевая фраза приводила внушение в действие — и я испытывал только искусственную ненависть.

— Вы их презирали — и сражались немилосердно.

— Правильно. Мы истребили всех до одного. Хотя они и не пытались сопротивляться. Но когда нас освободили от воздействия внушения... мы сами не могли поверить, что это сделали мы. Четырнадцать человек сошли с ума, все остальные еще неделю сидели на транквилизаторах.

— Понимаю,— рассеянно сказал комментатор и бросил взгляд куда-то в сторону.— Сколько убили вы лично?

— Пятнадцать, двадцать — не знаю, ведь я уже говорил, что мы сами себя не помнили. Это было истребление.

В течение всего интервью комментатор как-то странно повторял сам себя и держался несколько скованно. Вечером, уже дома, я понял, в чем было дело.

Мэригей и я сидели перед стереокубом вместе с Майком. Ма отправилась к дантисту по поводу нескольких вставных зубов (считалось, что дантисты в Женеве лучше, чем американские). Мое интервью показывали по программе «Калейдоскоп», втиснув его между докумен-

тальным фильмом о лунных гидропонических оранжереях и концертом какого-то человека, утверждавшего, что он может сыграть «Двойную фантазию ля-мажор» Телеманна на губной гармошке. Мне было интересно узнать, смотрит ее еще кто-нибудь на целой Земле.

Что ж, интересно было посмотреть на гидропонические оранжереи, и парень играл на гармошке виртуозно, но между ними встряло интервью, и это была сплошная липа.

Комментатор:— А как они пахнут?

Я (за камерой):— Ужасная вонь, смесь гниющих овощей и жженой серы. Запах проникал в боекостюм сквозь отводной фильтр.

Все стало ясно — он заставлял меня говорить и говорить, чтобы набрать побольше материала, на основе которого они потом синтезировали мой голос.

— Черт побери, кто им позволил такое делать?— спросил я Майка, когда спектакль закончился.

— Не обижайся на этого парня,— сказал Майк, следивший за расчетверившимся образом музыканта, дувшего в четыре гармошки.— Все средства информации подлежат цензуре ИСООН. Уже десять или двенадцать лет, как Земля не получает объективных репортажей о войне. Хорошо, что они не подставили актера вместо тебя.

— А на Луне как, лучше?

— *Официальная информация ничем не отличается от Земной.* Но так как все связаны с работой в ИСООН, легко определить, где прямая подделка фактов.

— Они полностью вырезали часть, где я говорю про внушение.

— Понятно,— Майк вздохнул.— Им нужны герои, а не марионетки.

Интервью с Мэригей показали в программе следующего часа, и с ней сделали то же самое. Каждый раз, когда она на самом деле говорила что-то против армии или войны, камеры переключали на женщину, проводившую интервью, а искусственно созданный голос Мэригей возвещал очередную несуразицу.

ИСООН оплачивали полностью пятидневное пребывание в Женеве, и мы решили начать познавать новую жизнь на Земле прямо здесь. На следующее утро мы раздобыли план города — книжку сантиметровой толщины, и опустились на самый нижний уровень. Мы решили постепенно подниматься до крыши, не пропуская ничего интересного.

Нижний уровень представлял собой странную смесь промышленного и исторического. Основание здания-города покрывало большую часть старой Женевы, и многие из старых зданий сохранялись.

Подавляли шум и суета: громадные грузовые гидромобили вползали сквозь входные ворота, окруженные облаками снега, баржи причаливали к товарным докам (старушка Рона тихо текла сквозь недра бетонной горы), даже несколько миниатюрных вертолетов

сновали туда-сюда, координируя кипящую деятельность, ловко лавируя между подпорками и контрфорсами, удерживающими серое небо следующего уровня, в сорока метрах у нас над головами.

Мы могли бы смотреть на все это часами, но рисковали превратиться в сосульки. От ледяного ветра нас защищали только легкие накидки. Мы решили, что еще вернемся сюда, но уже одетые потеплее.

Следующий уровень именовался первым, вопреки элементарной логике. Мэригей объясняла, что европейцы всегда пользовались такой системой. (Забавно, я успел побывать за тысячу световых лет от моего родного Нью-Мексико, но первый раз в жизни пересек Антлантику). Первый уровень — это был мозг города, там работали административные органы, системотехники, аналисты и криогенники.

Мы стояли посреди просторного холла, в котором, как это ни странно, пахло стеклом. Одну стену занимал гигантский голографический клуб-демонстратор, на нем оранжевым светом сияла структурная схема женевской организационной системы, десятки тысяч имен, соединенных линиями, от «мэра» на самом верху и до «коридорных» в основании. Имена исчезали и перемещались или их увольняли, повышали или понижали в должности. Постоянное мерцание, мелькание линий — все это напоминало нервную систему какого-то фанатического существа. В определенном смысле так оно и было на самом деле.

Противоположная демонстрационному клубу стена была одним большим окном, открывавшим вид на комнату, которую висевшая рядом табличка идентифицировала, как «КОНТРОЛЬЦИММЕР» («контролерная»). За стеклом виднелись сотни висевших рядами техников, каждый за собственной отдельной консолью с полуплоским головизорным экраном и множеством индикаторов и циферблатов. В комнате царила напряженная атмосфера, которую всегда создают вокруг себя до предела занятые чем-то важным люди: у большинства техников по уши были надвинуты миниатюрные телефоны и через маленькие микрофончики они переговаривались с другими техниками, тем временем что-то записывая или нажимая переключатели. Другие, словно пианисты, «играли» на клавишах консолей, сдвинув наушники на шею. Очень немногие рабочие места пустовали, их владельцы с озабоченным видом пересекали комнату в различных направлениях.

Сквозь стекло доносился слабый отзвук таинственной деятельности обитателей комнаты.

Кроме нас в холле еще два посетителя. Краем уха я услышал, что они направляются посмотреть «на мозг». Мы последовали за ними по длинному коридору и оказались у очередного смотрового окна, сравнительно скромных размеров, если вспомнить контрольный зал. За окном находились компьютеры, поддерживающие функционирование Женевы, как единого целого. Коридор в этом месте освещало только холодное голубое сияние из комнаты за стеклом.

Размерами компьютерная тоже значительно уступала контрольному залу, она была не больше площадки для бейсбола. Ничем на вид не примечательные серые параллелепипеды компьютерных блоков соединялись между собой стеклянными тоннелями диаметром в рост человека. Через регулярные промежутки в стенах тоннеля имелись двери переходных камер. Очевидно, эта система позволяла добраться до одного из элементов в случае аварии, пока остальная часть комнаты оставалась при температуре около абсолютного нуля — для создания сверхпроводимости.

Хотя внешне компьютерная проигрывала перед деятельной атмосферой контрольного зала и суматохой нижнего уровня, но все же производила немалое впечатление, наводя на мысли о неведомых и могучих силах, подчиненных человеком. Храм, возведенный во славу порядка, целенаправленности и изобретательства.

Пара, за которой мы шли по коридору, сказала нам, что ничего больше интересного на этом уровне нет — только комнаты для конференций, административные учреждения и вечно занятые чиновники. Мы вернулись к лифту и поднялись на следующий уровень — это был главный торговый центр.

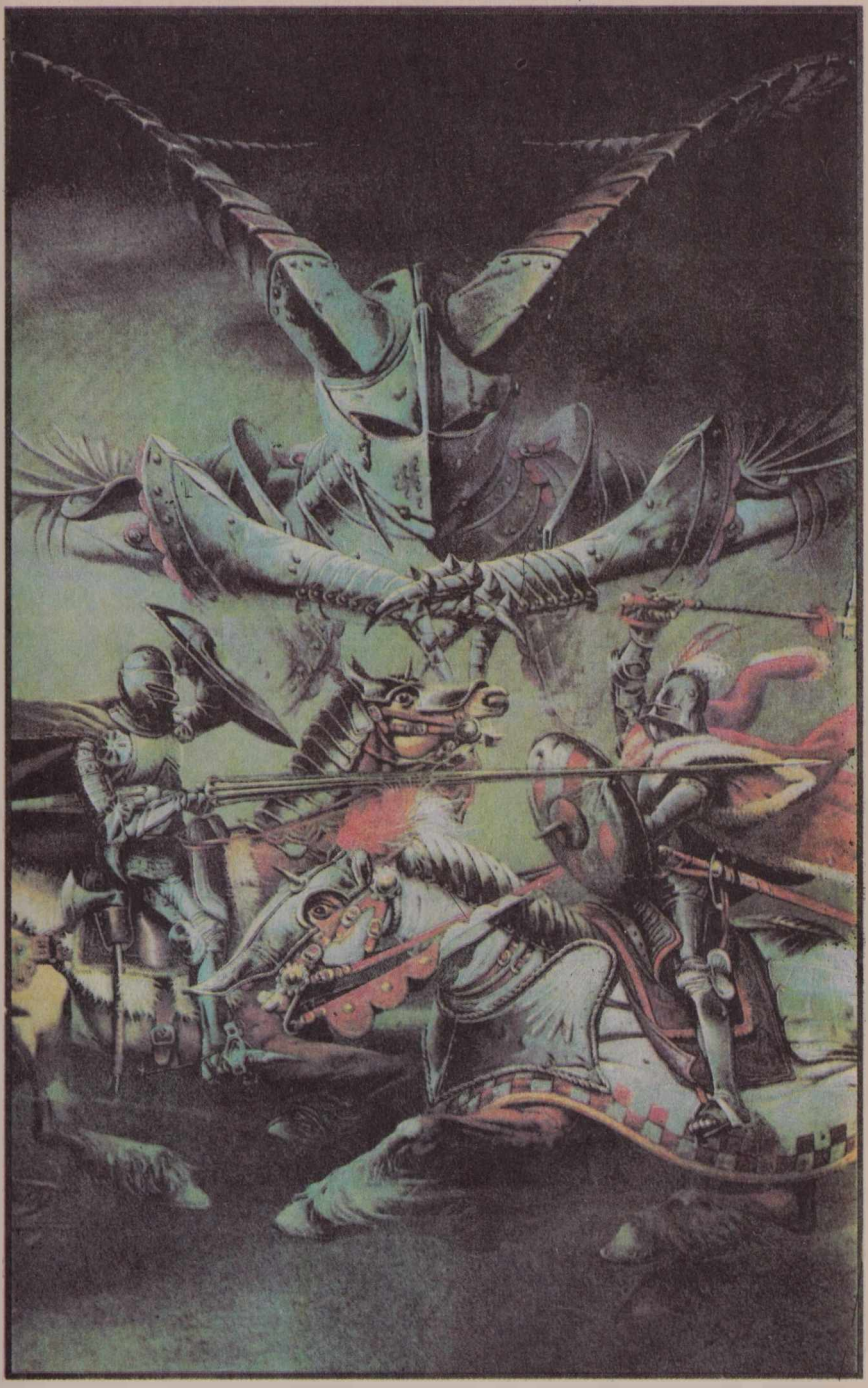
Книжка-путеводитель весьма нам здесь пригодилась. Центр составляли сотни магазинов и «открытых базаров», расположенных на манер геометрически правильной решетки. Пересекающие ленты дорожек ограничивали зоны, где располагались магазины одного определенного рода. Мы отправились в самый центр торговой площади, выполненный в стиле средневекового городка. Имелось подобие церкви, в стиле барокко, и благодаря голографической иллюзии, она казалась в четыре раза выше, чем была на самом деле. На стенах мозаика на религиозные сюжеты, мощеная мостовая, фонтан с извергающими водяные потоки монстрами... мы купили гроздь винограда у зеленщика (иллюзия пропала, когда зеленщик взял у меня талон калорийного потребления и поставил штамп в книжке рациона), и пошли по узенькой мощеной улочке. Нам там ужасно понравилось. Хорошо, что на Земле еще достает энергии и времени, чтобы устраивать такие вот уголки.

Выбор товаров и различных услуг, выполняемых за деньги, был невероятно разнообразный, но мы за эти годы разучились делать покупки. И еще неизвестно было, насколько нам хватит денег.

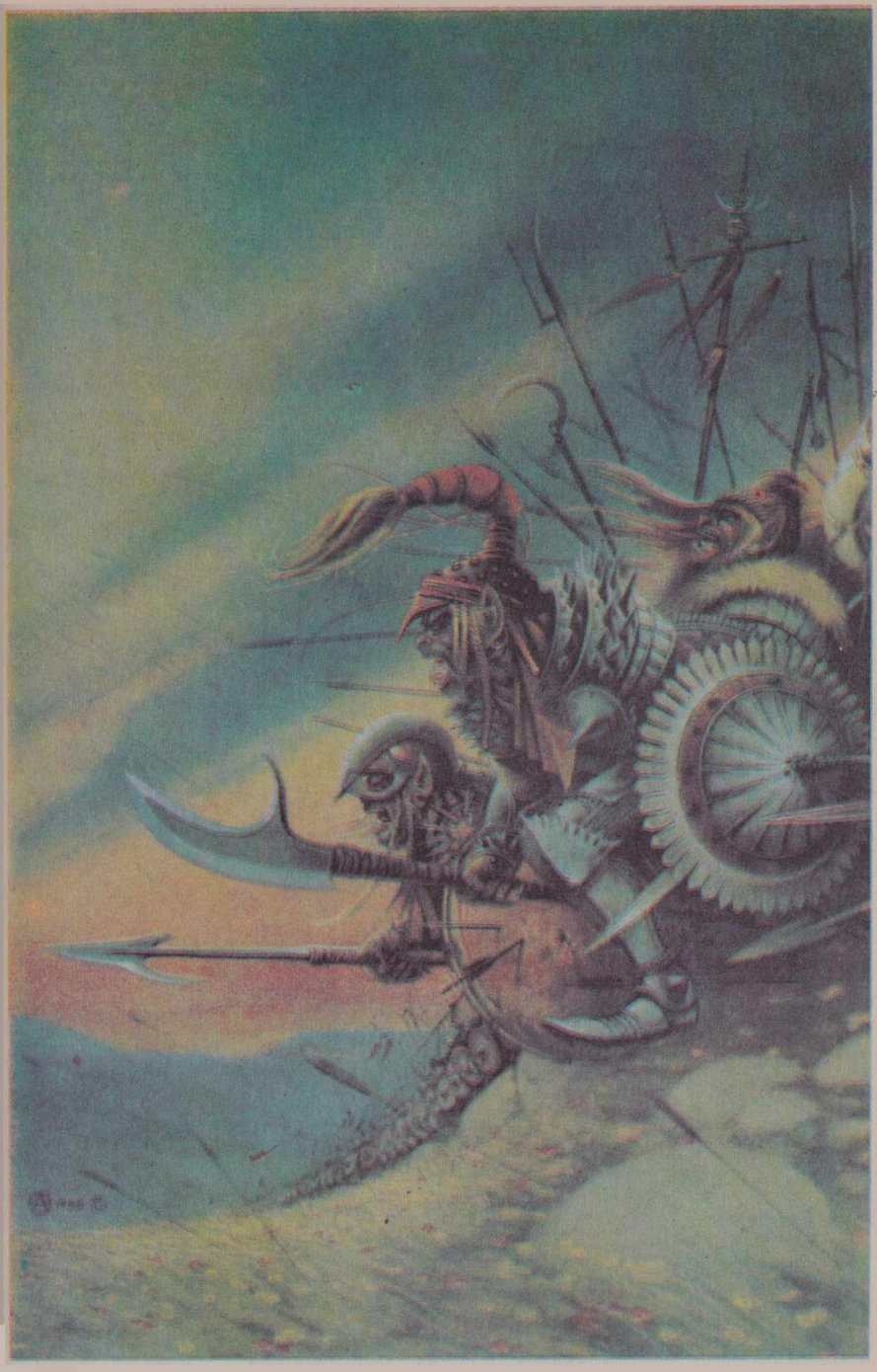
Несмотря на мрачное предсказание генерала Ботсфорда, кое-что нам удалось все-таки сохранить — отец Роджерс, юрист, оказался специалистом по налоговому законодательству, и он научил нас, что делать — нам пришлось платить налоги исходя из среднего годового дохода. В итоге я оказался владельцем 280.000 долларов).

Третий уровень мы пропустили — здесь помещались средства коммуникации и информации, потому что днем раньше успели обойти его вдоль и поперек, когда давали интервью на стереовидении. Хотел поговорить я с парнями, которые переделали мое интервью, но Мэригей убедила меня, что толку тут не добьешься.

Искусственная гора Женевы имеет ступенчатую структуру — вро-

де свадебного пирога — в самом низу первые три уровня имеют около километра в диаметре, этажи с четвертого до тридцать второго имеют диаметр в два раза меньший. Дальше идет верхушка — этажи с тридцать третьего по семьдесят второй — триста метров в поперечнике и сто двадцать в высоту.

На четвертом этаже, как и на тридцать третьем, находился парк, деревья, ручейки, всякие живые твари. Стены прозрачные, и прямо из покрывающей потолок третьего уровня почвы растет настоящий лес. Мы присели отдохнуть на скамью у пруда, наблюдая, как гуляющие бросают виноградины рыбам. Многие купались.

С самого нашего прибытия в Женеву меня не покидало какое-то подсознательное беспокойство и вот теперь, в этом приятном окружении приятных людей, я внезапно понял, что меня беспокоит.

— Мэригей,— сказал я.— Почему-то не видно здесь несчастных.

Она улыбнулась.— Ничего удивительного. Тут такие цветы...

— Нет... я имею в виду всю Женеву. Похоже, все совершенно довольны положением вещей. Кто...

— Твой брат, например.

— Правильно, но он тоже, можно сказать, приезжий. Я имею в виду продавцов и рабочих и вообще всех вокруг.

Она задумалась.— Не знаю. Видимо, ты прав. Я не обращала внимания.

— Тебя это не удивляет?

— Это не совсем обычно... но...— Она бросила виноградину в пруд, и рыбки в испуге шмыгнули в разные стороны.— Помнишь, что говорил сержант Шири? Они выявляют нехорошие наклонности психики еще в детском возрасте и исправляют их. И любой здравомыслящий человек будет вполне доволен такой жизнью.

Я фыркнул.— Половина населения не имеет занятия, а большинство остальных выполняет искусственно придуманную работу, которую можно было бы вообще не делать или передать машинам.

— Но они имеют пищу в достатке и у них есть чем занять время и голову. Двадцать шесть лет назад не было и этого.

— Возможно,— сказал я, не желая спорить.— Наверное, ты права.

9

Оставшуюся часть дня и весь следующий день мы провели в штабквартире ООН (само собой, это была «столица мира»), занимавшей весь нижний цилиндр Женевы. Больше недели ушло бы только на осмотр всего Музея Человека. Каждая страна была представлена отдельной экспозицией, зачастую имелся не только магазин, где продавались сувениры, но и ресторан с фирменными блюдами местной кухни. Стало бы гораздо скучнее, несмотря на всеобщий порядок. Хорошо,что мои опасения не оправдались.

И все же на душе у меня было неспокойно.

За это время мы с Мэригей разработали план на ближайшее будущее. Мы решили вернуться в Штаты, подыскать себе жилье и отправиться в путешествие месяца на два.

Когда я обратился к ма за советом, как мне найти квартиру, она показалась мне странно смущенной, вроде сержанта Ширн во время нашей беседы. Но она пообещала навести справки в Вашингтоне, когда она туда вернется — ма жила в Вашингтоне, не захотела переезжать после смерти отца.

Я спросил у Майка, отчего все так неохотно говорят на тему о жилье, и он объяснил, что все это — последствия страшного хаоса, царившего в годы между голодными бунтами и началом Реконструкции. Не хватало жилья, люди теснились по две семьи в одной комнате даже в относительно процветающих странах. Ситуация сложилась очень неустойчивая, и тогда за дело взялась ООН. Сначала — массовая агитационная кампания, потом — массовое кондиционирование. Внедрялись идеи о том, что жить надлежит в как только возможно меньшем помещении, где грешно даже хотеть получить в личное распоряжение целую квартиру из нескольких комнат. Отсюда и новый стереотип поведения — нескромно разговаривать на тему о жилье.

И до сих пор многие люди сохраняют остатки воздействия этого кондиционирования, хотя еще десять лет назад была проведена детоксикация. В зависимости от общественного положения говорить о квартирах было невежливо или даже оскорбительно для собеседника.

Мы вернулись в Вашингтон. Майк улетел обратно к себе на Луну, а мы с Мэригей оставались в Женеве еще примерно недели две.

Наш самолет приземлился в аэропорту Далласа, откуда монорельсом мы добрались до Рифтона, города-спутника, где жила ма.

После громадного комплекса Женевы Рифтон производил впечатление скромными размерами, хотя он тоже покрывал довольно большую площадь. Его составляли здания разного типа, в большинстве — всего в несколько этажей, расположенные без видимой системы вокруг озера и утопавшие в зелени. Все здания соединялись движущейся дорожкой с большим куполообразным строением, где находились магазины, школы и различные учреждения. Там мы получили указания, как найти жилище ма — двухквартирный домик над озером.

Мы могли воспользоваться крытой лентой дорожки, но вместо этого пошли рядом с ней, вдыхая вкусный холодный воздух, пахнущий опавшими листьями. За пластиковой стенкой проплывали люди, старательно избавляя нас от удивленных взглядов.

Мама не откликнулась на звонок, но дверь оказалась незапертой. Квартира была довольно уютной, даже просторная, по стандартам звездолета. Обстановка была старомодной, прошлого века. Мама спала у себя в спальне, поэтому мы с Мэригей тихо присели у стола в гостиной и начали перебирать журналы.

Вдруг из спальни донесся резкий кашель. Я постучал в дверь.

— Уильям? — Я...— кашель...— входи, я не знала, что ты приехал...

Мама полулежала в постели, свет был включен, повсюду в комнате — пузырьки и коробочки таблеток. Мама выглядела очень больной, бледная с проявившимися морщинами.

Она закурила сигарету, это, похоже, помогло ей преодолеть приступ кашля.

— Когда ты приехал? Я не знала...

— Мы только что приехали... Когда ты заболела?

— Ой, чепуха, подхватила вирус в Женеве. Через пару дней все пройдет.— Она снова закашлялась и потянулась к бутылке с густой красной жидкостью. Все лекарства в комнате из разряда патентованных, коммерческих средств.

— Ты была у врача?

— У врача? О, боже, конечно, нет. Они ведь... это... это... ерунда, не надо...

— Чепуха?— Это в восемьдесят четыре года!— Господи, ма, ты просто ребенок.

Я направился к фону на кухне и вскоре соединился с больницей.

В кубе появилось изображение какой-то девицы лет двадцати.— Сестра Дональдсон, общая служба.— Улыбка у нее профессиональная, неподвижная. Но тут, похоже, все привыкли улыбаться.

— Моя мать заболела, ее нужно показать врачу. У...

— Имя и номер, пожалуйста.

— Бетти Манделла.— Я назвал фамилию по буквам.— Какой номер?

— Номер стандарта медобслуживания, пожалуйста.

Я сходил в спальню и спросил маму.— Она говорит, что не помнит.

— Ничего страшного, мы сейчас найдем ее карточку.— Она с неизменной улыбкой склонилась к пульту перед собой и набрала на клавишах код.

— Бетти Манделла?— Улыбка у нее превратилась в улыбочку.— Вы ее сын? Но ведь ей уже за восемьдесят.

— Послушайте, это долго объяснять. Ей сейчас очень нужен врач.

— Вы что, шутите?

— О чем вы?— Из спальни доносился новый приступ сдерживаемого кашля.— Слушайте, это очень серьезно...

— Но, сэр, миссис Манделла была переведена в нулевой класс срочности обслуживания еще в 2010 году.

— Проклятье, что все это значит?

— С-э-р...— Улыбка молниеносно затвердела.

— Послушайте. Представьте, что я прилетел с другой планеты. Что такое «нулевой класс»?

— С другой... Ой! Я знаю, кто вы — она повернула голову в сторону.— Соня! Беги скорей сюда! Ты не поверишь, кто...— В пространство куба втиснулось еще одно личико — худосочная белокурая

девица, с совершенно такой же приклеенной улыбочкой — помнишь? По стату передавали, сегодня утром!

— Да, да,— сказала вторая девица.— Один из этих солдат... Слушай, это же проход, настоящий проход!

Голова пропала.

— Понимаете, мистер Манделла,— сказала первая медсестра,— не удивительно, что вы не знаете. Все просто.

— Ну же?

— Это часть Универсальной Системы Медобеспечения. Каждый человек в возрасте до семидесяти лет получает определенный класс очередности обслуживания. Автоматически все решают машины в Женеве.

— Какой класс? Что он означает?— Но все уже было ясно...

— Ну, он показывает, насколько человек важен для общества, и какое ему надлежит получить лечение. Третий класс — обычный уровень, второй класс — тоже обычный, кроме некоторых процедур по продлению жизни...

— А нулевой класс — вообще никакой помощи, так?

— Да, мистер Манделла.— И в ее улыбке не была и намека на сочувствие или понимание.

— Благодарю вас.— Я выключил фон. Мэригей стояла у меня за спиной, она беззвучно плакала, с раскрытым ртом.

В магазине спортивных товаров я раздобыл баллон с кислородом для альпинистов, а у какого-то типа в баре в Вашингтоне мне удалось купить из-под полы коробочку антибиотиков. Но маме требовался настоящий врач, а не такой любитель-терапевт, вроде меня. Она умерла на пятый день. У работников крематория была такая же несмываемая улыбка.

Я пытался связаться с Майком, но телефонная компания разрешила мне звонок только после того, как я выписал чек на 25.000 долларов. Мне пришлось переводить деньги по кредиту из Женевы.

Наконец, я дозвонился до него.

— Мама умерла.— Сразу, без вступлений.

За секунду волна добежала до Луны, еще секунда ушла на обратный путь. Майк вскинул глаза и медленно кивнул.

— Я не удивляюсь. Каждый раз, как я прилетаю на Землю, я удивляюсь, что еще вижу ее. Мы не переписывались — я еще не миллионер.

В Женеве он рассказывал мне, что письмо с Луны стоит 100 долларов — это за пересылку, плюс 5.000 долларов налога. В целях воспрепятствовать коммуникации с кучкой отъявленных анархистов — таковыми колонисты являются в глазах ООН.

Мы помолчали печально с минуту, потом Майк сказал:

— Уилли, на Земле вам с Мэригей делать нечего. Перебирайся на Луну. Здесь еще можно чувствовать себя человеком. Здесь мы вышвыриваем людей сквозь воздушный шлюз, после семидесяти лет.

— Нам снова придется вступить в ИСООН.

— Верно, но в действующую армию ты уже не вернешься. Го-

ворят, что вы им необходимы для тренировки новобранцев. Ты сможешь заниматься в свободное время, подучишь физику... может, попадешь в исследовательскую программу.

Мы еще немного поговорили, в общей сложности три минуты. Тысячу долларов я получил обратно.

Всю ночь мы с Мэригей решали, как поступить. Возможно, мы приняли бы другое решение, если бы нас не окружали вещи мамы, напоминавшие о ее жизни и ее смерти, но когда наступило утро, гордая, тщательная красота городка Рифтона приобрела вдруг зловещий, предвещающий смерть вид.

Мы уложили вещи, перевели деньги в кредитное отделение Тихосити и отправились монорельсом на старый добрый мыс, куда совсем недавно доставила нас «Надежда-П».

10

— Кстати, если вам интересно, то могу сообщить, что вы не первые, кто вернулся.

Офицером в рекрутском пункте был мускулистый лейтенант, неопределенного тем не менее пола. Мысленно я подбросил монетку и мне выпал орел.

— Еще девять человек, по последним данным,— сказала она слегка сипловатым голосом.— Все они выбрали Луну. Может, еще встретите знакомых.— Она пододвинула к нам два незамысловатых бланка.— Распишитесь тут и тут. Будете вторыми лейтенантами.

Бланк представлял собой простую просьбу принять нижеподписавшегося в ряды действующих членов ИСООН. Мы, по-настоящему, никогда ведь из Сил не уходили, нас считали временно не действующими, поскольку срок службы был увеличен. Я внимательно изучил документ.

— Здесь ничего не сказано о выборе назначения. Нам гарантировали свободный выбор на Старгейт.

— Гарантировали?— У нее была стандартная улыбка обыкновенного наемника.

— Да. Нам обещали, что мы сами выберем себе назначение.

— В этом нет необходимости. Силы...

— А я думаю, что необходимость есть.— Я вернул бланк обратно. То же самое сделала и Мэригей.

— Одну минуту.— Чиновница покинула стол и исчезла в глубинах офиса. Некоторое время она разговаривала по телефону, потом застучала машина.

Она вернулась с теми же бланками, только теперь сверху было еще допечатано: «ГАРАНТИРУЕМ ВЫБОР МЕСТА НАЗНАЧЕНИЯ (ЛУНА) РОД НАЗНАЧЕНИЯ (БОЕВОЙ ИНСТРУКТОР)».

Потом мы прошли тщательный медосмотр и для нас были подготовлены боекостюмы. На следующее утро мы поднялись на борт первого же челнока, вылетели на окололунную орбиту, наслаждаясь

невесомостью, пока груз перемещался из челнока в отсеки паукообразного тахионного грузовика, потом снова вернулись на старушку Луну, совершив посадку на базе Гримальди.

На дверях «Общежития транзитного офицерского состава» какой-то шутник выцарапал: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Мы отыскали предназначенную нам комнатку на двоих и начали переодеваться к обеду.

Два щелчка в дверь.

— Письменный приказ, господа.

Я открыл дверь, и стоящий на пороге сержант отдал честь. Я какое-то время смотрел на него, потом вспомнил, что теперь мы офицеры, и отдал честь тоже. Он вручил мне два одинаковых бланка. Один я передал Мэригей. Сердца наши, наверное, тоже замерли одновременно.

— Времени, они, однако, не теряют,— с горечью сказала Мэригей.

— Очевидно, текущее назначение. Командование ударными группами от нас на расстоянии световых недель, они не могли еще узнать, что мы вернулись.

— А как же наши...— она не закончила.

Наши гарантии.

— Что ж, ведь мы получили назначение согласно нашему выбору. Нам ведь не гарантировали, что оно будет длиться больше одного часа.

— Подлецы!

— Армия,— вздохнул я. Меня беспокоили две мысли.

Первая: с самого начала мы знали, что так и будет.

Вторая: мы вернулись домой.

Часть третья

ЛЕЙТЕНАНТ МАНДЕЛЛА
(2024—2389 гг.)

1

— Могут врезать нам.

Я смотрел на моего взводного сержанта Сантесбана, но говорил сам с собой. Слышать меня, впрочем, мог любой, кто потрудился бы слушать.

— Ага,— сказал сержант.— У нас будет всего пара минут. Если не успеем, они нас прижмут.— Он лаконичен и деловит. Допинг уже начал действовать.

Подошли рядовые Коллинз и Холлидей. Сами того не замечая,

они держались за руки.— Лейтенант,— голос у Коллинз немного дрожал.— Можно, мы простимся?

— Даю вам минуту,— резко сказал я.— Мне очень жаль, но через пять минут мы выступаем.

Мне и правда было жаль этих двоих. Они еще ни разу не были в настоящем бою. Но они знали, как и все остальные, что шансов у них увидеть друг друга после операции почти нет. Сутулившись они стояли в углу, бормотали какие-то слова, обменивались ласковыми жестами... совершенно механически. Глаза у Коллинз блестели, но она не плакала. Холлидей, та просто хмурилась и почти все время молчала. Обычно Коллинз была более привлекательной из этих двоих, но сейчас искра жизни покинула ее, оставив пустую красивую оболочку.

Я уже почти свыкся с открытой женской гомосексуальностью, и даже не жалел, что потеряны возможные партнеры. Но мужские пары все вызывали у меня дрожь.

Я скинул форму и, пятясь, влез в боекостюм, стоявший в положенном ему месте. Эти новые системы были куда сложнее наших старых костюмов, с новыми системами биометрии и аварийно-медицинскими системами на случай травмы или ранения. Надевать костюм стало гораздо сложнее, но одно другого стоило, если вас вдруг угораздится слегка пораниться. Спокойно отправитесь домой с приличной пенсией и героическим отличием в виде протеза. Поговаривали даже о возможной регенерации ампутированных конечностей. Если так, то надо было бы поскорее попасть на Небеса, пока она не наполнилась неполноценными ветеранами. Небеса — это была новая планета — одновременно курорт и госпиталь.

Я покончил с процедурой подключения, и костюм закрылся. Сжав зубы в ожидании боли, которая так и не пришла, когда внутренние сенсоры и вводимые иглы проникли сквозь кожу. Кондиционированная нейронная блокада, вы чувствуете только легкое неудобство. Ничего подобного смерти от тысячи ран.

Коллинз и Холлидей влезали в свои боекостюмы, остальные почти все уже успели облачиться. Поэтому я отправился в раздевальню третьего взвода, сказать Мэригей «до свидания».

Она уже тоже оделась и шла мне навстречу. Мы коснулись шлемами, не включая коммуникаторов, хоть какая-то интимность.

— Ты в порядке, малыш?

— Все отлично,— сказала она.— Приняла таблетку.

— Ага, так возрадуемся же.— Я тоже принял свою таблетку. Транквилизатор, как предполагалось, должен был привести меня в бодрое душевное состояние, наполнить оптимизмом, но оказывая при этом воздействия на способность здраво оценивать ситуацию. Я знал, что большинство из нас скорее всего назад не вернется, но особенно по этому поводу не расстраивался.— Вечером увидимся?

— Если вернемся,— спокойно сказала она.— Придется принять еще таблетку.— Она попыталась засмеяться.— Чтобы заснуть. Как новички, держатся? У тебя ведь их десять?

— Ага, десять. В порядке. Все уже приняли боевую дозу.

— И мы тоже. Стараюсь особенно не нажимать.

Практически, под огнем из моего взвода успел побывать только Сантесбан. Еще четыре капрала имели стаж службы в ИСООН, но в настоящем деле не бывали.

Махонький коммуникатор на моей скуле, и послышался голос командующего Кортеса:

— Готовность две минуты. Стройте людей.

Мы сказали друг другу «до свиданья», и я отправился проверить моих ребят. Все, похоже, благополучно запаковались в боекостюмы, и я выстроил их в шеренгу. Время тянулось просто бесконечно.

— Хорошо, начинайте посадку.

Одновременно со словом «посадку» открылась шлюзовая дверь — воздух тем временем уже выкачали — и я повел своих людей к десантному кораблю.

Выглядели эти новые десантные корабли жутко уродливо. Просто открытая рама с зажимами и петлями, чтобы держать экипаж и не давать ему выпасть за борт, два лазера — на корме и на носу, и две тахионные тяговые системы под лазерами. Все автоматизировано. Посудина в наикратчайшее время доставит нас на место, потом взлетит обратно, чтобы отвлечь внимание противника. Это было дешевое, одноразового пользования устройство. *Тех, кто уцелеет в* бою, подберут уже другие машины, более надежного вида.

Мы пристегнулись, и десантный корабль, дав две вспышки коррекционными двигателями, покинул борт крейсера. Потом голос компьютера дал короткий отсчет, и на четырех «ж» мы рванули прямо вниз.

Планета, которой даже не было дано названия, представляла просто громадную скалу, за отсутствием более-менее близкого светила погруженную в вечный мрак и холод. Сначала ее можно было определить только по исчезновению звезд, которые затмевались ее массой, но когда мы подошли поближе, то начали различать даже какие-то детали рельефа. Мы опускались на полушарие, противоположное тому, где находилась тельцианская база.

Как показала предварительная разведка, база находилась в центре совершенно плоского лавового поля, несколько сот километров диаметром. По сравнению с уже встречавшимися нам базами противника, эта выглядела довольно примитивно, но подобраться к ней незаметно не было никакой возможности. Мы намеревались внезапно выскочить из-за горизонта, на полном торможении — до базы оставалось бы еще пятнадцать «щелчков» — одновременно со всех четырех сторон, и с божьей помощью ухнуть прямо на голову врага, раз направо и налево изо всех стволов. Спрятаться нам будет негде.

Это меня, конечно, не беспокоило. Хотя совершенно отрешенно я подумал, что лучше было бы не принимать таблетку.

Мы перешли на горизонтальный полет на высоте в один километр и помчались вперед. Наша скорость далеко превосходила

местную скорость убегания, поэтому постоянно делались коррекции, дабы не отправиться в межзвездный полет. Поверхность проплывала под нами в смутном сером очертании: мы отбрасывали свечение, называемое псевдо-черенковским и происходившим от работы тахианского выхлопа. Скалы проносились под нами и исчезали, покидая нашу реальность и уходя в свою собственную.

Наша неуклюжая «колесница» мчалась вперед таким образом еще минут десять. Потом заработал носовой двигатель, нас рвануло вперед, глазные яблоки немедленно попытались покинуть предназначенные им орбиты.

— Приготовиться к выброске,— сказал металлический голос компьютера.— Пять, четыре...

Лазеры вдруг открыли огонь, миллисекундные вспышки подобно стробоскопу вырывали местность внизу из темноты и снова погружали ее обратно во тьму. Местность вся была усыпана скалами и мелкими трещинами, словно оспинами. Мы снижались.

— Три... на этом отсчет и прекратился. Ослепительная вспышка, горизонт куда-то провалился, хвост нашей посудины ткнулся в поверхность, и мы покатились, во все стороны летели куски корабельных конструкций и оторвавшиеся десантники. Наконец, после продолжительного скольжения по скалистому грунту, мы остановились, и я попытался освободиться, но ногу мне придавила рама. Страшная боль и треск, когда балка переломила мне кость. Засвистел воздух, покидая поврежденный костюм. Потом свист прекратился — заработала аварийная система. Еще больше боли, и уже больше не было боли, и я откатился в сторону, обрубок ноги тащил за собой полосу крови, которая замерзла блестящей черной лентой на тусклой черной скале. Во рту был медный привкус, и перед глазами встал красный туман, потом туман стал коричневым, как речной ил, потом почти черным, и я потерял сознание — таблетка сработала, как ей и полагалось — подумав, начался шок: это не так уж и страшно...

В задачу боекостюмов входит спасти как можно большую часть вашего тела. *Если поражена рука или ноги, одна из шестнадцати* острых, как бритва, диафрагм немедленно закрывается с силой гидравлического пресса, аккуратно отсекая поврежденную конечность и запечатывая обрубок, прежде, чем вы умрете от взрывной декомпрессии. Потом медсистема прижигает рану, восстанавливает потерю крови и наполняет вас счастьем химической природы и препаратом «анти-шок». Таким образом, вы или благополучно умрете через несколько часов, или, если ваши товарищи выиграют бой, будете доставлены в лазарет корабля.

Этот раунд мы выиграли, пока я безмятежно спал, закутанный в одеяло темноты. В себя я уже пришел в лазарете. Лазарет был переполнен. Я лежал посредине длинного ряда коек. Обитатель каждой койки был по крайней мере на три четверти (или и того меньше) спасен аварийной системой боекостюма. Два корабельных врача не

обращали на нас внимания, они стояли у залитых светом операционных столов, погруженные в свой кровавый ритуал. Я щурился от яркого света, и поэтому кровь на зеленых балахонах врачей можно было принять за потеки машинного масла, распотрошенные тела — за странные мягкие машины, которые доктора чинили. Только машины эти вдруг громко вскрикивали во сне, и механики бормотали успокаивающе, пока сами усердно работали своими вымазанными в масле инструментами. Я смотрел на них, и заснул, и несколько раз просыпался — все время в другом месте.

Наконец я проснулся в обыкновенной противоперегрузочной камере. Я был пристегнут ремнями к койке, и в тело входили трубки искусственного питания, повсюду были налеплены электроды-биосенсоры, но врачей поблизости не наблюдалось. Кроме меня в комнате была только Мэригей, она спала на соседней койке. Правая рука у нее была ампутирована чуть выше локтя.

Я не стал будить ее, просто смотрел на нее довольно долго и старался разобраться в том, что чувствовал. Старался избавить свое восприятие от воздействия транквилизатора. Я смотрел на культю руки Мэригей, но ничего не чувствовал — ни сочувствия, ни отвращения, ничего. Я попытался заставить себя почувствовать хоть что-нибудь — безрезультатно. Как будто рука у нее всегда такая и была. Отчего так получалось? Воздействие наркотиков? Гипнокондиционирование? Или любовь? Сейчас я ничего не мог сказать.

Глаза Мэригей вдруг открылись, и я понял, что она уже давно проснулась и давала мне возможность прийти в себя.

— Привет, поломанная ты кукла,— сказала Мэригей.

— Как... как ты себя чувствуешь?— Какой умный вопрос!

Она приложила палец к губам и шевельнула ими, словно целовала — знакомый жест.— Ничего не соображаю. Хорошо, что мы уже больше не воюем.— Она улыбнулась.— Они тебе уже сказали? Мы направляемся на Небеса.

— Нет, но я так и думал... или Земля или Небеса.

— Лучше на Небеса.— (хм, еще бы!).— Скорей бы уж мы добрались.

— А долго еще?— спросил я.— Долго нам еще лежать?

Она перевернулась и посмотрела на потолок.

— Кто его знает? Ты ни с кем не говорил?

— Я только что проснулся.

— Они нам раньше не потрудились сообщить — дан новый приказ. Крейсер получил назначение из четырех заданий. Нам придется выполнять все четыре по очереди. И только если потери сделают выполнение задания невозможным, будет признано практичным вернуться.

— В каком же это размере?

— Мне самой интересно. Мы уже наверняка потеряли добрую часть состава. Но тем не менее, направляемся к Альфе-7. Мусорный рейд.

Это был новый разговорный термин, означающий акцию с целью захвата техники тельциан и живого пленного, если будет возможно.

В дверь стукнули, и в камеру вплыл доктор Фостер. Он всплеснул руками:

— Как, вы все еще в отдельных кроватях? Мэригей, я думал, ты уже полностью поправилась.— Док отличался поразительной терпимостью к страдающим гетеросексуальностью.

Он осмотрел культю Мэригей, потом мою. Он вставил нам в рот по термометру, и теперь мы уже не могли разговаривать. Когда он заговорил, голос у него был серьезный.

— Я не намерен приукрашивать действительность. Вас и так уже пропитали «веселой микстурой» по завязку, и по-настоящему значения своей потери вы сейчас не сознаете, пока я не выгоню «микстуру» у вас из организма. Но пока я этого делать не буду — до прибытия на Небеса. У нас еще двадцать один пациент с ампутацией, и нам не справиться с вами, если вас накроет психоз.

— Поэтому радуйтесь миру в душе, пока есть возможность. А вы — в особенности, если хотите потом оставаться вместе. Протезы, что вы получите на Небесах — очень хорошие протезы, но только всякий раз, когда ты случайно взглянешь на его механическую ногу, а ты — на ее механическую руку, вы оба подумаете, что второму повезло больше, и вам не избавиться от памяти и боли и чувства потери... Через неделю, может статься, вы уже друг другу не скажете и хорошего слова. Может, так до конца жизни и промучаетесь, грызя друг друга.

— Или вам удастся пройти сквозь это. И вы будете поддерживать друг друга. Только не лгите сами себе, если ничего не выйдет.

Он проверил показания термометров, сделал пометку в блокноте.

Имейте в виду, доктор знает, что говорит. Даже если он несколько странный по вашим старомодным меркам. Не забывайте.

Он вытащил термометр у меня изо рта и легонько шлепнул по плечу. То же самое — и с Мэригей. Полная непредвзятость. Выходя, он обернулся:

— Погружение в коллапсар через шесть часов. Медсестра доставит вам емкость.

И мы были помещены в противоперегрузочные емкости — гораздо более удобные, чем старые оболочки — и ухнули в коллапсар Тет-3, уже начав бешеный антиракетный маневр на ускорении в пятьдесят «ж» — это дает нам шанс против вражеского крейсера, когда мы вынырнем через секунду из недр Альфа-7.

Как того и следовало ожидать, кампанию Альфа-7 мы проиграли. И нам пришлось отправиться восвояси, потеряв в двух кампаниях пятьдесят четыре человека убитыми, имея на борту тридцать девять калек и только двенадцать человек еще способных воевать. К чему они не особенно стремились.

До Небес мы добрались за три прыжка. Корабли не шли туда

прямым путем, даже если задержка могла стоить жизни раненым. Небеса, как и Земля, тщательно оберегались, нельзя было позволить противнику узнать их координаты.

Небеса оказались красивой, земного (но неиспорченного цивилизацией) типа планетой. Таким миром могла бы стать Земля, если бы люди относились к ней с любовью, вместо варварства, жажды брать и брать. Девственные леса, золотые пляжи, пустыни, где не ступала нога человека. Несколько десятков городов или полностью растворились в природе (имелся даже целиком подземный город), или представляли собой кричащие доказательства человеческой изобретательности: Океан, построенный на коралловом рифе, на глубину шесть фатомов, и накрытый прозрачным куполом Борей, угнездившиеся на горной вершине за полярным кругом, и сказочное Облако, громадный город-курорт, перелетавший с континента на континент с попутными ветрами.

Посадку мы совершили, как все здесь делают в джунглях, в городе, названном Преддверье. Самый большой город на планете, он на три четверти был гигантским госпиталем. Но подлетая к нему, при спуске с орбиты, этого сказать было нельзя. Единственный признак цивилизации — короткая посадочная полоса белела крошечной заплаткой, стиснутая джунглями с одной стороны и безпредельным океаном с другой.

Только проникнув под вечно зеленое покрытие листвы, можно было обнаружить сам город — низкие строения из местного камня, соединяемые каменными «ж» дорожками. К океану шел целый бульвар. Солнечный свет пятнами ложился на дорожки, просачиваясь сквозь листву, и воздух пах океанской солью и лесом.

Позже я узнал, что город раскинулся на двести квадратных километров, и что в отдаленную часть можно добраться сабвеем. Экологическое равновесие на территории города тщательно поддерживалось. Устранялись наиболее неприятные и опасные аспекты жизни в джунглях — хищники и насекомые, кроме тех, что были необходимы для растений. Об этом заботилось автоматическое силовое поле.

Все мы, болезные, заковыляли, покатились к ближайшему зданию — приемному отделению госпиталя. Остальная ее часть находилась под землей, еще тридцать уровней. Каждому после осмотра была выделена отдельная комната. Я пытался получить комнату на двоих, но таких не оказалось.

На Земле шел уже 2189 год. Таким образом, мне было уже двести пятнадцать лет. Эй, глядите на старикашку! Передайте шляпу по кругу... э-э нет, не требуется. Как сказал мне врач, проводивший осмотр, моя накопившаяся плата за эти годы будет переведена на Небеса. Мне даже как-то неудобно стало — я и вдруг миллионер! Но доктор успокоил — на Небесах, сказал он, есть много способов истратить даже миллиард.

Сначала врачи занялись самыми тяжелыми ранами. До меня очередь дошла через несколько дней. Когда я проснулся после опе-

эации, оказалось, что прямо к культе мне присобачили протез — больше всего он был похож на скелет ноги, сделанный из блестящего металла. Чертовски неприятно было лежать вот так — с металлической ногой, засунутой в мешок из прозрачного пластика. В мешке струилась какая-то жидкость, и провода от протеза бежали к машине в дальнем конце постели.

Вошел медбрат.

— Как вы себя чувствуете, сэр?

Я едва не сказал ему, чтобы он позабыл «сэра», я решил, что на этот раз в армию они меня не заманят. Но может, ему нравилось, что я старше по званию.

— Не знаю даже. Болит немного.

— Погодите, она еще припечет вам. Вот как нервы начнут прорастать...

— Нервы?

— Ну да.— Он возился с той машиной, проверяя показания индикаторов.— Как же нога может без нервов? Просто будет тогда болтаться, вот и все.

— Нервы? Обычные нервы? Значит, если я дам ноге приказ «согнись!», она согнется?

— Ясно, что согнется,— он с усмешкой посмотрел на меня и снова занялся индикатором.

— Ну и чудеса.— Протезирование, видно, шагнуло далеко вперед.

— Проте... как?

— Ну, это, искусственное...

А я понял, как в книжках: деревянные ноги, руки, крючки...

Интересно, кто его взял на работу?

— Ну да, протезы. Как вот эта штука у меня на обрубке.

— Сэр,— сказал он, опуская пружины в блокнот-доску, в котором делал пометки.— Сэр, вы, видимо, давно не бывали дома. Это будет обыкновенная нога, совершенно обыкновенная, только ломаться не будет.

— А руку тоже могут заменить?

— Ясно, что могут, любую конечность.— Он снова принялся писать.— И печень могут новую, почки, желудок, все что угодно... Сердце и легкие еще только учатся делать, пока заменяют механическими.

— Фантастика.— Значит, у Мэригей будет целая рука.

Он вздохнул.— Возможно. Только было с самого моего рождения. Сколько вам лет, сэр?

Я сказал, и он присвистнул.

— Черт побери. Вы, стало быть, в войне с самого начала?— У него был странный акцент. Слова те же, но звуки какие-то другие.

— Да. Атака на Эпсилон. Кампания Альфа-О.

Когда для обозначения коллапсаров переиспользовали все буквы всех алфавитов, стали просто добавлять номер к букве. Уже, как я слышал в последний раз, добрались до Иод-42.

— Ого-го, древняя история! Как оно было, в те времена?

— Не знаю, неплохо. Людей поменьше было. Год назад — то есть сто лет назад, смотря как считать — я побывал на Земле. Было так плохо, что я вернулся в армию. Счастливые зомби. Только без обиды, это я так.

Он вздохнул.

— На Земле я не бывал. Те, что оттуда поступают, похоже, скучают по домам. Может, теперь там уже лучше?

— Так ты родился не на Земле? Ты отсюда, с Небес?— Не мудрено, что у него непонятный акцент.

— Родился, вырос и был призван.— Он сунул ручку в карман и сложил блокнот-доску — теперь она легко вмещалась в кармане.— Да, сэр. Ангел третьего поколения. Небеса — лучшая планета на всем чертовом ИСООН.— Он выговорил слово по буквам — И-С-О-О-Н, а не так, как говорили мы, одним словом «ИСООН».

— Ну, ладно лейтенант, я побежал. Еще два монитора у меня остались сегодня.— Он спиной вперед выскочил в коридор.— Если вам что-то понадобится, на столике есть кнопка вызова.

Ангел третьего поколения. Его прадед прилетел с Земли, когда я был еще совсем юнцом лет под сто. Сколько же новых планет успели колонизировать? А ноги-руки теперь, как перчатки — потерял одну, вырастил другую?

Хорошо все-таки теперь будет — осядем прочно и будем жить нормальной жизнью — год за годом.

Парень не шутил на счет боли. И не только новая нога была причиной — чтобы нарастить живую ткань на каркас, врачи понизили сопротивляемость моего организма. Сразу в нескольких местах появились раковые опухоли. Рак пришлось лечить отдельно, тоже болезненным способом.

Я привык к виду нарастающей плоти, но когда пришла Мэригей, это был шок — ей разрешили ходить еще до того, как выросла кожа на новой руке. Живая анатомическая модель. Я, конечно, быстро привык, и она приходила ко мне на несколько часов каждый день — поиграть во что-нибудь, поболтать, или просто почитать. Ее рука медленно росла внутри пластиковой оболочки.

Кожа у меня на ноге появилась за неделю до отключения машины и выпуска ноги на волю. Выглядела она ужасно — мертвенно-белая безволосая, и нога совсем не гнулась. Но работать работала. Я мог стоять или хромать потихоньку.

Меня перевели в ортопедическую «создание новых двигательных навыков», а на самом деле — медленная пытка. Вас привязывают к машине, машина начинает сгибать старую и новую ноги, одновременно. Нога сопротивляется.

Мэригей находилась в соседней палате. Ей приходилось даже труднее — по вечерам она выглядела совсем измученной, когда мы вместе выходили на крышу подышать воздухом.

Шли дни за днями, и упражнения постепенно перестали быть та-

ками мучительными. Мы начали каждый день купаться по часу — пляж охраняли силовым барьером. Я еще хромал, но в воде чувствовал себя уже совсем здоровым.

С силовым барьером, охраняющим водное пространство пляжа, было связано единственное местное развлечение — единственное для наших притупившихся на войне чувств.

Каждый раз, когда садится корабль, поле выключается на долю секунды, иначе корабль отрикошетирует. Каждый раз внутрь проникает какое-нибудь морское существо. А в океане хищники здесь гораздо проворнее сухопутных.

Хозяином местных вод было здесь уродливое существо, местные жители называли его — оригинальная выдумка!— акулой. На самом деле он мог скушать пару земных акул только на завтрак.

На этот раз внутрь прорвалась сравнительно средних размеров акула. Уже несколько суток она бродила вдоль границы поля, привлекаемого сгустками протеина по ту его сторону. К счастью, за две минуты до выключения поля дается сигнал — сирена, и все за две минуты успевают выбраться на берег. И на этот раз акула с бесплодной яростью едва не выскочила на сушу — в воде уже никого не было.

Существо это было двенадцати метров в длину, с острым как бритва хвостом и коллекцией клыков в руку длиной. Глаза, большие желтые пятна, помещались на длинных стеблях, выносивших их вперед головы. В широко раскрытой ее пасти мог свободно стоять человек. Хорошенькое бы получилось фото — на память наследникам.

Просто выключить поле и дать акуле уплыть было невозможно. Курортный Комитет организовал охоту.

Я не слишком спешил превратиться в закуску для гигантской рыбы, но Мэригей выросла во Флориде и в детстве увлекалась подводной охотой. Она горела энтузиазмом, я тоже присоединился — когда узнал, как все делается. Мне показалось, что это совсем безопасно.

Эти «акулы», как считают, никогда не нападают на людей в лодках. Два человека, выказавшие больше веры, чем я, в рассказы рыбаков, подъехали на лодке к границе воды и швырнули за борт кусок мяса. Акула была тут как тут.

Это было сигналом для нас — начиналась потеха. Мы — двадцать три дурака — ждали на берегу. Уже облаченные в маски, ласты и респираторы, у каждого копье. Копья были солидные, на реактивной тяге и со взрывающейся боеголовкой.

Мы плюхнулись в воду и поплыли к наедающейся рыбине, развернутой фалангой. Она нас заметила, но сначала не атаковала. Она попыталась припрятать свой завтрак, чтобы один из нас, под шумок, не утащил его, наверное. Но всякий раз она натыкалась на силовые поля. Видно, скотина здорово испугалась.

Наконец, акула бросила мясо, развернулась и кинулась на нас. Вот это да! Секунду назад она была величиной с ваш палец, и вот уже она рядом и приближается все быстрее.

Наверное, около десятка копий попало в цель — я промазал — и они разорвали рыбину в клочья. Но даже после того, как ей снесло половину головы, когда внутренности вывалились наружу и волочились за ней в клубах крови, акула все-таки врезалась в нашу фалангу и челюсти сомкнулись вокруг одной женщины. Акула отгрызла ей ноги и только потом умерла.

Едва живую, мы вынесли несчастную на берег, где ее уже ждали врачи. Влив ей полную меру кровозаменителя и препарата «антишок», «скорая помощь» помчала пострадавшую в госпиталь. Ей предстояло пережить агонию выращивания новых ног. Я решил, что пусть лучше на рыбу охотится другая рыба.

После того, как терапия перестала быть мучением, наша жизнь в Преддверии была довольно приятной. Никакой тебе военной дисциплины, хочешь — читай, хочешь — броди по округе. Но было одно — мы по-прежнему находились на службе, никто не собирался отправлять нас на заслуженный отдых, и сознание этого омрачало нашу жизнь. Мы были машинами, нас латали и приводили в порядок, чтобы снова бросить в ад. Нам с Мэригей предстояло отслужить еще по три года.

Но впереди было еще шесть месяцев отдыха, Мэригей выписали на два дня раньше меня, и она оставалась в городе, дожидаясь моей очереди.

Мои накопления составляли к этому моменту 89.274.601 доллар. К счастью, на Небесах пользовались кредитной системой, основанной на электронике, и все свое состояние я носил в кармане в виде маленького устройства с цифровым индикатором. При покупке вещи вы просто выстукивали на клавишах кредитный номер продающего и сумму, деньги автоматически перечислялись на его счет.

Размерами устройство не превосходило бумажника и реагировало только на отпечаток вашего большого пальца.

Вся экономика на Небесах была подчинена постоянному присутствию нескольких тысяч отдыхающих солдат-миллионеров. Скромный завтрак стоил сотню долларов, комната в отеле на одну ночь — по крайней мере в десять раз больше. Поскольку ИСООН освоили и владели Небесами, местная инфляция была простейшим способом вернуть наши боевые накопления обратно в оборот.

И мы развлекались с весельем отчаяния. Мы взяли на прокат флаер и туристические причиндалы, и отправились в путешествие по планете. Здесь все имелось: прозрачные реки, чтобы плавать в них, непроходимые джунгли, их луга и горы, полярные шапки и пустыни.

Нас идеально оберегали индивидуальные силовые поля — можно было спокойно спать совершенно без одежды в самой гуще снежного бурана. Если мы хотели, мы могли их выключить и непосредственно ощутить природу. По предложению Мэригей, мы, перед самым возвращением обратно к цивилизации, взобрались на гору посреди пустыни, перед этим мы несколько дней ничего не ели, что-

бы обострить восприятие — я до сих пор не уверен, что именно: возможно притупить его — и мы сидели рядышком на головокружительной высоте, пропуская сквозь себя медлительный поток нашей жизни.

А потом — обратно в суету. Мы побывали в каждом городе планеты, и каждый был по своему великолепен, но в конце концов, мы вернулись в Облако и решили остаться там до конца отпуска.

Четыре недели мы наслаждались воздушной обителью, спустив при этом по полмиллиарда долларов. Мы ходили в казино, иногда проигрывали по миллиону за ночь, ели и пили все самое лучшее, что могла нам предложить планета, мы испробовали все, что только не было слишком уж жутким для наших относительно старомодных вкусов. Каждый из нас имел личного слугу, с жалованием побольше, чем у генерала.

Веселье отчаяния, как я уже говорил. Ведь если не произойдут радикальные изменения в ходе войны, у нас были микроскопические шансы выжить в течение следующих трех лет. Мы были как жертвы неизлечимой болезни, и пытались вогнать удовольствия целой жизни в какие-то полгода.

Хоть и малое, но у нас было утешение — мы будем вместе до конца войны, как скоро бы он ни наступил. Мне и в голову не пришло, что нас могут лишить даже этого.

Мы наслаждались легким завтраком, сидя среди прозрачных стен «первого этажа» Облака, любовались волнами океана у нас под ногами. Пришел посыльный и вручил нам наши приказы.

Мэригей была произведена в капитаны, а я в майоры — на основании наших послужных списков и результатов тестов, которые мы прошли в Преддверье. Я был назначен командиром группы, она — старшим офицером группы.

Но это были разные группы.

Мэригей должна была явиться в пункт сбора группы здесь, на Небесах. Я возвращался на Старгейт для «переподготовки».

Мы долго сидели молча.

— Я буду жаловаться,— сказал я неуверенно наконец.— Они не могут заставить меня принять группу.

Мэригей молчала, потрясенная. Это был конец — даже если война кончится, и мы вернемся на Землю, но в разных кораблях, то геометрия коллапсарных прыжков разбросает нас по разным векам. И скорее всего, мы уже никогда не увидимся.

Мы сидели так некоторое время, не прикасаясь к изысканной пище, не видя красоты небес и океана. Мы сознавали только присутствие друг друга и двух листков бумаги на столе перед нами.

Между нами легла пропасть шире, чем смерть.

Мы вернулись в Преддверие. Я протестовал, но в ответ только пожимали плечами. Я пытался порекомендовать Мэригей в свою группу, мне сказали, что мой персонал уже набран и утвержден. Да ведь половина из них еще не родилась, говорил я. И тем не менее, он уже набран, отвечали мне. Я доберусь до Старгейта через

сто лет, не раньше. Правильно, командование ударных групп строит планы в масштабах веков.

Человек для них слишком малая единица.

У нас оставались день и ночь. Я терял не только любимого человека. Мы были друг для друга единственными связующими звеньями, что соединяли нас с прошлым, с Землей 1980 и 90 годов. А они думали, что мы просто ненормальные и поэтому держимся друг за друга.

Когда стартовал челнок с Мэригей, словно надгробная плита опустилась на могилу.

Я связался с компьютером и рассчитал орбиту корабля, теперь я мог видеть, как она улетит.

Я полетел в «нашу» пустыню, на «нашу» вершину. И за несколько часов до рассвета я увидел, как новая звезда появилась над западным горизонтом, разгорелась в ослепительном блеске и уплыла, погасая, и исчезла. Я подошел к обрыву и взглянул вниз, на застывшие волны дюн в полукилометре подо мной. И сел, свесив ноги вниз, и ничего не думал, пока первые лучи солнца не ударили из-за горизонта, накладывая мягкие светотени на ряды дюн. Дважды я наклонился вперед, словно хотел прыгнуть. И если я не бросился с обрыва, то не из-за страха боли или потери жизни. Боль была бы мгновенной, а потерю понесла бы только армия. И это значило бы, что они в конечном итоге победили — столько лет они правили моей жизнью и заставили меня покончить с ней, наконец. Ну нет, по крайней мере, для этого еще имелись тельциане.

Часть четвертая

МАЙОР МАНДЕЛЛА
(2458—3143 гг.)

1

Что-то такое нам рассказывали еще в школе? Какой-то старый эксперимент? Возьмите червяка и научите его проползать сквозь лабиринт. Потом скормите ученого червяка неученому червяку. Глядите-ка, этот червяк теперь тоже умеет проползать лабиринт!

Во рту у меня уже был противный привкус генерал-майора.

На самом деле, я предполагал, что со дней моей юности они успели усовершенствовать методику. В общей сложности у них имелось 450 лет на эксперименты и внедрение.

Соответственно приказу на Старгейте я должен был пройти «переподготовку», прежде чем вступить в командование.

Дабы получить меня, они, конечно, не собирались поджаривать генерал-майоров и подавать их мне под соусом. Они вообще мне

ничего не давали есть три недели, кроме глюкозы. Глюкоза и электрические сигналы.

Они обрили мне каждый волосок, сделали укол — теперь я был *слабее младенца* — нацепили дюжину электродов и заключили в резервуар оксигенированного флюокарбона. Я был во власти КУВа, то есть «компьютера ускоренного восприятия». Он не давал мне заскучать.

Машине понадобилось минут десять — я так думал, чтобы выяснить уровень моих знаний в области военного искусства (прошу прощения за выражение). Потом она начала обучать.

Я научился в совершенстве пользоваться любым видом оружия, от камня до ново-бомбы. И не только *теоретически* — не зря мне прицепили электроды. Контролируемая компьютером кинестезийная обратная связь. Я чувствовал оружие в руках и выполнял операции. Я выполнял их до тех пор пока не делал все правильно. Иллюзия реальности была полнейшая. Я метал копье с помощью специальной петли — я был воином-негром из племени масаев и мы напали на вражескую деревню. Я был высокий и чернокожий. Я учился фехтовать у какого-то зловещего вида субъекта посреди французского дворика 18 века. Я сидел притаившись в ветвях дерева, я целил из снайперской винтовки в людей, одетых в голую форму, пробиравшихся по размокшим полям к Виксбургу. За три недели я изничтожил целое отделение *эллектронных призраков*. *Мне казалось*, что прошел год, но КУВ странным образом действовал на наше восприятие времени.

Но это была меньшая часть обучения. Разминка. Потому что потом в мой бедный мозг машина натолкала всю военную премудрость четырех тысячелетий, и я не мог забыть ни одного факта, пока я находился в машине, по крайней мере.

Хотите знать, кто такой Сципион Амилианус? Я не хочу, какой-то умник из периода Третьей Пунической войны. ВОЙНА — ЭТО ПРЕДЕЛ СПОСОБНОСТЕЙ И ПОЭТОМУ ХРАБРОСТЬ ЕСТЬ ГЛАВНОЕ ДОСТОИНСТВО ВОЙНЫ — вот что, оказывается, говаривал фон Клаузевиц. И не забыть мне до конца своих дней высокую поэзию следующего отрывка: «... наступающая группа обычно продвигается колонной, в авангарде находится командный взвод, за ним следует лазерное отделение, отделение массированного удара, замыкает колонну второе лазерное отделение...» Это из «Малого справочника командира ударной группы», если только можно назвать «малым справочником» книгу в две микрофильмовые карты, это 2.000 страниц.

Если хотите стать абсолютным экспертом в предмете, вызывающем у вас отвращение, поступайте в ИСООН и становитесь офицером.

119 человек — и я отвечаю за 118 из них. Включая меня самого, но исключая командира, который мог сам о себе позаботиться.

Я не встречался ни с кем из моей группы во время двухнедельного восстановительного периода, следовавшего за обучением в КУВе.

Перед первым общим собранием я должен был встретиться с офицером по ориентации и инструктажу. Клерк назначил мне встречу с полковником в офицерском клубе шестого уровня после обеда.

Я пришел заранее, рассчитывая пообедать, но там подавали только закуски. Я заказал какую-то грибкообразную массу, отдаленно напоминавшую экскалоп, а остальную часть калорий принял в виде алкоголя.

— Майор Манделла?— я погрузился в размышления над седьмым стаканом пива и не заметил, как подошел полковник. Я привстал, но он жестом разрешил мне сидеть и тяжело опустился в кресло напротив.

— Я ваш должник,— сказал он.— Вы спасли меня от скучнейшего вечера, по крайней мере, наполовину.— Он протянул руку.— Джек Кинок. К вашим услугам.

— Полковник...

— Ну, ну, давайте без чинов. Мы, старикашки, должны... видеть перспективу, Уильям.

— Я не против.

Он заказал какой-то напиток. Я такого названия никогда не встречал.

— С чего начать? Судя по вашему послужному списку, вы последний раз были на Земле в 2007 году.

— Верно.

— И вам там не очень понравилось? Так?

— Не очень. Зомби, счастливые роботы.

— Ну так вот, потом дела пошли лучше, потом опять хуже. Благодарю,— сказал он рядовому, который принес ему стакан, пузырящееся месиво в нем было зеленым у дна и постепенно светлело, доходя до краев. Он отпил.— Потом опять лучше, потом... Я даже не знаю. Циклы.

— А как там сейчас?

— Ну... я не совсем уверен. Груды рапортов и сводок, но не так просто отделить правду от пропаганды. Я не бывал дома уже двести лет. В последний раз там было несладко. Хотя это зависит от точки зрения.

— Что вы имеете в виду?

— Как вам сказать... большие передряги. Слышали о движении Пацифистов?

— Вроде нет.

— Хм, название у них обманчивое, фактически это была война, партизанская война.

— А я думал, что могу назвать вам номер, разряд по значению и название любой войны, от Трои до наших дней.

Он улыбнулся.

— Эту они, наверное, пропустили. И на то есть причина. Это была война ветеранов — вернувшихся от Иод-38 и Альфа-40. Они все вместе решили захватить управление ИСООН на Земле. Среди населения нашлось немало их сторонников.

— Но проиграли.

— Как видите, мы все еще здесь.— Он встряхнул стакан, и жидкость заискрилась, переливаясь красками.— Все, что я знаю, только слухи. Войну я не застал — уже кончилась, не считая редких случаев саботажа. И это была не слишком безопасная тема для разговоров.

— Это меня мало удивляет,— сказал я.— И даже более того, эти люди на Земле, они готовы... согласиться с любым желанием правительства.

Полковник неопределенно кашлянул.

— О какой же революции может быть речь? Когда мы были там, никто и слова не сказал бы против ИСООН — или любого другого местного правительства. Они были кондиционированы по уши — принимать вещи, как они есть.

— Гм, это тоже цикличный процесс.— Он откинулся на спинку кресла.— Дело не в технике. Если бы правительство захотело, то могло бы контролировать... мысли и действия любого гражданина с колыбели и до могилы.

— Но они этого не делают, потому что это приводит к фатальным результатам. Потому что идет война. Вот вы, например, вы получили мотивационную кондиционировку, пока сидели в «коробке»?

— Если я и получил, то откуда я бы мог это узнать,— сказал я подумав.

— Правильно, но только частично. Поверьте моему слову, эту часть мозга они не трогали. В нашу базовую мотивацию поведения никто не вмешивался. И вы должны знать, почему.

Имена, даты, цифры пронеслись у меня в голове. Тет-17, Сед-21, Альфа-14. Комиссия Лазло... Чрезвычайная комиссия Лазло и ее доклад. Июнь 2106 года.

— Да. И кроме того, наши собственные воспоминания об Альфе-О... Из роботов не получаются хорошие солдаты.

— Не получались раньше,— заметил я.— Вплоть до двадцать первого века. Управление поведением — мечта генералов. Создали бы армию, собрав самые ценные черты СС, преторианской гвардии, Золотой Орды и зеленых беретов.

Полковник усмехнулся.

— И выпустите эту армию против взвода людей в современных боекостюмах. С ней покончат в два счета. Если только у каждого солдата в этом взводе будет своя голова на плечах. Тогда он будет драться, как черт, чтобы спасти свою жизнь.

Было выведено поколение солдат с кондиционированием с самого рождения. Идеальные бойцы. Великолепно работали одной командой, кровожадные, собственную жизнь в грош не ставили. И что же? Тельциане разгромили их в пух и прах. Они тоже не щадили своих жизней, но у них это лучше получалось. И их всегда было больше.

Кинок поднял стакан и начал разглядывать разноцветное со-

держимое.— Я видел ваш психопрофиль. Старый и новый, сделанный после «коробки». Они ничем не отличаются.

— Будем надеяться,— я помахал рукой, чтобы принесли еще пива.

— Возможно, это не так уж хорошо.

— Что из меня не выйдет офицера? Я это с самого начала говорил им. Я не лидер по натуре.

— И да, и нет. Хотите скажу, что показал психопрофиль?

Я вздохнул.

— Это ведь секретно?

— Да,— сказал он.— Но вы теперь майор. Можете потребовать профиль любого человека в вашей группе.

— Не думаю, что вы меня чем-то удивите. Но мне интересно все-таки. Кому бы не захотелось взглянуть в зеркало?

— Возможно. По профилю — вы пацифист, убежденный пацифист. От этого у вас легкий нервоз. С которым справляетесь, перенося вину на армию.

Пиво было очень холодное, у меня заныли зубы.

— Ничего удивительного, тем не менее.

— Если вам нужно будет убить человека, а не тельцианина, я неуверен, что вы сможете, хотя знаете тысячи способов, как это сделать.

Я не знал, что сказать. Вероятно, он был прав.

— Определенный потенциал лидера у вас имеется. Но вам бы он пригодился, как учителю или министру. Вы бы действовали из побуждений симпатии, привязанности. У вас есть стремление влиять на других людей, но убеждением, а не приказом. Отсюда следует, что вы были правы — офицер из вас выйдет плохой, если вы не перестроитесь.

Я захохотал.

— В ИСООН все это знали с самого начала, когда приказали мне стать офицером.

— Здесь важны и другие параметры,— сказал он.— Вы, например, хорошо приспосабливаетесь, в меру сообразительны, хорошо анализируете. И вы один из одиннадцати человек, выживших сквозь всю войну.

— Выживаемость — это добродетель рядового. Но офицер должен подавать образец. Капитан покидает корабль последним.

— Только не за тысячу световых лет до базы, где вас можно заменить,— хмыкнув, ответил полковник.

— Все равно. Одного не пойму — зачем нужно было вытаскивать меня с Небес, возиться с переподготовкой и так далее, когда здесь, на Старгейте, добрая треть людей — куда лучший материал для офицера, чем я. Боже, армейское мышление!

— Бюрократическое, скорее. Год вашего рождения внушает уважение, не годится оставлять вас в подчиненных.

— Это все разница во времени. На самом деле я был всего в трех кампаниях.

— Неважно. К тому же, это в два с половиной раза больше, чем в послужном списке среднего солдата. Мало кто выживает. Возможно, ребята из масс-медиа попробуют сделать вас национальным героем.

— Национальный герой,— я отпил свое пиво.— Где же ты, Джон Уэйн, ты так нам теперь нужен.

— Джон Уэйн?— он покачал головой.— Знаете, я сам в «коробке» не бывал. В военной истории я не эксперт.

— Забудьте, неважно.

Кинок осушил свой бокал и попросил принести ему — провалиться мне на месте!— ром «Антарес».

— Ну хорошо. Предполагается, что я введу вас в курс дела. Что бы вы хотели узнать? О том, что мы называем «курсом дел»?

— Так вы не бывали в «коробке»?— Что это я к нему пристал?

— Нет, это только для боевых офицеров. За три недели на вас расходуется столько энергии и машинного времени, что можно было бы управлять Землей несколько дней.

— Ваши знаки показывают, что вы боевой офицер.

— Практически, я бывший боевой офицер.

Принесли ром «Антарес»— высокий стакан с прозрачной янтарной жидкостью и кусочками льда на поверхности. На дне плавал ярко-красный шарик размером с ноготь большого пальца.

— Что это красное?

— Корица. Эфир, с добавкой корицы. Хотите попробовать?

— Нет, я уж лучше пиво.

— Внизу, на первом уровне, в библиотечном Компьютере имеется блок «деловой ориентации». Мои люди своевременно вводят новую информацию. Каждый день можете обращаться туда, если возникнут вопросы. В основном вам нужно... подготовиться к встрече с вашей группой.

— А что, они не люди? Киборги? Клоны?

Он засмеялся.

— Клонирование запрещено законом. Проблема в вас... в вашей, э-э, гетеросексуальности.

— Ну, это не проблема. Я человек вполне терпимый.

— Да, ваш профиль действительно показывает, что вы... считаете себя терпимым. Но дело не в этом.

— Разве?— я уже знал, что он хочет сказать.

— В ИСООН набираются только морально устойчивые люди. Я понимаю, что вам трудно с этим свыкнуться, но гетеросексуальность расценивается как эмоциальная нестабильность. И относительно легко излечивается.

— Если он собирается лечить меня...

— Успокойтесь, вы уже слишком стары для этого.— Он сделал маленький глоток.— Вам не так уж будет трудно ужиться с ними, как вы...

— Погодите. Вы хотите сказать, что в группе нет больше таких, как я?

— Уильям, их нет нигде, даже на Земле. Кроме нескольких сотен человек — ветеранов и неизлечимых.

— Ага.— А что я мог сказать?— Жестокий способ решить проблему перенаселения.

— Возможно. Но он действует. Население Земли держится на уровне миллиарда. Как только кто-то умирает или покидает планету, выращивается ребенок.

— Не «рождается»?

— Рождается, но другим способом. В ваше время существовал такой термин — «дети из пробирки», но сейчас они, конечно, пробирками не пользуются.

— Да, это достижение.

— В каждом роддоме имеется искусственная утроба, в которой происходит рост зародыша в течение восьми-десяти месяцев, после чего он «рождается», как вы говорили. Это занимает несколько дней — ничего похожего на родовые муки, как в ваше время.

«Прекрасный новый мир,— подумал я.— И никаких родовых травм. Миллиард абсолютно приспособленных к окружению гомосексуалистов».

— Абсолютно приспособленных к сегодняшней Земле. Вы и я, мы можем найти их несколько странными.

— Мягко сказано.— Я допил свое пиво.— А вы сами, вы... гомосексуалист?

— Нет,— сказал он. Я успокоился.— В общем, я и не гетеросексуалист.— Он хлопнул по колену. Звук был какой-то необычный.— Получил тяжелое ранение и оказалось, что у меня какое-то расстройство лимфатической системы, я не могу регенерировать. От пояса и ниже — только металл и пластик. Используя выражение, я — киборг.

Дальше, чем далеко, как говорила моя мама.

— Рядовой!— я подозвал официанта.— Принесите мне вот это, ром «Антарес».— Итак я сижу в баре с бесполым киборгом, который, одновременно, единственный нормальный человек на всей планете, на этой проклятой планете!

— Двойной, пожалуйста.

2

На вид они были вполне нормальные, молодые и несколько напряженно державшиеся. Они собрались в лекционном зале на наш первый общий сбор.

Многие из них покинули детсад всего семь или восемь лет назад. Детсад — это искусственная, контролируемая среда, куда доступ имеют только педиатры и учителя. Когда человек покидает детсад в возрасте двенадцати-тринадцати лет (фамилию он получает по фамилии донора с лучшим генетическим показателем), он фак-

тически считается взрослым. Его образование к этому времени эквивалентно моему первому курсу колледжа. Некоторые из них продолжают учиться, специализируются в какой-то области, но многие сразу направляются на работу.

За ними тщательно наблюдают, и всякий выказывающий асоциальные наклонности, например гетеросексуальность, отправляется на лечение. Его или исцеляют, или оставляют там до конца жизни.

Все призываются в ИСООН, достигнув двадцати лет. Большинство отрабатывает в координационных отделах положенные пять лет и уходит. Несколько счастливцев, примерно один человек на восемь тысяч, приглашается принять участие в боевых действиях. Отказ считается «асоциальной наклонностью», хотя такое приглашение означает пять дополнительных лет службы. И шансы выжить за эти десять лет близки к нулю. Таких еще не знает история войны. В лучшем случае, война закончится раньше, чем истекут ваши десять (субъективных) лет.

Если считать, что разность во времени позволяет вам участвовать в кампании раз в один субъективный год, легко подсчитать эти шансы. Они составляют примерно две тысячных процента. Другими словами, если вспомнить старую русскую рулетку, то это то же самое, что зарядить шестизарядный револьвер четырьмя патронами и рискнуть выиграть. Если десять раз подряд вам удастся нажимать на курок и не испачкать при этом противоположную стену, то примите поздравления! Вы теперь штатский!

Поскольку на службе в ИСООН состоит шестьдесят тысяч боевых солдат, примерно 1,2 солдата переживет войну. Я всерьез и не надеялся попасть в их число.

Интересно, сколько человек из этих молодых солдат, заполнивших зал, знали, что они обречены? Я пытался отыскать лица, знакомые по досье, что я читал все утро, но получалось с трудом. Отобранные в соответствии с одними и теми же параметрами, они и выглядели как-то одинаково: высокие, но не слишком, мускулистые, но не чрезмерно, сообразительные... но не из тех, кто задает лишние вопросы. Заметно было, что расы на Земле еще ближе к слиянию, чем в дни моего последнего пребывания там. Большинство из них походили несколько на полинезийцев. И только двое, Кайшибенда и Лин были чистыми представителями расовых типов. Интересно, как относились к ним остальные?

Большинство женщин красотой не блистали, но мне критиковать не приходилось, в моем положении. Я сохранял целомудрие вот уже больше года, с тех пор, как мы расстались с Мэригей на Небесах.

Интересно, подумал я, вдруг у какой-то из этих женщин обнаружится след атавистической наклонности. Или она благосклонно отнесется к командиру-чужаку. СОВЕРШЕННО ЗАПРЕЩАЕТСЯ ОФИЦЕРАМ ВСТУПАТЬ В ИНТИМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ С ПОДЧИНЕННЫМИ. Весьма деликатная формулировка. НАРУШЕНИЕ КАРАЕТСЯ РЕДУКЦИЕЙ ЖАЛОВАНИЯ ДО РАЗМЕРОВ ЖАЛОВАНИЯ РЯДОВОГО, А ЕСЛИ ЭТИ ОТНОШЕНИЯ СНИЖА-

ЮТ БОЕВУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЕННОЙ ЕДИНИЦЫ, КАЗНЬЮ. Если бы все правила устава ИСООН нарушались так же легко и часто, как это, в армии жилось бы весьма привольно.

Но ни один из молодых людей меня не привлекал. Что будет после второго года, я уверен не был.

— Становись!— это лейтенант Холлибоу. Спасибо новым рефлексам, я остался сидеть. Все остальные вскочили.

— Меня зовут лейтенант Холлибоу, я ваш второй боевой офицер,— раньше это называлось «первый боевой сержант». Армия переполняется офицерами — первый признак, что она сформирована не вчера.

Холлибоу продолжала, совсем как настоящий матерый вояка. Наверное, каждое утро тренируется перед зеркалом. Я видел ее досье, она была в настоящем деле, но только раз и всего несколько минут. Потеряла ногу и руку.

Черт, возможно, она и была приятным человеком, прежде чем попала на Небеса. Одну только ногу регенерировать — и то приходится помучиться.

Она вела обыкновенную сержантскую беседу: строго, но справедливо, не беспокоя меня по мелочам. Пользуясь командной цепочкой, почти все можно уладить уже на уровне пятого эшелона.

Жаль, что я заранее не поговорил с ней поподробнее. Мы спешили — на следующий день уже нужно было грузиться на корабль, и я перекинулся всего парой слов с офицерами.

Этого было явно недостаточно. Холлибоу старалась, как это следовало из ее слов, использовать цепь командиров, чтобы оградить себя от подчиненных, создавая потенциально ситуацию «хороший солдат — плохой солдат». Я же планировал слишком не отрываться от основной массы людей, и через день отводить час, чтобы любой солдат мог прийти ко мне, минуя своих начальников.

Во время обучения в «коробке» нам ввели одну и ту же информацию. Странно, что мы пришли к таким разным идеям о руководстве. А такая «политика открытых дверей» хорошо себя зарекомендовала еще в «современных» армиях Австралии и Америки. И особенно соответствовала она нашей ситуации, когда мы все будем месяцами находиться внутри замкнутого помещения корабля. Такую систему мы использовали на последнем крейсере, где мне пришлось служить, и она явно помогала снизить напряжение.

Сейчас они расслабились, пока Холлибоу говорит, но скоро она призовет к вниманию и представит меня, что я им скажу? Я предполагал сказать несколько слов и объяснить «политику открытых дверей», потом представить командора Антопола, он скажет что-нибудь о нашем крейсере «Масарик-П». Теперь я решил сначала поговорить с Холлибоу.

Спас меня старший офицер, капитан Мур. Он влетел в зал через боковую дверь, он всегда влетал, словно кругленький метеор — торопливо отдал честь и протянул мне конверт, содержащий наш

боевой приказ. Я шепотом посоветовался с командором, и она согласилась, что можно сразу объявить составу, куда нас направляют.

Чего нам можно было не опасаться в этой войне, так это вражеских агентов. Под толстым слоем краски тельцианин, возможно, выдаст тебя за ходячий мухомор. Неизбежно попадет под подозрение.

Холлибоу уже призвала их к вниманию, и добросовестно рассказала, какой я хороший командир, и что я в армии с самого начала войны, и что если они хотят благополучно дожить до конца срока службы, пусть следуют моему примеру. Она не упомянула, что солдат из меня средний, просто мне везет. И что я бы дал деру из армии при первой же возможности, что я так и сделал один раз, но на Земле мне не понравилось, и я вернулся назад.

— Благодарю вас, лейтенант.— Я занял ее место.— Вольно.— Я развернул единственный листок, где содержался наш приказ, и показал всем.— У меня есть для вас две новости: хорошая и плохая.— Старая шутка, однако, вполне соответствующая сейчас действительности.

— Вот наш приказ: мы направляемся к Сад-138. Хорошая новость — непосредственно и немедленно мы в бою участвовать не будем. Плохая новость: нас используют как мишень.

Легкое движение в рядах и тишина. Хорошая дисциплина. Неизвестно, что они думают о своем будущем. Или об отсутствии будущего.

— Сделать нам предстоит вот что... найти самую большую входную планету в системе Сад-138 и построить там базу. Удерживать базу до особого приказа. Два или три года, скорее всего.

— В течение этого срока нас, очевидно, атакует противник. Как вы знаете, удалось обнаружить определенную закономерность в передвижении противника от коллапсара к коллапсару. Со временем, возможно, удастся найти и планету тельциан. Пока же командование посылает группы перехвата, чтобы сковывать экспансию противника.

— В перспективе — это и будет наше задание. Мы войдем в число нескольких дюжин ударных групп, которые будут блокировать маневры тельциан на самых дальних границах нашей территории. Мне не нужно особо подчеркивать, какое это ответственное и важное задание. Если мы сумеем заключить противника в «мешок», мы сумеем выиграть войну.

«Но задолго до ее конца от нас и воспоминаний не останется».

— Я еще раз повторяю: нас могут атаковать в первый же день после высадки, или может статься, что мы просидим спокойно на нашей планете все десять лет и отправимся домой.— «Ну, да, держи карман шире!»— В любом случае, каждый должен поддерживать себя в лучшей боевой форме. Во время полета будут проводиться регулярные занятия гимнастикой и технической подготовкой. Особенно, приемами постройки жилищ — нам придется создать базу и защитные постройки в самое короткое время.

Боже, я уже разглагольствую совсем, как офицер.— Есть вопросы?— Вопросов не было.— Тогда позвольте представить командора Антопол. Командор, прошу вас.

Командор, едва скрывая скуку, обрисовала сборищам наемников основные характеристики и возможности «Масарика-П», мое внимание особо привлек последний абзац, все остальное мне было известно.

— Сад-138 — самый отдаленный коллапсар из тех, что посещались человеком. Он находится даже не в нашей Галактике, а в Большом Магеллановом облаке, примерно за 150.000 световых лет отсюда. Наш полет будет состоять из четырех прыжков и займет примерно четыре месяца субъективного времени. Разница во времени с базой Старгейт к моменту достижения Сад-138 составит триста лет.

И еще семь веков, если я доживу до возвращения. Какая собственно, разница? С Мэригей мы расстались навеки, и больше никто и ничто для меня особого значения не имеет.

— Но не заблуждайтесь насчет противника — они тоже отправятся к Сад-138. Это будет нелегкая гонка, и выигрыша во времени у нас почти нет.

— Майор, у вас есть еще что-нибудь?

— Я... начал я, пристав.

— Смирно!— прогремела Холлибоу. Мне следовало бы уже привыкнуть.

— Я бы хотел собрать всех офицеров четвертого эшелона и выше на несколько минут. Взводные сержанты, вы отвечаете за построение ваших людей в сборном зале 67 завтра утром в 4.00. Сейчас вы свободны. Разойдись.

Я пригласил пятерых офицеров в свой кубрик и вытащил бутылку настоящего французского коньяка. Стоила она два моих месячных оклада. Но на что мне еще тратить деньги?

Я раздал стаканы, но Алсевер, наш доктор, отказалась. Вместо этого она разломила маленькую ампулу и глубоко втянула воздух носом. Потом без особого успеха попыталась скрыть выражение эйфории на лице.

— Давайте сразу поговорим вот о чем,— сказал я, разливая коньяк по стаканам.— Вы все знаете, что я не гомосексуалист?

Смешанный хор — «да, сэр» и «нет, сэр».

— Считаете ли вы, что это... усложнит мое положение как командира?

— Сэр, я не...— начал Мур.

— Можно и без формальностей,— сказал я,— здесь мы все свои. Я сам четыре года назад был еще рядовым — по субъективной временной шкале. Среди офицеров, в домашней обстановке,— я просто Манделла или Уильям.— Пока я все это говорил, у меня появилось чувство, что я делаю ошибку.— Продолжайте.

— Хорошо, Уильям,— продолжил он.— Я думаю, что лет сто назад это могло бы стать проблемой. Знаете ведь, как люди тогда смотрели на такие вещи.

— Вообще-то я не в курсе. После двадцать первого века мои знания ограничиваются военным искусством.

— Гм, это считалось... как это сказать?

— Это считалось преступлением,— коротко заключила Алсевер.— Совет по Евгенике начал осуществлять план глобального перехода к гомосексуальности.

— Совет по Евгенике?

— Да, это часть ИСООН, но действует только на Земле.— Она последний раз глубоко втянула носом воздух из пустой капсулы.— Идея была такова — вообще прекратить воспроизводство людей естественным путем. Во-первых, люди выказывали досадное отсутствие здравого смысла, выбирая генетического партнера, а во-вторых, Совет считал вредным влияние расовых различий. Взяв полный контроль над воспроизводством, можно было за несколько поколений свести эти различия на нет.

Вот, оказывается, до чего уже дошло. Что ж, логично.

— Вы их одобряете? Как врач?

— Как врач! Я не уверена.— Она вытащила еще одну ампулу и задумчиво катала ее между большим и указательным пальцами, глядя в пространство.— В определенном смысле, мне теперь легче работать. Но мне кажется, что они не так уж хорошо разбираются в наследственности, как думают. Это совсем не точная наука, если они что-то испортят, результаты проявятся через несколько веков.

Она сломала капсулу, поднесла к носу и два раза вдохнула.

— Как женщина, впрочем, я весьма рада.— Холлибоу и Раск согласно кивнули.

— Избавились от надобности рожать ребенка?

— И не только.— Смешно скосив глаза, *она посмотрела на* ампулу и сделала последний вдох.— Главное... можно обходиться без мужчин. Вы понимаете. Это было бы отвратительно.

Мур засмеялся.

— Диана, если ты никогда не пробовала, то и не...

— Да ну тебя,— она игриво кинула в Мура пустую ампулу.

— Но ведь это вполне естественно,— запротестовал я.

— И по деревьям прыгать — тоже естественно. Или выкапывать коренья тупой палкой? Это тоже естественно? Прогресс, мой майор, прогресс.

— Во всяком случае,— сказал Мур.— Только некоторое время это считалось преступлением. Теперь... они, э-э, лечат...

— Как эмоциональное расстройство,— сказала Алсевер.

— Благодарю вас. Но ведь... так как это редкость... в общем думаю, все прекрасно уладится.

— Да, это считается большим чудачеством,— сказала Диана.— Но ничего ужасного, вроде каннибализма.

— Верно, Манделла,— сказала Холлибоу.— Мне, например, совершенно безразлично.

— Что ж, я рад,— я действительно чувствовал облегчение. Хотя начал понимать, что совсем не знаю, как вести себя в новом обществе. Мое «нормальное» поведение целиком основывалось на различии между мужчинами и женщинами. Что же теперь делать? Поменять все наоборот? Или относиться к ним, как к братьям и сестрам? Очень все запутано.

Я выпил свой коньяк и поставил стакан на стол.

— Хорошо, благодарю вас. Это основное, что я хотел выяснить... Наверное, у всех вас есть дела. Не буду вас больше задерживать.

Они разошлись, все, кроме Чарли Мура. Мы с ним отправились в пошлый тур по барам и офицерским клубам. Когда счет дошел до двенадцати, я решил, что нужно немного поспать перед завтрашним днем.

Один раз Чарли показал, очень вежливо, что остается при своих склонностях. Я предчувствовал, что это только начало.

3

Первые звездолеты ИСООН обладали красотой, родственной красоте паутины. Но постепенно, с развитием техники, прочность конструкции начала играть более важную роль, чем экономия массы. (Корабль старого типа мог сплющиться в гормошку, выполняя маневр на двадцати пяти «ж»). Изменилась и конструкция кораблей: прочные, солидные, функциональные машины. Корпус нашего крейсера украшала надпись «Масарик-П», сделанная голубыми буквами на стеклянно посверкивающей броне.

Наш челнок проплыл как раз над этой надписью, направляясь к грузовому шлюзу. Используя их, как шкалу отсчета, можно было увидеть, что каждая буква имеет добрую сотню метров в длину. Сам крейсер достигал в длину километра. (1036,5 метра, как подсказала «встроенная» память). И около трети километра в диаметре (319,4 метра).

Но это не означало, что нам будет просторно. В брюхе крейсера размещались шесть больших тахионных штурмовиков и пятьдесят роботоснарядов. Десантникам отводились остатки свободного места.

До погружения в противоперегрузочные резервуары имелось еще шесть часов. Я закинул сумку в крохотную каюту, которой суждено было стать моим домом на все ближайшие двадцать месяцев, и отправился на разведку. Чарли меня обогнал, он уже, оказывается, добрался до комнаты отдыха и пробовал местный кофе.

— Желчь носорога,— сказал он.

— По крайней мере, это не соя,— сказал я, делая осторожный глоток. Да, через неделю я могу соскучиться по сое.

Офицерская комната отдыха имела четыре метра в длину и три в ширину, металлические стены и пол, кофейный автомат и термо-

нал библиотеки. Шесть жестких стульев и стол с печатной машинкой.

— Уютная комнатка, а?— от нечего делать он набрал общий индекс на терминале.— Сплошь военное дело.

— Это хорошо. Проверим нашу память.

— Ты сам записался в офицеры?

— Кто, я? Нет, приказ.

— Тебе легче.— Он ткнул пальцем в выключатель терминала, наблюдая за гаснущей зеленой точкой на экране.— Я сам записался. Если бы я знал, что так получится...

— М-да...

— Говорят, постепенно выветривается. Эта информация, что они в нас заложили.

— А, вот вы где.— Вошла Холлибоу, приветствуя каждого из нас. Быстро оглядела комнату. Спартанский стиль пришелся ей явно по душе.— Вы не скажете что-нибудь группе прежде, чем мы погрузимся в резервуары?

— Нет, по-моему, в этом нет... необходимости.— Я едва не сказал «смысла».

— Лучше выберите взводных командиров и проработайте с ними процедуру подготовки к погружению. В дальнейшем мы займемся тренировкой аварийного погружения. Но сейчас, я думаю, солдаты могут отдохнуть несколько часов.— Особенно, если у них тоже болит с похмелья голова, как у их командира.

— Есть, сэр.— Она повернулась кругом и вышла. Наверное, немного разозлилась, ведь это работа для Риланд и Раск.

Чарли устроился на одном из жестких сидений и вздохнул.

— Двадцать месяцев внутри этой консервной банки. Вместе с ней. Это конец.

— Ну, если ты будешь себя хорошо вести, я не стану помещать вас в один кубрик.

— В таком случае, я твой вечный раб. Начиная, э-э, со следующей пятницы.— Он глубокомысленно рассматривал дно своей чашки.— Нет, серьезно, мы с ней еще хлебнем. Что ты думаешь делать?

— Не знаю.— Чарли держался запанибрата, но все-таки, он мой старший офицер, кроме того, должен же у меня быть хоть один товарищ.— Возможно, она отмякнет по ходу дела.

— Возможно.

Технически, дело уже началось — мы не спеша подползли к коллапсару Старгейт на одном «ж». Чтобы команда не путалась в петлях и не страдала от тошноты при невесомости. По-настоящему все начнется только после нашего погружения в резервуары.

Комната отдыха навевала грустные мысли, поэтому мы с Чарли все остальное время бродили по кораблю.

Командорский мостик не отличался от компьютерного зала — от роскоши мы следили, как Антопол и ее офицеры последний раз проверяют компьютеры, прежде чем лечь в резервуары и доверить наши судьбы машинам.

Но иллюминатор все-таки имелся — пузырь из толстенного пластика — в навигационной комнате, дальше по носу корабля. Лейтенант Уильямс был свободен, сейчас его заменяли автоматы, и он с удовольствием показывал нам свое хозяйство.

Он постучал по иллюминатору ногтем.— Надеюсь, нам не придется им пользоваться в этом рейсе.

— Как так?— сказал Чарли.

— Мы пользуемся окошком, только если потеряемся. Если корабль отклонится от угла входа в коллапсар на долю радиана, мы вполне можем вынырнуть на другом краю Галактики. Мы можем грубо определить позицию по спектрам наиболее ярких звезд. Это как отпечатки пальцев, достаточно определить три звезды и можно триангулировать.

— И найти ближайший коллапсар, и попробовать вернуться на старый путь,— сказал я.

— Это не просто. Сад-138 — это единственный известный нам коллапсар в Магеллановом Облаке. Мы открыли его только перехватив вражеское сообщение. Если мы найдем другой коллапсар — в случае, если заблудимся в Облаке — то, как мы узнаем угол входа?

— А что делать?

— Можно залечь в резервуары, нацелить крейсер на Землю и дать полную тягу. Через три месяца бортового времени мы будем дома.

— Да,— сказал я,— и всего 150.000 лет временной разницы. На двадцати пяти «ж» по субсветовой скорости можно разогнаться за месяц. После этого остается молиться святому Альберту.

— Да, это большой недостаток,— согласился он.— Но, по крайней мере, мы узнаем, кто выиграл войну.

Вы бы удивились, если бы узнали, сколько народу выпало из хода войны таким, очевидно, способом. Сорок две ударные группы пропали без вести. Наверное, они все сейчас ползут сквозь нормальное пространство, и через века начнут появляться на Старгейт, одна за другой.

Это был идеальный способ дезертировать, но только процедура прыжка программируется командованием ударных групп. Человек может вмешаться в работу компьютера только, если корабль действительно вынырнет в неизвестном районе космоса.

Мы с Чарли заглянули в спортзал. Он был достаточно просторен — вмещал одновременно целую дюжину людей. Я велел Чарли составить расписание, чтобы каждый солдат мог упражняться в зале регулярно, как только мы покинем резервуары.

В столовой было едва ли просторнее. Даже если организовать четыре смены, не обойдется без толкотни, а комната отдыха для рядового состава производила впечатление еще более удручающее, чем офицерская.

Я начал подозревать, что задолго до конца двадцати месяцев у меня возникнут проблемы.

Оружейная размерами равнялась спортзалу, столовой и двум комнатам, вместе взятым. На то была причина — большое разнообразие оружия, эволюционировавшего сквозь столетия. Основным видом оставался боекостюм, хотя он стал куда сложнее ранних моделей.

Лейтенант Риленд наблюдал за своими подчиненными, они проверяли в последний раз укладку оружия и боеприпасов. Самое ответственное задание, если подумать. Если только что-то вдруг случится с этими запасами взрывчатых и радиоактивных веществ, да под ускорением...

Я ответил на его небрежный салют.

— У вас все в порядке, лейтенант?

— Да, сэр. Кроме проклятых шпаг.— Шпаги предназначались для использования в стазис-поле.— Как их ни укладывай, все равно могут погнуться. Хоть бы не поломались.

Я даже приблизиться не мог к пониманию принципа стазис-поля. Современную физику и мою степень магистра разделяла пропасть шире, чем пропасть между Галлилеем и Энштейном. Но я знал результаты его действия.

Внутри этого поля — сферического объема пятидесяти метров в радиусе — ничто не могло двигаться быстрее 16,3 метров в секунду. Внутри поля не существовало электромагнитного излучения — ни света, ни магнетизма, ни электричества. Окружающее виделось там жутко одноцветным, как на гравюре, световой феномен мне объяснили быстрым переходом квазиэнергии из соседствующей техион-действительности — для меня это то же самое, что флогистон.

Но в результате этого все обычные виды оружия теряли эффективность. Даже ново-бомба превращалась в безжизненный кусок металла. И любое существо, оказывающееся в поле без особой изоляции, умирало в мгновение ока.

Сначала все шло так, словно нам удалось найти, наконец, абсолютное оружие. Пять тельцианских баз было уничтожено без единой потери с нашей стороны. Нужно было только дотащить генератор до строений базы (при земной силе тяжести с этим управляются четверо крепких солдат) и наблюдать, как враг выскакивает наружу и умирает, попав в сферу поля.

Но на шестой раз тельциане уже были готовы встретить нас. Они создали защитные костюмы и вооружили солдат острыми копьями, которыми можно было проткнуть защитные костюмы наших солдат. После этого мы тоже начали вооружаться.

История войны знала только три таких сражения, хотя более десятка ударных групп отправились в рейд, вооруженные стазис-полем. Очевидно, остальные были в пути, или были полностью уничтожены. Мы и не рекомендовали возвращаться без победы в бою — это приравнивалось к «дезертирству в бою», что означало мозгостерку для всех офицеров (ходили слухи, что мы потом накладывали новую личностную матрицу, отправляя обратно в «печь»).

— Мы будем использовать поле, сэр?— спросил Риланд.

— Возможно. Но не сразу, если только тельциане нас не опередили. Я не в восторге от перспективы жить день за днем в боекостюме.— И я также был не в восторге от перспективы сражаться шпагой, копьем или метательным ножом, сколько бы электронных врагов ни отправил бы я в Валгалу с их помощью.

Я посмотрел на часы.

— Так, нам не мешает наведаться к резервуарам. Проверить, все ли готово.

До прыжка оставалось еще два часа.

Резервуарный зал напоминал химический завод — круглый пол имел добрую сотню метров в диаметре, и весь зал до предела был заполнен разнообразными машинами, выкрашенными в одинаковый тускло-серый цвет, восемь противоперегрузочных резервуаров располагались симметрично вокруг центрального лифта, симметрию немного портил тот факт, что один резервуар был в два раза больше остальных — в нем должны были помещаться офицеры и экипаж крейсера.

Из-за резервуара показался сержант и отдал честь.

— Это что такое?— среди всеобщего царства серого цвета — какое-то яркое пятно.

— Это кот, сэр.

— Еще бы.— Здоровенный котище, полосатый. На плече у сержанта он выглядел нелепо.— Скажем по-другому — что делает здесь этот кот?

— Это талисман отделения техобслуживания, сэр.

Кот слегка приподнял голову, пошипел и снова задремал.

— Довольно жестоко,— сказал Чарли.— После ускорения от него одна шкура останется.

— Нет, нет, сэр!— Сержант почесал кота по спине. Оказалось, что там имеется вводной канал для флюокарбона, точно такой, как у меня над бедром.— Мы его купили на Старгейте. Такие коты сейчас есть на многих кораблях, сэр. Командор подписал нам бланки.

Что ж, она имеет право, это ее корабль.

— А собаку нельзя было купить?— Боже, я ненавидел котов, они вечно лезут под ноги.

— Нет, сэр, собаки не приспосабливаются. Не выносят невесомости.

— А как вы его хотите поместить в резервуар?— спросил Чарли.

— Мы поставили добавочную кушетку,— значит, вместе со мной в резервуаре будет это животное.— Мы только укоротили привязные ремни.

— Ему требуется особый препарат для упрочнения стенок клеток, но он входит в цену кота.

Чарли погладил кота, почесал ему за ухом, кот замурлыкал, но не шевельнулся.

— По-моему, он довольно глупый.

— Мы уже ввели ему «микстуру», заранее.

Вот отчего он такой сонный, наркотик снижает темп обмена веществ до предела.

— Так его легче укладывать.

— Ладно, пускай живет,— сказал я.— Но если он будет путаться под ногами, я лично отправлю его в регенератор.

— Да, сэр,— с облегчением сказал сержант, думает, наверное, что я пожалею кота. Погоди, парень.

Таким образом, мы осмотрели весь корабль, кроме двигателей, мы не могли пройти в грузовое отделение, где замерли в массивных гнездах роботоснаряды и штурмовики, а возиться с накачкой воздуха и обогревом не хотелось — удовлетворенное любопытство того не стоило.

Я уже начал чувствовать себя каким-то суперкладовщиком. Вернувшись в комнату отдыха, вызвал Холлибоу. Она доложила, что все в порядке. У нас в запасе оставался еще час, и мы сыграли с компьютером в интересную игру «Кригшпилер», что по-немецки означает: «игра в войну». В самый разгар игры прозвучал сигнал десятиминутной готовности.

Противоперегрузочные резервуары гарантируют пятьдесят процентов выживаемости при пятинедельном погружении. То есть, у вас пятьдесят шансов из ста выжить, если вы будете находиться внутри пять недель. На самом деле трудно представить такую ситуацию, когда потребуется даже двухнедельное погружение.

Пять недель или пять часов — в резервуаре вы не ощущаете течения времени. Абсолютная изоляция от окружающего. Можно несколько часов подряд вспоминать собственное имя.

Поэтому я вовсе не удивился, что не почувствовал прошедшего времени, когда вдруг все тело защипало и защекотало — кровь приливала к онемевшим тканям. Зал резервуарной напоминал сборище асматиков — тридцать девять человек и один кот кашляли и чихали, стараясь избавиться от остатков флюокарбона.

Около сотни людей слонялось уже снаружи резервуаров, потягиваясь и массируя руки-ноги. Великий космос! Окруженный целыми арками обнаженного женского тела, я старательно смотрел им прямо в лица, отчаянно стараясь решить в уме дифференциальное уравнение третьей степени. С переменным успехом, но все же спокойно я добрался до лифта.

Холлибоу уже вовсю командовала, выстраивая людей в шеренги. Я обратил внимание, прежде чем закрылась дверь, что у людей из одного взвода имеется легкий кровоподтек по всему телу — у всех до одного. Я решил поинтересоваться на этот счет у медиков и техобслуживающего персонала.

4

Мы шли с ускорением в один «ж» три недели, не считая кратких периодов невесомости. «Массарик-П» по широкой петле удалялся от коллапсара Реш-10, тормозясь, а потом, разгоняясь, двинулся в обратную сторону. Люди вполне удовлетворенно приспособились к корабельному распорядку. Я старался занять их как можно больше тренировками и занятиями по теории — для их собственной пользы. Хотя я был не настолько наивен и понимал, что они смотрят на все это со своей колокольни.

Примерно через неделю полета обнаружилось, что рядовой Рудковский (помощник повара) соорудил кустарный перегонный аппарат и продуцирует 95% спирт. Я решил не пресекать — ткань и без того была лишена разнообразия, но мне было чертовски любопытно узнать, где он достает сырье — это при нашем-то замкнутом цикле, и чем ему платят за «бормотуху». Я начал с конечного звена командной цепочки — с доктора Алсевер. Она пункт звена у Джервила. Джервил — у Каррераса. Каррерас — у Орбана. Оказалось, что сержант Орбан все это и придумал. Рудковский выполнял черновую работу.

Система была такая:

Каждый день подавался какой-то сладкий десерт: желе, крем или пирог. Вы могли его съесть — хотя, как правило, десерт был до невероятности приторным — или не съесть. Если десерт оставался у вас на подносе, когда вы опускали поднос в окошко регенератора, Рудковский выдавал вам расписочку на десять центов, а десерт отправлял в чан. У них имелось два чана — один «работающий», другой в стадии заполнения. В каждый чан вмещалось двадцать литров.

Записка-десятицентовка значила, что вы находитесь в самом низу системы, позволяющей купить пол-литра чистого этилового спирта за пять долларов (в расписках). Отделение из пяти человек вполне могло позволить себе покупать литр «бормотухи» раз в неделю. Для здоровья не опасно, но достаточно для вечеринки.

Когда Диана доставила мне эти сведения, она принесла с собой и бутылку «Рудковского худшего»— в буквальном смысле, это была неудачная серия. До меня она дошла, потеряв несколько сантиметров содержимого.

На вкус это была жуткая смесь клубничного сиропа и тмина. Как и все не привыкшие пить люди, Диана с удовольствием его поглощала. Я лично не допил и одного стакана.

Уже на полпути к счастливому забытью, она вдруг резко подняла голову и посмотрела на меня с детской прямотой.

— Уильям, у тебя большая проблема.

— Завтра утром у тебя обнаружится проблема побольше, доктор Диана.

— Нет, что ты,— она слабо помахала рукой,— немного вита-

минов... глю... глюкозы... адреналин, если... не поможет, у... у... тебя... серьезная проблема.

— Послушай Диана, неужели ты хочешь, чтобы...

— Ты должен... должен пойти на прием к нашему милому капралу Вальдесу.— Вальдес был мужским сексологом.— Он большой специалист. Он... поможет тебе...

— Ведь мы уже говорили об этом, помнишь? Я хочу остаться таким, какой я есть.

— И мы тоже.— Она смахнула слезу — готов побиться об заклад, что в ней имелось не меньше процента алкоголя.— Ты же знаешь, они прозвали тебя Старый Извращенец.

Она поглядела на пол, потом на стену.

— Старый Извращенец, вот как.

Я ожидал чего-нибудь похуже. Но не так скоро.

— Ну и что? Командиру всегда приклеивают прозвище.

— Я знаю, но ведь...— Она вдруг поднялась, слегка качнувшись.— Я перебрала. Нужно полежать.— Она повернулась ко мне спиной и с хрустом потянулась. Потом свистнул замок, и она стряхнула с плеч одежду. Она присела на койку и похлопала по одеялу.— Иди ко мне, Уильям.

— Ради бога, Диана, это не честно.

— Все честно,— хихикнула она.— Кроме того, я врач, мне разрешается. Помоги мне, пожалуйста.— Оказывается, застежки у лифчика и пять столетий спустя все так же размещаются сзади.

Джентльмен на моем месте мог поступить двояко, или помог бы ей раздеться и тихонько покинул комнату, или покинул бы комнату сразу. Но я совсем не двигался.

К счастью, Диана погрузилась в забытье раньше, чем что-то успело произойти. Чувствуя себя последним хамом, я кое-как обмундировал ее, потом поднял на руки — о, сладкая ноша!— и намерен я доставить доктора в ее каюту.

Но тут я сообразил, что если меня кто-то заметит в коридоре, Диана станет притчей во языцех до конца кампании. Я вызвал Чарли, сообщил ему, что мы мол попробовали немного нашей корабельной «бормотухи», Диана не рассчитала сил, и попросил его помочь доставить доктора домой.

К приходу Чарли Диана невиннейшим образом посапывала в кресле.

Чарли улыбнулся.

— Врачу, исцелися сам.

Я предложил ему бутылку, с предупреждением. Он понюхал и скривился.

— Что это? Политура?

— Это приготовил наш доблестный повар, вакуумная перегонка.

Он осторожно, словно бомбу, поставил бутылку на место.

Скоро у него поубавится клиентов. Преждевременная смерть от отравления. Неужели она действительно ее пила?

— Кок признался, что это неудачная экспериментальная партия.

Остальные марки, очевидно, повыше качеством. А Диане понравилось.

— Ну-у...— он засмеялся.— Ладно, давай ты возьмешь ее за ноги, а я — за руки.

— Нет, лучше мы возьмем ее под руки. Может, она сможет идти хоть немного.

Диана что-то проворчала, когда мы ее поднимали, приоткрыла глаза и поприветствовала Чарли. Потом она зажмурилась и позволила оттранспортировать себя в каюту. По дороге мы никого не встретили, но в каюте сидела соседка Дианы, Лаасонен, и читала.

— Ой, зачем же она пила эту гадость.— Лаасонен захлопотала вокруг подруги.— Давайте я помогу.

Мы уложили ее в постель. Лаасонен откинула с лица Дианы волосы.

— Она сказала, что это в качестве эксперимента.

— Такой преданности науке я еще не встречал,— заметил Чарли.— И такого крепкого желудка.

И зачем он это сказал!?

Диана кротко призналась, что после первого стакана память ей отказала. Осторожно прощупав почву, я убедился, что она уверена, будто Чарли был с нами с самого начала. Оно и к лучшему, конечно. Но Диана, Диана, прекрасный ты мой скрытый носитель атавизма, если только мы вернемся на Старгейт (через семьсот лет), я куплю тебе бутылку настоящего шотландского.

Мы снова залегли — резервуары для прыжка от Тем-10 к Каппа-35. Две недели при двадцати пяти «ж»... потом четыре скучных недели на однократном ускорении.

Преимуществами моей политики «открытых дверей» что-то плохо пользовались. Поэтому я мало общался с солдатами — только на проверках, на сборах и на редких лекциях. Разговаривали неохотно и малопонятно, если только не отвечали на прямой вопрос.

Хотя все они знали английский — как родной язык или второй,— но за 450 лет он так изменился, что я с трудом понимал что-нибудь. Особенно, когда говорйли быстро. К счастью, все они были обучены языку моей эпохи. Этим языком, диалектом, мы пользовались для коммуникации.

Я вспомнил своего первого командира, капитана Скотта, которого ненавидел всем сердцем, как и все остальные наши ребята, и представил, что если бы он еще оказался сексуальным девиантом, и для общения с ним пришлось бы выучить новый язык?

Ясно, что у нас были проблемы с дисциплиной. Но удивительно, что у нас вообще была дисциплина. За это нужно было благодарить Холлибоу. Пусть я ее и недолюбливал как человека, но людей она умела держать в кулаке.

Отношения между вторым боевым офицером и командиром служили самой популярной темой наших корабельных графити.

От Каппы-35 мы прыгнули к Самк-78, оттуда — Айин-129, и

наконец, к Сад-138. Последний прыжок покрывал 140.000 световых лет — очевидно, самый дальний прыжок в истории земной навигации.

Время, занимаемое прыжком, было всегда одним и тем же, не зависимо от дистанции. Кстати, раньше неправильно считали, что прыжок не занимает времени вообще, но позже какие-то сложные волновые эксперименты показали, что прыжок все-таки длится некоторую малую долю наносекунды. Всю теорию коллапсарного прыжка пришлось перестраивать от фундамента до крыши. Физики до сих пор спорили, какой вид она должна теперь принять.

Но нас занимали более насущные проблемы, когда наш крейсер выскочил из поля Сад-138 на 0,75 световой скорости. Невозможно было сказать сразу, опередили нас тельциане или нет. Поэтому мы послали вперед запрограммированный зонд, который должен был «осмотреть местность». При обнаружении чужих кораблей или других признаков активности противника в системе он должен был нас предупредить.

Зонд улетел, мы погрузились в резервуары и три недели, пока корабль тормозился, выполняли противоракетные маневры. Ничего особенного, только чертовски тяжело сидеть три недели в резервуаре — потом все пару дней не ходили, а передвигались, как в доме престарелых.

В случае сигнала опасности мы как можно скорее бы перешли к одному «ж» и начали бы разворачивать штурмовики и роботоснаряды, оснащенные ново-бомбами. Или мы бы до этого не дожили — тельциане ударили бы первыми, а им удалось накрыть корабль всего через несколько часов после входа в систему.

Нам понадобился месяц; чтобы добраться до ближайших окрестностей Сад-138; зонд уже отыскал для нас подходящую планету.

Это была необычная планета, размерами немного уступающая Земле, но более плотная. И не абсолютно замерзшая — частью благодаря внутреннему теплу, а частью Дорадусу С — самой яркой звезде Облака, сиявшей в одной трети светового года от нас.

Но самое странное, планета не имела географии. С орбиты она очень напоминала слегка выщербленный биллиардный шар. Наш домашний физик, лейтенант Джим, объяснил, что планета, судя по «кометной» орбите, относится к числу бывших «бродячих». За время скитаний в межзвездных пространствах она вполне могла никогда не встретиться с крупным метеоритом, пока не попала во владения коллапсара и не присоединилась к прочим кускам камня, составляющим его систему.

«Массарик-П» был оставлен на орбите (для лучшего наблюдения и быстрейшего бегства в случае чего), и катерами перевезли на поверхность строительные материалы.

Все были рады выбраться наружу, хоть планета не отличалась гостеприимностью. Атмосфера — жиденький ледяной ветерок разряженного водорода и гелия. Даже в полдень здесь было слишком

холодно, и все другие газы оставались в жидком состоянии.

«Полдень» — это когда Дорадус С находился в зените, ослепительная искра. Ночью температура падала от двадцати пяти по Кельвину до семнадцати, что нас очень затрудняло — незадолго до заката водород начинал конденсироваться и все становилось таким скользким, что оставалось только сесть и ждать сложа руки. На заре прозрачненькая радуга вносила единственное разнообразие в монотонный черно-белый пейзаж.

Грунт был коварный, покрытый гранулами замерзшего газа, перекатывающийся медленно с места на место под дуновением слабосильного бриза. Ходить приходилось осторожно и не спеша, из четырех людей, погибших при строительстве базы, трое просто упали на грунт.

Всем не очень нравилось мое решение строить сначала защитные периметры и противовоздушную систему. Но это соответствовало инструкциям, кроме того, они получали два дня отдыха на корабле за один «рабочий» день. Не так уж щедро, должен заметить, потому что корабельные сутки равнялись земным, а планета совершала оборот за 38,5 часа.

База была закончена менее чем за четыре недели. Мощное укрепление, периметр диаметром в километр охраняли двадцать пять автоматических лазеров, простреливавших местность до горизонта и реагировавших на любой достаточно крупный объект. Иногда при соответствующем ветре гранулы газа слеплялись в снежки и начинали катиться. Но далеко они никогда не укатывались.

Дальние подступы к базе, скрытые за горизонтом, охраняло минное поле. Мины реагировали на возмущение местного гравиполя — чтобы взорвать такую мину, один тельцианин должен был подойти к ней на двадцать метров, десантный катер — на километр. Мин было 2.000, в основном, ядерные заряды по 100 микротонн. Пятьдесят из них — сверхмощные тахионные заряды. Они были разбросаны кольцом, за пределами эффективности огня лазеров.

На территории базы мы полагались на личные лазеры, микротонные гранаты и тахионный ракетомет, который в бою еще не испытывался. Как последнее средство, мы могли приманить стазис-поле и массу допотопного вооружения к нему, достаточного, чтобы отразить нападение Золотой Орды, а кроме того, имелась спасательная шлюпка. Если мы потеряем все машины, выигрывая битву, двенадцать человек смогут вернуться на Старгейт.

Не стоило заострять внимание, что все остальные останутся ждать смену или свою смерть.

Жилые помещения и координационная помещались под землей. Но все равно, несмотря на относительную безопасность, не было отбоя от желающих выполнять работу снаружи, пусть опасную и тяжелую. Я не разрешал выходить на поверхность в свободное время из соображений безопасности — все время нужно было контролировать, кто вышел и кто вернулся.

В конце концов пришлось дать разрешение на вылазку для каж-

дого солдата — несколько часов каждую неделю... Смотреть там было не на что — плоская равнина и в небе — Дорадус С — днем, а ночью — гигантский свод Галактики. Но это лучше, чем потолок из плавленого камня.

Развлекались они тем, что ходили к периметру и швыряли снежки под огонь лазеров. Старались привести автомат в действие, как можно меньшим снежком. По-моему, это все равно, что смотреть на капающую из крана воду, но вреда от этого не было — энергии нам хватало.

Пять месяцев мы прожили спокойно. Новых проблем не возникало, а на положении пещерных троглодитов мы чувствовали себя безопаснее, чем прыгая от коллапсара к коллапсару. По крайней мере, пока не покажется противник.

Когда Рудковский возносил свое предприятие, я закрывал на это глаза. Расписки служили не только для покупки «бормотухи», но и сделали возможным игру. Я поставил только два запрета: наружу выходить в совершенно трезвом виде и не устраивать бордель. Может, чересчур по-пуритански, но в согласии с уставом. Мнения специалистов разделились: лейтенант Вильбер, психиатр, считал решение правильным. Сексологи Кажди и Вальдес с ним не соглашались. Наверное, они думали загребать расписки лопатой, будучи «профессионалами».

Потом случилась история с рядовым Граубардом.

По очевидным причинам, держать оружие в помещении запрещалось. Но при их навыках даже драка могла стать дуэлью, а кротостью никто не отличался. Сотня нормальных обыкновенных людей перегрызлась бы в наших пещерах через неделю, но этих ребят отбирали специально по способности уживаться в ограниченном жизненном пространстве.

Все равно случались драки. Граубард едва не прикончил бывшего своего партнера, когда последний сделал ему рожу в очереди за едой. После недельной изоляции (то же самое получил Шон), психиатр провел с ним сеанс, и я перевел Граубарда в четвертый взвод, где он не встречался бы с Шоном каждый день.

Когда наконец они встретились в холле, Граубард приветствовал Шона свирепым ударом ступней в горло. Диане пришлось заменить трахею Шону Граубард прошел еще более интенсивное собеседование с психиатром — проклятье, я не мог перевести его в другую группу!— и две недели вел себя образцово. Следующая их встреча в коридоре завершилась равным счетом — два сломанных ребра у Шона и разрыв мошонки у Граубарда, плюс четыре выбитых зуба.

Замаячила перспектива уменьшить состав группы по крайней мере на одного.

По уставу я мог приговорить Граубарда к казни, поскольку мы

находились на боевом положении. Так, наверное, нужно было и сделать, но Чарли предложил более гуманное решение, и я согласился.

Мы решили отправить его на «Масарик-П», больше у нас не было места, чтобы держать его в постоянной изоляции. Я получил согласие Антопол и велел отправить стервеца за борт, если он будет ее беспокоить.

Мы устроили общий сбор, чтобы объявить о создавшейся ситуации и напомнить о дисциплине. Я только начал говорить — группа сидела передо мной, офицеры и Граубард за моей спиной, и тут этот ненормальный решил меня прикончить.

Как и все остальные, Граубард пять часов в неделю был обязан тренироваться в стазис-поле. Под тщательным наблюдением солдаты тренировались в использовании шпаг, копий и прочего на муляжах тельциан. Каким-то образом Граубард протащил в жилой отсек чакру — индийский метательный нож в виде диска с острым, как бритва, краем. Это хитрое оружие, но если уметь им пользоваться, оно служит лучше обыкновенного ножа. Граубард был экспериментатором в этой области.

В долю секунды он обезвредил стоящих с ним рядом людей,— ударил Чарли локтем в висок, одновременно ударом ноги разбил колено Холлибоу — выхватил чакру и метнул ее в меня. Чакра успела покрыть половину расстояния, прежде чем я среагировал.

Инстинктивно я выбросил руку, чтобы перехватить ее, и едва не лишился четырех пальцев. Лезвие рассекло мне кисть, но я все же отклонил его в сторону. А Граубард уже бросился на меня, оскалив зубы, наверное, я никогда не забуду его лица.

Наверное, он не понимал, что «старый извращенец» всего на пять лет старше его, что у «старого извращенца» рефлексы ветерана, плюс три недели кинестезии с обратной связью в «коробке». Мне было его почти жаль.

Он поднимал правую ногу. Я знал — еще шаг, и он прыгнет. Я прикинул расстояние между нами и, когда обе его ноги оторвались от пола, без милосердия ударил ступней в солнечное сплетение. Он потерял сознание, прежде чем упал.

«Если вам будет нужно убить человека,— сказал тогда Кинок,— я не уверен, что вы сможете». В небольшом зале собралось больше 120 человек, и тишину нарушали звуки капель крови, падающих на плавленую поверхность пола. «Хотя вы знаете тысячу способов это сделать». Ударь я на несколько сантиметров выше и под несколько другим углом, и он был бы уже мертв. Но Кинок не ошибался — у меня действительно не было этого инстинкта.

И если и убил его, зашищаясь, пришел бы конец всем проблемам, которые теперь только умножились.

Граубард совершил покушение на офицера. Теперь уже нельзя было просто запереть его в пустую комнату и забыть. И я прекрасно понимал, что суд над Граубардом не улучшит моих отношений с солдатами.

Тут я сообразил, что рядом на коленях стоит Диана и старается разжать пальцы у меня на раненой ладони.

— Посмотри, что с Чарли и Холлибоу,— пробормотал я.— Разойдись.— Это группе.

5

— Не будь ослом,— сказал Чарли. Он прижимал мокрую тряпку к синяку на виске.

— Ты, думаешь, я должен его расстрелять?

— Не крутись!— Диана пыталась свести края раны на моей ладони, вместо того, чтобы заклеить ее. Казалось, что вместо кисти у меня кусок льда.

— Можешь назначить кого угодно, наугад.

— Чарли прав,— сказала Диана.— Пусть тянут жребий.

Хорошо, что Холлибоу спит крепким сном на соседней койке. Не хватало только ее мнения.— А если он откажется?

— Накажешь его и пусть тянут слова. Неужели тебя ни чему не научили в «коробке»?

— Но никто из солдат никогда не убивал. Они подумают, что я сваливаю на кого-то собственную грязную работу.

— Если все так сложно,— сказала Диана,— то выстрои группу и объяви об этом всем. Потом пускай тянут жребий. Они не дети.

Такая армия уже имелась в истории войн Интербригады, гражданская война в Испании, двадцатый век. Вы подчинялись приказу, если видели в нем смысл. Или не подчинялись. Офицеры и солдаты не отдавали друг другу честь и не пользовались званиями.

— Готово.— Диана опустила бесчувственную руку на мое колено.— Не трогай ее полчаса. Подожди, пока начнет болеть.

Я осмотрел рану.— Ты спутала мне все линии судьбы. Но я не жалуюсь.

— И не стоит. По всем правилам, ты должен был остаться без ладони. И никакой регенерации.

— Ты должен был остаться без головы,— сказал Чарли.— Чего ты колеблешься? Нужно было пристрелить подлеца на месте.

— БЕЗ ТЕБЯ ЗНАЮ! — Чарли с Дианой от неожиданности *подскочили.— Черт, прошу прощения.* Но дайте мне самому за себя беспокоиться.

— Перемените лучше ненадолго тему,— Диана начала перебирать содержимое своего саквояжа.— У меня еще один пациент. Постарайтесь не волноваться друг за друга.

— Граубард?— спросил Чарли.

— Да. Чтоб мог самостоятельно взойти на эшафот.

— А Холлибоу?

— Придет в себя через полчаса. Я *пришлю* Джарвила.— Она торопливо пошла к двери.

— Эшафот...— я об этом не подумал.

— Слушай, каким способом мы его казним?

— Выставим за дверь. Без церемоний.

— Наверное, Чарли не видел, как выглядит такой труп.— Наверное, нужно отправить его в регенератор.

— Вот это идея!— засмеялся Чарли.

— Придется разрезать на кусочки — люк не очень широкий...— у Чарли имелось несколько предложений касательно способа отправить Граубарда на переработку.

Вошел Джарвил, не обращая внимания на нас.

Вдруг двери лазарета распахнулись, колесные носилки. Диана бежит рядом, нажимая на грудь человека. Носилки толкает рядовой. Еще двое остались стоять в дверях.

— Сюда, к стене,— приказала Диана.

Это был Граубард. Пытался покончить с собой. Сердце остановилось. Он сделал петлю из ремня, которая до сих пор болталась на шее.

На стене висели два больших электрода с изолированными рукоятками. Диана одной рукой сорвала их с крючка, второй рукой расстегнула застежку куртки Граубарда.

— Убери руки, не касайся носилок!— Ногой она стукнула выключатель, взяв в каждую руку по электроду, и приложила к груди солдата. Низкое гудение, его тело затресло. Запах горящего мяса.

Диана покачала головой.

— Готовьте его к операции,— сказала она Джарвису.— И вызовите сюда Дорис.

Она выключила электроды, бросила их на пол, и сняв кольцо коммуникатора, сунула руки в стерилизатор. Джарьил начал растирать грудь Граубарда отвратительно пахнущей жидкостью.

Между двумя пятнами ожогов от электродов я вдруг заметил красную точку. Я не сразу сообразил, что это такое, и тут Джарвис ее стер. Я шагнул к носилкам и внимательно осмотрел шею Граубарда.

— Уильям, отойди, ты не стерильный.

Диана нащупала у него ключицу, отмерила положенное расстояние и рассекла кожу и мускул прямо до кости. Хлынула кровь, Джервис подал ей инструмент, похожий на устройство для взлома сейфов. Я отвернулся, пока эта штука с хрустом дробила ребра. Диана потребовала зажим и тампоны, а я вернулся на свое старое место. Краем глаза я наблюдал, как Диана начала прямой массаж сердца.

Наверное, у меня был такой же вид, как у Чарли.

— Эй, не выкладывайся, Диана,— слабым голосом окликнул он.

Она не ответила.

Джервис прикатил искусственное сердце и разворачивал две трубки. Диана подняла скальпель, и я стал смотреть в другую сторону.

Полчаса спустя он был все еще мертв. Машину выключили и накрыли труп простыней.

— Мне нужно переодеться, я сейчас,— сказала Диана, смывая с рук кровь.

Я пошел вслед за ней к ее каюте. Я должен был выяснить. Я постучал левой рукой, потому что правая вдруг жутко заболела, словно ее охватило огнем. Диана сразу открыла.

— Что... а, рука...— она еще не успела переодеться.— Попроси Джарвиса.

— Рука меня не волнует. Что произошло?

— Ладно.— Она натягивала куртку через голову и голос у нее был придушенный.— Я сама виновата, не нужно было оставлять его одного.

— Он попытался повеситься?

— Да.— Она уселась на кровать и предложила мне стул.— Когда я пришла, он был уже мертв. Джарвис ушел раньше, чем я вернулась, чтобы не оставлять Холлибоу без присмотра.

— Диана... на шее у него нет следов от петли.

Она пожала плечами.— Но ведь он умер от сердечного приступа.

— Кто-то сделал ему укол. Прямо в область сердца.

Она удивленно посмотрела на меня.— Это я, ввела ему андреналин. Обычная процедура.

Кровь выступает, если вы пытаетесь отскочить в сторону от эжектора, так как обыкновенное лекарство просачивается сквозь поры без всяких следов.— В этот момент он был уже мертв?

— Такое мое профессиональное мнение. Пульса не было, дыхания тоже. Очень красноречивые симптомы.

— Понимаю.

— А разве что-то... В чем, собственно, дело, Уильям?

Или мне невероятно как везет, или Диана — великолепная актриса.

— Да, ничего. Ладно, пойду к Джервису, пусть что-нибудь даст мне для руки.— Я открыл дверь.— Как гора с плеч.

Она посмотрела мне прямо в глаза.— Это точно.

Но я рано успокоился. Несмотря на присутствие незаинтересованных свидетелей, по группе пошли слухи, что я заставил доктора Алсевер лишить Граубарда жизни, так как сам был не в состоянии это сделать и не хотел беспокоить себя процедурой трибунала.

Но, фактически, по уставу я вообще не был обязан устраивать в данном случае трибунал. Мне нужно было только сказать: «Ты, ты и ты, отведите этого человека наверх и расстреляйте». И горе рядовому, который ослушался бы этого приказа.

В некотором роде мои отношения с солдатами улучшились. Внешне они выказывали больше уважения. Но это был дешевый авторитет, который легко завоюет любой жестокий лидер.

У меня теперь была новая кличка — Убийца. А это едва я привык к старой.

Жизнь на базе быстро вошла в старую струю. Я почти с нетерпением ожидал появления тельциан, чтобы хоть как-то избавиться от рутины.

Хотя обязанности у меня были весьма многочисленные, но все больше типа «это могу решить только я», а проблемы, не требующие большой ответственности, решались на кровле нижних эшелонов.

Раньше я никогда не увлекался спортом или играми, но теперь они превратились для меня в своеобразный «выходной клапан». Впервые в жизни я не мог сосредоточиться на чтении или учебе. Поэтому я фехтовал — на шпагах, на саблях, с другими офицерами до изнеможения работал на тренажерах и даже в ящике стола и каюте держал скалку. Большинство офицеров играло в шахматы, но по сравнению с ними я оказался слабым игроком, и выигрывал, только если мне хотели сделать приятное, играть в слова я тоже не мог — они с трудом манипулировали архаичным диалектом, на котором мы общались. У меня же не было ни времени, ни способностей, чтобы освоить «современный» английский.

Некоторое время я позволял Диане мне транквилизаторы, но вскоре начали сказываться результаты кумулятивного эффекта — я начал к ним привыкать — и пришлось их бросить... Тогда я попробовал заняться психоанализом с лейтенантом Вилбером. Ничего не вышло. Мы говорили на разных языках,— в историческом смысле. Все равно, как если бы я начал давать советы средневековому крестьянину, как ему ужиться наилучшим образом с местным священником и феодалом.

Хуже всего, я был уверен, что вполне смог бы справиться с напряжением командной должности, вынес ее заключение в этой пещере с людьми, которые временами казались мне такими же чужими, как враги-тельциане — если бы со мной была Мэригей.

Психиатр сказал, что я романтизирую свое положение. Он знал, что такое любовь, он сам был влюблен. Сексуальная полярность влюбленных не имеет значения. Но любовь — это крупный кристалл, это нежный цветок, это нестабильная реакция, с периодом полураспада в восемь месяцев.

— Чушь,— сказал я ему.— У вас на глазах шоры. Тридцать веков довоенной истории человечества учат нас, что лишь любовь сильнее смерти, и он бы это знал, если бы родился не в колбе.

Тут он с кислой миной заявил, что я просто жертва сексуальной неудовлетворенности и романтических иллюзий.

Но мы не так уж плохо проводили время, хотя и спорили. Но вылечить он меня не вылечил.

Единственным моим новым другом стал кот, наделенный обычным для всех котов свойством избегать людей, которые кошек любят и попадаться тем, кто их не переносит. Теперь он часто сидел у меня на коленях. Насколько мне было известно, в нашей группе он был единственным вторым гетеросскоральным млекопитающим — кроме меня. Ему была сделана операция, конечно, но в принципе это дела не меняло.

6

Это произошло как раз на 400-й день нашей вахты. Я сидел за своим столом и делал вид, что проверяю новый список нарядов, составленный Холлибоу. Кот сидел на коленях и громко мурлыкал, хотя никто его не гладил. Чарли развалился в кресле, что-то читая с экрана терминала.

Загудел фон — это была коммодор.

— Они прибыли.

— Что?

— Я говорю, они прибыли. Тельцианский корабль только что вышел из поля коллапсара. 0,8 световой. Торможение — тридцать «ж».

Я смахнул кота на пол.

— Когда... когда вы сможете начать погоню?

— Как только дадите мне отбой.

Я выключил фон и направился к стратокомпьютеру, точно такому, что был установлен на «Масарик-П». Они были связаны прямым каналом. Пока я набирал данные, Чарли возился с демонстратором.

Демонстратор представлял собой голографический экран в полметра толщиной и по метру в длину и в высоту. Он был запрограммирован показывать положение Сад-138, нашей планеты и еще нескольких мелких небесных тел этой системы. Зеленая и красные точки отмечали позиции нашего крейсера и корабля тельциан.

По данным компьютера, тельцианам понадобится не менее одиннадцати дней, чтобы затормозиться и добраться до нашей планеты. Но, чтобы дать захватить себя, словно мух на потолке, они постоянно меняли ускорение и направление полета. Поэтому, основываясь на сотне подобных случаев из истории войны, компьютер составил таблицу вероятности контакта.

Если только, конечно, Антопол и ее команда веселых пиратов не накроет их крейсер раньше срока. Вероятность этого пятьдесят на пятьдесят.

Но нам в любом случае оставалось одно — сидеть и ждать. Если Антопол повезет, то воевать нам не придется. Нас сменит новый гарнизон, а наш отправят к следующему коллапсару.

— Еще не начала,— Чарли перевел демонстратор на минимальную масштабную шкалу. Планета выглядела, как белый шар, величиной с дыню. Зеленая точка крейсера горела от нее на расстоянии восьми таких дынь.

Пока мы смотрели, от точки корабля отделилась еще одна зеленая точка и поплыла в сторону. Ее сопровождала гуманная цифра «2». В соответствии с «условными обозначениями», спроецированными в нижний левый угол демонстратора, двойка означала «ракету преследования». Остальные цифры относились к самому «Масарику», к штурмовщику планетарной защиты и четырнадцати ракетам планетарной защиты. На экране они пока обозначались одной точкой.

Кот терся о мою ногу и я взял его на руки.

— Скажи Холлибоу, пусть собирает группу. Новости может сообщить им сразу.

Новости никого не обрадовали. Мы уже перестали ожидать тельциан и пришли в уверенность, что командование совершило ошибку и они никогда не появятся.

И велел начать серьезную подготовку — никто не брался за стреляющее оружие последние два года. Я активировал пальцевые лазеры и раздал гранатометы и ракетные пускатели. Внутри периметра мы упражняться не могли, поэтому часть автоматических лазеров была включена, и взвод за взводом, по очереди, уходили за полкилометра от периметра, чтобы пострелять. Их сопровождал Чарли. Раск постоянно дежурила у экранов дальнего обнаружения. В случае опасности она должна была подать сигнал, чтобы взвод успел укрыться за периметром прежде, чем заработают лазерные установки...

С мишенями проблем не было — мы запускали тахионную ракету, взрыв выбрасывал достаточное количество осколков, такое, что только успевай целиться.

С лазерами солдаты управлялись очень хорошо, лучше, чем с примитивным оружием внутри стазис-поля. Это напоминало стрельбу по тарелкам: один солдат бросал камешки, второй подстреливал их, прежде, чем они успевали упасть.

Рефлексы и координация были сверх всяких похвал. (Наверное Совет по Евгенике все-таки знал свое дело). Стреляя по камешкам размером с гальку, они выбивали девять из десяти. Я же, не имевший преимуществ биоинженерии, не поднимался выше семи из десяти. А ведь у меня имелся гораздо больший опыт.

С гранатометом они также великолепно справлялись. Этот аппарат стал более сложным, чем раньше. Имелся набор магазинов — гранаты в одну, две, три и четыре микротонны. Для рукопашного боя, когда применять гранаты невозможно, ствол пускателя отделялся и магазин начинялся «дробью». При каждом выстреле вылетало облако из тысяч маленьких стрелок, убивавших насмерть на расстоянии пяти метров и превращающихся в пар на шести метрах.

Тахионный ракетопускатель вообще не требовал навыков, главное, чтобы никто не стоял у вас за спиной во время пуска — выхлоп бил на несколько метров. Цель нужно было поймать в перекрестье прицела и нажать кнопку. Траектория значения не имела — ракета шла по прямой линии, набирая скорости убегания менее, чем за секунду.

Но все зависело от того, что противопоставят нам тельциане. Греческая фаланга выглядела чрезвычайно внушительно, но что она стоит против одного единственного человека с огнеметом?

Кроме того, из-за разницы во времени, невозможно будет даже предположить, какое они используют оружие. Возможно, они не имеют понятия о стазис-поле. А может быть, они произнесут волшебное слово и мы исчезнем.

Четвертый взвод старательно плавил скалы, когда меня вызвал обратно на базу Чарли. Срочные новости. Вместо себя я назначил командиром Гомова.

— Еще один?— на экране демонстратора наша планета выглядела сейчас не больше горошины. Крестик обозначал положение Сад-138. По всему полю действия были разбросаны четыре десятка красных и зеленых точек. Цифра «41» расшифровывалась как «Тельцианский крейсер».

— Ты вызвал Антопол?

— Да. Запаздывание сигнала составляет сейчас почти сутки.

— Второй корабль — это что-то новое.— Хотя Чарли и сам это знает.

— Наверное, им очень нужен этот коллапсар.

— Похоже.— Значит, будет жарко. Даже, если Антопол справится с первым крейсером, у нее не будет даже пятидесяти процентов вероятности поразить второй. Не хватит ракет и штурмовиков.

— Не хотел бы я оказаться на ее месте. Но мы в хорошей форме.

— Побереги пыл, Уильям.— Чарли уменьшил масштаб изображения. Теперь была видна только медленно ползущая точка красного цвета и Сад-138.

Две недели после этого мы наблюдали, как одна за одной гаснут точки. И если вы знали, куда и когда смотреть, вы могли бы выйти наверх и увидеть, как все происходит на самом деле — как загорается новая звезда и исчезает через секунду.

За эту секунду нова-бомба излучала в пространство энергию миллиона гигаваттных лазеров. Возникала миниатюрная звезда, «пол-щелчка» в диаметре, раскаленная до внутризвездной температуры. Даже без прямого попадания радиация взрыва выводила из строя всю электронику ракеты — такая судьба постигла два штурмовика — наш и тельцианский. Оба начали бесконечный дрейф за пределы системы.

Раньше мы использовали более мощные нова-бомбы, но используемая в них гегенерированная материя не очень устойчива в больших количествах. Бомбы норовили взорваться еще внутри корабля. Наверное, у тельцианцев тоже были неприятности с бомбами, потому что мощность их зарядов тоже уменьшилась —до ста килограммов и менее. Они тоже использовали разделяющиеся боеголовки, из которых только одна содержала нова-бомбу.

Вполне вероятно, что у них еще останутся бомбы, после того как будет покончено с «Масарик-2». Тогда мы зря упражнялись в стрельбе.

В сознании промелькнула мысль — отобрать одиннадцать человек и посадить в шлюпку, укрытую внутри стазис-поля. Ее компьютер запрограммирован доставить ее на Старгейт.

Я дошел даже до того, что мысленно начал составлять список, стараясь определить, кто из нашей группы значил для меня

больше других. Оказалось, что половину придется брать наугад.

Но я отбросил эту мысль. У нас все же был шанс, отчаянный, но был даже против крейсера. Пусть еще подберутся к нам на боевой радиус нова-бомбы.

Кроме того, меня все равно бы отправили дышать вакуумом за дезертирство. К чему тогда беспокоиться?

Нас посетил прилив надежды, когда один из робото-снарядов Антопол поразил первый тельцианский крейсер, не считая корабли планетарной защиты, у нее имелось еще восемнадцать робото-снарядов и два штурмовика. Второй крейсер находился на расстоянии нескольких световых часов, прикрываемый пятнадцатью робото-снарядами.

Один из этих снарядов настиг Антопол. Наши вспомогательные машины продолжали атаковывать, но смысла в этом уже не было. С нездоровым интересом мы следили, как не спеша приближается к планете вражеский крейсер. Один из штурмовиков Антопол на полной тяге уходил к Сад-138, надеясь спастись. Мы даже послали им вслед пожелание доброго пути, но они не ответили — уже залегли в резервуары. Но послание, наверняка, записал автомат. Никто из нас не упрекнул его.

Через пять дней крейсер противника расположился на стационарной орбите над противоположным полушарием нашей планеты. Мы приготовились к первой фазе приступа — их робото-снаряды против наших лазеров. Я поместил пятьдесят человек внутри стазис-поля. Глупость, впрочем, тельциане могут выждать, когда те выключат на секунду поле, и тут же их поджарят.

Чарли посетила безумная идея.

— Мы могли бы устроить ловушку.

— Что ты придумал? Ловушек у нас и так хватает.

— Нет, я не про мины и прочее. Я имею в виду саму базу.

— Продолжай.

— В шлюпке у нас есть две нова-бомбы.— Он показал в направлении, где ориентировочно находился купол поля.— Можно прикатить их сюда, настроить взрыватели, а самим спрятаться внутри поля.

Соблазнительная идея в определенном смысле. Это избавляло меня принимать решения, оставляя все на волю случая.

— Боюсь, ничего не выйдет, Чарли.

Он несколько обиделся.

— Почему? Выйдет.

— Смотри. Ты рассчитываешь на то, что все тельциане толпой ринутся в недра базы. А они никогда этого не сделают, особенно, если база будет выглядеть покинутой. Они что-нибудь заподозрят, вышлют разведку. И когда разведка подорвется...

— Мы окажемся в проигрыше, минус база.

— Ты прав.

Я пожал плечами.

— Но в этом что-то есть. Подумай еще, Чарли.

На экране демонстратора разворачивалась неравная битва в орбитальном пространстве. Тельциане сначала решили покончить с нашим штурмовщиком планетарной защиты, но пока пилоту удавалось уничтожить все атакующие его робото-снаряды. Я передал под его контроль пять лазерных установок из нашего периметра, хотя толку от них было мало.

Гагаваттный лазер выдает до биллиона киловатт за секунду — это в радиусе ста метров. На дистанции в тысячу километров мощность луча падает до десяти киловатт. Может сжечь оптический сенсор — самое большее. Но это лучше, чем ничего.

— Можно поднять второй штурмовик...

Лучше использовать робото-снаряды,— сказал я.— Штурмовик — наша последняя надежда, если придется прятаться в стазис-поле.

— А где сейчас этот парень?— спросил Чарли, имея в виду бежавший штурмовик. Я уменьшил масштаб изображения и в правом углу появилась зеленая точка.— Около шести световых часов от нас. У него еще осталось два робото-снаряда, один был использован для прикрытия. Он бы нам не помог, даже если бы хотел. Месяц уйдет на торможение.

— Как раз в этот момент погасла точка, обозначавшая наш планетарный штурмовик.

— Сволочь.

Сейчас будет весело. Дать команду: пусть готовятся наверх?

— Нет... Только пускай наденут костюмы, на случай дегерметизации. До рукопашной дойдет не скоро.

Я снова переключил масштабную шкалу. Четыре красных точки ползли вокруг планеты, приближаясь к нам.

Я облачился в костюм и вернулся к демонстратору — посмотреть на фейерверк.

Лазеры работали безукоризненно. Все четыре робото-снаряда, одновременно атаковавшие нас, были сбиты. Все нова-бомбы взорвались за горизонтом, кроме одной. Она оставила после себя полукруглый кратер, сияющий белым светом несколько минут после взрыва. Час спустя грунт светился уже оранжевым, и температура снаружи поднялась на пятьдесят градусов. Почти весь «снег» растаял, обнажая серый скальный грунт.

Вторая атака тоже была отражена за доли секунд, но на этот раз нападало восемь снарядов, и четыре из них взорвались всего в десяти «щелчках» от периметра. Температура поднялась на 380 градусов — выше точки таяния льда, и я начал беспокоиться. Боекостюмы не боялись жара, но автоматические лазеры требовали сверхпроводимости для контуров управления.

Я запросил компьютер относительно критической температуры для лазеров — и он выдал мне общую справку о том, как изолировать лазеры от воздействия высокой температуры, если в вашем распоряжении имеется хорошо оборудованная оружейная мастерская. Относительно критического порога было сказано, что таковой дей-

ствительно существует, и за его пределами лазеры вообще не будут нацеливаться. Нижний предел составлял 420 градусов, высший — 790 (по данным боевых действий).

Чарли не отрывался от демонстратора.

— На этот раз шестнадцать штук.

— Ты удивляешься?— Одна из немногих известных особенностей психологии тельциан — они обожали вторую степень и простые числа.

— Будем надеяться, что 32 у них уже не окажется. Пока что этот крейсер выпустил уже 44 робото-снаряда, а были известны случаи, когда тельцианские корабли несли по 128 таких машин.

До начала атаки оставалось полчаса. Можно было эвакуировать весь состав под защиту стазис-поля. Это спасло бы нас от взрыва нова-бомбы. Но мы оказались бы в ловушке. Сколько времени понадобится кратеру, чтобы остыть, если три или четыре робото-снаряда прорвут периметр, не говоря уже о всех шестнадцати?

Невозможно до бесконечности находиться внутри боекостюма. Две недели — и вы потенциальный самоубийца. Больше трех недель никто еще не выживал в полевых условиях.

Кроме того, поле непрозрачно. Чтобы выяснить обстановку снаружи, нужно выглянуть наружу. Тельцианам даже не понадобилось входить внутрь поля и сражаться на мечах, если они достаточно терпеливы. Они могут просто окружить купол лазерным огнем и ждать, пока выключат генератор.

Можно было бы оставить одного человека на базе. Если бы через полчаса он не явился в купол поля, то стало бы ясно — снаружи горячо.

Я набрал на коммуникаторе комбинацию общего вызова офицеров. От пятого эшелона и выше.

— Говорит майор Манделла.— По-прежнему это звучало, как плохая шутка.

Я обрисовал ситуацию и велел передать солдатам — они могут уходить в стазис-поле. Я останусь на базе и сообщу им, если все обойдется. Героизм тут ни при чем — я предпочитал испариться в доли наносекунды, чем медленно умирать внутри серого купола.

Я перешел на частоту Чарли.— Ты тоже можешь идти. Я тут сам присмотрю.

— Нет, спасибо,— медленно ответил он.— Я пока что... Эй, гляди!

Крейсер выстрелил еще одну красную точку. Это был новый снаряд.— Интересно...

— Суеверный сволочь,— сказал Чарли без всякого выражения.

Оказалось, что только одиннадцать человек предпочли присоединиться к тем пятидесяти, что находились в поле. Скажу честно, я был удивлен.

Пока приближались робото-снаряды, мы с Чарли упорно смот-

рели только на мониторы. Лучше не знать, сколько там осталось — одна минута, тридцать секунд... А потом, как и всегда, все кончилось, раньше, чем мы успели что-нибудь сообразить. Экраны полыхнули белым, завыли помехи, и мы еще были живы.

Но на горизонте появились шестнадцать новых кратеров, и температура не поднялась, а взлетела — последняя цифра на индикаторе превратилась в туманное пятнышко. Температура подскочила до 800 градусов и начала медленно понижаться.

И тут из-за горизонта выскочил робото-снаряд, семнадцатый по счету, прошел бешеными зигзагами, завис прямо над базой и начал медленно валиться вниз. Половина лазеров открыла огонь, но они уже не могли нацеливаться и застыли в предыдущей позиции.

Полированный до зеркального блеска узкий корпус робото-снаряда сиял в белом свете кратера и вспышках бесполезного лазерного огня. Чарли судорожно вздохнул, а ракета была уже совсем близко, так близко, что ясно виднелась пайтинная вязь тельцианских обозначений на броне и маленький иллюминатор на носу.

Потом вспыхнули ее дюзы и робото-снаряда как не бывало.

— Что за черт,— тихо сказал Чарли.

— Зачем иллюминатор.— Разведка?

— Наверное. Мы не могли его сбить и они это знали.

— Может прицелы еще заработают.

— Вряд ли. Нам лучше убраться под купол. Всем.

Чарли произнес слово, звучание которого изменилось за эти столетия, но смысл был понятен.

— Не спеши. Посмотрим, что они будут делать.

Мы ждали несколько часов. Температура упала до 690 градусов — точка плавления цинка — почему-то вспомнил я. Но прицелы лазеров были мертвы. Включил ручное управление.

— А вот и *они*!— сказал Чарли.— Бокс!

Я уставился на демонстратор.

— Погоди! Это не ракеты.

Надпись обозначала красные точки, все восемь, как «десантные катера».

— Хотят взять базу, значит,— сказал Чарли.— Целенькую.

— И за одно, может, испытать новую технику.

— Они ничем не рискуют. Всегда могут отступить и угостить нас нова-бомбой.

Я вызвал Брилл и велел взять всех людей из стазис-поля, присоединить их к ее взводу и занять оборону на северо-восточной и северо-западной части периметра.

Остальные люди будут прикрывать второй полукруг.

— Наверное,— сказал Чарли,— не стоит выставлять всех. Не известно, сколько тельцианцев.

Верная мысль. Всегда нужен резерв.— Это идея... Их может быть 64 на восьми катерах... или 128, или 256.— Если бы у наших спутников-разведчиков были бы мощные дискриминаторы! Но много ли поместится в корпус с орех?

Я решил, что семьдесят человек под командованием Брилл составят нашу первую линию обороны, и займут траншеи за периметром. Остальные пока будут оставаться внизу.

Если окажется, что с тельцианцами нам не справится, я прикажу всем перейти в стазис-поле. Жилые отсеки соединялись с куполом через тоннель. Тем, кто в траншеях, придется уходить под огнем. Если только к тому моменту кто-то останется в живых.

Я вызвал Холлибоу и велел ей с Чарли следить за прицельными автоматами лазеров — вдруг они преодолеют паралич — тогда оставалось только сидеть и смотреть на спектакль. Но и без того лазеры могли нам пригодиться. Чарли отметил на мониторах секторы огня и приготовился нажимать на ручной спуск, если противник попадет в зону поражения.

У нас оставалось еще двадцать минут. Брилл разводила своих людей по траншеям за периметром, определяя отделениям секторы огня. Я напомнил ей про нашу ручную артиллерию — она могла бы помочь направить продвижение противника в зоны лазерного огня.

Теперь оставалось только ждать. Я попросил Чарли определить поточнее темп приближения противника и вести отсчет времени, потом сел за стол, развернул схему обороны и решил посмотреть, все ли мы предусмотрели.

Кот вскочил мне на колени, мяукая. Он, конечно, не мог отличить одного человека от другого — в боекостюмах — но за этим столом мог сидеть только я. Я хотел погладить его, но он убежал.

Когда я попробовал писать, стило прорвало четыре листа. Я давно не упражнялся с усилителями боекостюма. Я вспомнил, как нас учили выполнять тонкие операции — мы передавали по цепочке яйца. Нечистоплотное занятие. Интересно, на Земле еще есть яйца?

Оборону мы устроили по всем правилам. Я много чего знал по поводу окружения и взятия противника в тиски. Но теперь в тиски берут меня — какой толк от массы фактов, напичканных в мой мозг. Стой и сражайся. Реагируй на концентрацию противника. ИСПОЛЬЗУЙ В ПОЛНОЙ МЕРЕ ВОЗДУШНОЕ ПРИКРЫТИЕ. Хороший совет. Держи голову пониже, но не опускай нос.

— Еще восемь катеров,— сказал Чарли.— Пять минут до начала.

Значит будут атаковывать двумя волнами. Что бы я сделал на месте командира тельциан? Не так уж трудно представить — тельциане страдали недостатком воображения и всегда копировали тактику людей.

Первая волна — это смертники, камикадзе, она выявит нашу систему обороны. Второй волне останется только завершить работу — медленно и методично. Или все будет наоборот — вторая волна перепрыгнет первую и ударит где-то в одном месте, прорвет периметр и ворвется на территорию базы.

А может, они послали две группы просто потому, что «два» у

них волшебное число. Или они могут запустить только по восемь катеров за раз.

— Три минуты.— Я посмотрел на группу мониторов, на которых виднелись различные участки минного поля. Если нам повезет, они могут приземлиться именно там, или пройти достаточно низко, чтобы детонировать мины.

У меня появилось смутное чувство вины. Сижу здесь, в безопасности, готов отдавать приказы. Что думают семьдесят агнцев на заклание о своем невидимом командире?

Потом я вспомнил, как капитан Скотт решил остаться на орбите, пока мы сражались внизу, и прилив ненависти был таким сильным, что едва не закружилась голова.

— Холлибоу, вы справитесь с лазерами?

— Почему бы и нет, сэр?

Я бросил ручку на стол и встал.— Чарли, займись координацией. У тебя получается не хуже моего. Я пойду наверх.

— Я бы не советовал вам, сэр.

— Черт. Уильям, не будь идиотом.

— Здесь приказы отдаю...

— Ты там и десяти секунд не протянешь,— сказал Чарли.

— У меня будет столько же шансов, как и у всех.

— Ты что, оглох? Они же тебя и прикончат.

— Солдаты? Чушь! Я знаю, что они меня не любят...

— Ты слышал, что они говорили на взводной частоте?

— Между собой они на моем «диалекте» не говорят.

— Они считают, что ты их выставил в первую линию за трусость, как наказание. После того, как предложил желающим идти в купол.

— Разве это не так, сэр?— спросила Холлибоу.

— В наказание?— Конечно нет,— во всяком случае, не сознательно.— Разве лейтенант Брилл им ничего не сказала?

— Если и сказала, то я не слышал,— ответил Чарли.— Может она была слишком занята.

Или согласна с солдатами.— Тогда я...

— Вот он!— выкрикнула Холлибоу. Первый катер противника показался на одном из мониторов, остальные появились с отрывом в секунды. Пять катеров шли с северо-востока и только один с юго-запада. Я передал информацию Брилл.

Но мы верно предугадали их действия — они все собирались совершить посадку на минное поле. Детонировала одна мина. Взрывная волна бросила странный обтекаемый аппарат к земле, он ткнулся носом в скалы, из открытого люка посыпались тельцианцы. Их было двенадцать. Наверное, внутри оставалось еще четверо. Если в каждом катере по шестнадцать солдат, то тельциан едва ли больше, чем нас. В первой волне.

Все остальные приземлились благополучно. В каждом действительно было по шестнадцать тельциан. Они пошли через минное поле, делая одновременно громадные прыжки, словно тяжеловес-

ные роботы, не останавливаясь даже, если один из них попадал на мину. Что случилось одиннадцать раз.

Теперь стало понятно, почему они предпочли бросить основные силы с севера — здесь их прикрывали гребни кратеров. Они могли подойти на расстояние пяти километров от базы, прежде чем окажутся на открытой местности. Их усилители в боекостюмах соответствовали по возможности нашим, и километр они преодолевали менее, чем за секунду.

Брилл приказала открыть огонь немедленно, скорее просто для того, чтобы снять напряжение — нанести существенный урон — шансов почти не было. Хотя кого-то они, конечно, зацепили. По крайней мере, тахионные ракеты сработали впечатляюще — разворотили гребни кратеров.

Тельциане тоже стреляли чем-то очень похожим на наши же тахионные ракеты. Но попадали они редко — все наши люди были защищены траншеями, а если ракета не встречала препятствий, она продолжала двигаться по прямой и уносилась в бесконечность. Но им удалось подбить переносный лазер, и сотрясение, просочившееся к нам сквозь скалу, заставило меня пожелать более глубокого убежища. Хотя бы метров на двадцать.

Гигаваттные лазеры, по-прежнему, не желали нацеливаться и толку от них не было совсем. Тельциане предусмотрительно избегали секторов поражения. Но это было, как оказалось, к счастью, потому что Чарли отвлекся от лазерных мониторов и взглянул на демонстратор.

— Проклятье!

— Что там, Чарли?— Я не отрывал взгляда от монитора. Ждал какой-нибудь неприятности.

— Корабль-крейсер — он исчез!— Я поднял голову. Он был прав — сияли только красные точки десантных катеров.

— Куда же он девался?— логично поинтересовался я.

— Сейчас посмотрим.— Он запрограммировал дисплей на обратное развертывание записи, и уменьшил шкалу масштаба. Показалась точка крейсера и рядом с ней три зеленые точки — наш «беглец» атаковал противника всего с тремя робото-снарядами.

Но ему помогали законы физики.

Вместо того, чтобы войти в поле коллапсара, он обогнул его по У-образной орбите и выскочил с другой стороны на 0,9 световой. Робото-снаряды шли на 0,99 световой и мчались прямо на крейсер тельциан. Наша планета находилась всего в тысяче световых секунд от коллапсара, поэтому у тельциан было всего десять секунд, чтобы засечь штурмовик и робото-снаряды. А на такой скорости особого значения не имеет, что вас поразит — нова-бомба или гайка.

Первый робото-снаряд уничтожил крейсер, второй врезался в планету. Штурмовик прошел всего в паре сотен километров над поверхностью и унесся в пространство, тормозясь на двадцати пяти «ж». Месяца через два он вернется назад.

Но тельциане не собирались ждать так долго. Они уже доволь-

но близко подобрались к нашим траншеям, чтобы обе стороны могли начать действенный лазерный огонь, но продолжали оставаться в зоне огня гранатометов и ракет. Солидных размеров скала становилась для противника хорошим укрытием от наших лазеров, гранаты и ракеты же уничтожали их десятками.

Поначалу люди Брилл имели громадное преимущество: укрывшись в траншеях, они несли потери только от случайного удачного выстрела или слишком хорошо пущенной гранаты (тельциане бросали их вручную и на несколько сот метров). Мы потеряли четверых, зато противник, похоже, лишился половины состава.

Теперь же основная часть тельциан имела возможность использовать кратеры и воронки, как укрытие. Бой постепенно перешел к индивидуальным лазерным дуэлям, лишь изредка вступали гранатометы и ракетометы. Но ведь глупо было бы тратить тахионную ракету на одного единственного тельцианца, когда неизвестно, сколько у них солдат в резерве.

Меня подсознательно беспокоила какая-то мысль, связанная с робото-снарядом, что врезался в планету. Теперь, с затишьем, я понял, наконец, в чем дело.

Когда робото-снаряд столкнулся с планетой на субсветовой скорости, что получилось в результате? Я задал вопрос компьютеру, выяснил, какая в результате столкновения высвободится энергия, потом сравнил данный с геологическими сведениями в памяти машины. Энергия столкновения в двадцать раз превосходила самое мощное землетрясение, из когда-либо зарегистрированных.

— Все наверх! Немедленно!— Я врубил общую частоту связи. Прихлопнул кнопку, включавшую автоматическую дегерметизацию и шлюзование и открывавшую туннель, что вел из Координаторской на поверхность.

— Что за черт, Уиль...

— Землетрясение! Уходим!— сколько у нас времени?

Холлибоу и Чарли поспешили за мной. Кот остался сидеть на столе, равнодушно умываясь, и у меня мелькнула безумная мысль посадить его в свой боекостюм — таким образом кота перевезти на базу. Но он не выдержал бы в нем и нескольких минут. Куда разумнее и милосерднее было бы испарить его одним лазерным импульсом. Но тут дверь задвинулась и мы начали взбираться по лестнице. Всю дорогу и немного дольше меня не покидала мысль о несчастном животном, погибшем под тоннами обломков, медленно умиравшем, пока воздух вырывался наружу.

— В траншеях безопаснее?— спросил Чарли.

— Не знаю,— сказал я — никогда не попадал в землетрясение. Траншею может сжать и нас только раздавит.

Снаружи было удивительно темно. Дорадус С уже почти опустился за горизонт, и мониторы компенсировали низкий уровень освещения.

По открытому месту слева ударил вражеский лазер, скользнул по опоре гигафаттника, извергнув сноп искр. Нас еще не заметили.

Мы сообща решили, что в траншеях будет все-таки безопаснее и тремя прыжками достигли ближайшей.

Траншею занимало четыре человека, один — серьезно раненый или уже мертвый. Оказавшись на дне, я перевел конвертор на двойное усиление — чтобы рассмотреть наших соседей. Нам повезло — здесь имелся гранатометчик, кроме того, стоял и ракетомет. Я едва разобрал имена на шлемах. Мы были в командирской траншее, но Билл нас еще не заметила. Она осторожно выглядывала наружу, в самом дальнем конце траншеи, руководя перемещением двух фланговых отделений. Когда они благополучно достигли укрытий, она нырнула обратно в окоп.— Это вы, майор?

— Это я.— Сказал я, помедлив. Нет ли здесь тех, кто желает заполучить мой скальп?

— Что случилось? Говорят, землетрясение?

Она не знала о столкновении робото-снаряда с планетой. Я объяснил как можно более коротко.

— Из шлюза никто пока не выходил,— сказала она.— Думаю, они укрылись в стазис-поле.

— До купола ис не дальше, чем до шлюза.

Наверное, часть не восприняла мое предупреждение всерьез. Я включил общую частоту — для проверки, и тут нас накрыло.

Грунт ушел из-под ног, потом вернулся на место, подбросив нас в воздухе. Я успел заметить разбросанные в беспорядке оранжевые и желтые светящиеся овалы — кратеры от взрывов новабомб. Приземлился я на ноги, но грунт танцевал подо мной, как бешенное животное, и устоять на ногах не было никакой возможности.

С низким гулом, просочившимся в костюм, наша база рухнула сама в себя. Купол стазис-поля благополучно и грациозно переместился на новую, более низкую позицию.

Бедный кот. Я надеялся, что у остальных хватило здравого смысла перейти в купол.

Какая-то фигура выбралась, пошатываясь, из ближайшей к нам траншеи. Я не сразу понял, что это тельцианин. На таком расстоянии мой лазер прожег сквозную дыру в его шлеме, он сделал несколько шагов и упал. Еще одна голова появилась над краем траншеи. Я снес верхушку шлема, прежде чем тот успел поднять оружие.

Я никак не мог сориентироваться. Целым оставался только купол поля, и он со всех углов строения казался одинаковым. Все оазеры гигаваттники были погребены под обломками, но один включился, и ослепительный мерцающий луч пронизывал крутящееся облако испаряющегося камня.

Очевидно, я оказался на вражеской территории. Ступая по трясущейся земле, я направился к куполу.

Я не смог связаться ни с кем из взводных. Все они, кроме Брилл, ушли, наверное, в купол. Я вызвал Холлибоу и велел выгонять всех из купола наружу. Если следующая волна атаки не уступит по численности первой, нам понадобятся все люди.

Толчки постепенно затихли, и я наконец добрался до «своей» траншеи — это была, так сказать, кухонная траншея, так как ее занимали только Орбан и Рудковский.

— Похоже, вам придется начинать с нуля, рядовой.

— Это ничего, сэр. Пускай печенка поотдохнет.

Загудел вызов. Это была Халлибоу.

— Сэр... в куполе только десять человек.

— А остальные? Не ушли с базы?— времени у них было вполне достаточно.

— Я не знаю, сэр.

— Ладно, произведите расчет и дайте мне данные по численности — чем мы располагаем.

Я еще раз попробовал частоту взводных, снова молчание. Мы выждали несколько минут, но враг признаков активности не подавал. Видно, ждали подкреплений.

— Сэр, мне ответило пятьдесят три человека. Наверное, не без сознания.— Это Холлибоу.

— Хорошо. Пускай не сводят глаз...— И тут пошла вторая волна атаки... Десантные катера выскочили из-за горизонта. Они тормозились, развернувшись дюзами в нашу сторону.

— Ракетометчики — огонь!— завопила Холлибоу.

Но никто не успел добраться до пускателя. Или до гранатомета. Лазер на таком расстоянии особого вреда причинить не мог.

Размерами эти катера в четыре или пять раз превосходили катера первой волны. Один из них опустился в километре от нас, и едва он успел замереть на месте, как началась высадка. Тельциан было около полусотни, очевидно, 64. Умножить на восемь — получается 512. Нам их не удержать.

— Слушайте все,— говорит майор Манделла,— я старался говорить спокойно и негромко.— Сейчас мы отступим под защиту стазис-поля, но сохраняя порядок. Те, кто относится к четвертому и второму взводам — прикрывают отход первого и третьего. Первый и третий, отойти на половину расстояния до купола и обеспечить прикрытие второму и четвертому. Они дойдут до самого купола и прикроют потом вас.

Не следовало употреблять это слово «отступление», его в уставе не имелось. Рефлекс ретрограда.

Ретроградом оказался не только я. Стрелять начало всего восемь или десять человек, остальные бросились наутек. Орбан и Рудковский исчезли мгновенно. Я сделал несколько выстрелов, тщательно целясь, добежал до края траншеи, вылез наверх и направился к куполу.

Тельциане пускали ракеты, но большинство из них шло слишком высоко. Двоих все же разорвало, когда я покрыл почти половину расстояния до купола. Я укрылся за обломком скалы и осторожно осмотрелся. Только два или три тельцианца находились в пределах дальнего лазерного огня, и я решил, что лучше зря не выдавать себя. Добежав до границы стазис-поля, я обернулся и начал стре-

лять. Почти сразу стало ясно, что я только привлекаю к себе внимание, потому что к куполу бежал всего только еще один человек.

Почти рядом со мной пронесласть ракета — я мог коснуться ее. Тогда я, напружинив ноги, оттолкнулся и финишировал внутрь купола в не очень благородной позе.

7

Ракета, которая едва не задела меня, плавно проплыв сквозь серые сумерки купола, слегка приподнялась в самом конце, когда она исчезла за противоположной границей поля. Оказавшись на той стороне, ей суждено было мгновенно испариться, так как вся энергия, потерянная ею при вторжении в стазис-поле, должна была вернуться в виде тепла.

У самого входа в купол лежало девять мертвых. Этого следовало ожидать, хотя такие вещи заранее не говорят солдатам.

Их боекостюм был в порядке — иначе они не добрались бы до купола — но в неразберихе боя и отступления была повреждена особая изолирующая прослойка, предохранявшая от воздействия стазис-поля. Едва они оказались внутри стазис-поля, как вся электрохимическая активность в их организмах прекратилась и они погибли на месте. И поскольку ни одна молекула не могла двигаться здесь быстрее, чем со скоростью 16,3 метра в секунду, они тут же замерзли до каменной твердости, температура их тел установилась где-то около 0,426 по Кельвину.

Я решил пока не переворачивать их, чтобы узнать имена. Потом. Нужно было сначала развернуть хоть какую-то оборону, пока тельциане не проникли в купол. Если они только выберут этот вариант.

Красноречивыми жестами я собрал людей в центре купола, у хвоста шлюпки, где хранилось оружие.

Оружия было вдосталь, так как наша численность уменьшилась в три раза. Раздав всем шпаги и щиты, я начертил на снегу вопрос: «Хорошие лучники? Поднять руку.» Вызвалось пятеро, я назначил еще трех, чтобы использовать все луки. Двадцать стрел на каждый лук. Это было самое эффективное дальнобойное оружие в наших условиях: несмотря на медленный полет, стрелы были почти невидимы и разили насмерть — наконечники были с алмазными остриями.

Я расположил лучников вокруг шлюпки (посадочные опоры дадут им дополнительную защиту) и между парой лучников поставил других людей: копейщиков, наличника, солдата с алебардой и дюжину метателей ножей. Теоретически мы могли встретить врага таким образом на любой дистанции — от границы купола до рукопашной.

На самом же деле, при таком соотношении сил — 600 против 42 —

они бы могли входить в поле с камнями вместо копий и щитов, и закидать нас, как говорится, шапками.

Если они только уже знакомы со стазис-полем.

Мы ждали несколько часов. И даже начали уже скучать, насколько вообще это возможно в ожидании смерти. Поговорить нельзя, смотреть не на что, кроме серой стены купола, серого снега, серого корпуса шлюпки и однообразно серых солдат.

Некоторые, еще заинтересованные боем, следили за нижним краем поля, ожидая появления противника. Поэтому мы несколько секунд не могли сообразить, что происходит, когда началась атака. Облако дротиков пробило стену купола, направляясь точно к его центру.

Щиты были достаточно большие и прикрывали человека почти полностью, стоило лишь присесть. Те, кто в этот момент повернулся спиной к месту схватки, или дремал, мог надеяться только на удачу — предупредить их не было возможности, а дротик достигал центра купола всего за три секунды.

Нам повезло, мы потеряли всего пятерых. В том числе одного лучника, Шубика. Я поднял ее лук, мы ожидали немедленной атаки самих тельциан.

Они не спешили. Полчаса спустя я прошел вдоль цепочки солдат и жестами объяснил, что в случае нападения каждый должен подтолкнуть стоящего справа.

Именно это и спасло мне жизнь. Вторая туча дротиков появилась с другой стороны несколько часов спустя. Я почувствовал толчок, толкнул соседа справа, обернулся и увидел, как летят дротики. Я едва успел прикрыться щитом.

Положив на снег лук, я начал вытаскивать застрявшие в нем дротики, когда началась следующая атака.

Невероятно, жуткое это было зрелище. Около трехсот тельциан вошли в купол плечом к плечу, взяв нас в кольцо. Они шагали плечом к плечу вперед, у каждого имелся круглый щит, едва прикрывавший его массивную грудь. Они метали дротики.

Я поставил щит вертикально перед собой — у нижнего края имелось специальное ребро — и, выпустив первую стрелу, понял, что у нас есть шанс. Стрела ударила тельцианина в центр щита, пробила его насквозь и пронзила изоляцию его костюма.

Это было избиение. Дротики никакого вреда нам не причиняли, хотя, когда один из них проплыл у меня над головой, появившись из-за спины, по коже у меня пробежали мурашки.

Двадцатью стрелами я убил двадцать тельциан. Когда кончились стрелы, я попытался бросать их же дротики, но тельцианские щиты оказались непроницаемыми для их наконечников.

Половину тельциан мы уничтожили стрелами и копьями прежде, чем они подобрались к нам на расстояние рукопашного боя. Я вытащил шпагу и приготовился. Их все еще было в три раза больше, чем нас.

Когда до тельциан оставалось метров десять, в бой вступили ме-

татели ножей — чакр. Хотя летящий диск ножа легко заметить, ему требовалось полсекунды, чтобы покрыть расстояние до шеренги противника, большинство попыталось закрыться щитами... Тяжелые, острые, как бритвы, ножи пронизывали щиты, словно картон.

В рукопашную первыми вступили паличники. Палица достигала двух метров в длину, на ее конце имелось обоюдоострое лезвие. Но с ними тельциане расправились хладнокровно — они просто хватали лезвие и умирали. Пока человек пытался вырвать оружие из мертвой хватки трупа, вооруженный метровым ятаганом второй тельцианин делал шаг вперед и убивал.

Кроме ятаганов у них имелось что-то вроде резинового лассо — эластичный шнур с куском колючей проволоки на конце и грузиком для метания. Это было опасное оружие, эластичный шнур тянул грузик и проволоку обратно и вполне приканчивал непокорную жертву. Но тельциане бросали эту штуку весьма метко, целясь по незащищенным ступням и лодыжкам.

Став спина к спине с рядовым Эриксоном, мы ухитрились оставаться в живых еще несколько минут. Когда от тельциан осталось дюжины две, они просто повернули кругом и замаршировали обратно. Мы побросали им вслед дротики, убили еще троих, но преследовать не решились. Нас осталось двадцать восемь. Убитых тельциан было в десять раз больше, но радоваться было нечему.

Они могут повторить все сначала, со свежими тремя сотнями. Мы собрали разбросанные тут и там стрелы и копья и снова заняли кольцевую оборону вокруг шлюпки. Я занялся счетом: Чарли и Диана были еще живы (Холлибоу пала жертвой своей палицы), кроме того, еще два офицера из вспомогательного персонала: Вилбер и Шидлонска. Рудковский ухитрился уцелеть, а Орбан попал под дротик.

Через сутки начало казаться, что враг решил вести войну на измор и не повторять атаки. Хотя продолжали время от времени появляться дротики, но уже не роем, а по два или по три. С разных точек и под разными углами. Постоянно быть настороже мы не могли, каждые три-четыре часа кто-то погибал.

Мы установили вахты и спали по два человека на кожухе генератора поля. Упрятанный непосредственно под днищем шлюпки он был самым безопасным местом в куполе.

Время от времени на границе поля появлялся одиночный тельцианин — чтобы проверить, наверное, сколько нас еще осталось. Мы от скуки стреляли по ним из лука.

Через два дня они перестали бросать дротики. Я решил, что у них кончился запас, или что они считают два десятка выживших достаточно минимальным числом.

Делались и другие, более реальные предположения. Я взял одну палицу и подойдя к границе поля, высунул кончик наружу. Когда я втащил обратно, он был оплавлен. Я показал его Чарли и он покачался взад-вперед (так в боекостюме можно было изобразить кивок головой) — это был уже не первый случай в истории войны.

Тельциане охватывали купол сплошной линией лазерного огня и ждали, пока один из нас не свихнется от страха и не выключит генератор. Сидят себе, наверное, в катерах и играют в тельцианский пинокль своими тельцианскими картами.

Я пытался думать. Трудно было сосредоточиться на одной мысли в таком угнетающем окружении, каждую секунду ожидая дротика в спину. Что-то ведь такое придумал Чарли. Что-то он говорил только вчера. Я никак не мог поймать мысль. Помнил только, что его идея не пошла нам. Тогда. И тут я вспомнил.

Я собрал всех вместе и написал на снегу: «СНЯТЬ НОВА-БОМБУ С КОРАБЛЯ, ОТТАЩИТЬ К ГРАНИЦЕ ПОЛЯ, ПЕРЕМЕСТИТЬ КУПОЛ».

Шидловска знала, где на шлюпке лежат нужные нам инструменты. К счастью, перед включением поля мы оставили открытыми все люки — они управлялись компьютерами и теперь бы мы не смогли проникнуть в шлюпку. Шидловска знала, как снять защитный кожух с бомбового гнезда в копите, и я последовал за ней по метровой ширине трубе.

Обычно здесь, думаю, всегда было темно, как под землей. Но теперь стазис-поле наполняло все тем же мутным серым свечением. Вдвоем там было трудно повернуться, и я остался в проходе.

Шидловска открыла люк бомбовой камеры — это был простой ручной штурвал — но вытащить саму бомбу оказалось тяжеловато. Наконец, она вернулась в двигательное отделение и отыскала там лом. Я подвел бомбу, она выкатила ее из держателя. Таким же манером мы освоили и вторую бомбу.

Когда мы спустились на грунт, сержант Ангелов уже возился со взрывными механизмами. Это было несложно — требовалось только отвинтить крышечку на носу бомбы, привести в действие часовой механизм.

Мы быстро оттащили бомбы к границе купола — каждую несла шестерка человек — и положили рядом. Потом мы помахали людям у генератора. Они взялись за рукоятки и перенесли генератор шагов на десять в противоположном направлении. Бомбы исчезли за стеной купола.

Они взорвались, в этом не было сомнений. На несколько секунд пространство снаружи превратилось в недра звезды, даже стазис-поле не смогло полностью игнорировать факт — на мгновение часть купола застветилась бледно-розовым, и опять погасла. Мы почувствовали некоторое ускорение, купол сползал на дно кратера. Не погрузимся ли мы в расплавленный камень, словно мухи в янтарь? Не стоило даже гадать. Если случится это, то не беда — пробьемся наружу с помощью гигаваттного лазера на шлюпке.

Двенадцать выживших пробьются наружу.

— СКОЛЬКО?— нацарапал Чарли на снегу у моих ног.

Чертовски удачный вопрос. Я знал примерно только общее количество энергии, высвободившееся при взрыве двух бомб. Я не знал размеров кратера, ни теплопроводности местных скал, ни

точки плавления местного камня.— НЕДЕЛИ? НАДО ПОДУМАТЬ.

Компьютер на шлюпке мог бы сказать мне срок с точностью до тысячной доли секунды, но он был нем. Я начал набрасывать уравнение на снегу, пытаясь определить минимальное и максимальное время охлаждения ближайшей местности до 500 градусов. Ангелов, имевший более современную подготовку по физике, тоже делал вычисления по другую сторону шлюпки.

У меня получилось что-то от шести часов до шести дней (шесть часов — это если местная скала обладает теплопроводностью меди), у Ангелова — от пяти часов до четырех с половиной дней. Я проголосовал за шесть дней, никто не стал возражать.

Почти все время мы спали. Чарли с Дианой играли в шахматы, рисуя фигурки на снегу. Я несколько раз проверял вычисления и все время получалось шесть дней. Я проверил вычисления Ангелова, ошибки в них не нашел, но остался при своем мнении. Ничего страшного, если лишний день просидим в боекостюмах. Мы с ним добродушно спорили, царапая реплики на снегу.

Шесть дней спустя я опустил руку на выключатель генератора. Что нас ждет снаружи? Бомбы уничтожили тельциан поблизости, но они могли оставить где-нибудь резерв. Теперь они терпеливо ждут у гребня кратера. Правда, мы уже зондировали обстановку с помощью палицы, она возвращалась обратно целой и невредимой.

Я велел людям растянуться по всей площади купола, чтобы они не накрыли нас одним выстрелом. Потом, готовый снова включить поле в случае опасности, я повернул выключатель.

8

Коммуникатор у меня был включен по-прежнему на общую частоту, а после недельной тишины меня оглушило счастливое тарахтенье в телефонах.

Мы стояли в центре кратера почти километровой длины и глубины. Его стены покрывала сверкающая белая корка, местами ее пересекали красные трещины. Было горячо, но в пределах безопасности.

Полушарие грунта, входившее в сферу поля, погрузилось на дно кратера метров на сорок. Теперь мы стояли на своего рода пьедестале.

Нигде ни следа тельциан.

Мы бросились в шлюпку, задраили люки, наполнили кораблик прохладным воздухом и расстегнули боекостюмы. Я не стал требовать первой очереди на посещение единственного душа. Просто сидел на противоперегрузочной койке и дышал чистым воздухом. Который не отдавал регенерированным выдохом Манделлы.

Корабль был рассчитан максимум на двенадцать человек, поэтому мы по очереди выходили наружу, чтобы не перегружать систему жизнеобеспечения. Я посылал сообщения второму штурмо-

вику, который все еще был в шести неделях пути. Сообщалось, что мы в хорошей форме и ждем, чтобы нас подобрали. Я знал, что у него найдется семь свободных мест — обычно боевой экипаж составлял три человека.

Хорошо было снова ходить и разговаривать. Я приказал отставить всю армейскую рутину до прибытия на Старгейт. Несколько человек из выживших были раньше в команде Брилл, но они не выказывали никакой враждебности по моему адресу.

Мы придумали грустную игру, называемую ностальгия — сравнивали родные эпохи и пытались представить, какой будет Земля через 700 лет после нашего отбытия, когда мы туда, наконец, доберемся.

Никто не упомянул факта, что нам дадут, в лучшем случае, несколько месяцев передышки, а потом — новый оборот колеса. Мы будем назначены в новые ударные группы.

Колесо. Чарли в один из дней спросил, из какой я страны, моя фамилия казалась ему очень странной. Я сказал, что происходит она из-за отсутствия словаря под рукой, и если бы ее написали правильно, она показалась бы ему еще более странной.

Я убил добрые полчаса, объясняя ему все детали. Родители мои, стало быть, принадлежали к числу «хиппи» (нечто вроде субкультуры, существовавшей в Америке второй половины двадцатого века, не признавшей материализма и основанной на множестве экзотических учений) и жили с другими хиппи в сельской коммуне. Когда мать забеременела, они, естественно, и не подумали пожениться — это повлекло бы изменение фамилии женщины на фамилию мужа, подразумевая, что она становится, якобы, его собственностью. Они решили оба изменить фамилию на одну. Они поехали в ближайший город, и всю дорогу спорили, какое имя будет лучшим образом символизировать связавшую их любовь — я едва не получил куда более короткую фамилию — остановились на Манделле.

Манделла — это такой знак, вроде колеса, его хиппи заимствовали у одной заграничной религии, означал он вселенную, вселенский разум — бога или все, что им было угодно. Ни мать, ни отец не знали, как это слово правильно пишется. Чиновник магистрата написал его так, как ему послышалось.

Назвали меня Уильям в честь богатого дядюшки, который, к несчастью, не оставил после смерти ни цента.

Шесть недель миновали в довольно приятном времяпровождении: чтение, отдых, разговоры. Потом рядом опустился второй корабль. У него было девять свободных мест. Мы разделили людей таким образом, чтобы на каждом корабле имелся специалист на случай, если подведет, заложенная в компьютер, программа возвращения на Старгейт. Я перешел на второй корабль, надеясь, что там найдутся новые книги. А их там не оказалось.

Мы залезли в резервуар и одновременно покинули планету.

Чтобы не надоедать друг другу в переполненных шлюпках, мы много времени проводили в резервуарах. Добавочное время ускорения помогло нам добраться до Старгейт за десять месяцев бортового времени. Для стороннего наблюдателя это составило 340 лет (минус семь месяцев).

На орбите вокруг Старгейт кружились сотни крейсеров. Плохо дело, могут не дать нам отпуска вообще.

Я опасался, что скорее всего попаду под трибунал. Я потерял восемьдесят восемь процентов людей, многих потому, что они мало мне доверяли и не подчинялись прямому приказу во время землетрясения. И на Сид-138 мы успеха не добились — там по-прежнему не было ни тельциан, ни базы.

Мы получили разрешение на посадку и пошли непосредственно вниз, без пересадки. Еще один сюрприз — на посадочном поле стояло несколько десятков наших крейсеров (раньше этого никогда не делали, опасаясь нападения на Старгейт), и два пленных тельцианских крейсера. До сих пор нам не удавалось взять хоть один целиком. Семь столетий могли принести нам решающее преимущество. Возможно, мы победили.

Над воздушным шлюзом имелась надпись «Для вновь прибывшего состава». Когда давление воздуха достигло нормы и мы раскрыли костюмы, очень красивая женщина вкатила тележку с одеждой, предложила нам на идеальном английском одеваться и следовать в лекционный зал — по коридору и налево.

Одежда была странная, почти невесомая, но теплая. Я почти год ничего не носил кроме боекостюма.

Зал для лекций был метров на сто, слишком большой для нашей группки в 22 человека. Та же самая женщина попросила нас садиться поближе. Что-то не клеилось. Я готов бы поклясться, что она пошла в другую сторону по коридору — я это точно знал, потому как не мог оторваться от этого зрелища.

Черт, наверное, у них появились передатчики материи. И она решила сэкономить несколько секунд.

Через минуту вошел мужчина, на нем была такая же простая, без украшений, куртка, как и на всех, включая женщину. Он поднялся на сцену, в каждой руке у него была пачка толстых тетрадей.

За ним шла женщина, она тоже несла тетради.

Потом я обернулся, и женщина по-прежнему стояла в проходе. К тому же, мужчина был явно их брат-близнец.

Мужчина достал одну из тетрадей и кашлянул, прочищая горло.

— Эти книжки — для вашего удобства,— сказал он, тоже с идеальным акцентом,— если вы хотите, то можете их не читать. Вы теперь можете делать только то, что хотите...

... потому что теперь — вы свободные люди. Война кончилась.

Все молчали — никто не верил.

— Как вы узнаете из этих книг, война кончилась 221 год тому назад. Соответственно, сейчас 222 год. По старому стилю — 3138 от рождества Христова.

— Вы последняя группа возвращающихся солдат. Когда вы покините базу — я ее тоже покину. И уничтожу Старгейт. Сейчас это только место встречи возвращающихся солдат, а также памятник человеческой глупости. И позора. Обо всем сказано в книгах. Уничтожив базу мы сделаем мир только чище.

Он замолчал и без паузы начала говорить женщина:— Мне очень больно за вас всех, я понимаю, сквозь что вы прошли и мне хотелось бы сказать вам, что жертвы были не напрасны, но, как вы прочтете, это не так.

— Даже ваша оплата, накопившаяся за века, не имеет теперь цены, так как я больше не пользуюсь деньгами или чеками. Не существует даже такая система экономики... где используются эти вещи.

— Как вы уже, наверное, догадались,— вновь заговорил мужчина, — я — мы — клоны одной индивидуальности, одного отдельного человека — примерно двести пятьдесят лет тому назад меня звали Кан. Теперь меня зовут Человек.

— В вашей группе находился мой прямой предок — Ларри Кан. Очень грусно, что он не вернулся.

— Другие люди больше не выращиваются, потому что я — идеальный генетический образец.

— Меня составляет более миллиардов отдельных индивидов, но я — одно сознание,— сказала она.— Позже я постараюсь объяснить подробней, пока это затруднительно.

— Но на некоторых планетах люди по-прежнему рождаются старым естественным способом. Если мое общество покажется вам слишком непривычным и чужим, вы можете отправиться на одну из таких планет. Многие ветераны просили меня изменить их сексуальную полярность, чтобы они могли войти в общество на этих планетах. Это можно сделать очень легко.

Ладно, Человек, об этом не волнуйся, выдай только мне билет.

— Я приглашаю вас быть моими гостями здесь, на Старгейте, десять дней, после чего вас доставят в *любое* место, *по вашему* выбору,— сказал он.— Пожалуйста, познакомьтесь с этой книгой... Можете задавать любые вопросы и просить о любых услугах.— Они встали и покинули сцену.

Рядом со мной сидел Чарли.— Я не верю,— сказал он.— Они разрешают... поощряют... мужчин и женщин делать это? Друг с другом?!

Человек-женщина, стоявшая в проходе позади нас, ответила прежде, чем я успел придумать в разумной мере уклончивый ответ:

— Я не хочу осуждать ваше общество,— сказала она,— но я думаю, что это необходимая предохранительная мера. Если что-то случится с нашим генетическим образцом, или вообще, клонирование окажется ошибкой, то у человечества сохранится богатый выбор новых генетических матриц, чтобы начать все сначала.

Она похлопала его по плечу.— Конечно, вам не обязательно

отправляться на эти планеты. Оставайтесь у меня — я не делаю различий между способами полой игры.

Она поднялась на сцену и долго рассказывала нам, где мы будем жить, питаться и так далее, находясь на Старгейте.

— Компьютер меня еще в жизни не соблазнял,— пробормотал Чарли.

Война, длившаяся 1143 года началась без какого-то реального повода и продолжалась только потому, что две расы не могли общаться друг с другом.

Едва такая возможность возникла, первым вопросом было: «Зачем вы это начали?» и вторая сторона ответила «Я?»

Цивилизация тельциан тысячелетия тому назад покончила с понятием войны, и человечество тоже, к началу двадцать первого века, казалось, начало перерастать этот инстинкт. Но старые вояки еще жили, и многие из них находились у власти. Они управляли и Группой Исследования и Колонизации при ООН, которая только-только начала использовать преимущества недавнего открытого коллапсарного прыжка.

Многие из первых кораблей не возвращались назад. Бывшие генералы начали подозревать недоброе. Они вооружили корабли колонистов, и едва встретив корабль тельциан, уничтожили его.

После этого они стряхнули пыль со своих медалей и орденов. Все остальное — наша история.

Виноваты не только военные — доказательства виновности тельцианцев в исчезновении первых кораблей были до смешного неубедительны. Некоторые люди обращали внимание на этот факт, но их игнорировали.

Война требовалась земной экономике, вот в чем дело, и такая война была бы идельной. Она давала возможности вкладывать кучи денег, но одновременно объединяла человечество, а не разделяла.

Тельцианцам пришлось заново учиться воевать. Хорошими солдатами они так и не стали и, в конце концов, проиграли войну, наверное.

Тельциане не могли найти общий язык с людьми, говорилось в книжке, потому что они вообще не имели понятия отдельной личности. Миллионы лет они были натуральными клонами. Когда крейсера Земли были экипированы Кан-клонами, они наконец вступили в контакт.

В книге это давалось как готовый факт. Я спросил Человека, как объяснить эту особенность коммуникации клона и клона. И он сказал, что я априорно не в состоянии усвоить концепцию. Для этого нет понятия в моем языке, а если бы и нашлись понятия, мой мозг не справился бы с идеей.

Ну и ладно. Я не был удовлетворен, но готов поверить. Пусть белое будет хоть черным, главное — войне конец.

Человек оказался весьма гостеприимным человеком. Только для нашей группы был устроен небольшой ресторан-таверна, где подавали круглые сутки (Я не видел, чтобы Человек ел или пил — наверное, он изобрел новый способ питания). Однажды вечером я сидел в ресторане, пил пиво и читал выданную нам книгу, как вдруг явился Чарли и сел напротив меня.

— Я решил попробовать,— сказал он без предисловия.

— Что именно?

— Женщину,— он вздрогнул.— Только без обиды... но меня что-то не слишком тянет. Но иначе... А ты уже пробовал?

— Э... нет, пока.— Женские клоны казались мне чем-то вроде прекрасной статуи или картины, я просто не мог себе представить, что это живые люди.

— Правильно.— Он не стал вдаваться в подробности.— Кроме того, она — оно, говорит, что можно переделать все обратно, если мне не понравится.

— Понравится, Чарли, вот увидишь.

— Ну да, они тоже так говорят.— Он заказал стаканчик крепкого.— Просто это так неестественно... Но поскольку я решил повернуть переключатель... почему бы не отправиться нам на одну планету?

— Конечно, Чарли, великолепная мысль,— и я не шутил.— А ты выбрал название?

— Черт, мне все равно. Лишь подальше отсюда.

— Интересно, как там сейчас на Небесах?

— Нет,— Чарли ткнул пальцем в сторону бармена,— он там тоже живет.

— Тогда не знаю, нужно посмотреть список.

В таверну вошел Человек, толкая тележку, груженную папками.

— Майор Манделла? Капитан Мур?

— Это мы,— сказал Чарли.

— Вот ваши послужные списки. Думаю, вам будет интересно их посмотреть. Их перепечатали на бумагу, когда из невернувшихся осталась одна только ваша группа. Чтобы не загружать информационную сеть.

Как всегда, он предугадал вопрос, даже если я и не думал задавать его. Моя папка была раз в пять толще, чем у Чарли. Наверное, самая толстая, вообще, потому что я, кажется, единственный, кто прошел всю войну. Бедная Мэригэй.— Интересно, что там настрочил про меня Скотт.— Я раскрыл папку на первой странице.

К первой странице была прикреплена маленькая карточка. Она уже пожелтела и углы у нее раскрошились.

Почерк был знакомый, очень знакомый, несмотря на время. Дата на записке была 250-летней давности.

Я вздрогнул и глаза вдруг застили слезы. Не было причины подозревать, что она жива. Но я не знал наверняка, что она уже мертва, пока не увидел эту дату.

— Уильям, что ч...

— Оставь меня, Чарли, на минуту.— Я вытер слезы и закрыл папку... Не стоило даже читать проклятую записку. Пусть призрак прошлой жизни останется позади.

Но письмо из могилы — тоже, все-таки, письмо. Я снова открыл папку.

«11 октября 2878 г

Уильям, все это будет в твоем досье, но ты можешь в него и не заглянуть, поэтому я заботилась, чтобы ты узнал.

Я жива, как видишь. Может, и ты вернешься. Тогда найди меня.

Я знаю, что ты у Сад-138 и не вернешься лет двести. Не беда.

Я лечу на планете под названием Средний Палец. Это пятая планета системы Мицера. Два коллапсарных прыжка, десять месяцев субъективного времени. Средний Палец — это что-то вроде Ковернтри для гетеросексуалов.

Не важно. Мы — я и еще пятеро «стариков» — сложили наши накопления и купили у ОСООН крейсер. Мы используем его как машину времени.

Итак, я в субсветовом челноке и жду тебя. Челнок уходит на пять лет от Среднего Пальца и возвращается обратно. Очень быстро. За десять лет я старею на месяц. Если ты вернешься в срок, мне будет всего двадцать восемь. Поспеши!

Мне никто не нужен, кроме тебя. А мне все равно, девяносто тебе лет, или тридцать. Если я не смогу быть тебе женой, я буду твоей сиделкой.

Мэригэй»

— Бармен, простите, на минутку...

— Слушаю вас, майор.

— Вы знаете такое название — Средний Палец? Планета еще существует?

— Конечно. Куда же она денется?— Логичный вопрос.— Очень приятное место. Планета-сад. Некоторые считают, что там скучновато.

— А зачем ты спрашиваешь?— поинтересовался Чарли.

Я протянул бармену пустой стакан.

— Я понял, куда мы с тобой полетим.

Мак АПП

ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ

1

Он был довольно высоким. Намного выше этих безволосых меднокожих дронгалийцев, которые издалека заметив его, начали обходить его стороной, немного с опаской, немного с интересом. Обходили так, как обходят старые покосившиеся дома, грозящие обвалиться каждую минуту. Он был остовом, обломком далекого прошлого. Живой анахронизм, которому до смерти осталось не так уж много. Впалые щеки покрывала многодневная щетина, а дрожащие пальцы были желтыми от дрона. Причину всего этого не трудно было угадать — он находился на Дронгалии уже почти целый местный год (который немного короче земного) и уступил пороку с самого начала своего пребывания здесь.

Но вот уже много дней как он не имел возможности получить то нежное, спокойное забытье, которое приносил с собой дрон. Он остановился в тени, опершись о стену деревянного покосившегося дома в начале замусоренной улицы — излучение солнца Дронгалии было более горячим, чем могла выдержать его кожа. Дом, о стену которого он оперся, не имел окон на первом этаже и его единственная дверь была крест-накрест забита досками. Воздух в улочке был насыщен запахом еды и миазмами испарений от тел многочисленных представителей всевозможных рас, но прежде всего преобладал запах дрона. Этот запах казался ему сейчас родным и милым не только потому, что он приносил успокоение, но и потому, что напоминал запах свежескошенного сена. Это был один из тех немногих запахов, которые он не забыл спустя столько лет, как покинул Землю.

Несущийся по ветру бумажный пакетик ударил его по ноге. Он посмотрел на мусор (очевидно пустая упаковка от дрона) и со злостью пнул её. Потом поднял голову и увидел присматривающегося к нему дронгалийского парня...

— Присматривайся внимательно, дьявол! — буркнул он на местном диалекте.— К тому времени, как ты заработаешь себе толстое брюхо, мы уже будем вымершей расой. И никогда уже больше ты не сможешь увидеть ни одного человека.

Подросток некоторое время еще попялился на него, но потом, сплюнув на землю теплой жвачкой дрона, вихляющей походкой пошел прочь.

Мужчина повернулся и медленно пошел вглубь улочки, чтобы там опять опереться спиной о стену очередного дома. Наверное

в сотый раз он пошарил в кармане своего видавшего виды плаща, но пальцы натыкались только на какой-то листок бумаги. Вытащив его, он снова внимательно перечитал написанное:

«Джон Браузен! Мне необходимо срочно поговорить с тобой. Утром следующего дня приходи к северному концу улицы, на которой живешь. Б. Ланге».

Он покачал головой и снова засунул клочок в карман.

— Джон Браузен...— пробормотал он себе под нос так, как будто его собственное имя вдруг показалось ему странным.

— Командор Джон Браузен — Старший офицер Разведывательного отдела Земных Космических Сил...

Как давно его называли этим именем? Как же давно не спрашивали у него его фамилию! В правительственных списках Дронгалии (а также в нескольких иных мирах, где он тоже имел «счасть» побывать) от фигурировал всегда одинаково: «Джон, землянин. Социальное положение — бродяга. Не судился. Профессии не имеет».

А как давно он видел Барта? Последнее время они оба были наемниками на флоте Годха. Это тогда погибло тридцать землян... С тех пор минуло по крайней мере лет пять... А тогда прошло около трех лет после Уничтожения.

Разве после уничтожения прошло всего восемь лет??? Это означало, что ему сейчас всего тридцать семь, но ощущал он себя значительно старше. Ему казалось, что от того страшного дня должно было пройти гораздо больше времени. Он подумал, зачем это он понадобился Барту? В течение первых нескольких лет после Уничтожения осталось очень мало людей, меньше пятисот членов экипажа, и они держались вместе. А потом, когда условия пребывания в чужих мирах разделили их, с нарастающей постоянно нетерпеливостью ожидали они новых встреч. Еще позже растущая безнадежность и отчаяние в сложившейся ситуации привели к тому, что им стало все равно, увидятся ли они еще когда-нибудь. Джон пытался вспомнить, сколько их еще могло быть в живых. Согласно последним сведениям, которые дошли до него, около ста человек служили наемниками на разных флотах, а место пребывания шестидесяти или семидесяти человек точно не было известно. Остальные, сколько их осталось, были разбросаны по космосу, забыты в далеких мирах, похожих на эту проклятую Дронгалию.

Джон удивился, как это Ланге удалось его разыскать. Хотя вероятно это произошло благодаря тому, что довольно много торговых звездолетов садились в Дронгалии. Конечно, все из-за этого дрона... Интересно, сколько Ланге имеет денег, а он должен их иметь, раз разыскал его. Неплохо было бы сконтактироваться с ним. Он подумал, что надо было бы купить немного еды (мысль о том, что ему придется расстаться со своим старым плащем, который был еще с Земли, болезненно отдавалась в сердце) и заплатить за угол в грязном притоне, где он сейчас обитал. Можно

еще купить дрона, если он только решится на это, но для чего?! Сейчас это уже не имело никакого значения!

Он, скучая, смотрел на границу света и тени, делящую узкую улочку почти посредине. Осталось немного времени до назначенного часа. Сколько Барт, интересно, сможет ему дать?! Джон задремал, опустив голову на грудь.

— Джон! Эй, Джон!

Браузен протер глаза, стряхивая сон. Концентрация взгляда на крупной фигуре в голубой одежде заняла у него почти минуту. Невероятно!! Застегнутый на молнию комбинезон Барта был пошит точно по фасону служебного мундира Земного Космического флота! Джон с трудом поднялся. Сейчас, когда он смотрел на Барта, воспоминания живо вернулись к нему. Чувства сжали ему горло, и он едва смог сдержать слезы. Сильно пожав протянутую руку, Джон произнес:

— Барт! Сколько времени! Как чудесно снова увидеть тебя, Барт!

Ланге испытующе посмотрел на Джона, и в глазах его зажглись огоньки удивления.

— Да, Барт. Я наркоман. Бездарь, который живет на дозе дрона. Я получаю пособие и этого мне вполне хватает для угла в ночлежке и на жратву. Время от времени я подряжаюсь рыть ямы, для того чтобы купить несколько горошин дрона. А ты...— он отпустил руку Ланге и рассматривал его комбинезон, с трудом проглотил слюну.— Ты отлично выглядишь, Барт. Нанялся наемником? У кого? Или...— он внимательно осмотрел товарища.— По тебе не видно, чтобы ты был недавно тяжелораненным.

Ланге, нахмурившись, продолжал рассматривать Джона.

— Недавно флот Годха участвовал в одной акции. А я как раз в это время служил там. И поэтому,— он махнул рукой,— в общем виде мне дали кое-какие деньги в уплату за услуги. Заплатили они неплохо, и к тому же не захотели, чтобы я после всего случившегося оставался на Годхе. Вот почему я ... пауза в словах Барта была довольно значительной,— в некоторой колонии на планете Акиэль. Я собираю всех людей вместе. Нас уже больше двадцати.

— Зачем собираешь?

— Мы хотели бы снова собрать весь наш старый экипаж. Владыка Акиэля может предложить нам кое-какую работенку.

Джон посмотрел Барту прямо в глаза.

— Ты хорошо знаешь, что большинства из нас уже нет в живых. Это было дьявольски медленное умирание. А что можешь ты сейчас предложить кроме новых смертей ради освобождения каких-то планет, ради вывоза сокровищ с миров, которые перед нами ни в чем не виноваты, и вывоза их в другие миры, также не имеющие никакого отношения к нам...

— На этот раз у нас есть настоящая цель,— с нажимом произнес Ланге.

— То, что ты говоришь, меня удивляет. Когда мы виделись в последний раз...— Джон вздохнул и пожал плечами. Если Ланге сам не чувствует пустоты этой бесцельной беседы, то нечего с ним спорить.— Акиэль,— начал он снова,— что это такое? Никогда не слышал о такой планете. Что там есть такого, что могло бы нас, последних землян, толкнуть в какую-нибудь заваруху? В самом деле причины этого так важны? — он замолчал, как бы собираясь с мыслями.— Мы всегда ставили перед собой цели, не так ли? И находили их, устраивая торги! Все вместе, вышколенные, дисциплинированные, неустрашимые. Мы держались за эту легенду день за днем. Потому что уже было все равно, или мы погибнем, или нет, поскольку только и оставалось думать, что мы можем что-то найти, или думать, что уже нашли или что дело должно выгореть. Но и этот запал прошел, борьба угасла. По крайней мере для меня. Я думаю, что и ты этим пресытился.

Ланге подозрительно осмотрелся вокруг и, придвинувшись к Джону, зашептал ему на ухо:

— Колония, о которой я тебе говорил, заселена хелками.

Браузен отодвинулся от него.

— Хелками? — пробормотал он задумчиво.— Это значит, что вы находитесь в сфере влияния империи Вильмута?

— Нет, Джон! Я имею в виду свободных хелки. Об этой колонии Вильмут не имеет никакого понятия. Там у них на Акиэле есть свой Омниарх и ему две тысячи двести лет. Он на несколько сот лет старше своих потомков, которые и основали колонию. В молодости он был рабом на Вильмуте, но ему удалось бежать с каторги, не оставив после этого ни малейших следов!

Джон ощутил легкое головокружение. Он с минуту всматривался невидящим взглядом в дронгалийцев, которые обходили их, с интересом приглядываясь к двум чужакам, называемым земляна-ми. Затем Браузен вздохнул и сказал:

— Не скажу, что у меня есть большое желание опять затевать драку с Вильмутом. Да, я буду их ненавидеть пока живу, и я готов поклясться, что вряд ли кто-либо из нас перестанет их когда-либо ненавидеть. Но в конце концов, в чем их можно обвинить? Мы отправились в космос, о котором имели очень смутное представление. А когда встретили что-то, от чего надо было драпать сломя голову, то схватились с ними, как будто бы были самыми великими воинами в Галактике. Это было такой глупостью, таким порождением заблуждения, что даже наше происхождение не могло оправдать этого! И... Ну что же, мы и проиграли.

Лицо Ланге стало внимательным.

— Да,— кивнул он,— мы бросились тогда сломя голову в драку и потеряли её. Но сейчас совсем другое дело. Этот беглый хелки в течение двух тысяч лет имел шпионов в Империи Вильмута. Понимаешь, Джон, в течение двух тысяч лет!!! Он видел гибель Земли. Он знает причины этой гибели, истинные причины! Он видел, как мы воевали, стараясь не допустить превращения Земли в еще один

придаток Империи. Он видел, как из нас хотели сделать рабов, и он отлично понимает наше решение: «Не бывать этому!» Джон, он потратил много времени, чтобы хотя бы как-то уберечь нас. Он планировал оставить несколько женщин для возрождения расы землян. Несколько высокопоставленных особ потеряли свои посты только ради того, чтобы мы, маленькая горстка людей, могли избегнуть участи остальных землян. Представляешь, как они были поражены, когда узнали, что среди спасшихся не осталось ни одной женщины. Вся Солнечная система была тщательно обследована, но увы, никого больше не удалось обнаружить.

Джон вдруг ощутил, что его тело дрожит. Он расправил плотно сжатые пальцы и глубоко вздохнул.

— Даже если бы это было правдой, то ЭТО уже свершилось. Если бы я встретил здесь какого-нибудь вильмутца, он наверняка не ушел бы живым из моих рук. Но взять сейчас всех наших оставшихся и двинуться на Империю... Нет, Барт, я уже тень, оставшаяся от человека, и мне уже не достичь того, что было когда-то. И... вообще это смешно. Ты в самом деле думаешь, что он может что-то сделать против Вильмута?

Ланге скривился. Он сделал шаг вперед и схватил Джона за отвороты пошарпанного плаща.

— Послушай меня, Джон, черт побери! Да будет тебе известно, что не все женщины погибли! Больше ста еще живы! И все в возрасте вполне пригодном для деторождения. И этот Омниарх с Акиэля знает, где они, и обещает нам свою помощь для того, чтобы добраться до них!

Кровь прилила к голове Джона, но уже через секунду это прошло и он горько рассмеялся:

— Но это же глупо, Барт. Неужели мы снова сможем попасть на эту удочку? Ну так знай, что единственное, что меня сейчас волнует, так это дрон. По крайней мере этот наркотик приносит минутное забвение и хотя в конце концов все же сжигает тебя, но по крайней мере не делает человека чокнутым на несуществующих бабах!

Ланге усмехнулся:

— Послушай, командор Джонатан Браузен, имя которого еще несколько лет назад было знаменем для всех землян и многих чужаков в целом секторе Галактики. Это говорит тот, кто перехитрил весь вильмутский специальный корпус разведки и разделался с ними, командуя всего несколькими кораблями. Тот, кто может командовать любым космическим флотом, только пожелай он этого! Хелки, о которых я тебе говорил, очень хорошо изучили всех нас. И Омниарх решил, что только ты можешь совершить то, что он задумал. Только ты, из всех людей! Только ты сможешь снова связать все воедино...— Ланге вздохнул, прерываясь на минуту, и снова продолжил.— Этот Хелки правил задолго до того, как Колумб переплыл через океан, не говоря уже о первых человеческих полетах в гиперпространстве. Это он организовал вывоз тех женщин. Это он

сделал все так, что вильмутцы сделали посадку на Землю и, имея на руках фальшивые документы (не подозревая даже об этом), вывезли несколько тысяч молодых женщин для якобы санкционированных научных исследований... Это он организовал исчезновение некоторых из них и сфабриковал документы, скрывшие их недостачу. Пойми, Джон! Сколько Хелков погибло при реализации этого плана! Омниарх рассказал мне все с малейшими подробностями, показал фотографии...

— Барт, будь рассудителен! — перебил товарища Браузен.— Фотографии можно подделать! И разве это возможно, чтобы такой интриган, как Омниарх, даже выдавая себя за того, за кого выдает, рисковал бы всем и сделал так много, чтобы помочь в существовании какой-то неизвестной расе? Что мы для него есть?

— Проклятье! Разве ты не можешь понять, Джон, что это наши собственные возможности повлияли на хелков. Омниарх до сих пор считает, что мы были в силах покончить с Империей, если бы были хоть немного рассудительными и знали, что по чем! Нам надо было действовать умнее. Что же касается того дела, которое он предлагает нам, думаю, что оно является составной частью какого-то грандиозного плана, выдуманного Хелки. Он хочет, чтобы мы добровольно приняли участие в деле. Ведь он знает, как мы умеем драться. А теперь попробуй посмотреть на все это глазами вот такого Омниарха.

Джон всматривался в Ланге, ощущал, что кровь снова мощными толчками начинает пульсировать в голове. Было это похоже на правду? Да, было.

На первый взгляд все это выглядело страшно неправдоподобно, но именно эта неправдоподобность и давала шанс. Бесконечно малый, невероятный, давно утраченный благословенный, но все же Шанс!

Две слезинки скатились по заросшим щекам Джона Браузена.

2

Подлатанный, невооруженный, разведывательный звездолет, списанный с Гохданского флота и отданный Барту Ланге, как часть платы за службу, вышел из гиперпространства в одной десятой светового года от солнца планеты Акиэль. Барт обозначил свое положение и грубо сманеврировал кораблем, выводя его на орбиту вокруг планеты. Внизу расстилался зелено-голубой мир, покрытый джунглями и только кое-где саваннами. Мир, лишенный океанов, но зато с бесчисленными малыми морями, озерами и реками. Оба полюса планеты были закрыты небольшими ледниками. Атмосфера планеты была относительно плотной. Сила тяжести составляла немного меньше одного «же». Здесь не было больших горных массивов. Планета имела климат явно умеренный, судя, конечно, по первому впечатлению.

Даже с высоты больше чем пять тысяч футов на поверхности этой планеты не было видно ни одного космодрома.

Барт запрограммировал бортовой компьютер на посадку и глядя, на данные, высвечивающиеся на экране приборов слежения, обратился к Джону:

— Если бы сейчас в окрестностях Акиэля появился какой-нибудь неизвестный корабль, мы были бы вынуждены срочно совершить посадку, чтобы скрыть какие-либо следы техники возле этой планеты. Здесь, на Акиэле, не найдешь ни радио, ни телепередатчиков. Не говоря уже о наличии фабрик и заводов. Здесь нет даже центральной энергостанции, излучение которой можно было бы уловить из космоса. Кроме того, солнце Акиэля лежит вдали от обычных торговых путей. Омниарх говорил мне, что на протяжении всего времени их нахождения здесь, только четыре чужих звездолета появились на экранах дозорных локаторов и только один из них приблизился достаточно близко, чтобы его можно было идентифицировать.

— Если они держат для этого свои детекторы массы на орбитах своего солнца,— буркнул Джон,— они должны быть мастерами миниатюризации. Например, вон та точка в углу экрана Ф-4. Обломок скалы не больше моего кулака. И если мы видим такую мелочь, тогда почему не видим на экранах ни одного их детектора? Кстати, как осуществляется передача полученных данных? Ведь датчики должны несомненно иметь связь с планетой!

— Должны! — Барт кивнул головой.— Но чтобы засечь хоть один детектор, надо было бы уловить сам момент передачи.

Он протянул руку, и, переключив что-то на пульте управления, направил корабль на поле травы, расстилавшейся внизу.

— Ты что заметил — космодром? — удивился Джон.

— Нет,— рассмеялся Барт.

Звездолет затормозил и замер в двух дюймах от поверхности планеты.

Внезапно изображение на экранах стало стремительно изменяться. Затем свет солнца на верхнем экране резко погас и их охватила темнота. Через мгновение они были уже на широком бетонном пандоусе и съезжали вниз. Остатки дневного света на экранах внешнего обзора исчезли в тот момент, когда массивные створки тяжелых ворот сомкнулись у них над «головой». Но через мгновение несколько ярких ламп осветили их. Корабль мягко сдвинулся от входа и замер.

Барт нажал три кнопки в клавиатуре компьютера, и воздух Акиэля с тихим свистом вошел в корабль. Острый, слегка насыщенный озоном, воздух сильно пах свежими листьями.

Перед выглядывающим наружу Джоном промелькнули две фигуры, покрытые темным пухом или шерстью. Спустя несколько минут полный самец хелки появился у входа в корабль. Это был старик. Весил он всего восемьсот фунтов, кожа на его лице была серой, а каждая из четырех ног была толще бедра взрослого муж-

чины. Джон вспомнил свое первое впечатление, полученное им, когда он впервые увидел нескольких хелки. Эти существа имели ноги и тела, как у быков, массивные и безобразные. На этом их сходство с обычными коровами кончалось. Шея и голова хелки вырастали из мясистого нароста посредине туловища. С этого нароста также вырастали два мощных плеча, которые заканчивались большими волосатыми ладонями с четырьмя огромными пальцами каждая, на ногах у них не было копыт, а только ороговевшие пальцы, похожие на когти тигра. Где у этих существ перед, а где зад можно было определить только по направлению стоп и направлению, куда смотрит их лицо (хотя гибкая и длинная шея позволяла им поворачивать голову на 180°). Все остальные органы (в частности выделения и размножения) располагались под туловищем и на первый взгляд не были заметны.

Представительный хелки зашевелил толстыми губами и заговорил по-английски с почти неуловимым акцентом, который обычно был так силен у чужаков.

— Приветствую вас на Акиэле, командор Браузен. Очень долго я ждал этого дня,— голос Омниарха был приятным и глубоким, слова он выговаривал медленно и мягко.— Давайте пройдем ко мне и поговорим.

У выхода из подземного ангара промелькнуло несколько хелки, гораздо меньших, чем Омниарх и более простого телосложения — очевидно обычные работники низшего уровня. Встретили они также по дороге несколько особей с более развитыми головами, очевидно предназначенными для более интенсивного мышления. Эти существа смотрели на Джона, кивали головами в приветствии и зыркали глазами в сторону старого хелки (в знак уважения, как узнал перед этим удивленный Браузен). Эти хелки чаще всего несли какие-то приборы и инструменты, что отличало их — техников от простых рабочих.

В окрестностях ангара они также повстречали нескольких хелки, таких же рослых, как Омниарх, с когтями на пальцах рук и ног и с мордами, которые украшали страшные ощеренные зубы. Это были воины-хелки особого вида, неспособные к размножению. В ремнях, или вернее в подпругах, опоясывающих их крупные тела, закреплялось лучевое оружие. Кроме Омниарха Джон и Барт увидели также ещё одного Полного Самца, меньшего ростом и моложе. Но нигде не повстречалась особа женского пола.

Джон знал, что хелки ведут определенный вид деятельности, похожий на жизнь земных пчел и муравьев. Но сейчас, находясь в гуще всевозможных хелки, он внезапно понял, что эта похожесть была гораздо более ближе, чем он даже мог предполагать. Полный Самец не только был отцом многочисленного семейства, но и мог также вырабатывать в своем теле такие гормоны, которые определяли пол и рабочие функции будущих новорожденных. Ребенок хелки назывался «амбионом», и Полный Самец определял, как он будет развиваться и кем станет. Были и еще какие-то сложные зависимости,

которые Джон так и не мог понять. Но одно было вполне ясно — наивысшим интеллектом в этом «муравейнике» обладал только один Полный Самец.

Джон и Бартон уселись в креслах, приспособленных к фигурам гуманоидов, так как количество таких типов существ превалировало в ближайших секторах Галактики.

На низком столике перед мужчинами стоял графин с каким-то ферментированным соком и три стакана.

Омниарх остался стоять. Минуту он спокойно вглядывался в лицо Джона, с улыбкой, свойственной его расе,— стиснутые губы не могли скрыть больших зубов.

— Я вижу, что ты расстался с дроном,— сказал он.— Это хорошо. А я то уже начал волноваться.

Джон покраснел.

— Я чувствую себя исключительно хорошо,— буркнул он.— Барт говорил мне, что вы имеете какие-то фотографии...

— Имею.

Хелк достал папку и, подойдя к столу, отодвинул в сторону графин. Бросив шапку на свободное место, он сказал:

— Здесь целая серия. На фотографиях показана погрузка женщин на космолеты. Обратите внимание, друзья, на их возраст, тела и состояние. Некоторые из этих женщин еще недостаточно даже сформировались. Мне жаль, что это выглядит довольно жалко. Уверяю вас, что хелки не приняли бы участия в этом, если бы у них было право выбора.

Но все равно, это было весьма убедительное зрелище. Джон налился гневом... некоторые из этих фотографий... Он посмотрел на Омниарха.

— Но вы же сами затеяли все это!!!

— Да, проводил эту операцию я. Но это вильмутские врачи-экспериментаторы отдали нам такой приказ. Прошу вас, обратите внимание на остальные фото. Вот эти несколько фотографий демонстрируют группу женщин, которых нам удалось похитить с разведывательной станции.

На цветных снимках были видны женщины, конвоируемые хелки-техниками и хелки-воинами. На последних снимках была изображена местность, куда переправили этих несчастных. Обычная долина, вся в цветах. Выглядела она вполне нормально, если бы не несколько странных кустов справа внизу.

Джон, продолжая дрожать от гнева, отодвинул от себя фотографии.

— Хорошо. Предположим, что вы меня убедили. Но Барт говорил, что вы не собираетесь доставлять нас к ним и сообщать местонахождение их планеты. Мне сказали, что мы должны что-то сделать для вас. Что?

Хелки заморгал глазами.

— Вы должны понять,— начал он,— что мои планы весьма обширны и не позволяют мне быть слишком деликатным с кем-либо. Но я надеюсь, что кроме всего прочего, вы согласитесь все же играть ту роль, которую я вам приготовил.

Джон с трудом проглотил слюну, чтобы хоть как-нибудь уменьшить ощущение той жажды, которую ни сок, ни вода не могли удовлетворить.

— Во всяком случае я рад, что вы с нами откровенны. Почему вы не сообщили нам, в каких условиях сейчас находятся женщины?

Хелк почесал шею своим волосатым пальчищем.

— Не сообщаю я вам это потому, командор Браузен, что существует опасность, что кто-нибудь из вас может попасть в руки имперцев. Было бы очень нехорошо, если бы они узнали от вас кое-что перед тем, как убить. И это повредило бы мне. Поэтому я буду молчать, а кроме того, несколько ваших людей должны будут остаться у нас как залог наших добрых отношений. Поверьте мне, женщины находятся в такой безопасности, какая только возможна.

— О'кей, мы находимся в таком положении, что торговаться нет смысла. Что для начала нужно сделать?

— Я организовал для вас работу у вашего старого знакомого Вез До Гана — Командующего Силами Обороны Гохда. Должен вам сказать, что у меня в жизни было несколько неприятных случаев, когда я чуть было не погиб. Поэтому считают необходимым привлекать к работе только наемников. Так вот Вез До Ган согласился расплатиться со мной некоторым количеством кораблей, которые гохды добыли на протяжении нескольких веков. Это восемь вильмутских разведывательных звездолетов и один легкий крейсер с массой покоя шестьдесят земных тонн. Он довольно старый, но сейчас отремонтирован и вооружен дополнительными лучеметами. Он также частично укомплектован вильмутскими снарядами, но гохданци обязались достать еще. Кроме того мы обговорили с ними, что вы можете присвоить себе корабли, которые добудете в бою.

— Это вы договаривались с Вез До Ганом?

— Да. Я уже давно присматривался к нему и к деятельности его предшественников в области разведки. Сейчас же я хотел бы обратить ваше внимание только на одно. Вы не знаете координат Акиэля, а вам нет нужды сообщать их ему. Так будет одинаково хорошо и для вас и для нас. Группа людей, которая останется здесь, будет находиться в максимальной безопасности. Поэтому я хотел бы, чтобы они были не вооружены. Во избежание всяких недоразумений, понимаете ли...

Джон ощутил, как вытянулось его лицо. Он посмотрел на молчащего Барта, а потом опять перевел взгляд на Омниарха.

— А что мы еще должны будем сделать, когда закончим работу у гохданцев?

— Я хотел бы...— медленно проговорил хелки,— чтобы вы осу-

ществили почетный экскорт определенной группы невооруженных кораблей. Но об этом пока говорить рано. Если говорить в целом, вы планируетесь участвовать в нескольких небольших сражениях.

— Сражениях!? — Браузен глубоко вздохнул.— Думаю, что это будут только стычки. Что можно сделать с одним легким крейсером и несколькими маленькими разведчиками?

— Добавь к этому и то, что вы добудете в бою. Хотя признаю, что этого будет немного. Но у меня для вас еще есть кое-что.

— Да?

Омниарх спрятал фотографию в папку и аккуратно положил ее на столик.

— Может быть...— медленно начал он,— вы видели какие-нибудь предметы, сделанные клип? Или слышали об этом народе какие-нибудь легенды и предания?

Джон пожал плечами.

— А кто об этом не слышал? Памятники, сделанные из металла, состав которого до сих пор никто не может определить и которые уже стоят двадцать или тридцать лет и не ржавеют. Фрагменты записей, которые являются величайшей тайной для ученых всех разумных рас Галактики. Какие-то предметы...

— Я все это знаю,— казалось, что Омниарх выдавливает из себя слова.— И я знаю также, где можно раздобыть звездолет клип. Целый, полностью укомплектованный, с источником энергии, готовый к действию. Это не военный корабль, но его можно было бы обшить броней... Это очень мощный корабль. Я со своей стороны помогу вам разобраться в его управлении и обслуживании. Я много лет занимался исследованиями технологии клип и знаю о ней кое-что...

— Это серьезно? — Джон выпрямился в кресле.— Вы в самом деле знаете, где находится действующий звездолет клип?

— Да. И это часть моего плана.

Джон посмотрел на ошеломленного Барта. Посмотрел на графин на столе, но тут же пришел к выводу, что сок не удовлетворит этого мерзкого желания, которое охватывало его все сильнее.

— Когда же мы получим этот корабль? — спросил он.

— Тогда, когда будут улажены все дела с Вез До Ганом. Такой корабль наверняка пригодился бы вам во всех случаях, но я не хотел бы, чтобы разговор о вашем чудо-корабле мгновенно разошелся по всей Галактике. Ведь появление звездолета клип вызвало бы сенсацию и поставило бы всю Галактику на ноги. Поэтому мы пойдем на мелкое надувательство и лучше, чтобы Вез До Ган не знал пока о существовании такого корабля. Его нужно еще забрать с планеты, находящейся в секторе Гохд. Ган не догадывается об этом. Поэтому нужно иметь бумагу с соответствующим разрешением на посещение какой-нибудь планеты. Дальше будет дело техники. Поэтому вы должны будете попросить Веза в качестве части оплаты работы разрешить вам поселиться на этой планете. Но не на той, где находится звездолет, а на какой-нибудь другой, которая

соответствовала бы условиям жизни вашей расы. Вы впоследствии можете даже поселиться на ней со своими женщинами и возродить на ней расу «хомо сапиенс».

— Мне не очень нравится ваша мысль с обманом Веза.— Джон нахмурил брови.— Этот гохд всегда хорошо относился ко мне и моим людям.

— В отношении ко мне он тоже всегда был хорош,— хелк усмехнулся.— И я тоже всегда хорошо относился к нему. Но сейчас наступает неизбежная ситуация. Я растолкую вам это подробнее и вы, думаю, согласитесь со мной.

Заметив, что Джон беспрерывно глотает слюну, Омниарх наполнил бокал и подал ему.

— И еще одно. Вы можете находиться на Акиэле пока не начнете приготовления. Я хотел бы, чтобы вы совершали это на какой-нибудь другой планете. Может быть Вез до Ган даст вам такую? На Акиэле не должно происходить ничего подозрительного.

— Хорошо,— буркнул Джон.— Но вы будете поддерживать с нами связь?

— Из осторожности я тоже покину планету и отправлюсь в специально подготовленное убежище. Откуда я через посредников непременно буду контактировать с вами.

3

— Бунстил?
— Здесь!
— Камерон?
— Здесь!
— Домиано?
— Здесь!

В течение долгой минуты Джон вглядывался в лист, видя расплывшиеся буквы. Сколько фамилий, подумал он, фамилий, которых уже не было в этом списке. Вероятно еще не все мужчины добрались до места сбора. Они постепенно будут здесь. Но их фамилии так и не заполнят этот лист до конца...

Джон закончил перекличку и обернулся, чтобы посмотреть на маячивший во мраке корпус боевого шестидесятитонника. Как и большинство кораблей этого класса, он имел вид низкого, широкого цилиндра. Его середина, не считая разных выступов, образованных броней, антеннами, датчиками-сенсорами, поднималась на высоту почти двести футов. Это был не самый большой корабль, который доводилось видеть Джону в своей жизни. Он был не намного больше звездолетов, построенных на Земле в те короткие времена, которые Земля могла отвоевать себе в боях.

Но на корабле, построенном в Империи Вильмут, было все, Снаружи не было заметно никаких повреждений — хелки хорошо поработали, восстанавливая его.

Джон повернулся к товарищам.

— Это наш флагман, по крайней мере на какое-то время. Мы можем назвать его «Луна». Если помните, так назывался спутник нашей Земли. И это была первая планета, на которую ступили наши предки.

Собравшиеся молчали.

— Как вы уже знаете, наша цель найти женщин,— продолжал дальше Браузен.— И вы наверное слышали, что первым нашим шагом для достижения нашей цели должна быть работа для Гохд. Но на этот раз мы не будем с ними сотрудничать. Это будет не совместная работа. Мы будем работать самостоятельно.

Мужчины стояли молча, ожидая дальнейших слов. На их лицах отражались различные чувства: надежда, скептицизм, апатия, отчаянная решимость. Но не было ни преувеличенного энтузиазма, ни хмурых мин. И все же Джон ощущал, что в каждом из них, как и в нем самом, бьется горячее сердце, наполненное ожиданием и верой — сердце уже уставшее болеть от многолетнего отчаяния.

В голове командора теснилось множество слов, которые он хотел еще сказать, но произнес только одно:

— Ну что ж, друзья. Это пока все. Остальное прочтете в инструкциях.

Хелки под руководством Полного Самца, который замещал Омниарха, досконально переоборудовали и приспособили к человеческим условиям жизни старый звездолет Вильмута. Новейший вид привода — гравиторы — были отрегулированы так тщательно, что можно было поднять корабль на дюйм от бетонного пола огромного ангара, где он, наряду с другими приданными кораблями, был укрыт, а затем опустить его обратно без малейшего толчка и без какого-либо следа инерции. Такая тонкость регулировки имела большое значение во время боя, в каждое мгновение которого могла возникнуть необходимость мгновенного торможения или молниеносного изменения направления полета. Поля нейтрализации должны были с одинаковой силой действовать попеременно с приводом как на каждый элемент корабля, так и на пассажиров. В противном случае корабль и члены его экипажа были бы разорваны чрезмерно большими силами инерции.

Удивительно, в который раз подумал Джон, как много рас (по крайней мере гуманоидных) открыли гравитонную тягу, а потом и нуль-пространство гиперсферы, почти на одном уровне технологического развития. Так как будто было запрограммировано в развитии каждой цивилизации.

4

Гохданцы были гуманоидной расой. Джону всегда казалось, что они были тем, чем могли бы стать люди, будь у них достаточно времени на то, чтобы лучше узнать Вселенную, занять большее число секторов в космосе и приобрести уважение и хорошие манеры. Последнее не в смысле поведения и умения держать вилку, а в смысле определенной, довольно циничной акцентации и империалистических захватов, войн, интриг и злодейств.

Вез До Ган был типичным представителем своей расы. Он имел рост около шести футов, широкие плечи и весьма массивное тело. В кажущейся мягкости и невыпуклости мышц скрывалась их настоящая сила. Пальцы (по пять на каждой руке, как и у «хомо сапиенс») были довольно непривычны для человеческого глаза. Они были сплющены, имели лопатообразный вид и грубые широкие ногти. Джон понятия не имел, почему именно пальцы имели такой вид.

Большая часть лица и тела гохданцев была покрыта волосами. Это были удивительные волосы: короткие, нежные волоски, торчащие во все стороны и напоминающие от этого пух. У разных владельцев они были разного цвета. У Вез До Гана пух был серым с голубым отливом.

Лица годханцев, как и лица всех гуманоидов космоса, сначала шокировали людей, но постепенно человек привыкал. В профиль носы гохданцев были треугольной формы, торчащие, как выдвинутое вперед знамя или руль. Ноздри (отверстия расположены очень близко друг к другу) могли мгновенно закрыться в случае надобности. Щеки были шире, уши более удлиненны, чем у людей, а глаза меньше и глубже посажены.

Вез До Ган имел довольно оригинальный смех. Характерным был так же способ, каким он морщил брови. Бросив острый взгляд в сторону Джона, он развел в стороны руки:

— Не принимая ничего во внимание, командор,— воскликнул он на главном диалекте Гохд,— я рад, что снова увидел тебя и что ты снова в форме. Несколько лет я искал тебя и с горечью узнал, что ты живешь на Дронгалии. Тогда на десять дней в знак траура я поднял на своем флагмане связку черной травы.

Джон пожал плечами.

— Да, я был наркоманом и уже не надеялся, что когда-нибудь попаду в космос. Но теперь с этим покончено.

Говоря это, он страстно желал, чтобы эти слова были правдивы.

Вез До Ган сжал и раскрыл ладонь — этот жест означал подтверждение или одобрение. Одновременно он направил взгляд своих маленьких темных глаз на экран детектора массы.

— Похоже, что еще два ваших корабля вышли из гиперпространства.

— Да,— кивнул Браузен,— Я приказал им прибыть сюда. Они немного опоздали, так как должны были по дороге подобрать нескольких наших людей. Я предупредил, чтобы они выходили на бе-

зопасном расстоянии от вашего рейдера, так как в противном случае вы могли бы легко принять их за шпионов или агрессоров. Они ведь очень сильно смахивают на обычные вооруженные разведывательные корабли Вильмута. Разве что, Омниарх установил на них несколько пусковых установок...

— Хорошо! По правде говоря я хотел бы видеть на них побольше лучеметов и несколько другой вид брони. Вам ведь придется работать под боком имперцев. А они довольно хорошо знают уязвимые места своих кораблей. Но, в конце концов, это не так уж и важно сейчас. Кстати, тебе известны подробности дела?

Джон сделал жест отрицания: закрыв правую ладонь левой:

— Хелки сказали мне очень мало. На тот случай, если бы мы попали в лапы к Вильмуту.

— Если бы я был на его месте,— Вез хитро усмехнулся,— и имел дело не с тобой, с моим старым товарищем по оружию, а с кем-нибудь неизвестным и притом в первый раз, то, пожалуй, я прибегнул бы к еще более действенным мерам предосторожности. Например, пристроил бы в ваших кораблях некие взрывчатые устройства, на случай вашего пленения. Но хелки чокнутые в пункте порядочности, что в значительной мере и является причиной их порабощения Вильмутом. Но сейчас...— Вез До Ган обернулся к экрану, на котором развертывалась звездная картина этого сектора Галактики.— Перейдем к делу. На расстоянии от нас около семисот световых лет вдоль спирального рукава Галактики расположена империя Бизх. Это означает, что она находится почти в тысяче световых лет от Вильмута...

Гохданец снова бросил взгляд на детектор массы. Такой вояка, как Вез, отметил про себя Браузен, всегда старается видеть и знать, что делается вблизи его корабля.

— Если ты не знаешь,— продолжал Вез До Ган,— бизхи являются существами не гуманоидного типа с десятью лучеобразными конечностями. Их восприятие материи для нас несущественно, хотя некоторые обычаи... Достаточно знать, что эти... обряды на наш взгляд довольно... отвратительны. В ближайшем будущем бизхи не смогут составить угрозы для Гохдана, однако, с недавнего времени они непрерывно участвуют в набегах на северные территории двух наших союзников. Это гуманоиды, но, думаю, бизхи не берут это в расчет. Каждый раз, когда осуществляется акция, мы предоставляем союзникам свою помощь. Поскольку они являются в определенном смысле преградой между нами и Бизх.

Джон внимательным взглядом исследовал чужое лицо гохданца.

— Это похоже на сведение счетов,— покачал он головой.— Но почему тогда работа, которую мы должны сделать для вас связана с Вильмутом? Причем здесь Бизх?

Вез До Ган по-своему улыбнулся.

— Не торопись, землянин. Со временем ты все узнаешь. Думаю, что Омниарх здорово махал своими пальцами, когда не хотел раскрывать свои секреты. Для достижения своих целей, он уже

не первый раз прибегает к интригам между государствами. Это была его идея впутать сюда Вильмут...— улыбка гохданца приобрела черты легкой насмешки.— Поэтому мы и займем бизхов чем-нибудь интересным, по крайней мере, на какое-то время.

Джон посмотрел на свои ладони. У него возникло такое чувство, будто его руки скованы наручниками, а ключи от них положили в карман Омниарху. Но сейчас он не имел никакого желания высказывать Везу всех своих договоров с хитрым хелки. Он только произнес:

— Хорошо. Я проработаю все данные, которые ты мне представишь. А теперь... Осталось еще договориться об условиях оплаты. Я оставляю себе все корабли и оружие, которое будет захвачено в боях.

— Конечно, дружище.

— И вот еще что. День за днем, час за часом мы приближаемся к неотвратному концу. До сего времени мы были разбросаны по всей вселенной и, как ты сам знаешь, многие из нас совсем опустили руки. Мне это знакомо. Наша раса скоро исчезнет. Я думаю, что пока мы все же еще существуем, то должны держаться вместе, помогая друг другу и сохраняя чувство собственного достоинства и национальной гордости. И тогда, может быть, мы сумеем оставить после себя нечто большее, чем одинокие безымянные могилы. Может быть мы создадим какое-то настоящее дело, воздвигнем себе памятники или напишем книгу, сложим песню... Мы хотели бы получить какую-нибудь одинокую планету, на которой могли бы коротать старость. Но она непременно должна находиться в секторе, удобном для нас.

Вез смотрел на Джона много больше, чем это требовалось, потом усмехнулся:

— Хорошо. Хотя, признаюсь, мне странно слышать такую просьбу из уст самого смелого и твердого солдата вселенной. Итак, я обещаю, что выберу для вас какую-нибудь необитаемую планету, соответствующую условиям жизни вашей расы где-нибудь в моем секторе.

— Это все?

— Да, это все...

— Хорошо. Мы еще увидимся перед вылетом. Доставим вам снаряды и источники энергии. Кроме того вы должны получить еще четыре вильмутских разведывательных корабля. Они были немного повреждены в бою, но специалисты отремонтировали и испытали их. А вот теперь все. До встречи.

— До встречи, Вез.

5

Джон внимательно следил за недовольным лицом Барта.

— Их оказалось гораздо меньше, чем мы предполагали,— произнес Ланге.— Из двухсот семидесяти трех человек, которые должны

были прибыть, в наличии пока что всего двести пятнадцать. Если посмотреть на список с подтвержденными ответами, то мы можем рассчитывать еще на сорок человек.

— И это все? — удивленно поднял брови Джон.— Кстати, я не хотел говорить об этом во всеуслышание, так как не уверен, как бы это не повлияло на моральное состояние наших людей... Дело в том, что незадолго до нашей с тобой встречи я наткнулся на одной планете на группу людей.

— Они, что живут там, Барт? — Джон выпрямился и посмотрел на своего заместителя.

— Да, они живут на планете Десса.

— И чего же ты молчал?

— Они живут там во главе с Гумбертом Доалем.

Джон положил руки на стол и с силой прижал их, чтобы они не дрожали.

— Думаю, что надо оставить их в покое,— медленно произнес он.— Гумберт весьма честно высказался обо всем, когда последний раз мы слышали эти сплетни о женщинах. Считаю, что он не очень-то поможет нам своим злобным карканьем.

— Согласен с тобой, Джон. Но ведь не все там, на Дессе его поддерживают. Фред Колтер, Ральф Сайерс и некоторые другие были с нами, когда мы в последний раз работали на Годх.

— Тааак... А ты пробовал им сообщить?

— Нет еще. Десса лежит довольно далеко отсюда, и я подумал что тебя нужно было предварительно поставить в известность.

Браузен задумчиво покивал головой.

— Это действительно довольно далеко от Вильмута, но имперцы все же время от времени летают туда. Ты думаешь, что нам надо лететь?

— Думаю, что Колтеру, Сайерсу и другим, которые не сильно привязаны к Гумберту, нужно дать шанс. Но сначала нужно немного подождать, подготовить наших людей и вылететь на Дессу всей группой. Мне кажется, что это произвело бы на дессян нужное впечатление.— Он на мгновение замолчал, но тут же добавил: — Джон, как ты думаешь, Гумберт был педерастом?

Браузен бросил быстрый взгляд на Барта.

— Нет! — решительно произнес он.— Наверняка нет! По крайней мере, не был им тогда, когда мы учились в Академии.

— А я все же думаю, что был,— покачал головой Барт.— В конце концов, он поэт...

Джон проглотил слюну. Он страстно мечтал о глотке крепкого виски.

— Нет, этого не было,— ответил он.— К тому же в его стихах даже нет намека на это. Те из нас, которые его знали, никогда не находили в его писании чего-то немужского.

Джон замолчал. Недоразумение с Гумбертом очень сильно засело в его памяти и он никак не мог отбросить эти воспоминания. К тому же, в этом он отдавал себе отчет, большая часть его «Я» склонна

была согласиться с той позицией, которую занял Гумберт Доаль.

— Значит, Барт, если нам не удастся это дело, я имею ввиду с женщинами, и «гомо-сапиенс» прекратит свое существование, то хоть имя Гумберта и его «Эпитафии» будут жить среди гуманоидных рас.

— Может быть! — в голосе Барта Джон различил нотки раздражения.— Как твой заместитель я предсказываю наихудшую реакцию Доаля на то, что мы будем вербовать его людей.

Джон убрал руки со стола и спрятал их за спину.

— Я решительно против того, чтобы мы забирали эту группу. Но, если ты все же настаиваешь на этом, то лучше всего будет лететь несколькими малыми кораблями. Остальные же оставить в Регионе Непрерывности и соединиться с ним потом. Я думаю, Барт, что мы можем вляпаться в ненужную огласку, если двинемся туда всем отрядом. Не забывай, что как бы отдалена не была Десса, довольно много торговцев садятся на эту планету за выращиваемым там хлопком.

— Ты прав,— кивнул Барт и встал.— Если я не нужен тебе, то я пойду сосну пару часов.

— Да, иди, дружище.

После ухода Ланге Джон уселся в кресло и погрузился в размышление. Он никогда не держал зла на Гумберта. Доаль был с ним, когда они решились побывать на Земле после уничтожения. А это зрелище, видит бог, могло изменить мышление любого.

Маломощный, невооруженный корабль выскочил из гиперпространства на расстоянии, позволяющем связаться с планетой. Джон обождал немного, пока еще один корабль, управляемый Луисом Домиано, не появился в нескольких милях от него и только после этого подал сигнал: «Здесь невооруженный корабль четвертого эксплуатационного класса типа «Консул Блуф». Капитан корабля Джон Браузен. Прошу на связь Гумберта Доаля».

С минуту он слушал шум космической пустоты, какие-то обрывки слов, мешанину фраз. Затем из динамика донеслось:

— Джон? Командор Браузен? Здесь Фред Колтер. Как поживаешь, старый лис?

— Фред?! Алло! Все в порядке. А как у тебя?

— Тоже все о'кей! Кто это с тобой?

— Дон Букстил. А также Минеелс. На твоих экранах должен быть виден также Луис Домиано и Джим Камерон. Мы заскочили к вам по дороге. Где там Доаль? Если его нет, то кто сможет дать нам разрешение на посадку?

После некоторого молчания из динамика донесся ответ:

— Гумберта здесь нет, командор, но вы можете садиться.

— Спасибо, Фред. Ваш поселок значительно вырос с моего последнего посещения вашей планеты. Я вижу несколько новых домов возле леса. А там на полях, должно быть, дессанкий хлопок, не

так ли? Да? За полями вижу какие-то строения между деревьями и небольшую поляну. Там можно садиться?

— Да,— захохотал Колтер.— Это именно то, что надо. Наш космопорт, новый! А те строения, которые вы видите, просто склады, в которых мы храним свой урожай. Поэтому приземляйтесь осторожнее и постарайтесь не попасть на их крыши.

— Хорошо. Мы пойдем на антигравах.

Восемь человек собрались вокруг прибывших. Колтер, раскрасневшийся от радости, представлял их:

— Это Вальтер Байн, командор. Вы помните его? А это Карл Мюнтц и Джой Икида...

Джон пожимал руки подошедшим и бормотал слова приветствия. Но, однако, особой радости не чувствовалось, и все присутствующие ощутили легкую озабоченность, особенно при очередном упоминании Гумберта. Колтер, наконец, не выдержал и прямо сказал:

— К черту! Нельзя это откладывать на потом. Гумберт сейчас без сознания. Он принял слишком большую дозу наркотиков.

На мгновение стало тихо. Джон вынужден был собрать всю свою волю, чтобы заставить свое лицо остаться спокойным.

— Как он?

— Не знаю. По крайней мере, физически, в полном порядке. Но последнее время он был все время чем-то угнетен. Думаю, что это даже не влияние наркотиков, а...

— Все наркотики так или иначе вредят.— Джон с трудом удержался, чтобы не спрятать руки в карманы. Проклятье, подумал он со злостью, ведь все пятна давно уже исчезли!

— Что он употреблял? — громко спросил он.

— Дрон.

В раздраженном состоянии Гумберт Доаль умел ранить фразами и словами гораздо сильнее самого острого кинжала. Однако он мог быть и самым милым и симпатичным товарищем. Вот и сейчас он был как раз в своем втором, приятном воплощении.

— Я на самом деле не понимаю этого, Джон. Ведь нужно гордиться тем, что употребляешь дрон.

Джон почувствовал на лице слабый румянец, хотя сумел вовремя погасить свой гнев, непроизвольную реакцию на такие слова. В конце концов, его сейчас больше беспокоило желание время от времени бросать взгляды на пару изящных зверушек, лежавших прижавшись друг к другу в дальнем углу комнаты.

Доаль выглядел неплохо. Он чудовищно располнел, и ничто не напоминало о его прежней стройности. Его бедра, когда он в простой пижаме упал на покрытую пуховиками кровать, были раза в два толще ноги взрослого Омниарха Хелки... Брюхо напоминало небольшой аэростат. Кожа у него была чистая, глаза — такие же невин-

но-голубые, как и восемь лет назад. Белки глаз не были налиты кровью, зрение нормальное, и веки не опухли. Результат действия дрона, по крайней мере, в начальный период, человеческий организм мог легко нейтрализовать.

Слабое движение в углу комнаты снова приковало внимание Джона. Одно из лежащих там существ осмелилось встать и издало мягкий, тихий звук, похожий на мяуканье. Бронзовые, горящие глаза посмотрели на Джона, полные жуткого страха.

Гумберт усмехнулся и спокойно сказал.

— Иди сюда, моя дорогая. Он,— при этом Доаль кивнул на Джона,— не сделает тебе ничего плохого.

Существо поколебалось пару мгновений, после чего быстро пробежало по комнате, мощным прыжком взобралось на кровать и, пряча морду на груди Гумберта, что-то заурчало. Минутой позже второе существо, как будто уязвленное внезапным одиночеством, присоединилось к первому.

Джон только сейчас понял, что когда-то видел этих зверушек. Это были полуразумные существа, живущие в лесах Дессы. Он обратил внимание, что они оба женского пола. И в самом деле красивые, с прекрасным, необычайно мягким и пушистым мехом. Их светло-коричневая шерсть имела одну более темную полосу вдоль позвоночника и на голове. Их кожа, просвечивающая на ладонях и ступнях, имена матово-розовый цвет, как у...

Доаль захихикал:

— Ты всегда был слишком святым для солдата, Джон. Да, да, ты прав. Это мои маленькие любовницы и что в этом такого страшного? Кажется мне, что более сильные извращения существовали между людьми, которыми тебе приходилось командовать. Скажи сам, командор Браузен, какое это извращение склонило людей к войнам, в которых участвовали лица только одного пола? Разве не было бы гораздо приятнее, чтобы среди нас было хотя бы несколько мисс в чине сержанта или лейтенанта?

Доаль замолчал, посматривая на Джона своими невинными голубыми глазами.

Через минуту он добавил:

— Тебе не кажется, что это был какой-то идиотский вид придури?! А может быть это *какой-то* мужской вид комплекса неполноценности, из-за которого мы так жестоко оказались наказаны природой?

— Ты, проклятый идиотский сибарит! — Джон уже не справился с охватившем его гневом.— Ты же прекрасно знаешь, что на наших кораблях были женщины. А если уж говорить об этом, то если бы ты не был таким трусом и не искал себе оправданий, то увидел бы, что среди гуманоидов всегда существовал принцип, что война ведется только мужчинами. И это не придурь, а способ охраны женщин, сохранения их и своего рода от вымирания. Например, гохданцы...

— Ах, да! Гохданцы! Я уже давно понял, что даже самые кро-

вожадные из нас, а ведь ты не относишься к таким, полностью насладились всеми мерзостями войны и покинули армию Гохда.

Джон набрал в легкие воздуха, чтобы сказать что-то резкое, но остановил себя. Не было смысла продолжать этот спор.

— Гохданцы,— сказал он спокойно,— не являются чудовищами. И ты об этом прекрасно знаешь, Гумберт. Воюя, они добиваются признания своего рода. От нас они ждут своего рода реабилитации.

— Реабилитации? — захихикал Доаль, нежно поглаживая двух своих любовниц, которые уже перестали обращать внимание на Джона. Ласки разнежили их и они заурчали от удовольствия, время от времени пытаясь лизнуть Доаля в щеку.

— Смотри, Джон. В них нет ничего звериного. Их можно научить понимать человеческую речь и даже говорить. Я считаю, что их разум ближе мне, чем разум обезьяны. И они такие нежные... В противоположность нам. У них нет злости и зависти. Смотри, у них зубы не хищников. И они такие чистые... Такие сладкие, приятно пахнущие и прекрасные...

Начальное возбуждение Джона сменилось отвращением. Однако он сдержал себя в руках и только буркнул:

— Спасибо за пример.— Но... он заколебался, говорить ли Доалю обо всем.— Видишь ли, я прилетел сюда немного по другому делу.

— Догадываюсь,— улыбка Доаля стала слишком сердечной,— или ты считал, что перетряхивая целый сектор Галактики в поисках выживших людей, сплетни не дойдут до моих ушей? Если хочешь честно, то меня удивляет, что ты, Джон, поддавшись на старые сказки, начал собирать людей.

— На этот раз все точно, Гумберт,— Джон покачал головой и тихо произнес: — Я видел доказательства. Они настолько очевидны, что в них нельзя не поверить.

Доаль с комической миной на лице вздохнул.

— Не слишком ли ты быстро стареешь, Джон?

— Не беспокойся о моей старости, подумай лучше о своей. И вообще, подумай над всем этим делом. Если бы ты поверил, что есть какой-то самый минимальный шанс, то разве ты не присоединился бы к нам? Не убедил бы своих товарищей, чтобы они последовали за тобой?

Одно из существ издало тихий жалостный звук. Джон заметил, что пухлая ладонь задумавшегося Джона сильно сжала маленькое тело зверька. Он наклонился к Гумберту и еще раз с нажимом сказал:

— Ну как? Ты бы сделал это?

Толстяк рассмеялся:

— Интересный вопрос, командор. Конечно же, да. Но я должен был быть полностью уверен. Я уже не поддамся на пустые разговоры и не стану гоняться по всей Галактике за призрачными тенями исчезнувших дам. Да, именно, так,— повторил он.— Мне нужны настоящие, неотразимые доводы.

Дон Камерон на коптере полетел на горное озеро, находящееся в ста милях от дома Доаля. Там могли находиться некоторые люди из группы Доаля. Вместе с Доном полетел и Фред Колтер, чей голос сейчас доносился из микрофона:

— Командор! Никогда бы не поверил, если не видел это собственными глазами. Да ведь это почти наша Земля. О, боже! Все почти такое же...

Джон почти не обращал внимания на эти слова. Все его внимание было поглощено наблюдением за Гумбертом Доалем и стоящими рядом с ним четырьмя мужчинами. Доаль рассказывал о чем-то, широко улыбаясь. Внешне он был абсолютно спокоен, однако по тому, как мужчины вслушивались в разговор своего предводителя, Джон понял, что Доаль принял малую дозу дрона, чтобы успокоить свои нервы. К тому же эта улыбка. Она чересчур легко то появлялась, то исчезала на его лице. Мужчины, стоящие рядом с Гумбертом (каждый из них, и это было сделано не без влияния Доаля, высмеял возможность существования живых женщин), были спокойны, но Джон заметил, как тщательно они скрывали охватившее их напряжение. Двое или трое из них украдкой оправляли свои обшарпанные блузы из дессанского льна.

Браузен изредка поглядывал в сторону. Там, в тридцати метрах от него находился корабль. Доаль и его товарищи стояли немного сбоку, зато как раз напротив открытого люка космолета.

Луис Домиано стоял рядом с группой женщин в шестидесяти метрах дальше. Он не был вооружен, но и стоящие рядом с ним, казалось, не имели никакого оружия.

Во внутреннем кармане у Джона лежал игольчатый пистолет.

Застегнутый на молнию мундир был тщательно подогнан по его фигуре, но материал, из которого его пошили, мог сильно растягиваться, так что Джон мог быстро достать оружие.

Это, наверное, глупо,— подумал он, подозревать, что Доаль попытается захватить корабль. Но что же он тогда задумал? И почему они стоят именно так?

Говоря что-то Сеарею, Джон внезапно замолчал. Новая, неясная пока что мысль промелькнула у него в голове. Это было что-то вроде ощущения, которое всегда делало его отличным тактиком. Со слов Луиса Домиано, Камерона, Бунстила и его собственных, Доаль легко мог понять план всего задуманного ими дела. Он мог догадаться, что Гохд намеревается бросить их на Вильмут. Вильмут в свою очередь мог легко догадаться о пребывании людей на Дессе. С точки зрения Доаля следствием этого мог быть ответ Вильмута — быстрый, мстительный налет на Дессу!

Через мгновение Джон уже знал, что ему предпринять, он тихо сказал Сеарею:

— Сохраняй спокойствие и ничему не удивляйся. А сейчас медленно иди в сторону Домиано, но когда я крикну, беги.

Удивленный взгляд Сеареа разозлил Браузена.

— Ты что, ничего не понял? — зашипел он.— Немедленно выполняй. Пули могут начать свой полет каждую секунду.

Сеареу заморгал, потом с ничего не выражающим лицом повернулся и не глядя на Доаля медленно пошел вперед. Едва он отошел на несколько метров (Браузен хотел отослать его как можно дальше, чтоб он не попал под огонь), как Джон сам повернулся и уже было занес ногу для своего первого шага, но в этот момент Доаль резко крикнул:

— Стой спокойно, Браузен!

Джон посмотрел на него, изображая на лице маску удивления. Одновременно он повернулся так, чтобы скрыть от Гумберта действие руки, потянувшейся за пистолетом. При этом он заметил оружие в руке Доаля, искривил лицо в страхе и удивлении. Остальная четверка также потянулась за оружием. Джон внутренне усмехнулся — они стояли в двадцати метрах от него! Доаль был немного одурманен дроном, а его спутники ко всему еще и нервничали — лучших условий для драки он не мог себе и представить. Незаметно его рука нырнула под мундир и ладонь встретила рукоятку пистолета.

Двое из четверки выстрелили, но промахнулись. Доаль что-то замахал руками.

Джон не стрелял, чтобы убить. Он хотел только напугать противников. Но, к несчастью, Доаль в момент выстрела двинулся с места, приготавливаясь к стрельбе. В первый момент Джон не смотрел, куда он попал Гумберту. Его отвлекло поведение четверых мужчин, у каждых из которых было ранение в руку. Они уже валялись на земле, отбросив в сторону оружие. Джон перевел взгляд на Доаля в тот момент, когда тот уже падал. Игла из пистолета Джона прошила предплечье и, пробив грудную клетку, вонзилась в сердце Гумберта. На толстом лице Доаля сохранилось непомерное удивление. Потом его глаза закрылись, руки безвольно обвисли, и тело глухо ударилось о землю.

Джон почувствовал слабость. Он и раньше убивал. Но не так, не с такого близкого расстояния и не людей. Еще никогда ему не приходилось убивать хорошо знакомого человека!

Он медленно подошел к лежащим. Домиано, Сеареу и остальные подбегали с другой стороны.

— Обезопасьте корабль! — приказал он безжизненным голосом.— И немедленно возьмите оружие.

«Консул Блуф» остановился после прыжка на радарном расстоянии от «Луны» и остальных кораблей.

Фред Колтер сидел вместе с Джоном в командной рубке.

— Никогда бы не подумал, что Доаль нападет на нас,— сказал он.

Джон пожал плечами.

— Думаю, что он понял, что лично ему грозит опасность.

— Может быть,— кивнул Колтер.— мы не хотели верить, но с его головой в последнее время творилось, что-то непонятное. После того как он принял в последний раз большую порцию дрона, ему стало казаться, что он находится на Земле. И все из-за того, что он даже на мгновение не мог забыть, что происходит на самом деле. Тогда-то он и написал стихотворение, которое произвело на меня странное впечатление, может быть потому что нам было очень тяжело оценить степень оторванности Доаля от реальности. Он назвал свое стихотворение тоже довольно странно: «Непрошенное стихотворение в тридцать семь лет». Это было его последнее стихотворение. Похоже, что когда он писал его, то даже не знал где находится.

— Надеюсь, что оно сохранилось?

— Да, в моем багаже лежит все, что было написано Доалем. А что касается последнего...

— Что?

— Я не мог бы его забыть, даже если бы и был потерян оригинал текста,— Колтер посмотрел куда-то в бок между экранами и начал декламировать:

«Любовь моя имеет черные волосы и
глаза. Нет!
Пускай также это будет и блондинка.
А может быть и рыжая.
Но наверняка моя любовь очень
красивая.
Мы обязательно будем любить друг
друга.
Но сначала надо засеять овес и
выиграть войну.
Временами мне кажется, что все это
продлится так долго...
Но пока, что я не спешу. Я еще сильный,
хотя и не молодой.
Раскрашенные манекены роятся вокруг
все больше.
Их одервенелые улыбки
все сильнее.
Молодые годы убегают
все быстрее,
О, мой бог...»

Джон долго молчал, потом сказал:

— Я думаю, что у каждого из нас был такой день, когда мы пытались отвергнуть правду и реальность того, что постигло всех нас.

У него самого было несколько таких воспоминаний, которые он пытался навсегда выбросить из головы. Одним из них было воспоминание удивления, написанное на лице умирающего Доаля. Другим — жалкое верещание зверьков, нечаянно стиснутых рукой.

Колтер беспокойно заворочался в кресле, потом нерешительно посмотрел на Джона.

— Командор, есть что-то, что я должен сделать сейчас же.

— Что?

— Я не могу назвать это. Но знаю несколько случаев, когда это спасало некоторых людей от полной потери воли. Это также сильно...— Колтер развязал какую-то тряпочку и...— как привычка к опиуму или морфию. Я не хочу это держать у себя.

Джон ощутил внезапную сухость во рту — на ладони Колтера лежал кусочек стебля дронгалийского растения. Он не должен был смотреть туда, где лежали восемь зернышек величиной с половину зерна гороха. Восемь порций покоя и забытья, восемь райских приятных снов.

Он протянул руку, надеясь, что Колтер не заметит легкого дрожания его пальцев.

— Я...— он старался как можно тише проглотить слюну,— я спрячу это тот час же.

И он спрятал сверток в сейф для ручного оружия рядом с пультом управления кораблем и бросил ключ в карман. Теперь он мечтал о том, чтобы Колтер немедленно куда-нибудь вышел. Где-то на корабле должно быть обязательно немного этанола. Можно смешать его с небольшим количеством воды, подумал он. Хотя это и не уничтожит полностью желания, но хоть уменьшит его.

6

Джон наклонился над пультом управления в рубке «Луны» и сказал в микрофон:

— 30 секунд до выхода!

Его глаза внимательно следили за скачками стрелки корабельного хронометра. 20 секунд, 15...

Ладони покрылись потом, при выходе всегда имелся определенный риск, да еще если группа кораблей плотным строем пробивала дыру в гиперсфере. Небольшая ошибка при составлении программы для навигационного компьютера или неточная стабилизация корабля в результате могли привести к выходу корабля в неизвестную точку нормального пространства. Кроме этого нужно было избегнуть всех опасностей в еще до конца не познанной гиперсфере. Два материальных тела могли присутствовать в одной точке пространства только в течение наносекунды, после чего происходила аннигиляция.

Это было уже четвертое совместное путешествие целого флота. Три предыдущих были успешными, приняв во внимание, конечно, только ближайшую цель...

Его волновала неуверенность, сможет ли он в по-настоящему сложной ситуации, когда решение нужно еще до того, как глаза

успеют прочитать показания приборов и обозреть экраны, оказаться на высоте, как в старые времена? Ведь он понимал, что его мозг работает не так как когда-то...

Сначала им все удавалось благодаря точному расчету и удаче. Во время первой вылазки он не имел потерь. Во втором сражении он потерял четверых и еще четверо лежали в госпитале на Акиэле. В третьем полете он лишился одного из связных с Доном Бунстилом во главе и шестью членами экипажа.

Им удалось захватить два корабля Бизх (класса среднего крейсера), и сейчас они находились на Акиэле, где ремонтировались и перестраивались для использования гуманоидами. Все работы должны были продлиться, по крайней мере, тысячу часов.

4 секунды до выхода...

Короткое резкое рычание сирены!

Джон почувствовал мгновенную дезориентацию, потом звезды проклюнулись на экранах внешнего обзора. Сейчас же начался информационный обмен между всеми корабельными компьютерами флотилии. Все корабли нужно было перестроить в боевой порядок, так как всегда в расчетах были мелкие ошибки, и корабли выходили из гиперсферы в пусть мелком, но все же беспорядке. На этот раз все, кажется, было нормально. Джон посмотрел на экраны, на детекторы массы: чтобы удостовериться в верности маневра.

Снова заревели сирены.

— Батареи готовы! — крикнул он, не сообразив сразу, что он видит перед собой неприятельский отряд. Посмотрел по бокам на двух лейтенантов, которые программировали боеголовки ракет.

Сирены замолчали.

Джон краем уха уловил неясный разговор в общем канале связи: никто не торжествовал и не слал рапортов о неготовности. Одновременно он вглядывался в неясное пятно на экране радара. Там было не меньше дюжины больших кораблей. Каким чудом им удалось так точно попасть между захватчиками и выбранной целью?

Это была его вина. Чересчур логичными были его ошибки. Рыскание в одну сторону, потом в другую — так проходили предшествующие рейды. И потом еще эта попытка атаковать базу Бизх...

Они могут уйти в гиперпространство только через полторы — две минуты. Надо убраться не тратя ни единой ракеты, которые наверняка будут перехвачены Бизх. И хотя Джон очень много труда вложил в подготовку этой атаки, он заставил себя все спокойно обдумать, холодно проанализировать все шансы и возможности. Тем временем флот неприятеля увеличивался в размерах по мере их приближения в базе Бизх.

Если случится нападение, то у людей окажется слишком мало сил для того, чтобы отразить атаку!

— Гиперсфера через 80 секунд,— крикнул он в микрофон.— Первое — прыжок на другую сторону, затем перегруппировка, а затем

готовность к новому прыжку. Торпеды только после первого выхода! Во время второго нанести удар лазерными установками. Затем прыжок и встреча в пункте «Д». Вариант «Дух».

Стрелка хронометра прыгала по циферблату мелкими шажками. Программа была уже введена в компьютеры. Оборудование малых кораблей остановилось до момента, пока не настанет время второго прыжка. Потом, если все будет в порядке, у них появится дьявольски много работы. Браузен ухмыльнулся, стиснув сухие губы, пока стрелка не перескочила последнюю отметку. Если судьба действительно отвернется от них... Некоторые из их торпед могут прорвать оборону врага и попасть в корабли людей, находящихся на противоположном конце...

Гиперсфера! Выход! Время этого короткого промежутка нельзя измерить чувствами человека. Джон пробежал глазами по приборам и экранам — флот Бизх перестал быть размазанным пятном и стал большим скоплением разноцветных огней. На этот раз уже в пределах досягаемости торпед и лазеров. Если бы они рискнули, Джон глубоко вздохнул, то при максимуме энергии они могли бы использовать батареи против врага. Энергии было достаточно! Джон успел насчитать 15 ярких огоньков, обозначающих большие крейсера противников.

Он задержал дыхание. Флот на обычном приводе приближался к планете — цели, а вместе с ними летел и неприятель. Через мгновение враг сделал именно то, что ожидал Джон — Бизх вошли в гиперсферу, чтобы опять оказаться между его флотом и своей базой.

Через секунду они появились снова, но уже вне зоны действия оружия землян. Джон нажал несколько клавишей, давая большее ускорение на гиперпривод, чтобы не позволить врагу оторваться. Конечно, он не собирался крутиться рядом с ними.

— Смотрите! — проговорил он в микрофон.— Благодаря их маневрам мы получили возможность подготовиться к прыжку в гиперсферу за 20 секунд до них. Если мы сейчас исчезнем, то появимся в другом месте и можем выйти прямо на цель. Но если мы появимся среди них, то они могут растеряться и подумать, а нет ли у нас еще одного флота, готового ударить по базе с другой стороны. И пока они будут сомневаться, мы начнем стрелять. Они, конечно, ответят, но время уйдет. Это время даст нам возможность подготовиться к прыжку и их выстрелам мы скажем «пока».

Лейтенанты, сидевшие рядом, засомневались. Джон ждал, стараясь забыть о мучавшем его желании. Сперва на одном из экранов появился короткий блеск, потом все пришло в норму. Это была торпеда Бизх, посланная в сторону «Луны», может быть как проба сил обороны. Как только блеск исчез, исчезла и торпеда — сработало защитное поле. Снова Браузен взглянул на циферблат хронометра — минута! Мощная сила врага могла двинуться сейчас на них на гиперприводе, но оба флота имели одинаковую скорость...

30 секунд до прыжка.

Лица людей были напряжены. Джон искоса посмотрел на них.

И подумал, понимают ли они в этот момент, что их флот можно рассматривать как на выставке. Если до сих пор Бизх не догадались с кем имеют дело, то сейчас уже должны были бы увидеть, что корабли нападавших принадлежат к типу, изготавливаемому вильмутцами. Корпус шире тех, которые строились на верфях других рас, все батареи и лазерные установки помещены на выпуклых бортах, характерный для Вильмута нравипривод...

15 секунд до нуля!

Он чувствовал себя превосходно, если не считать этого омерзительного желания. Да, пока талант и счастье не покидали его! Он позволил своим ладоням повиснуть над пультом и выбрать клавишу с надписью «нуль».

Гиперсфера! Выход!

Секунды прошли, и только потом неприятель среагировал. Сборище огоньков на экране разлетелось, словно произошел внезапный взрыв. В опасной близости от «Луны» пролетел лазерный луч. Джон повернулся и улыбнулся лейтенантам.

Мы не можем тратить энергию на мелкие стычки. Все должно быть готово для прыжка. Смотрите на часы — осталось еще три минуты.

Экраны замигали, когда торпеды достигли неприятельских кораблей. Но были перехвачены полями защиты и уничтожены. Внезапно на экранах разлился ослепительный свет — одна из торпед все же пробила защиту.

— Попали!

Опять серия микроблесков на экранах, когда встречались торпеды людей с противоракетами бизх. Опять экраны заполнил яркий блеск. Защита выключила изображение. Взрывы перемещались все ближе. Джон ощутил на плечах и спине холодный пот, когда понял, насколько опасен такой способ ведения боя. В этот момент корабль сильно тряхнуло. Браузен похолодел в ожидании последствий, неужели попали в них? Нет! Это артиллеристы открыли огонь, отражая атаку неприятеля. Вокруг «Луны» становилось все горячее, а до прыжка оставалось еще минута. И то при условии, что потребление для обороны не будет чересчур большим. Джон фиксировал данные, лихорадочно наблюдая за хронометром.

44 секунды... 41...., он тяжело дышал. Если произошла ошибка в оценке... Он быстро наклонился над микрофоном.

— Артиллеристы!

— Есть, сэр!

— Сколько осталось тяжелых снарядов?

— Девятнадцать, сэр. Но для них нет хороших целей.

— Выбросьте их в направлении той точки, откуда нас наиболее интенсивно обстреливают, и замрите!

Через несколько секунд все снаряды ушли в космос. И с этого момента им осталось только сидеть и сдерживать свой страх в течение того времени, пока стрелка хронометра отсчитывала неизмеримо длинные отрезки времени. Джон не смотрел на экраны, где

корабли противника сосредотачивались для нанесения удара по «Луне». Остальные корабли, поменьше, не были хорошей целью для снарядов противника.

Шесть секунд.

Активизированы все системы перехода. Вся защита корабля отчаянно противостояла мощи наседающего противника.

«Нуль!»

Залитый потом Джон не мог встать с кресла. В этом аду ядерного огня и энергетических лучей не было возможности связаться с остальными кораблями. До самого выхода на встречу в пункт «Д» никто на «Луне» не знал, удастся ли малым кораблям выбраться из этой заварухи.

Джон внезапно, страстно захотел глотнуть хоть полдозы дрона.

7

Лиза Дувал, шестая Старшая (а может быть, подумала она с горечью, уже и пятая старшая) дошла до последних поющих кустов и направилась в сторону лагеря. Босыми подошвами она чувствовала мягкую и влажную шелковистость травы. А в одной руке она держала двадцатидвухдюймовый лук и две стрелы. В другой — подстреленное животное — двухфунтовое создание, похожее на очень толстую ящерицу с красивым и пушистым бронзового цвета мехом.

Одна из молодых девушек увидела ее и крикнула тонким, писклявым голосом подростка:

— Лиза вернулась! Лиза вернулась!

Повариха, женщина почти на год моложе Лизы, лениво вышла из кухонного шалаша, чтобы посмотреть, что за зверя принесла охотница. На ее лице сначала появилось разочарование, но потом она улыбнулась и пожала плечами.

Лиза тяжело дыша остановилась и отдала кринка поварихе.

— Где старшая? — спросила она.

Повариха, заметив, что происходит что-то не так как нужно, мгновение моргала глазами от удивления, потом сдавленно произнесла:

— Думаю, что она там, внизу и помогает собирать кукурузу. А зачем она тебе? Что случилось?

— Похоже, что Руби Вайс погибла,— Лиза обогнула таращившуюся на нее женщину и ринулась вниз, к ручью.

Джейн Феррис, старшая на полтора года Лизы, услышала крик и вышла навстречу бегущей, неся тяжелую сумку, полную желтых зерен величиной с желудь.

— Что случилось, дорогая?

Лиза с трудом восстановила дыхание.

— Я встретила одну из племени пузатых, там, в верховьях ручья. Она сказала, что какая-то женщина с опущенной головой ушла от них прошлой ночью. У нее не было ни лука, ни сумки, ни палки...

Лицо Джейн исказилось.

— Я боялась этого, когда Руби не явилась на завтрак.

Лиза недоуменно вскинула брови.

— Но ведь она и не такая уж старая! Вчера я видела ее три или четыре раза, и она не казалась угнетенной. И она никогда... Никогда не говорила...

Джейн дружески взяла Лизу за локоть, но ее решительный голос отнюдь не был нежен:

— Она могла где-то задержаться, а уже потом приняла решение добраться до дыры.

Лиза ускорила шаги, подлаживаясь под ритм движения Старшей.

— Ты в самом деле думаешь, что она...

— Да, дорогая. Думаю, что старилась намного быстрее, чем большинство из нас. Я ясно видела признаки, но старалась никому об этом не говорить, да и ей не напоминать. Вот нам с тобой...

— Но...— Лиза прервала Старшую, удивленная своей злостью,— мне еще далеко до этого. Еще лет семнадцать или восемнадцать!

— Конечно же, дорогая,— Джейн улыбнулась.— Но когда это все произойдет, то ты должна встретить это с ясной головой. Так как это в общем-то не значит, что женщина стареет. Это только физиологические изменения организма, когда меняется химия твоего тела, что ли... Если ты напряжешь свою волю, то сразу же почувствуешь себя так же, как и раньше.

Они почти бежали между звенящими кустами малинового цвета, листья которого, касаясь друг друга, издавали тихую приятную песнь.

Джейн и Лиза добрались до места, откуда был виден весь лагерь. Женщины и девушки толкли здесь под навесом зерно. Все лица были сосредоточены. Очевидно новость уже облетела весь лагерь.

— Ну все! — резко крикнула Старшая.— Прервитесь! Я запрещаю вести вам себя как сброду истеричных пузатых! Мы должны попытаться вернуть Руби! Вот так! Фреда! Мари! Элиза! Возьмите копья и луки. А также запас кукурузы и сушеного мяса на несколько дней. Нэнси! — Она обратилась к поварихе, которая запыхавшись поднялась на холм.— Ты займешь место Фреды. При малейшей опасности будешь опекать маленьких девушек. Держитесь все вместе и без истерик, слышите?

Несколько женщин кивнули головами. Одна из молодых, восьмилетняя девочка заплакала. Джейн подошла к ней и обняла за худенькие плечики.

— Ну, дорогая, не плачь! Все будет хорошо. Ты будешь послушной, правда ведь?

Ребенок, стараясь сдерживать слезы и не открывая зажмуренных глаз, кивнул головой.

Пузатые были ночными существами, но некоторые из них всегда бегали по принадлежащей племени территории даже днем. Лиза, когда ее поймали вместе с тысячью других женщин и похитили с

Земли, была подростком. Она хорошо запомнила, что пузатые всегда ей казались чем-то вроде больших и развитых бобров, хотя, конечно, это была не земля.

Взрослые пузатые мужского пола весили около 60 фунтов, здесь, где тяготение было почти равно земному. Каждый пузатый имел серый мех и зубы, как у земных грызунов. Разум пузатых почти равнялся человеческому, хотя, конечно, это были разные типы разумов.

Племя жило в норах, вырытых в холме на левом берегу Реки. Вход в каждую нору был прикрыт циновкой из сплетенных лиан, которая защищала от дождя.

Сейчас некоторые из циновок были подняты, и люди заметили морды пузатых, которые молча наблюдали за бегущими вдоль тропинки женщинами. Через мгновение на краю зарослей звенящих кустов они встретили старую пузатую, которая умела немного говорить по-английски. Она робко приблизилась, когда все немного приостановили свой бег.

— Прошу, женщины. Я могу дать вам правду!

Джейн шепнула, что можно минуту отдохнуть, и Лиза с удовольствием повалилась на траву. Рука Джейн и лапка пузатой встретились в церемониальном приветствии.

— Спасибо тебе, добрая соседка,— сказала Джейн.

Пузатая самка свернулась, превращаясь в меховой шар и одновременно приговаривая:

— Мне жаль, высокие соседи, что одна из вас отошла. Мой муж видел ее мало времени перед днем. Он послал двух молодых самцов для помощи, если Большой Зверь покажет свои клыки. Но она сказала, чтобы они шли домой.

— Как долго они шли за ней?

— Полдороги до Великой Стены.

— Вдоль берега Реки?

— Через малую дорогу. Она перешла Реку и выбрала путь к Великой Стене. Мой муж думает, что она шла к Дыре, как ходят другие больные женщины.

Джейн вздохнула и встала.

— Спасибо, добрая соседка. Появился ли Большой Зверь возле Реки?

— Один из нас видел его двенадцать дней назад. Но вы же знаете, что мы не ходим больше, чем на полдороги к Великой Стене.

— Спасибо,— повторила Джейн, и вся группа снова двинулась легким переменным шагом, почти бегом. Они были опытными и выносливыми охотницами. Вскоре отыскался след Руби, они переправились через Реку и повернули к Великой Стене. Никто ничего не говорил, пока они не остановились на привал.

Только тут Мари хмуро буркнула:

— Вот уже семеро наших ушли.

Джейн подняла голову.

— Еще нет, дорогая. Мы обязательно догоним Руби!

Фреда, которая до сих пор молчала, произнесла с истерической ноткой в голосе:

— Разве кто-то когда-то вернулся из Дыры? Четверо ушли туда. Четверо!!! И мы обнаружили только их обглоданные тела. Когда мы, наконец, заткнем эту дьявольскую Дыру?

— Может быть когда-то это нам удастся сделать,— сказала Джейн.— Но зачем же так кричать? Признаюсь, что когда туда пошла Дженни, я думала, что она будет последней.— Она минуту молчала.— А что изменится, если мы заткнем Дыру? Разве не останутся еще дикие районы? Поэтому мы должны придумать что-то другое. Мы должны помочь тем, кто внезапно почувствует себя плохо, мы должны помочь им.— Она посмотрела на Лизу. На единственную среди охотниц, еще способную рожать детей.

Мари пожала плечами:

— Ну и что будет. Мы все равно здесь все поумираем. Почему бы нам всем просто не пройти Дыру или умереть каким-нибудь другим способом? Какой станет жизнь молодых девочек, когда мы одна за другой отойдем в другой мир, и никто уже не будет помнить земное небо или хотя бы то, что земные деревья могли иметь около тридцати футов высоты. И... и то, как выглядел мужчина. А когда останутся самые последние?

Ведь они тоже когда-нибудь постареют. Представьте себе четырех или пять старух, пытающихся найти еду и защитить себя от чудовищ, ползущих через Дыру. Представьте себе последнюю. Абсолютно одна!

Джейн резко перебила ее:

— Думаю, что мы сейчас должны поужинать. Еда всегда поднимала твое настроение, Мари.

Когда они уселись возле костра, Джейн продолжила разговор:

— Видишь ли, Мари, те последние будут иметь полное право самим принимать соответствующие их желаниям решения. Но до этого еще очень много времени. Мы составляем еще довольно сильную группу. И умеем здесь быть счастливыми, не так ли? Ты видела, как сегодня утром девочки играли на берегу? Смеялись и прыгали, как обычные дети на Земле! Разве этот свет не так приятен как свет Солнца? Или еда хуже?

Мари громко рассмеялась, и тут она встретилась взглядом с Лизой.

— Смотрите на эту дурочку! Она еще лелеет надежду, что какое-то чудо сделает ее беременной, что сможет дать кому-то пососать свою твердую пышную грудь! Но когда ты изменишься, когда твоя грудь обвиснет, как моя, тогда-то ты спустишься на землю! Даже если какой-нибудь мужчина...

Элиза и Фреда начали шмыгать носами. Джейн сорвалась с места и ударила Мари по лицу.

— Немедленно заткнись! — крикнула она.

Когда женщины немного успокоились, она твердо сказала:

— Лучше быть полутрупом, чем трупом. А что касается мужчин,

то должна вам заметить, что это были довольно мерзкие создания. А разве то, что называется любовью не было в действительности иллюзией? Несколько мгновений удовольствия, а потом долгие часы бессильной злости из-за предательского поведения какого-то идиота. Думаю, что пока мы живем, мы должны хранить гордость. Пузатые и так уже думают, что мы являемся бандой чокнутых идиоток, которые носятся где попало и ругаются при первом же удобном случае. К тому же время от времени кто-то из нас лезет умирать в Дыру, как... как какой-то больной грызун.

Жестом она приказала им встать.

— Пройдем еще две мили, а уж потом сделаем привал.

Лиза лежала на спине, рассматривая противоположную сторону Круга. С ее стороны сейчас было довольно темно, но огненный круг прочно удерживал зверье на почтительном расстоянии от женщин. Через час они продолжат свой бег, неся с собой факелы, чтобы защититься от нападения.

Как мало они знали об этой местности, где им пришлось жить.

Форму и размер этого района легко можно было объять взором. Протяженность его была измерена шагами уже в первый год жизни, несколько Старших женщин сделали это. От стены до стены было не более 37 миль. Стены были ровные и вертикально вздымались вверх. Периметр цилиндра равнялся 85 милям. Источником тепла и света служил Круг, выглядевший снизу как тонкий раскаленный прут. Он вытянут от стены до стены вдоль оси цилиндра. Свет лился поочереди с каждой стороны, изменяясь так, словно Круг вращался вдоль продольной оси с периодом 19 часов. Это давало смену дня и ночи, хотя последняя и не была совсем ночью, так как свет на противоположном краю цилиндра все равно доставал другой край. Времена года изменялись по мере прохождения Круга от конца до конца цилиндра. Некоторые женщины, выросшие на Земле, считали, что тяготение здесь создается вращением всего сегмента. Если это было правдой, то почему горы были сосредоточены вдоль обеих стен, с долинами и миниатюрным «океаном» в центре, в который впадала Река? Без сомнения, думала Лиза, это была искусственная гравитация, хотя никто не мог подтвердить эти догадки.

Облака, если и появлялись, то не поднимались выше мили над ними. И если на одной стороне было ясно, а на другой пасмурно, то скопления облаков казались такими же отдаленными, как и поверхность, над которой их не было. Пасмурные ночи были достаточно темны, но блеск, исходящий с другого конца цилиндра, не делал их абсолютно черными. Сюда их доставили на космических кораблях, которые пилотировали странные существа — хелки, и было похоже, что это место является резервацией. А это позволяло не терять надежду, что хелки, или руководящие ими вильмутцы, могли в любой момент вернуться за ними. Хелки и вильмутцы связыва-

лись в сознании женщин в каком-то неясном ощущении парализующего ужаса и обычно о них не говорилось, особенно в присутствии девочек. Некоторые женщины называли сегмент тюрьмой, но Лиза считала это место относительно приличным и дающим ощущение независимости. Конечно, должна существовать циркуляция воздуха и не та, которая вызывалась сменой дня и ночи. Где-то были отверстия, может быть именно в круге, дающем свет? Должна быть здесь и «сливная дыра» под «океаном», в которую уходила лишняя вода, иначе их давно бы затопило.

Дыра, в которую пошла Руби, появилась случайно. Что-то, может быть и метеорит, ударило и пробило стену в самом высоком месте в горах. Правда, высота эта время от времени менялась, сказывалось влияние эррозии, но какая-то сила неизменно выталкивала горы из земли. Дыра вначале была закрыта породой, но дожди вымыли ее. Следы этого были видны на стенах ущелья, бегущего от Дыры вниз. А когда открылась, дожди начали смывать грунт в соседний сегмент, бывший странным местом, с морозными, длинными днями. В конце концов все отверстие было открыто. Это было небольшое отверстие в металлической стене, около десяти дюймов. Оно было почти правильным овалом с неровными краями, словно металл был пробит навылет, хотя он был очень прочен и не ржавел в воде.

Большие звери стали приходить из этой Дыры. К счастью они не прижились в сегменте, где жили женщины и пузатые, видимо здешняя атмосфера пришлась им не по нутру. Постоянный приток воздуха из Дыры приносил с собой с той стороны жуткие запахи. И звери доходили, видимо, только туда, куда поток воздуха доносил запахи из их мира. Пузатые утверждали, что эта Дыра появилась несколько поколений назад, но это было гораздо раньше, чем женщины оказались здесь. Никто не мог объяснить, откуда появился обычай проходить сквозь Дыру в поисках смерти. Но обычай появился, и теперь Руби была первой жертвой.

Голос Джейн вырвал Лизу из размышлений:

— Время идти, девочки!

Овраг, пробитый в почве, вывел их прямо к предгорьям, в двадцати ярдах от стены, а затем и к Дыре, пробитой в белом металле. В пыли они быстро обнаружили следы Руби. Остановились и заглянули в Дыру. Там, в другом мире царила ночь, но поскольку там никогда не бывало облаков, красноватый полумрак делал возможным путешествие вглубь этого мира. Слабый ветерок, ударивший им в лица, имел резкий, сладкий запах разлагающегося мяса.

Мари подала голос:

— А почему бы нам не взять с собой факелы?

— Потому, что у нас нет третьей руки! — резко ответила Джейн.

Все легко натянули луки и гуськом, друг за другом, пошли

вперед. Тропинка была покрыта почвой, смытой из их мира. Сначала было влажно, но на несколько ярдов ниже воздух чужого мира высосал из грунта излишки влаги. Земля стала сухой и неприятно скользкой. Пройдя приблизительно пятьдесят ярдов, женщины уперлись в перекрученные широколиственные деревья.

На опушке леса Джейн прошептала:

— Похоже, что наши глаза уже привыкли к этому свету.

Лиза посмотрела перед собой. Далекий отблеск был тревожным и делал их лица очень странными. Она инстинктивно проверила лук, стрела лежала как надо, тетива была слегка натянутой. Они продолжали медленно идти вниз. Лиза вдруг страстно захотела обернуться и посмотреть на Дыру, закрытую уже деревьями, но тут, идущая впереди Джейн, резко остановилась. Что-то пошевелилось рядом с ними, и раздался низкий ворчливый звук. С этого момента все произошло так быстро, что позже Лиза уже не могла вспомнить всех подробностей. Дюжина или немного больше чего-то, что отдаленно напоминало земных котов, только умеющих летать, кинулось на них. Эти создания были гораздо меньше Большого Зверя, но превосходили его в ловкости и быстроте. Они летели низко над землей, делая большие прыжки.

Лиза лихорадочно натянула лук, пустила стрелу и отбросила уже ненужное оружие, так как стрела была единственной. В отчаянии она взмахнула копьем, защищаясь от твари, взлетевшей над ее головой. В красном полумраке она заметила четыре растопыренные лапы и надутые по бокам тела воздушные баллоны, плоское тело, острые когти, вытянутые в ее сторону, острая морда и маленькие острые клыки, торчащие из раскрытой пасти, глазки, малюсенькие, как кнопочки. Существо было меньше овчарки, но гораздо подвижнее любой собаки. Женщины отчаянно закричали. Пытаясь увернуться от когтей, Лиза, поскользнувшись в грязи, упала назад и выставила копье перед собой. Она почувствовала, как тело зверя ударилось о копье, едва не выбив оружие из ее рук, и тяжело рухнуло в грязь. Закричала Фреда. С трудом поднявшись, Лиза увидела Джейн, отчаянно сражающуюся с двумя тварями. Она бросилась на помощь и ударила копьем. Зверь заверещал и отскочил в сторону. Она заметила еще одного, приготовившегося прыгнуть сбоку, и едва успела повернуться, чтобы встретить его копьем, оперев конец в землю. Существо с размаху налетело на острие, проколов насквозь грудь. Лиза отбросила копье и прыгнула к Джейн, которая уже лежала на спине, отчаянно отбиваясь от наседавших зверей. Она схватила за загривок первого попавшегося и с силой бросила его в сторону. Ударившись о дерево, зверь заверещал и стал биться в судорогах. Лиза схватила еще одного, вцепившегося Джейн в плечо, но тварь вывернулась и убежала. Фреда плакала, лежа лицом вниз. Но Мари еще дралась, добивая зверя, крутившегося вокруг нее. Два мертвых существа валялись рядом, не считая того, который был наколот на копье Лизы. Элиза стояла, держа копье наготове. Выглядела она ошеломленной.

Внезапная атака бестий была отбита. Женщины собрались вокруг Джейн. Старшая была покрыта глубокими ранами и лежала тихо, глядя широко открытыми глазами вверх. Она тяжело дышала. Лиза заметила кровь, стекающую с левого бедра Джейн и, оторвав от своей блузки кусок материи, хотела перевязать его. Однако Джейн слабо покачала головой и тихо прошептала:

— Нет, Лиза. Не надо. Позволь мне просто спокойно полежать. Мой живот... он разорван...

Мари залилась слезами.

— Джейн.

Старшая осторожно покачала головой и прикрыла глаза от боли. Через секунду она открыла их, но уже было заметно, что она уже ничего не видит.

— Лиза,— прошептала она.

— Да, дорогая, я здесь.

— Лиза. Ты станешь Старшей.

В первый момент Лиза не поняла, но потом крикнула:

— Нет, Джейн! Ты... Ты еще поправишься! Да... Но ведь Мари старше меня.

Джейн тихо вздохнула и снова закрыла глаза.

— Нет, Лиза. Только ты сможешь вести за собой людей. Я хочу... чтобы... вы все... три...

Это были ее последние слова.

Четыре женщины долго молчали, стараясь не смотреть друг на друга, с трудом сдерживая слезы.

— Но я не...— прошептала Лиза,— я не достаточно взрослая.

Мари обняла ее за плечи.

— Это так, Лиза, ты именно такая, какая нужна нам всем. Джейн права. Ты действительно самая младшая из нас, но мы здесь не совсем в порядке. Ну, успокойся. Так и должно быть. Мы поможем тебе... Все тебе поможем!

С этой минуты никакие слезы не могли бы изменить решение Мари, Фреды и Элизы.

Все четверо были легко ранены во время схватки, но раны были быстро перевязаны. Женщины копьями вырыли могилу для Джейн и осторожно положили тело Старшей в эту чужую землю. Дальше по тропинке они отыскали груду камней, которые перетаскали на могилу, сделав что-то вроде надгробия.

Невдалеке от кучи камней они обнаружили тело Руби, покрытое копошившимися телами каких-то существ. Фреда и Элиза едва не лишились чувств от этого кошмарного зрелища. Мари выглядела так, словно ее поразил гром. Лиза с трудом заставила успокоиться свой желудок.

Они разогнали зверей и похоронили то, что осталось от их подруги, рядом с могилой Джейн. Сделав два креста, они воткнули их в землю, прошептали молитвы, которые показались им подходящими для этого случая, и только после этого двинулись назад домой.

8

Джон хмуро посмотрел в микрофон, потом протянул руку, нажимая кнопку на пульте связи.

— Центральная! — донеслось из динамика.

— Домиано,— сказал Джон.— Дай мне радиосвязь со всеми кораблями на такой волне, чтобы было слышно только нашим кораблям, так, чтобы эта волна не могла распространяться дальше. Неизвестно, кто может находиться в этом районе космоса. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, командор. Но на это потребуется время, поскольку мы должны определить координаты всех кораблей. Вы даете нам полчаса?

— Да.— Джон вздохнул.— Мы не можем рисковать, используя радар, но если все же ты будешь определять координаты, проверь номер четыре. Если там остался кто-нибудь живой, то должен дать ответный сигнал.

— Мы уже пробовали, сэр. Я только что хотел доложить вам об этом. От него ничего, ни малейшего намека на жизнь.

— Таак,— нервно протянул Браузен. Потом вскочил с кресла и стремительно вышел из рубки. Он направился в технический отдел, чтобы всю операцию координировать с помощью специальных смонтированных там экранов.

Потом он сделал короткую прогулку по кораблю. Поговорил с артиллеристами (у них не было проблем, если не считать, что кончились снаряды всех калибров) и зашел на склад, где ему объяснили, что с питанием экипажа тоже нет проблем, если только они доберутся до Акиэля или еще куда-нибудь через триста часов. Затем он вернулся в рубку и вышел на связь с флотом.

— Здесь Браузен. Боюсь, что придется считать четвертый экипаж мертвым. Они вышли из гиперсферы, но до сих пор ни с кем не связались. Мы попытаемся приблизиться к ним, и если уровень радиоактивности будет в норме, то перейдем к ним на борт. На детекторах у некоторых из вас могли появиться объекты или группы объектов в направлении 28/31 на расстоянии 1/3 миллиона миль. Мы также наблюдаем их следы на своих экранах. Вероятнее всего это заблудившаяся комета или метеоритный рой, но мы все же не можем рисковать. Вы должны все сгруппироваться вокруг «Луны». Это приказ!

Десятью часами позже оставшиеся в живых из экипажа четвертого номера находились уже в госпитальном отсеке флагманского корабля, а ремонтные бригады с «Луны» занимались поврежденным кораблем. Отверстие было небольшое и появилось в результате того, что какой-то осколок на огромной скорости пробил насквозь борта корабля, натворив при этом немало бед. Правда следов радиоактивности, теплового или взрывного действия не было. Просто кусочек стали, имевший один шанс из тысячи, получил этот шанс, в результате чего погибло восемь мужчин.

Далекий объект, который обнаружил Джон, оказался обычным для данного района Галактики куском скалы, но это не улучшило настроения командора. Ведь восемь человек погибло! А Вез До Ган требует, чтобы люди совершили еще несколько атак на Бизх.

Чувство вины и сомнения терзали его. Он был так уверен и горд собой, когда план операции был выработан. А может быть в действительности это было преступной небрежностью?

Он встал с койки, на которой провел почти час, бессмысленно разглядывая металлические стены, и пошел к столу. Его взгляд безвольно метнулся к закрытому сейфу.

— Нет! — буркнул он, стиснув зубы и проглотив слюну, которая не могла утолить жгучего желания. Почему после возвращения с «Консула Блуфа» он закрыл ту коробку с дроном именно здесь, а не отнес ее в госпиталь «Луны» и не отдал врачу?

Джон оперся о край стола, у него закружилась голова.

— К дьяволу! — *почти выкрикнул он.* — Я не мог предугадать этот кусок металла! Не мог.

А как прекрасно он чувствовал себя перед началом операции. Хотя, если быть честным, каждый кретин чувствует себя на седьмом небе перед тем, как натворить ошибок.

А это сражение с Бизхом? Какой эффект? Двадцать человек погибших в четырех неудачно проведенных операциях! *Это был не* только устрашающе большой процент от всех живущих ныне людей. Прежде всего это были люди, которых он знал. Товарищи по оружию. Уж было бы лучше, если бы Барт Ланге оставил его на Дронгалии.

Джон ударил кулаком по стальной переборке и с трудом проглотил слюну. А потом, дрожа и проклиная себя, повернулся и медленно, шаг за шагом, пошел к сейфу.

Джон лениво заворочался в койке. Что это за звук? Словно сквозь туман, *обволакивающий его мозг, он пытался* припомнить, что же надо было сделать? Что? Так... Это интеркон... Он повернул голову к динамику

— В чем дело?

— Сэр! Докладывает вахтенный дежурный. Необходимые для жизни экипажей припасы на всех кораблях закончились.

— Так...

Молчание. Потом голос дежурного удивленно спросил:

— Сэр, мы скоро улетим отсюда?

— Улетим? — Джон почти засмеялся. Конечно они могут улететь прямо сейчас. Но ведь для этого нужно, чтобы у него возникло такое желание. Ведь это он командует флотом, разве не так? Он опять захихикал, а потом широко зевнул.

— Нет. Я не думаю, что мы скоро покинем это место. Нам некуда спешить. Скажи всем, чтобы отдыхали, хорошо?

Тишина. Потом раздался недоверчивый голос дежурного:

— Да... сэр. А разве...

Джон повернулся на другой бок, вытянулся поудобнее и снова погрузился в дремоту. Он чувствовал себя прекрасно. Где-то там, глубоко внутри, его что-то тревожило, угнетало какое-то особое чувство, связанное с принятым решением, которое может стоить жизни всем его людям. Это плохо, но ведь каждый должен умереть рано или поздно, не так ли? И не все ли равно, как умереть? В бою, быстро и без мучений, принять героическую смерть или так вот, в сладкой грезе. Похоже, что так было бы даже лучше. Ему было хорошо! Почему он так упорно отказывался от порции дрона в течение этих долгих часов и дней? Он был очень и очень не мудрый...

— Джон! Эй, Джон! Проснись!

Джон перевернулся на спину, с трудом разлепив отяжелевшие веки и уставился отсутствующим взглядом на кого-то, кто тормошил его за плечо.

— О, это ты, Барт! — Наконец он смог узнать человека.— Как он сюда попал?

Барт смотрел на него стиснув зубы.

— Значит так, Джон. Эх! Сколько же ты принял и как давно?

Браузен сел, потянулся зевая и ухмыльнулся:

— Я должен принять душ, а потом что-нибудь съесть. Ты спрашиваешь, сколько я принял? Одну дозу. Маленькую, маленькую...— Он попытался показать это дрожащими пальцами.— Как зернышко гороха. Если где-то еще растет наш горох,— он захихикал.— Перестань пялиться на меня, дружище. Я чувствую себя отлично. Не веришь, спроси таблицу умножения или логарифм трех. А может тебе лучше перечислить наших людей? Давай: Аэрон, Андэрс, Бейкер, Бунстил...— Он замолчал.— Да, Бунстила мы потеряли...

Ланге прошептал сквозь зубы:

— К дьяволу Бунстила и всех остальных! В последний раз мы дали флоту Бизх прикурить. Мы выполнили все или, по крайней мере, большую часть обязательств перед Гохдом. Сейчас мы самостоятельная боевая единица! Нас еще около двух сотен и у нас есть свои дела, Джон! А может быть ты собираешься стать свиньей и вернуться к своему говнячему занятию?

Джон поморщился.

— Ты не понимаешь, что такое дрон, Барт,— вздохнул он.— Но хватит об этом. Я думаю, что время двигаться на встречу с Везом. Барт, ты возвращаешься на свой корабль? А может быть ты останешься на «Луне» и поможешь мне сейчас? Надо было бы отдать нужные приказы...

Ланге подхватил его за руки и, сорвав с койки, заревел:

— Приди в себя, Джон! Кто здесь командир? Ты! И особенно сейчас, после нашего последнего сражения. Люди смотрят на тебя, как на божество. Ты не можешь позволить, чтобы все увидели в тебе слюнтяя, этакое бесхребетное животное...

Джон опять вздохнул.

— Скажу тебе честно, Барт. Я не хочу быть даже частью бога... Но ты, конечно, прав.

Он наклонился за мундиром, который валялся, небрежно брошенный на полу.

— Уходи в гиперсферу, как только окажешься на палубе своего корабля.

— Да, есть, конечно, большой риск, что Бизх узнает о направлении нашего следующего удара.— Вез До Ган направил свои ладони вниз, *что означало крайнюю степень раздражения.*— Нельзя забывать то, что они кое-что смыслят в военных действиях и военном искусстве. Поверьте, что мне очень жаль, что вы потеряли столько людей. Приняв во внимание твои способности в ведении боя, которые еще раз были продемонстрированы тобой, это была просто неудача. Скажу честно, мы больше не просим тебя, Джон Браузен, о возобновлении атак на Бизх в этом районе. Думаю, что было бы лучше всего нанести удар по их базам где-нибудь в другом месте. Об этом стоит подумать. А пока должен сказать тебе, что твоя неудача оборачивается для нас полной победой. Ты таки здорово потрепал этих червей.— Вез потер волосатую щеку.— Главная цель, заключающаяся не в уничтожении баз Бизх, а в провоцировании недоразумений между Вильмутом и Бизх, насколько нам кажется, выполнена. А если еще ты удачно выполнишь удары по их дальним базам...

— Кампания, проводимая так далеко,— буркнул Джон,— будет требовать предварительного исследования района...

— Согласен. Нужно, конечно, немного осмотреться. Думаю, что мы могли бы организовать нашу базу где-то возле границ империи Вильмут. Выбор места и времени нашего появления в указанном районе мы решим позднее.

— Мы должны получить от вас полную амуницию, энергию и продовольствие. Как насчет обеспечения всем этим? Думаю, что продукты можно погрузить на Акиэле.

— Конечно. Но это потребует несколько сот часов. Такое резкое увеличение суматохи и появление большого количества транспортов может вызвать повышенный интерес разведки. Но это пока наш предварительный разговор. Будем думать. Пока что скажу, что два корабля Бизх уже отремонтированы на Акиэле.

Мысли быстро пробегали в голове Джона. Как бы сейчас пригодился корабль Клип, обещанный Омниархом. Кроме потенциальной пользы, которую он мог бы принести в бою, он мог бы служить базой еще лучше, чем любая планета. Он мог принять на борт всех людей сразу. Но говорить Везу пока ничего нельзя.

Он очнулся.

— Знаешь, что, Вез? Мы с тобой могли бы очень просто решить проблему перевалочной базы. Согласны, что наше пребывание на Акиэле становится все более опасным. Во время нашей последней встречи мы говорили о какой-то планете в вашей части Галак-

тики, которую мы могли бы занять. А что если ее использовать для нашей базы?

Внимательный взгляд Вез До Гана сконцентрировался на долгую минуту.

— Отличная мысль, командор. А, что! Когда бы ты хотел осмотреть ее?

— Через несколько гохданских дней, если это подойдет. Мы должны подремонтировать корабли и поднять моральный дух экипажей. Может быть мы сможем дать тебе сигнал, как только будем готовы?

— Хорошо, Джон, до встречи.

— До встречи, Вез До Ган!

По возвращении на Акиэль Джон поспешно отыскал Полного Самца Хелки.

— Я должен сказать пару слов Омниарху. Быстро. Дело не терпит отлагательства. Скажи, где я мог бы встретиться с ним?

Хелки внимательно посмотрел на человека. Его лицо не выражало никаких чувств, голова была поднята на уровень лица Джона, все четыре ноги мощно упирались в землю.

— Должен сказать тебе, человек, что местонахождение моего предка мне не известно. Но твои слова будут немедленно переданы ему, хотя я не знаю, как много времени потребуется, чтобы он их услышал. Но известие я передам немедленно!

9

Бульвенорг, Заместитель Первого Главного Маршала Обороны Великой Империи Вильмут, сидел, слушая болтовню наспех собранных людей. Большинство из присутствующих здесь помощников были его непосредственными подчиненными, и он обычно позволял им немного повольничать. Он слушал так, как мог бы слушать обеспокоенный, но сохраняющий высшее спокойствие кот, развалившийся в кресле с полузакрытыми глазами. Его уши время от времени подрагивали, когда до слуха долетело какое-то важное слово из всей этой болтовни. Бульвенорг не был котом. Без сомнения он принадлежал к гуманоидной расе, о чем свидетельствовали его сильные и ловкие руки с четырьмя толстыми пальцами на каждой. Если его ноги были более толстыми и мощными, чем, например, у гохданца, то это только говорило о том, что вильмутцы развивались в более тяжелых природных условиях. Бульвенорг мог носить человеческую обувь (соответствующей ширины), кроме того пальцы его ступней были более подвижные и ловкие, чем пальцы человека. Его лицо весьма отдаленно напоминало лицо человека — плоскости щек были удалены друг от друга на высоту ушей и соединялись внизу так, что его большой нос, близко посаженные глаза, выступающий вперед подбородок и выступающие зубы занимали очень мало места. Его зубы были более плотоядными, чем

человеческие, но не до такой степени, чтобы вильмутцы не могли есть растительную пищу.

В человеческом восприятии Бульвенорг был коренастым — он имел немного более шести футов при весе в триста фунтов. Трудно было сказать, или он был толстым, или так сложен от рождения. Во всяком случае, никто во всей Галактике так и не мог понять, каким образом эти тяжелые на вид существа могли в мгновение ока становиться гибкими и ловкими, словно начисто лишенные костей. Но ведь и немногие знали, что земные коты (когда они еще существовали) умели в одну секунду сменить свою ленивую позу в решительность, готовой к деятельности стальной пружины. И именно этим Бульвенорг напоминал кота. Его остроконечные зубы вот уже несколько мгновений дрожали все сильней. Он поднял руку и пригладил коротко постриженные, вьющиеся волосы, растущие на крутом лбу (эта покатость лба была уравновешена выпуклостью темени его черепа). Медленный румянец затемнил его смуглую кожу. Бульвенорг не был злым, но сейчас начинал злиться. Эта болтовня перестала давать уже хоть какую-то полезную информацию.

Он выпрямился в кресле. Офицер, руководивший собранием, тотчас же застучал по столу чем-то, что походило на карандаш, но в действительности было многозарядным лазером, который мог легко сжечь небольшой город. Стук призвал присутствующих к порядку.

Бульвенорг поморщился и произнес:

— Мне стало ясно,— сказал он резким голосом,— что большинство из вас стараются скрыть свою озабоченность тем,— он прервался, давая собравшимся возможность недовольно побормотать,— что только что сообщил нам Гражданский Делегат о нападении наших боевых кораблей на пограничные базы империи Бизх. И это по причинам, которые ни один здравомыслящий индивидум не в состоянии понять и объяснить. Наш Директор придает этому делу большое значение: хотя в целом он не заслуживает этого. В свою очередь наш Шеф Внешнеимперского Отдела красноречиво отметил те трудности, с которыми встречается наша разведка при работе в чужих мирах, расположенных на расстоянии многих сотен световых лет от самых отдаленных наших границ, мирах, с которыми мы даже не поддерживаем дипломатических отношений. В конце нашего собрания вам будет предоставлена возможность ознакомиться с докладом моего адъютанта, который в общих чертах обрисует вам наши шаги, предпринятые против возможных массовых ответных атак со стороны Бизх.— Он снова прервался на мгновение, ища взглядом недовольных. Конечно, он мог сломить всякое противодействие без особого труда, но желая закончить собрание безо всякого раздражения, он опять продолжил:

— Меня поразило то, что никто из присутствующих даже на мгновение не смог допустить, что эти таинственные нападения (конечно, мы не можем и даже не должны отрицать, что наша организация в своей работе испытывает большие трудности) были

запланированы кем-то для того, чтобы посеять враждебность между нами и Бизх.

Раздались удивленные голоса.

— Такая возможность,— продолжал Бульвенорг,— естественно была с самого начала очевидна. Я не вспоминал о ней, надеясь, что кто-нибудь придет к этой идее сам и тем самым выскажет какие-нибудь ценные мысли. Сейчас я предлагаю, чтобы каждый из вас подумал в этом аспекте над сложившейся ситуацией и приготовился к дискуссии, которая должна состояться в следующую нашу встречу.

Гражданский делегат, старый советник, которому Бульвенорг с взаимностью платил сдержанным уважением, кашлянул. Бульвенорг посмотрел на него.

— Интересная мысль,— медленно произнес делегат.— Интересно, кого вы имели в виду, говоря о неустановленных провокаторах? Чужие или все же допускаете возможность, что это кто-то из нас?

Бульвенорг улыбнулся:

— Не судите об этой последней возможности по моим словам. Однако, поскольку моей работой является оборона Империи и ее союзников, я сделаю все, чтобы увериться в этом, что это не рука кого-нибудь из нас. Согласно нашей информации, силы нападающих были невелики. Думаю, что именно чужаки и являются теми провокаторами. Благодарю,— он поклонился делегату,— за то, что вы почтили меня своим присутствием.

Делегат откланялся.

— Я ваш союзник, маршал. Помните, что Директор очень не желал бы войны с Бизх, а что вы думаете об этих мерзавцах? Вы знаете, кто они?

Бульвенорг сделал обиженный вид.

— Именно это,— буркнул он,— потребует от нас огромного напряжения, так как до сих пор мы не располагали более точной информацией. Хотя, если быть до конца правдивым, мне в голову приходили кое-какие мысли о некоторых расах, которые могли бы извлечь из этого кое-какую пользу.

Делегат хрипло рассмеялся. Бульвенорг встал, давая понять, что собрание закончилось. Прощаясь с подчиненными, он каждому раздавал вежливые улыбки. Он никогда не имел ничего против такого панибратства. Но иногда, как сейчас, ему что-то мешало в принятии решения, это очень хорошо помогало скрыть охватившее его раздражение. Когда он покинул кабинет, Бульвенорг коснулся выключателя микрофона и произнес:

— Адмирал Густен, я хотел бы поговорить с вами.

Бульвенорг достал бутылку из шкафчика и не теряя времени на церемонии, разлил напиток в два бокала. Один для Густена, другой для себя. Это был обычный напиток с вкусовыми и ароматическими добавками, придающими ему кисловатый вкус и запах.

— Итак, сэр, что вы можете сказать мне о том, кто доставил вам эти неприятности?

Жест Густена ответил на этот вопрос отрицательно.

— Я полностью сбит с толку, маршал. Не имею понятия, кто бы это мог захватить столько наших кораблей, да еще крейсер с тоннажем в четыреста тысяч тонн. Мы не теряли такого на протяжении пяти поколений.

Бульвенорг пожал плечами и сделал глоток из бокала.

— Это полная загадка. Можно было бы подумать, что кто-то построил корабли по нашим проектам. Хотя, это весьма длительная работа. Однако, располагая данными разведки, можно утверждать, что мы имеем дело именно с нашими кораблями. Я подозреваю, что нас ждет долгое ковыряние в архивах в поисках данных о кораблях, которые мы потеряли ранее. В свою очередь,— он внимательно посмотрел на собеседника,— вам не приходит в голову мысль об одной расе, представители которой похищали корабль за кораблем, а потом использовали их против нас?

Густен наморщил лоб.

— Конечно. Продолжительность жизни наших загадочных и часто удивляющих невольников хелки мгновенно пришла мне на ум. Я в свое время даже исследовал их. Два подавленных восстания хелки, а потом на протяжении последующих ста лет мертвая зона, и даже корабли не похищались.

Бульвенорг усмехнулся, но взгляд его остался внимательным.

— Да,— кивнул он.— Но вы, адмирал, забываете о кораблях, пропавших без вести.

— Хелки-техники не смогут захватить корабль! — решительно запротестовал Густен.

— Техники нет. Но ведь до сих пор нам не удалось разгадать загадку гормонов хелки. Откуда может быть уверенность, где содержащийся где-то в целях воспроизводства Полный Самец хелки не воспроизводил личности, выглядевшие как все обычные, но с инстинктом воинов?

— Вы думаете, сэр? — Густен походил на очень обеспокоенного, почти запуганного человека,— что это возможно?

Бульвенорг допил свой напиток и нетерпеливо взмахнул рукой, в которой держал бокал.

— Это просто одна из возможностей, пришедшая мне в голову. Ведь корабли могли быть собранными разными окружными путями. Наши враги, адмирал, если смотреть на это дело реально, легко могли собрать такое количество кораблей. Но тут существует другое. Самое главное установить: кто составляет экипажи кораблей? Наверняка члены экипажа не являются обитателями ни одной из империй, с которыми мы время от времени торгуем. Сущест-

вует риск, что кто-нибудь попадет в плен или тела убитых будут опознаны. Вам не приходит в голову мысль, что это могла сделать определенная группа фанатически смелых гуманоидов, ненавидящих нас всеми своими потрохами? — Он наблюдал за реакцией собеседника. — А если добавить сюда и то, с каким блеском они проводили свои операции с превосходящими силами противника...

— Вы имеете в виду землян?... И их ком... (какое глупое определение ранга) командора Джона Браузена? Их осталось немного, да и распылены они по всей Галактике. Только этот толстый поэт Доаль постоянно живет на Дессе. Что касается Браузена, думаю, что он давно уже умер на Дронгалии.

Бульвенорг оскалил крупные зубы.

— Действительно, Браузен уже давно живет на Дронгалии. Согласно нашим данным он стал наркоманом. Если говорить об остальных, то по нашим подсчетам осталось не более трех сотен. Но разве триста человек — это мало? Я всегда сомневался, что решение оставить в живых этих недобитых остатков землян в качестве примера для других бунтовщиков или агрессоров было верным. А насчет Браузена мы должны как можно скорее убедиться, что он на самом деле мертв.

Густен медленно выцедил остатки напитка и осторожно поставил на стол бокал.

— Я понял вас, господин Бульвенорг. Но зачем все это? Почему такие сомнения?

— Сомнения? И вы хотите знать почему, Густен? Ведь многие из этих землян долгие годы были на службе у Гохда. А теперь вспомните, что Бизх последнее время заглядывались на лакомые кусочки пространства, лежащие между их империей и Гохд. Гохд не очень хочет и не может ввязываться в открытую войну, которая грозит стать затяжной. С их точки зрения оптимальным решением является возможность переубеждения Бизх, что это не они, а собственно мы не заинтересованы в этой экспансии.

Густен медленно кивнул.

— Мы обязаны этим заинтересоваться. Если Бизх овладеет всей свободной территорией вдоль рукава спирали и в конце концов дойдет до Гохда, то дальнейшая их экспансия пройдет уже через Пустой Регион. Таким образом, мы должны иметь в этом деле какой-то интерес. Однако это дело далекого будущего. Ко всему прочему у нас нет никаких доказательств. Домыслы и все. А это недостаточно, чтобы начать хотя бы планировать карательные экспедиции против Гохда.

Бульвенорг снова наполнил бокалы.

— Да, это невозможно. Они довольно сильны. Даже если мы сможем выиграть тотальную войну с Гохд, Бизх после этого стала бы самой сильной империей в этом секторе Галактики.

Он сделал большой глоток.

— Конечно, мы все же запланируем некоторые контрмеры. Но пока что, мы должны удостовериться в том, что мои допущения

верны. А посему, необходимо как можно скорее предпринять рейс на Дессу. Хотя тот толстяк-поэт и его прихлебатели и отрицают всякие мысли о войне, мы должны убедиться, что это так. Кроме того, надлежит выслать корабль на Дронгалию для проверки Браузена. Если он мертв, хорошо. Далее, необходимо усилить разведку одинаково как в Бизх, так и в Гохде...

Он на мгновение задумался.

— А может быть...— буркнул он,— мы должны добавить к этому и еще что-то. У меня такое ощущение, что стоит также выслать небольшой отряд вдоль рукава спирали, чтобы еще раз присмотреться к этой планете, откуда происходили люди. К Земле.

Густен часто заморгал.

— Неужели вы думаете, что там смог кто-то выжить?

— Нет. Но там остались машины и материалы. При быстрой работе в скафандрах некоторые из этих людей могли бы найти там довольно ценное оборудование.

Он наклонился к Густену.

— Пока что прошу вас подобрать экипажи. Мне предоставить рапорт с точным указанием рангов и всех необходимых проверок для отбора. Это должны быть решительные люди и, что немаловажно, умеющие молчать! Вы понимаете меня, адмирал? Я чувствую, что важность этого дела может перешагнуть границы ответственности!

10

Невооруженный гохданский разведчик приблизился к зеленой планете. Джон и Барт сидели перед огромным экраном и внимательно вглядывались в изображение. Джон наклонился подстраивая камеру так, чтобы получить максимальное изображение горной цепи, лежащей в нескольких десятках миль внизу.

— Я не вижу никакой разницы,— воскликнул он через мгновение, увидев деревья, растущие по склонам гор.— Это ведь наши сосны, а, Барт!

— Я все же хочу рассмотреть их немного поближе,— рассмеялся Ланге.— Только тогда я может быть утешусь. Ты уже определил место приземления?

— Нет. Но думаю, вон то место подойдет.— Браузен ткнул пальцем в угол экрана.— Возле озера будет самый раз. Смотри! Озеро окружено узким кольцом лугов. Да. Там сядем. Что скажешь? Мы сможем назвать эту планету своим домом?

Барт посмотрел на командора. Оба они очень внимательно следили за своей речью. Вез До Ган, без сомнения, мог установить в этом помещении подслушивающую аппаратуру.

Джон усмехнулся. Он был возбужден, и Вех мог это понять, если только аппаратура подслушивания работала. Однако, откуда он мог знать, что мир, лежащий перед кораблем, не был единственной причиной возбуждения людей. Джон торопился на услов-

ленную встречу с Омниархом. Сейчас самое главное было встретиться с Хелки.

Из интеркома раздался свист, и пробился голос Вез До Гана:

— Приземление через десять долей, что в переводе на ваше время — 21 минута. Вы выбрали место посадки?

Джон и Барт вернулись в свои каюты. Было договорено, что они подождут на этой планете «Луну», которая должна привезти оборудование и припасы с Акиэля. Конечно, не потому, что эта планета была бесплодна. Здесь необходимо сначала было построить электростанцию, а до тех пор ввозить все продовольствие и товары извне.

Джон не был уверен, прилетит ли Омниарх сам на «Луне» или пришлет кого-нибудь с известием о месте и времени встречи. Он очень сомневался, что старый плут рисковал появиться здесь. Но в конце концов это не имело значения, так как события развивались пока успешно.

В каютах Барта и Джона раздался звонок, и на экранах видео появилось лицо Веза:

— Встретимся возле шлюза номер два сразу после посадки.

— Хорошо, Вез, принято.

Солнце пригревало здесь почти так же, как и на Земле. Деревья, окружающие луг, не были похожи на сосны, они имели сморщенные округлые листья и приятно пахли. Но не смотря на это пульс Джона участился. Трава здесь на первый взгляд была такая же, как и на Земле, она доставала до щиколоток и пахла как обыкновенная трава.

Пролетающие птицы могли сойти за соек, если бы вместо пурпурного оперения имели голубое, так больно памятное по Земле. Экологическая ниша белок была заполнена небольшими созданиями, удивительно похожих на маленьких, безволосых мексиканских собачек. Но кричали они так, как не смог бы сделать ни один земной пес. Люди заметили какое-то существо, похожее на енота, которое вышло из леса и направилось к озеру. Заметив людей, оно остановилось и удивленно посмотрело на них, потом повернулось и побежало обратно, смешно при этом подпрыгивая. Джон сравнил того зверя с енотом именно по способу, каким он передвигался. Он имел длинное рыло, короткий хвост и серый мех с одним большим белым пятном на шее.

В нескольких ярдах за людьми появились вооруженные гохданцы. Вез подошел к Джону и улыбнулся:

— Ну как, приятель. Вам нравится здесь?

Джон сглотнул и едва выдавил из себя:

— Это... идеальное место, Вез. Словно мы на Земле, где-нибудь в Северной Америке поздней весной.

— Я рад за вас. Я приказал своим экологам подробнее проштудировать описание Земли и на основании этого сделать выбор

планеты. Меня уверили, хотя исследования были здесь весьма поверхностные, что в отношении местной фауны необходимы только минимальные меры предосторожности. Вы уверены, что палатки вам хватит? Мы могли бы установить вам что-нибудь посолиднее.

— Палатки хватит,— ответил Джон.— Она выглядит очень... очень невинно.

Вез открытой ладонью выразил свое согласие.

— Насколько мне стало известно,— начал он,— в двух милях вниз по течению ручья есть равнина, где можно будет построить поселок и смонтировать необходимое оборудование для нормальной жизнедеятельности. Да, еще! Подумайте так же над тем, что, когда вы раздобудете нужное количество кораблей, вам необходимо будет решать проблемы маскировки. Если говорить о временном посадочном поле, то лучше всего иметь на нем три звездолета одновременно. И вот еще что. Грунт там не настолько твердый, чтобы выдержать старт корабля на обычных двигателях, поэтому я вам советую применять сразу гравитационный ускоритель.

Они подошли к груде оборудования, которое занимало добрые двести ярдов луга. Над большим штабелем из ящиков и пакетов была натянута уже маскировочная сетка, которая (как уверял Вез) была окрашена таким образом, что цветом не отличалась от окружающих деревьев вне зависимости от типа освещения — видимого, инфракрасного или ультрафиолетового.

Что за сила скрывалась под этой сеткой! Кровь ударила Джону в голову при мысли о длинных металлических сигарах, мчащихся сквозь пустоту в погоне за отчаянно лавирующими неприятельскими зведолетами.

Огромная «Луна» мягко села на равнину, не касаясь травы, поддерживаемая гравитационными двигателями (подушками). Колтер вывалился из люка первым. Джон встретил его, протянув руку.

— Привезли пассажира?

— Нет, только информацию.

— Где и когда?

— Около двенадцати световых лет отсюда, между двумя двойными звездами. Тамощняя гравитация отлично маскирует от всяких масс-детекторов. Время,— Колтер посмотрел на свой хронометр,— позже на одиннадцать часов со времени нашей посадки.

— Это дает нам время для пополнения припасов «Луны».

— Мы должны сначала полететь на Акиэль, а оттуда направиться на место встречи, лучше на каком-нибудь небольшом корабле. «Луна» очень бросается в глаза. Полный Самец на Акиэле высказал мысль, что Вез До Ган может что-нибудь заподозрить.

— Хелки, видимо, прав,— вздохнул Джон.— Что ж, это означает только еще два дополнительных часа. Были еще какие-нибудь сообщения?

— Да. Мы должны в свою очередь оставить здесь кого-нибудь, кто будет охранять все это. Мы будем присылать корабли за вооружением и припасами. Ну ладно, давай разгружаться. Я думаю, что нам будет достаточно сложить припасы вон там, под деревьями.

11

С беспокойством, которое Джон старался не выказывать, он наблюдал за Омниархом, который программировал компьютер для гиперпрыжка. Они должны были попасть на нужную планету без всяких корректирующих прыжков, точно и без отклонений. Такое путешествие, если ко всему прочему не было точных данных, называли гиперсферической рулеткой. Но Омниарх, без сомнения, знал, что делать.

На корабельном детекторе массы были видны две светлые точки — это была пара двойных звезд. Сейчас они были в месте их секретной встречи.

Большой Хелки повернул голову и посмотрел на Джона.

— Десять секунд, командор.

Браузен постарался расслабиться.

Гиперсфера!

Около полутора минут объективного времени — это было порядочно. Корабль, выныривающий из гиперсферы, мог наскочить на кусок скалы. Джон с трудом проглотил слюну, мечтая о ничтожной порции дрона или, по крайней мере, о стакане виски. Он сжимал и разжимал вспотевшие ладони. Указатель хронометра наконец-то высветил необходимую отметку. Джон скрючился в кресле, охваченный страхом и сомнениями.

Выход!

Они остались живы. И находились на орбите планеты, которая могла быть Марсом, если бы имела немного больше видимых кратеров. Атмосфера с давлением не более десяти фунтов на квадратный дюйм, немного кислорода... Солнце системы было бледным. Это был белый карлик, который в свое время сжег жизнь на планете в момент максимального увеличения излучения.

Сейчас планета была безжизненной, хотя каким-то чудом на ней сохранились два моря.

Они тайком прокрались в этот район, контролируемый Гохдом, и возбуждение, которое испытывал Джон при мысле о корабле Клип, не уменьшало этого прискорбного факта. Ему не нравилась эта затея, проводимая за спиной Вез До Гана. Но как бы там ни было, они были на месте...

Большая волосатая ладонь Омниарха быстро пробежала по пульту.

Корабль замедлил полет и снизился. Они задержались над краем округлого плоскогорья, и Омниарх снова обратился к Джону:

— Сейчас мы должны кое-что предпринять, прежде, чем приступить к самому главному. Джон Браузен, я намерен ударить небольшой силы лучем из орудий и измельчить грунт в этом месте. Потом,— он указал на экран,— сдуть его выхлопами.

Джон пожал плечами.

— Ты здесь командуешь. Когда будем начинать?

— Прямо сейчас. Прямо под нами, не менее чем в двадцати футах под поверхностью находится металлический предмет диаметром два фута и высотой один фут. Его положение можно зафиксировать с помощью магнитометра.

— Хорошо,— буркнул Джон.— Что это? Часть корабля Клип?

— Нет, Джон Браузен. Это не часть корабля. Это прибор, при помощи которого мы найдем звездолет. Для каждого, кто нашел бы его, не зная хотя бы немного технологию Клип, эта безделушка оставалась бы полной загадкой. Ну что же, идем на посадку и за работу!

Созданный загадочной цивилизацией прибор был похож на большой металлический гриб со шляпкой, без каких-либо следов обработки на поверхности. Он казался монолитной глыбой металла, но у людей создалось впечатление, что внутри он полый. Разве, что Клип создали *сверхлегкий металл*.

Открывался прибор своеобразным способом. Омниарх принес из корабельного склада длинный кабель с магнитным сердечником и начал свивать из него спираль. Спираль получилась тройной, и в середину ее он установил прибор.

— Сейчас,— обратился он к Джону,— нам потребуется постоянный пульсирующий ток, частоту которого необходимо менять в пределах от пятисот до тысячи мегациклов... На корабле есть генератор с такими параметрами?

Джон посмотрел на Омниарха и заявил:

— Наверное, к тому же можно было бы отключить питание от батарей.

Омниарх улыбнулся.

— Ты не считаешь, что монтаж и доставка сюда специального оборудования может оказаться очень некстати? И...— он на мгновение прервался, легко переступив всеми своими четырьмя ногами,— прошу извинить меня, если я выгляжу несколько возбужденным. Я видел только фильм о корабле, находящемся здесь. А вы ведь знаете, насколько важным элементом в наших планах является этот корабль.

Джон удивленно посмотрел на Хелки.

— Ты хочешь сказать, что никогда не имел дела с этим контрольным прибором?

— Я пользовался им. Собственно, это я спрятал его здесь, но сам корабль... Нам всем суждено увидеть его впервые!

Ток пробежал по спирали сложной формы. Омниарх стоял над

прибором, широко расставив ноги со склоненной на бок головой, чтобы было удобно вести наблюдение.

Загадочное творение разума Клип задрожало и подпрыгнуло на несколько сантиметров вверх. Его внешняя оболочка треснула и мгновенно превратилась в порошок. Омниарх, дрожащими от нетерпения пальцами, раздвинул спирали и вытащил прибор. Джон увидел панельку, заполненную циферблатами и указателями. Надписи представляли собой какой-то набор непонятных закорючек. Он знал, что никто и никогда в Галактике не смог до сих пор расшифровать язык Клип. Ладони большого Хелки дрожали еще сильнее, когда он положил, согнув медленно сначала одну, потом вторую ногу, свое тело на землю рядом с прибором. Он долго вглядывался в показатели и циферблаты прибора, затем глубоко втянув воздух, произнес:

— Если я хорошо понял тот фильм и все, что мне удалось расшифровать в этих надписях, если технология Клип соответствует действительности, то можно сказать, что звездолет выйдет из-под земли в неполной миле отсюда. Лучше всего это будет переждать в нашем корабле.

Активность этой планеты уже давно исчерпалась, но силы, которые будут применены для выявления корабля, могут быть огромными и небезопасными.

Кровь прилила к вискам Джона. Он поспешно двинулся вслед за Омниархом к своему кораблю.

Они взлетели на несколько тысяч футов, и Джон увидел, как Хелки включил прибор.

Ничего не произошло. Джон задрожал от напряжения, злости и разочарования. Но потом... Он едва успел подавить в себе желание бросить корабль в космос с ускорением в сотню «же». Поверхность планеты рыжеватая и пустая, внезапно лопнула как яйцо в горячей воде, из трещины повалила пыль и полетела порода. Трещина стала расти, выброс грунта поднялся на невероятную высоту, и планета как бы вздрогнула, рожая гигантский звездолет, вылезавший из гигантской трещины. До их слуха донесся грохот и рев возбужденной планеты. То, что выходило из ее недр, выходило с очень больших глубин. Медленно стряхивая с себя миллионы тонн породы, корабль Клип рождался заново.

Долгое время Джон был парализован собственным недоверием к тому, что он видел на экране внешнего обзора, думая при этом, что разум его помрачился. Звездолет чужой цивилизации имел, по крайней мере, четыре тысячи футов длиной и шестьсот — семьсот футов в диаметре. Он имел цилиндрическую форму с закругленными концами и параболическими выпуклостями с торцов. Больше никаких подробностей разглядеть было нельзя. Через несколько секунд Джон сумел различить вокруг корабля какую-то цепь, состоящую из звеньев круглых колец. Но что самое удивительное, эти кольца не соприкасались друг с другом. Эта цепь состояла из нескольких рядов звеньев. Таких рядов было восемнадцать, причем

каждый состоял из сорока или пятидесяти кругов. Скорее всего это были шлюзовые люки, которые были сделаны из более темного металла и от того контрастирующего с матово-серебристым корпусом корабля. Сотни люков!!! И через каждый из них мог пройти такой корабль, в котором сидел сейчас Джон. Нос гиганта, казалось, почти достигал их корабля...

Когда первые секунды ошеломления прошли, Джон обратился к Омниарху:

— Ты не мог бы...

Но Хелки уже вращал ручку прибора. Джон посмотрел на экран: нереальный, невероятно большой корабль стоял напротив их, висевшего над поверхностью планеты кораблика, и один из люков громадины был открыт.

Хелки улыбнулся полными губами, но глаза его были наполнены бешеным возбуждением. Голос слегка дрожал:

— Взойди на борт своего нового корабля, командор Джон Браузен!

... Осторожно изучая все переключатели, кнопки и приборы, люди нашли систему коммуникации внутри корабля. Благодаря этому со всех палуб и помещений можно было связаться с залом Центрального Управления корабля Клип.

Необычайно многое происходило при нажатии кнопок или при манипулировании переключателями на главном пульте или во вспомогательных помещениях, размещенных в разных концах корабля. Массивные сооружения в оружейных отсеках корабля вращались совершенно бесшумно и о силе их оружия можно было только догадываться. Множество разноцветных огоньков мигали в рубке и каютах, гудели сигнальные сирены, а нажатие одной кнопки на энергопункте привело к тому, что многоэтажные колонны энергонакопителей начали неистово гудеть от накопленной в них энергии в миллионы киловатт.

Сначала Джон и Омниарх даже и не пытались активировать все эти механизмы. Единственное, что они сделали, так это включили освещение всех палуб, коридоров и кают. Но потом оказалось, что корабль был снабжен специальной системой безопасности: так что любой тупица, оказавшийся на борту, не смог бы причинить вреда его нормальному функционированию. Люди научились распознавать некоторые надписи на приборах и под переключателями настолько, насколько это позволяли сделать познания Омниарха в языке Клип.

— Смотри,— сказал Джон, показывая на предупреждающий знак.— Дьявольское совпадение. В моем мире красный свет применялся для обозначения опасности. Так же это обозначение принято и в Гохде, и в Вильмуте. А сейчас видно, что и Клип тоже применяли его.

— Это не случайное совпадение, Джон Браузен,— Омниарх

улыбнулся.— Мой народ тоже применяет этот цвет для аналогичных целей. А поскольку мы все имеем красную кровь, разве применение этого символа не очевидно.

Джон посмотрел на Хелки, и его щеки покраснели.

— Ты прав. У нас были бы проблемы, если бы мы нашли что-то созданное существами с зеленой кровью, не так ли?

— Скажу,— важно ответил Омниарх,— что мы бы быстро научились работать и с этим!

В ходе изучения корабля оказалось, что Клип уже давно применяли все технологии, которые сейчас считались у разумных рас Галактики суперновыми. К тому же здесь были вдобавок еще и такие, которые вообще ни людям, ни хелки не были знакомы. Например, возле главного пульта управления находился еще один пульт, поменьше, который был усеян пружинками из какого-то пластика или керамики. Они были очень упругими, и сколько Джон ни давил на них, он не смог сдвинуть их витки ни на йоту. Кроме этого, здесь же на пульте было несколько указателей с циферблатами, а также большое количество переключателей и игольчатых рукояток. Омниарх, выходя из зала, остановился в двери и загадочным тоном сообщил Джону;

— Можешь немного поэкспериментировать с этим. Это не опасно.

И вышел. Удивленный Джон посмотрел ему вслед, а потом вернулся к этому странному пульту.

Он был шесть футов в высоту и девять футов в ширину и отстоял от главного пульта на десять дюймов. Пространство за пультом было закрыто кожухом. Очевидно, как отметил Джон, там могли находиться какие-то приводные механизмы.

Джон выбрал переключатель ниже самого большого диска, имеющего около трех футов в диаметре, перекинул его в конечное положение и... тут же отскочил назад, когда из диска вытек шар такого же размера. Джон осторожно приблизился, свет свободно проходил через шар, темный диск исчез, и из пульта торчала только половина шара. Значит другая половина должна была находиться за пультом, но где, если там свободного пространства было едва пару дюймов? Джон протянул руку и дотронулся до поверхности шара. И ничего не почувствовал. Его пальцы прошли сквозь это, что напоминало на вид стекло. Он отнял руку, на шаре не осталось ни малейшего следа. Тогда он повернул переключатель в первоначальное положение. Шар тут же исчез и опять на пульте возник черный диск. Включил — диск вновь сменился шаром. Он несколько мгновений в него вглядывался, потом подошел к детектору массы. Так и есть! Шар на экране с точечками огоньков, обозначавших положение двойных звезд и точками положения «Луны» и других кораблей эскадры. Очень осторожно он протянул руку и дотронулся до поверхности шара. Шар был таким, как и должен был быть — полым и холодным. Тогда он возвратился к пульту с пружинками. Ни один из оставшихся переключателей и кнопок не привели к какому-либо изменению на пульте и внутри иллюзионного шара.

Глядя на надписи, Джон нахмурил лоб, размышляя об увиденном. Он распознал только одну комбинацию знаков, занимающих целый ряд на краю пульта. Это слово означало «гиперсфера». Именно так объяснял такую комбинацию значков Омниарх. Видимо это был какой-то специальный вид детектора массы, который действовал только при работе компьютера корабля в режиме полета в гиперсфере. Или же это мог быть прибор, контролирующий положение других кораблей в гиперсферном полете. Джон с неохотой выключил его.

Такой же загадкой остались четыре циферблата хронометров над малым пультом вспомогательного компьютера. После включения питания, все четыре хронометра начали отсчет времени, стрелки быстро делали несколько оборотов с разными скоростями и потом останавливались. Трое из них показывали дату и время, которые Джон понимал. Указатели четвертого прибора двигались точно так же, как и стрелки ручных часов Браузена, хотя, конечно, все цифры на циферблате этого прибора были совершенно непонятны.

Главная часть корабля — гигантский механизм длиной в тысячу футов и диаметром двести футов — представляла собой единый монолит. *Внутрь этого механизма совершенно не было доступа.* Создавалось впечатление, что попасть вовнутрь было вообще неосуществимым делом. Даже ультразвуковое и магнитное зондирование не помогли раскрыть его секретов. Он был настолько массивен и так прочно закреплен, что Омниарх и Джон решили, что он был отлит в супергигантской форме, *а потом* весь корабль был построен вокруг него. Может быть его сделали из отдельных частей, а потом собрали в единый монолит из металла, того самого, из которого был сделан и корпус всего звездолета.

Стены этого механизма должны были иметь по крайней мере около двухсот футов толщины и скрывали в себе превращения энергии невиданной мощи. Выходящие наружу шины несли в себе ток, который мог дотла сжечь небольшой поселок.

После всех многочасовых размышлений и исследований Джон начал свой разговор с Омниархом.

— Там должно быть громадное количество топлива! И мы не знаем, как пополнить его запасы, когда они закончатся. Трудно предположить, что Клип сделали корабль для одноразового пользования.

— Ты уже сам сказал,— усмехнулся Омниарх,— что в этом корабле может быть колоссальный запас топлива.

Джон мгновенно посмотрел на Хелки — этот Омниарх все еще продолжал быть для него загадкой.

— А, *кстати*, ты никогда не говорил мне, как тебе удалось раздобыть контрольный прибор для обнаружения корабля. И где ты видел фильм, разъясняющий как им пользоваться? Мне кажется, что там могли быть и другие ориентиры, где искать остальные изделия расы Клип. Думаю, что это может пригодиться нам в бою.

Омниарх, поддакивая, моргнул два раза.

— Ты думаешь, что я не искал, Джон Браузен? Другие предметы могли быть уничтожены в катаклизмах или еще ждут пока их откроют. Пойми, что я не могу, свободно, на виду у всех передвигаться по Галактике, как того бы хотел. Вильмут имеет множество шпионов почти на всех населенных планетах!

Джон промолчал. Но подумал, что он имеет информацию, или путь, ведущий к ней... этот хелки! Место, где Омниарх раздобыл контрольный прибор и осмотрел фильм (один бог знает, как этот фильм выдержал столько столетий), вероятнее всего находится на территории, контролируемой Вильмутом. Слово «место» Омниарх применял только в специфическом значении и всегда, когда хотел не дать кому-либо наметок на него. Так же он говорил и о женщинах, спрятанных в определенном «месте».

После ста часов (последние восемьдесят Барт Ланге также был на борту корабля) Джон был уверен, что сможет справиться со звездолетом без помощи Омниарха (гравипривод и аппаратура, контролирующая гиперпереход, была относительно простой). Определенное количество английских слов, эквивалентных терминологии Клип, было запрограммировано в памяти компьютеров, а остальные можно было ввести потом, дополнительно. В конце концов компьютерам было все равно чем оперировать — арабскими цифрами или непонятными значками двухсотзначной системы Клип. Сначала Джон думал переградуировать все циферблаты приборов, нарисовав на них привычные человеку символы, но через некоторое время он понял, что гораздо легче будет интерпретировать показания такими, какими они являются в оригинале.

Тем временем Омниарх улетел, забрав с собой контрольный прибор-обнаружитель. В общем-то это не понравилось Джону, но он не стал спорить. Большинство его людей уже прибыло. Все разведчики были втянуты на палубы флагмана. Джон занялся изучением вооружения корабля Клип, оставив Ланге заниматься более подробными исследованиями инструментов и механизмов.

Сам факт существования в настоящее время корпуса корабля говорил о большой стойкости металла, из которого он был изготовлен. Странным было то, что крышки люков были изготовлены из стали, которая была намного слабее и более податливая коррозии, нежели металл корпуса и других внутренних конструкций. Конечно же, во время боя это было самым уязвимым местом. Джона удивило, что сталь этих крышек не проржавела. Может быть в своем подземном хранилище она была предохранена от влаги воздуха каким-то химическим способом?

То, что крышки люков были выполнены из менее прочного металла, имело свою пользу. Для размещения ракетных установок и лазеров можно было прорезать в люках необходимые бойницы. Так что, это было даже неплохо.

Джон долго раздумывал над размещением оружия. Конечно,

среди экипажа всегда найдется несколько людей, которые смогут спланировать размещение и подключение оружия. Да, это будет огромный труд!

Позволит ли Омниарх сделать это на Акиэле? Наверное, нет. Все должно быть сделано руками людей в открытом космосе. Ну что ж, работа — это только работа. Осталось решить самый главный вопрос. Где достать необходимое вооружение? Он решил посоветоваться об этом с Ланге.

— У нас была такая возможность. Я имею в виду демонтаж кораблей Бизх. Но теперь это уже невозможно. Гохд мы не можем просить о помощи, так как они не знают об этом корабле и могут вполне резонно поинтересоваться, зачем и где мы собираемся размещать так много оружия. Мы не можем даже купить его, так как на это у нас нет денег.

Барт согласился.

— Мне пришла в голову мысль, что Вильмут никогда не старался посетить Землю после Катастрофы. А ведь очень много их продукции шло туда до последней минуты. Наверняка там кое-что осталось, пригодное для нас. Но с другой стороны сильная радиация. Выйти на поверхность...

Барт резко выпрямился.

— Но может быть за восемь лет уровень ее снизился?

— Конечно, снизился, но все равно думаю, что придется работать в защитных скафандрах, а все демонтированное оборудование тщательно дезактивировать. Дожди, конечно, смыли много этой гадости. К тому же много снаряжения находилось на складах и в убежищах (сам знаешь, как о нем заботились) и не может быть сильно повреждено.— Он внимательно посмотрел на Ланге.— Барт, я рассчитываю на то, что нам удастся собрать сто ракетных установок, пятьдесят лазерных и пятьдесят тяжелых орудий.

Ланге открыл рот.

— Боюсь, что все лазеры могли быть уничтожены!

— Может быть. Но это мы проверим. Когда мы доставим все это в безвоздушное пространство...

— А в чем мы все это заберем? — Барт скептически заулыбался.— Ты сам говорил о сильной радиации.

— Да, ты прав. Но у нас есть этот огромный корабль и мы можем использовать его для этого.— Увидев лицо Ланге, Джон усмехнулся.— Конечно, я не думаю отрезать у него кусок, чтобы не повредить остальное радиацией (у нас даже нечем резать этот металл), но мы можем все стащить в один из больших отсеков и перекрыть его наглухо.

Барт решительно рубанул рукой воздух:

— Отлично! Можно попробовать! И я бьюсь об заклад, что у нас все получится как надо.

— Я намереваюсь,— прервал его Джон,— заставить Омниарха даже путем шантажа, чтобы он сам или его потомки-техники передали нам всю информацию по этому кораблю. И что из того, что ра-

кетная установка будет излучать несколько рентген? Мы будем держаться от нее подальше.

— Конечно, можем,— поддакнул Барт. Его лицо горело решимостью.— Сколько людей мы возьмем?

— Даже больше, чем есть у нас скафандров высшей защиты. У нас будет много работы. Я хочу забрать всех, за исключением экипажа, необходимого для обслуживания нескольких разведчиков и «Луны». Моральный дух несколько упал, и я хотел бы его немного поднять зрелищем планеты-матери. Большинство из них не видело ее после...

Барт подумал и медленно кивнул головой.

— Думаю, что ты прав. Я знаю по себе, что не смог бы пережить это вновь... но... один только бог знает, как я хочу увидеть нашу родную планету спустя восемь лет небытия.

12

Огромный корабль находился в гиперсфере вот уже почти четыре часа. Это было время как раз необходимое для путешествия к Солнцу. Джон беспокойно метался по залу Центрального Управления. Его волновало какое-то странное, нехорошее предчувствие. Логически рассуждая, спустя восемь лет, не было ни одной причины, по которой Империя Вильмут могла осуществлять наблюдение за Солнечной системой. Конечно, можно было проводить скрытые работы в шахтах даже при существующем уровне радиации, но зачем такой мощной империи морочить себе голову такой чепухой! Все, что можно было найти на Земле или на других планетах Солнечной системы, с таким же успехом можно было отыскать на сотнях других планетах Галактики, к тому же совершенно избавленных от радиационного фона. Что же касается Земных складов оружия, то они не должны были интересовать имперцев. Было легче создать новое, чем лететь на Землю и выискивать заброшенные арсеналы. Единственной причиной такого решения Джона было отсутствие возможности раздобыть оружие еще где-либо. Джон был раздражен и тем, что дал повод Вильмуту вспомнить о Земле. Если они будут такими быстрыми, чтобы додуматься до возможности участия землян в атаках на передовые посты Бизх, то они наверняка пойдут по тому же самому пути размышления, что и он сам.

Согласно хронометра осталось менее четверти часа до выхода из гиперсферы в точке пространства на орбите Плутона. Однако выше плоскости эклиптики, чтобы избежать встречи с поясом астероидов. Если вильмутцы все-таки оставили наблюдателей, то вероятнее всего они расположили свою базу в Поясе астероидов. Они всегда будут готовы к нуль-прыжку, тогда как его корабль сможет выполнить такой маневр только через четыре минуты после включения гиперустановки. Вернее почти четыре минуты, так как они с Бартом смогли определить, что корабль Клип подготавливается к прыжку в гипер-

сфере за три минуты двадцать секунд. Это было многовато, особенно, когда речь идет о космическом сражении. У Джона не было никакой уверенности в том, что корпус корабля, пускай даже из такого прочного металла, сможет выдержать ракетный залп тяжелого крейсера.

Джон остановился рядом с шаром масс-детектора. Барт стоял рядом.

— Я хотел бы,— буркнул он,— чтобы это было очень точно отрегулировано. Когда мы выскочим в обычное пространство, то он покажет нам очень много объектов: Солнце, планеты и астероиды. Точность невысокая, вернее слишком высокая, а я хотел бы знать, где нахожусь.

Джон кивнул головой. Все видные точки должны были лежать в плоскости на четыре дюйма ниже центра шара, который, естественно, соответствовал сиюминутному положению корабля в нормальном пространстве. Солнце будет выглядеть, как зелено-голубой огонек, но изображение остальных объектов Системы могло быть смазанным. В общем не очень хорошо, что спустя восемь лет он не мог знать точного положения планет на орбитах. Вдруг у него в голове мелькнула интересная мысль. Он остановился и посмотрел на вспомогательный пульт, туда, где виднелась надпись на языке Клип — «Гиперсфера». Он быстро подошел к нему и решительно переключил переключатель под большим диском. Оптическое изображение сферы появилось мгновенно, но на этот раз оно было покрыто разноцветными блестящими точками.

— Барт! Иди сюда!

Ланге мгновенно подошел и с удивлением поднял брови.

— Что это такое, дьявол его побери? Ведь мы в подпространстве!

Джон усмехнулся.

— Да, мы в гиперсфере. Но этот прибор работает именно здесь! Смотри! Это наверняка Солнце, а вот то — планеты, зеленые огоньки. Зелено-голубые — это звезды. А что могут означать эти желтые точки? Каждая имеет миллиметров пять — шесть в диаметре.

Он посмотрел на Барта.

— Как ты думаешь, что это такое?

Ланге долго всматривался в эти огоньки, потом вздохнул и произнес:

— Похоже, что это корабли. Корабли Вильмута. Всего тридцать кораблей! Я не знаю, как Клип смогли сконструировать прибор, который может из гиперсферы контролировать обычное пространство. Похоже, что эта наша игрушка способна и на более интересные штучки. Если попробовать вот-так,— он подкрутил какую-то ручку.

Система огоньков на сфере уменьшилась.

— Значит,— усмехнулся Барт — это максимальное увеличение.— Он повернул ручку в противоположную сторону. Изображение укрупнилось, окраинные огоньки вынырнули на поверхность шара.

Когда ручка дошла до другого упора, изображение исчезло, остался только один крупный огонек.

— Как ты думаешь, что это такое, Джон? Похоже, что обломок скалы.— Барт скривился. Мне кажется, что как раз сейчас мы пролетаем сквозь него. Не очень-то хорошая перспектива, а?

— А мне кажется, что очень даже неплохо. Если мы таким образом сможем контролировать выход из гиперпространства, то нам ничего не будет страшно.

Барт кивнул.

— Ты прав, об этом я как-то не подумал. Но почему мы раньше не разгадали свойств этого прибора. Ведь мы входили в гиперпространство на этом корабле уже более тридцати раз.

— Мне кажется, что он начинает действовать только вблизи больших гравитационных масс. Сейчас нам необходимо сверить свое положение относительно Земли, таким образом можно в гиперпространстве дойти до самой атмосферы планеты. Кстати, как там поживают наши «друзья»?

— Их корабли остались на границе системы,— ответил Ланге.

Джон кивнул и включил интерком корабля.

— Всем приготовиться к выходу! Полная боевая готовность на разведчиках! В Солнечной Системе находятся «гости». Мы попробуем пройти незамеченными, но если кто-то из них полюбопытствует, что это за корабль пожаловал на Землю, вы встретите этих любознаек и щелкнете по носам.

Огромный звездолет повис над тем, что было когда-то Восточной Суматрой. Мужчины стояли и молчали, вглядываясь в экран. Даже Джон, который в отличие от остальных уже видел Землю после Катастрофы, был также сильно подавлен, как и остальные. Подсознательно он ожидал сейчас увидеть голую планету, скалы, залитые лучами солнца, землю, иссеченную дождями. Когда он был здесь с Доалем, листья еще висели на деревьях. Но они уже были желтые и сморщенные. Джон думал, что сейчас на Земле все исчезло. Но это оказалось не так. Большинство деревьев продолжали также стоять, несколькими милями дальше темнела лента дороги, по обе стороны которой зияли выгоревшие проплешины леса. Остовы деревьев торчали вверх, цепляясь остриями сгоревших верхушек прямо на них. Это была мрачная пародия на жизнь. Гниение уничтожило немногое, так как бактерии — та же форма жизни, а жизнь на Земле была полностью уничтожена.

Деревянные домики являли собой еще более жуткий вид. Почерневшие, промокшие от дождей доски не были покрыты даже обычной плесенью и от этого гнили. Не было ни термитов, ни крыс. Джон заметил птичье гнездо, свитое под крышей одного дома. И лежавшие в нем птичьи яйца напрасно ожидали тепла от материнской грудки.

Это было ужасное зрелище! Спустя восемь лет мертвые тела

людей все так же лежали как и в следующий день после Катастрофы. Мужчины, женщины и дети валялись рядом с животными, вытянув головы и разбросав руки. Джон заметил собаку, лежавшую рядом с маленьким мальчиком — кто из них погиб первым? Кто из них из последних сил полз к другу?

Из интеркома донеслись приглушенные крики гнева, когда ярость с неожиданной силой охватила людей.

На западе были горы. Высокие вершины были голые и неприветливые. У подножия открылась блестящая поверхность мертвого озера, когда корабль поднялся немного выше, перелетая через вершины гор. Странно теперь было смотреть на воду. Джон всегда считал ее живым существом. А море, к которому они приближались теперь? Как после смерти всего живого на Земле волны могли все также ударять в берега, крутиться и кипеть своей собственной мертвой жизнью?

Джон наклонился и утопил клавишу на пульте.

— Доктор?

— Да, сэр?

— Когда будут готовы данные об атмосфере?

— Через час я представлю полный рапорт. Но по предварительным данным могу сказать, что количество стронция-90 превышает допустимый уровень. Кроме этого, очень много кобальта. Не думал, чтобы металл можно распылить в такие мельчайшие частицы, и что они столько лет будут висеть в атмосфере.

— Кобальт-90? — Джон нахмурил брови.— Как это могло произойти?

— Может быть какая-то боеголовка ударила прямо в склад кобальта? Думаю, что этого вполне хватило бы.

— Т-а-а-а-к.— Джон на мгновение задумался.— А каково положение в общем? Как вы думаете, доктор, остаточная радиоактивность домов и предприятий может пробить нашу защиту?

— Боюсь, что так. Особенно при длительном нахождении на поверхности. Может быть немного помогут адсорбенты?

— К счастью, у нас есть небольшой запас. Так вы думаете, что краткосрочное пребывание на Земле не окажет сколько-нибудь вредного влияния на организм?

— Не могу сказать, сэр. Сейчас можно только предполагать.

— Хорошо,— вздохнул Джон,— спасибо.

Он встал с кресла и подошел к Барту.

— Думаю, что надо было бы попробовать на Балканах. Там была довольно развитая промышленность, к тому же там сейчас сухая пора года,— он посмотрел на Ланге.— Я поручаю командование тебе.

Барт стиснул зубы.

— Ты хочешь сказать, что отправляешься вниз? Но ведь это абсолютно бессмысленно, Джон.

— К черту! Думаешь, что мой авторитет в глазах экипажа возрастет, если я пошлю их в этот ад, а сам буду отсиживаться

за броней корабля! Нет, мой милый. Там нет тигров или волков! Там радиоактивный ад и действие его бесшумно и невидимо. Он действует на мозг и приборы. К тому же, если что-нибудь будет не так, мы сразу же взлетаем.

Ланге был похож на человека, которого убедили приведенные договоры, но недовольство осталось.

— А что будет, если вильмутцы поинтересуются вами? Думаешь посмотрят и улетят?

— Не забывай о плане Омниарха.

— О чем это ты?

— Если здесь нас погибнет слишком много, Омниарх будет стеречь остальных, как зеницу ока. Другими словами, те, кто останется в живых, могут не беспокоиться ни о чем. Я же должен быть на Земле, чтобы решить, что нам может потребоваться, а что нет. Ты являешься одним из тех, кому я могу доверить корабль и сможешь правильно оценить ситуацию, если что-то пойдет не так как нужно.

Ланге что-то пробормотал себе под нос и пожал плечами.

— Хорошо. Ты капитан. Как ты решишь проблему энергии?

— Думаю, что необходимо поискать источники, которые можно было бы оживить. Если же это не удастся, то мы протянем кабель из корабля. Это можно сделать без особого риска загрязнить палубы радиацией.

— Хорошо. Как долго будет находиться снаружи первая смена?

— Десять часов. Со мной полетят двадцать человек. Если все пойдет как надо, мы количественно увеличим вторую партию. На палубе корабля тоже много работы. Кроме того мы не можем все предусмотреть.

— Когда ты отправляешься?

— Как только сориентируемся в ситуации и определим местонахождение нужных нам объектов. Подготовку начинаем со следующего витка.

Скафандры, хотя и были сделаны из самых легких материалов: пластика, магния и алюминия, были предназначены для выхода в космическое пространство, а не для работы на поверхности планеты. В связи с тем, что сила тяжести составляла здесь один «же», передвижение людей было сильно затруднено. Обычное движение без скафандра по сравнительно ровной местности заняло бы всего полчаса, а скафандр добавлял к этому еще чуть не два часа.

Джон с трудом сдерживал себя от постоянных взглядов на датчик излучения, вмонтированный в левый рукав. Скафандр не справлялся с поглощением выделений тепла тела. Его раздражало липнущее к телу белье, а также психологическое угнетение от мысли, что каждую секунду каждую клеточку его тела пронизывает, хотя и ослабленная, радиация. Их работа увенчалась сравнительно быстрым успехом. В течение седьмого часа работы они сумели разыскать и доставить на борт корабля семнадцать готовых ракетных

установок. Корабль висел в нескольких дюймах от поверхности, шлюзы были раскрыты, и изнутри змеились кабели.

Типовая ракетная установка была очень тяжелой. При размерах шестьдесят на девять футов она весила около пяти тонн. Поэтому в установке был смонтирован гравипривод. На толстом конце были установлены толстые солидные плиты, предназначенные для защиты всей установки от толчков при стрельбе. Кроме этого, там же находились и прицелы, утопленные в упругом металлопластике. Вдоль каждой трубки протянулись датчики, управляющие системой наведения. Благодаря этому ракеты всегда были наведены вдоль оси установки. Вторым достоинством этого оружия было то, что оно могло выпустить приличный снаряд калибром до семи с половиной футов со скоростью до трех тысяч футов в секунду. Благодаря соответственно спроектированным направляющим компьютер корабля, управляющий огнем мог запланировать полет снаряда, нацеленный на тепло, свет, массу, полет змейкой, согласно теории вероятности, гарантирующей минимум потерь от противоракет противника. Можно было выстрелить ракету со своим приводом или просто метнуть обычную металлическую болванку. Даже можно было катапультировать в космосе человека в скафандре (на жаргоне космолетчиков это называлось «полет кадета»), но такой тип путешествия на другой корабль не был комфортабельным и приятным. Так что такая типовая установка имела много достоинств и отлично могла пригодиться для космического боя.

При монтаже этих установок, созданных на Земле, должно быть, конечно, много работы. Боевые посты на корабле не соответствовали станинам установок. Это требовало изменения гнезд для крепления опор и даже электрических разъемов. Технически сделать это было несложно, но требовало много тяжелого монотонного труда. Джон продолжал сомневаться, что сделать с гигантскими люками, которые, видимо, предназначались не только для приема малых шлюпок.

На девятом часу работы начались первые неприятности.

Экипаж Джона был как раз внутри большого склада, собирая части очередной установки, когда в наушниках скафандра Джон услышал голос Барта:

— Джон, несколько кораблей Вильмута подходят к Земле.

Браузен почувствовал, как желудок его сжался в комок.

— Вы видите их на детекторе массы?

— Нет. Мы пробовали крутить кое-какие приборы. Ты помнишь те диски на приборе в пружинках? То же самое я обнаружил на центральном пульте. При включении четырех переключателей срабатывает такая же система обнаружения как и та, что работала в гиперпространстве. В настоящее время четыре корабля двигаются от пояса астероидов к Земле. Поскольку мы находимся на дневной стороне планеты, они нас пока что не засекли. Но как только они появятся на орбите Земли, мы попались. Если работы будут продолжаться и ночью, то свет нас тут же выдаст.

Кровь запульсировала в висках у Джона, и он ощутил почти забытое желание опять попробовать дрона.

— Барт! — крикнул он.— Мы будем работать в темноте наощупь. Обрывай кабели и немедленно взмывай!

— Ты хочешь сказать, что остаешься? — голос Барта был полон удивления.

— К черту, Барт! Делай как я говорю! Мы не можем все бросить, ты это хоть понимаешь? У нас есть пищевые концентраты и вода. Трудно предусмотреть, что они предпримут. Сядут ли они на планету или сделают пару контрольных витков, удовлетворившись фотографиями и показаниями приборов. Вам нельзя оставаться здесь, они непременно засекут наш корабль масс-детекторами. Поэтому поднимайтесь на высоту тысячи футов и будьте готовы уйти в подпространство.

— Джон, ты чокнулся! Почему бы и вам не перейти на корабль?

— Все не так хорошо, как ты думаешь. Выходи в подпространство и наблюдай за нами. Как только положение окажется критическим, возвращайся. А теперь, вперед!

— Хорошо, герой. Еще один вопрос. Как долго мы можем находиться вне пределов досягаемости их детекторов?

Джон принял такое решение сгоряча, и он заколебался. Надо было все тщательно рассчитать. Ведь они должны были находиться здесь дополнительно несколько часов, хотя излучение внутри склада не было такое высокое, как они считали сначала.

— Что-то около десяти часов,— сказал он наконец.— Все зависит от того, что они предпримут. Если вы будете вынуждены ввязаться в бой, то помни, что ударить нужно будет внезапно всеми десятью Разведчиками, пока они не сообразят, что происходит. Но не делай этого, пока ситуация не станет критической. А сейчас, взлет!

Барт промолчал. Но через мгновение массивные крышки люков сдвинулись с места и стали в проем, отрезав своей огромной массой силовые кабели, змеившиеся из недр корабля. Затем, беззвучно и легко дрогнув, корабль Клип взмыл в небо.

Джон стоял в воротах склада и наблюдал, как звездолет исчезает из вида. С трудом проглотив слюну, он внезапно ощутил себя маленьким и очень одиноким, оставшись без корабля. И глупым... Ведь Ланге мог оказаться прав...

Прошло минут десять. Внезапно от резкого визга завибрировали наушники скафандра. Это корабль прошел верхние слои атмосферы. Джон повернулся и посмотрел внутрь склада. Все люди слышали его переговоры с Бартом и сейчас мужчины стояли, молча глядя на своего командира. Он не видел их глаз за щитками шлемов. Но все же он почувствовал в их взгляде укор.

— Ну что? — сказал он резче, чем хотел.— Принимаемся за работу, пока еще светло.

Никто ничего не сказал, и только трое обернулись назад, бросив взгляды на то место, где они недавно работали.

Потом Колтер спросил:

— Откуда мы возьмем энергию, если корабль улетел?

Джон шагнул в полутьму склада.

— Мы найдем источник энергии здесь. Тащите кабели, оставшиеся от корабля. Фред! Проверь состояние батарей, которые мы видели в том углу. Инструменты могут работать и на постоянном токе.

Потом никто ничего уже не говорил, но тишина, которая наступила, была очень напряженной.

Спустя тринадцать часов, проведенных в скафандре, при отсутствии нормального воздуха, воды и пищи, Джон ощутил головокружение. Кроме этого, не смотря на влажность внутри скафандра и воду, которую он время от времени потягивал из емкости, жажда чувствовалась все сильнее. Он понимал, что эту жажду никакая вода не утолит, но это знание нисколько не улучшало его самочувствия. Он встал и начал нервно ходить, понимая, что нужно напрячь все силы, чтобы противостоять этому чертовскому нытью всех мускулов.

Он засомневался, чувствуют ли себя также гнусно и остальные — ему показалось, что один из мужчин плакал. Самосознание того, что ты находишься в ловушке, могло привести к сумасшествию любого, даже без особо физических страданий. Но ведь никто из них не страдал дополнительно от жуткого желания почувствовать на языке зернышко дрона...

Джон испуганно оглянулся и заметил Фреда, который сидел, опершись спиной о стену и вытянув ноги. Его голова склонилась набок. Если он спал, то это было прекрасно. Джон и сам хотел немного отдохнуть...

Солнце уже склонилось к горизонту. Темнота внутри склада постепенно сгущалась. Никто не работал, так как они уже все сделали, что намечали, и Джон не был в состоянии запланировать еще что-то.

Большинство сидело, некоторые лежали. Джон повернулся и неуверенно пошел к выходу, протянув руку в бронированной перчатке, чтобы опереться на косяк. И в этот момент вспомнил, что дверь излучала сильнее всего, поэтому он только выглянул наружу, поискав взглядом человека, который должен был быть на страже.

— Камерон! — его голос был невыразителен.— Камерон! Где ты?

Через несколько секунд он заметил фигуру человека, идущего вдоль стены, в восемнадцати ярдах от склада. На мгновение он ощутил зависть.

Джон пошел навстречу. Заметив его, Камерон поднял руку и нажал кнопку на левой стороне груди.

— Ты включал приемник,— пробормотал Джон и засомневался, было ли это нарушением приказа. Какого приказа? О боже, он начинает сходить с ума! К черту!

Он услышал голос Камерона:

— Я нужен тебе?

Джон долгое мгновение вспоминал то, о чем хотел спросить. Наконец сказал:

— Что ты видел?

Камерон подошел ближе.

— Они пролетели южнее нас. Несколько минут назад. Я видел, как блеснул в лучах солнца корабль. И слышал звук, видимо они захватили край атмосферы.

Джон был так изумлен, что даже вздох получился у него с трудом.

— Я заволновался, когда не сразу увидел тебя.

Камерон засмеялся.

— Это интересно, командор. Знаешь, зачем я туда ходил? Я на мгновение уснул и, проснувшись, решил сходить в туалет. Джон промолчал, но в мыслях отметил, что такое действительно вполне может быть забавным. Когда-нибудь, в будущем, если он только у них будет, он тоже посмеется над этим. Сейчас он предпочел рассматривать потемневшее небо. В данный момент он не доверял своим умственным способностям, но почти точно сделал вывод, что вильмутцы правильно рассчитали и прислали отряд в Солнечную Систему. Затем он изменил ход мыслей и сказал:

— Я не вижу смысла нести дальше дежурство, Джим. Можешь идти.

— Я останусь здесь, командор. На случай, если...

— Думаю, что Барт вскоре должен вернуться за нами,— перебил его Джон.— Иди. Я останусь здесь. Имперцы не смогут заметить нас в этой темноте.

— Я останусь с тобой,— покачал головой Камерон.

Больше они не разговаривали. Они сели около стены склада и замолчали. Раз или два, Джон точно не помнил, он вставал и заглядывал внутрь склада, чтобы посмотреть, как чувствуют себя люди. Сейчас все они сидели или лежали, и никто не разговаривал.

Небо было темным, звезд и Луны видно не было. Джон посмотрел на часы, с трудом различая светящиеся цифры. Ждать им оставалось, по крайней мере, еще часа два. А может случиться и так, что Барт окажется в боевом контакте. Джону это начало надоедать. Бомбы или лазерный разряд он воспринял бы сейчас как благословение. Он буркнул себе под нос:

— Или... или нет. И это только твоя вина, Джон Браузен. Надо, наконец, перестать лакать эту проклятую воду, это единственное, что ухудшает состояние мочевого пузыря и в общем-то не уменьшает жажду. Здесь нет ни капли дрона! Запомни это!

Он спал, когда голос Барта внезапно загрохотал в наушниках. Медленно просыпаясь, Джон с трудом вслушивался в слова:

— Они улетели, Джон! Вернулись на свою базу в пояс астероидов! Очевидно, они удостоверились, что здесь нет ни единого живого существа.

Джон коротко рассмеялся.

— Может быть они не так уж далеки от истины, а, Барт?

Голоса людей в складе, радостно перекликающиеся друг с другом, заглушили ответ Ланге.

С большим трудом Джон поднялся и вошел внутрь склада, где его тут же окружила толпа возбужденных товарищей. Когда первый из них выходил из дверей склада, на поле уже приземлился огромный корабль.

13

Вот уже много лет после окончания училища Джон не работал так много. Он был еще очень слаб после трех порций радиации, которые он получил на Земле, и с трудом добирался до своей койки за очередной порцией сна. Бриться он начал только тогда, когда отросшая борода стала мешать закрывать замки шлема. Большинство времени он проводил в радиоактивных помещениях звездолета, руководя размещением и установкой оружия. Еду он проглатывал наспех и снова возвращался к работе. Он балансировал на грани получения опасной дозы радиации, но это его не волновало. Все заботы он оставил врачу. Джон не мог принудить своих людей к работе, скорее он ругал их за то, что они не отдыхают. Работа была титанической, но все же она продвигалась вперед. Тысячи галлонов воды вылетали в пространство. Если бы кто-нибудь оказался когда-нибудь в этом районе космоса, то он удивился бы, откуда здесь такая куча радиоактивного льда, в месте, где даже завалящий кусок скалы — большая редкость.

Когда каждый элемент вооружения был водружен на свое место, начались работы по установке приборов наведения. Каждая ракетная установка, каждый лучемет должны были управляться с помощью датчиков так, чтобы могли поразить любой участок космоса перед кораблем.

И еще наладка! Доводящая до безумия наладка всех этих систем и приборов! По истечению сотен мучительных часов количество готовых к бою установок все росло. Наконец, наступило время, когда корабль смог сделать залп тремя дюжинами снарядов, и одновременно озарить пространство тридцатью лазерными снопами огня и ударить почти во все стороны из двадцати восьми тяжелых лучеметов. Конечно, не все орудия и лучеметы могли одновременно ударить в одну точку, так как они были разбросаны по всему корпусу огромного космического корабля. И оставалась еще часть корабля, которую так и не смогли дезактивировать. Не помогли даже сотни галлонов воды, с помощью которой смывали радиоактивную пыль. В бою, если эта часть будет атакована врагом, защитить корабль смогут только Разведчики.

Крышки люков изнутри были усилены металлопластом, найденным на складах Земли. С энергией тоже не было проблем, мощные

кабели передавали ее в каждый закуток корабля, где проводились монтажные работы.

Фред Колтер, назначенный техническим офицером, заволновался было из-за чрезмерного потребления энергии, но Джон только улыбнулся.

— Я все уже просчитал,— кивнул он.— Мы используем лишь одну десятую часть мощности энергетических установок корабля. Омниарх говорил, что корабль находится в полной готовности. Поэтому будем считать, что «полная готовность» означает и «полный запас энергии». Скорее у нас кончатся боеприпасы, чем прекратится подача энергии. Нам нужно было бы не спешить и взять как можно больше припасов. Насколько я помню, у нас всего семьдесят два тяжелых снаряда, ведь энергетические лучи являются не очень эффективным оружием против защитных полей. Только снаряды-торпеды могут пробить оборону противника.

Колтер кивнул головой.

— Да. Для неподвижных целей мы будем настоящим кошмаром.

— Если будем вынуждены открыться. Но думаю, что мы легко сможем этого избежать. Что же касается наших ближайших целей, то Вез До Ган что-то крутит. По крайней мере, я надеюсь, что смогу выдавить из него еще несколько снарядов, не возбуждая при этом подозрений.

14

Бульвенорг из-под прищуренных век приглядывался к офицеру, сидящему в кресле для гостей по другую сторону стола. Он сплел толстые пальцы и крепко сжал их, потом положил руки на черную пластиковую поверхность стола.

— Я не верю! — почти крикнул он с угрозой в голосе,— что после такой долгой дороги к Солнечной системе для осуществления наблюдения, вы смогли так просто откинуть все подозрения, связанные с замеченными аномалиями в работе приборов.

Лицо офицера потемнело.

— Но, сэр! — прошептал он.— То, что показали приборы,— это невероятно и невозможно!

Бульвенорг недобро усмехнулся.

— Невозможно? Я и не знал, что вы одновременно физик-теоретик, специалист по электронике и теолог. Но если это все же так, то, будьте добры, просветите меня. Почему и каким образом это невозможно?

Офицер немного помедлил, а потом начал объяснять срывающимся голосом:

— Корабль, размером с небольшой город? Выход из подпространства прямо в верхние слои атмосферы? Но ведь это нонсенс, сэр! И этому есть только одно разумное объяснение. Высокий уровень радиации может вызвать изменения в нормальной работе при-

боров. Скорее всего на очередную запись наложилось еще несколько записей. Мы консультировались со специалистами...

Бульвенорг гневно произнес:

— Значит посылка стольких кораблей на такое расстояние по крайней мере доказала одно наверняка — применение регистрирующей аппаратуры явилось просто пустой тратой времени и денег? Если вице-адмирал так хорошо знает, какая запись является хорошей, а какая нет (даже если приборы отбирались целой кучей специалистов), то почему бы и не разрешить вице-адмиралам или даже младшим офицерам и их помощникам сидеть по домам и проверять, что и как будет показывать аппаратура?

Офицер задрожал от гнева:

— Сэр! Привлеките к оценке ситуации любого на ваш выбор специалиста!

Бульвенорг склонился над столом и буркнул:

— Вы уже сами назначили себе судью. Но возвратимся к делу. Аппаратура зафиксировала пролет ваших собственных кораблей и их размеры? Та аппаратура, которую мы оставили на этой планете?

— Да. Но...

— Все параметры точно были зафиксированы?

— Да, сэр. Но все же...

— Во время облета планеты они работали безупречно?

Офицер пошевелился, устраиваясь поудобнее в кресле.

— Вы, правы, сэр. Если вы позволите сказать вам...

Бульвенорг сложил ладони в жесте приглашения:

— Вы должны понять меня,— сказал он,— если я причинил вам непоправимые обиды. Но я уже целый час стараюсь услышать от вас хоть одно ценное слово!

Сейчас офицер закипел по-настоящему, и это понравилось Бульвеноргу, так как ярость всегда искренняя...

— Первый заместитель! Корабли с такими размерами не могут существовать хотя бы с точки зрения сопротивления материалов! Для меня было ясно, да ясно и сейчас, что прибор зарегистрировал ошибочно двойной пролет моего корабля. Я твердо в этом уверен!

— Понимаю. По-вашему виной всему эта чудовищная радиоактивность?

— Да, сэр!

— Тогда почему же другие приборы выдали точные результаты?

Офицер покраснел, но все же ответил:

— Все приборы были сброшены на парашютах, сэр. Может быть этот один неудачно упал...

— Странно... Странно, что он оказался неисправен только один. Постойте, но потом он регистрировал данные о ваших кораблях, и в его работе уже не было неполадок! Значит так, перед этим он работал идеально, потом тоже. Боюсь, что вы просто идиот! Это была ваша первейшая задача! Разве это был такой трудный шаг, если сравнить его со всей вашей экспедицией в целом?

Офицер казался обескураженным:

— Разве я... должен был... высаживаться... Да, нужно было сесть и забрать регистратор, продемонстрировать его и знать наверняка, что он поломан.

Бульвенорг тяжело вздохнул.

— Адмирал! Если вы еще раз вспомните этот неисправный прибор, то я встану с этого кресла и стукну чем-нибудь тяжелым по вашей дубовой башке!

— Но ведь корабли таких размеров...

— Может быть мы ошиблись с этими чертовыми размерами? Я сам просматривал ленты с информацией, выданной этим прибором. Там есть интересное место — корабль снижается, зависает на какое-то время, а потом прямо с места уходит в подпространство. Спустя какое-то время он возвращается. Вы видели эту запись?

Офицер опять покраснел.

— Но, сэр,— пробормотал он,— мой инженер-электронщик...

— ... списал вам это достаточно подробно, не так ли? И вы решили, что это признак неисправности прибора.— Бульвенорг наклонился к вице-адмиралу.— Признаюсь, что и мне трудно поверить в существование такого гигантского звездолета. Кроме этого есть еще две вещи, в которые трудно поверить. Одна из них — странное совпадение случайностей, что плохо работающие приборы могли дать такие четкие записи. А второе, это, как такой опытный офицер, как вы, зная об этих записях, мог игнорировать их.

Офицер на этот раз промолчал. Через минуту он медленно, с застывшим лицом встал и произнес:

— Сэр, я признаюсь, что не просмотрел все записи. Кроме этого могу сказать, что никто из моих подчиненных не виноват в этом. И прошу Совет осудить меня и назначить кару.

Бульвенорг усмехнулся.

— Решение по этому делу не будет выноситься на Совет. Но с этой минуты вы можете считать себя в отставке. Поверьте, мне очень жаль, но иначе я поступить не могу.

После ухода адмирала Бульвенорг немного посидел в кресле, потом встал и подошел к интеркому.

— Густен?

— Да, сэр.

— Зайдите ко мне. И прихватите бутылку. Моя уже опустела и годится разве что на один только глоток.

Густен появился довольно быстро. Выслушав рассказ Первого Заместителя, он довольно долго сидел, не притрагиваясь к полному бокалу. Потом сказал:

— Вы просматривали эту запись, сэр?

— Да. Хотите тоже посмотреть?

Густен покачал головой.

— Может позже,— буркнул он.— Раз вы так уверены.

— О, сколько бы я отдал за то, чтобы этого не было. Да, вы когда-нибудь слышали о металлах со сверхвысокой прочностью?

— Нет. Но если бы такая технология существовала, она стала бы сенсацией для всей Галактики.

— Поэтому попробуем на миг забыть, что является рассудительным и общепонятным. Допустим, что такой звездолет действительно существует. Кто его мог бы построить?

Густен посмотрел на собеседника и издал прерывистый вздох.

— Конечно же, Клип.— Он взял свой бокал и одним глотком осушил его.— Думаете, что кошмарный сон начинает сбываться?

— Я боюсь этого? И можем ли мы теперь появление этого гигантского звездолета в окрестностях Земли связать с предположительным участием землян в интригах против нас и Бизх?

— Можем! — вздох Густена был исключительно тяжелым.— И это мне не нравится...

— И мне тоже. Ну что ж, старый приятель. Мы жили, как герои, и не имеем желания умирать, как безымянные солдаты. Поэтому давай немного поразмыслим. Предположим, что сейчас нападающие ударят по противоположным границам Бизх. Поэтому мы должны взять под контроль Пустые Регионы, кроме того, необходимо как можно быстрее предупредить этих пресмыкающихся, чтобы они поверили в нашу лояльность. И еще, крайне важно усилить активность нашей разведки в Бизх и Гохд настолько, насколько это возможно.

15

На любого, кто мог одеть скафандр и выйти наружу корабля, Галактика, наблюдаемая из Пустых Регионов, оказывала огромное подавляющее впечатление.

Такой случай представился Джону — он должен был провести проверку одной из бойниц, где был установлен мощный лазер. Во время испытания луч ударил в край бойницы. При проверке оказалось, что повреждений нет.

Джон смотрел на звезды.

Прямо перед ним протянулся длинный кривой рукав Галактики, который был занят империей Вильмут. На протяжении этого рукава спирали, вместе со звездными соседями, вращалась Солнечная система. Сейчас этот участок Галактики был закрыт носом звездолета. Самые яркие звезды находились вдоль наружного рукава Галактики. Яркий шарообразный центр звездного скопления являлся как раз Империей Вильмут. В центре этого скопления были сосредоточены вооруженные силы Вильмута для охраны добывающих и перерабатывающих производств. Если бы Бизх ударил именно сюда...

Силы этой империи хотя и менее сильные, располагались на внутренней стороне рукава спирали Галактики в нескольких световых годах от региона Гохд. В результате, эти два государства граничили друг с другом (конечно, в категориях расстояния в один гиперпрыжок). Дронгалия, где когда-то намеревался закон-

чить свою жизнь Джон, находилась как раз на рубеже этих двух империй. Именно там, на «границе» осело большинство людей после окончания работы на Гохд. Джон почти инстинктивно понимал такое решение, люди избегали той части спирали, в которой мертвая Земля кружила вокруг Солнца. А кроме этого от Вильмута их прикрывала империя Гохд. Доаль и его товарищи были исключением, они старались обосноваться как можно ближе к Земле. А это влекло за собой опасную близость с Вильмутом. Может быть, они подсознательно желали своей скорой смерти?

Джон наклонил голову и долго-долго вглядывался в глубины космоса, пустота которого была разбавлена всего лишь несколькими одиночными звездами. Между этими звездами прорисовывались какие-то невыразительные овальные формы. Другие Галактики! Существует ли там жизнь?

Этого никто не узнает. Маловероятно, что и через десять миллионов лет кто-нибудь узнает об этом.

Джон выключил радио, отрезал себя от шума человеческих голосов. В абсолютной тишине, нарушаемой только биением его сердца и шумом дыхательного аппарата, смотрел он в незнакомое. Потом опустил глаза и посмотрел в центр Галактики.

Он находился вблизи сосредоточения Пустых Регионов, между рукавами спирали и видел дрожащий блеск скопления звезд, похожий на густой туман. Может быть, в самом деле, это и было что-то вроде тумана. Этого никто не знал. Существа, живущие на краях рукавов спирали, могли проникать в глубины центра всего лишь на двадцать тысяч световых лет. Излучение и электронный «газ» были настолько интенсивны, что пробивали любые виды защиты и уничтожали все живое на борту кораблей.

Джон краем глаза уловил какое-то движение и резко обернулся. Это были его товарищи, вышедшие из корабля вместе с ним для обследования обшивки. Он включил радио.

— Ну что там?

— В порядке, командор. Двигаемся дальше?

— Нет, Колтер, возвращаемся.

Джон и Барт сидели над контурной картой империи Бизх. Командор тыкал карандашом в район, очерченный кружком.

— Вот здесь! Можно ударить здесь, пополнить запасы продуктов и снаряжения и уйти в район Пустых Регионов. Можно будет атаковать две или три базы, на какое-то время парализовать их деятельность: уничтожить космодромы, звездолеты и сооружения.

Ланге хмуро буркнул.

— И самих Бизх тоже.

Джон долго смотрел на него. Потом сухо рассмеялся.

— И это говорит Барт. Барт, который вытащил меня с Дронгалии и свел с Омниархом.

— Я не говорю,— раздраженно махнул рукой Ланге,— что

мы должны отступать! Но никто не может любить убийство, если оно стало вызывать у него отвращение, не так ли? А мы не могли бы подстеречь их корабли в момент выхода из гиперпространства?

— Нужно думать реально. Бизх и Вильмут так или иначе столкнутся. И начнется тотальная война. На этом закончится наша работа. И тогда мы в открытую поговорим с Омниархом.

— Может быть ты и прав,— вздохнул Ланге.— Но нельзя забывать, что нас теперь меньше двухсот человек... Ну что же. Какие это должны быть атаки? Налет с применением всех видов оружия?

— Нет. Мы тогда можем потерять много снарядов малого калибра, необходимых при обороне. Мы не подойдем так близко, чтобы применить лучеметы. Войдем в гиперпространство на «Луне» с восемью Разведчиками на расстоянии в одну десятую светового года от цели (Вез До Ган как-то говорил, что Бизх не имеет патрулей на таком удалении от баз) и вынырнем плотной группой в десяти милях от их главной базы. После залпа тяжелых снарядов, запрограммированных на противоракетный маневр, стреляем кучей легких торпед и пробиваем защиту. Затем прыжок в гиперсферу... и... прощай!

Ланге был похож на утомленного человека — этот план особенно ничем не отличался от предыдущих.

— По крайней мере,— сказал он,— большинство обитателей базы успеет укрыться, раз мы не сразу ударим из лазеров.

Джон думал об этом же. Чрезмерная чувствительность никогда не считалась достоинством генералов. А он именно и играл роль последнего генерала-человека.

Барт спросил:

— А что будем делать с «Бертой» и с остальными Разведчиками?

Джон удивленно поднял брови:

— «Берта»?

— Мы же должны будем как-то назвать этот колосс!

Браузен пожал плечами.

— Это будет наша спасательная группа. Если не случится ничего непредвиденного, ты останешься с остальными малыми кораблями. Ты примешь наш супер-детектор массы и будешь вести наблюдение, чтобы рядом с нами внезапно не оказался вражеский флот. Если ты его зафиксируешь, то должен будешь сразу же идти в атаку. Уничтожь его. По крайней мере ударь всеми стволами, которыми располагаешь! Но это только в крайнем случае.

— Если говорить честно, то это мне страшно не нравится.— Ланге нахмурил лоб.— То, что ты мне предлагаешь, похоже на отсидку на краю дороги.

— Барт! В бою всегда надо иметь кого-то, на кого можно положиться. Если бы всегда так действовали, нас, людей, наверняка было бы сейчас больше.

Может быть.

Джон следил за показаниями хронометра, отмеряющего оставшееся время до выхода «Луны» из гиперпространства. Пять секунд. Он глубоко вздохнул и расслабил напрягшиеся мускулы.

Выход!

Экраны мигнули, и на них появилось изображение. На масс-детекторе прояснились светлые точки. Он удостоверился, что все его корабли появились одновременно с ним, и его пальцы забегали по клавиатуре пульта. Ожили датчики и указатели. Из интеркома раздался голос:

— Здесь Шестой. Отказ в рулевом управлении.

Это было очень плохо. Один из кораблей в центре группы стал заметно уходить в сторону.

— Возвращайтесь! — скомандовал Джон.— Займите позицию позади нас и пилотируйте на ручном управлении.

— Вас понял! — Джон распознал спокойный голос Джима Камерона.

На экране появились новые блестки — это был первый залп снарядов типа «планета — пространство». Из вида этого залпа можно было понять, что местный артиллерийский офицер тщательно проинструктирован об их прошлых атаках и построил оборону так, чтобы отражать именно такое нападение. Что же, это будет стоить обороне Бизх очень дорого.

Он взглянул на информационные дисплеи, расположенные над головой — цифры сливались в мигающую ленту, обозначая программы производящих маневры кораблей. Он почти не слышал звука от выстрелов очередных торпед с «Луны», но цифры говорили, что орудия работают без остановки. Тщательно отрегулированный гравипривод позволял совершать кораблю головоломные маневры, мгновенные остановки и крутые виражи. Он посмотрел на экран внешнего обзора, чтобы удостовериться, что предпринимает в данный момент Камерон. Он повторял их маневры безупречно четко.

Их маленький флот сделал молниеносный скачок назад, как заяц, который убегает от разъяренной собаки. И хорошо, что вовремя, потому что лавина снарядов с планеты заполнила пространство в том месте, где они только что находились.

Корабли дрожали и прыгали в бесконечном танце, чтобы сделать невозможным точное прицеливание мощных потоков энергии, поднимающихся с планеты. Корабельные лазеры плевались огнем, пытаясь подавить оборону противника. Хотя некоторые и промахивались, но разрушения, наносимые удачными попаданиями, были достаточно сильные, чтобы заставить командующего обороны завыть от злости. Насколько, конечно, Бизх умели выть.

Заревела сирена. Джон посмотрел на масс-детектор и глубоко вздохнул. Это была вражеская эскадра, вынырнувшая из подпространства почти на поле боя. Может быть это и не было большой угрозой, так как люди были уже почти готовы уйти в гиперсферу, но...

— Камерон, сближайся с нами!

— Иду, Джон! — голос Камерона не выдавал никакого волнения.

Во время маневров Камерон держался в стороне от их группы, так как ручное управление не позволяло делать резкие маневры. И сейчас на расстоянии тысяч миль он представлял собой отличную цель.

Сирены завыли еще раз, и Джон, глядя на масс-детектор, удостоверился, что появился одиночный звездолет по параметрам похожий на «Берту». Ланге появился вовремя! Почти вовремя, так как должны были пройти еще томительные секунды, пока «Берта» присоединится к их группе.

Джон двинул корабль вперед, выполняя противоракетный маневр, его пальцы летали по клавишам пульта управления. Вражеская эскадра двинулась на перехват. Экраны мигали и темнели от чрезмерной нагрузки, вызванной разрывами вражеских снарядов, торпед и вспышек энергетических лучей. Это был жестокий бой!

Медленно шли секунды. Джон нажимал клавиши, ведя постоянный диалог с компьютером, стараясь избежать гибельных ударов, и пока что это ему удавалось. К счастью, за исключением корабля Камерона, все компьютеры эскадры работали синхронно и обеспечивали одновременность выполнения всех маневров.

Внезапно в динамиках зазвучали голоса экипажа корабля Камерона, голоса ярости и отчаяния. Одновременно послышался грохот ломающихся переборок и свист воздуха, вырывающегося из отсеков. Джон на мгновение прикрыл глаза. Кто-то с другого корабля сказал:

— Попадание в Шестерку. Они...

Джон проревел в микрофон:

— Прощай, Джим! Прощайте все! Знайте, что мы отомстим им!

Он посмотрел на экран — враг перешел к обороне. Поэтому можно было спокойно приблизиться к «Берте». Противник в общем-то имел перевес в орудиях, но все же его корабли предпочли отойти. Они не знали, а не появится ли из гиперпространства еще пара таких же чудовищных кораблей, как эта «Берта»?

Он посмотрел на хронометр. По времени выходило, что «Луна» уже давно могла уйти в подпространство, а «Берта» будет готова к прыжку через двадцать секунд. Но это уже не имело значения, так как база и флот противника находилась вне досягаемости орудий. На общей радиоволне царила тишина. Наконец Джон не выдержал:

— Барт! Собери на палубе все малые корабли и двигайся с ними к точке встречи.

Барт был обеспокоен тем, что увидел на масс-детекторе.

— Послушай, Джон! Я вижу группу кораблей на расстоянии нескольких миллионов миль. Они двигаются прыжками, то ныряя в гиперпространство, то выходя в нормальный космос. Поэтому, собственно, они и опаздывают. Похоже, что они кого-то ищут.

— Наверняка, это вильмутцы,— проворчал Джон, хотя с таким же успехом это могут быть и бизх. Однако, думаю, что это все же вильмутцы, так как именно они имеют привычку шнырять в Пустых Регионах.

В принципе было все равно кто это был. Самым важным было то, что погиб Камерон и семь человек с ним. Их всех, таким образом, осталось всего сто восемьдесят три человека! О, боже, он проглотил слюну, пошли мне хотя бы щепотку дрона! «Мы должны сделать хотя бы один налет, еще один,— подумал он,— где-нибудь подальше отсюда. А надо сделать это сейчас. А уж потом все! А пока надо сматываться отсюда, видимо те корабли ищут именно нас!»

— Внимание всем! Уходим в гиперпространство!

Лицо Барта на экране ничего не выражало, когда он спросил:

— Направление? У нас было обговорено два варианта отступления. Пустые Регионы или внутрь рукава, вне территории Бизх. Какой из них? Ты должен был принять план отступления после проведения атаки.

— Я все помню! Думаю, что нам сейчас больше подойдут Пустые Регионы. У нас нет таких подробных карт, чтобы влезать внутрь рукава. Нам сейчас нужен часовой прыжок... Нет! Это время, о котором могут догадаться вильмутцы, если они догадываются о чем-нибудь. Скажем так, семьдесят девять минут. Это время более подходит к единице времени Вильмута, чем к нашей, земной. Выйдем из подпространства и осмотримся.

Джон выстучал программу полета на пульте. Потом встал и двинулся в химлабораторию, где должен был быть спирт. Это жуткое желание можно было погасить, хоть немного, только хорошим глотком алкоголя и парой часов сна.

Джон чувствовал себя прекрасно, но выпитый спирт уменьшил желание получить наркотик. Тупым взглядом он водил по залу Центрального Управления корабля Клип. Потом увидел Барта и выдавил из себя:

— Интересно, каким образом Бизх организовал эту засаду? Ведь благодаря нашей системе масс-детекторов нам удалось избежать катастрофы.— Он заморгал, глядя на приборы.— Думаю, что они в настоящее время держат в готовности хотя бы два флота вблизи каждой базы.

Барт заинтересовался.

— А почему не один?

— Потому что ни один корабль не может находиться в готовности к гиперпрыжку более пяти часов непрерывно. Иначе вся аппаратура придет в непригодность и разрегулируется. А состояние готовности необходимо постоянно, поэтому-то и должны быть две группировки, сменяющие друг друга.

Барт смутился:

— Конечно, как я сам не сообразил. Прости, это был глупый вопрос.

— Ничего, старик. Кстати, еще одно. Всегда где-то на расстоянии нескольких световых лет, а может быть и меньше, будет находиться флот, готовый прийти на помощь защитникам базы. Едва мы выйдем из гиперпространства, база посылает сигнал о помощи. Располагая точными данными о местонахождении базы, флот быстро подойдет к месту боя. С этим мы недавно и столкнулись.

— Т-а-а-к,— Барт поднял брови.— Это логично. Но что это имеет общего с системой обнаружения на «Берте»?

— Прежде всего появляется возможность точно определить время и направление атаки. Все три засады, в которые мы попали, до сих пор имели определенные характерные черты. От нашего появления до появления врага из гиперпространства проходило минут десять. По очереди: время на программирование информации, время на передачу информации, время полета к базе...

— Это интересно.

— Наше минимальное время атаки — четыре с половиной минуты. Выходим в нормальный космос, атакуем, ломаем оборону противника и исчезаем. Применение всей огневой мощи потребует очень много энергии, поэтому время увеличивается еще на минуту.

Барт кивнул.

— Располагая данными о расположении противника,— продолжал Джон,— мы могли бы выбрать оптимальную точку выхода. Допустим, что флот, прикрывающий базу, находится на другой, противоположной стороне планеты. Тогда они должны проткнуть планету в гиперпространстве или пройти рядом со скоростью, направленной от планеты. Они должны будут затормозить и развернуться, чтобы выйти к нам в тыл. А это требует времени. Так же как и то, если они прилетят со стороны. Им необходимо будет время на торможение.

— Но если,— Барт был удивлен,— они смогут подойти по касательной? Тогда сохранится их скорость. А мы, проанализировав траекторию полета, можем вычислить точку их старта.— Он встал и начал ходить по залу.— Мы сможем определить их положение, пока сами еще будем находиться в гиперсфере. При ударе с близкого расстояния, а мы сможем сделать это с помощью вот этого прибора,— он похлопал по масс-детектору, работающему в гиперпространстве,— мы уходим в направлении, противоположном их прилету.

Джон ухмыльнулся.

— Нет, не в противоположную сторону. Это может привести к столкновению. Мы должны найти оптимальную орбиту. Если ударим по базе сразу после выхода, а потом уйдем на эту орбиту, то нас не обнаружат.

Барт тоже усмехнулся:

— Мы не должны сильно рисковать. Они могут оказаться проворнее и успеть просчитать орбиту.

— А мы можем делать повороты,— ответил Джон.— А кроме это-

го, мы нападаем в последний раз. Существует только одна проблема...

— Какая?

— Флот-засада может двигаться в гиперпространстве со скоростью восемь световых лет в минуту, значит в течение четырех минут, необходимых нам для атаки, они преодолеют почти тридцать светолет. Допустим, что передатчик информации не требует времени. Думаю, что мы смело сможем поделить это расстояние пополам. Получается пятнадцать световых лет. Накинем кое-какое время на непредвиденные задержки и будем считать, что группа кораблей дежурит где-то в семнадцати единицах от базы. Не думаю, что чудесная аппаратура «Берты» может иметь такую дальность действия.

— Я тоже,— кивнул Барт.— Год или два световых и все.

— Так. Есть еще одно: они не рискнут идти сквозь планету, только крайне острая нужда может толкнуть их на это. Если мы после атаки уйдем в сторону солнца, мы скорее всего избежим столкновения. А сейчас посмотрим, насколько данные Вез До Гана являются ошибочными.

Атака прошла так гладко, как и было запланировано...

Это был сухой, песчаный мир диаметром около семи тысяч миль и с тяжелым железным ядром. По поверхности этой планеты пробегали песчаные бури, невысокие красные горы своим цветом наводили на мысль о большом количестве окиси железа. Рек почти не было, чахлая растительность имела оливково-бронзовый цвет. Атмосферное давление не превышало у поверхности десяти футов на квадратный дюйм. Кислорода в атмосфере было не более восьми процентов. База была защищена куполами, наполненными атмосферой, пригодной для дыхания Бизх. Там не было типично гражданских зданий, характерных для городов Бизх. Джон, как обычно проводивший атаку на «Луне», был очень рад этому. На этой планете были только военные!

Они вынырнули из гиперпространства в четырех тысячах футов над куполами. Это было немного ниже, чем планировал Джон. И сразу же возрос риск, что увеличится время подготовки к обратному прыжку. Песок на поверхности планеты заклубился от звуковых ударов двигателей звездолетов. И тотчас же появился огненный ливень. В интеркоме зазвучали проклятия артиллеристов, поносящие медлительность человеческих реакций, не приспособленных к обслуживанию боевых лазеров лучеметов. Изображения на экранах мигали и быстро сменялись. Джон едва успевал замечать, что творится на поверхности планеты. А там был ад. Возле базы в посадочных гнездах находилось около десятка легких звездолетов. В мгновение ока они оказались вдребезги разбитыми или тяжело поврежденными: ангары, купола были сорваны с места. Атака длилась всего семьдесят секунд, после чего корабли людей развернулись и ушли прочь от планеты.

Джону, просматривающему видеозапись атаки, сделалось плохо.

Кроме кораблей было уничтожено процентов восемьдесят строений и все купола. Могли ли уцелевшие бизх дышать атмосферой планеты? Он надеялся, что могли.

В интеркоме царила удивительная тишина, словно весь экипаж переживал то, что и он сам. Но война есть война. Хотя если вдуматься, это не война, а что-то другое. Это уже бойня! Может быть это зрелище и годится для вильмутцев, но только не для людей! Он с трудом проглотил слюну. Кроме всего прочего раса Бизх не отличалась агрессивностью. Военные базы, устроенные ими,— это только дань создавшемуся политическому положению в Галактике на сегодняшний день. Джон был рад, что на планете не оказалось много кораблей. Командующий базой, видимо, ждал атаки, но не так скоро, и поэтому поднял корабли из подземных укрытий для отправки в космос. Экипажи должны были быть довольны (те, что уцелели), что не успели занять свои места в звездолетах.

Джон снова проглотил слюну и посмотрел на хронометр. Оставалось меньше двух минут до прыжка. Пошла вторая минута, когда много точек появилось на масс-детекторе. Согласно его рассуждениям, преследователи приближались к планете, когда группа нападавших ушла в сторону солнца. Бизх выпустил пару залпов, но это было сделано скорее от злости.

Джон непрестанно думал:

— Это только одна база. Здесь не могло быть большое количество обслуживающего персонала. Ведь у них есть еще много опорных пунктов. И мы виноваты в гибели небольшого числа бизх. Небольшого...

Но от этого не становилось лучше. Если бы сейчас на корабле оказалась хотя бы щепотка дрона, он без промедления проглотил бы ее. Он не мог не сравнить эту планету с той, которая была когда-то ему родным домом. Отличие состояло только в том, что здесь причиной разрушения оказался он сам. Может быть из-за этого он и надрался (выпив почти литр спирта), как свинья.

На экранах масс-детектора «Берты» опять появились огни, выскочившие из гиперпространства в обычный космос, чтобы через пару минут опять исчезнуть в ничто. Джон раздраженно протянул руку к клавиатуре пульта. Барт молча наблюдал за ним, потом спросил:

— Мы можем выходить на траекторию полета к Гохду?

— Пока нет. Черт побери, если мы сделаем еще хотя бы один налет по указке Гохда. Но я обещал Везу, что мы немного осмотримся в этом районе перед уходом. Только мы не сделаем этого. Вместо того, чтобы выйти на расстояние действия телескопов и радиоперехвата, мы применим системы «Берты», чтобы определить положение звездолетов Бизх и планетных систем, на которых могут быть их базы. Именно такая информация и нужна Везу. И он не будет знать, каким образом мы раздобыли ее.

Барт с кислой миной спросил:

— Сколько времени это может занять? Мы уже массу времени не чувствовали под ногами твердую поверхность планеты!

— Несколько часов.— В голосе Джона чувствовалось раздражение.— Думаю, что это мы выдержим.— Он с трудом проглотил слюну и подумал, удастся ли это на самом деле.

В действительности обнаружение баз Бизх заняло еще меньше времени. Одновременно в Пустых Регионах они наткнулись на загадку, которая затянула их возвращение «домой» на целых двенадцать часов.

Далеко за владениями Вильмута и почти на границе влияния Бизх масс-детектор «Берты» выдал точку с очень интенсивной яркостью. Они заметили ее, находясь в гиперпространстве. Это была небольшая система типа «звезда-планета». Они занесли ее координаты на карту, не выходя в нормальный космос, и уже двинулись дальше, когда заметили на экране этот загадочный пурпурно-голубой блеск. Такой цвет им еще не встречался.

— Что бы это ни было,— буркнул Барт, вращая ручки настройки,— мы проходим мимо него всего в четырех световых годах, насколько точно мне удалось определить расстояние.

Джон подошел поближе.

— Может быть это очередная звезда? Ведь мы до сих пор не знаем, как работают эти приборы. Может быть Клип таким образом обозначили звезду, которая вскоре должна стать «новой»? А может быть это сигнал опасности?

Барт пожал плечами и спросил в свою очередь:

— Мы должны присмотреться к этому повнимательнее, раз мы уже здесь?

Джон покачал головой. Он, как и все находящиеся в его подчинении люди, спешили ступить на твердую землю после стольких месяцев, проведенных в космосе. Но с другой стороны, странное явление должно быть изучено.

— Хорошо. Поблизости не видно чужих кораблей и мы можем подойти к этому странному объекту. Выйдем в обычный космос в полутора световых годах от него. Если это «новая», то мы успеем уйти в гиперпространство.

Оказалось, что это не «новая». И вообще даже не звезда. Там вообще ничего не было. Подходя в гиперпространстве к точке выхода, они отлично видели этот пурпурно-голубой блеск. Но, выйдя в обычное пространство, не увидели ничего. Они сделали несколько осторожных прыжков — и опять ничего. С такого близкого расстояния обычный масс-детектор должен был показать глыбу материи, даже если она и была меньше ванны.

Наконец, огонек появился. Джон набрал программу, требуя информацию от компьютера.

— Домиано? — позвал он товарища через микрофон.

— Да, командор?

— Наблюдаем огонек в четверти мили от корабля. Приказываю

на Разведчике-7 вылететь на обследование этого объекта. Мы будем наводить вас по нашему масс-детектору.

Джон подождал, пока ему не доложили, что экипаж занял свои места в малом корабле, и выпустил его наружу.

— Мы отошли, командор,— доложил Домиано.

Джон ввел в компьютер, наводящий на цель Разведчик-7 данные.

Через некоторое время Домиано доложил:

— Мы ничего не наблюдаем, командор.

Джон посмотрел на экран радара, там ничего не было. Расстояния в гиперпространстве были гораздо больше расстояний в обычном пространстве. Тогда он запрограммировал запрос компьютеру и тот час же получил ответ на дисплее:

«ОБЪЕКТ, ВЫЯВЛЕННЫЙ МАСС-ДЕТЕКТОРОМ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОБНАРУЖЕН РАДАРОМ».

Джон поразился этому абсурдному заявлению. Может быть компьютер, приспособленный к условиям психологии другой расы, не может оперировать земными понятиями?

— Домиано,— позвал он.— Оставайся пока там, где находишься!

Потом задал следующий вопрос компьютеру:

«БЛЕСК СУЩЕСТВУЕТ В ТОМ МЕСТЕ?»

Ответ был обескураживающим:

«БЛЕСК НЕ СУЩЕСТВУЕТ. ОН НАХОДИТСЯ В ПОЛОЖЕНИИ «МАРКЕРА».

Слово «маркер» определенно было взято из английского языка, основы которого были заложены в этот чужой компьютер.

Джон снова задал вопрос:

«МАРКЕР ИЗГОТОВЛЕН КЛИП?»

«ДА»

Он с облегчением вздохнул.

— Домиано, ты слышал?

— Да, командор. Подойти ближе и осмотреть его?

— Давай, но будь осторожен.

— Есть, сэр.

Домиано был слишком осторожен, так как прошло более получаса, когда раздался его голос из динамиков передатчика:

— Командор, тут ничего нет! Ни в оптике, ни на радаре, ни на масс-детекторе.

— Хорошо. Возвращайся!

Пока Разведчик-7 возвращался назад, Барт и Джон переключили систему детекторов на работу в нормальном пространстве. Дальнейшие распросы компьютера ничего не дали. Машина напоминала гениального идиота, который зациклился на существовании «блеска», объясняя, что этот объект находился в положении «маркера» и соглашался..., что ничего материального в этом месте нет.

В конце концов Барт пожал плечами:

— Здесь нет другого объяснения, кроме того, что это должно быть какой-то условный знак, который понятен только клип и их

приборам. Мы можем больше не обращать на него внимания.

Но эта загадка еще долго мучала Джона на протяжении всего многочасового пути в район империи Гохд.

17

Бульвенорг и Густен сидели в Разведотделе, выслушивая рапорт офицера. Бульвенорг отметил, что молодой офицер проявляет незаурядное мышление. Тем временем на столе появился рисунок чего-то, что скорее всего было космическим кораблем в пять или шесть раз большим своей длины.

— Это, господа, рисунок, сделанный со слов очевидцев. Судя по его описанию, вокруг корабля было около двадцати колец. Я применяю здесь слово «кольцо», хотя знаю, что значение этого слова бизх могут перевести, как «пояс» или поочередно уложенные круги (может быть вместо кругов могут быть кружки, бизх не делают такого различия). Круги не касаются друг друга и находятся на расстоянии, по крайней мере, длины их диаметра. Эти круги являются более темными, чем корпус, который кажется толстым и монолитным, за исключением этих кругов. Очевидец не наблюдал внешних сенсоров. Конечно, можно понять, что с такого расстояния от корабля он не мог разглядеть предметы столь малого размера. Но надо отметить, что бизх имеют остроту зрения выше, чем у нас...

Он замолчал, давая время начальникам на внимательное изучение рисунка.

— ... Это позволяет сделать вывод,— продолжал он,— что корабль имеет триста или более этих темных кругов, назовем их люками, из которых часть, или даже все могут прикрывать разного рода оружие. Очевидец утверждает, что видел по крайней мере, тридцать открытых люков и оружие, действовавшее из корабля. Это было типовое вооружение: орудия, лучеметы и лазеры. Скорость этого чудовища была такой же, как и скорость нападавших. Бизх утверждает (к сожалению мы не в состоянии проверить верность его слов), что корабль был готов к прыжку в гиперпространство за время меньшее, чем четыре минуты.

— Т-а-а-к,— Бульвенорг протянул руку за снимком.— Этот свидетель оценил длину корабля в три тысячи футов?

— Да. Однако надо признать, что из-за неисправностей дальномеры и фотоаппараты не смогли зарегистрировать этот корабль.

Бульвенорг усмехнулся и повернул голову к Густену:

— Расчеты размеров корабля говорят о богатом воображении бизх.— Он снова уставился на молодого офицера.— А что они говорят о малых кораблях? Они сражались до тех пор, пока не появился большой корабль?

— Очевидец полностью подтверждает данные нашей разведки, сэр. Одно крыло Вооруженных Разведчиков с большим кораблем измерением в 40 тыс. тонн.

— Не было найдено ни одного трупа в обломках подбитого Разведчика? Можно было бы идентифицировать его и определить расу нападавших!

— Нет, сэр. Описывая то, что мы смогли собрать, можно употребить слова «мясо нашинкованное и поджаренное».

— Из этого тоже можно было бы сделать кое-какие выводы...

— Нет, сэр. Очень многие гуманоидные расы содержат в клетках своего тела одни и те же химические связи.

— Личные вещи экипажа?

— Они могут принадлежать любому представителю любой гуманоидной расы.

— Т-а-а-к,— протянул Бульвенорг. Он сделал небольшой глоток.— Меня поразило, что вам удалось уговорить командующего базой Бизх поделиться информацией. До сих пор этого не удавалось сделать.

Офицер улыбнулся.

— Им ничего не оставалось делать. Я дал ему свое честное слово, что среди нападавших не было ни одного вильмутца, и что мы тоже кровно заинтересованы в решении этой загадки. И что главной целью нашей миссии является устранение возникающих недоразумений между нашими расами.

Бульвенорг прыснул от смеха.

— Это хорошо. Вы нашли самую убедительную причину, объясняющую наши действия. Все было проделано в общем-то неплохо... Теперь, еще. Тот офицер — бизх, с которым вы контактировали при получении информации об этом гигантском звездолете. Мы не могли бы выкачать из него какую-нибудь другую ценную информацию?

Офицер покраснел:

— Да, сэр. Думаю, что он сможет помочь нам. Чтобы завязать контакт с такой чуждой нам формой жизни, мы должны применить все, что имеем...

Густен поднял руку, требуя внимания.

— Я твердо уверен, что атаки на Бизх не являются результатом деятельности какой-то подпольной группы военных нашей Империи. Поэтому уже сейчас я могу доложить нашему правительству, что это провокация какой-то другой расы. В такой ситуации, хотя и существует необходимость взаимопонимания с Бизх на дипломатическом уровне, но все же пока рано выступать с таким предложением перед императором...

Бульвенорг от нетерпения постучал по столу.

— Об этом пока рано говорить! Я хотел бы услышать сейчас, что вам удалось установить по архивам?

Офицер кивнул.

— Да, сэр. Мы обнаружили в архивах все материалы, касающиеся потерянных в боях вильмутских кораблей типа «Вооруженный разведчик». Данные за последние десять галактических лет. Подробный анализ каждого случая показал, что в шестидесяти случаях из ста экипажи погибших кораблей состояли из хелки.

Бульвенорг подпрыгнул в кресле.

— Шестьдесят процентов? — крикнул он.— Это невозможно! А в последние годы?

— Пятьдесят восемь процентов!

Бульвенорг вздохнул:

— А не узнали ли вы точнее количество всех экспедиций в глубокий космос, которые провели Вооруженные Разведчики, на борту которых находились хелки?

Офицер улыбнулся:

— Гибель, связанная с присутствием хелки в экспедициях в глубоком космосе, составляет двадцать два процента всех случаев.

Бульвенорг посмотрел на Густена, но тот с важной миной сделал пальцем знак отрицания.

Бульвенорг опять уставился на офицера.

— А что с большими кораблями типа «Нова»?

— Класса «Нова», сэр? Всего четыре потерянных. И только один был измещения сорок тысяч тонн. Это был новый корабль, сэр, и совершал он пробный полет. На его борту находились хелки-техники...

Бульвенорг встал и начал ходить по комнате. Внезапно он остановился и, глядя куда-то в пространство, тихо произнес:

— Прошу вас все это изложить на бумаге. И как можно быстрее. А дела по бунтам хелки? Это вы должны были тоже проверить! — Бульвенорг вернулся к своему креслу и тяжело сел.

— Неужели эти факты так же ошеломляющие?

— Боюсь, что да, сэр, время от времени исчезает определенное количество хелки, как впрочем и вильмутцев. Исчезновение хелки во время дальних космических рейсов является непропорционально более частым нежели исчезновение вильмутцев. В процессе анализа вероятностей и при сравнении фактов мы вычислили и построили модель организации беглецов, которые занимались фальсификацией записей с целью скрытия исчезновения своих собратьев. Можно с уверенностью сказать, что здесь был замешан по крайней мере один Полный Самец, и кражи кораблей происходили при его непосредственном участии.

Бульвенорг на мгновение прикрыл глаза. Очень волнующий образ начал вырисовываться под его широким черепом. Он открыл глаза, вздохнул, посмотрел на офицера и тихо задал вопрос:

— А что, молодой человек, вы думаете о возможностях сбора где-то этого большого количества беглых хелки? И может ли существовать какая-то тайная колония существ, которые действуют против нас?

— Это только допущение, сэр. К сожалению. Раскрытый на основании наших выводов Полный Самец Хелки уничтожил себя еще до того, как мы смогли допросить его. Вы ведь знаете, сэр, что Полные Самцы могут управлять своими гормонами, вырабатываемыми в организме.

— Я вас спрашиваю, может ли существовать такая колония? — грозно произнес Бульвенорг, наклоняясь над столом и смотря офицеру прямо в глаза.

— Исходя из собранного нами материала, можно считать, что такая возможность существует,— тихо сказал офицер.

Бульвенорг перестал задавать вопросы и задумался. Потом он сделал знак подтверждения, хмуро улыбнулся своим подчиненным и буркнул:

— Это должно быть передано правительству. И как можно скорее.

18

Корабль класса «Вооруженный Разведчик» выскочил из гиперпространства вблизи Акиэля. Послав радиоответ на запрос с планеты, он пошел на посадку. Офицер, оставленный на планете с небольшим отрядом, доложил Джону:

— Командор! Вильмут совершил неожиданный налет на Дессу!

Джон пожал плечами:

— Это было неизбежно. Когда вы узнали об этом?

Несколько дней тому назад. Гохданцы передали нам известие об этом происшествии.

Он посмотрел на Джона виноватым взглядом:

— Сэр, это может означать, что вильмутцы будут искать нас здесь?

— Не вижу причин, по которым они могли бы попасть сюда. Никто не знает о координатах Акиэля. А что с людьми на Дессе? Они захвачены в плен?

— Гохданцы этого не знают. Они сами узнали об этом налете от капитана торгового корабля союзной державы, который садился на Дессу за порцией льна. Вильмутцы ударили сразу по лагерю людей, остальных жителей не тронули. После отлета нападавших прибывшие на место представители местных властей обнаружили следы боя, но не было ни трупов, ни оставшихся в живых.

Джон погрузился в размышления. Что же, это происшествие ничего не меняло. Важнее всего сейчас было встретиться с Омниархом.

— Вы объявили состояние боевой готовности? — спросил он.

— Да, командор. Я так же доложил обо всем Полному Самцу.

— Хорошо, лейтенант. Я тоже поговорю с ним.

Поиски Полного Самца заняли у Джона остаток дня и часть следующего. Когда Полный Самец был найден, он внимательно выслушал Браузена и сказал:

— Вот уже восемь наших дней нет никаких сведений о моем предке, командор. Я сам хотел бы встретиться с ним и обговорить одно дело. Этот факт вместе с новостью о нападении вильмутцев заставляет меня бояться, как бы с ним чего не произошло.

Джон раздраженно пробормотал себе под нос какое-то проклятье и громко произнес:

— Несмотря ни на что нужно его найти! Дело очень важное.

— Сделай это, Джон Браузен. Но имей в виду, что если мой предок попал в неприятности, то цепь взаимопонимания между ним и мной может быть разорвана в каждый момент, если это уже не случилось. А тогда я сам должен буду позаботиться о безопасности этой планеты.

— Это означает,— вспыхнул Джон,— что вы наложите на нас какие-то ограничения?

— Нет, Джон Браузен. Я не могу сделать этого. Но прошу вас прежде всего о сохранении тайны.

Джон постарался сдержать гнев и раздражение. Тихо и спокойно произнес:

— Конечно же мы храним тайну. Но... мы сдержали слово и закончили первую фазу плана Омниарха.

— Я отправлю эту информацию. Вы подождете ответа?

— Нет. Я еще должен встретиться с главнокомандующим Гохд. Как вы знаете, есть определенное место, в котором я уже встречался с Омниархом. Он оставил там наблюдателя.

— Эта информация также будет передана, командор.

Вез До Ган наморщил лоб.

— Нет, не имею понятия, где может скрываться Омниарх. Он физически очень силен и может устроить себе убежище почти на каждой хлорофильно-белковой планете. А поскольку ему удавалось столько лет скрывать свои мысли, то следовательно он является очень умным и хитрым существом. Например,— Вез До Ган усмехнулся,— он никогда не говорил, где находится Акиэль, хотя я неоднократно пытался разыскать эту планету.

— В любом случае спасибо,— вздохнул Джон.— Вы просмотрели мой рапорт, который я послал вам после налетов на границы Бизх?

— Да.— Вез До Ган поднял маленькую модель космического корабля, которая лежала на столе как пресс-папье и начал водить ее рукой.— Как ты знаешь, мой друг, Империя Гохд очень демократична и... терпит из-за этого очень много неудобств. В результате мое начальство получает неприятности. Несмотря на это, высшие чиновники моего правительства согласились в свое время на небольшую операцию, которая должна была сдержать экспансии Бизх, но сейчас они начали склоняться к другой точке зрения. Я получил приказ о прекращении дальнейших акций против Бизх. А кроме всего прочего, я обязан ограничить контакты с людьми и другими наемниками.

— Это совпадает с моим рапортом. Мои подчиненные считают, что условия договора выполнены. И надеются, что ваши руководители не нарушат наше соглашение о том, что нам выделяется планета, где мы могли бы поселиться.

— Может быть, приказы и запретят это,— Вез глубокомысленно махнул рукой,— но есть возможность трактовать эти приказы так, как нам нужно. Лично я не намерен заставлять вас покинуть эту планету, но вы не должны рассчитывать на расположение моего руководства, если оно там вас обнаружит. Я советую вам проявлять максимум осторожности.

Это заявление вызвало у Джона неприятное чувство. Он должен был играть краплеными картами со своим хорошим другом.

— Я по достоинству оцениваю твою заботу и благосклонность к нам, Вез. Но это может поставить тебя в очень неприятное положение.

Вез До Ган ухмыльнулся.

— Это меня не волнует. Эти гонения на наемников не продлятся слишком долго. Известно, что в каждой империи постоянно разыгрываются какие-то интриги. Не исключено, что Вильмут и Бизх договорятся о сотрудничестве и тогда, сам понимаешь...

Они довольно долго молчали, потом Вез прервал тишину:

— Коллега, хотя наши контакты с Бизх очень слабые и непостоянные, но, однако, они все же существуют. От одного из наших разведчиков пришло сообщение...

У Джона возникло нехорошее предчувствие, но он все же заставил себя улыбнуться.

Вез До Ган продолжал:

— Знаю, что ты весьма чувствительная натура. Понимаю, что это очень свойственно твоей расе,— он умолк на несколько секунд.— В этом донесении говорится об огромном корабле, который невозможно построить, используя современную технологию. Координаты пространства, где был замечен этот корабль, совпадают с координатами, указанными в твоем рапорте...— он глубоко вздохнул.— Пойми, я тоже люблю свою расу. И все, о чем я сейчас прошу тебя, это отыскать какой-либо способ (насколько это возможно), чтобы твоя лояльность и моя могли существовать, не мешая друг другу. Прошу тебя очень подумать над этим.

— Это означает, вспыхнул Джон,— что ты мне не доверяешь?

Вез До Ган, почти как человек, развел руками.

Джон успокоился и улыбнулся.

— Ну, хорошо,— произнес он.— Да, действительно существует огромный корабль. Конечно, легко можно узнать, откуда он взялся. Так вот, он построен расой Клип. Хорошо, что ты вспомнил, что я должен соблюдать лояльность к своей расе. И думать о безопасности тех нескольких десятков людей, которые доверили мне свою судьбу. Но есть, однако, еще кое-что...— он замолчал, переживая свои чувства.— Моя раса,— заговорил он тише,— не может умереть! И она не умрет! Понимаешь это, Вез? На одной планете находятся наши женщины, и они могут принести нам детей!

Он наблюдал за выражением лица гохданца — удивление, изумление, возбуждение, и, в конце концов, веселье.

— Прошу тебя больше ничего мне не говорить! Я попробую сам

немного поразмыслить. Конечно же, только Омниарх знает, где находятся эти ваши женщины, не так ли? И именно он вытащил тебя с Дронгалии, пообещав корабль и помощь. Он же помог собрать тебе людей. Нужно признать, что он дьявольски все это ловко придумал.— Вез До Ган внезапно стал серьезным:

— Я теперь понимаю, как мало возможностей было у тебя, но несмотря на это не забывай, что я все же гохданец. Скажи мне, Джон Браузен, как мы можем по-доброму уладить наши отношения?

Джон глубоко вдохнул в легкие воздух и произнес:

— Мне кажется, что такой способ можно найти. Когда мы встретимся с женщинами и укроем их в надежном месте, я отдам тебе этот корабль. Ты можешь полететь со мной и научиться управлять им. Моя раса и так очень мала, к тому же она получила очень хорошую науку, чтобы и через сто лет не иметь охоты подниматься в космос. Нам нужна сейчас тихая планета, в каком-нибудь закутке Галактики. И больше ничего. Я думаю, что мы будем счастливы даже тогда, когда придется вернуться к передвижению на животных.

Вез До Ган надолго задумался.

— Ну что ж,— прервал, наконец, он тишину,— такое соглашение вполне возможно. Думаю, что никто из моих людей не будет против. А если даже и... то все равно будет поздно.

19

Невооруженный транспортный корабль Гохда типа «малого крейсера» (его легко было распознать благодаря вогнутым консолям, в которых находились гравиприводы специального назначения) вышел из гиперпространства между четырьмя парами двойных звезд. Быстрый взгляд на шар масс-детектора подсказал Джону, что согласно договоренности «Луна» прибыла уже сюда, чтобы предупредить Барта о визите гохданского корабля.

Джон посмотрел на Вез До Гана:

— Ну что ж,— Джон сделал широкий жест и усмехнулся.— Корабль перед вами, мой друг.

Вез скорее не слышал ни единого слова. Он стоял вытянувшись и уставясь в экран, на котором величественно плыл в пространстве огромный чужой звездолет. Его губы медленно двигались, не издавая, однако, никаких звуков, дыхание было учащенное. Наконец он оправился и повернулся к Джону:

— Во имя пространства! Он такой, как ты говорил! Но ни одно описание не заменит зрелища, увиденного воочию. Несмотря на то, что я был готов к чему-то подобному.

— Неплохо выглядит,— не так ли? Ну что ж, давай перейдем на его борт,— Джон наклонился к микрофону. Но не успел он сказать и пару слов, как голос Барта опередил его:

— Джон, слушай, у нас неприятности. Полный Самец прислал сюда один из наших кораблей с известием. Ральф Цолл говорит, что хелки едва не ударил его, когда он не сообщил ему координат этого убежища. В конце концов он его отпустил. Омниарх попал в беду. Вильмут узнал о нем и о его планах. Сейчас они разыскивают его. Он скрывается на планете, где мы раздобыли «Берту». Вильмут пока что не знает, где он, но знает, где он был перед этим. Поэтому ведут наблюдения, на случай, если он объявится. У него нет корабля и возможности выжить, если только мы не придем ему на помощь. Полный Самец с Акиэля не знает, могут ли находиться в том районе большие силы Вильмута. Он говорит, что знает способ договориться с тобой, если ты доберешься туда. Цолл говорит, что Хелки на Акиэле ведут себя, как рой ошалевших от бешенства пчел. Никогда не знал, что они могут вести себя подобным образом.

Джон внимательно посмотрел на экран.

— Когда Цолл оказался здесь?

— Около семи часов тому назад. Но сейчас его уже нет. Перед отлетом он настаивал на скорейшем возвращении на планету к Вез До Гану, когда... когда мы закончим со всем этим.

— Барт! — позвал он в микрофон.— Надо рассказать Везу о женщинах. Он ведь наш союзник.

После долгих минут молчания Барт отозвался. Его голос звенел от гнева и неудовольствия.

— Ну что ж... А Цолл полетел искать тебя. Он сказал мне, что дал слово Полному Самцу и не может его нарушить.

У Джона заломило в висках и он ощутил спазм желудка.

— Цолл испуган до смерти,— сказал он.— К черту, Барт. Сейчас все зависит от Омниарха. Послушай! Мы выходим на палубу. За это время постарайся отослать приказ всем нашим людям. Пусть прибывают сюда немедленно! В первую очередь мы должны побывать на планете, полученной от Гохд, чтобы забрать оттуда все снаряжение. Затем мы должны будем двинуться на спасение Омниарха. Говорил ли Полный Самец что-нибудь о помощи?

— Да. Он обещал прислать достаточное количество хелки-воинов, а также техников, чтобы укомплектовать малые корабли. Сам он тоже прилетит, если будет знать куда.

— Хорошо. Давай координаты людям на Акиэле, чтобы они забрали с собой Полного Самца.

Гохданский звездолет уже швартовался к «Берте», когда Джон решил, что внутрь корабля быстрее будет пройти через люк. Он с нетерпением ожидал раскрытия шлюзов после того, как ангар наполнится атмосферой, и тут Вез с внезапной заинтересованностью спросил его:

— Джон Браузен, а где находится та планета, за которой наблюдает Вильмут?

— В вашем районе. В нескольких световых годах от планеты, которую вы нам подарили.

— Жаль, конечно,— с сожалением вздохнул Вез,— что у нас столько времени был в руках этот корабль клип, а мы даже не догадывались об этом. Ну, да ладно. Раз Вильмут влез на нашу территорию, это упрощает дело. Но с другой стороны они могут впихнуть меня в грязь нелояльности. Ну и пусть! Я сделаю это, если ты так хочешь! Я дам в ваше распоряжение личную гвардию. Тридцать совершенных, прекрасно оборудованных кораблей, хотя ни один из них не тяжелее легкого крейсера. К тому же, я готов встретиться с вами в том месте, где только ты укажешь. Если принять во внимание последние законы, я могу объявить их пиратами. Или можно их спровоцировать и вынудить к явной атаке. А потом ударить!

— Зачем? — удивился Джон.— Не проще ли будет послать радиограмму? Это будет равносильно.

— Отлично! — Вез повернулся к пульту.

Огонек на контрольной панели показал, что давление снаружи и внутри корабля уравновесилось. Человек и Гохданец вышли из камеры и двинулись в сторону коридора, который должен был привести их в зал Центрального управления.

Внезапно Джон остановился.

— Вез!

— Что случилось?

— Если дело дойдет до сражения вблизи планеты, мы можем зацепить Омниарха!

Вез раскрыл ладонь в знак подтверждения и спросил:

— Эта планета с ограниченной жизнью?

— В очень малой степени. Сухая и к тому же бедная кислородом.

Вез остановился.

— Что ж,— сказал он наконец,— думаю, что именно тебе придется командовать.— Ты был там раньше... И речь к тому же идет о существовании твоей расы...

«Луна» нырнула в гиперпространство. Джон и Вез на самом деле хотели бы находиться сейчас на борту «Берты», судовые приборы которой показывали дислокацию вильмутцев. И в то же время они не хотели видеть «Берту», из-за гвардии Вез До Гана. Это могло угрожать их недавно заключенному союзу.

Джон принялся размышлять, как провести сражение возле сухой планеты. Он сомневался в том, что вильмутцы вступят в бой без колебаний. Они могли скорее решиться на бегство, как только «Луна» и вооруженные разведчики появятся из гиперпространства. Они вынуждены будут быстро решить, чьи это корабли, так похожие на их собственные. А как они отреагируют на эти корабли в соседстве с флотом Гохд?

Но сейчас это было не столь важно. Где на этой безжизненной планете мог скрываться Омниарх? Наверняка не вблизи огром-

ного пролома, который образовался из-за выходящей «Берты». Это было самоубийством — к этому времени вильмутцы наверняка успели обыскать дыру и ее окрестности несколько раз. А если при этом догадались, что там находилось, то довольно тщательно. Они наверняка догадались обо всем, раз уж Вез догадался о правде на основе одного рапорта. Если бы поиски убежища Омниарха заняли много времени, весь флот Вильмута мог бы появиться возле этой планеты. Они со всей готовностью бросятся в тотальную войну с Гохд, как только их разведка донесет, что ставкой в этой войне является наследство Клип. А Джону было хорошо известно, что империя не ведет медленных и тяжелых войн. Он помнил те минуты бессильного отчаяния, когда вдруг все пространство вокруг земного флота озарилось блеском вильмутских боевых кораблей. Он помнил безнадежное ощущение приближающейся смерти и тот единственный шанс... даже не целый шанс, а крохотная частичка этого шанса, которая позволила смешаться ему с флотом врага на время, которое казалось вечностью, а на самом деле длилось всего две с половиной минуты...

Это стало причиной замешательства имперцев и позволило кораблю Джона нырнуть в гиперпространство, успев перед этим сделать залп всеми бортовыми орудиями. Происходило это уже спустя сорок восемь часов после катастрофы, и Вильмут в пьяной радости победы гнал, разметывая на обломки, остатки земного флота. Сейчас они могли быть такими же беспощадными. К счастью, по крайней мере Барт Ланге и несколько мужчин были в безопасности на «Берте». В безопасности, но без абсолютно необходимой людям информации, которой располагал только Омниарх.

Джон посмотрел на Полного Самца с Акиэля, крепко спящего на своих четырех широко расставленных ногах и сжимающего сильные большие ладони в кулаки, прижатые к грубому туловищу. У хелки была странно вытянутая шея, а глаза уткнулись в хронометр, в тот самый, за которым краем глаза наблюдал Джон. Скоро они выходят из гиперпространства.

Выход!

Джон тут же забыл о своих сомнениях, его глаза перебегали с экрана на детектор массы и обратно на экраны. Он считал корабли. Это не были его разведчики, это также не были корабли Вез До Гана. Они должны были выскочить через несколько секунд, чтобы дать время Джону для определения позиции врага.

— Джон! — крикнул Вез.— Они уже в досягаемости телескопа. Можно определить их класс!

Джон нашел время для того, чтобы сделать жест открытой ладонью. Затем обе его руки забегали по клавиатуре, программируя первые данные и сообщения для своих кораблей. Наверняка между кораблями Вильмута уже налажена связь, и рекой потекли приказы и информации. Джон к тому времени уже успел определить и локализовать все малые корабли противника на этой стороне

планеты. Из интеркома раздался голос Кальнера Домиана и Ральфа Колла:

— Визуальный контакт с крейсером Вильмута. На борту, согласно опознавательной таблице, двадцать тяжелых ракет или сорок легких, четыре лазера и четыре лучемета... Командный звездолет эскадры находился на той стороне планеты... Радиотишина... Связь идет на лучевом уровне...

Внезапно на экранах показались один за другим два пятнышка, за ними тут же — третье, вынырнувшие из-за горизонта планеты. Они тут же начали сближение с легким крейсером Вильмута. Третий блеск был самым сильным. Похоже, что это был флагман, крейсер типа «Нова». И вдруг на протяжении нескольких секунд экран детектора массы весь покрылся искрами. Джон с беспокойством, длившемся мгновение, наблюдал за тем, как отметки целей располагались на экране, но затем успокоился. Это были его корабли.

Через пять или шесть секунд все искорки, означавшие корабли Вильмута, исчезли.

Джон ударил по клавише интеркома:

— Всем внимание! Запрограммировать системы поиска и уничтожения! Если надо — применять сенсор! Я не знаю, что искать, но это ничего не значит!

Искры изменили свое положение, и небольшая флотилия начала окружать планету.

— Домиано!

— Да, сэр!

— Посылай Барту Ланге каждые пять минут позывные. И давай ему все данные, какие только удастся собрать.

— Есть, командор!

Джон вздохнул. Сейчас начнется наихудшее. Полоса беспокойства, полоса ожидания. Вильмут наверняка только догадывается, что Омниарх находится здесь, но одно ясно и так — эта пустая планета стоит боя. Сколько времени займет у командующего вильмутцами выработка решения? Где находится его вышестоящее руководство, которое может приказать начать сражение? Может быть, в темном пространстве в пяти минутах лета отсюда или может быть в нескольких часах, уже в регионе Вильмута? И как долго продлится поиск Омниарха, и смогут ли его обнаружить?

Оказалось, что Джон недооценил старого Хелки. Как только они сделали первые облеты планеты, в надежде получить необходимую информацию, как в микрофоне раздался мужской голос:

— Здесь номер Восемь. Вижу блеск, похожий на свет морского маяка. Дальность около тридцати миль левее моего корабля. Приблизительно на линии терминатора. Похоже, что свет находится на высоте семи или восьми футов над поверхностью планеты.

Одновременно несколько кораблей Веза передали аналогичные сообщения.

— Держи его, Восьмой! — крикнул Джон.— Но будь осторожен! — И тут же он начал что-то говорить в микрофон по-гохдански.

Через несколько минут номер восемь опять отозвался:

— Поймал слабую звуковую волну с поверхности. Думаю, что это Омниарх!

Джон, Барт, Омниарх и Полный Самец с Акиэля сидели в зале Центрального Управления «Берты». Омниарх выглядел в целом как обычно, несмотря на то, что его только что спасли.

— Мне могло хватить кислорода еще на десять — двенадцать часов, если бы я не был вынужден передвигаться с места на место. Я выбрал себе убежище в откосе высохшего русла реки. У меня была радиостанция, немного бисквитов и фляга с водой. И, конечно же, прибор дистанционного контроля Клип. В последнее время я смог узнать еще кое-что об их старой технологии. Мне удалось расшифровать более подробно записи Клип и произвести эффекты молнии и взрыва. Если бы не удалось использовать первое, то второе получилось бы наверняка.— Хелки посмотрел прямо в глаза Вез До Гана.— Не ожидал увидеть здесь столь милого моим глазам Командующего Объединенными Космическими Силами Гохда и его маленькой гвардии.

Вез со спокойным лицом слушал рассказ Омниарха и только по его глазам можно было понять, сколь велико охватившее его внутреннее напряжение.

— На этой планете много изделий Клип? — бесстрастно спросил он.

Омниарх с напускной веселостью покачал головой.

— Видимо так, приятели и друзья. До сих пор в моих руках побывало двести четырнадцать предметов культуры Клип. И думаю, что это еще не конец. А сейчас я бы хотел услышать от вас самое главное — к какому соглашению вы пришли. Вижу, что это так, коль скоро вы собрались вместе.

— Да,— Вез До Ган сделал знак открытой ладонью.— Джон обещал мне этот корабль, когда он обоснуется со своими людьми и женщинами на выбранной планете. Я многим рискую, ставка очень высока...

— Включая, видимо, то, что ты не имеешь поддержки своего правительства,— кивнул Омниарх.— Извини меня, гохданец, но я тоже должен буду поставить тебе небольшое условие. Видишь ли, мои планы находились в стадии кризиса, что вынудило меня к нежелательным в целом ходам. Сейчас речь идет о всей моей расе, восставшей против Вильмута. Нас не страшит то, что многие могут погибнуть в этой борьбе. Мы знаем, что только единицы смогут завоевать временную свободу и добраться до места (как это удалось мне

рассчитать), где мы будем иметь шансы на абсолютную безопасность. Я говорю о счете световых лет на сотню миллионов...— он по очереди поднял каждую из ног.— Успех нашего отхода будет зависеть от быстроты перелета и экскорта сопровождающих военных звездолетов прикрытия. На это потребуется помощь ваша, Вез До Гана и Джона Браузена.

В голосе гохданца прозвучал легкий тон издевательства или оскорбления:

— Почему же я должен помогать тебе, уважаемый Омниарх? Это твоя, а не моя раса воюет и скорее всего безнадежно. А сейчас, я хоть и ударился в определенные интриги, но это не значит, что я не чту интересы Гохда. Ты просишь, чтобы я обеспечил тебе безопасность своими кораблями и экипажами. А как же наш официальный и очевидный мир с Вильмутом? Что мы сможем получить взамен, кроме неприятностей? Сколько будет стоить такой риск, как по-твоему?

Омниарх хмыкнул:

— Это хорошо, что ты договорился с Джоном Браузеном, хотя я немного не так планировал. Но это все равно соответствует моим планам. А что же касается стоимости риска... В твоем распоряжении остаются все предметы Клип, укрытые на этой мертвой планете. Я могу проводить вас в исполинское хранилище, где находятся кое-какие артефакты этой загадочно исчезнувшей цивилизации. Хочу сказать, что это хранилище было создано исключительно благодаря моим усилиям. И было бы очень некстати, если бы оно попало в руки имперцев.— На его толстых губах появилась горькая улыбка. Омниарх посмотрел на Джона.— Я назвал это хранилище Виварием. В нем находится определенное количество различных типов животных, помещенных туда когда-то Клип. Там же находятся женские особи вашего вида, Джон Браузен.— Омниарх перевел взгляд на гохданца.— Но чтобы добраться до этого хранилища, Вез До Ган, потребуется моя помощь. Даже, если бы вы знали его точное местоположение, то попасть вовнутрь не смогли бы даже ваши лучшие ученые. И в течение многих ваших поколений...— Он прервался на минуту.— Извините. Должен исправить некоторую неточность моего рассказа. Я не могу пожертвовать вам Вивариум. Он является гарантией безопасности тех из моей расы, которые останутся жить. Это наш залог безопасности. Но я отдам вам большинство из предметов, которые находятся там, а также всю информацию о технологии Клип.

Вез сорвался с кресла и заходил по залу. Повернувшись, он почти подбежал к Омниарху и почти уткнулся в лицо Великого Хелки.

— Ты говоришь так, будто Гохду не удастся провести изыскания на планете, которая находится в нашем регионе! Кажется мне, хромоногий, что ты потерял все козыри и теперь блефуешь!!!

Омниарх выглядел, как весельчак на ярмарке.

— Если хочешь, можешь искать! Думаю, что при помощи собран-

ных специалистов, ты сможешь много попылить на планете. Но это, в общем-то, ничего не даст, так и знай! Не забывай также, что когда вы будете безуспешно рыться в земле, Вильмут тем временем будет стремиться к той же цели. Ни они, ни Бизх не упустят случая сделать правильные выводы, видя этот огромный звездолет, на борту которого в данный момент мы находимся. Свяжут также они создавшуюся ситуацию и с хелки. Подозреваю также, что уже через небольшой промежуток времени они будут очень много знать. Значит и без меня и моих соотечественников найдется очень много претендентов на сокровища, и вы будете только третьими в этом деле.

— А кому сейчас принадлежит этот корабль, на борту которого мы находимся? — буркнул гохданец.

Омниарх ответил с едва уловимой улыбкой:

— Командору Джону Браузену, который сейчас им командует, приятель. Но он связан со мной условием, гарантирующим что-то очень важное для его расы. Очень! И если он обещал тебе какие-то права на этот корабль, ну что ж, это его дело. Меня это не интересует, за исключением, конечно, применения этого корабля.

Вез повернулся спиной к Хелки и коротко спросил у Джона:

— Я могу послать отсюда несколько приказов?

После минутного молчания Вез постарался разъяснить:

— Если уж я решился вляпаться в это безумие, то должен приказать собрать более мощные силы. И должен предупредить своих начальников о возможности добыть предметы Клип.

Джон больше не колебался. Он хотел покончить с торгом, который легко мог перерасти в откровенный спор.

— Конечно же, ведь товарищи по оружию,— сказал он.

20

«Луна» быстро мчалась над поверхностью безжизненной планеты. Джон нервничал, наблюдая за детектором массы. Вез сидел в кресле второго пилота, готовый каждую секунду послать сигнал своему флоту, находящемуся в культпространстве в нескольких световых секундах от планеты. Омниарх прижимал к себе круг прибора дистанционного обнаружения Клип.

До сих пор ни один чужак не появился вблизи. Внезапно Хелки крикнул:

— Что-то есть. Вез! Джон!

Браузен резко остановил звездолет в миле над поверхностью планеты. Омниарх нажал какую-то клавишу на приборе. В течение долгой минуты ничего не происходило. Затем сирены «Луны» издали пронзительный вой. Джон бросил быстрый взгляд на приборы — это была неаварийная, тревога. Какая-то довольно большая масса металла появилась вблизи корабля. Он выключил сирены. Затем на боковом визире проследил курс. Вращая рукоятки, он увеличил изображение на экране. Что-то понемногу появилось перед глазами, точ-

но так же, как и тогда, когда гигантский корабль Клип медленно вырисовывался перед ним. Но этот предмет был гораздо меньше. Он имел футов двести в длину и футов десять в диаметре. Поверхность его была светло-серой, без каких-либо выступов, без характерных особенностей и имела форму идеального цилиндра. Он наблюдал, как это «нечто» свободно выходило из поля действия детекторов.

— Омниарх! Насколько оно безопасно, чтобы поднять его на палубу?

— Этот предмет *абсолютно инертен*. Но сначала позволь мне кое-что продемонстрировать.— Он снова наклонился над прибором дистанционного управления.

На экране Джон увидел небольшой предмет, который появился под неизвестным объектом и начал медленно падать на поверхность планеты.

— Что это было? Крышка люка? — воскликнул гохданец.

— Нет, Вез До Ган. Эта вещичка — попросту пучок электрических проводов. Я приказал выбросить этот пакетик. Иначе нельзя было овладеть этим цилиндром, не уничтожив его при этом. То, что вы видите сейчас на экранах — это просто масс-транспортировщик, который обеспечивает пересылку предметов на любое расстояние. Но сам механизм этого аппарата, Вез До Ган, будет загадкой для многих ваших поколений. Даже после получения всей информации от меня. Я могу втянуть эту штуку в люк номер четыре. Если бы здесь была «Берта»...— с этими словами он открыл люк и медленно придвинул масс-транспортировщик к «Луне», а затем аккуратно втянул в люк.

Прошло одиннадцать часов. Прибыла «Берта», и корабли начали патрулировать пространство, подбирая на борт всякие предметы Клип. Безжизненная пустыня планеты исторгла из себя еще около двадцати масс-транспортировщиков, контейнеры (по утверждению Омниарха), начиненные химикатами неизвестного предназначения, запасы плит странного металла, легкого и по прочности не имеющего равного в Галактике, приборы для научных исследований, инструменты и даже *запасы пищи в маленьких запломбированных баночках*.

Быть может, зрелище этого и натолкнуло Джона и Веза на размышления. Когда «Берта» исчезла в нуль-пространстве, Вез первым выложил беспокоившие его мысли:

— Омниарх! Насколько я хорошо помню, ты никогда не говорил, что эти предметы были зарыты на планете.

— Верно, Вез До Ган,— в голосе Великого Хелки звенела насмешка.

— Таким образом, все, что мы выловили,— констатировал Вез,— внезапно появилось вблизи корабля, фиксируясь детекторами массы. *Если бы они были зарыты в землю*, даже на глубину мили, мы смогли бы заметить их с помощью наших приборов. Но они не были зафиксированы. А это может значить только одно. Их там не

было! Значит, ты вызвал их через нуль-пространство из какого-то другого места!

— Верно. Можете считать, что это была моя маленькая шутка. Вез рассмеялся.

— Конечно, ты был прав. Мы могли копать до конца света. Что ж, хорошо. Но в таком случае резонен вопрос. Где находится этот склад, из которого ты транспортировал все эти штуки? Без сомнения он очень далеко. Кроме того можно сделать вывод, что Клип или еще кто-либо в настоящее время пользуются этим складом, непрерывно пополняя его запасы. Разве можно надеяться, что даже при соблюдении самых лучших условий хранения можно обеспечить отличную сохранность продуктов питания в течение минимум 30 тысяч лет?

— Я не думал, Вез, что ты догадаешься, хотя в целом и не удивился бы, если бы все так и было. То, что я вам сейчас расскажу, будет еще более невероятно. Физического расстояния, на котором находятся эти предметы, просто не существует. Оно, это расстояние, не имеет в данном случае никакого значения. Важнее то, что они находятся на расстоянии в тридцать тысяч лет от нас Не световых! Временных!

Вез и Джон, вытаращив глаза, смотрели на него и молчали. Омниарх улыбнулся.

— Не смотрите, как оглушенные, друзья и соратники. Это факт, который я сам только частично смог понять. По-видимому, Клип овладели временем в определенных границах. Они, вероятно, не могли путешествовать в свое прошлое. Но могли всякий предмет, даже невероятно больших размеров, задерживать во времени. А также могли посылать предметы в будущее. Думаю, что они не успели закончить свои изыскания в этой области. Что-то отвлекло их. Долгой кружной работой дошел я до расшифровки записей, в которых говорилось о двух зондах без экипажей, посланных в далекое будущее. Собственно, один из них, сделанный с огромным размахом, я и назвал Вивариумом. Он так огромен, что даже такой корабль, как «Берта», кажется игрушкой по сравнению с ним! Там, Джон Браузен, находятся и ваши женщины. Там, Вез До Ган находится невиданное количество изделий и предметов Клип, которые я тебе пообещал.— Он прервался на минуту, чтобы перевести дух, затем продолжил: — Предметы, которые мы сейчас добыли, происходят из другого склада, построенного для обеспечения экспедиции, которую они собирались послать уже после постройки Вивариума. Мы можем только гадать, что произошло. Может быть, катастрофа, а может быть, еще что-то. Нигде не осталось никаких следов. Можно предположить, что есть еще несколько подобных складов.— Он улыбнулся толстыми губами.— Где-то, приятели (может быть, я должен был сказать когда-то?), какой-то склад работает нормально, обеспечивая через тысячелетия снабжение этой экспедиции. А может быть, Клип продолжают существовать, и кража этих товаров, в конечном итоге, приведет к большим неприятностям для нас? А может быть,

они согласились с такой эвентуальностью, что кто-то неизвестный использует их запасы? Этого посылающие Клип не могут узнать. Только их отдаленные потомки в состоянии проверить, что на складах что-то пропадает. Но мне почему-то кажется, что они существуют в нашем времени.

Джон первым оправился от потрясения:

— Этот... этот Вивариум... Ты говоришь, что там женщины. И что Вильмут охотится за ними...

— Да, Джон Браузен. Но они не смогут добраться до них, если, конечно, не поймают меня. Я был там два раза... Вильмут, конечно, ничего не найдет, потому что Вивариум находится вне нашей Вселенной!

— Что это значит «ВНЕ НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ»?!

— Последний раз я задержал его в нашем прошлом. К сожалению, точного понятия этого прошлого не существует. Каждый раз меняющиеся мгновения прошлого существуют раздельно друг от друга, при этом постепенно отдаляясь от нашего настоящего. Это похоже на равномерно отстоящие плоскости, перпендикулярные к линии, которую называют временем, и движущиеся одна за другой.

Вез заговорил, и в его голосе сквозило недоверие.

— Ты оставил Вивариум в прошлом?

— Да, это все, что я мог сделать.

У Джона от злости кровь запульсировала в висках:

— Ты хочешь сказать, что женщины недостижимы для нас?

— Недостижимы в нашей действительности? Да, прежде всего они недостижимы для Вильмута, пока там остаются. Но я могу и... должен, так как этого требуют интересы моей расы, переправить ваших женщин и весь Вивариум в наше настоящее.

Вез До Ган неуверенно спросил:

— Если ты сам задержал Вивариум в прошлом, то как же ты сумеешь вернуть его?

Хелки выдавил из себя звук, соответствующий земному хихиканью:

— Не напрягай свои мысли, гохданец, чтобы понять этот парадокс. Я уже сам участвовал в таком эксперименте. Я должен сказать, что мое возвращение было очень простым, хотя я и ожидал его конца с определенным нервным напряжением. Не забывайте, друзья, что у меня уже очень долго эта игрушка,— и он показал на прибор дистанционного управления.— Я оставил его здесь в моей действительности и запрограммировал на контроль и возвращение небольшого корабля, служившего мне в этом путешествии.

Через минуту ошеломленный Джон спросил:

— Как далеко в прошлом находится Вивариум? И...— он проглотил слюну,— женщины?

Темные, глубоко посаженные глаза Омниарха заблестели.

— Около тридцати с половиной ваших минут, человек. Но это значит, что с таким же успехом они могли находиться и в другой галактике.

Вез До Ган отошел немного в сторону, чтобы выслушать рапорт вошедшего офицера-гохданца. Потом улыбаясь повернулся к Омниарху и Джону:

— Вещи Клип очень заинтересовали мое руководство. А это моментально меняет ситуацию! Конечно, нужно избегать открытой конфронтации с Вильмутом, но нам позволено любыми путями добыть то, что ты нам обещал. И не только моя гвардия готова отправиться туда, куда ты прикажешь. И нам дают все корабли, которые Гохд захватил в последнее время. Два очень похожих на «Луну», тридцать крейсеров, более ста малых Разведчиков. Все они полностью вооружены. А взамен я должен доставить все предметы Клип, которые будут обнаружены. И еще,— он подошел поближе к Хелки, продолжая улыбаться,— я забыл сказать о так называемом Вивариуме. Кое-что должно перепасть и мне.

Хелки ответил улыбкой, но в голосе его чувствовалось нетерпение.

— Когда эта эскадра прилетит сюда?

— Через пятьдесят или шестьдесят долей. Как только удастся собрать все, что может еще летать!

Омниарх переступил с ноги на ногу.

— В таком случае считаю необходимым, чтобы мы отправились в путь. Оставим здесь только один корабль, как проводника. Мы не можем ждать!

Вез отрицательно покачал головой:

— При подготовке отлета мы едва уложимся в двести долей. К тому же нам требуется еще кое-какое вооружение.

Омниарх издал звук, похожий на гневный вскрик:

— Если нужно, то организуйте встречу позже. Но я настаиваю, чтобы все двинулись как можно скорее. Остальные хелки будут постепенно подтягиваться к нам.

— Хорошо...— вынужден был согласиться Вез До Ган.— Где мы встречаемся?

Омниарх быстро подал таблицу с координатами. Джон знал это место. Далеко в области Дискретности, между рукавами спирали. Почти так же далеко, как и в последнем деле на Бизхе.

Вез вышел. Во время его отсутствия Омниарх сказал:

— Я не знаю размеров флота, который мы можем встретить. Хелкам-невольникам на сотнях мирах дан приказ захватить военные или торговые корабли Вильмута и добираться до места встречи. Вероятно, не все из них прибудут. Я побаиваюсь, что Вильмут вовремя раскрыл этот план, оповестив подчиненные ему планеты о возможности восстания хелки. Миллионы из нас погибнут и миллионы останутся заточенными в каторжных мирах...

Он посмотрел на Джона печальными глазами.

— Ты уже на своей шкуре почувствовал, Джон Браузен, с какой жестокостью вильмутцы реализуют принятые решения. Когда-то они решили уничтожить твою расу. Сейчас они могут затеять то же самое и против моей. А мы не можем сделать так, как сделали

вы: разбиться на маленькие группки и расселиться по множеству миров. Полный Самец не может допустить этого! Каждый из нас должен ощущать рядом и вокруг себя присутствие колонии. Мы должны воспринимать ощущение временных отрезков прошлого, настоящего и будущего. А это требует реализации нашей мечты о свободе.

В первый раз после Уничтожения Джон обрадовался, что в отличии от Хелки все гуманоиды могут довольствоваться любыми условиями жизни и легко адаптироваться. Любой общественный гуманоид технического уровня в случае необходимости мог стать рабочим или схватиться за оружие воевать. Воевать даже голыми руками! Применять в бою даже зубы и когти.

Он сел и уставился на Омниарха.

— Тот... Вивариум, о котором ты говорил. Я понимаю, что там созданы все условия для жизни. Но пространство? Разве оно так велико, чтобы вместить миллионы твоих хелки?

— Да, Джон Браузен! Это кажется невероятным, но поверь, что это так. Я провел много часов, исследуя его автоматы и механизмы, провел несколько больших экспериментов. И многие тысячи часов думал об этом. Но смог понять его возможности и способы функционирования лишь в небольшой степени.

В его глазах, взглядывающихся в Джона, отразилось небольшое беспокойство:

— Даже способ, которым я намереваюсь обеспечить безопасность своей расы, для меня сплошная загадка. Я попробую организовать группу самых квалифицированных специалистов, которые помогли бы мне изучить все, когда мы окажемся там, но я не уверен, что из них до цели доберется достаточное количество. И когда Вивариум перенесется в прошлое, там должны оказаться все хелки. Это будет огромная и трудная задача.

— Ты из соображений безопасности не сообщаешь мне подробностей, когда это произойдет? А у тебя не будет трудностей в определении места, достаточно удаленного от Вильмута?

Омниарх улыбнулся.

— Независимо от того, как долго ты будешь путешествовать, это несравненно мало по сравнению с моим путешествием. Когда женщины покинут Вивариум, а их место займут хелки, нам надо будет перебросить Вивариум в далекое прошлое.

Полный Самец с Акиэля пошел в Центральный Пост управления и стал рядом с Омниархом.

«Как два волка»,— подумал Джон. Он сидел в командирском кресле и внимательно всматривался в Хелки. С легким замешательством в голосе он в конце концов спросил бесцветным голосом:

— А что вы будете делать, если это дело не выгорит? Если вам не удастся справиться с механизмами Вивариума?

— Тогда,— медленно произнес Хелки,— наш род больше не будет иметь права на жизнь, раз не смог добиться свободы. Мы выработаем в своих организмах смертельный яд...

21

«Берта» мчалась сквозь гиперпространство. Джон, Барт и два хелки стояли перед укрепленной в подвесках картой района, через который они пролетали. В иллюзорной сфере золотые блестки были часто сгруппированы на ее поверхности. Они показывали все корабли, сопровождающие «Берту». Это была только меньшая часть флота Джона, гвардия Вез До Гана, а также корабли, приданные им недавно от Гохда. Все они стремились к точке встречи, назначенной хелки. Ланге подошел к сфере, повернул ручку настройки — и рой кораблей тут же устремился внутрь. На поверхности шара появилось большое яркое пятно. Оно состояло из маленьких ярких точек столь многочисленных, что пересчитать их было невозможно — это была группа беглецов-хелки.

Барт внезапно посмотрел на Омниарха.

— Скажи, зачем сфера находится на подвесках?

Омниарх был погружен в свои мысли и, казалось, не слышал вопроса.

Ланге опять повторил его, и только тогда хелки очнулся и ответил:

— Это своего рода амортизаторы и изоляторы,— он протянул руку и коснулся волосатой ладонью сферы.. Тотчас же указатели в окошечках дрогнули, а изображение изменилось.— Ты видишь? Я дотронулся и все изменилось. Поэтому сфера должна быть очень хорошо прикреплена и изолирована от вибрации и сотрясений. Должен заметить, что эти амортизаторы выполнены из специального пластика...

— Почему же эта игрушка просто не летает в воздухе на гравитационной подушке? — перебил его Барт.

Омниарх усмехнулся.

Это уже другой вопрос, а на него я не могу тебе ответить.

Он снова стал наблюдать за детектором массы.

— С этого расстояния мы даже не можем увидеть, какие там корабли, военные или грузовые. Зато мы сразу же можем заметить появление звездолетов Вильмута.

Хелки повернулся к Джону:

— Из соображений безопасности при выходе из гиперпространства мы должны рассеяться на миллионы миль. Беглецы будут прибывать постоянно и группироваться в небольшие отряды. Как ты намереваешься обеспечить порядок и охрану такого количества кораблей?

Джон задумался. Он представил себе огромное стадо овец, охраняемое несколькими пастухами и парой собак в дикой, полной волков, степи.

— Я предлагаю,— буркнул он,— после встречи сформировать колонну, которая начнет двигаться на гравиприводе в направлении цели. Таким образом, мы будем своевременно обнаруживать всех опоздавших, которые будут выходить из гиперпространства. Боль-

шинство наших сил, в случае чего, смогут выйти навстречу звездолетам Вильмута, которые могут появиться на нашем курсе. Одновременно по бокам и сзади колонны на равных расстояниях мы разместим Вооруженных Разведчиков.

Барт нервно произнес:

— А если какие-нибудь опоздавшие появятся прямо перед головой колонны?

Джон пожал плечами.

— Наш план исключает такую возможность.

— Да,— кивнул Омниарх,— кроме того, я предложил бы запланировать несколько больших прыжков в нуль-пространстве для избежания встреч с Вильмутом. Прыжки не вдоль нашего курса, а несколько в сторону, чтобы сбить их с толку.

Джон поднял брови.

— Но при этом же возможны происшествия! Мы можем потерять кучу кораблей из-за того, что они не получат вовремя нужную информацию, или из-за каких-нибудь поломок при прыжках.

Омниарх долго смотрел в сторону.

— Без сомнения. Без этого наше предприятие не обойдется. Конечно же, необходимо постараться уменьшить потери. Но, как говорите вы, люди, на войне, как на войне!

Ожидание становилось невыносимым.

— Выход!

Джон постарался одновременно контролировать показания детектора массы и экран внешнего обзора.

О, пространственный боже! Две тысячи двести семьдесят девять кораблей на обычном удалении от них! И количество их беспрерывно росло! Шар детектора массы покрывался мелкой пылью изображений кораблей, по мере того, как очередные корабли выходили из гиперпространства.

Цифры на экране компьютера мелькали, расплываясь от скорости. Темп нарастал. Минуты, десятки минут, часы тянулись в тягостном напряжении. Минута — блеск! Минута — и три блеска! Две минуты — два блеска! Три минуты...

Джон смотрел на Омниарха.

— Ты установил временные границы для их появления?

— Они уже прошли,— темные глаза Омниарха внимательно следили за экранами.— А количество кораблей намного меньше, чем я ожидал. Мне трудно говорить об этом... Ну что ж... Двинулись!

Джон пробежал взглядом по детекторам дальнего обнаружения. До сих пор чужих кораблей не было замечено. Или, может быть, их просто не было видно в блеске своих? Ведь большинство кораблей беглецов было украдено у Вильмута. Сколько, интересно, шпионов могло скрываться на них?

Он повернулся к Омниарху:

— Мы оставим здесь один звездолет, как маяк, который отправит последних из прибывших в сторону цели.

— Если ты считаешь, что так будет безопаснее, Джон Браузен, оставляй.

Омниарх неподвижно стоял рядом с интеркомом. Затем резким движением дотронулся до клавишей компьютера. В зале стали слышны голоса хелки-пилотов и командиров кораблей, докладывающих о состоянии звездолетов и количестве пассажиров на борту.

— Омниарх! Прежде всего выясни, сколько всего у нас имеется военных звездолетов и какого класса? И самое главное, убедись, что говоришь именно с представителями своего рода.

Хелки усмехнулся, а Полный Самец придвинулся и произнес:

— Не бойся, командор! Если мы уже начали восстание нашей расы, то ни один из нас не изменит Омниарху. Оставшиеся Полные Самцы или Воины скорее погибнут в бою, сражаясь до последнего дыхания, чем запятнают свою честь предательством. Все наши сородичи никогда даже не могут представить себя изменниками.

Джон с сомнением кивнул, оставляя проблему шпионов Омниарху.

— Выбери корабль, который мы должны будем оставить здесь,— сказал он старому хелки.

— Я уже выбрал. Тяжелый крейсер, с полным вооружением и оборудованный сенсорно-лучевыми радарами. Он двигается сейчас к боку колонны. К твоему флоту мы добавляем одиннадцать боевых кораблей, Джон Браузен. Пять тяжелых и шесть средних крейсеров. Кроме этого, тебе будут приданы двадцать три Вооруженных Разведчика. Они не имеют комплекта торпед, так как находились в ангарах, откуда их похитили.

Джон нахмурил брови.

— Это будет не очень большая помощь, если нагрянут большие силы противника.

— Пускай только сунутся. Свобода или смерть!

Джон скривился, как от страшной зубной боли. Такое положение дел его не устраивало. Но делать было нечего. Отступать было уже поздно.

И вдруг, на экране появились новые точки.

— Домиано! — крикнул он в микрофон.

— Да, сэр?

— Подготовка к гиперпрыжку. Готовность номер один! Быстро! Корабли противника!

— Есть, сэр!

Включились системы корабля, обеспечивающие прыжок. Задержав дыхание, Джон наблюдал на экране внешнего обзора за кораблем, который был им оставлен в арьергарде. Дюжина или больше только что появившихся точек начали окружать его. Внезапно на детекторе появились новые корабли и с ходу вступили в бой на гравиприводе. Это были, вероятнее всего, опоздавшие хелки, которые вырвались из гиперпространства и оценив безнадежность ситуации, ввязывались в столь безнадежный бой, даже не пытаясь бежать. Блестящие огоньки кораблей хелки гасли один за

другим, по мере того, как их настигали торпедные залпы вильмутцев.

Одному из кораблей обороняющихся удалось исчезнуть без помощи Вильмута, что означало, что он ушел в гиперпространство. Но куда он попадет? Ведь у экипажа совершенно не было времени для правильной ориентации прыжка! Хелки, находившиеся на его борту, были обречены на верную смерть. Оторвавшиеся от своего рода, они были похожи на муравьев, оставшихся без муравейника.

Медленно тянулось время. Вытянутый рой огоньков, высвеченный на детекторе, плавно разворачивался. Огромное их количество должно было рассредоточиться, чтобы при выходе из гиперсферы корабли не оказались «наложенными» друг на друга с последующим взаимным уничтожением. Со всех звездолетов, за исключением «Берты», нельзя было наблюдать из гиперсферы, что делается в нормальном пространстве. Находясь в прыжке, они были глухи и слепы.

— Джон! — голос Барта позвал командира к пространственной сфере. На самом краю ее появилась пурпурно-голубая точка, медленно надвигавшаяся в центр сферы.

— Ты помнишь это?

Джон помнил. Он тут же повернулся к Омниарху:

— Мы движемся туда?

— Да, Джон Браузен!

— Мы были там, точно в этом месте!

— Да, командор! — Барт улыбнулся.— Но на тринадцать минут позже.

И снова потянулось время, которое двигалось все медленнее и медленнее, хотя, как показывали сенсоры и компьютеры «Берты», все корабли хелки держали хороший темп. Однако некоторые из них удалились от колонны настолько, что с трудом можно было уловить их сигнал. Джон и Вез, присоединились к прогуливающемуся по палубе Омниарху.

— Как интересно,— сказал Джон,— каким образом эта система детекторов может регистрировать такие дальние корабли и отличать их от неподвижного объекта?

— Это связано с потреблением энергии. Даже на неподвижном корабле протекают энергетические процессы: регенерация воды, воздуха, работа аппаратуры и датчиков. Когда происходит пуск двигателя, то энергетическое излучение меняет свою частоту и вид. Это и регистрируется. Если же корабль будет мертв и его энергия заморожена, то наши приборы, конечно, не смогут его зарегистрировать.

Джон пожал плечами и стал ходить по рубке. Время шло. Стрелка хронометра медленно двигалась по кругу. Подходил момент, когда все подняли головы и посмотрели на нее. Тонкая дрожащая стрелка сделала еще пару прыжков и...

Выход!

Экраны внешнего обзора были залиты огнями. Ожило радио.

Из динамиков забормотали различные слова. По-английски, гохдански, на языке хелки. Начала реветь сирена. Джон посмотрел на приборы, ориентируясь в пространстве, и определил местонахождение ближайших к ним кораблей, и выключил сирену. Омниарх, припав к экранам, комментировал увиденную картину.

— Два корабля вынырнули из гиперпространства и оказались частично вошедшими друг в друга. Произошла аннигиляция, и пространство заполнилось продуктами распада. Два крейсера докладывают о неисправности систем управления огнем.

Джон быстро сориентировался.

— Пускай отойдут подальше от колонны, на случай, если произойдет неуправляемый пуск торпед.

— Я уже приказал им это сделать.

Снова начался хаос. Корабли, которые во время прыжка отошли от колонны, начали сбиваться в клубок. Джон переключил управление на компьютер и стал с беспокойством наблюдать за детектором массы. Вильмутцы могли захватить в плен хелки, которые были ранены, и узнать из их памяти место встречи. Он смотрел на экран, где транслировалась картина внешней стороны рукава спирали и представил себе целый флот, мчащийся к ним через гиперсферу с неумолимой неотвратимостью.

Затем он увидел, что Омниарх включил прибор дистанционного контроля Клип и начал вращать рукоятки. Джону хотелось крикнуть: «Поторопись же! Быстрее», но он все же смог сдержать себя.

Через мгновение Омниарх окончил свое занятие и сделал глубокий вдох, раздувший его и без того огромное тело. Две волосатые руки задрожали.

— Быстрей, Хелки!

Казалось, что Омниарх так сидит уже много часов. Руки медленно манипулировали рукоятками, глубоко посаженные глаза всматривались в показания датчиков... Внезапно он что-то нажал, опять вздохнул и медленно встал. Джон моментально посмотрел на хронометр — прошло не более четверти часа.

— Сколько еще это может продлиться? — не выдержал Барт.

Темные глаза повернулись в его сторону.

— Не более двух минут.

Джон смотрел на часы и не верил, что секундная стрелка может двигаться так медленно. Минута... Семьдесят секунд... Он посмотрел на сферу. Нет, там пока ничего опасного не было. Они не были в гиперсфере, и ему приходилось следить за обычным детектором массы. Чего он ожидал?

От времени, обещанного Омниархом, оставалось четыре секунды... две... одна...

Стрелка прошла отметку и двинулась дальше. Ничего не произошло. Не вышло! НЕ ВЫШЛО!!!

Джон почувствовал, что внутри у него что-то оборвалось. И вдруг, без предупреждения, без звука произошла какая-то пере-

мена. Все палубы и рубка управления осветились пурпурно-голубым светом.

Джон с трудом втянул в себя воздух. В голове мелькнула мысль, что это какое-то смертельное излучение, от которого распадаются на составные части, даже не ощущая боли. И в самом деле, он ничего не чувствовал, кроме, разве что, странного напряжения. Но это ему было знакомо... Он сосредоточился. Ну, конечно же, это был страх!

Вез что-то сказал, спокойный голос Омниарха возразил:

— Это только выделение энергии перехода. Конечно же ее видно на миллион миль. Посмотрите на передние экраны.

Джон выдохнул воздух и услышал голос Рафа, кричащего по радио:

— Командор, оно имеет длину более двухсот миль и десять миль в диаметре. Но детекторы массы...

Сирена завыла с некоторым опозданием. Джон с трудом протянул руку, чтобы выключить ее. Откуда взялась здесь эта огромная масса? Она материализовалась из ничего, внезапно проявившись в этой действительности. Все сенсорные датчики кричали об этом, не оставляя больше никаких сомнений.

Он увидел, что Омниарх что-то бормочет в микрофон на языке хелки, показывая волосатой рукой на экран. Затем он увидел маленькую точку, которая мчалась рядом с появившимся огромным объектом. Джону хватило времени, чтобы сообразить, что это, и крикнуть:

— Цолл! Направь телескоп на этот маленький корабль хелки!

Воцарилась тишина. Через несколько минут Ральф отозвался:

— Командор! В неизвестном объекте образовалось отверстие, куда и влетел корабль.

Вез До Ган закончил свое кружение по палубе и остановился возле Омниарха:

— Я разделяю твое беспокойство о судьбе твоих сородичей, а также желание Джона заполучить женщин. Однако мои цели заключаются в приобретении предметов, изготовленных Клип. Когда твое желание исполнится?

— Когда первый исследовательский звездолет сообщит нам, что нет преград для моих сородичей и они могут начинать загрузку Вивариума. По-видимому, из-за их разбросанности, они сразу не смогут собраться вместе, да это и ни к чему, так как может начаться столлотворение, если все ринутся разом. Хотя Вивариум и такой большой. Главным образом, взлет и вылет будет происходить через главный шлюз. И как только начнется погрузка, все пойдет, как по маслу, и вы сможете заняться своими предметами, Вез. Естественно, в это же время Джон Браузен может начать выводить своих женщин. В сегмент, где они находятся, можно попасть только на корабле типа Разведчик. Что же касается твоих предметов, гохданец, то я не смогу уделить им много времени, как и вам для дачи объяснений. Вы будете заниматься своими делами сами. Тем более, что мно-

жество предметов можно будет грузить на корабли прямо внутри Вивариума.

Вез не без повода изобразил на лице кислую мину.

— Спасибо и на том, Хелки. По крайней мере я могу проинформировать своих подчиненных о предстоящей тяжелой работе.

Джон, хотя внимательно вглядывался в экран внешнего обзора, но все же он пропустил появление маленького Разведчика, вынырнувшего из исполинского тела Вивариума. Ральф Цолл заметил его первым и доложил:

— Командор! Разведчик Хелки! Квадрат 2—4.

Джон увидел, как Омниарх, старый, сильный Хелки уже начал отдавать приказания своим соплеменникам. Он повернулся к Джону, и тот заметил, что глаза его горят торжествующим огнем:

— Большинство женщин живы и чувствуют себя превосходно. Мне жаль, что несколько из них погибло. Поверь, я в этом не виноват. Я предлагаю вам подняться на борт Разведчика и тотчас же отправиться в Вивариум.

Корабли Веза и Омниарха отплыли в сторону, и Вооруженный Разведчик, на борту которого находились Джон, Колтер и четверо других, обалдевших от впечатлений мужчин, помчался к шлюзу, который казался неправдоподобно маленьким на огромном теле Вивариума.

Однако внутри пространство оказалось столь огромным, что создавалось впечатление, будто внутри находится сам космос, только без ярких точек звезд. Несколько слабых огоньков исходило от кораблей, находившихся уже внутри.

В туннеле, в который вошел корабль, они почувствовали, что просто потерялись. В конце концов они влетели в люк, которым кончался туннель, и обнаружили описываемый Омниархом центр круга.

Фред Колтер, сидящий в кресле второго пилота, направил мониторы на огоньки, горящие впереди. На экране высветился разведчик. Джон наклонился над микрофоном:

— Здесь Браузен. Вызываю Омниарха. Это не ты летишь впереди нас?

— Да, Джон Браузен, если только мой оператор правильно идентифицировал твою волну. Как дела? Ты мог когда-нибудь ожидать, что окажешься внутри солнца?

— Не понял,— Джон наморщил лоб.

Шахта, в которой мы находимся, проходит через середину другой, более крупной шахты. А наружная поверхность этой большой шахты излучает тепло, свет и другие виды энергии к сегментам Вивариума. Эти сегменты имеют вид плоских цилиндров, установленных рядом с другой шахтой, параллельно солнечной вдоль их оси. И солнечный свет является отличным для разных сегментов. Представляешь себе?

— Очень туманно,— наморщив лоб, Джон вглядывался в приборы.— Но на обшивке корабля температура не поднимается!

— Не удивительно. Изоляция между шахтами весьма совершенна. В пространстве между ними находится также масса автоматов, обеспечивающих функционирование Вивариума, а также автоматических заводов, обычно не работающих, пока не потребуется их продукция. Там же находится двигатель с гигантским запасом топлива, аппаратура движения в гиперсфере, а также приборы для работы со временем. Именно там и найдет Вез До Ган большую часть вещей, которые осчастливят его.

Омниарх захихикал.

— Я должен лететь дальше, Джон Браузен. Через минуту вы увидите корабль, который я оставил, чтобы указать вам выход в сегмент с женщинами. Советую вам входить осторожно: гравитационные условия и область, в которой они живут, достаточно своеобразны. Я бы с удовольствием проводил тебя, но боюсь напугать ваших женщин.

22

Это был длинный коридор, не слишком широкий даже для малого Разведчика, с различными боковыми ответвлениями, которые вероятнее всего связывали внутреннюю и наружную шахты. Когда, наконец, они миновали очередной проход, их взору открылось огромное пространство. Джон зачарованно смотрел на панораму, раскинувшуюся перед ними. За несколько секунд они пролетели несколько миль над поверхностью этой гигантской площадки. Вверху, над ними, на огромной высоте проходила труба (примерно полмили в диаметре). Только небольшая ее часть, тот конец, со стороны которого они влетели, была темной. Остальные тридцать миль этой трубы излучали желтый свет. Это и было местное «солнце».

«Суша» покрывала огромные стены цилиндрического сегмента шириной около восьмидесяти миль. На краях возвышались горы, в середине были долины и поблескивала вода — большие водоемы, в которые впадало несколько рек. Местность между реками и горами была поросшей лесом и небольшим кустарником. Трава и некоторые деревья имели нормальный зеленый цвет, но были и растения желтого и оранжевого цветов. На вершинах гор вдоль близлежащего хребта лежал снег. Видимо, «труба» давала не только освещение, но и смену времен года.

В голове у Джона сильно пульсировала кровь. Он направил корабль вбок, вдоль континента. Они летели довольно низко, не более десяти миль над поверхностью. Джон быстро застучал по клавишам, вводя в компьютер запрос, и через минуту машина выдала ответ, что на поверхности гравитация равна земной.

Затем он дрожащими руками направил телескоп на то место,

где, по словам Омниарха, десять лет тому назад были оставлены женщины.

Но ничего не увидел.

— Вероятно,— бормотал он,— с тех пор они перенесли свой лагерь куда-то в более удобное место.

Он окинул взглядом экраны внешнего обзора.

НИЧЕГО!

Фред Колтер стоял за его спиной.

— Омниарх упоминал какой-то ручей. Он говорил, что лагерь находится возле устья ручья, впадающего в небольшое озеро.

Джон внимательно вглядывался в проплывающую под ним местность. Его беспокоила боль в легких и желудке, от напряжения дрожал каждый мускул. ПУСТО! А день уже кончается...

Они снизились еще ниже и начали описывать медленные круги...

Внезапно Фред схватил Джона за плечо и закричал:

— Там! Вон там! Палатка! — тыкал он пальцем в экран.

Джон с трудом смог затормозить корабль.

С пистолетом в руке, на случай встречи с опасными животными, Джон вышел из люка. Трава пахла, как земная, но группы кустов вдоль ручья имели странный оранжевый цвет. Со стороны этих кустов доносилось странное слабое позвякивание. Рядом с ним шел Фред, а в нескольких шагах позади — остальные мужчины. Они тихо подошли к краю поляны и в зарослях остановились, наблюдая за лагерем. Он казался вымершим. Нервы Джона были натянуты до предела; он с трудом проглотил слюну. О, боже, как было бы хорошо сейчас попробовать хоть немного дрона... Глубоко вздохнув, он крикнул: «Эй!»

Но из горла вырвался какой-то сдавленный непонятный звук. Но следующая попытка оказалась удачнее.

— Э-й!!!

В пятидесяти ярдах от них из зарослей донесся какой-то смутный, сначала отдельный, полный удивления вскрик, а потом и множество голосов.

И вдруг Джон и его товарищи как-то в одно мгновение потеряли разум. Они побежали к этим кустам, одновременно что-то крича.

В глубине зарослей раздались крики и радостный плач, плач женщин!

И Джон, сломя голову, бежал на этот плач.

И тут из кустов появилась первая женщина...

Воцарилась странная, неожиданная тишина. Две группы людей резко остановились напротив друг друга и смотрели в упор. Джон ощутил резкую боль в груди и испугался, что сердце может не выдержать.

Внезапно из группы женщин раздался, полный недоверия, удивленный и полный отчаяния голос:

— ФРЕД!

Колтер задержал дыхание, затем втянул в себя воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Элиза?

Женщина проскользнула между подругами, вышла из группы. Фред подбежал ей навстречу. Они молча обнялись. Теперь слова не имели никакого значения.

Остальные стояли и смотрели на их долгую, долгую минуту. Никто не двигался. Но затем обеими группами мужчин и женщин овладел ничем не сдерживаемый плач и они бросились друг к другу...

23

Эвакуация женщин из Вивариума заняла четыре часа. Все это время Джон провел за пультом управления «Берты», тревожно ожидая появления блестящих точек — кораблей Вильмута, которые в любой момент могли появиться в опасной близости от них, вынырнув недалеко от гиперсферы. Экраны дальнего обнаружения «Берты» показали роение далеких разведчиков врага, которые обшаривали отдаленные рукава спирали, постепенно приближаясь к ним. Но пока что люди не были обнаружены.

Он сделал перерыв только для последнего похода в Вивариум за остатками личных вещей женщин. Его сопровождали четверо мужчин и молодая женщина по имени Лиза Дувал. Она была старшей среди этой небольшой земной колонии. Это была женщина небольшого роста, с очень гибкой и подвижной фигурой. Она была немногословна, но ее карие глаза с интересом следили за всем, что ее окружало. Пролетев вдоль центральной шахты к сегменту, они приземлились возле лагеря.

Когда были собраны все вещи, включая даже старые кресла и обломок зеркала еще земного происхождения, Лиза притихла, рассматривая опустевшее место, некогда бывшее их домом. Ее глаза стали влажными. Джон понимал девушку, ведь здесь прошло ее детство и первые девичьи годы. И ничего не было удивительного в том, что она ощущала печаль, оставляя навсегда это место.

Она повернулась к нему:

— Я знаю, что у нас мало времени и нужно торопиться с отлетом, но я хотела бы кое с кем попрощаться.

Он посмотрел на нее с удивлением.

— Значит, кто-то из вас спрятался и не хочет улетать? Почему же вы не захотели нам сказать об этом?

Она энергично покачала головой.

— Нет, нет. Это не человеческое существо.— Она посмотрела ему прямо в глаза.

Он нахмурился и буркнул:

— Ну что ж, улаживай это дело, но как можно быстрее.

Они двинулись по тропинке, проложенной вдоль ручья, вдоль

странных звенящих кустов, до лужайки, обрамленной деревьями, похожими на земные тополя. Они обошли возвышенность небольшого холма и вышли на берег озера.

Толстое создание с черным мехом, весом около пятидесяти фунтов внезапно появилось из норы на берегу и направилось к ним. Джон ничуть не испугался и с удивлением смотрел на это странное создание. Только сейчас он разглядел чужое поселение с многочисленными норами в береговом откосе, возле каждой норы находилось что-то похожее на веранду с террасой из сплетенных веток.

Вблизи животное напоминало очень большого и толстого бобра. Оно имело большие мощные зубы, выпирающие из пасти, и приближалось к ним быстрыми плавными шагами.

Джон немало удивился, когда животное заговорило:

— Лиза! А я боялась, что ты не придешь попрощаться с нами.

— Я бы никогда так не поступила,— сказала девушка.— Но мы спешим и не можем долго задерживаться.

По щекам существа что-то пробежало, и Джону показалось, что это были слезы.

— Мы будем тосковать без вас. Нам будет очень не хватать тебя. Высокая Без Меха. Высокая Добрая Соседка.

Лиза тоже заплакала.

— Мы тоже будем скучать о вас, Добрые соседи. Попрощайся за всех нас со своим мужем, твоими детьми и всем твоим племенем.

— Я сделаю это, Высокая Соседка. Мы радуемся за вас, что наконец-то нашлись ваши мужчины и прилетели за вами.— Толстое создание подняло свои влажные глаза на Джона.— Вы сейчас увезете их навсегда?

— Мы должны это сделать, Милая Соседка.

— Мы никогда не забудем вас,— сказала Лиза, шмыгая носом.— И всего того, что вы сделали для нас. Мы навечно ваши должники и будем молиться за вас каждое утро и вечер.

— Да, вы были хорошими соседями. Мы вместе прятались от Большого Зверя,— вздохнуло существо.— Что мы теперь будем делать без вас? Мой муж делает сейчас оружие, но что оно может сделать в наших слабых лапках?

— Другие существа,— сказала Лиза,— сильные и добрые, будут жить здесь. Они не дадут вас в обиду большим зверям!

Существо забеспокоилось:

— Они большие? У них есть клыки? Они будут есть нас?

Лиза вопросительно посмотрела на Джона.

— Хелки — цивилизованная раса. К тому же они травоядные.

Девушка медленно встала с травы.

— Мы должны идти, Добрая Соседка,— произнесла она, вытирая слезы.— Должны.

Слезы обильно потекли по щекам существа.

— До свидания навсегда. Могу ли я назвать тебя нашим име-

нем? Мой муж говорит, что невозможно, потому что ты другой расы.

Лиза кивнула:

— Я согласна, Добрая Соседка.

Существо встало на задние лапы и, подражая людям, поклонилось:

— До свидания, Наименьшая из Клана.

Лиза тихо плакала, когда они быстро шли к кораблю. Джон обернулся напоследок — толстое создание, неподвижно застыв на месте, смотрело печальными глазами вслед.

Ситуация, которая сложилась на борту «Берты», была неожиданной и удивительной. Джон не смог объяснить ее, рассуждая логически, но понял, что так должно быть. Однако Вез и горстка гохданцев-специалистов, составляющих часть экипажа корабля, казалось, совсем не удивлялись.

Фред и Элиза Колтер разместились в отдельной каюте. Остальные же женщины и мужчины странно уклонялись от образования пар и создания семей. Женщины хотели и дальше жить группой в какой-нибудь части «Берты». Того же хотели и мужчины. Это отнюдь не означало, что среди них не возникало связей (о которых все знали и постоянно подшучивали друг над другом), но в общем царило взаимоуважение личной независимости. Быть может, это было следствием долгой жизни обеих групп в изоляции, а может быть, было порождено чувством большой ответственности, какого-то значительного самопереживания для будущего своей расы. Во всяком случае почти не было проблем с соперничеством, хотя мужчин и было больше, чем женщин, в два раза.

Переход хелки в Вивариум был уже почти закончен. Силы Вильмута продолжали свои поиски, неумолимо приближаясь к границам действия детекторов, на которых они могли их обнаружить.

Джон и Вез прогуливались в нетерпеливом ожидании по рубке управления. Время от времени они встречались лицом друг с другом, хмурили брови и расходились в разные стороны. В конце концов Вез не выдержал, остановился и заговорил с Джоном, глядя ему прямо в глаза:

— Приятель, я должен уладить с тобой кое-какое дельце.

Джон вздохнул и тоже остановился.

— Ты имеешь в виду, сколько нам еще придется торчать здесь, охраняя Вивариум?

— Несомненно. Ты получил своих женщин, а я свои предметы. И мы понимаем друг друга. А наше понимание Омниарха и его целей не столь полное и не такое тесное. Должны ли мы откладывать осуществление своих планов и замыслов, ожидая, пока он тратит попусту время на исследования управления Вивариумом?

Джон внимательно посмотрел на собеседника.

— Я думаю, что он вот-вот кончит. Не забывай, что наш договор обуславливает это время для его нужд.

— Я это прекрасно помню.— Вез был раздражен.— Но сколько времени это продлится?

— Не знаю. Но насколько я себе представляю, он занимается не пустопорожними разговорами, а делом, не уделяя времени даже для сна, отдыха и еды.

Вез со злостью раскрыл ладонь в знак согласия.

— Не делай из меня палача, Джон Браузен! Я ведь не ратую за то, чтобы мы тотчас же убрались отсюда. Но сколько же может длиться это долгое ожидание?

Джон удержал закипевшую злость.

— А ты постарайся не делать из меня машину с запрограммированными ответами. Хорошо? Я не хочу отвлекать его по пустякам, но все-таки свяжусь с ним и спрошу.

Вез изобразил на лице хмурую мину, словно его этот ответ не удовлетворил.

Видеосвязи с Вивариумом не было (*почему-то этот вид волн* его стены не пропускали), поэтому они не видели выражения лица Омниарха, но в голосе его чувствовалась чрезвычайная усталость.

— Я понимаю ваше нетерпение, но ничего не могу поделать. Наша работа дала определенные результаты, но они еще не совсем те, которые нужны. Ситуация сложилась так: я почти уверен, что смогу овладеть аппаратурой движения во времени, однако в разных частях Вивариума мы натолкнулись на повреждения в управляющих цепях. Эти повреждения не являются следствием метеоритных атак, а скорее всего произошли из-за какой-то внутренней аварии очень много лет назад. Я не обратил на это внимания, когда был здесь последний раз. Есть даже пролом в стенах между сегментами. Может быть, твои женщины могут об этом что-нибудь рассказать. Я не знаю, могут ли другие повреждения механизмов повлиять на прыжок во времени. Ты помнишь, что я отправил Вивариум из нашей действительности в прошлое на несколько минут. На этот раз я должен отправиться с ним на тысячу лет назад для того, чтобы Вильмут навсегда забыл о такой расе как Хелки. Мы сейчас работаем очень много, пытаясь обнаружить каждую неисправность и ее влияние на работу аппаратуры. Я прошу вас об одном: дайте мне еще десять часов? Вы можете это сделать?

Джон посмотрел на Веза, который со злостью сделал подтверждающий жест открытой ладонью.

— Мы сделаем это! И желаем тебе счастья,— сказал Джон.

24

Круговой поиск вражеских эхо-сигналов продолжался. Детекторы дальнего обнаружения не регистрировали приближения чужих кораблей. Так прошли два часа, потом следующие два. Джон уже стал надеяться, что Вильмут почему-то уже потерял возможность отыскать беглецов в этом районе космоса.

А потом сирена подала голос.

Джон бросил взгляд на шар детектора массы... О, пространственный боже! Район вокруг центра шара был полон мощных сигналов. Компьютер детектора выдавал данные: тысяча четыреста... тысяча шестьсот... две тысячи... Никогда, за исключением собравшихся Хелки в своих звездолетах, он не видел такого огромного флота. И корабли были все военные!

Он нажал несколько кнопок, пробежав взглядом по экранам, и опять его пальцы побежали по рядам кнопок. В интеркоме взорвалась смесь голосов на английском и на языке хелки (несколько их боевых звездолетов охраняли вход в Вивариум). Он не мог ожидать от них многого. Только устояли, хотя бы, на своих местах! Он взглянул на Вез До Гана. И через мгновение он забормотал уже приказы своим подчиненным. Все было ясно и просто.

— Приготовиться к бою!

Голос Домиано включился в общий разговор:

— Командор! Омниарх хочет поговорить с тобой!

Джон на секунду заколебался, потом крикнул:

— Давай его!

Радиоволны с трудом пробивались через эфир — Джон едва различал слова хелки:

— Джон Браузен и Вез До Ган! Мы зафиксировали появление флота Вильмута. Я не могу вас просить об организации обороны против такой армады. Но я прошу у вас всего несколько минут — десять или пятнадцать... Если вы не сможете столько продержаться, то мы рискнем включить аппаратуру в том состоянии, в каком она сейчас. Если все пройдет нормально, то Вивариум исчезнет с ваших глаз навсегда. Тогда вы можете стартовать с чистой совестью и нашими наилучшими словами за содеянное. Самое большое пятнадцать минут. Согласны?

Джон повернулся к Везу. У гохданца было странное выражение лица. Браузен почти догадался, о чем думает этот человек. Решиться остаться здесь и ждать хелки эти пятнадцать минут... Они оба понимали, что с их флотом шансы у Омниарха неизмеримо больше, чем без них, даже на пятнадцать минут. Вез раскрыл ладонь в согласии. Джон коротко бросил в микрофон.

— Только пятнадцать минут! Держись!

И занялся приготовлением к этому спешному бою, который ему сейчас предстоял.

Внезапно из динамика раздались слова, спокойные, но очень знакомые — в рубке полился голос вильмутца:

— Вез До Ган? — поинтересовался голос.— Отзовись, если ты на борту одного из жалких этих суденышек?

Гохданец вздрогнул и заморгал глазами, затем засмеялся и сделал жест открытой ладонью. Джон, первоначально застигнутый врасплох, пришел в себя и понял — если враг хочет говорить, то это просто замечательно!

Вез наклонился к микрофону:

— Здесь Вез До Ган! Кто спрашивает меня и зачем?

Из динамика раздался звук, похожий на хихиканье и бормотанье одновременно:

— Меня зовут Бульвенорг. Я назначен главой всего этого флота, цель которого тебе без сомнения ясна. Как тебе нравится мое небольшое соединение, гохданец? Кстати, мы с тобой когда-то встречались на конференции по делам мелких изменений в соглашении между нашими империями. Пониманию, что ты сейчас занимаешь позицию аналогичную той, которую я занимал совсем недавно.

На лице Вез До Гана отразилась гордость и превосходство, когда он ответил:

— Я хорошо тебя помню, Бульвенорг. Ни одному из нас не удалось повлиять на результаты конференции, но сейчас у нас есть шансы, не так ли? Кроме этого, я тоже выполняю специальную миссию. Да, если говорить о своих кораблях, то без сомнения, это импозантное зрелище. Беря также во внимание прежнюю ситуацию... Я почти уверен..., что цена сражения немного другая, чем в тот раз.

Раздался издевательский смех:

— Ты можешь этого легко избежать. Скоро мы поболтаем в другой обстановке. Да, кстати, это ты приложил руку к военным беспорядкам на территории Бизх? Знаю, что эти нападения были осуществлены несколькими недобитками, случайно уцелевшими отдельными особями земной расы, которая была настолько глупа, что рассердила нашего властителя одной из провинций. Мне пришла в голову мысль, что эти отщепенцы сейчас могут быть с тобой. Ты можешь успокоить мое любопытство, подтвердив это допущение? Хотя это, собственно, не имеет никакого значения.

Джон тотчас отозвался, опередив Веза. Может быть это и было глупо, но он не смог сдержать бешенства.

— Говорит один из этих отщепенцев, Бульвенорг! Я всегда к твоим услугам! Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, кроме того, что убить?

Только шум работающей аппаратуры нарушал молчание. Даже переговоры других кораблей стихли, и Джон понял, что все прислушивались к их диалогу. Затем вильмутанец заговорил:

— Случаем это не Джонатан Браузен?

— Что с того?

Бульвенорг вздохнул:

— В общем-то ничего. Это подтвердило одно мое предположение. Ты великолепный тактик, Браузен. Я даже начинаю жалеть, что

твоя раса была уничтожена.— Вильмутанец сделал короткую паузу, затем обратился к Везу:

— Гохданец, война между нашими империями не является ни твоим, ни моим делом. Пойдем на компромисс. Забудем об этой небольшой, хотя и неприятной операции хелки. Я понимаю ее цель. И если тебе интересно, то я даже солидарен с тобой... Ты получил все, что хотел. Ты можешь оставить себе несколько этих мужчин, если питаешь к ним какие-то сентиментальные чувства или считаешь их очень ценными наемниками. И несколько кораблей, которые ты захватил, тоже можешь оставить себе.— Пауза.— Все что я хочу, это вон то, громадное, на что я сейчас смотрю, а кроме того, все хелки, понимаешь, все до единого, должны получить по заслугам. И вон тот огромный звездолет, на борту которого они, наверняка находятся.

Вез посмотрел на Джона и улыбнулся. Затем сказал в микрофон:

— Ты просишь меня о вещах, которые я тоже не понимаю. Могу сказать только одно, что знаю об этом огромном деле, о котором ты упоминал, только то, что видел, как все хелки вошли в него. И по крайней мере, ни один из них не вышел до сих пор наружу. Думаю, что они хотят остаться там. Как ты знаешь, рабство не является характерной чертой цивилизации Гохд, оно противоречит всей нашей этике, поэтому ты не должен просить меня помочь тебе в поисках беглецов. А если говорить о корабле, то он мой, и на его борту нахожусь я со своим экипажем. А это значит, что он является суверенной территорией Гохда...

Бульвенорг прервал его:

— Остановись, Вез До Ган! Неужели ты думаешь, что моя империя позволит оставить в ваших руках такое количество изделий Клип? Думаю, что пора уже заканчивать эти наши ненужные разговоры!

И в подтверждение этого на экранах радаров и детекторов массы появилась туча торпед первого залпа. Бульвенорг констатировал:

— Если ты не выполнишь моих требований, то мы, я с сожалением должен тебя проинформировать об этом, начинаем войну с вашей Империей.

Вез потемнел от злости.

— Мы — это не Хелки, Бульвенорг, и у нас не одна безоружная Солнечная система! Мы можем постоять за себя! А что касается твоих угроз...

Тихий голос Домиано раздался из командирского динамика:

— Командор! Хелки через минуту будут готовы к прыжку.

Сердце Джона забилось сильнее. Улыбаясь, он подал знак Вез и посмотрел на экраны, транслирующие изображение Вивариума и нескольких вооруженных кораблей хелки, которые, развернувшись, ринулись во входное отверстие гиганта. Он положил палец на клавиши на пульте компьютера и быстро проговорил в микрофон:

— Внимание всем, всем, всем! Через пять секунд уходим! Компьютеры переключить на управление прыжком!

Вез, громко смеясь, прервал свой разговор с вильмутцем и быстро повторил приказ по-гохдански. Затем подал знак Джону открытой ладонью. Джон сильно нажал клавишу «НУЛЬ» и...

Но ничего не произошло.

Вез и Джон посмотрели друг на друга, едва слыша доносящиеся из динамика угрозы Бульвенорга.

Экраны озарились вспышками разрывов первых торпед, попавших в поле действия их обороны и уничтоженных силовыми полями. Джон отметил, что защита работает на пределе. Он нажал еще несколько клавиш, задавая программу в компьютер и одновременно подавая команду эскадре:

— Уходим на гравиприводе!

Он еще раз попробовал нажать клавишу «НУЛЬ», но опять ничего не произошло, хотя приборы показывали, что вся аппаратура и двигатель готовы к прыжку. Команда, отданная компьютеру, включила гравипривод, но «Берта» не сдвинулась с места ни на йоту!

Голос Бульвенорга замолк. Торпеды теперь летели беспрерывно. «Берта» внезапно задрожала. Попадание! Заревели аварийные сирены, но приборы показали, что обшивка корабля не повреждена. Шум был такой, что Джон едва слышал голоса из интеркома.

— ... не входим в подпространство? — Ральф Цолл отчаянно кричал.

Ошеломленный Джон смотрел на экраны и вдруг понял, что все остальные корабли исчезли вместе с флотом Вез До Гана. «Берта» же осталась наедине со всем флотом врага, наедине с двухтысячной эскадрой Вильмута.

Очередной грохот — это вражеская торпеда прорвала оборону, миновав огонь малых противоракет и лазерных лучей. Джон почувствовал, как борются его люди с повреждениями, и его охватила гордость за всех них. Нет, мы не сдадимся! Но как слаба была сейчас их оборона! Даже если этот мощный корпус выдержит, то выделяющаяся при прямом попадании энергия непременно уничтожит их. Вез нажал какие-то кнопки на панели компьютера и крикнул в микрофон:

— Домиано! Соедини нас с Омниархом!

Сильный голос старого Хелки долетел до них, едва пробившись сквозь помехи, создаваемые врагом с помощью специальных устройств, препятствующих работе компьютеров.

— Клянусь честью, Вез До Ган! Это не я вас задержал! Джон Браузен, это... О, пространственный боже! Единственное, что приходит мне в голову, это то, что Вивариум вошел в состояние автоматической обороны. И поэтому задерживает каждый корабль Клип, находящийся в пределах этой обороны. Мы сейчас исследуем все механизмы, выключающие эту оборону.— Омниарх внезапно замолчал и сделал сильный вдох.— Послушайте, друзья! Если вы продержитесь еще минуты две, то мы уйдем в подпространство. Нам уже почти удалось отключить эту идиотскую оборону!

Джон и Вез таращились друг на друга и молчали. Потом оба повернулись к хронометру.

Удары и сотрясения следовали беспрерывно. Кто-то выругался по интеркому от бессилия и злости. Барт Ланге доложил:

— Крышка люка сорвана!

Джон повернул голову и посмотрел на пульт контроля жизнеобеспечения корабля. Который из люков? Мозг землянина давал сбои. Ах, вот этот! Часть корабля, куда попала торпеда, была изувечена взрывом, герметические перегородки отсекли утечку воздуха. Что еще можно сделать кроме того, как наблюдать за прыжками стрелки хронометра?

Затем он внезапно ощутил, что все внутри него сжалось и перевернулось. Он попытался вскочить с кресла, потерял равновесие и упал на пол, ничего не соображая...

25

Фигуры людей в рубке «Берты» зашевелились. Барт Ланге прохрипел, шаря вокруг себя руками:

— Что случилось?

У Джона в голове все перемешалось, словно он тысячу часов пробыл в камнедробилке, но все же долг был превыше всего, и он заставил себя собраться и сжать свое сознание в кулак. Первым делом он попытался оценить ситуацию, окинув взглядом показания приборов и детекторов.

— Похоже, что мы пробили нуль-пространство,— сказал он через мгновение. Потом неуклюже подполз к своему креслу и взгромоздился на него. Наклонившись к микрофону, он отдал приказ:

— Всем членам экипажа! Приказываю осмотреться в отсеках и на палубе, попытаться по мере сил устранить повреждения в аппаратуре. Курсограф дает направление нашего движения к империи Гохд.

Домиано слабо отозвался:

— Что произошло, сэр?

— По всей вероятности Вивариум удерживал нас от входа в подпространство, а как только он сам исчез, то следом провалились за ним и мы. Попал ли он в свое прошлое... неизвестно. Во всяком случае он исчез, и это позволило нам двигаться. По крайней мере, мне так кажется. Мы вынуждены будем довольствоваться тем, что осталось. Что же касается других кораблей, то вероятнее всего они ушли в гиперпространство согласно моему приказу.— Он посмотрел на Барта.

— Сколько Разведчиков у нас на борту?

Барт задумался.

— Четыре. По крайней мере, было тогда, когда...

— Узнай,— приказал Джон и обернулся, уловив движение за своей спиной. Лиза Дувал вошла в рубку. Она была бледная, но спокойная. Он спросил ее:

— У вас все в порядке?

Она медленно кивнула головой:

— Мы только жутко испугались. Что *произошло*?

— Я думаю, что выяснение этого вопроса займет у нас много времени.— Он улыбнулся.— Но сейчас уже неприятности позади, по крайней мере, мне так хочется думать.

Стоящий перед детектором нуль-пространства Ланге завопил, показывая рукой на него:

— Джон, посмотри!!!

Джон подошел поближе. Барт показал на знакомый пурпурно-голубой блеск вблизи центра шара.

— Вот это! Этот тот самый знак, показывающий, где мы были.— Он засмеялся и показал на рассеянные маленькие точки.— Вильмутцы рассредоточились на маленькие группки и вероятно начали новые поиски. Бьюсь об заклад, что они готовы сразиться сами с собой!

Подошедший Вез произнес важным голосом:

— Пока они там остаются, они не смогут атаковать Гохд. Мы будем дома задолго до них. И будем готовы на случай, если они осмелятся реализовать свои угрозы!

Сейчас, когда все было позади, Джон ощутил страстное желание почувствовать во рту вкус зернышка дрона. Но он заставил себя выдержать эту пытку, сейчас он не мог позволить себе даже глотка алкоголя, чтобы *заглушить это* чувство. Он посмотрел вслед уходящей Лизе, которая пошла успокоить женщин, и опять повернулся к Везу:

— Твои корабли доберутся до баз быстрее нас. Поэтому я предлагаю, чтобы мы прежде всего полетели к той планете, которую ты дал нам. Если ты не против, мы используем ее в качестве базы.

— Конечно. Но мне потребуется один из ваших кораблей и несколько передатчиков.

Джон ответил движением открытой ладони. Затем посмотрел на часы, показывающие время выхода из гиперсферы. Оставалось два часа пятьдесят минут. Время двигалось так медленно, как оно могло течь только здесь, в н и г д е! Но стрелки хронометров все-таки двигались безостановочно, и вскоре оказалось, что до выхода осталось всего десять минут. Барт опять подошел к детектору нуль-пространства и наморщил лоб.

— Сотрясения, которые получила «Берта», могли разрегулировать этот прибор. Он не может сейчас даже показать положение звездной системы нашей планеы.

Джон вздохнул:

— Разве ты не знаешь, что звезда там двойная? Мы попадем куда надо.

— Не сомневаюсь. Но все-таки все это выглядит не так, как должно было быть. Мне казалось, что я очень хорошо запомнил эту часть пространства.

— С приборами или без них мы найдем нашу планету. Я знаю этот район, как свой карман.

В конце концов они все же отыскали планету, хотя поиски продолжались значительно дольше, чем они планировали.

ВЫХОД!

Джон медленно подвел «Берту» к атмосфере планеты. Они вышли на ночную сторону и радаром обследовали озерцо и берег. Затем снизились и послали запрос.

НИЧЕГО! Никакого ответа!

Джон снизил звездолет на минимальную высоту и включил экраны внешнего обзора. Все выглядело не так, как должно было быть. Джон почувствовал нарастающую тревогу. И через мгновение уверился в своих подозрениях. На планете не было ни одного Разведчика, хотя, когда они улетали, то оставили здесь несколько штук. На месте их стоянки виднелась какая-то металлическая груда хлама, заросшая кустами и несколькими деревьями. Не было ни малейших следов построек, или каких-нибудь следов пребывания людей. Джон медленно повернул голову к Везу:

— Мне кажется, что будет лучше всего, если мы как можно быстрее вернемся к какому-нибудь цивилизованному обществу, если таковые еще существуют.

Не удивляясь, Вез медленно согласился, раскрыв ладонь.

26

«Берта» кружилась вокруг спокойно выглядевшей планеты несколько часов на высокой орбите, чтобы не испугать ее обитателей, пока Вез До Ган не вернулся на малом катере. Он рассказал подробности своих исследований, о которых они уже кое-что знали.

— Я едва мог с ними разговаривать,— сказал он.— Они сильно изменились в культурном отношении. Язык просто стал варварским. У них есть старинные предметы из металла, на которые они просто молятся. Я внимательно прослушал некоторые их легенды.

— Как давно это произошло? — перебил Джон.

— Я пробовал установить дату и получилось что-то около одиннадцати или двенадцати тысяч лет тому назад. Но я мог и ошибиться. Они даже не удивились, увидев меня. Культура их предков, судя по всему, была межзвездного происхождения. Я не пробовал объяснить, что прибыл из далекого прошлого, и что некоторые из них вполне могут оказаться моими потомками.— Он слабо улыбнулся.— Я оказался не в таком плохом положении, как вы, когда считали, что все ваши женщины погибли. Наши женщины там, внизу, выглядят здоровыми и привлекательными.

Джон уставился в пол.

— Ну что ж,— наконец произнес он.— Ничего не поделаешь. Теперь вот что — ты останешься с нами? На борту находятся многие вещи, принадлежащие тебе, не говоря уже о самом корабле!

Конечно, могут найтись другие миры Гохд, более приспособленные и более развитые, чем этот.

Вез вздохнул:

— Я думаю, что этого не будет. Я даже не уверен, что хотел бы насаждать знания в этот, едва вступающий в жизнь мир. Я думаю, надо будет здесь и остаться.— Он опять улыбнулся.— Ты будешь не против, если я со своими четырьмя товарищами останусь у вас?

— Конечно же нет! Большинство из нас осядут на той планете, которую ты подарил нам несколько тысяч лет назад. И по крайней мере, на какое-то время, я думаю, мы будем счастливы. А что касается «Берты»... ты должен решить сам. В конце концов ведь это твой корабль.

— Не надо, Джон Браузен. Будем считать, что этот корабль наш общий, хорошо? Мы должны сделать на нем несколько разведочных полетов, пока еще мы недостаточно прочно приросли к этой земле.

— Удостовериться, что случилось с империей Вильмут, не так ли? Или что произошло с другими космическими культурами?

— Да, Джон.

Браузен подумал немного и потом сказал:

— Есть еще одно место, где бы я хотел побывать напоследок.

Вез улыбнулся.

— Я понял. Думаю, что имеешь в виду Землю.

«Берта» задержалась возле зеленой планеты почти на целый местный год, который был немного длиннее земного. Затем они осуществили двенадцатичасовой прыжок и убедились, что ситуация, в которой оказалась империя Вильмут, та же самая, что и в империи Гохд. Скорее всего и Бизх была уготована та же судьба. В общем, в обоих рукавах Галактики больше не существовало сколько-нибудь значимых космических культур.

Они натолкнулись на следы, очень слабые, давней межзвездной войны, которая произошла, по меньшей мере, десять тысяч лет тому назад. И которая уничтожила все культуры, овладевшие глубоким космосом в этом секторе Галактики, а их жалких обитателей отбросила на самую низкую ступень развития. Не осталось никаких подробностей о событиях тех дней. Сделали они несколько путешествий и в эти миры. С одного из них Вез привез симпатичную молодую гохданку, которую звали Фрезелия. После полутора лет жизни на зеленой планете Джон с Бартом Ланге, Луисом Домиано, Ральфом Цоллом, а также с Лизой Дувал, посетили Землю.

По разным причинам Джон смог увидеть Веза только спустя год после возвращения из этого полета. Вез был любопытен и интересовался, в каком состоянии находится Земля.

— Мы поначалу были просто ошеломлены,— рассказывал Джон.— Не говоря уже о том, что воздух и почва перестали быть радиоактивными, а вода потеряла половину первоначального уровня радиации — там появилась жизнь! Мы видели кусты, кото-

рые были похожи на меховую шкуру какого-то экзотического животного. Видели траву, местами зеленого, местами пурпурного цвета. От следов былой катастрофы не осталось и следа. Мы были уверены, что вся жизнь была там полностью уничтожена. Но, видимо, семена и кое-какие бактерии все же сохранились. Может быть, они были где-то глубоко под поверхностью или вморожены в лед, и излучение их не достало. А затем некоторые из них вернулись к жизни,— он сделал пару глотков.— Я до сих пор не понимаю, как это все произошло в океане. Может быть, какие-то формы жизни находились в океанских впадинах или были в иле, где их не уничтожили химические превращения, происходящие в толще вод. Во всяком случае, океаны Земли сейчас наполнены микроскопическими водорослями и самыми примитивными формами животной жизни. Думаю, что эти водоросли в довольно быстром темпе смогут восстановить атмосферу.

— Какой сейчас процент кислорода? — спросил Вез.

— Около девяти процентов. Мы подсчитали, что через год там может быть уже около четырнадцати процентов!

— И вы смогли бы поселиться там?

— В принципе это возможно, но пока что я не вижу в этом смысла. Содержание кислорода все же незначительно. Пока что мы планируем доставить туда деревья, траву, а для рек и озер — рыб, которые смогли бы акклиматизироваться в нынешних условиях Земли.

— А что с морями? Много ли еще радиоактивных веществ в них?

— Нет. Большинство уже очистилось. Морские животные тоже надо будет завести, если мы найдем подходящие для нас виды.

Вез улыбнулся.

— А кроме этого? Ты уже что-то присмотрел?

— О, конечно! В районе, где некогда владычил Вильмут, есть несколько планет, я их специально посетил с этой целью, на которых растут растения, могущие легко приспособиться к нынешним земным условиям. Сейчас я планирую туда полететь и захватить некоторые образцы, чтобы акклиматизировать их на Земле.

Вез вздохнул:

— Ты не побывал в маленьких империях в отдаленных районах Галактики? Я имею в виду торговые миры...

— Мы наведывались в некоторые. Большинство из бывших полных жизни миров перестало существовать. Эта война...— он замолчал на мгновение.— Мы побывали даже в Дронгалии. Сейчас это просто обожженная спекшаяся масса шлака, летающая по орбите вокруг своего солнца. Нигде нет даже зернышка дрона.

Вез удивленно вскинул руки.

— Что?

Потом он улыбнулся и лукаво спросил:

— И какое впечатление это произвело на тебя?

Джон повернулся и обнял за плечи сидящую рядом Лизу.

— Это было для меня абсолютно безразлично. Чистая правда.

Дуглас ХИЛЛ

ОХОТНИК

Часть первая

ДЕВСТВЕННЫЙ ЛЕС

Пролог

Для Джошуа Феррала выдался прекрасный день. Встало теплое солнце и прогнало прохладу из октябрьского воздуха, но он остался бодрящим, свежим и ароматным. Большинство деревьев в густом лесу окрасились в свои самые яркие цвета, и, казалось, что все богатство девственного леса, как и его прелесть, с готовностью предлагали себя человеку. Большой кожаный рюкзак Джошуа был полон свежим мясом, и несколько кусков он отложил для себя и своей семьи — жене Уайры, чтобы той было с чем поколдовать на кухне.

Это был человек среднего роста и среднего возраста, тощий и загорелый, в его темных волосах уже блестела сединой парочка прядей. Одет он был в простую рубаху и штаны из оленьей кожи, а на ногах имел низкие ботинки из белой крепкой кожи. На боку у него висел остро отточенный нож, а в руках — длинная тонкая жердь, с заточенным и обожженным на огне острием, что делало ее копьем. Шел по лесу он легким шагом, почти бесшумно, если не считать шороха палой листвы. И чувствовал он себя в лесу, совершенно, как дома.

И, как это частенько бывало, Джошуа чувствовал признательность — не к кому-то конкретно, а просто признательность за то, что дикий лес столь щедро предлагал свои богатства. За то, что он способен был взять эти богатства.

Конечно, все это предполагало заботы и, частенько, трудную жизнь для него, ведь вся деревня благодаря его искусству время от времени могла разнообразить свое меню свежим мясом. Таким образом, он был обособлен от остальной части поселян.

Но уж это почти не беспокоило его. Это был недалекий и приземистый народ, закопавшийся в своих клочках грязи, которую они скребли, чтобы прокормиться, не зная, или не желая знать, что лежит за околицей деревни и боящиеся даже своей собственной тени. Они не желали ничего знать. Да.

— Что ж,— думал Джошуа,— были причины бояться, были. И не своей тени боялись они, но той тени, что распростерлась над всем

миром, тени, накрывшей все человечество. И то, что осталось от человечества.

Но не было времени думать о тенях и страхе в этот прекрасный октябрьский день, когда и охота была удачной. Страна была большой — Джошуа лучше многих знал, какая это большая страна — в молодости он немного путешествовал, хотя это и считалось слишком рискованным. Он сам видел, как далеко простиралась дикая природа, девственный лес, которого совсем не понимают жители маленьких, жмущихся друг к другу деревушек, в которых сохранились остатки человечества. Человек может прожить всю свою жизнь в покое, без теней и без страхов, в глубине девственного леса. Если счастье от него не отвернется, если он не будет совершать ничего глупого или безрассудного.

Джошуа Ферралу случалось рисковать, но он никогда не совершал ничего глупого или безрассудного.

Вот и сейчас, когда шел себе неспешно среди деревьев, глаза его не знали покоя. Лист ли шелохнулся, веточка вздрогнула ли — все подметит его острый глаз.

Всегда есть возможность столкнуться с медведем, дикой кошкой или росомахой. Но он знал, что почти всегда эти звери оставят человека в покое, если он не будет трогать их, и Джошуа всегда был готов уступить им дорогу.

Именно поэтому, когда он обогнул полосу бурелома и увидел кустарник, покрытый спелыми красными ягодами и сотрясаемый кем-то невидимым, он тут же остановился.

«Не медведь,— подумал он про себя, внимательно приглядевшись.— Слишком маленький. Может быть, енот. Наверное, он не будет возражать, если я наберу немного ягод для Уайры.

Он бесшумно скользнул вперед, взяв, на всякий случай, копье наизготовку. Острием копья он мягко отодвинул ветки кустарника. И рот, и глаза его широко раскрылись от удивления.

Не медведь и не енот. Ребенок.

Где-то между двумя и тремя годами, решил он. Пухленький, здоровенький и голенький, словно только что родился. Он весь вымазался в грязи и ягодах и его совершенно не беспокоит, что он абсолютно один оказался в самой глухомани.

Ребенок увидел Джошуа, перестал жадно обрывать ягоды и уставился на него круглыми, любопытными, серыми и начисто лишенными страха глазами. Джошуа подошел поближе, встал на колени, чтобы получше рассмотреть измазанное ягодами личико

— Ну, что б я так жил,— прошептал он наполовину про себя,— откуда ты взялся здесь, дружочек?

Услышав его голос, ребенок улыбнулся и протянул ему кулачок, полный давленных ягод, из которого падал яркий сок.

— Очень мило с твоей стороны,— улыбнулся в ответ Джошуа.— Я вижу, хорошо ты здесь живешь.

Он огляделся. Между двумя большими кустами ягодника лежала куча сухих листьев, которая, как понял Джошуа, не сама

по себе здесь появилась. И несколько листьев, застрявших в густой копне соломенных волос ребенка, показали, что листья эти — его постель. Джошуа озадаченно покачал головой. Хотя этот мальчик провел прохладную осеннюю ночь совершенно нагим, что было очевидно, и кроме кучи сухих листьев у него ничего не было, он не казался больным. Но сам ли он собрал листья? И был ли он уже обнажен, когда попал сюда? И, в конце концов, как он попал сюда?

Не упуская ребенка из виду, он внимательно изучил почву вокруг ягодного кустарника. Ему хватило обнаружить один-два отпечатка босой ножки. Но никаких других следов не было. Если земля не таит от него секретов, казалось, только здесь он научился, начал ходить, и сразу нашел себе место для гнездышка.

Внезапная мысль поразила его, будто льдинка скользнула по спине. Неужели ребенка у р о н и л и в лес? О н и?

Но эта мысль не имеет смысла. О н и не бросают людей в лес, о н и забирают людей отсюда. Но ребенок был здесь, и он не мог уйти и оставить его здесь.

Он протянул руку ребенку.

— Что ж, пойдем, таинственный человек,— сказал он с улыбкой.— Лучше нам с тобой отправиться домой. Посмотрим, может быть Уайра найдет тебе кой-какую одежонку.

Какое-то время ребенок внимательно смотрел на него, словно взвешивая. Его ясные серые глаза потемнели. Потом он улыбнулся, засмеялся и протянул свои ручонки.

Джошуа тоже ухмыльнулся и обнял его. Подняв ребенка на руки, он обратил внимание на странную метку, проступившую на детской руке у самого плеча. Кучка маленьких черных точек явственно проступала на гладкой коже и расположение их казалось не случайным. Но эта картинка ничего не говорила Джошуа.

Он старательно потер эти точки большим пальцем и опять беспричинный холодок пробежал по его спине. Но мальчик беззаботно захохотал и запрыгал на его руках, словно торопя отправиться в путь.

И Джошуа повернулся и пошел по лесу домой. «Кое-кто в деревне забеспокоится,— сухо подумал он,— Но я считаю, что Уайре он понравится с первого взгляда. А уж беспокоиться о том, что его настоящие соплеменники будут его разыскивать, будем потом.

Но он-то знал, что это нежелательно. Многие годы его деревня не посещалась чужаками, а ближайшая деревня находилась более чем в пятидесяти километрах, гораздо дальше, чем то расстояние, на которое отваживались путешествовать большинство людей тех дней.

— Я так решил, дружочек,— сказал он вслух,— у тебя появится новый дом и новые соплеменники. И добро пожаловать — и я, и Уайра все хотели завести ребеночка, да нам никак не везет в этом. И я решил — теперь мы завели одного, хотя и странным образом.

Он улыбнулся ребенку, который не сводил с него своих любопытных блестящих глазенок.

— Бьюсь об заклад,— продолжал Джошуа,— Уайра захочет назвать тебя в честь своего дедушки — Финн. Подходит тебе? Финн Феррал...

1. Утрата

Легкий порыв ветра пронесся по верхушкам тополей и вплелся в пение птиц и жужжание насекомых — так лес вечно бормочет про себя, подремывая под ласковыми лучами утреннего солнца в начале лета. С макушки высокой сосны взлетел сокол, вспыхнул красным и коричневым на безупречной голубизне неба и стрелой помчался на запад, туда, где девственный лес тянулся за горизонт, а даже сокол своими острыми глазами не видел его конца. А внизу, на испещренном солнцем крае полянки стоял олененок с бархатистыми рожками, стоял настороже, задрав нос и прядая ушами.

С подветренной стороны полянки, в лиственном полумраке пробирался среди деревьев молодой человек — пробирался легким поспешным шагом, но в полной и сверхъестественной тишине, так что даже пугливый олененок не подозревал о его присутствии. Но он-то заметил олененка, как заметил промелькнувшего сокола. Впрочем, он мог выделить и опознать любой звук из слитного шума леса.

Молодой человек был плотно сбит, худощав и гибок, как сильный волк, с копной соломенных волос и серыми глазами под нависшими густыми бровями. Он носил простые кожаную куртку и штаны, а также низкие мягкие башмаки; на одном бедре висел тяжелый нож, на другом — кожаная сумка. А вокруг левого запястья была обмотана широкая полоска более темной прочной кожи.

Ему еще не было двадцати лет, но он уже стал охотником, кормившим свою деревню, расположенную километрах в двух к востоку. Но сегодня он не охотился. Увидев олененка, он вначале соблазнился, и его правая рука потянулась было к полоске кожи, обмотанной вокруг запястья, это была грубая, но действенная праща, но потом он снова намотал пращу и оставил олененка в покое. Недавно он наигрался в свое удовольствие, и деревенские кладовые ломились от запасов мяса, так что большинство жителей были заняты засолкой мяса впрок и выделкой шкур.

Поэтому молодой человек мог уйти в лес и предаться своему любимому занятию — гулять, бродить, лениво перелистывая страницы бесконечной и вечно изменчивой книги девственного леса. Его звали Финн Феррал — и он изучал эту книгу всю недолгую жизнь.

Когда он собирался уйти из деревни, его отец, Джошуа Феррал (на самом деле — его приемный отец, хотя Финн редко думал о нем так), попросил его найти прямую ветку ясеня или клена, чтобы сделать новую рукоятку для мотыги. Но прежде всего он хотел поискать в низинах ранних лесных фиалок, отчего радостью вспых-

нут глаза дочери Джошуа — Джены, которая была на шесть лет моложе его.

Но в чаще леса он забыл и о рукоятке для мотыги, и о цветах — несмотря на спокойствие, что окружало его, несмотря на то, что он знал эту часть девственного леса так же хорошо, как свою собственную комнату, он чувствовал себя беспокойно.

Лес как-то изменился. Что-то было не так, какое-то зловещее предчувствие витало вокруг, будто тень листьев таила в себе какую-то угрозу. Он мельком подумал, что олененок тоже ее чувствует — животное казалось необычно настороженным и напряженным. Возможно, и сокол почувствовал это, поднявшись в воздух. Однако он не видел и не слышал ничего необычного, чем можно было бы объяснить возникшее чувство, да и легкий ветерок не доносил никаких необычных запахов.

Но лесные жители, казалось, доверяли не только своим пяти чувствам. А Финн был настолько же обитателем леса, насколько и человеком.

Он двинулся по крутому откосу, который поднимался к возвышенному и открытому месту — оттуда перед ним откроются лесные просторы. Он поднимался по мелколесью в полнейшей тишине и почти невидимый: постоянно вертел головой, изучая каждый кусочек листвы и почвы, его постоянная бдительность и наблюдательность усилились из-за нестихающего беспокойства. Вскоре он поднялся к открытому всем ветрам, покрытому дерном бугру на вершине горы и там ему бросились в глаза струйки серого дыма, лениво поднимавшегося вдали из очагов его деревни.

Затем он заметил еще кое-что, и волосы его встали дыбом.

Издали они казались совсем крошечными, но глаза Финна, не менее острые, чем глаза сокола, заметили их. Два существа с крыльями летучих мышей кружились и пикировали среди струек дыма. Он видел таких существ только дважды за свою жизнь и всегда издали, но знал, что это такое.

Он быстро пробежал остатком склона до вершины и застыл. У него внезапно перехватило дыхание.

Теперь он видел всю деревню, с такого расстояния выглядевшую кукольной — кучка маленьких жилищ. В центре деревни, огражденный деревянным забором и укрытый навесом, стоял общественный колодец. Рядом с колодцем лежало нечто, что, как он знал, теперь без всяких объяснений, было источником его ощущения зловещей угрозы.

Яйцевидный металлический предмет, и достаточно большой, чтобы вместить четырех человек, злобно сверкал на солнце.

Такую штуку Финн никогда не видел раньше. И все же он знал, что это такое и что означает его присутствие.

В деревню явились о н и.

Финн вряд ли осознавал, что заставило его броситься вниз по склону.

Он не думал, почему он бежит и что собирается делать. Но он

уверенно мчался в сторону деревни, коричневым пятном мелькая меж древесных стволов.

И все равно, много минут у него ушло, чтобы преодолеть это расстояние. Когда он добежал до кучки домов, металлическое яйцо уже улетело, существ с крыльями летучих мышей тоже не было видно. Казалось, вокруг вообще ничего не изменилось. Дома — большинство хижин были сделаны из ошкуренных бревен с низкой тростниковой крышей — стояли так же прочно, как и всегда, из труб все еще струился дымок.

Но двери большинства хижин были распахнуты, а в дальнем конце деревни собралась кучка людей. До Финна донесся плач.

Наконец, он взглянул на ближайшую хижину, стоящую у края деревни — дом, где он жил всегда, насколько мог помнить. Ее дверь была тоже распахнута, но внутри не было заметно никакого движения, не поблескивала сединой серебряная голова Джошуа и не доносился ясный голосок Джены.

Они должны быть среди толпы деревенских жителей, сказал он себе. Он не позволил себе думать о том, что могло случиться что-то другое.

Толпа повернулась к Финну. Большинство лиц было искажено страхом, и он увидел слезы на глазах у многих — и мужчин и женщин. В глазах у других он увидел горечь и гнев.

— Что здесь случилось? — крикнул он.

Дородный бородатый мужчина вышел вперед, рот его был злобно искривлен:

— Смерть здесь была, вот что! И вина за это падет на тебя, Финн Феррал!

Финн застыл, удивленный и потрясенный, а высокий мужчина в толпе протянул руку:

— Это безумие, Хокер! Не вини мальчика.

Он повернулся к Финну:

— Злой день, парень. Рабовладельцы были.

— И сожгли мою Бетти! — проревел бородатый мужчина, которого назвали Хокером.

Только тогда Финн заметил скомканное женское тело, лежащее в пыли и полускрытое толпой. Это зрелище тисками перехватило горло.

— Почему? — прошептал он.— Почему они это сделали?

— Потому, что тебя здесь не было, Финн Феррал! — продолжал реветь Хокер.

Снова вмешался высокий мужчина.

— Рабовладельцы забрали маленького Лайла,— угрюмо сказал он.— Бетти попыталась помешать им — он же был ее единственным сыном. Они сожгли ее.

Финн, потрясенный, посмотрел на Хокера.

— Просто...

— На тебя горя тоже хватит! — крикнул Хокер.— И ты не будешь жить беззаботно, когда моего мальчика забрали, а Бетти

сожгли,— слезы полились из глаз мужчины, но в них, кроме горя, сверкала и ярость.

Безмолвный удивленный Финн повернулся к высокому мужчине, который пожал плечами и вздохнул.

— Не твоя вина, Финн,— толпа забормотала, соглашаясь, или нет.

Финн ничего не мог понять.

— Хокер просто считает, что будь ты на месте, рабовладельцы забрали бы тебя вместо Лайла.

Финн уставился на него, всё еще ничего не понимая.

Высокий мужчина мрачно глядел на него.

— Так ты все еще ничего не знаешь?

— Знаю... что? — спросил Финн. Но даже прежде чем высокий мужчина начал объяснять, осознание случившегося копьем пронзило юношу.

— Видишь, в чем дело, парень. Работорговцы пришли за тремя — ведь они и забрали троих. Ты мог быть вместо Лайла — ведь первыми они забрали старого Джошуа и Джену.

2. Порабощенный мир

Финн покачнулся, в его глазах помутилось. Снова вопил Хокер, а остальные жители деревни разом заговорили, но их голоса доносились откуда-то издалека. Тело Финна оцепенело, заледенело от потрясения. Полуослепнув от внезапно навернувшихся слёз, он повернулся и, спотыкаясь, побрел прочь.

Позади него ревел Хокер:

— Кровный долг лежит на тебе за этот день, Финн Феррал.

А потом он бросился вслед за Финном — в его руке появился нож.

Даже несмотря на глубину мучений и ужаса, какой-то инстинкт предупредил его. Он повернулся, встречая бросок Хокера, и, хотя он был отброшен огромным весом налетевшего мужчины, рука его метнулась и вцепилась в мясистое запястье руки, державшей нож. Затем Финн твердо встал на ноги, а Хокер обнаружил, что остановлен на бегу и хватает от боли воздух ртом, а стальной захват на его руке сжимается все туже.

Нож, сверкнув, упал в пыль.

— Где был твой нож, Хокер, когда Рабовладельцы были здесь? — голос Финна был резок, неузнаваем.— Какой кровный долг лежит на них?

Без видимого усилия он отбросил дородного мужчину и тот растянулся на земле, широко раскрыв глаза. Потом он взглянул на остальных и увидел правду на их лицах. Некоторые были угрюмы, некоторые испуганы, некоторые просто насторожены. Но почти все они были настроены против него. После этого ужасного дня им было нужно кого-то ненавидеть. И он стал козлом отпущения —

поскольку он был чужаком, никому не приходился родней и не являлся частью их маленькой, наполненной страхом жизни.

Он отвернулся и ушел, пошел к хижине, которая была его домом. Когда он за собой закрыл дверь, то позволил себе прислониться спиной к стене и пустота сомкнулась вокруг него, холодная и безысходная. Пустота — и воспоминания.

Раньше хижина была всегда полна любовью и теплотой, заботой и сплоченностью. Так было с того самого дня, когда Джошуа принес его домой из леса. Финн ничего не помнил из того, что было прежде, но хорошо помнил, как Уайра окутала его теплотой своего участия, как Джошуа и Уайра приняли его за родного. Все последующие годы они растили его с любовью, получали бесконечное удовольствие от его постоянного бодрого веселья, от его острого любознательного ума, который, казалось, всегда готов был изучать все обо всем.

Больше всего в те далекие годы Финн хотел учиться у Джошуа образу жизни в окружении дикой природы. И учился он так быстро, что Джошуа поверил: между этим ребенком и дикой природой есть какая-то особая почти мистическая связь: может быть, возникшая именно тогда, когда ребенок заблудился в диком лесу и чудесным образом избежал всех его опасностей.

Прошли годы, мальчик вырос и стал сильным юношей и, вполне естественно, стал преемником Джошуа в качестве деревенского охотника. Это стало необходимым еще и потому, что Уайра заболела, родив дочь — Джену. Такую болезнь когда-то можно было вылечить несколькими таблетками, но в мире, где они жили, не было лекарств. Меньше, чем через год она умерла. Тогда Джошуа, постаревший, утративший живость движений, вынужденный ухаживать за ребенком, решил остаться дома и предоставить охоту искусству юного Финна.

— Я учил этого мальчика, но теперь он может поучить меня,— говаривал Джошуа соседям,— он может сосчитать перья у сокола, а мы и не увидим его в вышине. Он слышит, как мышь дышит в норке, выследит бобра под водой. Ничего подобного я не видел.

Соседи кивали и улыбались, но мельком бросали взгляды друг на друга — не потому, что не верили Джошуа, они знали, что тот говорит чистую правду, а потому, что было нечто такое в Финне Феррале, что беспокоило их.

А старый Джошуа посмеивался про себя и говорил:

— Отличный он парень, хотел бы я, чтобы он всегда был со мной, но когда он дома, я чувствую себя в чем-то виноватым. Все равно, что держать дикого орла в клетке. Он должен быть на свободе.

Тогда соседи снова обменивались взглядами и расходились в тревоге — в их мире не многие позволяли себе пользоваться такими словами, как «свобода».

Но Джош был себе на уме, говорил он все, что вздумается, не отворачиваясь от туманных страхов, которые таились за границей

монотонной деревенской жизни. У него даже было несколько книг, сохранившихся с Забытого Времени, истрепанных и разрозненных, но их хватило, чтобы научить Финна немного читать и писать. Из этих книг и того, что знал Джошуа — информация поколениями передавалась из уст в уста, Финн пополнил свое образование знаниями о прошлом.

Большинство из того, что он узнал, было разрозненным, полупонятным, переполненным загадками и тайнами. Но все же он знал гораздо больше, чем многие из живущих о Забытом Времени и том ужасе, что пришел после него.

По-видимому, в Забытое Время — давным-давно, возможно, лет триста назад, а может быть, и больше, мир был переполнен людьми, их были миллиарды. Они строили огромные города из металла и камня, прокладывали на земле каменные дороги, жили, работали, путешествовали, всегда огражденные от окружающего каменным или металлическим барьером. Они жаждали богатства и власти, те люди. Это их страстное желание отравляло землю и воздух преграждало реки и океаны, вырубало леса и уничтожало диких животных.

И в конце концов те люди уничтожили сами себя.

Каким-то образом они предали огню весь свой мир. Потом, когда огонь угас, большинство огромных городов превратились в руины, и из всех миллиардов остались лишь несколько миллионов человек.

Выжившие скрывались в руинах и мечтали заново отстроить старый мир. Они даже, возможно, и приступили к этому, но такой возможности им не предоставилось.

Никто не знает точно, сколько это продолжалось — несколько поколений после разрушения, может быть, столетия. Но однажды, без предупреждения, с ужасающей внезапностью в небесах появились огромные, угловатые металлические тела. Они сотнями медленно опускались на опустошенную землю.

Они пришли — и то был первый день теперешнего мира.

Они расползлись по миру с холодным чуждым безразличием. Они были гуманоидами, но не людьми — тонкорукие и тонконогие, с раздутыми, как у насекомых, телами, их безволосые головы были совершенно гладкими, если не считать разреза рта и прямоугольных желтых фасеточных глаз. И остатки человеческой расы разбежались и попрятались, завывая от ужаса.

Но не все. Некоторые смельчаки попытались изучить чужаков, войти с ними в контакт. Но не преуспели в этом. Стало ясно, что человек, который подойдет слишком близко к чужакам, пусть даже и случайно — это уже мертвый человек. У чужаков были полые металлические палки, из которых извергались малиновые лучи огромной энергии. Они направляли свое оружие на людей так же небрежно, как люди мимоходом убивали мух.

Каким-то образом остатки человеческой расы собрали свое мужество, раздобыли немного оружия из остатков своей цивилизации и восстали против чужаков. Их мятеж продолжался лишь не-

сколько дней. При первых признаках сопротивления корабли чужаков поднялись в воздух. Человеческое оружие было бессильно против их металлических корпусов, а на кораблях оказались более мощные источники энергетических лучей. Холодно, методично чужаки уничтожали человечество.

Ни одно человеческое поселение не уберегло от убийственных лучей. Даже выжженные руины старых городов были сожжены вновь, бесследно расплавлены. И во второй раз мир оказался опутанным пламенем, и человечество сгорело в нем.

Чужаки высылали свои странные создания с крыльями летучих мышей на разведку — те вынюхивали, где скрываются мятежники, чтобы продолжить бойню. И в конце концов уцелели лишь немногие — может быть, всего несколько тысяч во всем мире — скрывшись в те районы, где девственная природа, которой они некогда избегали, теперь предлагала им убежище.

Там они и остались, так как чужаки после своей тотальной победы не стали преследовать нескольких выживших. Таким образом, перед лицом столь подавляющего превосходства чужаков, их холодной кровожадности, что-то исчезло из души человечества.

Немногие все еще в тайне лелеяли в душе ненависть, но то была пустая, бессильная ненависть, порожденная ужасом и безнадежностью. Гордость, мужество, дух мятежа, надежда — все это исчезло из сердца человечества. Не осталось ничего, кроме слепого животного инстинкта самосохранения.

И все же они выжили, прожили годы и поколения. Они жили в неуютном, примитивном существовании с дикой природой, вернувшись к образу жизни своих диких предков. А девственная природа восстановила себя, вновь привольно раскинувшись по лику земли, укрыв и похоронив страшные шрамы двух опустошений.

Пока природа восстанавливала свой мир и укрывала прячущиеся остатки человечества, чужаки занимались своими непостижимыми, холодными и безразличными делами. Они в нескольких местах построили странные, замысловатые строения, испещрили землю там и тут запутанными приспособлениями, присвоив Землю и остатки ее богатств.

Никто так и не знал: зачем. Никаких отношений между землянами и новыми хозяевами Земли не было. Словом, как сказал однажды Джошуа Феррал Финну: «Люди тоже не больно-то разговаривают с мышами в стогу сена».

Несомненно, так оно и было.

Род людской жил сам по себе в маленьких, грубо построенных деревеньках, в глуши простиравшихся во все стороны лесов. Они расчищали маленькие поля и возделывали их примитивными инструментами. О чужаках говорили редко, словно этим можно было помочь. Но осознание присутствия чужаков не покидало людей.

В первые годы после мятежа человечество осознало, что существуют некие границы, которые запрещается преступать. Они усвоили, что запрещается строить слишком большие деревни, что

нельзя их строить слишком близко друг от друга и что запрещается пользоваться даже смутным воспоминанием о науке, индустрии и технологии. Не должно быть прогресса никакого рода, никакого стремления к чему-либо подобному той цивилизации, о которой большинство из них едва помнили.

Они усвоили эти уроки жестоким методом проб и ошибок. Крылатые шпионы, как называли люди крылатые создания, могли посетить деревню в любое время — парили над крышами, прицеплялись снаружи к окнам. Если деревня слишком вырастала или кто-либо изобретал какое-либо полезное устройство или процесс, крылатые шпионы сразу обнаруживали это. Тогда появлялись чужаки. И не в одном из своих огромных кораблей, а в странных яйцевидных машинах, которые легко парили над землей. Вспыхивали энергетические лучи, и все запретное стиралось с лица земли. Вместе с людьми.

Были и другие, еще более безжалостные уроки. Время от времени чужаки появлялись беспричинно, без предупреждения, и забирали с собой людей. Выбирали людей, казалось, случайным образом, и никто не знал, для чего, и что с ними происходило там, куда их увозили.

Это было окончательным утверждением новой роли человека на его собственной планете. Угнетенные, деградировавшие, невежественные, перепуганные люди стали не более, чем зверьками для своих правителей — чужаков. «Мыши в стоге сена» — их не замечали и держали под контролем, их мучали и походя убивали.

И все-таки человечество каким-то образом продолжало существовать. А поскольку нельзя вечно находиться в страхе, иначе можно погубить рассудок, люди научились гнать от себя прочь мысли о таких вещах. Они научились позволять ежедневной отупляющей работе завладевать телами и мыслями, находя слабое удовлетворение в том, что просто продолжают жить. Они отвернули мысли и сердца от туманных мечтаний о свободе, мире, счастье и редко говорили о таких понятиях.

Если это можно было избежать, люди старались не произносить вслух мысли, имена, которые их предки дали своим жестоким хозяевам.

Они называли их ... рабовладельцами.

Финн Феррал с трудом отбросил от себя холодный туман воспоминаний и огляделся. Все вещи, которые когда-то составляли понятие «дом» — радушные и привычные — теперь, когда Джошуа и Джена исчезли, потеряли для него всякое значение... Снова слезы угрожающе подступили к глазам, в горле застрял комок.

Но где-то глубоко внутри у него росло другое чувство. Нечто прочное, как железо, острое, как кремень, твердое и непоколебимое. Решимость, может быть, решение, смешанное с диким гневом.

Если дом перестал быть домом, то он покинет его. Он часто мечтал покинуть деревню и отыскать ответ на загадку своего происхождения. Но он так ничего и не предпринимал: ему необходимо

было заботиться о Джошуа и Джене; и в любом случае у него не было ни малейшей идеи, откуда начинать поиски и что искать.

Джошуа и Уайра сначала думали, что ключом к отгадке может послужить тот странный рисунок из черных точек, что был на левом плече Финна. Но, как они ни пытались, они не смогли увидеть смысла в этом рисунке и в конечном счете заключили, что это просто необычное родимое пятно.

Пальцы Финна бессознательно поглаживали отметину, пока он еще раз осматривал хижину. Затем он встряхнулся, как собака, и повернулся к двери. Дом будет оставлен таким, какой есть, ему ничего отсюда не нужно. И было бы отлично, если бы все осталось на своих местах, когда они вернутся. Ведь он не планировал путешествовать бесцельно. Если он вернется, то вернется не один.

Там, снаружи, толпа разбрелась по своим домам, вместе со всеми ушел и Хоккер. Но высокий мужчина стоял перед дверью Финна и спокойно смотрел на него из-под кустистых бровей.

— Финн?

Финн кивнул.

— Устер Коллис.

— Ты не должен обижаться на Хокера,— сказал Коллис.— То, что случилось, слегка повредило его рассудок. Он переборет себя.

Финн безразлично пожал плечами.

— Каким путем они улетели?

Коллис моргнул, а потом понял.

— На северо-запад,— сказал он, и его длинный подбородок дернулся.— Зачем? Ты решил пойти за ними?

Коллис снова моргнул, в его глазах появился страх.

— Тебя убьют.

Финн, как и прежде, пожал плечами и повернулся, чтобы уйти.

— Право же, ты ошибаешься, мальчик,— сказал Коллис.— Ни один человек не выживет, сделав то, что собираешься сделать ты. Они убьют тебя наверняка. Ты не сможешь даже приблизиться к ним.

Финн повернулся, дикий огонь вспыхнул в его глазах.

— А когда в последний раз кто-то пытался?

— А как же деревня? — сказал Коллис.— Кто будет нашим охотником?

— Пусть Хокер и другие научатся,— ответил Финн, безрадостно улыбаясь.— Лес не даст вам голодать. Некоторое время я буду охотиться сам по себе.

Потом он окончательно отвернулся от Коллиса и двинулся через деревню на северо-запад.

3. Погоня

Финн окунулся в лес, не оглядываясь на деревню, и как только зелень сомкнулась вокруг него, поселение исчезло из вида. Он передвигался полусогнувшись, его путь был зигзагообразным и он изучал неровную почву.

Хотя он раньше никогда не видел ни одного из летающих аппаратов Рабовладельцев — «вихревые сани», как люди называли их,— он кое-что знал о них из рассказов старого Джошуа. «Как большие металлические яйца,— описывал их Джошуа,— только сверху у них стекло, или что-то вроде этого, а снизу они слегка плоские. И снизу все крутится, трудно рассмотреть. Вроде это крутящееся вещество поддерживает их в воздухе, и они скользят над всем гладко-гладко».

Финн и представления не имел, что же поддерживает летательные аппараты подвешенными в воздухе, и оставляет ли машина, плывущая над землей, какие-нибудь следы на своем пути. Но он не хотел и думать, что за вихревыми санями невозможно проследить. Если какая-то сила поднимает вихревые сани, то эта сила должна оставлять отметины... где-то и как-то.

Он упрямо продолжал прочесывание, продвигаясь все глубже в лес, на северо-запад.

Скоро он нашел то, что искал. Он увидел следы такого рода: пучок длинной травы изогнулся и лежал непараллельно своим коротким соседям; пыль на клочке земли лежала странным завитком; веточки то тут, то там были погнуты или сломаны, как-будто какое-то тяжелое тело двигалось в метре от земли.

Такие следы большинство глаз и не увидело бы, но для него они были как яркие флаги. Они указывали ему, что искать, дали направление и являлись достаточно часто, чтобы двигаться по следу бегом.

И он побежал — расслабленной рысцой, как мог бежать час за часом. След шел прямо, лишь изредка отклоняясь, чтобы обогнуть большое дерево или слишком густую чащобу. Однако он не прекращал изучать почву под ногами и то, что было над головой. Он не мог рисковать потерять след, если сани свернут на другой курс. Кроме того, огромная концентрация усилий позволяла ему держать в узде некоторые мысли и ощущения, которые жалили его, как осы.

Основным среди этих ощущений был чистейший злобный страх, усугубляющийся, отчасти, и его неведением. Он почти ничего не знал о Рабовладельцах. У него были лишь самые общие представления, как и у любого другого человека, страшные рассказы, которые иногда можно было услышать в деревне. Конечно, он не имел представления, что делают рабовладельцы после посещения деревень, куда направляются, как живут, какого рода жилища делают.

Потому он сознавал (если бы позволил себе думать об этом), что, скорее всего, бежит прямо навстречу своей смерти или неволе. Он не останавливался, чтобы спросить себя, что он собирается

делать, если нагонит вихревые сани. У него не было даже туманного плана, как отбить Джошуа и Джену у чужаков.

Он просто шел по следу и говорил себе, что подумает обо всем этом, когда побольше узнает о том, в какой ситуации оказались его родные.

Он знал лишь одно — что оба они, и особенно маленькая Джена, оказались во власти гораздо большего ужаса, чем он мог себе представить. Когда он думал об этом, в его мозгу проносились вспышки гнева, подавляющего его собственный страх, он должен был подавлять в себе желание броситься бежать с дикой, выматывающей скоростью.

Время от времени, не прекращая своего неумолимого движения вперед, он приостанавливался, чтобы набрать горсть воды из горного ручья, набрать пригоршню диких плодов и пожевать их. Но больше ни для чего он не останавливался и даже не сбивался со своей походки, пока длился день. Он просто продолжал бежать. Это все, говорил он себе, что оставалось делать.

Ближе к вечеру девственная природа вокруг него стала слегка изменяться. Из довольно густого леса с плотным подлеском он перешел в широкий пояс вечнозеленых растений. Их стволы, взметнувшиеся вверх, были лишены ветвей до самых вершин, а там они взрывались зелеными иглами и образовывали плотный зеленый полог.

Легкий ветерок промчался по вершинам с прозрачным свистящим вздохом, но его не беспокоил ни этот жуткий звук, ни полумрак, сгущающийся под пологом леса. Солнечные лучи не могли пробиться сквозь крону вечнозеленых, и земля была почти голой, если не считать кустиков легких папоротников, низких цветковых растений и толстого ковра сухих иголок.

Путь вихревых саней был отмечен перемещенными иголками и образовывал — как раньше пыль на земле — странные спиральные завитки. По такому следу мог легко идти любой человек, и Финну он казался просто мощеной дорогой.

Однако он не ускорил своего легкого волчьего бега. В ногах его скопилась усталость, а тенистый полумрак стал еще плотнее — день подходил к концу. Скоро в полной темноте он вынужден будет остановиться: след больше не будет виден.

Он старался не думать, как далеко от него могут быть чужаки, или какое расстояние они смогут покрыть, если не остановиться на ночь.

Хотя, в крайнем случае, ему будет не трудно найти след с утра. Так он полагал, пока не добежал до полянки.

Это было пятнышко голой земли среди стволов могучих пихт, но иглы и пыль на полянке поведали ему нечто такое, что переполнило его безнадежностью.

След, по которому он шел, переплелся с двумя другими, точно такими же, пришедшими на поляну с двух других сторон.

Глаза Финна автоматически отобрали все значащее из хаоса

следов и отметок, сейчас едва видимых в сгущающейся тьме. Как он только ни пытался найти ответ, хоть какой-нибудь, его не было.

Трое вихревых саней появились на полянке, сблизились, остановились ненадолго, а затем разлетелись своими дорогами — одни на северо-запад, другие на север, а третьи — прямо на запад.

Не было ни малейшего признака, по которому он мог бы отличить один от других или узнать, на которых из трех Джошуа или Джена.

Что было еще хуже, по некоторым признакам можно было предположить, что несколько людей — или Рабовладельцев — на короткое время покидали сани во время этой встречи. Он так и не мог установить, зачем они это делали. Существовала и такая возможность: они могли обменяться пленниками.

Финн стоял неподвижно, уставившись в землю, уже почти ничего не различая из-за сгустившейся тьмы, да и из-за влаги, набухшей в глазах. Наконец, он повернулся, и пошел, медленно и устало, словно все пережитое им напряжение дня навалилось на него сразу. Не обращая внимания на терзавший его голод, он нашел углубление под вывороченными корнями ближайшего дерева и свернулся в нем, обхватив себя руками, спасаясь от надвигающегося холода. Закрыв глаза, он лежал неподвижно. Но сон пришел к нему не сразу.

Финн открыл глаза, когда первые серые лучи рассвета с трудом пробились сквозь полог деревьев и даже не разбудили еще птиц... Он встал, потянулся как кошка, прогоняя остатки ночной прохлады и вновь вышел на поляну. Долго-долго он стоял неподвижно, вглядываясь в землю, надеясь усмотреть какой-то другой смысл во встревоженных иголках.

Но его не было. Наконец, он поднял голову, глаза его выражали мрачную решимость. Он должен был выбрать один шанс из трех. И выбор был очевиден. Вихревые сани, которые он преследовал, двигались точно по прямой, строго на северо-запад. С большей вероятностью именно они продолжали двигаться в том же направлении.

Остались ли на них Джошуа и Джена — это другой вопрос. Он последует за ними и узнает, это все, говорил он себе, что осталось сделать.

Он снова побежал ровной, пожирающей расстояние рысцой, не сбиваясь с нее и не останавливаясь. Поздним утром он выбежал из пояса вечнозеленых растений и попал в район парков — широкое пространство лугов, пересыпанных купами высоких деревьев как островами в море травы. Снова стало трудно распознавать следы саней, но слабые, легчайшие следы все еще оставались, и Финну этого было достаточно.

Он бежал опять весь день. Как вчера, он время от времени останавливался то для глотка воды, то для пучка грубых волокнистых корней. Они лишь самую малость облегчали голод, но он старался не замечать усталости в ногах и растущую боль в легких.

Вечером этого дня бег его больше походил на шаг. Но он все еще шел, пока тьма не заставила его искать места для ночлега. В эту ночь он заснул гораздо быстрее.

Следующим днем и следующим за ним все повторялось. Он теперь больше походил на жертву, чем на преследователя — как олень, окруженный волками, который бежит и бежит, пока позволяют его могучие ноги и большое сердце, потом падает весь в поту и пене, продолжая перебирать ногами, все стараясь убежать. Финна никто не гнал, как оленя, кроме его собственного решения и страхов. Но в те дни он все бежал и бежал с безрассудным отказом впадать в отчаяние.

В конце четвертого дня преследования почва стала подниматься, ведя к безлесным травянистым холмам. К тому же прошел холодный пронизывающий дождь, смывающий слабые следы. Но все же Финн заставлял себя продвигаться вперед по неровной почве холмов, его грудь и ноги горели огнем, но со следа он не сбивался.

Однажды он упал, отчасти от изнеможения, и некоторое время лежал неподвижно, несмотря на дождь. Но, в конце концов, он заставил себя встать и спотыкаясь, еще медленнее, пошел к вершине холма. А там он резко остановился, адреналин пробежал по его жилам, и усталость прошла.

Земля под его ногами круто падала в ущелье, а с другой стороны это ущелье ограничивал такой же крутой склон. Но Финн больше не смотрел на местность.

Долина была занята. Два металлических строения странного облика тускло мерцали под дождем, вставая на дыбы из грязной травы на дне долины.

Финн быстро скользнул за укрытие. Он видел несколько человеческих фигур, медленно тащившихся по грязи около строений. Но он отлично знал, что это не человеческие поселения.

Он нашел базу Рабовладельцев.

4. Долина страха

Скрываясь из вида, Финн ползком подобрался к какому-то низкому широколиственному кустарнику, разросшемуся у обрыва. Там он лежал неподвижно, под покровом листьев, забыв про дождь, не сводя глаз с узкой долины, пытаясь уловить смысл в тех странностях, что он увидел, и не похожих ни на что из того, что ему приходилось видеть раньше.

В самой середине долины, вырастая из почти круглого пятна обнаженной грязной земли, стояло сооружение, выглядевшее так, словно пыталось, без особого, впрочем, успеха, походить на дерево. Это было веретенообразное строение, похожее на тонкую башню, угловатое и коленчатое по всей длине: человеческому глазу оно казалось тревожаще неправильным. Из его вершины, придавая отдаленное сходство с деревом, вырывались тонкие металличе-

ские прутья, некоторые из них изгибались, другие давали ростки из более тонких и маленьких прутьев.

Из подножия строения высовывался пучок более толстых прутьев и зарывался в грязь, как насмешка над корнями. И еще он видел, что прямо перед башней земля была выкопана и высверлена, так что оставалась темная яма, глубины которой он не мог определить.

Позади башни и над ней, на крутом склоне дальней стороны долины стояло другое сооружение — более громоздкое и плоское, похожее на коробку, которую сделал некто, не подозревавший о существовании прямых углов. Самый дальний от Финна конец лежал прямо на — или, возможно, в скалистой поверхности склона. Другой его конец, выдававшийся из холма, поддерживался несколькими металлическими подпорками. Они казались слишком тонкими, чтобы поддерживать вес строения, и были так же странно угловатыми, как и стены.

Вдоль этих стен шла узкая платформа или пешеходная дорожка. На стенах были какие-то отметки, которые могли быть краями отверстий в таинственном ряду труб, прутьев и выпуклостей, вырастав-ших то тут, то там из металлических поверхностей.

Финн заметил еще две металлические конструкции. Одна была набором тонких металлических столбов, стоящих прямо на земле около башни и образовавших почти прямоугольное ограждение. Как ни удивительно, но они стояли довольно далеко друг от друга, так, что между ними мог свободно пройти человек, и не ограждали ничего, кроме голой земли.

Другая была сплющенным яйцом вихревых саней, которые стояли пустые у одной из подпорок коробкообразного строения.

По крайней мере, он знал, что это такое. Но подобное знакомство не было приятным. Он дрожал, по его телу ползли мурашки — не из-за холодного дождя, который продолжал беспрерывно лить, а из-за привкуса чуждой угрозы, которая окружала таинственные строения.

Он оставался неподвижно лежать и наблюдать. Рабовладельцев видно не было, насколько он мог рассмотреть из своего выгодного укрытия, но вокруг строений двигалось достаточное количество других живых существ. И только некоторые из них были людьми.

Финн насчитал около двадцати человек различного возраста и роста. Все — полуобнаженные, в лохмотьях и тряпье, которое когда-то было одеждой. Все были грязными и делались все более испачканными от жидкой грязи, которую уныло месили под непрерывным дождем.

Некоторые были изранены — волочили ноги, рука болтается или прижата к боку, полоска грязной ткани обмотана вокруг головы или конечности, с бледными нездоровыми лицами, двигались медленно, словно несли тяжелую ношу без всякой надежды на избавление. Горло его перехватила горькая смесь гнева и жалости. Финн чувствовал себя так, словно он смотрит на самое смерть.

Очень скоро он понял, что несчастные даже не двигались бы,

не будь рядом других существ — порождений ночных кошмаров.

Обликом они слегка напоминали людей, но были также перекошены и деформированы, как перекошенные подпорки строений. Некоторые были низенькими, некоторые высокими, но все — массивными и крепко сбитыми. У большинства вокруг чресел были обмотаны куски ткани, на которых грубые ботинки. Все остальные не были одеты, но все их тело было сплошь покрыто плотным, спутанным мехом одеянием, напоминающим мех животных.

Финн не мог рассмотреть их лица, укрытые спутанными волосами и бородами, но они производили впечатление чего-то звериного — низкие, выдающиеся надбровья, грубые, жесткие черты лица, поблескивали слишком большие зубы, большие, похожие на клыки.

Финн насчитал полдюжины таких зверолюдей. Они, очевидно, были надсмотрщиками и вели людей на работу. У некоторых зверолюдей было примитивное оружие — столь же уродливое, как и они сами, узловатая дубинка, заткнутая за пояс, длинный, страшного вида нож. И все они, кроме того, держали в руках короткие толстые стержни.

Когда человек поскальзывался, спотыкался или приостанавливался, не в силах брести дальше, из одного из таких стержней вырывался красный световой луч, около метра длиной. Звероподобный надсмотрщик свирепо хлестал этой нитью нарушителя, и до Финна доносился сквозь потоки дождя высокий слабый вопль безнадежности и агонии.

Каждый мускул на теле Финна напрягался от ярости. Но он все же не шевелился. Он оставался на краю обрыва, наблюдая, а день медленно шел к концу, дождь стих, а потом и совсем прекратился: клонящееся к закату солнце разорвало облака, чтобы пролить немного тепла на эту картину мучений и ужаса.

Он наблюдал и пытался понять. Он видел, что люди были просто тягловым скотом, многие из них таскали в грубых корзинах землю и битые камни из ямы под башней, другие, понукаемые зверолюдьми, носили странную ношу — пучки удивительно перепутанного металла, завернутые во что-то блестящее и из коробкообразного строения к башне и заносили их внутрь, передавая кому-то или чему-то, ожидавшему там.

Было ясно, чем бы она не была, башня еще каким-то образом достраивалась. Но несколько часов наблюдения не просветили Финна в отношении ее назначения.

И все же он смог, по крайней мере, предположить, что большое строение было чем-то вроде жилища. Рабовладельцы из вихревых саней должны были куда-то деваться. Уже почти в сумерки его предположение подтвердилось — одна из панелей в стене коробкообразного строения, похожая на дверь, открылась, как глаз, и на платформу вышел Рабовладелец.

Финн, едва дыша, изучал его высокую тонкую фигуру. Неестественно вздутый торс и тощие конечности, желтые фасеточные глаза — все было, как ему рассказывали. Но рассказы — лишь слабый от-

звук того, что можно увидеть собственными глазами. Он внимательно изучал каждый дюйм чудовища, которое было его смертельным врагом.

Джошуа и другие рассказывали об огненном копье — длинной и убийственной трубке, которая сожгла так много людей. Но у этого чужака не было ничего в его трехпалых клешнях. По-видимому, чужак на своей базе чувствовал себя в полной безопасности и не считал необходимым ходить вооруженным.

Рот — щель рабовладельца открылась и раздалось нечто среднее между щелчком и приглушенным воплем. Но зверолюди поняли. Красные огни вспыхнули в сгущающихся сумерках, сгоняя людское стадо в кучу и погнали их к тому странному ограждению из тонких, широко расставленных столбов. В загородке люди сгрудились, большинство сразу опустились на землю в позах, выражающих изнеможение и крайнее уныние.

Зверолюди двинулись к дальнему концу коробчатого строения; что-то ворча и рыча друг другу низкими голосами, а из башни выбрался второй Рабовладелец, прошагал за ними следом и исчез внутри второго строения.

Даже тогда, когда они исчезли из вида, Финн не сдвинулся с места. Лишь когда полная темнота опустилась на склоны холмов и принесла с собой влажный режущий ветер, он вышел из укрытия.

Низко пригнувшись, чтобы его не было видно на фоне неба, он потянулся, выгоняя неподвижность из тела. Ни на одном из строений огней не было, но сквозь клочья облаков проглядывало достаточно звезд, чтобы осветить ему путь.

Он не видел Джошуа или Джены среди жалкой группы людей. Но он не мог рассмотреть каждое опущенное, измазанное грязью лицо. В любом случае где-то на базе могут быть и другие люди, возможно, в большом сооружении. И был только один способ проверить это.

Осторожно, тихо, как охотящаяся кошка, он начал спускаться вниз по склону к базе чужаков.

Он не заметил, что возле большого строения тоже что-то двигалось. Тихо, как тени, невидимые на фоне темного неба, взмахнули крылья, похожие на крылья летучих мышей.

Один из крылатых шпионов Рабовладельцев спиралью поднимался в небо, чтобы начать воздушное патрулирование долины.

5. Столкновение

Финн несколько минут сидел на корточках перед загородкой, прежде чем кто-то из людей заметил его неподвижную фигуру. Над дальним краем долины появилась луна, и в ее неверном свете, прорвавшемся через клочья облаков, он перестал быть невидимым. Первой его заметила одна из девушек и сжалась в комок, вскрикнув от ужаса. Тогда и другие повернулись к нему, и страх пронесся по

их чумазым, искаженным лицам. Финн встал во весь рост, чтобы все видели, что он не зверочеловек и не Рабовладелец.

Даже тогда страх не покинул их. Сама мысль о свободном человеке, вольно разгуливавшем по базе Рабовладельцев, не могла уложиться в их головах. А все непонятное ужасало.

— Кто ты? — прошептал пожилой мужчина, высокий и скорченный от непосильной работы.— Что ты здесь делаешь?

— Я...— Финн умолк. Отчего-то он не хотел, чтобы чужие люди узнали его имя.— Я ищу двух людей — мужчину и женщину, юную девушку. Рабовладельцы схватили их, и, может быть, привезли сюда.

Старик придвинулся поближе, вглядываясь в него сквозь тьму. Но откликнулась та девушка, которая первая заметила его.

— Ты пришел искать людей, которых забрали? Хочешь помочь нам?

— Конечно, нет,— проскрипел старик,— помочь он не сможет. И никто не поможет. Мальчишка дурак — он умрет до восхода солнца. Все мы умрем, если он не уберется.

Финн удивленно взглянул на него.

— Похоже, что ты хочешь остаться здесь. Почему бы тебе не взять, да не уйти?

В ответ старик подобрал веточку и сунул ее между прутьями. Финн услышал свист, потрескивание и увидел, как вокруг веточки заплясали красные искры, потом почуял запах горящей древесины. Веточки уже не было — на землю осыпался пепел.

— Между этими столбами Рабовладельцы поставили убивающий огонь,— проскрипел старик.— Как на вихревых санях или силовых кнутах, которыми их дикари хлещут нас. Между столбами нельзя пройти, пока их не отключат.

Финн моргнул, принял к сведению новую информацию.

— Как насчет людей, которых я ищу?

Старик отвернулся и опустился на землю, бормоча что-то про себя. Ему ответила девушка:

— Был только один новичок. Вчера это было. Его звали Лайл. Он умер.

Казалось, сердце у Финна замерло и он перестал дышать. Не из-за гибели Лайла. Конечно, он жалел сына Хокера, но деревня и все ее население оставалось далеко позади, в другом времени. Нет, он был потрясен тем, что пошел по ложному пути. Он потерял так много времени... а другие следы теряют свежесть, может быть, уже затерялись из-за ветра и дождя.

Крушение надежд могло сломать его волю, поколебать решимость. Но та, наиболее сильная сидящая в нем часть существа, что принадлежала девственной природе, не была затронута.

Каким-то образом он почувствовал постороннее присутствие: как дикое животное с уверенностью осознает опасность, еще ничего не видя и не слыша. Он вскинул голову, девушка тоже машинально подняла глаза.

Услышав ее испуганный вскрик, и другие повернулись и посмотрели, и тихий стон ужаса прокатился по загородке.

Крылатый шпион Рабовладельцев, похожий на летучую мышь, силуэт которого обрисовывался в лунном свете, лениво кружа в ночном небе, спускался к сбившимся в кучку людям.

— Убирайся, мальчишка! — прошипел старик.— Они накажут нас.

Финн вряд ли слышал эти слова. Он не имел представления, видел ли его крылатый шпион и что случится, если увидит. Он уже размотал сыромятный ремень пращи, освободив левое запястье, и достал из висевшей на поясе сумки тяжелый яйцеобразный ремень.

Праща трижды прокрутилась, кружа над его головой, а затем высвободилась.

Он сбивал пернатую дичь с помощью пращи почти всю свою сознательную жизнь, и в детстве его меткость считали чуть ли не чудесной. В жутком молчании крылатый шпион накренился в воздухе и по спирали упал на землю всего в нескольких шагах от загородки.

Финн подошел поближе, взглянул и остановился, волосы на его затылке встали торчком от ужаса и омерзения.

Камень распорол тело проклятого шпиона, своими размерами не превышавшего размеров крупной летучей мыши... Но из раны лилась не кровь — водянистая зеленоватая жидкость. И не мясо и кости сокрушил камень — в ране поблескивал металл.

Даже глаза крылатого шпиона — непропорционально большие, выпуклые и фасеточные — не казались живыми, а больше походили на стекло.

Из-за его спины донесся задыхающийся от ужаса голос старика:

— Этот мальчишка умрет, еще солнце не встанет. И мы вместе с ним, хотим мы того, или нет.

Но Финн, быстро наматывая пращу на запястье, не обратил на него внимания. Его острый слух зато обратил внимание на приглушенные звуки, доносившиеся с другой стороны здания, прилепившегося к обрыву. Случилось ли это из-за крылатого шпиона, или по какой-то другой причине, но появились зверолюди и они обходили кругом квадратное строение.

Времени бежать обратно по склону к укрытию не оставалось. Вместо этого он прыгнул к стене здания, к его дальнему углу и теням между поддерживающими стойками в надежде обогнуть это строение и держаться так, чтобы оно всегда оставалось между ним и зверолюдьми.

Но когда он оказался во мраке рядом с подпорками, звуки шагов начали доходить с разных направлений. Зверолюди обходили здание с обеих сторон.

Готовый впасть в панику, Финн затравленно огляделся. Он оказался в ловушке и не стоило рассчитывать, что темнота спрячет его надолго, если зверолюди действительно ищут незваного гостя.

Но у него не останется ни одного шанса, если он выскочит и бросится бежать, он достаточно много слышал об оружии Рабовладельцев, чтобы знать, насколько оно эффективно на расстоянии.

Оставался лишь один путь. Вверх. За несколько секунд до того, как из-за угла показалась первая группа зверолюдей, он вскарабкался вверх по одной из страшно изогнутых подпорок, ухватился за край узкой платформы, бегущей вокруг здания, подтянулся и оказался на ее влажной металлической поверхности.

Группа зверолюдей прошла под ним перерыкиваясь и перехрюкиваясь между собой и соединилась с другой группой, обошедшей здание с другой стороны.

Они вместе направились к загородке, очевидно, в действительности, уничтожение крылатого *шпиона* выгнало их наружу. Финн осторожно поднял голову и насчитал шесть массивных фигур и все спиной к нему. Это-то ему и было нужно.

Он бесшумно встал на четвереньки — тень среди теней. Он собирался по платформе обогнуть здание и пробраться к той его стороне, которая покоилась на откосе. Оттуда короткий рывок к вершине холма — и он в безопасности.

У загородки голоса зверолюдей переросли в рыкающий крик. Очевидно, они нашли поверженное тело крылатого *шпиона* и это им не понравилось. Пронзительные крики, вырывающиеся из людских глоток, показали, что люди за загородкой хорошо знали, как эти звери выражают свое неудовольствие.

Сейчас Финн ничего не мог сделать для людей — заключенных. Но сострадание и гнев заставили его приостановиться и оглянуться. Автоматически, как это он делал всегда для большей безопасности, он прижался к стене здания.

Но механизм, о котором он не имел и понятия, пришел в действие от легчайшего нажима его спины. Без всякого предупреждения кусок стены позади него мягко скользнул в сторону, и Финн, потеряв равновесие, спиной вперед ввалился через отверстие внутрь здания.

Он моментально вскочил на ноги и повернулся. За время между двумя ударами сердца его глаза успели обежать внутренность помещения. Он отметил жуткий ровный свет, изогнутые стены, заставленные раздражающе чуждыми предметами — металлическими выступами, стержнями, трубками, шишками и шарами, экранами, сиявшими желтым светом или неритмично жужжащими и щелкающими. Перед экранами прямо из пола вырастали два грибообразных предмета; в конце концов, он решил, что это — кресла.

С одного из них вставал Рабовладелец, поворачивая к нему лицо. Его глаза потемнели, меняя цвет от желтого через оранжевый и красный до ледяного пурпура.

Но какое-то время два существа замерли и уставились друг на друга. Финна охватил сковывающий ужас. Рабовладелец тоже казался скованным огромным удивлением. Позже Финн узнает, что изменение цвета глаз выражает эмоции — удивление, переходящее в

негодование, как человек был бы удивлен и возмущен, обнаружив у себя на кухне мышь.

Но через мгновение его неподвижность кончилась. Тонкий шрам рта чужака раскрылся и произвел скрежещущую серию щелчков, а трехпалая клешня протянулась к огненному копью, ловко прикрепленному к стене поблизости.

Финна охватила паника. Дверь позади него закрылась, и он не имел ни малейшего понятия, как снова открыть ее. Он видел что-то похожее на другую, внутреннюю дверь, но она была слишком далеко, с другой стороны комнаты. А чужак перед ним уже крепко сжимал свое убийственное оружие.

Но у попавшего в ловушку животного, пойманного силой или хитростью, часто паника и ужас преобразуются в свирепую, безумную агрессивность. Финн оскалил зубы и решительно прыгнул, целясь прямо в глотку Рабовладельца.

Дикое безумие нападавшего захватило Рабовладельца врасплох. Не успел он поднять огненное копье, как Финн напал на него. Руки Финна сомкнулись на оружии, яростно выворачивая его, а чужак, отброшенный нападением, впечатался спиной в экран.

Финн краешком глаза отметил, что тощие веретенообразные руки чужака оказались неестественно слабыми, и тот почти не сопротивлялся, когда он выворачивал оружие из его рук. Острия его клешней ударили Финна по лицу, глаза стали еще более багровыми, почти черными, а приглушенный треск щелчков из приоткрытого рта стал высоким и оглушительным.

Финн ускользнул от клешней и яростно ударил концом копья во вздутую грудь чужака. Но тело оказалось твердым, словно закованным в броню, и удар не причинил вреда. Снова метнулись клешни, хлестнули по рукам Финна, оставляя на дубленой коже красные полосы.

Но тут Финн изменил объект нападения. Он перехватил огненное копье двумя руками и ударил твердым металлом древка поперек тощей шеи.

Финн со страшной силой отдавливал голову чужака назад, и щелкающий крик прервался. Тощие руки и ноги слабо хлестнули Финна, впрочем, без всякого эффекта, а глаза потемнели еще больше. Раздался металлический хруст, и обмякшее тело опустилось на пол, голова повисла под странным углом, шея была сломана.

Финн осторожно отошел, тяжело дыша, и чувствуя, что все его тело покрыто ледяным потом. Все еще сжимая огненное копье, он уставился на мертвого чужака, лежавшего на полу. Глаза Рабовладельца утратили все цвета и походили теперь на два угловатых вздутия из грязного стекла. А струйка водянистой зеленоватой жидкости стекала из уголка приоткрытого рта.

Из любопытства Финн ударил по туловищу концом копья. Несмотря на податливость веретенообразных рук и ног, туловище чужака было твердым и жестким и напоминало похожий на скорлупу покров некоторых насекомых. Вспомнив, что он видел внутри

распоротого тела крылатого шпиона, он заинтересовался. Было бы время, он непременно всадил бы нож в тело чужака и посмотрел, что там внутри.

Но времени не было.

Шестое чувство опасности уже заставило его наполовину повернуться к двери, когда мерзкое создание наполнило комнату и жгучая полоса боли от огня обожгла его левую руку.

Два зверочеловека ворвались через внутреннюю дверь, их лица были искажены яростью, силовые хлысты потрескивали и распространяли злое сияние.

6. Опустошение

Финн увидел потрясение и смертельную ненависть в глазах зверочеловека, идущего первым. Яростное рычание было ужасным, но стало еще ужаснее, когда из клыкастого рта раздалась внятная человеческая речь.

— Здесь червяк! — послышался гортанный голос.— Он осмелился войти, осмелился убить хозяина!

— Впервые вижу такого наглого человека,— пророкотал второй зверочеловек.

Первый вновь поднял свой силовой жест.

— Мы выбьем из тебя эту наглость, червяк! Выжжем, вырежем. Ты будешь умирать по кусочкам, д о л г о!

Силовой хлыст свистнул, страшилище сделало выпад.

Финн отшатнулся. Сейчас он паники не испытывал, они много раз сталкивались со зверями в лесу, а эти чудовища выглядели не страшнее разъяренного медведя. Он перехватил огненное копье, которое так и не выпустил из рук, собираясь использовать его как пику, чтобы отталкивать, отпихивать, держать на расстоянии противника.

Но тут его большой палец случайно попал в неглубокую канавку, опоясывающую гладкий металл на одном из концов металлического стержня. Наконечник огня хрустнул, и тугой энергетический луч выпрыгнул из копья, маленькая точка света заплясала в малиновом пламени.

Первый зверочеловек, оказавшийся на пути луча, завопил. Он откинулся назад, его свалявшийся мех вспыхнул, а посредине грудной клетки образовалась дымящаяся впадина.

Второй успел только схватиться рукой за нож, но Финн, продолжая давить большим пальцем, повернул огненное копье, и второе существо с обуглившимся лицом рухнуло на неподвижное тело первого.

Финн, ослабив нажим большого пальца, изумленно смотрел на смертоносные разрушения, которым он послужил причиной. Но тут из-за двери донесся щелкающий крик второго Рабовладельца и большой палец Финна снова стал нащупывать спусковую точку.

Вновь вспыхнул луч, выжигая куски раскаленного металла из дверной рамы. А чужак, должно быть, счел за благо ретироваться, следующий его крик казался глуше, доносился уже издалека. Несомненно, он созывал подкрепление.

Краем глаза Финн уловил движение — внешняя дверь открылась. Он лишь мельком увидел косматое тело, тут же повернулся и повел огненным лучом. Но луч вонзился в пустой ночной воздух, а зверочеловек за дверью бросился назад. Финн услышал тяжелые шаги на металлической платформе и без колебаний выпрыгнул через приоткрытую дверь на вольный воздух. Как и всякое дикое животное, он испытывал отвращение к битве в замкнутом пространстве...

Когда Финн выскочил, убегавший зверочеловек как раз обернулся и получил огненный луч прямо в грудь. Рыча в агонии, он свалился с платформы, его волосатое тело вспыхнуло. Финн тут же легко спрыгнул на хорошо знакомый затемненный дерн.

Его глаза не совсем привыкли к темноте, но он засек движущуюся тень и снова выпалил. Блеснул огненный луч, но зверочеловек скорчился за одной из стоек, поддерживающих строение — Финн поспешил от неопытности, плохо прицелился и не попал в него, луч глубоко врезался в металл. Но все равно, зверочеловек спрятался за укрытие, а Финн повернулся и бросился бежать.

Но ему не удалось удрать. Из-за угла здания с мерным жужжанием вылетели вихревые сани чужаков.

Лунный свет позволил ему увидеть через верхний прозрачный сегмент яйцевидной машины силуэт чужака. Поудобнее перехватив огненное копье, он прицелился и выстрелил. Но луч отразился от поверхности саней и не причинил им вреда. А из выступавшего стержня на носу саней вырвался ответный луч и пронесся всего лишь в нескольких сантиметрах от щеки Финна.

Он бросился в сторону, упал и быстро вскочил на ноги. На ходу он выстрелил еще дважды, но снова огонь не подействовал на вихревые сани. И снова оружие вихревых саней полосовало ярко-алым лучом воздух вокруг Финна, а он отступал и уворачивался.

Сани медленно двинулись вперед, видимо, их водитель собирался поймать Финна в поле зрения и не отпускать его. К тому же Финн знал, что оставшиеся зверолюди перебегают в темноте за подпорками и ищут случая напасть на него сзади.

Но он все бился и палил, изгибаясь и уворачиваясь, скользя неуловимой тенью. Еще один человек выскочил и упал у подпорки здания: стремительное, огненное копье хлестнуло его по ногам. А вихревые сани все так же неумолимо ползли вперед — и он знал, что эта неравная битва может иметь лишь один конец. Но все равно он продолжал сражаться, и дикая ярость заставляла его продолжать битву до последней капли крови.

Он отступил, в темноте попал ногой на пятно мокрой грязи, поскользнулся и упал на колено.

В это мгновение двое оставшихся зверолюдей выпрыгнули из темноты, а вихревые сани метнулись к нему: внезапное ускорение подняло их более чем на метр над землей.

Финн, обезумев, выстрелил. Но он потерял равновесие, и вместо того, чтобы сжечь зверолюдей, в которых он целился, огненный луч поразил открывшуюся нижнюю поверхность саней как раз в том месте, где гладкий металл изгибался и переходил в потрескивающее энергетическое облако, которое двигало машину.

Вихревые сани сделали вираж, накренились и явно вышли из-под контроля.

Все ускоряясь, они резко завалились на бок. Двое зверолюдей бросились прочь от машины, несшейся прямо на них, и тут машина со звоном врезалась в одну из подпорок здания — как раз в ту, которую незадолго до того Финн повредил огненным копьем.

Вихревые сани исчезли в оглушительной вспышке пламени, а поврежденная подпорка переломилась и смялась.

Вначале медленно, а потом все быстрее здание начало оседать. Остальные подпорки приняли на себя вес здания, и металл завизжал от непереносимой перегрузки. Подпорки одна за другой начали гнуться и лопаться.

Финн увидел силуэты двух зверолюдей, пытавшихся выбраться из-под здания и даже выпалил в них. Но поздно.

Подпорки сломались. С ревом и скрежетом здание накренилось и рухнуло. Вся его огромная масса обрушилась на зверолюдей и обломки вихревых саней.

Тут и Финн на четвереньках бросился бежать. Металлический бугор здания упал на землю, но дальний его конец все еще держался за обрыв и теперь начал соскальзывать. Величественно, неотвратимо, как могучая металлическая лавина, здание прогрохотало по скользкой, мокрой от дождя траве и грязи склона. Чуть не задев перегородку, где визжали от ужаса люди, здание помчалось прямо к башне чужаков, уходившей своей вершиной во тьму.

Оно добралось до края ямы под башней и перевалилось через край, яростно разбрасывая осколки искореженного металла. Башня смялась, как бумага. Пламя лизнуло края ямы, а затем его оранжевые языки взметнулись выше самой башни. И громче того взрыва, что сопровождало пламя, Финн ничего в жизни не слышал.

В конце концов спокойствие вернулось в долину. Из ямы еще то и дело появлялись языки пламени, но ничего другого не двигалось. Не было движения и на склоне холма, где раньше стояло коробкообразное здание.

Финн, не двигаясь с места, огляделся, не в силах поверить случившемуся, не в силах осознать тот факт, что остался жив и победил. Но он многому научился во время этой короткой битвы.

Он узнал, что с Рабовладельцами, их прислужниками и машинами можно биться. И побеждать.

Ему еще предстояло долго обдумывать то, что он увидел: ведь

каждый кусочек информации порождал сотни безответных вопросов. Но сам факт налицо: он лицом к лицу столкнулся с чужаками, бился с ними и выжил.

Финн медленно нагнулся, подобрал веточку и, едва передвигая ноги, пошел к загородке, где люди — заключенные все так же сгрудились в кучу и всхлипывали. Он просунул между столбами веточку, и с ней ничего не случилось. Чем бы ни был «Смертельный огонь», он больше не действовал.

— Вы свободны,— сказал он просто.

— Свободны? — То был голос старика.— Мы мертвы.

Но кое-кто уже с изумлением вставал, протискивался с опаской между столбов и выходил из загородки. Некоторые бросились к яме, заглядывали в нее, покачивали головами и что-то потихоньку бормотали. Девушка, которая уже разговаривала с ним, подошла к Финну и с любопытством смотрела на него.

— Сколько здесь было Рабовладельцев? — спросил он ее.

Она немного подумала и подняла два пальца.

— А сколько полосатых?

Тут она не задумываясь подняла шесть пальцев.

— Тогда опасаться нечего,— сказал Финн,— они все мертвы.

— Да и мы тоже, мальчик,— уныло сказал старик, отделившись от группы людей, все еще боязливо жавшихся к перегородке. Придут другие Рабовладельцы, и нам конец.

Финн удивился.

— Вас не найдут. Бегите, забирайтесь как можно глубже в лес. Лес спрячет вас. Дикий лес не любит Рабовладельцев.

Старик фыркнул.

— Дикий лес убьет нас так же быстро, как Рабовладельцы, не выжить нам. Не охотники мы,— из-за его спины доносилось одобрительное бормотание.

— Научитесь,— огрызнулся Финн,— а что же еще? Ждать, пока придут Рабовладельцы и их звери и сожгут вас? Бегите! Учитесь! В лесу можно жить!

— Да сможем мы жить там,— внезапно сказала девушка,— если с нами будет охотник и покажет, что к чему. Идем с нами. Научи нас.

— Не могу,— покачал головой Финн.— Я должен найти своих. В этом моя охота.

— Твои родственники уже умерли, или чего еще похуже,— настаивала девушка,— не найдешь ты их, да если и найдешь — не сможешь помочь. Помогли бы лучше нам.

— Не могу. Я должен идти своим путем — продолжать поиски, что бы ни ждало меня в конце концов.

— Так иди же,— проскрипел старик,— но учти, мальчик, ты убиваешь нас так же верно, как убил бы своим ножом.

— Я вас не убиваю,— спокойно ответил Финн.— Уже до того, как я пришел сюда, вы были практически мертвы. Здесь,— он указал за загородку.— А если вы не сможете жить в лесу и жить свобод-

но,— продолжал он, и его глаза потемнели,— что ж, тогда можно считать, что вы были мертвы до того, как попали сюда.

Тут он повернулся и покинул людское стадо. Он ни разу не оглянулся, не бросил за спину взгляда: взбежал по склону, выбрался из долины, и темнота сомкнулась над оставшимся позади.

Часть вторая

ПО СЛЕДУ

7. Незваный гость

Финн лежал на животе и всматривался с травянистого берега в прозрачную воду лесного озерца, образованного извилистым ручейком. В одной руке он держал ровную палку, ствол деревца которого он срубил и отрезал ветви. Он расщепил толстый конец палки и вставил в расщеп рукоятку своего ножа, туго обмотав кожаной пращой. Получилась грубая острога — грубая, но действенная, на что указывали две довольно крупные рыбы, лежащие рядом с ним на траве.

Но он был очень голоден, и двух рыбин, понятно, ему не хватило бы. Он не мигая уставился на воду, держа острогу наготове. Мелькнула подводная тень и стала приближаться к тому берегу, на котором он лежал. Даже ресница у него не дрогнула, а потом острога с такой скоростью метнулась, что просто исчезла из виду, погрузившись в воду и вынырнув с рыбиной, нанизанной на лезвие. Не очень большая, решил он, но хватит.

Он снял рыбину с ножа, положил рядом с другими и разобрал острогу. Пращу он положил на траву сушить. Потом он почистил рыбу, а голову и внутренности швырнул обратно в реку. Неподалеку в неглубокой ямке, вырытой в дерне, почти бездымно горел костёрок из сушняка. Через несколько мгновений от костра осталась только кучка ярких углей, а поблизости лежала решетка из зеленых ветвей, достаточно пристроить ее над углями, и получится что-то вроде гриля.

Меньше, чем через минуту куски рыбы уже лежали над огнем и начинали шипеть. Финн сидел рядом, мирно смотрел на угли, спину ему жгло заходящее солнце. Он казался целиком поглощенным удовольствием и отдыхом:

Но мысли его были далеко не мирные.

Несколько дней прошло с тех пор, как он повернулся спиной к обломкам базы Рабовладельцев и тем людям, которые боялись свободы так же сильно, как и неволи. Тогда он, не давая себе ни минуты отдыха, вернулся по своему следу на полянку в вечнозеленом

лесу, где трое вихревых саней Рабовладельцев встретились и разошлись.

Он хорошо понимал, как трудно будет теперь, после дождя, уловить хоть бы один след из двух. Но если он и не сможет это сделать, ему может попасться неверный след, и он потратит дни и даже недели, прежде, чем обнаружит ошибку. Но делать ничего не оставалось. Джош и Джена должны быть вместе, в одних из двух других саней, а он не может раздвоиться надвое.

Однако, вернувшись на полянку, где солнце лило свой туманный свет сквозь кроны вечнозеленых растений, он без колебаний сделал выбор — идти за санями, которые направились почти точно на запад. Он нашел один или два слабых полустертых следа на толстом ковре из опавших иголок, и они дали ему общее направление. Поэтому он и пошел на запад.

По крайней мере он знал, что Рабовладельцы стараются вести свои машины почти по прямой линии. Он рассчитывал на это их свойство, надеясь, что сможет обнаружить более четкий след где-нибудь дальше. Поэтому он, как и раньше, двигался зигзагом вдоль того направления, которое выбрал, и исследовал землю так же тщательно, что вряд ли хоть один лист или травинка избежали его внимания.

Таким образом, он несколько дней шел на запад. Теперь он уже не бежал, сломя голову, как в первый раз. Теперь он знал, что нет смысла загонять себя до упаду. Он понятия не имел, как долго ему придется искать, как далеко придется ему зайти. Поэтому он путешествовал более мудро, заставляя себя — хотя и глубоко жалел потерянное время — искать пищу для плотного ужина в конце каждого дня.

Но дни шли, и он все больше и больше терял надежду. Несмотря на все свое мастерство и предельную концентрацию, он не мог найти ни единого признака, который показал бы, что по лесу прошло что-то, вроде вихревых саней в том направлении, в котором он следовал.

Даже если он преследовал те вихревые сани, что ему были нужны, он потерял след.

Несколько раз в день, когда разочарование и горе болью отдавались в его душе, он перебарывал в себе порыв броситься бежать сломя голову по лесу куда-нибудь в сторону той линии, что он выбрал, в надежде, что ему какой-нибудь счастливый случай подарит те следы, которые он так жаждал. Но он знал, что это было бы бесполезно: нельзя надеяться на удачу, когда в лесу идешь по следу.

Единственной его надеждой было держаться прямой линии первоначального направления и смотреть, куда она его выведет. Если не к базе Рабовладельцев, то, возможно, к деревне, где живут люди и где он сможет узнать, есть ли поблизости Рабовладельцы.

А поскольку надежда была слишком слабой, хуже всего было

на исходе дня. Пока он шел, усиленное изучение окружающего составляло мало умственной энергии для грустных размышлений об утрате и неудаче. Но когда он останавливался, его захлестывали мысли: мысли о том, что могут испытывать Джош и Джена в этот самый момент. Если они еще живы...

Финн встряхнулся и сжал зубы, пытаясь прогнать черные мысли, вызывающие омерзительное оцепенение и чувство безнадежности. Он наклонился и перевернул ножом рыбу, подбросил несколько сухих веточек. Рыба пахла восхитительно, но он знал, если поддаться отчаянию, которое охватывало его каждый вечер, то рыба будет казаться не вкуснее золы. Он снова откинулся назад и замер, словно обратившись в камень.

Кто-то шел по лесу за ручьем. Кто-то большой, хруст веток и сучьев выдавал его сущность: большое и не боящееся нарушить тишину.

Он навострил уши и насторожился, заинтересовавшись, но не встревожился. В лесу живет много животных, в том числе и большие. Он несколько раз видел на стволах отметки, которыми медведи помечают свою территорию. Судя по звуку, это и был медведь, возможно, привлеченный запахом жареной рыбы.

Все всякого сомнения, он подойдет поближе, чтобы хорошенько принюхаться и внимательно рассмотреть Финна, и может даже останется поблизости в надежде, что еда еще останется, когда Финн заснет. И пока Финн не станет опасным для медведя, зверь не станет опасным для него.

И все-таки, ведь в лесу нужно быть осторожным. Он потянулся к огненному копью и подтащил его поближе.

Он взял огненное копье с собой. С тех пор он каждый вечер изучал его и упражнялся — не так уж великое искусство нужно было, чтобы прицелиться смертельным сжигающим лучом. Но до сих пор он пользовался им только для тренировки и для того, чтобы быстро разжечь костер. Когда он добывал себе еду на вечер, он пользовался своим собственным оружием: у него было такое ощущение, что это будет неправильно, неестественно, охотиться на жителей дикого леса оружием чужаков.

Медведь, или что это там, подошел ближе и теперь обходил маленький пруд. Рыба была готова. Финн снял ее с огня и отставил в сторону немного охладиться, и снова внимательно вгляделся в листву в том направлении, откуда доносился треск.

Ну вот... кусты слегка задрожали. Он не смотрел прямо на них, но уголком глаза продолжал следить, а сам наклонился, чтобы взять кусок рыбы.

А когда он наклонился, существо, столь шумно пробиравшееся через лес, наконец полностью вышло из кустарника.

Не медведь. И вообще не животное.

Это был массивный полуобнаженный зверочеловек Рабовладельцев — и в его глубоко посаженных глазах, казалось, сменяются любопытство и ярость.

На какое-то мгновение Финн, потрясенный, оцепенел. Зверочеловек тоже не двигался и изучал Финна.

Он был невысок, но неестественно широк и силен, слегка сутул, на толстой шее и спине буграми вздымались могучие мускулы. На нем были мешковатые штаны и высокие, до колен башмаки: за спиной в кожаных ножнах висело оружие с длинным лезвием, похожее на мачете, так, что его рукоятка выдавалась из-за широкого плеча. Обнаженное туловище было покрыто длинными свалявшимися волосами, довольно светлыми, почти желтыми, а лицо почти скрывалось в большой темной бороде. Тяжелые валики надбровных дуг делали глазные впадины похожими на пещеры, однако его лоб был на удивление высоким и казался еще выше от того, что волосы на голове были редкими и далеко отступали назад.

Этот лоб покрылся морщинами, когда зверочеловек осторожно шагнул вперед.

Финн вскочил на ноги и вскинул огненное копье. Зверочеловек увидел оружие, и глаза его расширились. Он остановился, согнулся, словно собирался броситься назад. И Финн направил на него огненное копье, и его большой палец скользнул в неглубокую выемку.

Металл на кончике копья засветился алым. Но больше ничего не произошло. Из копья не вылетели убивающие лучи.

Финн, обезумев, все нажимал и нажимал на выемку. Ничего. Что бы ни случилось с оружием, разбираться ему было уже поздно.

Со скоростью, удивительной для такого массивного существа, зверочеловек выхватил мачете из ножен. Блеснуло ужасное лезвие, и враг бросился вперед на него со звериным рыком.

Нож Финна лежал на траве у огня, и схватить его он бы уже не успел. Перехватив бесполезное копье как дубинку, он сжался в комок и собрал все свои силы, чтобы выдержать чудовищный натиск. Они сошлись, как два диких зверя — Финн, быстрый, проворный и жестокий, как кугуар, и зверочеловек, массивный и сильный, как взбесившийся медведь.

Мачете свистнуло над головой Финна и оглушительно зазвенело, наткнувшись на копье, отразившее удар. Снова мелькнуло мачете, казавшееся невесомым в огромном кулаке зверочеловека. Финн нырнул в сторону и нанес ответный удар, слегка задев ребра зверочеловека.

Так они фехтовали, нападая и защищаясь, но большей частью защищаться приходилось Финну от смертоносного лезвия мачете. Куртка из грубой кожи, в которую был одет Финн, была уже прорезана в нескольких местах, как бумажная. Но Финн был очень быстр, и чаще всего ему удавалось уклониться от мелькающего клинка. И несколько его ударов тоже оставили свои отметины, хотя, казалось, зверочеловек никак не реагировал на глухие удары копья по животу или ноге.

Битва длилась всего несколько мгновений, они ходили по кругу, нападая и защищаясь от ударов. Первым сменил тактику зверочеловек. Рубящий удар оказался ложным выпадом и последо-

вал свирепый пинок. Но Финн увернулся от огромного башмака и неистово хлестнул копьем по руке, в которой было зажато мачете.

Металл ударился по волосатому запястью, зверочеловек взревел и выронил мачете. По-змеиному быстро и гибко Финн развернул копье и нацелился в голову зверочеловека. Но со стремительностью зверочеловека не смог бы сравниться никто. Он схватился голой рукой за копье, с ужасающей силой вывернул его из рук Финна и отбросил прочь.

Зверочеловек бросился на Финна. Финн сражался, как взбесившаяся дикая кошка кулаками, коленями, ногами. От некоторых его особенно ужасных ударов зверочеловек только хрюкал, но не более того. У Финна было такое чувство, словно он лупил кулаками по древесному стволу.

Ужасные руки вцепились в куртку Финна. Они вывели его из равновесия и они оба упали, сцепившись, на землю — Финн оказался под зверочеловеком.

Всем своим огромным весом зверочеловек рухнул на Финна и вышиб из него весь дух. Полуоглушенный, Финн мог только корчиться и извиваться, прижатый к земле огромными руками и ногами.

Наконец, он понял, что спасения нет, расслабился и взглянул в звериное лицо, ожидая смерти.

Но, к его удивлению, на лице зверочеловека не было написано победного выражения или жажды убийства. Напротив, на губах, виднеющихся под густой бородой, было нечто странное — вроде кривой улыбки и насмешливого огонька в глубоко посаженных глазах.

— Ну, вот.

Финн удивленно моргнул. Голос зверочеловека не походил на хрипящие и лающие голоса чудовищ, с которыми Финну уже приходилось сражаться. Голос был глубоким и богатым, словно мелодичный гром перекатывался в бочкообразной груди.

— Ну, вот,— повторил он,— если тебе надо еще попытаться прикончить меня, может быть, потолкуем вначале?

8. Медведь

Финн почувствовал, что его челюсть по-дурацки отвалилась. А зверочеловек улыбнулся и обнажил не клыки, а обыкновенные человеческие зубы, разве что великоватые и слегка желтые.

— Здорово я перепугался твоего огненного копья,— это прозвучало почти как извинение.— Я решил, что чуть не потерял свою голову, и собрался вместо того снести твою голову с плеч.

Глухой грохочущий смешок.

— Вот так и подрались. Ну, если я отпущу тебя, ты будешь сидеть спокойно, вести себя прилично и мы немного поговорим? А ты можешь говорить?

Финн моргнул несколько раз, будто не веря, что все это происходит на самом деле, и обрел голос:

— Да,— сказал он хрипло.

— На оба вопроса? — ухмыльнулся зверочеловек.— Хорошо.

Он освободил Финна и встал, осторожно отошел назад, но скрашивая эту осторожность улыбкой. Финн сел, ошеломленный, растирая синяки, оставшиеся на теле от огромных рук зверочеловека.

Финн напрягся, когда его бывший противник подошел к своему мачете, но клинок тут же скользнул в ножны за широкой спиной. Потом зверочеловек поднял огненное копье. Он что-то там повертел, и к удивлению Финна копье распалось на две половинки. Зверочеловек заглянул в трубку.

— Кончился заряд,— сказал он.— К моему счастью. Запасной есть?

Финн в замешательстве покачал головой.

— Я так и думал. Подобрал где-то?

Финн был слегка удивлен, и у него снова прорезался голос:

— Я отобрал его у Рабовладельцев.

— Вот как? — зверочеловек с новым интересом взглянул на Финна своими глубоко посаженными глазами.— И что же случилось с Рабовладельцами?

— Сдохли,— сказал Финн, слегка вздрогнув от гордости.— Их было двое... и шестеро... ну, других.

На бородатом лице появилась мрачная, но одобрительная улыбка.

— Ах, как мне нравится слышать такое! — Тут ему в голову пришла какая-то мысль.— Так это ты устроил ту шумиху? Я что-то слышал, так было много дыма и огня — вон там, в том направлении, в нескольких днях пути? — и он махнул рукой в сторону долины, где Финн получил свое боевое крещение.

Финн кивнул.

— Там жили Рабовладельцы, в двух таких больших штуковинах, вроде домов. Они сгорели.

— Я так и думал,— снова сказал зверочеловек.— Я был поблизости и видел, что там происходило что-то веселенькое.

Все это время он внимательно изучал Финна.

— Это что-то новенькое, мальчик. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из вас поднял руку на Рабовладельцев. И уж, конечно, не видел никого, кто бы сделал это и остался в живых.

Финн слегка покраснел.

— Я не совсем понял, что случилось тогда. Мне повезло.

— Да, удача помогает, если схватишь ее за хвост,— дружелюбно сказал зверочеловек.— Но и ты должен быть ловким и стойким, чтобы сразиться с Рабовладельцами. Похоже, ты такой и есть...— Снова вспыхнула кривоватая улыбка.— Я уже понял, что ты сильнее, чем кажешься.

Финн почувствовал, что эта грубая похвала ему, как ни странно, нравится.

Зверочеловек подался вперед и протянул свою огромную руку.

— Пожмем руки, мальчик, и помиримся. Похоже, что мы с тобой одного поля ягода. Как тебя зовут?

— Финн Феррал,— сказал Финн, осторожно протягивая руку, и его руку так энергично пожали, что он тут же вскочил на ноги.

— Зови меня Медведем,— сказал зверочеловек, и тут же его глаза блеснули, когда он увидел, как Финн пытается сдержать улыбку.— Что смешного?

— *Не обижайся,— сказал Финн, пытаясь согнать с губ улыбку,*— но я... я думал, ты и был медведем, когда услышал, как ты *идешь. А когда я увидел тебя, я...*

— Подумал, что я похож на него, да? — сказал Медведь со смешком.— Я понял. А ты слышал, как я шел, да? А я-то думал, что я иду очень тихо и осторожно.— Он удрученно покачал большой головой.— Не везет мне в этом проклятом лесу. Но ты-то, Финн Феррал, тебе-то кажется здесь хорошо?

— В своей деревне я был охотником,— сказал Финн просто.— Лес для меня — дом родной.

— Вот как? — с интересом сказал Медведь. Он пнул что-то носком башмака, и Финн увидел, что это были куски жареной рыбы, которую они втоптали в землю во время своей яростной схватки.— Похоже, что ты раздобыл хорошую еду,— продолжал Медведь.— А я вот так и не помню, когда мой живот был полон. Как ты думаешь, можно еще наловить рыбы?

Финн смешался. Уж о еде-то он думал сейчас в последнюю очередь.

— Там ее много, можно наловить,— сказал он, указывая на пруд.— Но...

— Не знаю,— перебил Медведь, поднимая руку.— У тебя на языке вертится куча вопросов — мне тоже любопытно узнать побольше о тебе, как и тебе обо мне. Но моя голова говорит мне, что для разговоров у нас впереди целая ночь и чуточку времени перед тем, как станет слишком темно для рыбалки. А мое брюхо говорит мне, что я могу беседовать с тобой куда с большим толком, если я сначала набью его.

Финн огляделся. Солнце почти село, тени были очень длинными.

— Хорошо, я приготовлю ужин. Только нужен хворост для костра.

— Уж с этим-то я справлюсь, юный Финн,— пророкотал Медведь.— Две вещи может сделать старый Медведь...— он выразительно погладил рукоять своего мачете...— рубить дрова и убивать Рабовладельцев.

Под эти зловещие слова, эхом прокатившиеся по лесу, Финн вернулся к пруду. У него в голове все перепуталось. Странный гость казался ему слегка нереальным.

Они еще не кончили есть, когда на лес опустилась кромешная тьма. Финн принес к костру гору рыбы и с удивлением наблюдал,

как Медведь управился с большинством из нее. Когда они поели, Финн по просьбе Медведя рассказал о себе. Медведь оказался чудесным слушателем: слегка наклонившись над огнем, он напряженно вглядывался в лицо Финна, словно опасаясь пропустить хоть одно слово, и издавал ворчание и рычание в знак понимания, сочувствия и симпатии. Финн и не заметил, как выложил ему все, начиная с подробностей своего странного появления в деревне, до последних событий, приведших к яростному преследованию вихревых саней и ужасающему столкновению в долине.

Когда отзвучали последние слова его повествования, наступило долгое молчание, прерываемое только хрустом пережевываемой большими зубами Медведя рыбы.

— Ну, вот,— сказал, наконец, Медведь,— такие истории я называю достойными рассказывания. Слушать было так же хорошо, как есть эту рыбу.

Финн озадаченно покачал головой.

— Я до сих пор не могу поверить, что все это происходит со мной,— сказал он.— Совсем недавно я дрался за свою жизнь с... как я думал, с одним из монстров Рабовладельцев. А теперь я сижу рядом с ним, ем рыбу и рассказываю ему о себе.

Медведь кивнул и перебил:

— Звучит забавно. Но я не монстр Рабовладельцев, как ты говоришь, уже много долгих лет.

— Теперь твоя очередь,— сказал ему Финн,— рассказывать, кто ты и что здесь делаешь.

— Так я что — просто Медведь. И делаю то, что делал уже несколько лет. Брожу, гуляю по этому миру, стараюсь остаться живым,— голос его стал глубже, задрожал, подобно отдаленному грому,— и убиваю Рабовладельцев.

— Почему? — настороженно спросил Финн.

— Сам знаешь, почему. Потому, что они — м о н с т р ы. Потому, что одно из двух: ты убиваешь их, или они убивают тебя. Ведь они убивают людей гораздо больше лет, чем я могу сосчитать.

— Но ты же...— Финн запнулся, скрывая смущение.

— Не принадлежу к роду людскому? Не человек? — Глаза Медведя сверкнули в свете костра.— Может быть, и не похож. Может быть те, другие, похожие на меня, поступали не как люди. Но мы существуем. Мы, как и вы, происходим от доброго людского корня.

— Не понимаю...— начал Финн.

— Как же,— сказал Медведь.— Да можешь ли ты понять? Эти твои люди прятались в своих деревеньках, крепко зажмурив глаза и думая, что пришлые пугала не тронут их. Люди слишком перепуганы, чтобы даже защитить себя, слишком напуганы даже для того, чтобы разузнать что-нибудь о врагах и попытаться защищаться. Все они такие — перепуганные и невежественные.— Он взглянул на Финна со своей кривой усмешкой.— Кроме старого Медведя. А теперь в это исключение попадаешь и ты, я думаю.

На лице Финна было написано смятение.

— Я такой же невежественный и перепуганный, как и любой из них. Я видел Рабовладельцев, сражался с ними, но узнал лишь, как много я не знаю. А мне нужно знать.

Медведь обсосал косточки последней рыбы и швырнул их в огонь, после чего он уселся поудобнее и удовлетворенно отрыгнул.

— Ага, нужно. Или ты не выживешь и месяца. А старый Медведь как раз тот парень, который научит тебя. Как ты заметил, теперь моя очередь рассказывать.— Снова кривая усмешка.— Но не жалуйся, если тебе целый месяц будут сниться кошмары.

Медведь оказался таким же хорошим рассказчиком, как и слушателем. Время шло, наступила глубокая ночь, луна своим серебряным светом смягчила тени вокруг костра, а Финн сидел неподвижно, едва дыша, словно загипнотизированный рокочущей басовой мелодией голоса Медведя. Он всецело обратился в слух и не пропускал ни единого слова.

Медведь сначала рассказал о себе.

— Начнем с малого,— сказал он со своей кривой усмешкой,— и оставим мировые проблемы на потом.

Он действительно был рожден и рос, как один из «монстров Рабовладельцев» далеко на западе, в одном из главных Центров Рабовладельцев, окруженном высокой горной цепью. Это был один из главных Центров, сказал он Финну, возможно, самый большой из всех: он занимал большую площадь и был густо населен.

Как и все, подобные ему, он служил «хозяевам». Когда он вырос, он, как и его соплеменники, стал сторожить — или пасти,— большую группу людей-рабов. Но тот факт, что Медведь продолжал исполнять свои обязанности, не помешал ему увидеть, как безнадежно и беспомощно они жили.

Медведь видел, как люди, ковыляя, выполняли работу, будто тягловый скот, каковым они и стали. Он видел, как людей изучают и жестоко гоняют зверолюди — включая его самого. Он видел, как люди сгибели и умирали с ужасающей легкостью, а их заменяли другими — такими же беспомощными, жалкими и обреченными.

Но с самого начала Медведь знал, что в нем есть какое-то отличие, которое отделяло его от диких соплеменников. Возможно, более высокий уровень интеллекта, возможно, зарождающиеся ростки сострадания. Как бы то ни было, но он почувствовал вину по отношению к людям-рабам. И он задал себе вопрос, которого никто никогда не задавал. Вопрос — п о ч е м у?

И еще он понял, вопрос этот будет терзать его, пока он не найдет ответа. Втайне, украдкой, он начал изучать Рабовладельцев.

Несколько лет он подсматривал, подслушивал, учился, копил информацию — медленно складывал ее частички воедино, он строил подробную картину того, кем и чем являются Рабовладельцы, почему они появились на Земле, каковы их долгосрочные планы. Никто не замечал, что позиция Медведя изменилась, никто и на мгновение предположить не мог, что он делает.

— Так я потерял осторожность,— пророкотал Медведь.— Я выбрал время и проскользнул в те помещения Центра, куда не пускают таких, как я. Многое я там узнал. Там меня и поймали.

За преступное проникновение в запретную зону его приговорили Рабовладельцы к смерти. А зверолюди — его братья и товарищи — решили для забавы медленно забить его силовыми кнутами.

— Когда все кончилось, они швырнули меня со склона горы, куда сваливали мусор,— голос Медведя стал скорбным и глубоким, как похоронный звон.— Но я одурачил их. Я не умер. Я лежал там несколько дней. Без воды, без пищи, раны мои загнили, я лежал неподвижно, лишь только страдал от боли. Но я не умер. Со временем я смог шевелиться и стал рыться в отбросах в поисках кусочков еды. Позже, когда мои раны стали заживать, я уполз в лес, где и живу до сих пор.

Но даже когда он совсем выздоровел, остались внутренние рубцы, которые никогда не заживут. Они породили глубоко укоренившийся гнев, дьявольскую жажду наносить ответные удары, и только это позволило ему выжить, когда он лежал, истекая кровью на груде отбросов.

— Так я объявил войну рабовладельцам,— пророкотал Медведь.— Смешно звучит? Старый Медведь, совершенно один, объявил войну целой расе завоевателей, со всем их заумным оружием и машинами. Но я их знаю. Я знаю их слабости, их уязвимые точки. Я знаю, как укрываться от них и как убивать их. Вот чем я занимаюсь с тех самых пор. Вот чем я буду заниматься до своего последнего дыхания. Убивать Рабовладельцев.

— А своих, таких, как ты? — поколебавшись, спросил Финн.

— Ага. Не прорвешься через того — не убьешь этого. Но я больше не держу их за подобных себе. Знаешь, они считают себя существами иной породы, чем люди. Называют себя *братья по крови* — будто все они кровные братья. Они только и умеют, что выполнять приказания Рабовладельцев — делают это так жестоко и уродливо, как только они и умеют. А что до меня, так я считаю себя человеком, хотя большинство людей бросится бежать со всех ног, если увидят меня.

Финн нахмурился:

— Но как ты... как они стали такими? Откуда они появились?

Медведь некоторое время внимательно смотрел на Финна. И ответ, который Финн понял только наполовину, встревожил его еще больше оттого, что он был произнесен ровным, холодным тоном:

— Видишь ли, мой мальчик, нас СОЗДАЛИ. Вырастили специально Рабовладельцы.

Медведь ухмыльнулся своей кривой усмешкой, увидев, как Финн сидит, словно пораженный.

— Ты, наверное, так и не понял. Я не имел в виду, что нас создали так, как они делают свои или своих соглядатаев. Братья по крови из мяса и крови и костей, как и ты. Происходят они от

людей, рождаются, как и все. Только... задолго до их рождения, когда они не больше булавочной головки, завязавшейся во чреве их матери. Рабовладельцы их вытаскивают и что-то с ними делают.

Потрясенный Финн слушал рассказ об огромной лаборатории, которую Медведь обнаружил в Центре. Там человеческие вибрионы — не больше оплодотворенных яйцеклеток — оперируют странными и тонкими инструментами. Проделав над ними неизвестную операцию, Рабовладельцы вновь помещают их в утробы матерей, где они естественным образом растут до рождения.

Правда, добавил Медведь, многие не доживают до рождения, или, родившись, живут недолго. Все родившиеся не похожи на людей.

— Некоторые из них скрючены, деформированы или еще чего похуже,— сказал Медведь,— и Рабовладельцы таких убивают. Большинство оставшихся получаются похожими на меня — и Братья по крови получают несколько новых мальчиков.

— Мальчиков? — спросил Финн.

Медведь сплюнул в огонь.

— Рабовладельцам нравятся большие, сильные и злобные Братья по крови. Девочек они убивают.

Финн невидящим взором уставился во тьму, пытаясь осознать всю глубину бессердечной жестокости, которую он едва мог вообразить. А потом еще более ужасная мысль поразила его.

— Медведь,— начал он,— а матери...

— Юные женщины, которых Рабовладельцы забирают у людей,— сказал Медведь,— и Братья по крови заставляют их спариваться с мужчинами — рабами,— его глубокий голос смягчился.— Я знаю, о чем ты думаешь, Финн. И, вероятно, ты прав. Взгляни правде в лицо. Может быть, как раз сейчас твоя маленькая сестричка становится матерью одного из Братьев по крови.

— Нет!!! — вырвался из горла Финна полный муки крик. Он посмотрел на Медведя затуманенным взором.— Почему все это творится? Почему?

— Боюсь соврать, мальчик,— мягко сказал Медведь.— Рабовладельцы не объясняют своих поступков Братьям по крови. Но мне всегда казалось, что они пытаются сделать что-то особенное. Пытаются создать новый сорт людей. И я думаю, Братья по крови, скорее всего бракованные экземпляры.

— Какой же сорт людей им нужен? — спросил Финн.

Медведь начал было отвечать, но внезапно остановился, словно что-то невидимое сразило его. Когда он снова заговорил, голос его звучал почти обыкновенно.

— Не могу сказать тебе, Финн. Откуда мне знать.

Поглощенный своими мучительными мыслями, Финн не заметил ни паузы, ни изменившегося тона. Он не заметил, как изменился взгляд Медведя, когда его глаза скользнули по россыпи маленьких темных точек на левом предплечье Финна.

9. Два путника

Много долгих минут Финн сидел неподвижно, как статуя, уставившись в темноту, весь поглощенный мыслями и видениями, которые были почти невыносимы. Наконец, Медведь беспокойно зашевелился.

— Не рви ты себя на части, Финн,— пророкотал он.— Я понимаю, тяжело. Но ведь весь наш мир тяжел и мерзок. Он стал таким с тех пор, как появились Рабовладельцы. И этого не изменить.

Финн медленно повернулся к Медведю, глаза его сузились. Костер бросал тени на его лицо, казавшееся высеченным из гранита.

— Кое-что я изменю,— сказал резким и мрачным голосом.— Если не убьют. Я выручу Джошуа и Джену, где бы они ни были.

Медведь помрачнел и держал себя за бороду.

— Я почти уверен, убьют тебя, мальчик. Если ты вообще найдешь их, мальчик. Но черт меня возьми, если я не хочу присоединиться к тебе, если ты возьмешь меня с собой.

Финн с удивлением взглянул на него.

— Почему?

Медведь пожал плечами:

— Потому что мне ничего не остается делать. Потому, что мне любопытно посмотреть, как ты управишься. Потому, что тебе, возможно, понадобится кто-нибудь, кто умеет убивать Рабовладельцев,— в его бороде снова промелькнула кривая усмешка.— Потому, что я несколько раз чуть не подыхал от голода, а ты здорово готовишь.

Выражение лица Финна не изменилось, пока он разговаривал. Наконец, он кивнул.

— Почему бы и нет? Если мне не придется из-за тебя идти медленно.

— Я могу идти быстро, если постараюсь,— уверил его Медведь.

— Тогда отправимся с рассветом. А пока будем идти,— добавил Финн запоздалое соображение,— ты расскажешь мне еще немного о Рабовладельцах — и как с ними бороться.

На следующий день, к концу дневного перехода, Финну не на что было жаловаться. Медведь казался неутомимым. Большую часть дня маршрут, который выбирал Финн, вел их по широкой полосе низины, влажной и болотистой, покрытой обильным переплетенным подлеском. Как и всегда, Финн находил проходы и бреши там, где их, казалось, не существовало совсем, пока он в них не проскальзывал. Поэтому Медведю казалось, что ветви расступаются перед человеком. У него самого таких способностей не было, но он компенсировал свой недостаток огромной силой и выносливостью, напролом пробираясь сквозь заросли, и в крайних случаях прибегая к помощи острого, как бритва, мачете, которым прорубал проходы для своего громадного туловища.

Днем они разговаривали мало,— Финн, как обычно, далеко

отклонялся в обе стороны от выбранного направления, все еще надеясь отыскать какие-нибудь следы вихревых саней. А Медведь, со своей стороны, строго держался прямой линии, которую ему указал Финн. А когда сумерки начали робко ощупывать землю, они уже прошли существенное расстояние.

На этот раз Финн не жалел, что ему приходится прервать дневной поход и заняться поисками пищи. Он предвкушал вечернюю беседу. Весь день ушел на раздумья: он пытался свыкнуться со страшным откровением прошлой ночи и судьбой, которая, вероятно, ожидает Джену. Но кроме того, он думал и о том, *какой* полезной может оказаться компания Медведя, как источника информации о врагах.

Его голова жужжала от вопросов.

И этой ночью, когда они уже плотно набили желудки зажаренным на вертеле мясом каких-то водяных грызунов, которых Финн наловил в силки, он стал требовать ответов у Медведя.

Медведь откинулся назад, почесал бороду, и, как всегда, охотно заговорил:

— Ты должен понять,— начал он,— что Рабовладельцы много не разговаривают даже между собой. Братья по крови получают приказы и не задают вопросы. Поэтому над многими вещами я и не думал.

Среди неразгаданных загадок был и вопрос о происхождении Рабовладельцев — с какого другого мира они появились. Но для Финна, который ничего не знал о космических полетах и других планетах, это был бессмысленный вопрос. Его гораздо больше интересовало то, что Медведь все-таки узнал, что именно привело Рабовладельцев на Землю.

— Им чертовски нужны металлы,— сказал Медведь.— Видимо, большинство маленьких баз Рабовладельцев построены поблизости от источников каких-то специальных металлов, оставшихся от забытого времени. Не естественные руды, а те металлы, которые были выработаны или созданы древними людьми, которые создали ту блистательную цивилизацию, а потом разрушили ее.

— Тут вокруг куча такого металла,— продолжал Медведь,— только он покрыт девственным лесом и нужно покопаться, чтобы достать его. Это-то Рабовладельцы и делают большую часть своего времени — копают. С помощью своих машин или рабов, или того и другого.

Возможно, подумал Медведь, на закладку такой шахты и наткнулся Финн в этой долине.

Дальше Медведь рассказывал об остатках Забытого Времени, которое он видел.

Обширные пространства, которые были опустошены в ходе последней разрушительной бойни, куда даже дикий лес не смог прорваться — и даже Рабовладельцы держатся от них подальше. Редкие травы, которые растут в тех местах, причудливо изуродованы и даже ядовиты, а животные, которые бродят по тем пу-

гающим областям, почти так же уродливы и еще более смертоносны.

Эти растения заинтересовали Финна, но не так, как те подробности, с которыми Медведь описывал Рабовладельцев. Как он никогда не видел, чтобы они ели, и он предполагал, что они никогда не спят, и хотя ночью держатся подальше от Братьев по крови, и потому Медведь не был уверен в этом, как изменение цвета их глаз выказывает их чувства — но в очень ограниченных пределах, не более, чем внезапное удивление или гнев. Как эти фасеточные глаза обладают особой способностью видеть слишком маленькие или слишком удаленные от человека предметы и видеть совершенно отчетливо в почти полной темноте.

Финн стал особенно внимательным, когда Медведь заговорил о слабостях Рабовладельцев.

— В их тощих руках и ногах почти нет силы,— грохотал Медведь,— и в шее тоже.

Финн мрачно кивнул. Он и сам знал об этом.

— Но их тела... ничто не может пробить эту броню. Ни клинок, ни даже огненное копье.

Финн пожал плечами.

— Какое это имеет значение, если их можно убивать по-другому?

— Не очень большое,— согласился с ним Медведь.— Но просто любопытно. Ты сам знаешь, на что похожи изнутри крылатые шпионы. Что, если Рабовладельцы выглядят так же?

— Ты хочешь сказать, машины...— спросил Финн, вспомнив металлический блеск внутренностей крылатого существа, которое он сбил.

— Ага. Или отчасти, во всяком случае,— Медведь задумчиво подергал бороду.— И если они... если их как-то сделать, как они делают крылатых шпионов..., то кто или что сделало их?

Да, это вопрос, подумал Финн. Но еще он подумал, слегка задрожав, несмотря на тепло костра, что не хотел бы он узнавать ответ на этот вопрос.

В течение нескольких следующих дней пути и ночных разговоров, Финн продолжал слушать и познавать. Медведь особенно любил рассказывать о своих приключениях с тех пор, как он удрал из Центра Рабовладельцев и вел свою одинокую войну против чужаков. Но он всегда был готов вставить в рассказы побольше фактов и подробностей, которых жаждал Финн.

— Вот что еще забавно у Рабовладельцев,— сказал он как-то вечером.— У них нет воображения. Они, конечно, сообразительны, сообразительнее людей, вне всякого сомнения. Но их мозги всегда работали по прямой, шаг за шагом. И это их делало весьма уязвимыми в отношении людей, вроде нас с тобой.

— Каким образом? — с интересом спросил Финн.

— Потому, что они не могут предвидеть, что мы сделаем, или почему. Я сам убил Рабовладельца и удрал. Вышел другой

Рабовладелец и увидел мертвого. Он не смог понять, кто или что убило его. Он огляделся, не увидел никого, просто повернулся и ушел домой. Никакого воображения,— глубокий басистый смешок выкатился из могучей груди.— Чтобы перемудрить их, какими сообразительными они могут быть, нужно лишь воспользоваться своим воображением. Делать что-то слегка безумное, чуточку невиданное, и они не поймут, кто их убьет.

Так шли дни, полные тяжкого пути и ночи, полные разговоров. В ходе их Финн начал сознавать, что происходит нечто необычное.

Финн и Медведь были настолько различными, насколько могут быть различными два индивидуума. Их свел вместе случай, и остаются они вместе по почти непреднамеренному и, видимо, временному соглашению. В других обстоятельствах они могли бы стать смертельными врагами. Но каким-то образом в течение этих дней и ночей между ними образовались какие-то узы. Что-то большее, чем просто чувства попутчиков, большее, чем просто товарищеские отношения. Как ни странно, они становились друзьями.

Если бы его спросили, Финн мог бы сказать, что в его жизни нет места дружбе. Свирепая, стальная решимость, которая овладела им, потерявшим Джошуа и Джену, решимость, ставшая более холодной и твердой во время мрачной погони, полностью захватила его. Оцепенение, поразившее его, когда Медведь открыл, что происходит с юными девушками, попавшими к Рабовладельцам, все еще отражалось в его глазах и накладывало отпечаток отчужденности, которого раньше не было.

В то время Финн был молодым человеком, который оказался один-одинешенек в мире, которого почти не знал, столкнулся с врагами, которых знал еще меньше и нес на себе тяжелую ношу боли, горести и утраты. Сам того не сознавая, он очень нуждался в друге. И Медведь, Брат по крови или нет, идеально подходил для этой роли. Их растущая близость стала особенно очевидной Финну, а может быть, и Медведю на пятую ночь их совместного путешествия. Медведь вспомнил о днях своей молодости, и Финн внезапно спросил его, откуда взялось его имя, и что оно, собственно, означает.

Медведь подергал себя за бороду, неуверенно поерзал и попытался сменить тему. Но Финн, заинтересованный, нажал на него.

— Да, глупая это история,— пробормотал Медведь.— Наверное, ты будешь смеяться до колик.

— Я не буду смеяться,— пообещал Финн.

Медведь взял палочку, наклонился и написал на земле МЕДВЕДЬ.

— Ты читаешь? — спросил он.

— Немного,— ответил Финн.— У Джошуа было несколько книг Забытого Времени и он чуть-чуть научил меня.

Медведь хмыкнул:

— Похоже, отличный парень твой папа. Нашему миру нужны

такие, как он. А я никогда не учился читать. Братья по крови не умеют. Но иногда Рабовладельцы выкапывают старые книги и вещи и я украл несколько штук, прежде, чем Братья по крови пустили их на растопку. Выучил я несколько букв, и как писать свое имя.

— Так что же твое имя? — настаивал Финн.

Порывистый вздох.

— Видишь ли, Братья по крови сами дают свои имена малышам. Большей частью по их облику и поступкам, и чаще всего не очень-то изящные. Я знавал одного по имени Рваное Брюхо, и Редкозубого знал, такая вот ерунда. Со мной тоже,— он уныло почесал бороду.— Ты уже заметил, что я довольно-таки волосатый. А когда я был моложе, я был еще большего желтого цвета, чем теперь. Все другие смеялись, пока я не вырос и не начал бить им морды. И все же имя мне дали из-за этих желтых волос. Только когда я стал старше, я укоротил его и получилось: Медведь.

— Так все-таки, какое же имя было? — не отступал Финн.

— Если хочешь знать,— проворчал Медведь,— меня звали Медвяноголовый.

Довольно долгое время Финн честно смотрел на Медведя и на его лице ничего не было написано. Но постепенно его лицо побагровело, зубы сжимались все крепче, и он уже не мог сдерживать странную дрожь, сотрясавшую все его тело. Наконец, он уже не смог сдержаться. Финн взорвался заразительным смехом.

— Медвяноголовый! — задохнулся он и хохотал, пока слезы не полились из глаз, а ребра не заболели, как переломанные.

А потом засмеялся и Медведь, его бас словно исходил из большого барабана. Лесные зверюшки застыли в изумлении, наблюдая из темноты, как двое людей катались по земле, ухватившись за бока, а девственный лес вторил незнакомому звуку смеха.

Наконец, хохот начал стихать. Финн судорожно старался взять себя в руки, а громкий смех Медведя перешел в звучный хохот.

— Сынок,— сказал Медведь наконец.— Мне было бы очень приятно, если бы все, что я тебе рассказал, исчезло из твоей памяти.

— Я постараюсь,— отвечал Финн, все еще сдавленным голосом.— Или я размозжу себе башку.

— Да, смех помогает при таких страданиях, как у тебя,— пророкотал Медведь.— И я думаю — тебе нужно было такое лекарство, как раз сейчас.

Он был совершенно прав, думал про себя Финн следующей ночью. Вспышка веселья, казалось, смягчила тени, уменьшила внутреннее напряжение. Боль и чувство утраты все так же оставались с ним, как и его свирепая решимость. Но они больше не висели на нем непосильной ношей, не угрожали вытянуть из него всю душу и сердце и превратить его лишь в холодную, горестную и пустую скорлупу, идущую к своей цели, как машина. Или, подумал он мрачно, как подобие Рабовладельцев.

И именно Медведь дал ему первый толчок к выходу из тяжелого состояния — он снова становился нормальным человеком. Медведь — его друг.

Начинало смеркаться. Финн бежал трусцой по пустому кустарнику и нес трех жирных перепелок, которые обеспечат им ужин.

В течение этого дня, как и во все предыдущие, они двигались на запад и оставляли за собой кусок дикого леса, но не видели ни малейшего следа ничьего присутствия — ни чужаков, ни людей. Но постоянная настороженность Финна, ставшая такой же частью его натуры, как, скажем, кожа, не ослабла.

Поэтому от его внимания не укрылась легкая тень, мелькнувшая высоко над головой и едва различимая сквозь листву.

Волосы у него на голове встали дыбом. Почти не прерывая бега, он подпрыгнул, ухватился за сук и вскарабкался на дерево с легкостью белки.

Возле верхушки дерева ему уже ничто не мешало смотреть, и в пламенеющем от заката небе он с замиранием сердца увидел, что его первое предположение оказалось верным.

Похожий на летучую мышь, крылатый шпион Рабовладельцев не спеша, по прямой линии, летел прямо на север.

Финн не отрываясь следил за ним. Он знал, что пышная листва дерева укроет его. Но холодные пальцы сжали его сердце, как только он увидел, что линия полета крылатого шпиона внезапно изменилась. Существо сделало вираж, и начало снижаться по широкой пологой кривой, словно ловчий сокол кружил над ничего не подозревавшей жертвой.

Интуитивное чувство направления Финна усилило его озноб. Он знал, что крылатый шпион кружит над маленькой, заросшей травой поляной, на согретом садящимся солнцем западном склоне невысокого холма.

Там он оставил Медведя.

Он сломя голову бросился вниз, перелетая с ветки на ветку, спрыгнул на землю и побежал. Но уже тогда он знал, что опоздал.

Крылатый шпион завершил осмотр находящейся под ним земли и стрелой полетел на север.

10. Ловцы

Когда Финн добежал до полянки, Медведь спокойно сидел, наслаждаясь вечерним теплом и очищал своим тяжелым мачете кожицу с тонкой зеленой палочки.

— Ты видел его? — закричал Финн.

Медведь вздрогнул всем телом, чуть не уронил мачете и повернулся.

— Проклятие, мальчик,— прорычал он,— ты бы хоть ногами шаркал, что ли. А то подойдет бесшумно, да завопит, как сейчас, я себе чуть палец не отрезал.

— Ты его видел? — настойчиво повторил Финн.

— Кого его? — Медведь нахмурился, но потом его лицо приняло виноватое выражение.— Ничего я не видел. Даже и не подумал взглянуть вверх. Но, надо понимать, он-то меня увидел.

— Что будем делать? — спросил Финн.

Медведь пожал плечами.

— Ничего. Если он что-то увидел, то то же самое увидели и Рабовладельцы, где бы они ни были. Эта штука каким-то образом посылает картинки на свои базы. Я думаю, вскорости несколько Рабовладельцев сами прибудут сюда посмотреть, что делает одинокий Брат по крови в лесу.

Финн бросил взгляд на западную часть горизонта, на тени сумерек, сгущавшиеся среди деревьев.

— Они явятся ночью?

— Ага. Для них нет разницы, светло или темно.

Зубы Финна сверкнули, но это была не улыбка.

— Тогда подождем их здесь и посмотрим, что произойдет. Сколько их может появиться?

— Наверное, один или двое,— Медведь улыбнулся со свирепым одобрением.— Вряд ли они посчитают, что нужно больше, если они видели меня одного.

— Тут мы их и увидим,— сказал Финн.

— Увидим,— согласился Медведь, взвешивая в руке мачете. Только я надеюсь, они явятся после того, как сготовится ужин.

И на самом деле: три птички, насаженные на прутки, очищенные Медведем, были изжарены и обглоданы до костей и уже наступила глубокая ночь, а все еще чужие звуки не тревожили тишины леса.

Финн посмотрел во тьму.

— Может быть, я пройдусь немного на север, поразведаю.

— Я так и думал,— сказал Медведь со своей кривой усмешкой.— Крылатый шпион видел только меня, и поэтому ты собираешься оставить меня одного. Как приманку.

— Ты не обязан,— заверил его Финн.

Медведь захохотал.

— Нет, это хорошая мысль. Не очень-то мне улыбается мысль продираться отсюда в темноте. Но я очень надеюсь, что ты не позволишь им попрактиковаться в стрельбе по мне в цель из огненного копья.

— Не позволю,— пообещал Финн.

А потом он исчез, а Медведь моргал, покачивая головой и всматриваясь туда, где Финн растворился во тьме.

— Этот мальчик появляется и исчезает, как клуб дыма,— пробормотал он про себя и наклонился к огню, чтобы рассмотреть лезвие своего мачете.

Финн вошел в лес и скользил между деревьями скорее, как тень, нежели как клуб дыма. Он никогда не смотрел прямо в огонь, и его ночное зрение не было повреждено. Там, где он проходил,

вряд ли и листок шевелился. Семейка кроликов, щипавшая травку, даже не насторожила уши, а он прошел всего лишь в нескольких шагах от них. Сова, парящая между ветвей, и не моргнула глазом, не шарахнулась в сторону, хотя и пролетела на расстоянии ширины ствола от него. А Финн шел быстро, резко увеличивая расстояние между собой и Медведем.

Через несколько минут он внезапно остановился и, казалось, превратился в часть ствола, к которому прижался. Какая бы интуиция не заставляла его войти в лес, сейчас он был ей признателен.

Где-то впереди, едва различимо сквозь заросли, он услышал, как что-то тяжело с треском продирается среди деревьев и увидел слабый отблеск жуткого вертящегося люминесцентного сияния.

Вихревые сани Рабовладельцев.

Вскоре яйцевидная машина пролетела около того места, где замер Финн. Она летела медленно, ее задерживали заросли, и ей все время приходилось огибать деревья. Но водитель явно держался строго по курсу, который вел туда, где ждал одинокий Медведь.

Сани прожужжали сквозь тьму. Их обитателю или обитателям не было ни малейшего шанса заметить почти невидимую тень, которая была Финном и не слышно неслась следом за ними.

Рядом с полянкой, на которой сидел Медведь, деревья стали расти ниже, и вихревые сани увеличили скорость, с жужжанием метнулись вверх по склону и резко остановились всего в нескольких шагах от костра, где Медведь холодно следил за их приближением.

Верхушка машины откинулась, и появились двое рабовладельцев. У обоих были огненные копья, но они небрежно повисли в их клешнятых руках. Они были ни капельки не встревожены, думал Финн, наблюдая за пришельцами из темноты. Как и говорил Медведь, они и не могут вообразить, что им может грозить какая-то опасность.

Чужаки подошли к костру, из их безгубых ртов брызнула щелкастая речь. Очевидно, они требовали объяснений, почему Медведь оказался здесь. И тут, к своему удивлению, они услышали довольно сносное, хотя и более низкое подобие щелкающей речи чужаков, которое издавал Медведь, медленно поднимающийся на ноги. Вот уж чему Финн не удивился, так это тому, что мачете Медведя было воткнуто в мягкий дерн у его ног, словно он только что вонзил оружие в землю.

Рабовладельцы снова заговорили, жестикулируя огненными копьями. Медведь пожал плечами и коротко ответил. Финн не знал, что сказал Медведь, но после его слов огненные копья строго уставились в широкую грудь Медведя.

Следующее слово Медведь произнес спокойно, но с нажимом — и на языке Рабовладельцев.

— Финн?

— Вот он я,— произнес Финн. Он уже размотал пращу и вложил в нее самый тяжелый камень из своей сумки.

Оба Рабовладельца повернулись на его голос, их желтые глаза мгновенно стали темно-малинового цвета. Огненные копья вспыхнули, блистающие струи огня метнулись сквозь тьму на звук голоса Финна.

Но оба луча не попали в Финна; кончив фразу, он тут же скользнул в сторону.

Финн на ходу раскрутил пращу, выпустил граненый камень, и тот врезался прямо в глаза ближайшего чужака.

Чужак отшатнулся назад, высокий щелкающий вопль раздался из щели его рта. Второй чужак, глаза которого стали темно-пурпурными, угрожающе повернул огненное копье, разыскивая скрывающегося противника.

Но выстрелить он не успел. Мачете блеснуло оранжевым в свете костра и срубило голову Рабовладельца, как яблоко с дерева.

Финн с ножом в руке прыгнул вперед, но прежде чем он добежал до костра, мачете в руках Медведя совершило второй смертоносный полет и голова второго Рабовладельца с выбитым глазом жутко покатилась по земле.

— Хороший выстрел,— сказал Медведь Финну, вытирая мачете пучком травы.

Финн рассеянно кивнул, рассматривая обезглавленные тела, зеленую жидкость, сочащуюся из разрубленных шей и казавшуюся черной в свете костра.

Медведь вложил мачете в ножны.

— Будет лучше, если мы уберемся отсюда. Утром на поляне Рабовладельцев будет кишмя кишеть.

Финн с любопытством посмотрел на него.

— Другие Рабовладельцы узнают, что эти мертвы?

— Ага. Черт знает как, но, кажется, они всегда это знают.

— Значит, другие Рабовладельцы,— сказал Финн задумчиво,— узнают, что случилось на базе в той долине.

— Обязательно,— сказал Медведь.— По крайней мере, они узнают, что что-то произошло. Но они не смогут понять, что и как, они не смогут даже предположить, что это сделал человек. Если только они не найдут кого-нибудь из тех людей, что ты освободил и не отдадут Братьям по крови, а те не заставят их говорить.

Финн рефлекторно взглянул вверх, в темное небо, и Медведь проследил за его взглядом.

— Время у нас есть,— пророкотал он.— Если бы они взяли с собой крылатых шпионов, то те уже были бы здесь. Мы успеем скрыться до прихода других саней.

Он перевел взгляд на поверженные тела.

— Хочешь взять копье? Мне они никогда не нравились, а у тебя уже было одно.

Финн кивнул и подобрал одно из огненных копий, а Медведь подошел взглянуть в пустые вихревые сани. Потом, покачав головой, отошел.

— Мало кто из Братьев знает, как обращаться с этой шту-

кой,— *объяснил* он.— И я не принадлежу к их числу. А жаль. Прокатились бы, не шарахались пешком. А они даже не захватили с собой запасных зарядов для копий.

Финн невозмутимо пожал плечами.

— Я тут подумал,— сказал он.— Может быть, пройдемся немного на север?

— Я так и знал,— ухмыльнулся Медведь.— Хочешь пройтись по следу саней и взглянуть на базу Рабовладельцев, откуда они прилетели?

— За все это время мы так ничего и не нашли,— подчеркнул Финн.— Я просто не могу идти дальше и не взглянуть.

— Меня это устраивает,— сказал Медведь.— Если сможешь найти это место, а не ходить несколько дней кругами и не вынюхивать.

— Я найду его,— пообещал Финн.— И на всем пути смогу укрыть нас от крылатых шпионов и Рабовладельцев.

Поздним утром следующего дня они растянулись во весь рост на сырой земле в чащобе — новое огненное копье лежало под рукой у Финна. Медведю не понравилось, что они залезли в заросли, «сплошь клопы да колючки», как он выразился, но Финн знал, что Рабовладелец должен почти наступить на них, чтобы обнаружить. А листва скроет их от крылатых шпионов.

Как раз такое укромное место и было нужно им. Мимо их укрытия медленно прожужжали двое вихревых саней, направляясь к той поляне, на которой они оставили результаты ночной схватки.

Сани исчезли из виду, но они все еще молча и неподвижно лежали на месте. Чуть раньше, как раз перед тем, как Финн нашел укромное местечко, он взглянул вверх, сквозь тесно стоящие деревья и увидел вдали крылатого шпиона, лениво совершающего большой круг в безоблачном небе. Соглядатай сохранял свой плавный полет, пока не появились сани и пока не исчезли, и все еще продолжал свой полет.

— Если еще одна маленькая зараза укусит меня,— сказал Медведь громким шепотом,— то я уж лучше выйду сразиться с Рабовладельцами.

Финн толкнул его плечом, призывая к молчанию. Ни насекомые, ни бездеятельность не беспокоили его. Если он собирался взглянуть на базу Рабовладельцев на севере, то лучше это сделать, не имея на хвосте вихревых саней. Поэтому он сохранял спокойствие, ожидая с нетерпением сидящего в засаде хищника.

К тому времени, когда солнце уже далеко уклонилось от зенита, вихревые сани появились снова — возвращались по своему следу на север. Много бы дал Финн за то, чтобы узнать, что думали чужаки о телах, которые они нашли на лесной поляне — если, конечно, они вообще что-то думали. Но было не похоже, что они склонны проводить интенсивные поиски в этом районе: через некоторое время крылатый шпион тоже прервал свой плавный круг и медленно скрылся из виду на север.

На всякий случай Финн настоял на получасовом ожидании,

несмотря на гулкое возражение Медведя. Но ни сани, ни крылатые существа не вернулись.

— Ну, что я говорил,— сказал Медведь, когда они выбрались из чащобы.— У Рабовладельцев нет ни капли воображения. Голые факты — вот все, что они знают. И они не могут предположить, что случилось, потому что не знают, как предполагать.

На этот раз Финн без труда взял след. Ему нужно было проследить трое вихревых саней, причем двое последних прошли по одному маршруту туда и обратно. Тем не менее Медведь дивился тому, что Финн знает, куда идти. Несколько раз Финн показывал ему знаки, которые для него громко кричали — согнувшаяся ветка молодого кустарника, легкая ссадина на коре молодого деревца. Но Медведь только озадаченно хлопал глазами. Насколько он мог видеть, все ветки росли в самых различных направлениях, а на древесных стволах были самые разнообразные отметины. Для Медведя то, что делал Финн, носило легкий привкус магии — особенно, когда тот проделывал это, не снижая легкой трусцы, скользя по подлеску, словно того вовсе не существует.

Через несколько часов их бег замедлился. Пошли широкие открытые, залитые солнцем пространства, где лишь изредка встречались рощицы деревьев, большей частью вечнозеленых, да кустарник, сбившийся в кучки то тут, то там среди грубой травы. Хотя деревья теперь не мешали, идти легче не стало. Земля была грубой и неровной, вздыбалась холмами и буграми, а сквозь грязь проступали выходы скальных пород.

Солнце клонилось к западу, на небе не было ничего, кроме редких клочков облаков и девственная природа оставалась нетронутой машинами чужаков. Финн вприпрыжку взбегал на пологий склон, испещренный обломками камней и купами елей, по согретой солнцем траве, и на него вдруг снизошло какое-то спокойствие, умиротворенность, расслабляющее чувство.

Но на вершине холма мирная передышка кончилась.

Там, вдали, сквозь деревья, в солнечном свете блеснул металл.

Медведь увидел тот же блеск. Безо всякого предупреждения он упал, а Финн прижался к земле и последовал за Медведем в укрытие. Около километра они продвигались украдкой. Финн держал свое огненное копье наготове и старался, чтобы между ними и источником вспышек всегда были деревья.

Наконец они доползли до довольно большой рощицы деревьев и смогли рассмотреть другой, более пологий и поросший травой холм.

— Вот она, база,— пробормотал Медведь.

Финн кивнул, изучая здание. Но потом его взгляд метнулся в сторону. С дальней стороны холма, из-за здания, появилась группа людей.

С такого расстояния даже острые глаза Финна не могли рассмотреть лица. Но безо всякого труда он разглядел, что часть из них были людьми, а остальные принадлежали к дьявольскому

племени, которое называлось «Братья по крови». Тут еще одна толпа перевалила через холм. На первый взгляд, там было 60—70 человек и не менее двух дюжин Братьев по крови.

Обе толпы двигались по направлению к металлическому строению. Шли медленно, потому что люди как обычно тащились с трудом — ведь они несли презренную ношу полностью сломанного духа, как открылась дверь, скользнув в сторону.

— Их слишком много для такого маленького дома,— сказал он.

— Это только верхушка,— ответил Медведь.— Чаще всего центры, а этот, похоже, довольно-таки большой — Рабовладельцы строят под землей. Всего лишь одна дверь, но изнутри этот холм, должно быть, похож на муравейник.

У Финна вертелись на языке и другие вопросы, но он забыл о них, когда увидел какую-то суматоху в аръергарде толпы. Несколько Братьев по крови повернулись и поспешили туда, и Финн увидел оранжево-красные вспышки их силовых хлыстов.

— Что-то случилось? — пророкотал Медведь.

— Подойду поближе,— решил Финн:

— Финн...— начал Медведь, предупреждая.

— Меня не увидят,— успокоил его Финн,— жди меня здесь и не вставай.

Он скользнул в сторону, бесшумно, как падающий лист, и исчез среди деревьев. Медведь вздохнул и снова начал смотреть на дальний холм. Вспышка активности все еще продолжалась — люди беспорядочно столпились, посреди толпы вспыхивали силовые хлысты. Медведь озадаченно смотрел во все глаза, пытаясь понять, что же произошло,— и потому ему показалось, что прошло всего несколько мгновений, а рядом с ним снова материализовался Финн, будто выросший из-под земли. Медведь оглянулся на юношу, и тревога избороздила глубокими морщинами его широкий лоб. Выглядел Финн ужасно. Даже его бронзовая кожа не могла скрыть его смертельной бледности, кулаки сжались так крепко, что костяшки пальцев побелели. Руки его дрожали. Губы его растянулись в волчьем оскале, а в диком взгляде было нечто такое, отчего по спине Медведя пробежала дрожь.

— Они били его,— голос Финна был странным и хриплым.— Мужчина упал, а звери — Братья по крови — хлестали его своими плетями, хлестали и хлестали его, он просто скорчился и лежал, а они хлестали его и улыбались. Все они улыбались.

— Успокойся,— мягко сказал Медведь, протягивая Финну руку.

— Я подполз ближе,— продолжал Финн, будто не расслышав, и рассмотрел их лица. Они улыбались, но выглядели безумными. Мужчина на земле истекал кровью, а они от этого впадали в еще большее безумие. Они не могли остановиться. Они убивали его.

Финн уставился своими дикими глазами на Медведя.

— А потом толпа немного сдвинулась и я смог лучше рассмотреть того мужчину на земле. Я увидел его лицо. Медведь, это был Джошуа.

Часть третья

ВРАЖЬЕ ЛОГОВО

11. Туннель

Финн слегка успокоился, бледность его пропала, руки больше не дрожали. Но что-то дикое осталось в его глазах, и даже усилилось в ярком свете луны, появившейся с приходом ночи. Под его взглядом Медведю хотелось поежиться, хотя ночь была теплой.

Они залегли среди деревьев и в мрачном молчании наблюдали, как Братья по крови загоняли людей в металлическое здание. Двое рабов согнулись под тяжестью человеческого тела — тела избитого человека, который, вне всякого сомнения, был Джошуа Ферралом. В этом-то Медведь не сомневался: он знал остроту глаз Финна. Но он сильно сомневался кое в чем другом.

— Я пойду,— сказал Финн.

— Не стоит, Финн,— в сотый раз сказал Медведь.— Ты, может быть, даже не сумеешь открыть дверь. А если и сможешь, то не успеешь сделать и двух шагов, как тебя засекут и угробят.

— Может быть, и нет,— упрямо сказал Финн.

Чертыхаясь про себя, Медведь ухватился за бороду. Хотел бы он придумать неотразимые доводы. Хотел бы он, чтобы этой ночью они по-прежнему бы сидели у живого огня и уплетали на ужин то, что добыл бы Финн. Но этой ночью не было ни огня, ни еды.

— Черт возьми, мальчик,— пророкотал Медведь,— как сможешь ты помочь своему папе, если тебя там убьют?

— А как я смогу помочь ему отсюда? — вспыхнул Финн.

— Тем, что ты жив, вот как,— ответил Медведь.— Ты можешь думать, наблюдать, оценивать то, что произойдет. Может быть, нам и повезет.

— А может быть, в это самое время Джошуа умирает.

— Сынок! — взорвался Медведь,— ты ведь не знаешь, может быть, его сразу забили до смерти.

— Это верно,— огрызнулся Финн,— я этого не знаю. Не знаю, жив он, или нет, здесь ли Джена. Именно потому я собираюсь пойти и посмотреть. Сейчас. Ночью.— Он встал.— Медведь, именно это я и собираюсь делать. Именно за этим мы и шли через дикий лес все это время. Я должен попытаться. И я пойду один. Нет смысла рисковать обоим.

Медведь схватил Финна своей огромной рукой за плечо и, ворча, поднялся на ноги.

— Постой-ка, постой, маленький Финн. Не исчезай в темноте, как ты это любишь делать. Ты думаешь, старый Медведь позволит тебе перебить всех Рабовладельцев в одиночку?

На мгновение тень улыбки показалась в уголках рта Финна. Потом он молча повернулся и ушел в ночь, а Медведь топал за ним по пятам.

Они шли по широкому кругу, держась подальше от базы Рабовладельцев. И они шли — по мнению Финна — чертовски осторожно и медленно. Финн знал, что как бы Медведь не старался, он никогда не сможет идти по дикому лесу крадучись, как кошка. А решающим условием была осторожность. Несмотря на то, что все существо Финна жаждало немедленно выжечь огненным копьем дверь здания, он все же оставался лесным жителем. Его желание изучить каждый сантиметр территории, на которой придется сражаться, было инстинктивным.

Медленно и осторожно они продолжали идти по кругу. Через каждые несколько минут Финн покидал Медведя, предупреждая его, чтобы тот стоял тихо, а сам исчезал во тьме, стараясь подползти поближе и изучить залитое лунным светом здание с разных точек. Потом он снова появлялся и они продолжали двигаться.

После нескольких таких набегов Медведь, наконец, поверил, что Финн не собирается рисковать своей шеей и врываться очертя голову на базу. Но вскоре Финн осмотрел базу с тыла и вернулся с новостями, которые Медведь не счел хорошими.

— Они что-то там копают,— прошептал он,— на южном склоне холма. Пойду, взгляну.

— И я тоже,— тотчас сказал Медведь.

— Там практически негде укрыться,— сказал Финн.— Крылатый шпион сразу же засечет тебя. Жди меня здесь.

— Нет, Финн,— начал Медведь.

Поздно... Там, где только что стоял Финн, остался лишь прохладный ночной воздух.

Медведь рискнул пройти вперед, стараясь ступать медленно и осторожно, шаг за шагом, надеясь не шелестеть травой или не задеть веточку. Через некоторое время он почувствовал, что начался подъем. Опустившись на четвереньки, он осторожно пополз несколько шагов и выглянул из-за укрытия.

Широкий пологий склон холма, как и говорил Финн, был почти обнажен — всего несколько невысоких деревьев, да жалкие клочки глубокой тени — возможно, низкорослые кустарники. И никакого следа Финна. Медведь приглядывался, пока у него не заболели глаза, прислушивался, пока ему не показалось, что уши растянулись, как резиновые. Но ночь оставалась такой же беззвучной, как сама луна.

Потом что-то промелькнуло. Движение длилось не более мгновения ока и поэтому Медведь не был уверен, что он что-то видел. Но то, что он видел, походило на голову и плечи человека, высунувшегося на краткое мгновение из травы на полпути до вершины холма: лунный свет засиял на соломенной копне волос. Финн каким-то образом ухитрился проскользнуть по голому склону, не задев ни травинки.

Через, как ему показалось, несколько часов, Медведь все еще лежал скорчившись за елью и скрежетал зубами от разочарования и безысходности. Как это уже бывало раньше, он чуть не взревел во всю мочь от неожиданности, когда Финн коснулся его плеча.

— Наверное, я никогда не привыкну к этому,— проворчал он, пытаясь успокоить расходившиеся нервы.

Финн, казалось, не слышал его.

— Они вырыли солидный туннель,— сказал он быстро.— Но вход в него заложен листами металла.

Медведь повел своими гиганскими плечами.

— Хочешь, чтобы я пошел и сдвинул их?

— Нет, тебя там увидят. Но есть обходной путь. Кусок скалы с краю раскрошился. Может быть, я проскользну между скалой и металлом.

Медведь подавленно кивнул, сообразив, куда клонит Финн.

— Но он слишком узок для старого Медведя, верно? Я так и знал.

— Не волнуйся,— сказал Финн.— Если туннель никуда не ведет, я скоро вернусь.

— И ты хочешь, чтобы я просто сидел здесь,— прогрохотал Медведь,— и гадал, что с тобой случится?

— Если я не вернусь завтра к полудню,— сказал Финн,— можешь считать, что я не вернусь вообще.

— И тогда,— пророкотал Медведь,— мне остается только снести верхушку холма и смахнуть несколько голов?

Он с надеждой взглянул на Финна.

— А ты уверен, что не управиться до рассвета?

— В полдень,— повторил Финн твердо. Он сжал кулаки и ткнул Медведя в массивное плечо.— Будь осторожен.

— Финн...— И снова Медведь обнаружил, что обращается к пустому клочку тьмы.— Ты тоже, мальчик,— мягко сказал он.— Ты тоже.

И снова Финн, распластавшись на животе и заткнув за пояс на спине огненное копье, скользил по омытому лунным светом склону холма. Казалось, он продвигался только с помощью пальцев рук и ног, продвигаясь по нескольму сантиметров за раз, находя естественные канавы среди тонкой травы. Ни одно неестественное движение травы не выдавало его присутствия: даже в обманчивом свете луны крылатый шпион должен был парить над самой землей, чтобы заметить его.

Но даже если крылатые шпионы и совершали патрулирование, они не смотрели на южный склон холма. Финн добрался до входа в туннель без инцидентов. Как он и говорил Медведю, туннель был вырыт недавно, и вход в него прикрывала временная крыша, укрепленная на каменистом склоне.

Финн скользнул к тому месту, которое он заметил раньше. Ему пришлось приподнять голову и плечи, чтобы вытащить куски растрескавшегося камня. Камень крошился под его сильными паль-

цами, узкий проход постепенно становился шире, пока не достиг нужного размера. Медленно и осторожно он протиснулся головой вперед. Огненное копье он теперь держал наготове.

Ствол туннеля слегка загибался вниз и уходил в глубины холма. Он был достаточно широк, чтобы два человека стояли в нем бок о бок, но достаточно узок, чтобы заставить их согнуться. Прозрачный свет луны просачивался сквозь отверстие, в которое проник Финн, и он мог разглядеть грязные стены и пыльный пол туннеля. Кроме того, он уже мог видеть и другой пол в дальнем конце туннеля — плоскую, твердую металлическую поверхность.

Глубоко под поверхностью холма туннель вливался в искусственную пещеру с металлическими стенами и высоким потолком — в подземное хранилище.

Лунный свет стал еще тусклее, но его хватило Финну, чтобы рассмотреть силуэты металлических коробок и ящиков, некоторые высотой с него самого, расставленные вокруг стен хранилища так, чтобы в центре оставалось пустое пространство. Хотя Финн и не обладал опытом такого рода, но он сразу почувствовал, что это хранилище не является частью базы Рабовладельцев. Его строили люди, это — остатки Забытого Времени.

Он подумал, что Рабовладельцы могли найти хранилище случайно, когда строили свою базу или наоборот: они построили здесь базу именно потому, что обнаружили хранилище. Финн не знал, как это произошло на самом деле, да это его мало интересовало.

Вот что действительно важно для него, так это то, что хранилище оказалось тупиком.

Он молча двинулся вокруг хранилища, внимательно рассматривая ящики, забираясь на них, чтобы исследовать металлические стены; скорее прикосновением, чем взглядом. Ящики сами по себе были таинственными и тайна не прояснялась, когда луч лунного света скользнул в туннель и высветил едва различимое слово, написанное на крышке одного ящика — (ВВС США).

Это слово ничего не значило для него. Как и содержимое одного из ящиков, крышка которого проржавела. Длинные тяжелые цилиндры из темного металла, на которых были написаны другие странные слова. Что, в самом деле, мимоходом удивился он, могло означать: «Термический ружейный гранатомет» для людей отдаленного прошлого.

Но времени размышлять над древними тайнами не было. Бегло осмотрев хранилище, он понял, что течение времени вряд ли благотворно сказалось на нем. Металл стен и ящиков был покрыт ржавчиной и прогнил, да и потолок не выглядел надежным.

Финн стоял неподвижно и думал. Туннель шел с юга на север, так что он знал, в каком направлении должна находиться база Рабовладельцев, по отношению к хранилищу. Он знал длину туннеля и ширину хранилища и мог предполагать, что два подземных строе-

ния не могут находиться далеко друг от друга. Он подошел к стене, за которой, по его расчетам, должна была находиться база Рабовладельцев. Внизу стены он обнаружил то, что ему было нужно — узкую трещину в проржавевшем металле. Он сунул в щель лезвие ножа, ожидая нащупать за стеной слежавшуюся землю или скалу. Но лезвие прошло в щель беспрепятственно, в пустой воздух.

Финн осторожно ввел в самую широкую часть трещины тонкую трубку огненного копья. И когда копье исчезло почти во всю свою длину, его торец уперся в преграду — со слабым, но несомненным клацаньем металла о металл.

Он выдернул копье обратно. Несомненно, он наткнулся на внешнюю сторону стены подземной базы Рабовладельцев. Но не насторожил ли этот слабый звук кого-то или что-то внутри базы?

На мгновение его охватило желание удрать из подземного хранилища. Он вовсе не желал быть пойманным в ловушку ордой вооруженных Братьев по крови, которые могут обойти его с тыла и напасть из туннеля.

Он подкрался к выходу из туннеля и скрючился там, прислушиваясь к ночной тишине. Долгое время он неподвижно ждал. Его острый слух мог бы уловить дыхание мыши в траве на склоне холма, но звуков шагов приближающихся Братьев по крови он не услышал. Ночь была так же тиха, как и раньше.

А, кроме того, она быстро шла к концу, как понял он, отметив угол, под каким падал лунный свет. Если он еще надеялся попасть на базу под покровом ночи, то нужно торопиться, слишком много времени потеряно.

Но это означало, что он должен выбрать одно из двух: либо сделать нечто невообразимое, либо сделать нечто еще более невообразимое — признать свое поражение и убраться из хранилища и туннеля и оставить Джоша в беде.

Стало быть, выбора не было.

Он крадучись вернулся к дальней стене хранилища, где его ожидала трещина в металле. Он долго внимательно на нее смотрел, чувствуя, что его пробирает холодный пот, и пытался унять легкую дрожь в руках. Если бы он мог придумать какой-то другой способ пробраться на базу, он бы ухватился за него, но другого способа не было. В его глазах снова появился тот мрачный и диковатый отблеск: он поднял огненное копье и направил его луч на трещину в стене хранилища.

12. Подземные поиски

Неистовый тепловой луч быстро справился с проржавевшим металлом стены. Через несколько мгновений Финн вырезал достаточно большую брешь, чтобы проскользнуть в нее, но за брешью лежало полметра пустого пространства и полной чернильной мглы. За этим пространством...

Вторично руки его онемели, будто обрели разум и сопротивлялись тому, что он намеревался сделать. Но он заставил их шевелиться и снова поднял огненное копье.

Это был безумный риск. Он не имел ни малейшего представления, что лежало за стеной базы — какого рода чуждый ужас может ожидать его там, привлеченный неизбежным шумом, который будет сопровождать его вход. Но пути назад не было.

Снова вспыхнул луч, на сей раз врезаясь в гладкий металл стены базы.

Расплавленный металл брызгался и шипел и каждый звук казался Финну сотрясающим небо громом. Он каждую секунду ждал, что туннель за его спиной эхом отразит чудовищную ярость Братьев по крови. Или Рабовладельцы сдерживаются и ждут, чтобы наброситься на него изнутри базы?

Все эти и куда более худшие возможности кишели в воображении Финна подобно дьявольским видениям. Но мощный луч все так же упорно вгрызался в чуждый металл и брешь в стене становилась все шире.

Наконец, она стала достаточно большой, чтобы пропустить его. Не позволяя себе раздумывать и колебаться, он пронесся через пустое пространство, разделяющее подземное хранилище и базу, и оказался в логове Рабовладельцев.

А там не было ни шороха, ни движения, ни малейшего намека на опасность — в том месте, где он оказался.

Это была крохотная комнатка, и ее металлические стены были так изогнуты, что получилось слишком много углов. Тусклое сияние исходило, похоже, от самих стен, так что он мог ясно видеть. А увидел он, что комната была чем-то вроде продуктового склада, причем складировалась здесь пища, явно предназначенная Братьям по крови — среди продуктов были большие куски мяса, сложенные у одной из стен и мерзко вонявшие... Но Финн, со своим тонким обонянием, смог различить, что в зловоние этого места вплетался смрад самих Братьев по крови и слабо, но явственно улавливал запах человеческого пота и душок человеческого страха.

Часть этого страха, подумал он, конечно его собственная. Однако, несмотря на то, что его конечности словно окунули в холодную воду, он крадучись пошел вперед. В дальней стене была секция, которая выглядела так, что могла быть дверью. Так оно и оказалось — как только он приблизился к стене, заслонка скользнула вверх, словно веко на глазу.

Дверь выходила на середину короткого, широкого коридора, у которого тоже были тускло светящиеся металлические стены. Коридор был абсолютно пуст и тих, но не был прямым, а изгибался в манере Рабовладельцев, которые, казалось, не признавали прямых углов. Финн увидел еще две двери — века, по одной в каждом конце коридора. Он осторожно пошел вперед, шаг за рвущим нервы шагом.

До сих пор до него не доносилось ни звука деятельности или

поднятой тревоги. Каким-то образом шум, с которым он проделывал свой проход (а этот шум казался ему тогда ужасным громом), был заглушен и не вышел за пределы продуктового склада. И база оставалась тихой и непотревоженной.

Финн шел вперед легко и беззвучно, как перышко: ноги его, казалось, едва прикасались к полу.

Через некоторое время он не смог бы сказать, какое именно, но ему казалось, что прошли столетия, ему стало проясняться внутреннее строение подземного сооружения. Медведь был прав, когда сравнивал его с муравейником.

Каждая из этих многоугольных, странной формы комнат вела в другие комнаты, либо через связывающие их двери, либо через короткие пустые коридоры. По крайней мере, несколько дюжин таких комнат осталось уже позади. Финн старался запечатлеть в голове общий план их расположения и надеялся, что чувство направления выведет его обратно к бреши в стене продуктового склада.

Чувство направления так же указывало ему, более или менее точно, как глубоко он находился под землей. Так он понял, что база должна иметь еще один уровень над тем, в который он вошел. Но он не имел ни малейшего понятия, как на него взобраться.

Он не видел ни лестницы, ни пандусов, никаких путей сообщения между разными уровнями. В некоторых коридорах он видел вертикальные столбы яркого света, вившихся из не вполне круглых отверстий в металлическом потоке. Отверстия были достаточно большими, он вполне мог бы пролезть. Но он не пытался. Яркий свет был желтоватым, а не красным, но все же напоминал ему искрящее свечение под вихревыми санями. А он не имел ни малейшего желания испытать, как оно действует на человека.

В любом случае нужно было исследовать еще несколько нижних уровней. Насколько он мог понять, путь его шел вдоль комнат, прилегавших по внешней стороне базы. Помещения эти были ему малоинтересны и в них он ничего не мог узнать. Продуктовые склады, хранилища таинственных машин чужаков или частей машин: третьи казались мастерскими какого-то сорта, совершенно непонятными для Финна. Он никогда не видел даже человеческих лабораторий или научно-исследовательских организаций, и, конечно, не имел возможности понять, каким целям служит техника чужаков, которую он увидел.

Что было гораздо более важным для него, так это то, что во внешних комнатах он не видел ни одной живой души. А так же не было ни малейшего намека на то, что обитатели базы опасались незваных гостей или они прячутся, чтобы напасть на него.

К тому времени, когда он рискнул перейти в комнаты другого ряда, он уже почти жаждал встречи с хозяевами базы.

То, что он увидел, прогнало теперь весь страх и он уже дрожал от гневной ярости, которая угрожала превратить его в берсеркера.

Одна из внутренних комнат тоже была складом, но на сей раз в хранящихся здесь предметах не было ничего загадочного. Боль-

шие прозрачные емкости, стоящие вдоль всех стен, заключали в себе части человеческих тел. Головы, кости, руки, внутренние органы — все это плавало в какой-то сохраняющей жидкости, будто экспонаты призрачного музея массового убийства.

И если эта комната потрясла Финна, то в другой он чуть не заплакал. Комната была набита до отказа низкими грубыми лавками, покрытыми соломенными тюфяками, которые превращали их в грубые неудобные ложа. И они были заняты юными женщинами — их было больше дюжины, но грязными, в лохмотьях и болезненно худых. Некоторые женщины, судя по их вздувшимся животам, были в последней стадии беременности. Другие прижимали к себе крошечных спящих детей.

У детей были большие конечности, крупные зубы, а тела покрыты толстым слоем слежавшейся шерсти.

Преодолев ярость и тошноту, он тихо вошел в комнату. Несколько женщин не спали и при виде Финна сжались от ужаса, как и те пленники в долине. Глаза их были широко раскрыты и остекленели от ужаса.

Финн остановился, огляделся, и почувствовал себя виноватым, когда осознал, что с его гневом и ужасом смешалось и чувство облегчения. Среди этих женщин его свободной сестры не было.

Он наклонился к одной из женщин:

— Ты знаешь девочку по имени Джена? — прошептал он.— Джена Феррал. Она здесь?

Но женщина, вернее, и сама еще девочка, вжалась в стену, стараясь держаться как можно дальше от него, лишь изредка дрожащими от страха губами издавала низкий стон.

Финн быстро отшатнулся. Менее всего он хотел, чтобы эти измученные создания подняли крик. Погруженные в свои страдания, они уже не могли отличить друга от врага. Каждое мгновение их теперешней жизни сохраняло лишь ужас, боль и отчаяние — а у Финна не было времени доказывать им, что его приход не принесет новых страданий.

Он выскользнул из комнаты, стараясь сдержать ярость, которая чуть не сводила его с ума. В эти мгновения его наблюдательность слегка притупилась и он чуть не врезался в следующую дверь — перегородку, закрывающую конец короткого коридора, прежде чем он осознал, что, в отличие от других дверей, она сама не открывалась при его приближении.

Он остановился, вся его осторожность вернулась к нему. В этой двери было еще кое-что странное. Она слабо светилась, как и весь металл внутри базы, содержала встроенные источники света. Но эта дверь, кроме того, искрила — маленькие малиновые пятнышки танцевали в воздухе прямо перед входом-веком.

Снова ему вспомнилась силовая подушка, на которой двигались вихревые сани, а, кроме того, он вспомнил загон для людей в долине, где он дал первый свой бой Рабовладельцам. Инстинктивно он отшатнулся, и его взгляд обежал стену с обоих сторон

двери. С одной стороны возле двери ему бросился в глаза небольшой почти квадратный выступ металла на гладкой поверхности, со странной впадиной посередине. Он ощупал пальцами желобок на огненном копье, который нужно нажать, чтобы вызвать огонь.

Финн робко поднял копье и слегка коснулся его концом впадины на металлическом квадрате. Малиновое сияние перед дверью угасло. И дверь отворилась.

Финн заглянул внутрь, в большую пещерообразную вонючую комнату. Она была битком набита людьми. Одни мужчины — во сне они растянулись или скрючились на полу.

Но не все. Увидев движение двери, один из пленников быстро и настороженно сел. Он был высок, широкоплеч, лицо от бровей до челюсти пересекал глубокий шрам. От потрясения его глаза и рот открылись во всю ширину.

— Ну, жги меня! — сипло сказал он.— Если ты мне не снишься.

Финн не стал ни смотреть, ни слушать его. Несколько человек начали поднимать головы, с испуганным удивлением или ужасом разглядывая свободного и вооруженного человека, стоявшего в дверном проеме. И одна из этих голов была седой, с морщинистым дубленым лицом, измазанным кровью, с многочисленными порезами, покрывшимися коростой и исполосовавшими лицо и худое полуобнаженное тело.

— Джош...— едва слышно прошептал Финн.

Старик выглядел ужасно ослабевшим, он едва мог поднять голову из-за ужасных ран, оставленных силовыми хлыстами. Но по его морщинистому лицу проползла улыбка, и его глаза, такие же карие, как всегда, светились выражением, в котором смешались удивление и неописуемая радость.

Финн быстро вошел в комнату, и мужчина со шрамом поднялся на ноги.

— Дружище,— сказал он хриплым голосом,— если это все-таки сон, то дьявольски жестокий.

— Не сон,— грубо бросил Финн,— я пришел за Джошем.

— Тогда ты Финн,— сказал мужчина.— Старый Джо заливал что-то там про тебя. Только, похоже, говорил он чистую правду.

Финн, не слушая, проскользнул мимо него и встал на колени перед Джошем. Старик лежал на тощей горке лохмотьев, которые, видимо, совсем недавно прикрывали спины других людей и люди эти трогательно пытались облегчить боль несчастного. Джош протянул дрожащую руку и ухватился за запястье Финна.

— Сынок...— говорил он слабым шепотом.— Я знал, что ты придешь за нами. Проклятый дурачок, сумасшедший...

— Джена здесь? — быстро спросил Финн.

— Нет,— старые глаза затуманились.— Нас... разлучили. Ее забрали в другие сани. Она пропала, сынок.

Хотя боль этих слов пронзила Финна, как копьем, он постарался, чтобы его голос оставался тихим и спокойным.

— А как ты, Джош? Сможешь идти?

Призрак хмурой улыбки появился на его лице.

— Попытаюсь. Пусть это даже убьет меня... Но мне лучше умереть где-то в другом месте, а не здесь.

— Что ты собираешься делать? — Мужчина со шрамом подошел к ним.— Как ты собираешься вынести Джоша? И как, черт возьми, ты вошел?

К этому времени уже все пленники проснулись и смотрели на Финна со смесью страха и дикой надежды в глазах.

Финн коротко взглянул на человека со шрамом.

— Нет времени для разговоров. В любую минуту могут налететь Рабовладельцы и Братья по крови.

— Только не сейчас,— к его удивлению ответил тот.— Рабовладельцы и их звери остаются наверху до рассвета. Братья по крови любят поспать. Кроме, может быть, охранников у внешнего входа. А Рабовладельцы ничуть не беспокоятся о нас особенно, когда мы находимся за огненной дверью,— он довольно ухмыльнулся.— Так что хватит времени, чтобы выбраться наружу всему нашему стаду.

Финн внимательно посмотрел на него. Как все просто. Как сказал Медведь: я так и знал. Ни Рабовладельцам, ни Братьям по крови и в голову не может прийти, что какой-то человек попытается проникнуть на базу, а поэтому нет никакого смысла быть настороже. Это чувство безопасности и превосходства, а также отсутствие воображения, о котором говорил Медведь, позволили ему захватить Рабовладельцев врасплох.

Он свирепо улыбнулся человеку со шрамом.

— Отлично, идем. Но только быстро и тихо.— Он торопливо рассказал новому знакомому о входе, который он прорезал в стене, примыкавшем к хранилищу.

Тот высоко поднял брови:

— Черт возьми, ты смелый парнишка. Показывай дорогу. Но послушай... ведь это мы копали этот туннель. Мы знаем об этом хранилище, оно в любой момент может обрушиться.

Финн пожал плечами:

— Это единственный путь.

— На этом пути нас ждет смерть,— пробормотал какой-то мужчина в толпе, и несколько других голосов одобрительно загудели. Но все мгновенно умолкли, когда мужчина со шрамом повернулся и поглядел на них.

— Кто хочет, оставайтесь подыхать здесь, ваше дело! — прорычал он.— А кто пойдет, заткнитесь и делайте то, что скажет этот паренек — или я сверну кому-нибудь шею, не успеет и кончиться ночь!

Он отвернулся от испуганных людей.

— Меня зовут Граттон,— сказал он Финну.— Ты говори, что нам надо делать, а мы уже все, что нужно, сделаем.— На его лице вновь вспыхнула широкая улыбка.— Черт возьми, дру-

жок, но у свободы привкус пота. Мы будем у тебя в неоплатном долгу, уж и не знаю, как мы с тобой рассчитаемся.

— Мы еще не вышли,— сухо сказал Финн.— Помоги мне взять Джоша.

Быстро, но осторожно, они вдвоем подняли старика. Ноги Джоша дрожали и было ясно видно, как он сдерживается, чтобы не закричать от боли. Финн напрягся, чтобы принять на себя большую часть веса Джоша и повернулся к двери.

Тут еще одна мысль пришла ему в голову — он протянул огненное копье Граттону:

— Бери и посматривай назад. Если мы попадем в неприятность, у тебя будет возможность начать выплачивать долги.

На изуродованном шрамом лице Граттона отразился чистый восторг, и он схватил оружие.

— Почти надеюсь, что кое-кто из этого зверья спустится пониже.

— Спустится,— сказал Финн,— если мы не поторопимся. Скоро рассвет.

Он пошел к двери, наполовину волоча слабого, спотыкающегося Джоша. За ними пошло большинство мужчин, в глазах которых теперь сверкал свирепый энтузиазм. Несколько человек осталось, забившись в угол, истекая потом от ужаса. Граттон остановился перед ними, сверля их презрительным взглядом. Потом он только пренебрежительно плюнул и вышел вслед за другими из комнаты.

Финн сосредоточился на грубой мысленной карте пройденного им ранее маршрута. И все же он с трудом мог поверить в то, что случилось — как легко оказалось проникнуть на базу, найти Джоша и начать удирать, не встречая препятствий. Сейчас ему оставалось лишь вернуться к пролому в стене, так быстро и бесшумно, как он только сможет это сделать, когда за ними по пятам идет пятьдесят человек.

Но не успели они выйти в коридор, как безмолвие кончилось.

На верхнем уровне, но так громко, что, казалось, всего в нескольких метрах, раздался взрыв ужасающего крика и шума. Звон металла о металл, тяжелое топанье бегущих ног и, покрывая все это, дикий звериный рев разъяренных Братьев по крови.

13. Открытие

Пока Финн обыскивал базу, Медведь послушно оставался в темноте среди деревьев у подножия холма. Это было нелегко — ждать и прятаться, не в характере Медведя. Ночь была наполнена неприятными звуками — скрипом сучьев, почти неслышным шуршанием каких-то маленьких существ в траве. А еще более неприятным были те образы, что заполняли голову Медведя,— что может случиться с Финном внутри базы чужаков.

Много раз он приподнимался, чувствуя, что должен был пойти

с Финном и проследить за ним, а не сидеть в безопасности под деревом. Но каждый раз он садился и вспоминал с беззвучным ревом, что его могучая грудь не позволит воспользоваться тем путем, которым прошел Финн.

Так он ждал, и его нервы совсем истрепались от тревоги. К тому времени, когда рассвет окрасил восток в розовое, его терпение — и в лучшие-то времена весьма небольшое — совсем истощилось.

Он стал думать. Все же он пойдет, поразведает, оглядится. Если Финн вернется, когда его не будет, они, конечно, смогут разыскать друг друга. А если Финн не вернется, то уж конечно нет никакого смысла прятаться ему, Медведю, тут среди деревьев — в любом случае это укромное место станет куда менее безопасным, когда настанет день.

Изо всех сил стараясь идти тихо, он начал описывать осторожный круг, направляясь ко входу в базу.

Он не знал, да и не мог знать, что в этот момент Финн входил в большую комнату, наполненную множеством напуганных людей.

И еще он не мог знать, что на вершине холма, как раз за дверью главного входа базы, зевая и потягиваясь, окончательно просыпался Брат по крови.

Этот Брат по крови спал у двери, как всегда делал кто-то из них, просто на случай каких-нибудь технических неполадок, которые могли позволить кому-нибудь из рабов посмелее попытаться удрать. На этот раз Брат по крови спал беспокойно, но принял свое беспокойство просто за предусмотренный сон: ведь все внутри базы было спокойно. Он зевал, потягивался, чесал свой волосатый живот и очень хотел еще спать.

Но он все же встал, коснулся механизма, открывающего дверь, и собрался подышать свежим воздухом. Это было огромное, очень мощное существо с покатыми плечами и таким же покатым лбом, что ясно говорило, что он умом не блещет. И только от безделья он выбрался на поверхность, чтобы бездумно постоять в первых лучах солнца.

Медведь был на краю опушки под холмом, когда увидел его появление и поспешил нырнуть обратно в заросли. Он двигался быстро, но недостаточно скрытно, так как Брат по крови успел заметить какое-то движение.

И даже тогда в затуманенном мозгу его не зародилось тревоги. Сама мысль о том, что у подножия холма может находиться неприятель, не посетила его. Врагов не было. Были лишь одни хозяева, которых он боялся и боготворил. А еще были другие братья по крови, да люди-червяки — и этот гигант никогда в жизни не испытывал страха и тревоги ни перед теми, ни перед другими.

Там, между деревьями, должно быть, бегало какое-то животное. И всего лишь из смутного любопытства гигантский Брат по крови стал неуклюже спускаться вниз по склону.

Медведь подавленно следил за его приближением. Финну не понравится, что он ушел со своего места и его заметили. И еще Медведь знал, что у него не хватит мастерства, чтобы просто ускользнуть в лес и удрать от огромного Брата по крови. А еще он знал, если гигант рассмотрел его, то от этого никому не будет хорошо — и в первую очередь Финну.

И все же... чему быть, того не миновать.

Когда огромный Брат по крови подошел поближе, Медведь вышел из-за деревьев. Он тоже всего лишь прогуливался и, несомненно, не замечал гиганта. Затем он совершенно случайно поднял голову и остановился, донельзя удивленный.

Гигант тоже, но он, действительно, удивился.

— Эй! — рев его был грубый и гортанный.— Кто ты? Как вышел сюда?

Очевидно, совсем не обеспокоенный, Медведь лениво направился к нему.

— Привет. Я — Медведь. Помнишь? Прибыл на прошлой неделе с востока. А ты...

— Башка,— машинально ответил гигант. Морщины, выдававшие удивление и усиленную работу мысли, избороздили его низкий, заросший волосами лоб.— Не помню я тебя. На прошлой неделе?

— Конечно,— ответил Медведь, приближаясь. Они были уже достаточно близко друг от друга, чтобы в сером рассвете разглядеть лица друг друга.— Вспомни, Башка, когда я приехал сюда, один из ваших парней дал мне вот это.

«Это» было мачете, к которому не спеша двинулась рука Медведя. Он уже крепко сжал в руке рукоятку мачете, когда на лице Башки удивление начало сменяться чем-то вроде тревоги.

Но уже было слишком поздно — и для тревоги, и для силового хлыста, который в руке держал Башка. Мачете по рукоять вонзилось в выпуклое брюхо гиганта, направленное снизу вверх, чтобы достать до сердца. Огромное тело рухнуло, кровь обагрила траву. Медведь наклонился, чтобы вытереть окровавленное лезвие о густую шерсть на груди Башки.

— Никогда еще не видел никого,— он сказал с удовлетворением,— кому больше подходило бы собственное имя.

Он отвернулся и взглянул на холм. Внешняя дверь базы оставалась открытой, словно приглашая войти. Стыдно, подумал Медведь, не воспользоваться таким приглашением, особенно когда оно открывает дорогу к Финну. Как раз такой случай и был ему нужен.

С мачете в руке и со счастливой улыбкой на лице Медведь бросился наверх по склону.

Ворвавшись в дверь, он остановился. Коридор перед ним, со слабо светящимися стенами, был пустынен. Но он знал, что где-то рядом просыпаются другие Братья по крови. И, тоже поблизости, скоро появятся Рабовладельцы — появятся откуда-то сверху, где проводят ночные часы.

Медведь страстно надеялся, что Финн уже выбрался из базы. Но он знал, что Финн должен был спуститься на нижний уровень и удостовериться. А времени у него было крайне мало, если он собирался выйти той же дорогой, которой вошел.

Стараясь осторожно ставить свои огромные башмаки на металлический пол, он быстро двинулся по коридору. Но тут его время вышло. Сразу и позади него и перед ним открылись двери.

Позади него в коридор вышел Рабовладелец. Он взглянул на Медведя и глаза его остались нормального желтого цвета. Очевидно, он не испытывал удивления, увидев Брата по крови и, столь же очевидно, он не распознал в Медведе чужака.

Но через другую дверь, прямо перед Медведем, в коридор вывалились два Брата по крови. Они были не так глупы, как Башка, и сразу заметили, что они не знают Медведя, что у него в руках обнаженное мачете, а не силовой хлыст, и что внешняя дверь на базу за его спиной открыта.

Они взревели, как звери (впрочем, таковыми они и являлись). Один угрожающе вскинул свой хлыст, а другой потянулся к тяжелому ножу с длинным лезвием, висевшим у него на пояске.

Медведь не колебался. Вскинув вверх сверкающее мачете, он бросился на них, проревев свирепый боевой клич.

Это и был тот самый знобящий шум, который услышал Финн и остальные беглецы, только что покинувшие подземную темницу на нижнем уровне. Многие люди побледнели и чуть не ударились в панику, но Граттон, который блестя глазами шел позади, не дал никому остановиться и погнал заколебавшихся вперед.

— Иди, Финн,— прошептал он,— выводи нас!

Финн, согнувшись под тяжестью тела Джоша, пошел вперед по коридору, примыкавшему к темнице, а все остальные боязливо жались к нему, наступая на пятки.

Медведь на верхнем этаже бился изо всех сил. Двое Братьев по крови уже пали под его свирепым натиском, хотя один успел ударить его силовым хлыстом, оставив болезненный лиловый рубец на боку. Рабовладелец успел выпалить ему вслед из огненного копья — но Медведю повезло и смертоносный луч лишь спалил волосы на его левом предплечье.

Тут он добежал до двери-века в конце коридора и пролетел сквозь нее. Дверь вела в узкую длинную комнату, уставленную неподвижными зловещими телами крылатых шпионов. Эти твари, по-видимому, не были активированы, но их выпуклые глаза, казалось, следили за Медведем, пока он несся по узкому коридору.

Медведь знал, что отсрочка будет короткой. Он слышал приглушенный рев Братьев по крови отовсюду — часть их скопилась в коридоре, который он только что покинул, а другие мчались по прилегающим комнатам.

Финн уже сходит с ума, подумал он кисло, прыгая в следующую дверь.

Он услышал гневный свист силового хлыста раньше, чем увидел его, но сориентировался и отразил удар своим мачете. Острый, как бритва, клинок, глубоко вонзился в волосатую руку, хлынула кровь и рев нападающего сменился криком боли. Но Медведь уже промчался мимо — к желтому пятну яркого света в полу коридора. Не останавливаясь он шагнул в отверстие, в столб света. Он знал о почти магическом умении чужаков использовать энергию, в молодости он много раз катался в таких лифтах. Тело его тут же было заключено в твердые невидимые силовые объятия — и он перенесся вдоль светового столба на нижний уровень, словно на крыльях.

Он вышел из столба света в коридор как раз в то время, чтобы увидеть, как четверо Братьев по крови и один Рабовладелец, вне себя от ярости, вырвались из дальней двери коридора.

На другом конце нижнего уровня Финну тоже приходилось тяжело. Беглецы не успели уйти далеко. Путь им был прегражден. Братья по крови, которые бросились вниз, чтобы найти Медведя, нашли вместо того толпу бегущих рабов. Взревев от ярости, они подняли силовые хлысты и атаковали.

Большинство людей бросились в панике беспорядочно бежать и вместе с ними Финн. Он слышал гневные крики Граттона и видел вспышки огненного копья, но не мог остановиться и вступить в сражение. Прежде всего он должен был позаботиться о Джоше. Страх придал силы ногам Джоша, они бросились обратно и нырнули в первую попавшуюся дверь.

Это была дверь в комнату, где содержались женщины, которые, перепуганные еще больше, сгрудились у дальней стены. На сей раз Финн не обратил на них внимания. Другая дверь вела из этой комнаты в следующую, где он еще не был.

По крайней мере, там никого не было. Просто еще один склад таинственных механизмов чужаков, включая какой-то сложный и тонкий прибор, подвешенный над широким металлическим стволом, поверхность которого покрывали какие-то неприятные пятна. Он не обратил на это внимание. Сознание Джоша туманилось, он едва не валился с ног от боли и напряжения, и Финн понимал, что старик должен немного отдохнуть, не смотря на риск, прежде, чем продолжить бегство.

Он осторожно положил Джоша на стол, подумав мимоходом, много ли людей разбежалось и блуждает теперь по подземным лабиринтам в панике, пока не наткнется на разъяренных Братьев по крови. Он знал, что, по крайней мере, Граттон, остался и дерется — может быть, к нему присоединился и еще кто-нибудь. Финн очень хотел быть с ними вместе, чтобы дать выход накопившейся ярости и ненависти.

Но тут и ему пришлось вступить в бой.

Открылась дверь, через которую вошли они, там стоял Брат по крови, он ужасающе рычал, и в руке у него полыхал силовой хлыст.

Монстр сделал выпад. Финн, как дикий зверь, защищающий свое логово, прыгнул навстречу. Он поднырнул под силовой хлыст — тот свистнул над головой — и вот уже охотничий нож оказался в руке Финна и лезвие его вонзилось глубоко в грудь Брата по крови.

Тот завопил и повалился навзничь. Дверь за его спиной закрылась и умирающий перевалился через порог, унося в своей груди нож Финна. Не успел Финн потянуться за ним, как дверь закрылась.

Финн метнулся обратно, предпочитая потерять нож, нежели комнату, в которой лежал Джош. Острый взгляд показал ему, что тот впал в обморочное состояние, так как лежал спокойно, как спящий, на запятнанном столе. Финн обежал взглядом комнату, отыскивая одновременно и что-нибудь такое, что могло бы послужить оружием; ведь теперь у него не было ни ножа, ни огненного копья.

Но ни дверь и ни оружие остановили его внимание, заставив замереть, превратившись в ледышку.

В дальнем углу комнаты стояли три больших и прозрачных контейнера, похожих на те, в которых хранились части человеческих тел. Но в этих содержались целые тела. Совсем маленькие и совсем мертвые.

Плавая в сохраняющей жидкости, в каждом контейнере лежало по крошечному скрюченному тельцу новорожденного человеческого детеныша.

Финн сразу увидел, что это не маленькие Братья по крови, а нормальные дети. Он увидел еще кое-что, и именно это потрясло его так, что чуть не прервалось дыхание и не остановилось сердце.

На левом предплечье каждого тельца были странные отметины. Странные... но знакомые...

Какой-то узор, образованный выпуклыми черными точками.

Правая рука Финна непроизвольно двинулась вверх, чтобы потрогать такой же узор на его собственной руке. Кроме этого движения, никакого другого он сделать не мог. Время для него остановилось, он стоял потрясенный, парализованный.

Его бедный разум старался откинуть все, что увидел, отказывался понимать, что это может означать. Охваченный столбняком, он вряд ли заметил, как полуоткрытая внутренняя дверь отворилась.

Не заметил он и фигуру, появившуюся на пороге. Высокую тощую фигуру с фасеточными глазами, сиявшими оранжево-красным пламенем, сжимавшую в трехпалой руке огненное копье.

14. Хранилище Смерти

Медведь вышел из лифта-столба света и, бросив взгляд на несущуюся на него и жаждавшую крови орду, в поисках спасения нырнул в ближайшую дверь. Он припустил со всех ног, из комнаты

в комнату, из коридора в коридор. Пару раз, те места, которые он пробегал, не были пустыми, там были Братья по крови, которые не были готовы встретить подобного себе, ревущего, как дикий зверь, несущегося, как одержимый, взмахивающего запятнанным кровью мачете. След Медведя через лабиринты нижних ярусов был отмечен изрубленными и окровавленными телами.

В результате этого безудержного бега Медведь заблудился. Вскоре ему пришлось остановиться в одной из комнат, где никого не было, в одной из отвратительных лабораторий Рабовладельцев — чтобы осмотреться.

Остановившись, он услышал знакомые звуки. Не очень хорошо слышные, приглушенные, но вполне узнаваемые. Звуки битвы.

Перехватив поудобнее рукоятку мачете, он пошел на звук. Но как только дверь-веко открылась, он остановился, потрясенный тем, что увидел.

Еще одна лаборатория чужаков. Старик, выглядевший мертвым или спящим на голом столе. А Финн валится на пол, на его груди яркая кровавая полоса, а над ним склоняется чужак, протягивая свои жуткие клешни.

Когда Рабовладелец вошел в дверь, то сквозь туман, окутавший мозг Финна, проявились инстинкты дикого животного. Он бросился в сторону как раз тогда, когда из огненного копья вырвался малиновый луч. Бросок спас ему жизнь, но луч все же зацепил его, скользнув по ребрам. Финн запнулся и упал, запах собственного горелого тела ударил ему в ноздри.

Оцепенев от шока, вызванного раной, а может быть, и еще от того невероятного ужаса, который он испытал перед приходом чужака, Финн не почувствовал боли. Его взор казался неестественно ясным, он лежал, истекая кровью, и смотрел, как Рабовладелец подходит к нему. Все это происходило как бы замедленно.

Широкие шаги тощих ног чужака, медленно поднимающиеся, чтобы оборвать жизнь Финна. Огненное копье. Он смотрел на врага, парализованный, как птица, смотрящая на подползающую змею.

Но чужак остановился. Красное сияние его глаз перешло в пурпурное, а потом в холодное и сверкающе-голубое. Огненное копье опустилось, чужак протянул свою клешню, схватил Финна за левое запястье, выворачивая руку.

Он осмотрел отметину на предплечье Финна.

Чужак повернул голову, и поток скрежета, щелкающих звуков вырвался из его рта — будто он звал кого-то из смежной комнаты. Но ответа не последовало — эта тварь повернулась к Финну, схватила за руку и резко дернула, будто пытаясь поднять на ноги.

Финн слабо сопротивлялся, но сил не оставалось в его теле. Но и чужак в одиночку не мог его поднять. Он попытался еще раз, но без толку. Тогда он опустил руку человека и угрожающе поднял огненное копье. Но если он и намеревался стрелять, то не успел.

Финн лишь заметил, как что-то сверкающее, металлическое,

пролетело в воздухе, лениво вращаясь, и погрузилось своим острым, как бритва, лезвием в тощее горло чужака.

Мачете, а следом за ним и Медведь, яростно ворвался в комнату.

Подобрав свое оружие, Медведь склонился над Финном и проворчал с облегчением, что луч всего лишь едва прижег мясо и кожу.

— Найдем что-нибудь, чтобы остановить кровь,— пророкотал он.— Встать можешь?

Но Финн едва видел его. В его глазах сохранялось все то же удивление, отсутствующее выражение, будто он вглядывался в отдаленный непознаваемый ужас.

— Финн, пошли,— с нажимом сказал Медведь.— Их тут много вокруг — мы должны идти.

Финн слегка пошевелился, будто какая-то часть его тела старалась откликнуться. Его удивленные глаза остановились на чем-то в углу комнаты. Медведь настороженно повернулся и увидел три крошечных, вызывающих жалость тельца, плавающих в прозрачных сосудах.

Некоторое время он вглядывался, а потом осознал, что случилось. Он повернулся к Финну и увидел, что его взгляд оставался удивленным. Причем теперь взгляд Финна сместился — он смотрел на левую руку Медведя — где пламя огненного копья спалило шерсть, и обнаружился тот же самый странный узор из выпуклых черных точек.

Одним движением Медведь сграбастал Финна за куртку, рывком поднял на ноги и от всей души отвесил ему такую оплеуху, что голова Финна чуть не повернулась на полоборота.

Удар рассеял ту часть ужаса, шока и боли, что затуманили разум Финна. В его глазах снова появилось осмысленное выражение, а вместе с ним и страдание, с которым не могли справиться ни рана на груди, ни пощечина.

— Медведь...— сдавленно произнес Финн.— Эти отметины...

— Нет времени, мальчик! — рявкнул Медведь.— Нам нужно удирать!

Нетвердыми шагами Финн двинулся к трем страшным контейнерам.

— Но что...— начал он.

— Эти метки ничего не означают, Финн,— разъярился Медведь.— Слышишь меня? Ничего — огромная рука выхватила у мертвого чужака огненное копье и сунула его Финну.— Возьми и выметываемся отсюда! Возьми себя в руки!

— Но Джош! — слабо сказал Финн.

— Я понесу его. Идем же!

Подгоняемый отчаянием в голосе Медведя, Финн подошел к двери, а Медведь сгреб Джоша, который все еще был без сознания и поспешил за ним.

Дверь вела обратно в комнату, где содержались женщины,

и Финн слегка удивился, отметив, что в ней никого нет. В коридоре за этой комнатой тоже не было ни одной живой души — но он не был пуст. Весь пол был залит кровью, в крови плавали тела Братьев по крови и вдвое больше людей.

— Если кто-то из людей остался в живых,— пророкотал Медведь из-за спины Финна,— то они рассыпались в разные стороны. И, может быть, мы сможем кое-кого подобрать по пути, если ты найдешь выход отсюда.

Кровавая бойня в коридоре и необходимость бежать, похоже, гальванизировали Финна. Он огляделся, стараясь собрать разбегающиеся мысли и восстановить свой путь через лабиринт нижнего уровня. Он услышал приглушенный грозный хор воя и рева — значит, Братья по крови собрались где-то поблизости. Этот шум встряхнул его еще больше. Финн быстро повел Медведя к двери в дальнем конце коридора.

Комната за комнатой, коридор за коридором, они неслись по лабиринту нижнего уровня и не встречали сопротивления. Рев Братьев по крови остался далеко позади и ослабел. Но когда они вбежали в следующую комнату — Финн узнал ее: они уже были недалеко от выхода, и вот здесь-то они наткнулись на преграду.

Но не Братьев по крови. Комната была забита доведенными до отчаяния людьми с сумасшедшими глазами, у большинства из них из порезов и ожогов текла кровь и все сжимали в руках оружие. Больше двух дюжин, прикинул Финн. Среди них были и женщины. Те, у кого были дети, все также прижимали к себе крохотные волосатые тела, но большинство женщин сжимало в руках оружие Братьев по крови, и выглядели они такими же дикими и опасными, как и мужчины.

Во главе их стоял высокий и сильный Граттон, шрамов на нем прибавилось, но он также сжимал огненное копье. Граттон с удивлением повернулся, когда Финн ворвался в комнату, а затем его взгляд изменился, он вскинул копье, целясь поверх плеча Финна, в Медведя.

— Нет! — закричал Финн, и прыгнул вперед, вскидывая свое копье. Оружие со звоном столкнулось, и луч, вырвавшийся из конца копья Граттона, лишь расплавил металл на стене.

— Это друг! — завопил Финн.— Он несет Джошуа.

Граттон, изумленный, опустил копье.

— Если ты так говоришь, Финн...

— Если ты так жаждешь убивать,— раздался глубокий бас Медведя,— то через несколько минут ты получишь это удовольствие.

Он был прав. За короткое время орда Братьев по крови приблизилась. Зловещий хор воплей и рычания раздавался не далее, чем в паре комнат от них.

Несколько мужчин одновременно начали выкрикивать различные предположения, но голос Финна нетерпеливо прорезался сквозь этот шум:

— Медведь, бери Джошуа и беги... И все время сворачивай налево и ищи продуктовый склад с дырой в стене. Мы за тобой.

Медведь кивнул и двинулся к двери в задней части комнаты. Люди боязливо отступали, расчищая ему проход.

— А вы все,— продолжал Финн,— идите за ним и держитесь вместе. Мы с Граттоном останемся ненадолго здесь и задержим Братьев по крови.

Толпа недолго беспокойно потолкалась, а затем устремилась вслед за Медведем. Граттон смотрел им вслед, на его лице смешались гнев и жалость.

— Немного осталось,— сказал он Финну.— Но я рад, что мы могли взять с собой женщин. Им тут было хуже всего.

— Так позволим же им выйти! — огрызнулся Финн.

Он осторожно подошел к двери, через которую проник в комнату. Дверь открывалась в один из коротких коридоров, а с другой стороны, у открытой двери, уже толкалась кучка Братьев по крови. Граттон и Финн выстрелили одновременно — и два волосатых тела свалились на пороге. Шерсть на них дымилась.

Другие Братья по крови отшатнулись назад, вопя от испуга и ярости, а Финн и Граттон повернулись и побежали.

Еще несколько раз они повторяли этот прием: прятались за дверью комнаты или коридора, ожидая, пока Братья по крови попытаются войти с другой стороны. Не все их выстрелы попадали в цель, иногда и они сами служили мишенями: среди орд преследователей были и Рабовладельцы со своими огненными копьями. Но чужаки старались прятаться за массивными телами своих монстров и поэтому не могли точно целиться. Финн и Граттон продолжали свое медленное отступление невредимыми.

Толпа людей стояла в пустом коридоре, люди боязливо жались друг к другу и, похоже, не знали, что им делать дальше. Не было видно лишь Медведя, но Финн был уверен, что дверь посредине коридора ведет в продуктовый склад, который разыскивали они.

И будто в подтверждение одна из женщин указала на эту дверь:

— Он там,— сказала она неуверенно.

Финн рассердился. Конечно, люди слишком боялись Медведя, чтобы последовать за ним в тесный продуктовый склад. Но прежде, чем Финн или Граттон успели заговорить, дверь широко открылась и показался огромный Медведь, ухмыляющийся во весь рот.

— Я нашел твою мышиную нору,— прогрохотал он.— Когда ты наконец вдолбишь этим типам, на чьей я стороне?

— Уматывай в хранилище,— сказал ему Финн, и, несмотря ни на что, почувствовал, что почти улыбается.

Медведь хмыкнул и отвернулся. Когда он исчез в дыре, прорезанной Финном в хранилище, толпа, подгоняемая Финном и Граттоном, с неохотой последовала за ним. Финн и Граттон последовали последними, но предварительно дали по предупредительному

выстрелу, отогнав Братьев по крови, рискнувших открыть дверь в конце коридора.

Через мгновение они оказались в хранилище, где люди либо настороженно смотрели на Медведя, либо боязливо рассматривали металлические стены и груды больших странных ящиков.

Финн взглянул мимо Медведя и увидел Джошуа, прислонившегося к одному из ящиков. Его глаза были закрыты, но дышал он почти нормально.

— Один раз он очнулся,— пророкотал Медведь,— поглядел на меня и снова ослаб. Оклемается!

Финн благодарно кивнул и вернулся к людям.

— Граттон, веди своих людей через туннель. Прорежешь пошире дыру в металлической крышке своим огненным копьем, а когда выйдете, бегите по склону в лес. Идите на юг. Мы с Медведем найдем вас.

— Надеюсь, дружок,— весело сказал Граттон,— уж наши люди припасут для тебя кучу благодарностей.

— Это еще не все,— напомнил Финн,— снаружи вас могут поджидать Рабовладельцы.

— Вряд ли,— неожиданно сказал Медведь.— Они скорее думают, что мы здесь в ловушке и вскоре полезут за нами.

Финн понял, что Медведь, скорее всего, прав. Чужаки, лишенные воображения, вряд ли подумают, что люди могут выбраться через продуктовый склад. И продлится это некоторое время. Возможно, достаточно долгое время.

— Заставим их думать, что мы действительно попались,— решил Финн.— Будем биться здесь. Медведь, пойдешь с остальными, понесешь Джошуа?

— Нет,— твердо сказал Медведь.— Если ты останешься драться, то я остаюсь тоже. Эти люди заберут твоего отца.

— Мы позаботимся о нем, Финн,— быстро сказал Граттон.

Тут же двое мужчин подхватили Джоша под руки и почти волоком утащили его в туннель. Все остальные, толпившиеся в хранилище, столь же поспешно исчезли в глубине туннеля.

Не успели Финн и Медведь пошевелиться, как шипящий малиновый луч вырвался из бреши в стене хранилища и пронесся между ними, не задев никого.

— Ну, вот, опять война,— заметил Медведь.

А Финн скользнул к краю пролома, просунул в него конец своего копья и выпалил. Раздался предсмертный крик и поток ответных сверкающих лучей залил пролом малиновым светом. Затем наступила тишина — Финн осторожно выглянул в пролом и увидел, что атакующие временно отступили из продуктового склада, оставив за собой мертвого Брата по крови.

— Кстати, о войне,— спокойно продолжал Медведь, как будто ничего не случилось,— тут у меня кое-что твое. Он протянул руку к поясу и вытащил нож, охотничий нож Финна.— Я нашел его там, воткнутым в какого-то типа.

Финн с благодарностью принял нож, но тут же его внимание было отвлечено проломом. Дверь продуктового склада отворилась, в него боязливо вошли несколько Братьев по крови, подгоняемые тремя Рабовладельцами.

Снова Финн повел огненным копьем, и упало два Брата по крови, а остальные торопливо откатились назад.

Во время затишья Финн увидел, что Медведь шляется по хранилищу, изучая груды ящиков. А еще Финн впервые заметил, насколько светло стало в хранилище. Теперь уже свет солнца, а не луны лился из дальнего конца туннеля.

— Интересные штуки,— бормотал Медведь.— Интересно, какие такие вещи так заботливо складывались в таком месте?

— Хотел бы я, чтобы это было оружие,— откликнулся Финн.— Не знаю, насколько хватит нам еще этого копья.

— Тогда нам, наверное, пора идти,— сказал Медведь.— Отойдика немного.

Удивленный Финн отошел, но тут же все понял, увидев, как Медведь, не прилагая больших усилий, тащит один из больших ящиков к дыре в стене. Так же без усилий, он взгромоздил затем второй ящик на первый, соорудив солидную металлическую баррикаду.

— Надолго это их не задержит,— пророкотал он,— но заставит думать, что мы еще здесь.

Они вместе побежали по туннелю. Из пролома лился яркий свет. Граттон вырезал солидный кусок металла из крошки туннеля — даже Медведь свободно пролезет.

— Башковитый мужик,— пророкотал на ходу Медведь.

Какой-то инстинкт заставил Финна остановиться на бегу и оглянуться. И как раз вовремя, чтобы увидеть, как могучие руки Братьев отшвыривают два тяжелых ящика. Сквозь отверстие полилась ревущая толпа, по крайней мере, пятнадцать Братьев по крови.

Они сразу же увидели, что хранилище пусто. И еще они увидели одинокого Финна, съежившегося у входа в туннель. Появилось еще больше Братьев, а за ними показались тощие фигуры Рабовладельцев и дикий рев перешел в ужасающее крещендо.

Воздух тут же заалел от шипящих вспышек огненных копий, лучи скакали вокруг Финна, вжавшегося в стену туннеля. Но когда основная масса Братьев бросилась через хранилище, суматоха стала мешать Рабовладельцам прицеливаться, и ни один из лучей не попал в цель.

А Финн попал. Луч из его копья пропахал лицо Брата по крови, бегущего первым, и приостановил натиск, так как остальные попадали, споткнувшись о поверженное тело. Снова и снова палил Финн, впавший в отчаяние, потому что понимал, что теперь он не осмелится побежать и подставить спину под огонь Рабовладельцев.

Он палил без разбора, и один из его лучей попал в другую цель. Он попал в больший из ящиков, которыми Медведь затыкал пролом, проплавил ящик, который вспыхнул вместе со всем своим содержимым.

Финн никогда так и не узнал точно, что же содержалось в хранилище в этих ящиках, помеченных буквами... Но без всяких сомнений, его желание, чтобы в нем, в ящике, оказалось оружие, исполнилось.

Полурасплавленный ящик разразился, подобно вулкану, вспышками света и огня.

Взрывная волна швырнула Финна назад, глубоко в туннель и живописной грудой повалила Братьев по крови и Рабовладельцев на пол хранилища.

А потом они исчезли во мраке.

Сила взрыва довершила разрушительную работу времени. С громоподобным ревом хранилище взорвалось, похоронив и Братьев по крови, и Рабовладельцев под многими тоннами земли и искореженного металла.

15. Монстр

Две певчие птички с разных концов лесной полянки обменивались трелями вечерней мелодии, и им не мешал ни легкий моросящий дождь, ни странно подобранная толпа людей, собравшихся под деревьями.

Под высоким хвойным деревом на одной стороне поляны сидели у затухающего костра оставшиеся в живых люди с базы Рабовладельцев. Они были еще более оборваны, чем в плену, у многих были раны, перевязанные тряпьем. Но их взоры светились, чего не было несколько дней назад, и появилась живость в голосах, когда они перешептывались.

Но даже теперь время от времени то один, то другой умолкал, вперялся взором в пустоту и начинал дрожать — отнюдь не из-за легкого летнего дождя.

На другой стороне полянки сидели Граттон с Джошуа. Спина и грудь Джошуа были перевязаны драными тряпками, но было видно, что он выздоравливает. Оба казались оживленными и явно наслаждались разговором.

Поблизости вышагивал взад-вперед Медведь, который уж никак не был доволен собой. Он мог бы присоединиться к Джошу и Граттону, они, по крайней мере, относились к нему нормально, так как остальных все еще раздражало и пугало его присутствие. Но у Медведя не было настроения вести пустую болтовню.

Его сильно беспокоил Финн. Он знал, что Финн так полностью и не вышел из шокового состояния, в которое его ввергло увиденное и осознанное в лаборатории Рабовладельцев. Теперь, когда они оказались в безопасности и могли немного расслабиться, это знание жестоко терзало разум Финна. Жизненная сила покинула его: он погрузился в себя, стал молчаливым, угрюмым, его окутала какая-то внутренняя тень, которая становилась все гуще с каждым днем.

Медведь знал, что это — его дело, попытаться вырвать Финна из тени, ведь только он понимал, откуда она. Но до сих пор он не имел возможности сделать что-нибудь с тех самых пор, как они вышли из туннеля, ведущего в обрушившееся хранилище.

Было раннее утро, сияющее и яркое. Как оказалось, битва и побег с базы заняли удивительно короткое время. Травянистый склон был пустынен, когда Медведь и Финн сбегали по нему, значит, Медведь был прав. Чужаки считали, что в хранилище люди оказались в ловушке, и не смогли предвидеть, что им удастся удрать через туннель.

Но Медведь знал, что передышка будет короткой. На базе еще оставались живые Рабовладельцы, и они соберут все свои вооруженные отряды и подготовят вихревые сани для преследования во имя мести.

Финн также понимал, что они еще не в безопасности, но он был отчасти рад этому обстоятельству. Необходимость была в напряжении, бежать, может быть, еще драться, предохраняла его от размышлений. А он еще не был готов думать о том, что он видел и понял в лаборатории чужаков. И он вряд ли когда-нибудь будет готов.

Между прочими делами он был занят тем, что шел по следу людей, ведущему на юг. Меньше, чем через километр, они с Медведем догнали беглецов. Люди распластались на мягком дерне в полном изнеможении, некоторые от усталости и страха плакали. Многие ужасно ослабли от ран, полученных в битве. И, конечно, все женщины, так или иначе,— несли детей.

Только Граттон нашел в себе силы встать и радостно приветствовать Финна, в то же время настороженно поглядывая на Медведя.

— Люди дошли до ручки,— сказал Граттон.— Они не могут бежать. Это их убьет. И твоего отца тоже.

— Ну, хорошо,— холодно сказал Финн.— Он взглянул на лежащего в полубессознательном состоянии Джошуа.— Можете остаться здесь. Немного подлечиться и отдохнуть, а когда отдохнете, идите на юг. Я вернусь и попытаюсь отвести чужаков в сторону.

— А он? — спросил Граттон, бросив на Медведя взгляд.

Глаза Финна вспыхнули.

— Я тебе уже говорил, что это мой друг. Меня бы здесь не было, если бы не он. Как, впрочем, и большинства твоих людей.

Граттон сдержанно кивнул, и тут из кучи людей раздался слабый, но полный решимости голос:

— Если это так, то я обязан ему больше, чем кому-либо.

Это был Джошуа, который очнулся, услышал голос Финна и теперь пытался сесть. Финн подбежал к нему.

— Не думай о долгах,— сказал он.— Отдохни. Медведь присмотрит за тобой.

Медведь, сердито смотревший на Граттона, при этих словах расстроился.

— Лучше бы я с тобой пошел, Финн,— сказал он.— Ты же ранен.

Финн взглянул на свою рану. Хотя она все еще болела, он почти забыл о ней, да и кровь уже почти не текла.

— Со мной все в порядке, и... мне нужно побыть одному,— губы его искривились, тень внутренних мучений явно отразилась в глазах.— Я вернусь.

Потом он повернулся к лесу и исчез.

Вскоре Финн стоял в хвойном лесу у подножия склона, который вел к базе Рабовладельцев. Слегка пригнув траву, он увидел то, что ожидал. Двое вихревых саней и четыре крылатых шпиона над ними. Финн знал, что смертоносные машины могут догнать людей через несколько минут, и тогда никто не выживет.

Он спокойно вышел на открытое место.

Затем притворно испугался, будто только что увидел вихревые сани, повернулся и бросился бежать в лес, но прихрамывая, словно раненый. Он побежал на запад, далеко в сторону от следа, оставленного беглецами.

Финн бросил взгляд назад и увидел, что и вихревые сани, и крылатые шпионы изменили курс и направились в его сторону.

Несколько часов подряд он заставлял гнаться за собой чужаков и их слуг. Он сосредоточился на своей тактике, и тень внутреннего ужаса забилась куда-то в дальние уголки его сознания. Время от времени он будто случайно показывался среди деревьев: чужаки и их крылатые наблюдатели бросались в атаку. Тогда Финн растворялся в лесу, заставляя преследователей метаться в поисках туда-сюда, пока не приходилось вновь появляться и поддразнивать их своим видом.

За эти часы он увел преследователей далеко на запад, в заросшие и болотистые районы дикого леса. Там он оставил их, занятых механическими, по своему обыкновению, поисками, и невидимый ускользнул на юг.

Тем временем Граттон и остальные, подгоняемые свирепым нетерпением Медведя, перевязали самые серьезные раны — с помощью целебных трав, собранных по указанию Джошуа — и нашли в себе силы продолжить поход.

Медведь предложил свою мощную руку для поддержки и вскоре они целиком ушли в беседу. Ни боль, ни слабость не мешали Джошу желать узнать все, что произошло с его сыном с тех пор, как в их деревню прилетели Рабовладельцы. А Медведь, со своей стороны, хотел рассказать кому-нибудь о том зловещем эффекте, которое произвело на Финна открытие, сделанное в лаборатории Рабовладельцев.

Больше всего он хотел потолковать с Финном. Но когда в конце дня Финн присоединился к ним, уверенный, что теперь они в безопасности, времени для разговоров не оставалось. Финном овладела такая усталость, что он едва дождался, пока Медведь перевяжет его рану, и уснул.

В следующие дни, когда маленькая группа людей продолжала изнурительное путешествие, времени для разговоров тоже не было. Финн проводил все дни без отдыха, странствуя по дикому лесу, разведывал, что ждет впереди, охотился, чтобы накормить людей. И к ночи он становился молчаливым, отчужденным, погружался в свои мрачные мысли. Все остальные наслаждались обретенной свободой и, поглощенные утомительным путешествием, ничего не замечали. Но Джошуа беспокоился, и Медведь явно был взволнован.

Итак, дождливым вечером на лесной полянке Медведь раздраженно вышагивал туда-сюда, ожидая возвращения Финна. Когда Граттон оставил Джошуа и присоединился к остальным, Медведь подошел к старику. Жилистое тело Джошуа почти обрело свою прежнюю силу, но в его глазах было такое же беспокойство, что и у Медведя.

— Попытаемся поговорить с ним сегодня? — спросил Джошуа.

— Если удастся насесть на него,— пророкотал Медведь.— Он гложет себя изнутри — скоро совсем ничего не останется.

— Эти проклятые отметины...— начал Джошуа.

— Не отметины. Эти отметины просто опознаватель — Рабовладельцы помечают ими всех людей, родившихся на базе.— Медведь взглянул на узор из точек на своей руке, менее заметный теперь, когда сожженные волосы слегка отросли.— Финна убивает то, что они означают. Он не может жить с сознанием того, что он...

— Один из Монстров, которых сотворили Рабовладельцы,— произнес чей-то голос из-за спины Медведя.

Медведь повернулся. Финн тупо смотрел на них, его глаза потемнели от боли и ужаса, словно перед ними стояло какое-то кошмарное зрелище, не видимое остальным.

— Ага,— сказал Медведь таким же бесцветным голосом.— Один из нас, монстров.

Финн резко сел, его лицо искривилось.

— Я не хотел обижать тебя, Медведь. Ты тот, кто ты есть. Но я... я-то думал, что я — человек...

Он умолк, уставившись в темноту. Джошуа с надеждой посмотрел на Медведя, а тот поскреб бороду, собираясь с мыслями, и глубоко вздохнул.

— Финн,— начал он,— мы уже довольно давно путешествуем вместе, и я думаю, между нами есть доверие. Теперь я буду говорить, а ты будешь слушать. Ты увидишь, я говорю правду, почувствуешь это своим нутром — и перестанешь думать о смерти.

Он перевел дух, воодушевленный тем, что Финн обратил свой измученный взгляд на него.

— Так вот, правда в том,— продолжал Медведь, что ты родился от какой-то несчастной девчонки в Рабовладельческом центре. Рабовладельцы чего-то там наколдовали в своей лаборатории, и ты родился таким, какой ты есть,— его голос усилился и перешел в презрительный рев.— Но если ты остановишься только на этой

правде, мой мальчик, ты, черт возьми, гораздо глупее, чем я думал.

Финн моргнул и нахмурился, но Медведь продолжал:

— Что бы ни делали Рабовладельцы, они это делают, чтобы обуздать людей. Твои настоящие отец и мать были такими же людьми, как и Джошуа. И это делает тебя тоже человеком. Любой так и скажет, глядя на тебя. Только две вещи отличают тебя от других молодых парней. Первое: ты носишь на руке какие-то непонятные отметины. Второе: у тебя какой-то естественный дар жить в лесу, в диком лесу, можно подумать, что тебя вырастили волки, а не люди.

— Уж это точно,— вставил Джошуа,— никто не может сравниться с ним в лесу.

— Знаю,— сказал Медведь.— Поэтому ты и остался в живых, Финн, пока Джошуа не нашел тебя. Природный дар. И в этом-то большая правда, мальчик. В то же самое время, когда Рабовладельцы наградили тебя отметинами на руке, они дали тебе кое-что еще!

Финн подпрыгнул, словно его укололи. Глаза его расширились, но Медведь его успокоил и продолжал:

— Правда это, правда! Видишь ли, насколько я слышал, нормальные человеческие дети, рождающиеся от рабынь, всегда умирают. Поэтому я решил, что ты — редкость. Только маленькие Братья по крови выживают. Может быть, ты единственный такой — кто родился нормальным и выжил.

Вот почему тот Рабовладелец так разволновался — тот, что стрелял в тебя. Когда он увидел твои отметины, он понял, что ты нечто особенное.

— Но...— начал Финн.

— Умолкни,— сказал Медведь.— Я еще не закончил. Почему я так решил? Да потому, что я знаю, чего пытаются добиться в своих лабораториях Рабовладельцы.

Он немного помолчал, подыскивая подходящие слова.

— Когда мы впервые с тобой встретились и разговорились, я сказал тебе, что Рабовладельцы пытаются вывести новую породу людей. Я не сказал тебе, что за породу, потому что как раз тогда заметил твои отметины и не представлял, как много ты знаешь о себе. Так вот в чем дело. Рабовладельцы не собираются использовать разум человека. Этот разум способен думать, предполагать, а возможно, и находить пути к борьбе, сопротивлению. Рабовладельцам нужны люди спокойные, которые делали бы только то, что им приказывают, как стадо овец или другой домашней скотины.

Под нахмуренным лбом Финна стали поблескивать вспышки понимания.

— Понимаешь? — спросил Медведь...— Рабовладельцы пытаются разводить безмозглых людей. Они пытаются вернуть людей в животное состояние!

— Братья по крови...— сказал Финн и вспыхнул.

— Конечно,— ответил Медведь со своей кривой усмешкой,— большей частью они получают Братьев по крови, которые чертовски близки к животным, хотя и не все из них, если уж говорить обо мне. Но Братья по крови кроме драки ни на что ни годны. Я думаю, что Рабовладельцы на самом деле пытаются превратить людей в животных, не изменяя их внешнего облика.

Медведь расхохотался басом.

— Хотя, похоже, им не очень-то везет. Чаще всего нормальные дети умирают. А когда один все же выжил, он удрал. Как — мы, наверное, этого никогда не узнаем. Но все равно, даже и у этого одного по-настоящему хороший разум — только одно в нем от животного. У него есть знания и инстинкт для жизни в диком лесу, как у любого дикого обитателя леса — эти знания родились вместе с ним, вошли в его плоть и кровь.

Финн сидел молча, запутавшись в переплетении мыслей и ощущений. Медведь ткнул своим толстым пальцем в точки на его руке:

— Ты должен гордиться этими отметками,— пророкотал он.— Они означают, что ты — нечто особенное. Ты должен был бы стать одной из удач Рабовладельцев, а стал вместо этого их величайшим провалом.— Блеснула кривая улыбка.— Как и я. Они сделали меня Братом по крови, но при рождении у меня оказалось на капельку больше человечности. И потому я — чуть ли не худшее, что может случиться для Рабовладельцев.

Он ухватил Финна за плечо и слегка его встряхнул.

— Только теперь я понял, что худшее для них — это, наверное, ты. Ты полностью человек — и разумом, и телом, сердцем и душой... Но ко всему этому еще примешался и зверь, который принадлежит дикому лесу. Финн, большую часть этой проклятой страны занимает дикий лес. В нем никто — и уж, конечно, не *Рабовладельцы* — не сможет даже найти тебя, если ты не захочешь быть обнаруженным. Так вот... обрати свой гнев и ярость на Рабовладельцев.

Усмешка Медведя стала почти безумной.

— Когда они сделали тебя и меня, Финн, они выковали ножи, которые перережут им глотки.

16. И снова в путь...

Разговор шел долго, почти всю ночь. И потом, когда все уснули, Финн не спал. В его голове все перемешалось.

Слова Медведя и содержавшаяся в них истина глубоко потрясли его. Тень ужаса все-таки осталась у него в мозгу и могла оставаться надолго, но он чувствовал, что она больше не сможет овладеть им полностью.

Несмотря на то, что перед ним раскрылась потрясающая правда о его рождении, Медведь заставил его понять, что на самом деле ничего не изменилось. Он остался таким же, каким и был раньше.

Он все еще был Финном Ферралом — человеком и охотником

Хотя он полностью осознал ошеломляющую простоту этого факта, тени начали рассеиваться.

А потом он со стыдом вспомнил о другом. Погрузившись в глубины страданий и ужаса, он почти забыл о той сложной задаче, которую поставил перед собой в тот день, когда покинул деревню. Старый Джош был уже свободен, однако, его задача была выполнена лишь наполовину. И решение этой задачи отняло слишком много времени.

На рассвете, так и не заснув, Финн чувствовал странную свежесть и цельность — будто к нему вернулась какая-то его часть, которую он, казалось, утратил. Даже Граттон, который ничего не знал о внутренних мучениях Финна, заметил перемены, когда подошел к нему по какому-то делу.

— Ты, похоже, хорошо выспался,— сказал Граттон.

— Что-то в этом роде,— улыбнулся Финн.— Что тебя заботит?

— Да народ,— слегка виновато сказал Граттон.— Мы немного беспокоимся, куда мы идем, и что ты решил по нашему поводу.

Тут настала очередь прийти в замешательство Финну.

— Я... я почти не думал об этом. Я всего лишь собирался удрать подальше от Рабовладельцев.

— Конечно, мы тоже,— кивнул Граттон.— Только видишь ли в чем дело, люди слегка растерялись. Они не хотят возвращаться в свои деревни, ведь туда снова могут прийти Рабовладельцы. Да и женщины... люди вряд ли будут им рады, особенно их возвращению с этими детьми.

Финн мрачно согласился, он уже знал кое-что о подлой трусливости деревенских.

— И мы знаем, что ты не собираешься оставаться с нами навсегда. Мы решили пойти куда-нибудь туда, где сможем защитить себя и отделаться от Рабовладельцев.

— Где же это? — прогрохотал грубый голос подошедшего Медведя.— На Луне?

— Нет,— решительно сказал Граттон.— Видишь ли, я — из деревни, которая далеко на Западе, и мы слышали о месте, которое лежит еще западнее. О Пустоши. Похоже, Рабовладельцы не больно-то туда суются — и люди, которые там живут, свободны.

Медведь хмыкнул:

— Мистер, я бывал в той Пустоши. Она рядом как раз с теми горами, откуда я родом. Там сплошь песок да пустыня, сухая, как старые кости. И есть там такие местечки, по сравнению с которыми и пустыня выглядит оазисом. И животные, будто удравшие из чьего-то кошмара. Но вот одного я там не видел — я не видел и следа людей.

Старый Джошуа подошел как раз вовремя, чтобы услышать слова Медведя и тыркнуть:

— Даже если там и есть люди, вряд ли им понадобится выходить и здороваться с т о б о й.

Все засмеялись, а Граттон быстро продолжал:

— Я знаю, это суровые земли. Но если люди живут там, то, может быть, и мы сможем выжить и не бояться Рабовладельцев.

— Если вообще выживете,— проворчал Медведь.

Финн увидел, как у Медведя упрямо выпятилась челюсть, и перебил:

— Медведь прав, для вас настали трудные времена. Но и ты прав тоже — вам нужно найти себе место. Если бы я был на вашем месте, то тоже пошел бы туда.

— А может быть,— с надеждой спросил Граттон,— пойдем вместе?

Финн покачал головой.

— Я собираюсь доставить Джошуа в какое-нибудь безопасное место и заняться тем, что должен сделать. Может быть, я отправлюсь на запад, но я хотел бы идти со своей присущей мне скоростью.

— Да, что там про меня? — Джошуа наклонился и ухватил Финна за руку.— Я знаю, тебя тянет пойти на поиски Джены. Я хотел бы пойти с тобой, но теперь самое меньшее, что я могу, так это не удерживать тебя.

Прежде, чем Финн ответил, Джошуа повернулся к Граттону:

— Дружище, я знаю кое-что о жизни в лесах. Всю жизнь я был охотником. Не таким хорошим, как Финн, но все же и не дурным. Что скажешь, если я пойду на запад с тобой?

На изуродованном шрамом лице Граттона появилась широченная улыбка.

— Скажу тебе добро пожаловать и все такое прочее. Подожди, расскажу народу об этом.— Кивнув Финну, он поспешил к своим людям.

Финн взглянул на Джошуа:

— Ты действительно этого хочешь?

Джошуа пожал плечами:

— Сынок, чего я действительно хочу, так это того, чтобы каким-нибудь магическим образом Джена оказалась здесь сию же минуту. Но это все чепуха, а я слишком стар, чтобы разыскивать ее вместе с тобой, и поэтому я пойду с этими людьми. Я буду рад это сделать. Тогда, может быть, ты сможешь пойти и сделать все необходимое.

— Пойду,— сказал Финн, и ему перехватило горло. Долгое время они молча смотрели друг на друга, с любовью и уважением, более того, с тревогой и печалью.

Оба они понимали, что если расстанутся, то, может быть, навсегда. Оба понимали, что так оно и должно быть.

Стоявший рядом Медведь пророкотал нетерпеливо:

— Не люблю вмешиваться, но, может быть, кто-нибудь из вас, диких людей, имеет хоть малейшее представление, где искать вашу девочку?

Джошуа печально покачал головой:

— Я знаю только, что когда нас разлучили, сани, на которых была Джина, кажется, свернули на запад.

Финн согласился:

— Именно эти сани я и попытаюсь проследить, Медведь. Если только мы не заблуждаемся. И ты сам говорил, что ее можно отвезти в большой центр Рабовладельцев в горах.

Медведь вздохнул:

— Конечно, может быть. А еще может быть, они свернули на юг или вернулись на восток, или черт его знает куда. Это большая огромная страна, Финн.

Но глаза Финна блестели, чего не было вот уже много дней.

— Я знаю. Но я не могу идти в два места одновременно. И поэтому я иду на запад. Посмотрим, что там.

— Я так и знал,— ухмыльнулся Медведь.— Но в одном ты ошибся.

— В чем? — сухо спросил Финн.

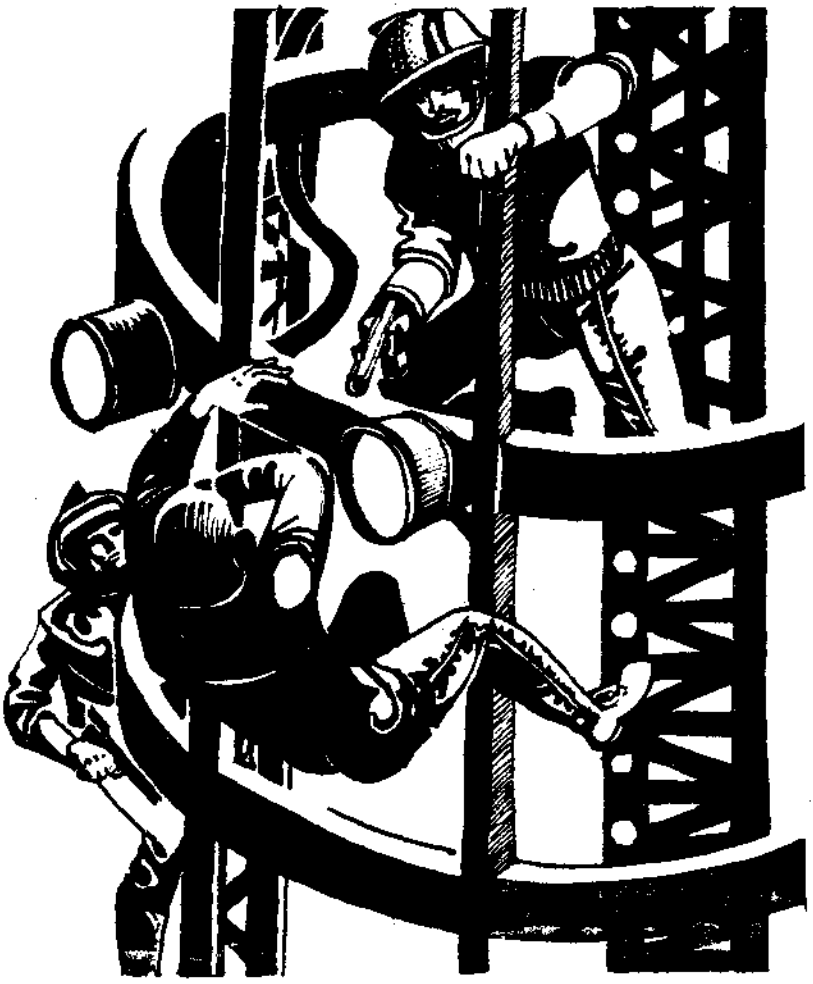
Глаза Медведя весело поблескивали.

— Сынок, мы тут хорошенько взбаламутили мутную водицу. Теперь Рабовладельцы повсюду будут знать, что случилось. Такого ведь раньше не случалось: пришли люди и освободили рабов. Теперь они станут осторожничать, в ожидании новых неприятностей. А это значит, что произойдут увлекательные вещи: кучи Рабовладельцев протянут свои длинные шеи, чтобы старый Медведь срубил еще несколько голов.— Неудержимый смех распирал его грудь.— И поэтому не ты пойдешь на запад, мой юный Финн. Мы.

Толпа людей, сгрудившаяся вокруг Граттона, с удивлением глядела через полянку, гадая, что же заставило огромного Брата по крови и юного охотника разразиться таким неудержимым хохотом.

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ

РАВНОВЕСИЕ СТРАХА.

Когда началась ромулианская вылазка, капитан Джеймс Кирк находился в корабельном храме звездолета «Дерзость», собираясь совершить обряд венчания.

Он мог, конечно, уклониться от исполнения обязанностей подобного рода. Не он один на борту звездолета обладал полномочиями, достаточными для выполнения такого дела — и многих других, куда реже требующихся штатским — но сейчас оба главных действующих лица церемонии были свои ребята, из команды: специалист по фазерам Роберт Томлинсон и специалист по фазерам второго класса Анджела Мартин.

Именно поэтому ему и в голову не пришло отказаться. Путешествия от звезды к звезде, даже с «релятивистскими» или околосветовыми скоростями, были в лучшем случае черепашьими бегами. Никто не имел права отменить или не уважать нормальные человеческие отношения во время полетов, казавшихся вечностью, если только он не был ревнителем строгой дисциплины или дураком, а Кирк не хотел быть ни тем, ни другим.

Трудно было придумать что-то более символическое в должностных обязанностях и капитана, и «Дерзости», чем регистрация брака. Цивилизованные планеты разделяли пучины пространства и времени, и лишь звездолеты были связующей нитью между ними. Более быстрое, межзвездное радио было объектом для дюжины разного рода помех, не могло нести грузов, а в смысле человеческого контакта и вовсе малоудовлетворительным. Звездолеты были столь же необходимы для людей, как рабочие пчелы — для плодовых деревьев.

Неудивительно поэтому, что на борту «Дерзости» был храм. Задуманный неким никогда не покидавшим Земли лодырем в надежде никого не оскорбить храм был упрощен и лишен символов до полной безвкусицы: но само его существование говорило о том, что даже тесное пространство «Дерзости» являло собой целый мир, а можно ли представить себе мир, полностью лишенный религии?

Когда Кирк вошел, жених и еще полдюжины членов экипажа, говорящих sotto voce*, уже были на месте. Неподалеку главный инженер Скотт устанавливал небольшую телекамеру: обряд собирались транслировать и по внутренней сети, и на наблюдательные спутники в нейтральной зоне Ромула-Рема. Скотти было проще поручить это одному из своих сотрудников, но сделать все самому —

---

* Вполголоса (лат.) — Прим. перев.

значило признать особую торжественность события; сделать подарок невесте, наконец. Кирк чуть улыбнулся. Сегодня самый воздух корабля был насыщен символами.

— Все под контролем, Скотти?

— Не скажу за жениха, сэр, но в других отношениях все нормально.

— Это хорошо.

Улыбка, однако, несколько выцвела, когда Кирк прошел к алтарю, решительно не относящемуся ни к какому вероисповеданию. Его почти неосознанно тревожило, что торжество происходило на самом краю нейтральной зоны. Ромулиане некогда были самыми грозными из врагов. Но с тех пор, как пятьдесят с лишним лет назад вокруг их системы была замкнута нейтральная зона, о них никто ничего не слышал.

Скотти, возясь с камерой, застенчиво приглаживал волосы; он был посаженным отцом. Из интеркома послышалось журчание музыки — Кирк мог только предполагать, что это было нечто приличествующее случаю, поскольку сам он был начисто лишен музыкального слуха — и вошла Анджела: рядом с ней шла подружка невесты, Йомен Дженис Рэнд. Скотт предложил ей свою руку. Томлинсон и его лучший друг были уже готовы.

И в этот миг выстрелил корабельный сигнал тревоги.

Анджела побелела. Новичок на борту, она, скорее всего, никогда раньше не слышала этого отвратительного, дребезжащего рева, но не могла не знать, что он означает. Потом сигнал тревоги сменил голос офицера связи Юхэры:

— Капитана Кирка на мостик! Капитана Кирка на мостик!

Но недавний пастор был уже за дверью и бежал что есть сил.

Спок, первый помощник, стоял рядом с постом лейтенанта Юхэры, когда Кирк и его инженер ворвались на мостик. Спок, плод брака между земной женщиной и папашей с Вулкана — не мнимого мира в Солнечной системе с таким именем, а планеты Сороковой Эридана — был обделен человеческими чувствами, а лейтенант Юхэра обладала бесстрастностью большинства женщин народа банту: но воздух тем не менее был заряжен напряжением. Кирк спросил:

— Что случилось?

— Это командор Хансен, патрульный спутник четыре-ноль-два-три,— пунктуально ответил Спок.— Они поймали отчетливые сигналы нарушителя в нейтральной зоне.

— Опознание?

— Еще нет, но система двигателя современная. Не ромулианское судно, очевидно.

— Извините, мистер Спок,— прозвучал голос из динамика на щите связи.— Я прослушивал вас. Сейчас мы видим его опознавательные знаки. Судно современное — но знаки ромулианские.

Кирк протиснулся вперед и взял микрофон из руки лейтенанта Юхэры.

— Это капитан Кирк. Вы вызывали их, Хансен?

— Отвечаю утвердительно. Нет уведомления о получении. Можете ли вы оказать нам поддержку, капитан? Вы единственный звездолет в этом секторе.

— Отвечаю утвердительно.

— Мы хронометрируем их приближение визуально со стороны...— Голос Хансена на мгновение замер, потом продолжил:— К сожалению, мы их только что потеряли. Они исчезли с наших мониторов.

— Лучше передайте картинку с вашего монитора. Лейтенант Юхэра, дайте ее на наш главный видеоэкран.

Какое-то время на экране не было ничего, кроме изображения звезд, постепенно исчезающих в легкой туманности на заднем плане. Затем внезапно там оказался неизвестный корабль. Внешне он выглядел очень похоже на звездолет класса «Дерзости»: куполообразный диск, казалось, почти незаметно придвигался на экране — хотя, конечно, в действительности он приближался к спутнику, а не «Дерзости». Его размер, однако, было невозможно определить. Не зная расстояния до корабля.

— Полное увеличение, лейтенант Юхэра.

Чужой корабль будто прыгнул на них. Скотт молча показал на экран, и Кирк кивнул. При этом увеличении полосы вдоль днища были ясно видны: широкие тени складывались в силуэт хищной птицы с полураспростертыми крыльями. Да, это все-таки ромулиане. С S-4023 донесся тревожный голос Хансена:

— Поймали его снова! Капитан Кирк, можете вы видеть...

— Мы видим его.

Но как раз когда он говорил, экран внезапно побелел, потом потускнел, когда Юхэра поспешно убавила яркость. Кирк сощурился и напряженно наклонился вперед.

Чужое судно выпустило похожий на торпеду цилиндр слепящего света из своего подбрюшья. Двигаясь со странной неторопливостью, как будто скорость света вокруг ромулианина стала вдруг в миллион раз меньше обычной, ослепляющий цилиндр разрастался, набухал в линзах камер S-4023, как если бы он был готов поглотить еще и «Дерзость».

— Он открыл огонь!— закричал Хансен.— Наши экраны вышли из строя... мы...

Обзорный экран «Дерзости» выплеснул на мостик апокалиптический свет. Громкоговоритель отчаянно заверещал и затих.

— Боевым постам,— сказал Кирк Юхэре очень тихо.— Общая тревога. Мистер Спок, полный вперед, на перехват.

Никто никогда не видел живого ромулианина. Неизвестно было даже, как они сами называли себя, поскольку все сведения о них ограничивались тем, что удалось извлечь из обломков их кораблей, когда они, заливая космос кровью, извергнулись из системы Ромула-Рема добрых семьдесят пять лет назад; предполагалось, что они даже не были уроженцами этой планеты, не говоря уже о расе, которая могла бы считаться хотя бы дальней родственницей землян.

Весьма немногочисленные обугленные тела, выловленные в пространстве во время войны, оказались гуманоидными, но скорее ястребоидного вулканитского, чем земного антропоидного типа. Эксперты предположили, что ромулиане — группа, отколовшаяся от основной массы своих менее воинственных собратьев — могли когда-то поселиться на подошедшей им планете. Ни Ромул, ни Рем,— двойня планет, которые вращались вокруг общего центра в троянском отношении к солнцу — белому карлику,— не подошли бы никакой расе, кроме той, что любит трудности ради самих трудностей.

Но почти все это были догадки, не подтвержденные ни историей, ни допросом пленного. Раса вулканитов, которая была членом Федерации, утверждала, что не знает ничего о ромулианах; а сами ромулиане никогда не допускали, чтобы их брали в плен — самоубийство, очевидно, было частью их военной традиции — и не брали пленных сами. Все, что было известно точно — это то, что пышущие яростью ромулиане, без всякого видимого повода, вышли за пределы своей безумной маленькой планетной системы в примитивных, неуклюжих цилиндрических кораблях, которые были ну прямо голубями по сравнению с Флотом Федерации; но, тем не менее, потребовалось двадцать пять лет, чтобы загнать их к ним домой — двадцать пять лет все возраставшей беспощадной резни с обеих сторон.

После этого вокруг системы Ромула-Рема была создана нейтральная зона со сферой наблюдательных спутников и в течение долгих лет охранялась она с предельной бдительностью. Но за пятьдесят лет ничто не вышло за ее пределы — даже радиосигнал, не говоря уже о корабле. Возможно, ромулиане все еще лелеяли свои раны и доводили до совершенства свои обиды и свое оружие — или, возможно, они хорошо усвоили свой урок и отказались от воинственных намерений.

Догадки. Сейчас одно было несомненно. Сегодня они вышли снова — или вышел один корабль.

Команда «Дерзости» приникла к боевым постам со спокойной уверенностью, и человеку со стороны было бы невдомек, что большинство из них никогда не слышало боевого выстрела. Даже пара, свадьбе которой помешали, находилась у консолей передовых фазеров, столь же готовая теперь к разрушению, сколь она была готова к созиданию всего лишь несколькими часами раньше.

Но в прицелах фазеров еще не было ничего похожего на мишень. На мостике Кирк сидел в капитанском кресле, по обе стороны от него находились Спок и Скотт. Сулу пилотировал, второй помощник Стайлс следил за курсом. Лейтенант Юхэра была за пультом связи.

— Нет ответа от спутников четыре-ноль-два-три, два-четыре и два-пять, — сказала она. — Нет никаких признаков, указывающих, что хоть один из них еще на орбите. Оставшиеся передовые посты остаются на своих местах. Вторгнувшегося судна не видно. Показания сенсоров нормальные. Нейтральная зона, ноль.

— Скажите им, чтобы были бдительными и докладывали о любых отклонениях от нормы.

— Да, сэр.

— Входим в область местонахождения спутника четыреноль-два-три,— сказал Сулу.

— Лейтенант Юхэра?

— Ничего, сэр. Нет, теперь я принимаю здесь ореол. Я полагаю, обломки — металлические, до последней степени размельченные и еще рассеивающиеся. Светящаяся точка — очевидно, на том месте, где должен был быть спутник; сейчас я провожу компьютерную проверку этого, но...

— Но в этом не может быть больших сомнений,— мрачно перебил Кирк.— Они припасли намного больше энергии, чем это бывало пятьдесят лет назад — и это почему-то не очень меня удивляет.

— Но что же это БЫЛО за оружие?— прошептал Стайлс.

— Прежде чем предполагать, мы проверим,— сказал Кирк.— Мистер Спок, выпустите тягач и принесите мне сюда несколько этих обломков. Мне нужен полный анализ — спектральный, рентгеноструктурный, микрохимия, степень обработки, запас прочности. Мы знаем, какой корпус был использован при строительстве этого спутника. Я хочу знать, на что это похоже СЕЙЧАС — а после этого мне хотелось бы каких-нибудь предположений из лаборатории о том, что могло привести к этому. Вы следите за моей мыслью?

— Конечно, сэр,— сказал первый помощник.

От любого другого человека это прозвучало бы как хвастовство и, возможно, слегка оскорбительно. От Спока это была просто абсолютно заслуживающая доверия констатация факта.

— Капитан,— сказала Юхэра. Ее голос звучал необычно.

— Что такое?

— Я что-то принимаю. Движущуюся массу. Ничего больше. Ничего визуально, ни одного радарного сигнала. И нет излучения. Ничего, кроме преобразования Де Брогли на компьютере. Это может быть нечто очень маленькое и плотное по соседству, или нечто очень большое и рассеянное вдалеке, как комета. Но графики самописца не соответствуют ни тому, ни другому.

— Штурман?— спросил Кирк.

— Поблизости есть холодная комета, принадлежащая к системе Ромула-Рема,— быстро сказал Стайлс.— В направлении галактического востока, девятьсот семьдесят три: расстояние один точка три световых часа, курс приблизительно сходящийся...

— Я давно ее засекла,— перебила Юхэра.— Это нечто другое. Его скорость по отношению к нам — одна вторая световой, по направлению к нейтральной зоне. Это своего рода электромагнитное поле... но не из тех, что мне приходилось видеть раньше. Я уверена, что оно не естественного происхождения.

— Нет, не естественного,— сказал Спок с полным спокойствием. Так он мог бы сообщать сводку погоды, если бы за бортом была какая-то погода,— Это экран невидимости.

Стайлс фыркнул, но Кирк из долгого опыта знал, что его первый помощник-полувулканист никогда не сделает такого заявления

без достаточных оснований. Спок был очень странным по земным, человеческим стандартам, но разум его своей отточенностью напоминал рапиру.

— Объясните,— сказал Кирк.

— Курс, по расчетам, принадлежит судну, атаковавшему последний исчезнувший спутник-аванпост,— сказал Спок.— Не тот, который мы отслеживаем сейчас, а четыре-два-ноль-пять. Его орбита направлена так, что, в соответствии с Хоманном D, ведет к пересечению с Ромулом. Компьютер это уже показывает.

— Лейтенант Юхэра?

— Верно,— согласилась она с некоторой неохотой.

— Второе: командор Хансен потерял из виду вражеское судно, когда оно было прямо перед ним. Оно не появлялось до самого начала атаки. Потом оно снова исчезло, и с тех пор мы его не видели. Третье: теоретически, для судна размером с «Дерзость» на достижение невидимости требуется почти вся корабельная энергия: следовательно, если потребуется энергия для фазеров или другого энергоемкого оружия, кораблю придется стать видимым.

— И четвертое — вздор,— сказал Стайлс.

— Не совсем, мистер Стайлс,— медленно проговорил Кирк.— Это могло бы также объяснить, почему только одно ромулианское судно могло отважиться пройти через нейтральную зону перед самым носом у «Дерзости». Ромулиане, должно быть, думают, что они теперь могут закидать нас шапками, вот они и выслали один корабль, чтобы убедиться в этом.

— Очень длинная цепочка предположений, сэр,— сказал Стайлс.

— Я сознаю это. Но это лучшее, что мы имеем к настоящему моменту. Мистер Сулу, скорректируйте курс и скорость в точном соответствии с изображением на экране радара лейтенанта Юхэры, и приклейтесь к ромулианскому судну, след в след. Но ни при каких обстоятельствах не пересекайте вслед за ним границы нейтральной зоны без моего приказа. Мисс Юхэра, проверьте все частоты: нет ли несущей волны, фона двигателей, любого вида передач помимо этого дебройлиевского волнового фронта — а особенно, посмотрите, не сможете ли вы подслушать какую-нибудь болтовню между кораблем и его родной планетой. Мистер Спок и мистер Скотт, жду вас обоих в конференц-зале; я хочу просмотреть, что мы знаем о Ромуле. Неплохо бы вам позвать на это совещание и доктора Маккоя. Есть вопросы?

Вопросов не было. Кирк сказал:

— Действуйте.

Собрание в конференц-зале еще продолжалось, когда Спока вызвали в лабораторный отсек. Стоило ему уйти, как атмосфера сразу стала более неформальной: ни Скотт, ни Маккой не любили вулканита, и даже Кирк, несмотря на то, что очень ценил своего первого помощника, чувствовал себя не всегда удобно в его присутствии.

— Не хочешь ли ты, чтобы я тоже ушел, Джим?— кротко

спросил Маккой.— Мне кажется, тогда ты сможешь употребить некоторое время на то, чтобы подумать.

— Я лучше думаю, когда ты здесь, Кощей. И ты, Скотти. Тем более, подумать есть над чем. Нейтральную зону патрулируют люди с половины планет Федерации. Если наш звездолет пересечет ее границу без надлежащей причины, у нас будет о чем беспокоиться, помимо ромулиан. Так вот и начинаются гражданские войны.

— Разве потеря трех спутников — недостаточная причина?— спросил Скотт.

— Безусловно, но что именно расшибло эти спутники? Ромулианский корабль, скажете вы: но можем ли мы доказать это? Нет, скажем мы: этот корабль невидим. Даже Стайлс смеется над этим, а он на нашей стороне. Ромулиане были далеко позади нас в технологии, когда мы последний раз видели их.

Теперь, ни с того не с сего, у них оказался корабль, столь же совершенный, как и наш, ПЛЮС экран невидимости. Я сам с трудом в это верю.

И с другой стороны, джентльмены... С другой стороны, пока мы сидим здесь, обсуждая это, они, может, собираются шибануть нас прямо с ясного неба. Это обычное положение на грани с войной; мы будем прокляты, если сделаем это, и будем прокляты, если не сделаем.

Дверь лифта скользнула вбок. Спок вернулся.

— Сэр...

— Все в порядке, мистер Спок. Говорите.

Спок нес толстую папку-скоросшиватель с кипой бумаг.

— Здесь анализы обломков,— сказал он своим нечеловечески монотонным голосом. Если коротко, то суть в том, что ромулианское оружие, действие которого мы видели на примере S-4023, видимо, является полем, разрушающим молекулярные связи.

— Что это означает?— резко спросил Маккой.

Спок поднял свой сжатый правый кулак над чертежным столом. На стол высыпался тонкий порошок с металлическим блеском.

— Оно утомляет металлы,— сказал он.— Мгновенно. Кристаллы металла теряют связи между собой и осыпаются в пыль — вот так. После этого все, что содержалось в металле, взрывается само по себе, поскольку оно больше не содержится ничем. Я полагаю, это понятно, доктор Маккой. Если нет, я попытаюсь объяснить это.

— Черт вас возьми, Спок...

— Замолчи, Кощей,— сказал Кирк устало.— Садитесь, мистер Спок. Мы не в том положении, чтобы воевать друг с другом. Очевидно, мы даже в худшем положении, чем думали. Если доверять фактам, которыми мы располагаем, то ромулиане имеют, во-первых, пригодный к использованию экран невидимости, и, во-вторых, оружие, по самому скромному счету сравнимое с нашим.

— Во много раз превосходящее,— бесстрастно сказал Спок.— По крайней мере, в некоторых ситуациях.

— ОБЕ эти технические новинки,— сказал Маккой,— очень возможно, изобретения мистера Спока. По крайней мере, в обоих случаях нас повергает в панику его интерпретация фактов.

— В данный момент нет других доступных интерпретаций,— сказал Кирк и поджал губы.— Есть какие-либо доводы против этого? Хорошо. Тогда давайте посмотрим, что мы можем с ними сделать с нашей стороны. Скотти, что МЫ можем противопоставить им, если допустить, что ромулианские технические новинки реальны? Мы не можем поразить невидимый объект, и мы можем увернуться от невидимого охотника. Что же нам тогда остается?

— Полное вооружение, быстрота и маневренность,— ответил инженер.— Кроме того, они не совершенно невидимы; лейтенант Юхэра способна засекать их дебройлиевские волны, когда они движутся. Это значит, что они сейчас должны работать при почти полной мощности, просто убегая прочь и оставаясь невидимыми. Мы имеем преимущество в скорости, и я полагаю, они не знают, что наши сенсоры засекают их.

— Это значит, что мы можем перегнать их и знать — приблизительно — что они делают. Но мы не можем выстрелить первыми или увидеть их.

— Так это выглядит в данный момент,— сказал Скотт.— Я бы сказал, Джим, это справедливый баланс сил. Лучше, чем тот, на который могут рассчитывать большинство командиров в боевой ситуации.

— Это еще не боевая ситуация,— сказал Кирк.— И даже не перестрелка. Это тонкая грань межзвездной войны. Мы не смеем ошибаться.

— Мы не можем быть более правыми, чем мы есть, перед лицом тех фактов, что под рукой, сэр,— сказал Спок.

Губы Маккоя изогнулись:

— Вы так чертовски уверены...

Зуммер интеркома остановил его. В воздухе раздался голос лейтенанта Юхэры:

— Капитан Кирк.

— Продолжайте, лейтенант,— сказал Кирк.

— Я перехватила передачу с преследуемого судна. Еще не могу видеть ее, но я принимаю голоса.

Даже Маккой набился с ними на мостик. Там сверху, из главного громкоговорителя на посту связи, исходило странное бормотание, постепенно пропадая и так же постепенно возвращаясь и часто пересыпаемое статикой, но совершенно неразборчивое даже при наилучшей слышимости. Голоса звучали грубо и лишь едва по-человечески, но это могла быть не более чем иллюзия чужеродности, произведенная неизвестным языком.

Женщина банту не обращала внимания ни на что, кроме своих приборов. Обе ее большие руки нежно касались рукояток круговых циферблатов, следуя за голосами туда-сюда, пытаясь удержать их в фокусе слышимости.

— Это, должно быть, исходит из их внутренней переговорной системы,— сказала она в микрофон ленточного устройства.— Слабый сигнал с высоким импедансом, импульс — модулированный.

Трудно сказать, через какое поле мог бы просачиваться такой сигнал, какой у него спектр фильтрации — о, черт — нет, вот он снова. Скотти, это ты дышишь мне в шею?

— Конечно, дорогая. Нужна помощь?

— Поручу компьютеру отрабатывать эти колебания вместо меня. Мои запястья начинают уставать. Если мы сможем развязаться с этим, я попробую получить картинку.

Пальцы Скотта залетали над консолью компьютера. Через очень короткое время громкость бормотания стабилизировалась, и лейтенант Юхэра со вздохом откинулась в кресле, потряхивая пальцами в воздухе. Выглядела она далеко не расслабленной.

— Лейтенант,— сказал Кирк.— Думаете ли вы, что действительно сможете извлечь картинку из этой передачи?

— А почему нет,— ответила офицер связи, снова наклоняясь вперед.— Течь такого размера должна быть достаточно велика, чтобы проткнуть насквозь скалу, было бы немного удачи. Они заблокировали видимый свет, но оставили много других окон открытыми. Как бы там ни было, попытаемся...

Но какое-то время ничего не происходило. Стайлс тихо вошел и принял компьютер у Скотта, подчеркнуто аккуратно обходя Спока.

— Странное дело,— забормотал Маккой.— Эти злыдни были на целый век позади нас, вплоть до того, как мы отбросили их назад в их псарню. Но этот корабль почти так же хорош, как наш.

— Помолчите минуточку, пожалуйста, доктор Маккой,— сказала лейтенант Юхэра.— Я начинаю что-то принимать.

— Сулу,— спросил Кирк.— Есть какие-то изменения в их курсе?

— Никаких, сэр. Все так же направляются домой.

— Эврика!— возликовала лейтенант Юхэра.— Вот оно!

Главный экран загорелся. Очевидно, пришел к выводу Кирк, картинка была принята от своего рода видеомониторной камеры в ромулианской рубке. Это само по себе было странно; хотя «Дерзость» имела мониторные камеры почти везде, не было ни одной на мостике — кто, в конце концов, был бы властен наблюдать за капитаном?

В поле зрения в обозреваемой комнате были три ромулианина, сидящих за измерительными приборами; свет с накрытых козырьками окуляров играл на их лицах. Они выглядели как люди, или почти так: худые мужчины с лицами миндального цвета, одетые в военные мундиры с эмблемами. На переднем плане человек — видимо, командир — работал в похожей на кабину шахте. По сравнению с мостиком «Дерзости» эта рубка выглядела стесненной.

Все это, однако, было мгновенно отмечено и забыто. Внимание Кирка сразу же сфокусировалось на командире. Его униформа была белой и менее украшенной, чем у его офицеров. И своим телосложением, своей осанкой, своим цветом кожи, даже расположением и формой своих ушей он был точной копией Спока.

Не отрывая глаз от экрана, Кирк смог почувствовать, как головы поворачиваются в направлении полувулканита. Последовала долгая тишина. Потом Стайлс сказал, вероятно, самому себе:

— Итак, теперь мы знаем. Они взяли конструкцию нашего корабля от шпионов. Они — это почти мы... или некоторые из нас.

Кирк не подал виду, что заметил реплику. Возможно, она предназначалась только для его ушей, или для ничьих; вплоть до дальнейших замечаний он был готов в порядке рабочей гипотезы думать так. Он сказал:

— Лейтенант Юхэра, я хочу, чтобы лингвистики и криптографы начали работу над языком. Если мы сможем разгадать его.

От Стайлса снова послышалось ворчание, невразумительное, но значительно громче, чем до этого.

— Я не совсем расслышал, мистер Стайлс.

— Просто говорю сам с собой, сэр.

— Сделайте это громче. Я хочу услышать, что вы сказали.

— Это не было...

— Повторите,— сказал Кирк, выпуская каждый звук, как пулю. Теперь все, кроме Спока, смотрели на Кирка и Стайлса, как если бы сцена на экране вообще не представляла более интереса.

— Хорошо,— сказал Стайлс.— Я просто думал, что мистер Спок сможет, возможно, перевести для нас намного быстрее, чем аналитики и компьютер. В конце концов, они люди его рода. Вам нужно только посмотреть на них, чтобы убедиться в этом.

— Это обвинение?

Стайлс сделал глубокий вдох.

— Нет, сэр,— сказал он ровно.— Это наблюдение. Я не собирался его обнародовать, и, если оно окажется ошибочным, я возьму обратно свои слова.

— Ваше извинение не удовлетворило меня ни на мгновение. Однако, поскольку теперь предмет назван во всеуслышание, мы исследуем его. Мистер Спок, вы понимаете язык, на котором говорят эти люди? Как бы ни было мне антипатично обвинение мистера Стайлса, между этими людьми и вами имеется этническое сходство. Это имеет значение?

— Я не сомневаюсь, что да,— сразу сказал Спок.— Большинство народов в этой части космоса, видимо, вышли из одного рода. Наблюдение не ново. Однако Вулкан в исторические времена имел с ромулианами не больше контактов, чем Земля; и я, конечно, не понимаю их язык. Есть предположения об общих корнях с моим родным языком — так же как английский имеет некоторые греческие корни. Это не поможет вам сразу понять греческий, хотя и может помочь вам что-то понять в языке при наличии времени. Я изъявляю готовность попытаться сделать это, но я не питаю большой надежды, что это будет нам полезно вовремя, чтобы помочь нам выйти из теперешнего затруднительного положения.

В последовавшей короткой тишине Кирк осознал, что ворчание, исходившее с экрана, остановилось. Лишь секундой позже изображение ромулианского мостика тоже растворилось.

— Они перекрыли течь,— доложила Юхэра.— Трудно сказать узнали ли они, что мы записывали это.

— Продолжайте следить и дайте мне знать в то же мгновение, как вы поймаете их снова. Сделайте копию вашей ленты для мистера Спока. Доктор Маккой и мистер Скотт, пожалуйста, пойдемте со мной в мою каюту. Все остальные, не забывайте, что мы по-прежнему находимся в состоянии тревоги.

Кирк встал и, казалось, собирался повернуться к лифту. Затем, после тщательно рассчитанной паузы, он обернулся к Стайлсу.

— Что касается вас, мистер Стайлс: ваше предположение может быть действительно полезно. В данный момент, однако, я думаю, оно стоит в опасной близости от фанатизма, который есть мнение, каковое лучше держать при себе. Если у вас появится другое такое мнение, убедитесь, что я услышал его ДО ТОГО, как вы обнародуете его вслух на мостике. Я выразился ясно?

Белый, как молоко, Стайлс сказал слабым голосом:

— Да, сэр.

В своем кабинете Кирк уселся, задрав ноги, и кисло посмотрел на доктора и инженера.

— Как будто у нас было недостаточно забот,— сказал он.— Спок — смешной чудак; время от времени у каждого от него взъерошивается шерсть на затылке и в спокойные дни; но это... совпадение... в лучшем случае чертовски не ко времени.

— Если это совпадение,— сказал Маккой.

— Я думаю, это так и есть, Кощей. Я доверяю Споку; он хороший офицер. Его манеры плохи по земным стандартам, но я могу сказать то же самое и о манерах Стайлса, которые он только что продемонстрировал. Давайте на время отложим этот вопрос. Я хочу знать, что делать. Ромулианин, по-видимому, удирает. Он достигнет нейтральной зоны в несколько часов. Надо ли нам продолжать преследовать его?

— На твоей совести окажется война,— сказал Маккой.

— Именно так. С другой стороны, мы уже потеряли три сторожевых спутника. Это шестьдесят жизней — не считая всякого дорогостоящего железа... Я ходил в школу с Хансеном, ты знал? Ладно, забудем это. Скотти, как ты думаешь?

— Я не хочу отбрасывать со счетов шестьдесят жизней,— сказал Скотт.— Но у нас на борту «Дерзости» около четырехсот, и их я также не хочу отбрасывать со счетов. У нас нет защиты против этого ромулианского оружия, что бы это ни было — и фазеры не могут поражать цель, которую не видят. Может быть, лучше позволить им убежать назад, внутрь нейтральной зоны, обратиться с жалобой к Федерации и ждать флота, чтобы сдать ему дела. Это также даст нам больше времени для анализа их технических новинок.

— И языка, и видеозаписей,— добавил Маккой.— Неоценимый, уникальный материал — который весь будет потерян, если мы навяжем бой и проиграем его.

— Благоразумно и логично,— допустил Кирк.— Я не согласен ни со словом из этого, но это, конечно, будет выглядеть красиво в бортжурнале. Что-нибудь еще?

— Что тебе еще нужно?— задал вопрос Маккой.— Есть ли в том смысл, нет ли. Я уверен, ты не собираешься внезапно становиться кровожадным из-за того, что я сказал, Джим.

— Ты это знаешь лучше, чем я. Я сказал вам, что я ходил в школу с Хансеном; и я имею на борту детей, которые собирались пожениться, когда выпалила тревога. Я ХОЧУ ВОСПРЕПЯТСТВОВАТЬ ЭТОЙ ВОЙНЕ. Единственный вопрос — как?

Некоторое время он молчал, уныло уставившись на носки своих башмаков. Потом добавил:

— Этот ромулианский набег есть, ясное дело, проба силы. Они имеют оружие двух видов. Они вышли из нейтральной зоны и бросили им вызов звездолету — с достаточным кровопролитием и разрушениями, чтобы быть уверенными, что мы не можем игнорировать вызов. Это еще и испытание нашей решительности. Они хотят знать, стали ли мы мягче с тех пор, как отбили их последний раз. Собираемся ли мы позволять уничтожать наших друзей и имущество только потому, что козыри, кажется, не на нашей стороне? Как долго позволят нам ромулиане наслаждаться миром, если мы теперь действуем наверняка — особенно если мы позволим им нырнуть обратно в нейтральную зону, из которой они сами вырвались? Я бы не очень надеялся, что в таком решении кроется большое будущее для нас, для Земли, для Федерации — ИЛИ ДАЖЕ ДЛЯ РОМУЛИАН. Сейчас время преподать ответный урок.

— Ты, может быть, прав,— сказал Скотт.— Я никогда не думал, что я скажу так, но я счастлив, что это решение висит не на мне.

— Кощей?

— Пусть это так и будет. У меня есть, однако, еще одно предложение. Это может поднять боевой дух, если ты поженишь тех двух юнцов с фазерной палубы.

— Ты думаешь, сейчас на самом деле подходящее время для этого?

— Я не уверен, что когда-то будет подходящее время. Но если ты заботишься о своей команде — а я чертовски хорошо знаю, что заботишься — это сейчас самый верный способ проявить твою заботу. Мгновение любви накануне битвы. Надеюсь, я не приведу тебя в замешательство.

— Уже привел, доктор,— сказал Кирк, улыбаясь,— но ты прав. Я так и сделаю. Но это должно произойти быстро.

— Ничто не длится слишком долго,— философски заметил Маккой.

На мостике, казалось, ничего не изменилось. Кирку понадобилось некоторое время, чтобы осознать, что совещание в его кабинете едва заняло десять минут. Ромулианское судно, снова засекаемое только по деброглиевским волнам его движения, по-видимому, все так же убегало к нейтральной зоне, но не на большой скорости.

— Возможно, что их сенсоры тоже не могут засечь нас сквозь этот экран,— сказал Спок.

— Может быть, так, а может быть, они пытаются затащить нас

в какую-то ловушку,— сказал Кирк.— В любом случае, мы не можем встретиться с ними в лобовой атаке. Нам нужно преимущество... отвлекающий маневр. Найдите мне такой, мистер Спок.

— Предпочтительно несмертельный,— добавил Стайлс. Сулу полуобернулся к нему от панели пилота.

— Вы так пристрастны,— сказал Сулу,— как будто вы уже совершили все ошибки, которые вам положено совершить.

— Один из нас совершил,— натянуто сказал Стайлс.

— Довольно об этом,— сказал Кирк.— Следуйте за их судном неуклонно, мистер Сулу. Следующий пункт в повестке дня — свадьба.

— В соответствии с космическим законом,— сказал Кирк,— мы собрались вместе для того, чтобы соединить эту женщину, Анджелу Мартин, и этого мужчину, Роберта Томлинсона, узами брака...

На этот раз прерываний не было. Кирк закрыл свою книгу и взглянул вверх.

— Итак, властью, данной мне как капитану корабля Соединенного Космоса «Дерзость», я объявляю вас мужем и женой.

Он кивнул Томлинсону, который только теперь опомнился и поцеловал новобрачную. Поднялся обычный гул голосов; на его громкость не очень повлияла немногочисленность зрителей. Йомен Ранд подскочила поцеловать щеку Анджелы, Маккой потряс руку Томлинсона и уже приготовился получить свой поцелуй от новобрачной, но Кирк вклинился.

— Привилегия капитана, Кощей.

Но он так никогда и не сделал этого; его прервал стенной громкоговоритель. Это был голос Спока.

— Капитан — я думаю, у меня есть отвлекающий маневр, который вам нужен.

— В иные дни,— горестно сказал Кирк,— ничто на этом корабле, кажется, никогда не закончится. Я буду у вас сейчас же, мистер Спок.

Споковский отвлекающий маневр обернулся холодной кометой, которую они засекли ранее — теперь более не «холодной», так как, подходя ближе к центральному светилу Ромула-Рема, она начала демонстрировать свое оперение. Спок нашел ее внесенной в списки эфемерид, и расчет ее траектории на компьютере показал, что она окажется между «Дерзостью» и ромулианским судном через четыреста сорок секунд — не точно между, но достаточно близко, чтобы, возможно, быть полезной.

— Мы используем это,— сразу объявил Кирк.— Мистер Сулу, мы должны будем сближаться на полном ускорении во время ее нахождения между нами. Скотти, передайте фазерному отсеку, что нам нужен вилкообразный залп; мы будем выбирать момент для атаки только по сенсорам, да и эта ледяная башка прямо у нас на пути наверняка вызовет некоторый разброс.

— Тем не менее, с этой дистанции мы должны нанести по крайней мере один удар,— сказал Скотт.

— Одна минута до сближения,— отметил Спок.

— А если предположить, что выстрел не проникнет через их экран?— сказал Стайлс.

— Определенная возможность,— согласился Кирк.— С которой мы не можем сделать ровным счетом ничего.

— Тридцать секунд... двадцать... пятнадцать... десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна, зеро.

Огни потускнели, когда корабль ринулся вперед, и в то же мгновение фазерные спирали потребовали полной мощности.

— Хорошо, мистер Томлинсон... Бей их!

«Дерзость» взревела, как нападающая львица. Мгновением позже огни снова загорелись в полную яркость, и шум оборвался. Фазеры отключились.

— Перегрузка,— сказал Спок без выражения.— Главные спирали выгорели.

Он уже работал, поворачивая панель, чтобы проверить контуры. После доли секунды колебаний Стайлс ринулся помочь ему.

— Капитан!— сказал Сулу.— Их корабль — он проявляется. Я думаю, мы нанесли удар — да, мы это сделали!

— Не так хорошо,— сказал Кирк мрачно, мгновенно заподозрив истинное значение действий ромулианина.— Полный назад! Уклоняемся!

Но враг был все еще быстрее. На экране светящаяся торпеда, похожая на ту, что, как они видели, уничтожила спутник 4023, с бешеной скоростью мчалась к «Дерзости»— и на этот раз не было места иллюзиям: мишенью был звездолет.

— Плохо,— сказал Сулу.— Две минуты до столкновения.

— Йомен Рэнд, буй с джеттисоновской записью в течение девяноста секунд.

— Смотрите,— сказал Сулу.— Этот залп меняет форму...

Похоже, так оно и было: принимающий угрожающие размеры цилиндр, казалось, колебался, уплощался. По краям его шелушились языки голубой энергии; их сверкание тускнело. Имело ли оно радиус действия...

Цилиндр исчез с экрана. «Дерзость» резко накренилась. Несколько человек упало, включая Спока — к счастью, не в сторону открытой приборной панели, которая хрустнула и зашипела.

— Скотти! Доклад о потерях!

— Пробит один несущий отсек. Есть и другие повреждения, менее значительные. Главные фазерные батареи все также выведены из строя, пока не заменят спирали.

— Я думаю, враг поврежден больше, сэр,— сказала лейтенант Юхэра.— Я засекаю впереди рассеивание осколков. Трубопроводы... литье... плоские тени... и эхо-сигнал, похожий на тело убитого.

Послышался возглас ярости, который Кирк утихомирил быстрым, свирепым жестом.

— Сохранять торможение. Очевидно, они должны убирать свой экран, чтобы пустить в ход оружие — и экран пока еще убран.

— Нет, они снова пропадают, капитан,— сказал Сулу.— По-

следние допплеровские показания свидетельствуют, что они тоже замедляют ход... Сейчас они снова исчезли.

— Есть ли какие-то сигналы от их интеркома, лейтенант Юхэра?

— Ничего, сэр. Даже волны Де Брогли исчезают. Я думаю, комета теперь работает против нас.

Что же, о космос, это значит? Сражение с неизвестным врагом само по себе достаточно плохо, но когда враг может по своей воле становиться невидимым.— И если этот корабль вернется на свою планету со всеми этими данными, может статься, что дальше ничего не будет слышно от ромулиан до тех пор, пока они, роясь, как осы, не вылетят из нейтральной зоны миллионами, готовые убивать.

— Их тактика имеет смысл на коротком расстоянии,— сказал Кирк задумчиво.— Они отвлекли нас атакой на три относительно беспомощных объекта, отступили через центр доски, чтобы выведать нашу силу, затем произвели фланговую атаку и отошли под прикрытие. Ясно, что ромулиане играют в своего рода шахматы. Если бы я был на их месте, я бы перешел через доску снова. Если они сделали это, то они сейчас сидят в нашем ионизационном кильватере, прямо позади нас — а противник ждет их спереди.

— Как быть с обломками крушения, сэр?— сказала Юхэра.

— Выталкивать эвакуационные трубы, как бы в панике — старый трюк, восходящий ко временам войны подлодок. В следующий раз, когда они сделают это, они могут выпустить ядерную боеголовку на нас, чтобы поиграть с ней. Лейтенант Сулу, я хочу произвести поворотный маневр, чтобы главная фазерная батарея оказалась сориентированной прямо назад. Мистер Спок, мы не можем больше ждать замены спиралей; идите на фазер-палубу и направляйте огонь вручную. Мистер Стайлс, идите и помогите ему. Стрелять по моей команде сразу после того, как поворот будет завершен. Все понятно?

Оба кивнули и вышли, Стайлс с некоторой неохотой. Кирк несколько мгновений смотрел, как они уходили — вопреки себе самому, подозрение Стайлса в отношении Спока заразило его, хотя и чуть-чуть, а потом забыл о них.

Потом, в третий раз, ромулианский корабль начал материализовываться, именно там, где предполагал Кирк — и они ничего не могли с ним поделать. На мостике стояла мертвая тишина.

— Так, Спок, ОГОНЬ!

Ничего не произошло. Подозрение, которое вспыхнуло сейчас с новой силой, уже невозможно было подавить. Свирепым жестом Кирк включил экран интеркома, связывавший с фазерной палубой.

Какое-то время он не мог ничего понять в том, что видел. Экран, казалось, выплескивал зеленый пар. Сквозь него Кирк едва видел две фигуры, неуклюже растянувшиеся на полу, поблизости от того места, где должны были быть фазерные панели. Затем в поле зрения вошел Стайлс, одной рукой зажимавший свой нос и рот. Он пытался дотянуться до панелей, но, должно быть, уже сделал полный вдох зеленого газа. На полпути туда он схватился за горло и упал.

— Скотти! Что это за вещество?

— Охлаждающая жидкость,— жестко прозвучал голос Скотта.— Обтюратор, должно быть, дал трещину — смотрите, там Спок...

Спок в самом деле был теперь на экране, он полз к панелям на четвереньках. Кирк запоздало догадался, что фигуры на палубе, должно быть, Томлинсон и один из его команды, и что оба они мертвы с тех пор, как обтюратор дал трещину, возможно, еще когда ромулианин в первый раз попал в «Дерзость».

Затем Спок как-то дотянулся до рычагов управления, с невероятным усилием встал на колени и протянул пальцы над приборами. Дважды он ударил ладонью по кнопке огня, а потом упал.

Светильники мигнули. Ромулианин взорвался.

На борту «Дерзости» было трое погибших: Томлинсон, его подчиненный и Стайлс. Анджела спаслась; ее не было на палубе, когда охладитель, кипя, вылился наружу. Спаслась... Женой она пробыла полдня. Осознав это, Кирк ощутил себя бесчувственным бревном.

Вторая Ромулианская война была закончена. И забудем про убитых; официально, она никогда и не начиналась.

ФЕНОМЕН ЧАРЛИ

Хотя как капитан звездолета «Дерзость» Джеймс Кирк обладал абсолютной властью над четырьмя сотнями офицеров и остальным экипажем, не говоря уж о небольшом постоянно меняющемся составе обитателей-пассажиров, и за двадцать лет в космосе навидался всякого, он не сомневался: никто никогда не причинял ему столько хлопот, сколько один семнадцатилетний парень.

Чарльз Эванс был подобран с планеты, называвшейся Фэзас, после четырнадцати лет робинзонады, единственный оставшийся в живых после крушения исследовательского судна своих родителей. Его спас космографический корабль «Антарес».

Офицеры «Антареса», которые доставили его на борт «Дерзости», высоко отзывались об умственных способностях Чарли, его страсти к учебе, интуитивной хватке ко всему, относящемуся к технике — «он мог бы сам управлять «Антаресом», если бы ему позволили»— и мягкости характера; но Кирка поразило, что они прямотаки подталкивали друг друга локтями, чтобы похвалить Чарли, и что они необычайно спешили вернуться на свой тесный корабль.

Странности Чарли были очевидны с самого начала. Кирк поручил Йомен Рэнд проводить его в отведенную ему каюту. Тут Чарли ошеломил ее и всех присутствовавших, бесхитростно спросив Кирка:

— Это девушка?

Леонард Маккой, судовой врач, обследовал его с головы до пят и нашел, что он в превосходном физическом состоянии: никаких следов недоедания, заброшенности, кораблекрушения; поистине замечательно для мальчика, вынужденного заботиться о себе в чужом мире, начиная с трехлетнего возраста. С другой стороны, было ло-

гично предположить, что спустя четырнадцать лет Чарли мог быть либо в хорошей форме, либо мертвым.

Нет, никто не пережил крушения. Он выучил английский, разговаривая с банками памяти корабля; они продолжали работать. Нет, фэзиане не помогли ему, фэзиан не было вовсе. Сначала он питался корабельными запасами, потом нашел съедобные штуки, росшие вокруг. Затем Чарли попросил посмотреть корабельный устав. На «Антаресе», пояснил он, не все вещи он говорил и делал правильно. Из-за этого люди сердились и он сердился тоже.

— Я думаю так же,— сказал ему Маккой.— Но ты не должен слишком спешить в таких делах. Просто держи глаза открытыми, а когда сомневаешься, улыбайся и не говори ничего.

Чарли вернул Маккою улыбку, и Маккой отпустил его шлепком по заду, к видимому изумлению Чарли.

Маккой вновь вернулся к обсуждению темы на мостике, вместе с Кирком и его первым помощником, мистером Споком. Йомен Рэнд была здесь, работая над расписанием дежурств, и сразу же выразила готовность уйти. Кирк попросил ее остаться. Кроме того, Кирку она нравилась, хотя он наивно воображал, что это для нее тайна.

— Земная история полна случаев, когда маленький ребенок принужден был выжить в дикой местности,— продолжил Маккой.

— Я читал некоторые ваши легенды,— сказал Спок.— В них, кажется, требуется волк, чтобы присматривать за младенцами.

— Что за причина парню лгать, если там БЫЛИ фэзиане?

— Однако есть некоторые свидетельства, что они были, по крайней мере, тысячелетия назад,— сказал Спок.— Первые же поиски обнаружили некие очень сложные предметы искусственного происхождения. И условия на Фэзасе не изменялись по крайней мере в течение трех миллионов лет. Там вполне может быть немало уцелевших.

— Чарли говорит, что нет,— возразил Кирк.

— Сам факт его выживания говорит в пользу того, что они есть. Я проверил библиотеку компьютерных записей по Фэзасу. Их немного, но об одном они говорят: «Съедобной растительности нет».

— Я думаю, вы ему верите меньше, чем он заслуживает,— сказал Маккой.

— Давайте на время примем это допущение,— подытожил Кирк.— Мистер Спок, подготовьте в кратком изложении программу для юного Чарли. Дайте ему предметы, которыми бы он занимался — и места, где бы он был. Если мы продержим его занятым до прибытия на Колонию 5, опытные преподаватели займутся им, и со временем он нас покинет. Йомен Рэнд, что вы думаете о ребенке?

— Н-н-н-у-у,— начала она,— может быть, я пристрастна. Я не хотела упоминать об этом, но... он последовал за мной по коридору вчера и вручил мне флакон духов. Моих любимых к тому же; я не знаю, как он узнал это. Их нет среди корабельных запасов, я в этом уверена.

— Хмм,— проронил Маккой.

— Я только собиралась спросить его, где он их взял, когда он шлепнул меня по заду. После этого я была занята тем, как бы оказаться где-нибудь подальше.

Последовал маленький взрыв сдавленного смеха.

— Что-нибудь еще?— спросил Кирк.

— Ничего существенного. Знаете ли вы, что он умеет показывать карточные фокусы?

— Интересно, где бы он мог этому научиться?— задал вопрос Спок.

—. Я не знаю, но у него очень хорошо получается. Когда он вошел, я баловалась с картами в гостиной. Лейтенант Юхэра играла «Чарли, мой дорогой» и пела, и сначала он, видимо, подумал, что она подсмеивается над ним. Когда он понял, что она не имеет в виду его лично, он подошел посмотреть, что я делаю, и, очевидно, был удивлен тем, что я не могу выйти из трудного игрового положения. Так он нашел выход для меня — даже не касаясь карт, я готова поклясться. Когда я выказала удивление, он смешал карты и показал несколько фокусов с ними. Я никогда не видела лучшей ловкости рук.

— Боюсь, он научился ТОМУ фокусу от меня,— сказал Маккой.

— Нет сомнений, научился,— подтвердил Кирк.— Однако, я думаю, будет лучше, если я поговорю с ним.

— Тебя охватывает отцовство, Джим,-- проговорил Маккой.

— Да иди ты, Кощей. Я просто не хочу, чтобы он отбился от рук.

Чарли вскочил на ноги, едва Кирк вошел в его каюту: все его пальцы, локти и колени были как бы согнуты не в ту сторону. Кирк едва мог кивнуть, когда он выпалил:

— Я ничего не делал!

— Расслабься, Чарли. Я только хотел узнать, как идут твои дела.

— Прекрасно. Я... Я хотел спросить вас, почему я не должен... не знаю, как это объяснить.

— Попытайся сказать об этом прямо, Чарли,— сказал Кирк.— Это обычно срабатывает.

— Ну, в коридоре... я говорил с... когда Дженис... когда Йомен Рэнд была...— Внезапно, отворачивая лицо, он сделал быстрый шаг вперед и шлепнул Кирка по видавшей виды капитанской заднице.— Я сделал это, и ей не понравилось. Она сказала, что вы мне объясните, в чем дело.

— Ну,— произнес Кирк, отчаянно пытаясь не улыбаться,— так принято, что есть вещи, которые можно делать с леди, и те, что нельзя. Дело в том, что леди, по правилам, бить нельзя. Мужчина по отношению к мужчине — одно, мужчина по отношению к женщине — нечто другое. Ты понимаешь?

— Я не знаю. Думаю, да.

— Если не понимаешь, поверь мне пока в этом на слово. Тем временем у меня появится план, разработанный для тебя, Чарли. План того, что делать, чтобы помочь тебе изучить все то, чего ты был лишен, томясь на Фэзасе.

— Очень любезно с вашей стороны делать это для меня,— ска-

зал Чарли. Он выглядел искренне благодарным.— Я вам нравлюсь?

Этот прямой вопрос притупил бдительность Кирка.

— Я не знаю,— ответил он столь же прямо.— Чтобы люди понравились, нужно время. Ты должен посмотреть, что они делают, попытаться понять их. Это все происходит не сразу.

— Ох,— сказал Чарли.

— Капитан Кирк,— прервал разговор голос лейтенанта Юхэры по интеркому.

— Извините, Чарли. Кирк здесь.

— Капитан Рэмэрт с «Антареса» на связи по каналу «D». Хочет говорить непосредственно с вами.

— Хорошо. Иду на мостик.

— Могу я тоже пойти?— спросил Чарли.

— Боюсь, что нет. Это серьезные корабельные дела.

— Я никому не помешаю,— сказал Чарли.— Я буду стоять в сторонке.

Тяга парня к человеческому обществу была трогательна, неважно, как неуклюже он этого добивался. Не прошли даром много лет одиночества.

— Ну, хорошо,— произнес Кирк.— Но все — только с моего разрешения. Согласен?

— Согласен,— подтвердил Чарли нетерпеливо.

На мостике лейтенант Юхэра с внимательным, как у каменного идола, лицом, опрашивала, говоря в микрофон:

— Вы можете увеличить мощность, «Антарес»? Мы с трудом принимаем вашу передачу.

— Мы на полной выходной мощности, «Дерзость»,— прозвучал голос Рэмэрта, далекий и искаженный.— Я должен немедленно говорить с капитаном Кирком.

Кирк шагнул к посту связи и взял микрофон.

— Кирк здесь, капитан Рэмэрт.

— Капитан, слава господи. Мы прямо-таки на пределе. Я должен предостеречь...

Его голос оборвался. Теперь из динамика не слышно было ничего, кроме звездного фона — даже несущей волны.

— Посмотрите, можно ли их вернуть,— сказал Кирк.

— Нечего возвращать, капитан,— отозвалась лейтенант Юхэра, сбитая с толку.— Они не передают больше.

— Держите канал открытым.

Сзади Чарли тихо выговорил:

— Это был старый корабль. Он был не очень хорошо сделан.

Кирк посмотрел на него пристально, а затем повернулся к посту Спока.

— Мистер Спок, прозондируйте область передачи.

— Я сделаю это,— быстро откликнулся Спок.— Но она затуманена. Необычно даже для такого расстояния.

Кирк снова повернулся к парню.

— Что случилось, Чарли? Ты знаешь?

Чарли в свою очередь пристально посмотрел на него, и в глазах его было нечто похожее на неуклюжий вызов.

— Я не знаю,— сказал он.

— Затуманенная область расширяется,— доложил Спок.— Я сейчас улавливаю некие отдельные сигналы по краям. Несомненно, обломки.

— Но «Антареса» нет?

— Капитан, это и ЕСТЬ «Антарес»,— тихо сказал Спок.— Никакое другое объяснение невозможно. Ясно, что он взорвался.

Кирк продолжал смотреть в глаза Чарли. Парень глядел в ответ.

— Я сожалею, что он взорвался,— сказал Чарли. Ему, по-видимому, было неловко, но не более того.— Но я не буду по ним скучать. Они были не очень хорошие. Они не любили меня. Я могу рассказать.

Последовала долгая, ужасающе напряженная тишина. Наконец Кирк старательно разжал кулаки.

— Чарли,— сказал он,— одна из первых вещей, от которых ты должен отделаться — это чертово хладнокровие. Или самообладание, или как там еще. Такой самоконтроль делает тебя менее чем наполовину человеком.

И вдруг он остановился. К его замешательству и изумлению, Чарли плакал.

— Что, что?— переспросил Кирк, глядя снизу вверх из своего командирского кресла на Йомен Рэнд. Ей было до предела неудобно.

— Он приставал ко мне,— повторила она.— Не в буквальном смысле, нет. Но он произнес мне, запинаясь, длинную речь. Он хочет меня.

— Йомен, он семнадцатилетний мальчик.

— Именно,— согласилась девушка.

— Все это ваше беспокойство из-за щлепка?

— Нет, сэр,— возразила она.— Из-за его речи. Капитан, я видела такой взгляд раньше. Я не семнадцатилетняя. И если не сделать что-нибудь, рано или поздно я вынуждена буду отшить его, может быть, сама ударив его, и даже не в шутку. Это будет ему очень неприятно. Я его первая любовь, и его первое увлечение, и первая женщина, которую он увидел, и...— у нее перехватило дыхание.— Капитан, этого довольно и порознь для кого угодно, чтобы едва оправиться. Все вместе это убийственно. И он не понимает обычных вещей, чтобы отделаться уловками. Если я оттолкну его непонятным для него образом, могут быть неприятности. Вы понимаете меня?

— Думаю, да, Йомен,— произнес Кирк. Он все еще не мог полностью принять всерьез ситуацию.— Хотя я никогда не думал, что мне придется объяснять про птичек и пчелок кому-то моложе меня. Но сейчас же пошлю за ним.

— Спасибо, сэр.

Она вышла.

Кирк вызвал Чарли. Он появился почти тотчас же, как будто ждал чего-то в этом роде.

— Входи, Чарли, садись.

Парень подошел к креслу напротив стола Кирка и опустился в него. Как и раньше, он ударил Кирка в открытую.

— Дженис,— выдал он.— Йомен Рэнд. Вы хотели поговорить с ней, не так ли?

Черт бы побрал прыткость малыша!

— Более или менее. Хотя это больше касается тебя.

— Я не буду больше ударять ее, как тогда. Я обещал.

— Есть и еще кое-что, кроме этого,— сказал Кирк.— Тебе нужно усвоить некоторые вещи.

— Все, что я делаю или говорю, неправильно,— сказал Чарли в отчаянии.— Я всем стою поперек дороги. Доктор Маккой не хочет показать мне устава. Я не знаю, что я есть или чем я должен быть, или даже КЕМ. И я не знаю, почему у меня все так болит внутри...

— Я знаю, но ты это переживешь,— перебил Кирк.— С тобой не происходит ничего такого, что бы не волновалось внутри каждого человека мужского пола с тех пор, как был выпущен эталон. Не существует способа перескочить, поднырнуть или обогнуть это; ты должен просто прожить через это, Чарли.

— Но это похоже на то, что я выворачиваюсь наизнанку. Я хожу вокруг, согнувшись, все время. Дженис — Йомен Рэнд — она хочет отослать меня к кому-то еще. К Йомен Лоутон. Но она же просто, просто, ну, она даже не пахнет, как девушка. Никто другой на корабле не похож на Дженис. Я не хочу никого другого.

— Это нормально,— проговорил Кирк мягко.— Чарли, есть миллион вещей во вселенной, которыми ты можешь обладать. И есть еще сто миллионов, которыми не можешь. Принять это — не шутка, но ты должен сделать это. Так уж устроено.

— Мне это не нравится,— сказал Чарли.

— Я не порицаю тебя. Но тебе нужно крепко вцепиться и выжить. Мне вспоминается, что следующий пункт в твоей программе — самозащита без оружия. Пойдем со мной в гимнастический зал и поборемся. В прошлом, у жителей викторианской Англии, века назад, была легенда, что интенсивные упражнения помогают отвлечь ум от женщин. Я бы не сказал, чтобы по отношению ко мне это срабатывало, но в любом случае давай попробуем.

Чарли был невероятно неуклюжим, но, возможно, не более, чем любой другой начинающий. Корабельный офицер Сэм Эллис, человек из штата Маккоя, был терпелив с ним.

— Так лучше. Хлопай по мату, когда падаешь, Чарли. Это гасит удар. Показываю еще раз.

Эллис сам упал на мат, шлепнул по нему и, грациозно перекатившись, встал на ноги.

— Вот так.

— Я никогда не научусь,— сказал Чарли.

— Непременно научишься,— возразил Кирк.— Вперед.

Чарли сумел неловко упасть. Он вспомнил про шлепок в самый последний момент, так что глухой звук падения почти слился со шлепком.

— Ну, это уже прогресс,— поощрил Кирк.— Как и во всем другом, тут нужна практика. Еще раз.

В этот раз получилось уже лучше. Кирк сказал:

— Вот так. О'кей, Сэм, покажите ему перекат через плечо.

Эллис ударил по мату, и тотчас *был снова на ногах, чисто и легко.*

— Я не хочу это делать,— продолжал капризничать Чарли.

— Это часть курса,— убеждал Кирк.— Это не трудно. Посмотри,— он сделал перекат сам.— Попробуй.

— Нет. Вы собирались учить меня драться, а не кататься по полу.

— Ты должен научиться падать без вреда для себя, прежде чем мы сможем это сделать. Сэм, может быть, мы лучше покажем. Пару легких бросков.

— Конечно,— согласился Эллис.

Два офицера схватились, и Эллис, который был в гораздо лучшей форме, чем капитан, позволил Кирку бросить себя. Потом, когда Кирк поднялся на ноги, Эллис кинул его, как игральную карту.

— Понял, что я имею в виду?— спросил Кирк.

— Думаю, да,— ответил Чарли.— С виду это не сложно.

Он приблизился и схватился с Кирком, пытаясь использовать *захват, который только что выполнял Эллис.* Он был силен, но не использовал систему рычагов. Кирк провел парирующий захват и бросил его. Это был несильный бросок, но Чарли опять забыл хлопнуть по мату. Он вскочил на ноги, свирепо, безумным взором глядя на Кирка.

— ТАК не пойдет,— усмехнулся Эллис.— Тебе нужно еще много падать, Чарли.

Чарли вихрем повернулся к нему. Низким, напряженным голосом он выговорил:

— Не смейтесь надо мной.

— Остынь, Чарли,— теперь уже открыто посмеивался Эллис.— Главное — не терять самообладания.

— НЕ СМЕЙТЕСЬ НАДО МНОЙ!— повторил Чарли. Эллис развел руками, но его усмешка исчезла не совсем.

Ровно через секунду раздался хлопок, как будто перегорела самая большая в мире электрическая лампа. Эллис пропал.

Кирк глупо таращился на то место, где только что был Эллис. Чарли тоже замер на мгновение. Потом он начал неуверенно двигаться по направлению к двери.

— Ты это брось,— выговорил Кирк. Чарли остановился, но не обернулся к Кирку.

— Он не должен был смеяться надо мной,— объяснил Чарли.— Это некрасиво, смеяться над кем-то. Я пробовал.

— Не очень старательно. Неважно. Что случилось? Что ты сделал с моим офицером?

— Он исчез,— сказал Чарли угрюмо.

— Это не ответ.

— Он исчез,— повторил Чарли.— Это все, что я знаю. Я не хотел этого делать. Он вынудил меня. Он смеялся надо мной.

А если представить, что Дженис придется шлепнуть его? И... уже был взрыв «Антареса»... Кирк быстро шагнул к ближайшему интеркому и включил его. Чарли наконец повернулся посмотреть на него.

— Капитан Кирк в гимнастическом зале,— сказал Кирк.— Двоих людей из охраны сюда, мигом.

— Что вы собираетесь со мной делать?— спросил Чарли.

— Я отсылаю тебя в твою каюту. И я хочу, чтобы ты оставался там.

— Я не позволю им коснуться меня,— произнес Чарли низким голосом.— Я заставлю их тоже исчезнуть.

— Они не причинят тебе вреда.

Чарли не ответил, но взгляд его стал как у посаженного в клетку животного, когда оно готово броситься на своего укротителя.

Дверь открылась, и вошли два охранника с фазерными пистолетами в кобурах. Конвоиры остановились и посмотрели на Кирка.

— Иди с ними, Чарли. Мы поговорим об этом позже, когда оба остынем. Ты обязан мне долгим объяснением.

Кирк показал головой в сторону Чарли. Конвоиры шагнули к нему и взяли его за руки.

То есть попытались. В действительности Кирк был уверен, что они не прикоснулись к нему. Один из них просто отшатнулся, а другого с силой швырнуло о стену, как будто его подхватил внезапный ураган. Он, однако, удержался на ногах и схватился за оружие, висевшее на поясе.

— Нет!— выкрикнул Кирк.

Но приказ сильно запоздал. К тому времени как страж направил руку на парня, не было уже оружия, которое он мог бы держать. Оно пропало, так же, как Сэм Эллис. Чарли в упор смотрел на Кирка суженными и вызывающими глазами.

— Чарли,— сказал Кирк,— тебе показывают на дверь. Иди в свое жилище.

— Нет.

— Иди с охранниками, или я возьму и отведу тебя туда сам.— Он начал медленно продвигаться вперед.— У тебя нет выбора, Чарли. Либо делай так, как я говорю тебе, либо посылай меня туда, куда ты там послал тот фазер и Сэма Эллиса.

— Хорошо,— выговорил Чарли, увядая. Кирк глубоко вздохнул.— Но скажите им, чтобы они держали свои руки при себе.

— Они не причинят тебе вреда. Если ты сделаешь, как я скажу.

Кирк тут же созвал общий совет на мостике, но Чарли действовал быстрее: к тому времени, как присутствовали все офицеры Кирка, нигде на борту не нашлось ни одного фазера. Чарли «заставил их всех исчезнуть». Кирк объяснил, что случилось, коротко и мрачно.

— Судя по такому развитию событий,— высказался Маккой,— ясно, что Чарли не нуждался ни в какой помощи ни от каких фэзиан. Он мог сам по волшебству удовлетворить все свои потребности.

— Не обязательно,— возразил Спок.— Все, что мы знаем — это

то, что он может заставлять предметы исчезнуть — а не заставлять их появляться. Я допускаю, что уже одно это стало бы для него большим подспорьем.

— Какова вероятность,— спросил Кирк,— что он сам фэзианин?

— Такая возможность есть,— ответил Маккой,— но я склоняюсь к тому, чтобы ее отбросить. Вспомните, я обследовал его. Он явно человек, вплоть до последней клетки крови. Конечно, я мог ошибиться, но он был к тому же подключен к блоку физиологических параметров.

— Ну, в любом случае он нечеловечески могуч,— продолжил Спок.— Есть вероятность, что он также ответственен за разрушение «Антареса».

— Замечательно,— подытожил Маккой.— При таких обстоятельствах как мы надеемся удержать его *запертым в клетке*?

— Даже более того, Кощей,— добавил Кирк.— Мы также не можем и взять его на Колонию 5. Можете себе представить, что натворит он в *открытой, нормальной*... в общем, неорганизованной обстановке?

Кирк встал и начал расхаживать взад-вперед.

— Чарли — юноша-подросток — возможно, человек, но абсолютно неопытный в общении с другими человеческими существами. Он вспыльчив, полон юношеских болей. Он хочет быть одним из нас, быть любимым, быть полезным. Но... я помню, что, когда мне было семнадцать, я хотел иметь возможность убирать предметы и людей, которые раздражали меня, чисто и без шума. Подобные фантазии есть у многих парней в его возрасте. Чарли мечтать не нужно. ОН МОЖЕТ ЭТО ДЕЛАТЬ.

— Иными словами, чтобы продолжать существовать, джентльмены, мы должны быть чертовски *уверены, что не раздражаем его*. Иначе — хлоп!— и все...

— Понятие «раздражение» относительно, капитан,— уточнил Спок.— Всё, видимо, будет зависеть от того, в каком будет настроении Чарли в ту или иную минуту. И в силу его биографических данных, точнее, их отсутствия, у нас нет способа догадаться, какой следующий пустяк будет раздражать его, как бы мы ни старались. Он — самое разрушительное оружие галактики, причем на волоске от спуска.

— Нет,— возразил Кирк.— Он не оружие. У него ЕСТЬ оружие. Эту разницу мы можем использовать. По существу, он ребенок, ребенок в теле мужчины, пытающийся быть настоящим мужчиной.

— И он здесь,— заключил Маккой с фальшивой *сердечностью*.

Кирк крутанул свое кресло, чтобы увидеть приближающегося Чарли, который приветливо улыбался, выходя из лифта.

— Привет,— сказало самое разрушительное оружие галактики.

— Я думал, я запер тебя в твоей комнате, Чарли.

— Заперли,— подтвердил Чарли с исчезающей улыбкой.— Но я устал ждать там внизу.

— Ну, хорошо. Ты здесь. Может быть ты ответишь нам на нес-

колько вопросов. Ты в ответе за то, что случилось с «Антаресом»?

— Почему?

— Потому, что я хочу знать. Ответь мне, Чарли.

Все затаили дыхание, пока Чарли обдумывал это. Наконец он сказал:

— Да. Там был деформированный экран на защитной оболочке их генератора Нерста. Я заставил его исчезнуть. Рано или поздно это все равно бы произошло.

— Ты мог сказать им об этом.

— Зачем?— осведомился Чарли рассудительно.— Они не были внимательны ко мне. Они не любили меня. Вы видели их, когда они доставили меня на борт.

— А как насчет нас?— поинтересовался Кирк.

— О, вы мне нужны. Я должен попасть на Колонию 5. Но если вы не будете внимательны ко мне, я придумаю что-нибудь еще.— Парень внезапно повернулся и ушел без видимой причины.

Маккой вытер пот со лба:

— Вот что за выбор вы сделали.

— Мы не можем ходить по лезвию бритвы каждую секунду,— сказал Кирк.— Если каждое действие, каждый вопрос может рассердить его, мы с таким же успехом можем предположить, что ни одно из них не будет его сердить. Иначе мы будем полностью парализованы.

— Капитан,— медленно произнес Спок,— как вы полагаете, сможет ли силовое поле удержать его? Он слишком ловок для того, чтобы его можно было заманить в тюремную камеру, но мы можем наспех соорудить поле у двери его каюты. Все лабораторные контуры проходят по главному коридору на пятой палубе, и мы можем это использовать. Вероятность невелика, но...

— Как много времени займет работа?— спросил Кирк.

— Предположительно, семьдесят два часа.

— Похоже, это будут долгие семьдесят два часа, мистер Спок. Приступайте.— Спок кивнул и вышел.

— Лейтенант Юхэра, вызовите мне Колонию 5. Я хочу говорить непосредственно с губернатором. Лейтенант Сулу, проложите мне курс прочь от Колонии 5 — не такой, чтобы его нельзя было изменить, но достаточный, чтобы дать мне некоторое время. Кощей...

Его прервал густой, жирный звук вспышки и сдавленный крик боли, вырвавшийся у Юхэры. Ее руки, скрюченные от боли, непроизвольно оказались между колен. Маккой подскочил к ней, пытаясь разжать скорченные пальцы.

— Это... все нормально,— сказала она,— я думаю. Просто шок. Но нет причины, чтобы на борту что-то так зарядилось.

— Возможно, есть очень хорошая причина,— заметил Кирк с усмешкой.— Не прикасайтесь к этому до дальнейших приказаний. Кощей, на что это похоже?

— Поверхностные возгорания,— сказал Маккой.— Но кто знает, что это будет в следующий раз?

— Я могу сообщить вам это,— сказал Сулу.— Я не могу ввести новые координаты в этот блок управления. Он работает, но отбрасывает изменения курса. Мы заперты на старом курсе — Колония 5.

— Я спешу,— раздался голос Чарли. Он снова выходил из лифта, но приостановился, когда увидел неприкрытую ярость на лице Кирка.

— Я начинаю уставать от этого,— заявил Кирк.— Что с передатчиком?

— Вам не нужна вся эта подпространственная болтовня,— ответил Чарли; в голосе его присутствовали чуть слышные оборонительные нотки.— Если будет какое-то затруднение, я могу сам об этом позаботиться. Я учусь быстро.

— Мне не нужна твоя помощь,— сказал Кирк,— Чарли, сейчас я ничего не могу сделать, чтобы предотвратить твое вмешательство. Но вот что я тебе скажу: ты совершенно прав, ты мне не нравишься. Ты мне совсем не нравишься. А теперь бей.

— Я пойду,— сказал Чарли совершенно спокойно.— Ничего, что я вам не нравлюсь сейчас. Очень скоро я понравлюсь.

Когда он покинул их, Маккой начал ругаться тихим шепотом.

— Брось, Кощей, это не поможет. Лейтенант Юхэра, только ли внешняя связь оборвана, или интерком тоже вышел из строя?

— Интерком выглядит прилично, капитан.

— Хорошо, дайте мне Йомен Рэнд. ...Дженис, у меня к вам скверная просьба, может быть, самая скверная, с которой к вам когда-нибудь обращались. Я хочу, чтобы вы завлекли Чарли в его каюту... Правильно. Мы будем следить — но имейте ввиду, что, если вы приведете его в буйство, мы немногое сможем сделать, чтобы защитить вас. Вы можете не принять участия, если хотите.

— Если не сработает,— послышался голос Йомен Рэнд,— то это случится не из-за того, что Я не попыталась это сделать.

Они смотрели на экран; рука Спока лежала на клавише, включавшей силовое поле. Сначала Дженис была одна в каюте Чарли, и ожидание казалось очень долгим. Наконец, однако, дверь скользнула вбок, и Чарли появился в поле зрения скрытой камеры; лицо его выражало смесь надежды и подозрения.

— Мило с вашей стороны, что вы пришли сюда,— сказал он.— Но я не доверяю людям больше. Они все так запутанны и полны ненависти.

— Нет, они не такие,— запротестовала Дженис.— Ты просто недостаточно принимаешь в расчет, как ОНИ чувствуют. Ты должен дать им время.

— Значит... я вам нравлюсь?

— Да, ты мне нравишься. В любом случае, достаточно, чтобы попытаться привести тебя в порядок. Иначе меня бы не просили сюда прийти.

— Это было мило,— сказал Чарли.— Я тоже могу быть милым. Посмотрите. У меня есть кое-что для вас.

Из-за спины, до этого уже попавший в объектив, он извлек ро-

зовый бутон, который держал все это время, и протянул его Дженис. На борту корабля не было роз, как и луков; судя по всему, он действительно мог заставлять предметы появляться так же, как исчезать. Предзнаменования не сулили ничего хорошего.

— Розовый — ЭТО И ЕСТЬ ваш любимый цвет, не так ли?— говорил тем временем Чарли.— В книгах сказано, что все девушки любят розовое. Голубое для парней.

— Это была... хорошая мысль, Чарли. Но сейчас в самом деле не время для ухаживаний. Я действительно хочу поговорить с тобой.

— Но вы просили прийти ко мне в каюту. Все книги говорят, что это означает нечто важное.— Он протянул руку, пытаясь коснуться ее лица. Она инстинктивно отшатнулась, попыталась, обогнув его, оказаться у двери, которая теперь управлялась дистанционно. Переключатель этого управления был под рукой Спока; но она не видела, куда пятится, и, споткнувшись, повалилась в кресло.

— Нет. Я только сказала, что я хочу поговорить, и это то, что я имела ввиду.

— Но я только хотел быть любезным с вами.

Она как-то высвободилась из кресла и снова заскользила в сторону.

— Это есть выбор согласно Закону Чарли,— сказала она.

— Что вы имеете ввиду? Что это?

— Закон Чарли гласит, что всякому лучше быть милым с Чарли, иначе...

— Это неправда!— сказал Чарли сварливо.

— В самом деле? Где же тогда Сэм Эллис?

— Я не знаю, где он. Он просто исчез. Дженис, я только СТРЕМЛЮСЬ быть милым. Они не позволяли мне. Никто из вас. Я могу дать вам все, что вы хотите. Только скажите мне.

— Хорошо,— согласилась Дженис.— Тогда, я думаю, тебе лучше позволить мне уйти. Вот чего я хочу теперь.

— Но вы сказали...— Парень сглотнул и попытался снова.— Дженис, я люблю вас.

— Нет, не любишь. Ты не знаешь, что значит это слово.

— Тогда покажите мне,— попросил он, потянувшись к ней.

Ее спина была теперь у двери, и Спок ударил по выключателю. Глаза парня расширились, когда дверь отошла и Дженис оказалась за ней. Он ринулся вслед за Дженис, как в кавалерийскую атаку, и тут была нажата другая клавиша.

Силовое поле ярко вспыхнуло, и Чарли был отброшен обратно в комнату. Он стоял там некоторое время, как жеребец в конюшне, с расширенными ноздрями, тяжело дыша. Потом он сказал:

— Ладно. Ну, ладно.

Он медленно пошел вперед. Кирк повернул камеру вслед за ним. Теперь он прошел сквозь силовое поле, как будто его не существовало вовсе. Он придвинулся к Дженис еще раз.

— Почему вы это сделали?— спросил он.— Вы даже не позволили мне попытаться. Никто из вас. Ладно. С этого момента я не пы-

таюсь. Я не буду хранить никого из вас, кроме тех, кто мне нужен. Вы мне не нужны.

Снова прозвучал звук взрыва. Дженис исчезла. Вселенная вокруг Кирка стала тусклой, гнетущей и серой.

— Чарли,— произнес он хрипло. Интерком донес его голос до каюты Чарли. Тот слепо повернулся на звук.

— Вы тоже, капитан,— сказал он.— То, что вы сделали, тоже некрасиво. Я сохраню вас пока. «Дерзость» не совсем похожа на «Антарес». Управлять «Антаресом» было легко. Но если вы снова попытаетесь причинить мне вред, я заставлю много других людей исчезнуть... Сейчас я иду на мостик.

— Я не могу остановить тебя,— сказал Кирк.

— Я знаю, что не можете. Быть человеком не слишком много. Я не человек и я могу делать что угодно. Вы не можете. Может быть, я человек, а вы нет.

Кирк отключился и посмотрел на Спока. Через некоторое время первый помощник сказал:

— Это было последнее слово, если я когда-либо такое слышал.

— Вернее, так к этому близко, как я желал бы к этому подойти. Поле отреагировало вообще во второй раз?

— Нет. Он прошел сквозь него так же легко, как луч света. Легче — я могу остановить луч света, если буду знать частоту. Похоже, что он очень многого не может сделать.

— Кроме как убежать с корабля — и самому попасть на Колонию 5.

— Небольшое утешение.

Они прервались, когда вошел Чарли. Не говоря никому ни слова, он подошел к креслу рулевого, и махнул Сулу рукой, показывая, чтобы тот освободил место. После короткого взгляда на Кирка Сулу встал, и Чарли сел и начал манипулировать рычагами управления. Корабль слегка накренился, и он отнял свои руки.

— Покажите мне, что делать,— сказал он Сулу.

— Это потребует тридцати лет тренировок.

— Не спорьте со мной. Просто покажите мне.

— Давай, покажи ему,— сказал Кирк.— Может быть, он взорвет нас. Лучше, чем позволить ему высадиться на Колонии 5...

— Капитан Кирк,— вмешалась лейтенант Юхэра.— Я принимаю что-то извне; подпространственный канал F. Передача от корабля к кораблю, я думаю. Но это все только по приборам, я не могу это слышать.

— Там ничего нет,— сказал Чарли; голос его был груб.— Просто не обращайте внимания.

— Капитан?

— Я капитан,— заявил Чарли. Но почему-то у Кирка появилась внезапная уверенность, что Чарли был испуган. И так же необъяснимо он знал, что «Дерзость» должна принять этот сигнал.

— Чарли,— начал он,— ты создаешь это послание или ты блокируешь то, что приходит?

— Это моя игра, мистер Кирк,— сказал Чарли.— Вам остается догадываться. Как вы говорили — вот каковы правила игры.— Он вытолкнул себя из кресла и сказал Сулу:— Теперь вы можете занять его. Я снова запер вас на курсе к Колонии 5.

Ничего подобного он не мог сделать за такой короткий промежуток времени; он совершил всего лишь несколько мимолетных манипуляций с рычагами управления. Возможно, его первоначальный замок оставался неизменным. Но, так или этак, все было достаточно плохо; Колония 5 была теперь только в двенадцати часах пути.

Однако руки Чарли заметно дрожали. Кирк сказал:

— Ладно, Чарли, это игра — и игра окончена. Я не думаю, что ты еще можешь командовать. Я думаю, ты на пределе и не можешь взяться за еще одну вещь. Но тебе придется. За меня.

— Я мог послать вас прочь раньше. Не заставляйте меня делать это сейчас.

— Ты не осмелишься. Ты захватил мой корабль. Я хочу получить его обратно. И я хочу также получить обратно всю мою команду — если даже мне придется сломать тебе шею для этого.

— Не заставляйте меня,— сказал Чарли.

На следующем шаге взрыв боли бросил Кирка на палубу. Он не мог сдержать крика.

— Извините,— сказал Чарли, покрываясь потом.— Извините.

Подпространственный блок внезапно громко загудел и затем начал выстукивать вразумительный код. Юхэра протянула руку к дешифратору.

— Перестаньте!— закричал Чарли в смятении.

Боль прекратилась; Кирк был свободен. После мгновенного замешательства, убедившись, что он в полном порядке, он вскочил на ноги. Спок и Маккой тоже надвигались, но Кирк был ближе. Он отвел назад кулак для удара.

— Консоль* включилась,— раздался голос Сулу позади него,— машина слушается руля.

Чарли увернулся от угрозы Кирка, хныча. Он никогда не был менее похожим на капитана чего бы то ни было, даже своей собственной души. Кирк с удивлением задержал свой удар.

ХЛОП!

Дженис Рэнд была на мостике, раскинув обе руки, чтобы держать равновесие. Она была бледна и потрясена, но в других отношениях невредима.

ХЛОП!

— Это было чертовски сильное падение, Джим,— прозвучал голос Сэма Эллиса.— В следующий раз выполняй его менее.— Эй, что все это значит?

— Принимаю сообщение,— произнесла бесстрастным голосом

* Консоль (эд.) — устройство обмена информацией между человеком и машиной, например, ПЭВМ; в последнем случае обычно состоит из дисплея и клавиатуры.— Прим. перев.

лейтенант Юхэра.— Отправлено из точки по курсу нашего корабля. Пославшие представляются как фэзиане.

С криком животного ужаса Чарли повалился на палубу.

— Не слушайте, не слушайте,— вопил он.— Нет, нет, пожалуйста! Я не могу жить с ними больше.

Кирк смотрел невозмутимо, не двигаясь. Парень, который запугивал их и манипулировал ими так долго, рассыпался на глазах.

— Вы мои друзья. Вы СКАЗАЛИ, что были моими друзьями. Помните — когда я ступил на борт?— Он жалобно посмотрел снизу вверх на Кирка.— Возьмите меня с собой на Колонию 5.

— Капитан,— произнес Спок лишенным эмоций голосом.— Что-то здесь происходит. Как будто нуль-транспортерная материализация. Посмотрите.

Чувствуя себя как человек, завороженный долгим падением длинного ряда доминошных костяшек, Кирк скользнул глазами по направлению к Споку. Действительно, на мостике материализовывалось что-то, и через это «что-то» сам Спок был виден теперь лишь туманно. Оно было высотой, вероятно, в две трети человеческого роста, неправильно овальное, и старалось обрести твердость. Оно колыхалось и изменялось, и цвета струились сквозь него. На мгновение оно становилось похожим на гигантское человеческое лицо, затем даже отдаленно непохожим ни на что человеческое; потом на искаженное изображение далекого, но гигантского строения. Похоже было, что оно не может очень долго удерживать никакое состояние. Затем оно заговорило. Голос был глубокий и раскатистый. Он шел не от призрака, а от подпространственного динамика, но, как и видение.

— Мы сожалеем о причиненном беспокойстве,— произнес голос.— Мы слишком долго не подозревали, что человеческого мальчика увели от нас. Мы долго искали, чтобы найти его, но космическое путешествие — искусство, которое давно не используется у нас; мы опечалены, что его спасение стоило жизни тех, кто был на борту первого корабля. Мы не могли помочь им, потому что они были взорваны в этом измерении, но мы вернули вам ваших людей и ваше оружие, поскольку они были целы в следующем измерении. Бояться нечего; мы надежно удерживаем его.

— Нет,— выговорил Чарли. Он захлебывался рыданиями. С трудом поднявшись на колени, он схватил Кирка за предплечье.— Я не буду больше делать это. Пожалуйста, я буду хорошим. Я никогда не буду больше это делать. Простите меня за «Антарес», простите. Пожалуйста, позвольте мне остаться с вами, пожалуйста!

— Ну, нет,— вставил Маккой порывисто.— Лучше уж пусть высадится вражеский десант!

— Это не так просто,— сказал Кирк, не отрываясь глядя на странный предмет — фэзианина?— перед ним.— Чарли разрушил другой корабль и будет наказан за это. Но, спасибо вам, весь другой ущерб исправлен — и он человеческое существо. Он принадлежит его собственному народу.

— Ты сошел с ума,— сказал Маккой.

— Замолчи, Кащей. Он один из нас. Реабилитация может действительно сделать его одним из нас, воссоединить его с собственным народом. Мы должны ему это, если он может быть научен не использовать свою силу.

— Мы дали ему эту силу,— объяснило видение,— чтобы он смог жить. Она не может быть взята обратно или забыта. Он будет ее использовать; он не сможет удержаться. Он уничтожит вас и вам подобных, или вы будете вынуждены уничтожить его, чтобы спасти самих себя. Мы одни сулим ему жизнь.

— Вовсе нет,— возразил Кирк.— Вы сулите ему тюрьму — даже не полужизнь.

— Мы знаем это. Но этот вред был причинен давно; теперь мы можем делать только лучшее из того, что осталось. Так как мы виноваты в этом, мы должны заботиться о нем. Пойдем, Чарльз Эванс.

— Не позволяйте им!— задыхался Чарли.— Не позволяйте им взять меня! Капитан... ДЖЕНИС! Вы не понимаете, я НЕ МОГУ ДАЖЕ К НИМ ПРИКОСНУТЬСЯ!

Парень и фэзианин исчезли, в абсолютной тишине. Единственным оставшимся звуком был смутный гул, окружавший «Дерзость».

И звук плача Дженис Рэнд, как плачет женщина по потерянному сыну.

МИРИ

В космосе любой сигнал «SOS» привлекает особое внимание, но этот вызвал на мостике «Дерзости» особый интерес. Дело в том, что его подавал не какой-нибудь терпящий бедствие корабль, а целая планета, причем с помощью передатчиков, излучающих на волне 21 см, гораздо более мощных.

Целая планета взывает о помощи? Это было не единственной странностью. Сигнал пришел с планеты, входящей в планетарную систему Офиукуса-70, солнца, находящегося менее чем в 15 световых годах от Земли, так что сигнал должен был бы дойти до нее всего за одну декаду, если бы не одна помеха: «Офиукус-70 находился на задворках Млечного пути и от Земли его отделяли гигантские водородные облака, испускающие радиацию как раз на волне длиной 21 см. Так что ни один, даже самый мощный, передатчик не смог бы пробиться сквозь эту массу помех.

Лейтенант Юхэра, радист корабля, приняла сигнал только потому, что «Дерзость» была на подходе к «локальной группе»— гигантской сфере диаметром в 100 световых лет с Землей в центре — и находился вне плоскости Галактики.

Все это выдал напичканный знаниями корабельный компьютер. Он же сообщил, что четвертая планета Офиукуса—70 была одной из первых планет, колонизованных людьми за пределами Солнеч-

ной системы. Маленькая, но хорошо организованная группа политических беженцев режима Холодного Мира, высадилась здесь более 500 лет назад. С тех пор колонию навещали лишь однажды. Вернее, пытались навестить: поселенцы, чьи грехи были уже давно забыты, открыли огонь по пришельцам, и земляне, благоразумно решив, что в Галактике полно куда более красивых мест, оставили планету в полном покое.

Но теперь поселенцы взывали о помощи.

С более близкого расстояния было видно, почему беженцы, вместо того, чтобы продолжить путь, выбрали планету, находящуюся в такой опасной близости от Земли. Планета, укутанная облаками и большей частью покрытая океаном, очень напоминала Землю. На планете было три континента: большой, весь изрезанный горными цепями, в одном полушарии, и два более мелких, соединенных длинной цепочкой островов, в другом. При большом увеличении можно было разглядеть несколько городов и следы сельского хозяйства.

Однако на ночной стороне планеты не было видно ни огонька, в эфире раздавались одни помехи, и вообще не было никаких следов высокоразвитой технической цивилизации. Еще с орбиты «Дерзость» пыталась выйти на связь с планетой, но тщетно; в ответ раздавался лишь сигнал «SOS».

— Что бы там ни случилось,— прокомментировал мистер Спок,— мы явно опоздали.

— Похоже на то,— согласился капитан Кирк.— Но мы должны спуститься туда и посмотреть, что произошло. Мистер Спок, доктор Маккой, Йомэн Рэнд и два человека из службы безопасности, пакуйте все необходимое и ждите меня в транспортерной комнате.

Группа, посланная на планету, материализовалась на самой большой площади города. Никто их не встречал. Не особо удивившись этому, Кирк огляделся по сторонам. Архитектура напоминала стиль 2100-х годов, периода, когда беженцы покинули Землю. Везде виднелись следы запустения: разрушившиеся тротуары, покосившиеся стены, разбитые стекла, кучи грязи и обломков.

— Никаких следов войны,— пробормотал Спок.

— Может быть, эпидемия,— предположил Маккой.

У заросшего грязью фонтана, рядом с которым стоял Кирк, лежал детский трехколесный велосипед. Он был уже ржавым, но все еще действующим. К рулю был прикреплен звонок, и, движимый каким-то непонятным импульсом, Кирк нажал на него.

В застывшем воздухе раздался громкий скрип.

В ответ послышался крик дикой ярости и боли:

— Мое! Мое!

Они обернулись на звук. Злобно размахивая руками, со стороны ближайшего здания к ним неслось гуманоидное существо.

Грязное, лохматое существо подскочило к Маккою и сбило его с ног. Все бросились на помощь доктору, но существо, обладавшее силой и яростью сумасшедшего, упорно отбивалось. На какое-то мгновение его лицо оказалось напротив Кирка — он увидел длинные,

спутавшиеся волосы, редкие, кривые зубы и слезы, текущие из диких, полных ненависти глаз — и капитан ударил.

Бил он наугад, но удар получился удачным, и существо, согнувшись, рухнуло на тротуар. Это был всего лишь пожилой человек.

Постанывая, человек приподнялся и указал трясущейся рукой на велосипед.

— Отремонтировать,— пробормотал он в промежутках между стонами,— кто-то должен отремонтировать его!

— Конечно,— ответил Кирк, внимательно глядя на старика.

— Врун!— в голосе человека снова прорезалась нотка ненависти.— Врун! Ты хочешь украсть его.

Он потянулся к велосипеду, но силы покинули его.

— Почините...— захныкал он.— Пожалуйста...

Глаза его закрылись, и он, тяжело вздохнув, рухнул на тротуар.

Маккой опустился на колени и стал обследовать мертвое тело.

— Невозможно,— пробормотал он через минуту.

— Смерть?— спросил Кирк.

— Он вообще не мог существовать,— ответил доктор.— Даже сейчас у него температура под 85 градусов. Никакой человек не может выжить с такой температурой тела.

Кирк кивнул. Неожиданно слева раздался какой-то шум.

— Еще один?— напряженно прошептал Кирк.— Кто-то подкрадывается к нам... Мы можем его поймать... и кое-что разузнать... Пошли!

Они бросились по улице, слыша перед собой шаги убегающего человека. Улочка заканчивалась старым, полуразвалившимся домиком, и это было единственное место, где мог скрыться беглец.

В доме всего две комнаты, в которые можно было проникнуть: спальня, со старым пианино в центре, и туалет. Дверь в туалет была заперта. Прислушавшись, Кирк уловил приглушенное дыхание и слабое поскрипывание. Он указал на дверь Споку и одному из охранников, а затем крикнул:

— Выходите! Мы не причиним вам зла!

Ответа не последовало, но дыхание стало громче и учащеннее. Поколебавшись, Кирк резким рывком раскрыл дверь.

На полу, среди кучи старой одежды, рваных ботинок, рядом со ржавым зонтиком сидела темноволосая девочка, четырнадцати, а то и менее лет. На ее лице был неописуемый ужас.

— Пожалуйста,— пробрмотала она,— не трогайте меня

— Мы не тронем тебя,— ответил Кирк,— мы только хотим помочь.

Он протянул девочке руку, но та в испуге отшатнулась в дальний угол. Кирк беспомощно посмотрел на подошедшую Йомэн Рэнд.

— Все в порядке,— сказала она.— Обещаю: мы не причиним тебе зла.

— Я помню, что вы делали,— страх постепенно уходил из голоса девочки,— кричали, поджигали, убивали людей.

— Это были не мы,— ответила Дженис.

В конце концов девочка позволила Дженис препроводить себя в спальню. Когда она села на старое кресло в углу комнаты, в воздух взвились столбы пыли.

— Вы затеяли безнадежное дело,— заявила она.— Я не знаю правил и не могу играть.

— Мы тоже,— ответил Кирк.— Расскажи нам, что случилось с другими людьми. Это была война? Эпидемия?

— Это вы должны знать. Вы сделали это — вы и другие взросы.

— Взросы?! Кто это?

Девочка с удивлением взглянула на Кирка.

— Взросы — это вы. И другие старшие.

— Взрослые,— пояснила Дженис,— вот что она имеет ввиду.

Спок, который с помощью трикордера обследовал комнату, подошел к капитану.

— Она не могла здесь жить, капитан,— сказал он.— Эта пыль лежит здесь не менее 300 лет. Ни радиации, ни каких-либо химических загрязнений — просто очень старая пыль, и все.

Кирк обернулся к девочке.

— Послушай, маленькая леди, как тебя зовут?

— Мири.

— Хорошо, Мири. Так ты говорила, что взрослые поджигают здания, убивают людей... Почему?

— Они делают это, когда начинают болеть. И нам приходится прятаться,— она с надеждой взглянула на Кирка.— Я делала это хорошо, правда? Но в этот раз сглупила.

— Ты говоришь, что взрослые болеют. А потом? Они умирают?

— Взрослые всегда умирают,— ответ прозвучал странновато.

— А дети?

— Еднаши? Конечно, нет. Иначе меня бы здесь не было.

— Как много взрослых умирает?— спросил Маккой.

— Все.

— Мистер Спок,— сказал Кирк,— берите охрану и поищите кого-нибудь... Так все взрослые умирают?

— Да. И скоро это случится с вами. Тогда вы станете похожими на них. Вы тоже захотите убивать людей.

— Мири,— сказал Маккой,— на площади на нас кто-то напал. Ты видела его? Это был взрос?

— Это был Флойд,— ответила она с содроганием.— Это случилось с ним. Он стал одним из них. И это происходит со мной. Вот почему я не могу теперь находиться с моими друзьями. Они боятся меня.

— Чего они боятся?

— Вы видели Флойда. Они стараются поранить всех. Сначала у вас появятся пятна на коже. Потом вы превратитесь во взроса и захотите убивать.

— Этого не произойдет,— сказал Кирк.— Мы пришли со звезд. Мы знаем много полезных вещей. Может быть, мы сможем помочь тебе, если ты поможешь нам.

— Взросы не помогают,— возразила Мири.

— Но мы хотим сделать по-другому. Мы сделаем это, если ты доверишься нам.

Дженис наклонилась к ней и добавила:

— Пожалуйста.

Прежде чем она ответила, за стенами раздался дикий шум. Детские голоса скандировали:

— Ниах, ниах, ниах, ниах. НИАХ, ниах!

— Охрана!— раздался крик Спока.

И в ответ громогласно:

— Ниах, ниах, ниах, ниах. НИАХ, ниах!

Затем наступило молчание, нарушаемое отдаленным эхо.

— Кажется,— пробормотал Кирк,— твои друзья не хотят встречаться с нами.

— Можно попробовать по-другому,— сказал Маккой.— Наверняка здесь сохранились какие-то записи. Мы должны разобраться в причине происходящего. Надо найти Центр Здоровья. Что ты на это скажешь, Мири? Ты знаешь место, где работали доктора?

— Я знаю такое место,— ответила она с отвращением.— Это плохое место. Мы никогда не ходим туда.

— Но мы должны туда сходить,— сказал Кирк.— Это очень важно. Пожалуйста, проведи нас туда.

Он протянул девочке руку и та, поколебавшись секунду, с опасением взяла ее. Она посмотрела на капитана.

— По-моему, ты — не настоящий взрос. Ты не похож на них,— с улыбкой сказала она, вставая с кресла. Потом Мири перевела взгляд на его руку, и ее глаза наполнились ужасом!

— Уже!— со страхом воскликнула она.

Кирк тоже посмотрел на руку. На его запястье красовалось синеватое пятно размером с голубиное яйцо. Лаборатория была очень хорошо оборудована. Так как двери были тщательно закрыты, а окна отсутствовали, то внутри практически не было пыли.

Голубые пятна появились теперь у каждого из них, но у мистера Спока они были самыми маленькими.

Маккой взял несколько образцов зараженной ткани. В одной из чашек Петри уже находилась целая «голубая» колония, состоявшая из активных бактерий, напоминавших спирохет. Маккой был уверен, что они были не причиной заболевания, а его следствием.

— Во-первых, *они не причинили никакого вреда подопытным* животным, доставленным с корабля. Во-вторых, там встречаются совершенно невероятные сочетания этих микроорганизмов. В-третьих, хромосомные тесты...

— Все, все! Можешь не продолжать, ты меня убедил,— перебил доктора Кирк.— Но что нам это дает?

— Я уверен, что главная причина заболевания — вирус,— сказал Маккой.— Нам могут помочь «спирохеты». На Земле есть болезнь, ангина Винсета, очень похожая на наш случай.

— А как передаются эти твои «спирохеты»?

— При контакте. Вы с Йомэн Рэнд получили своих от Мири, а мы от вас двоих.

— Надо предупредить корабль,— Кирк взял свой передатчик.— Кирк «Дерзости». Ни один человек, повторяю, ни один человек, ни при каких обстоятельствах не должен транспортироваться сюда, пока я не прикажу. Планета заражена. Проводите полный цикл дезинфицирующих процедур с каждым из нас. Кто вернется, конечно...

— А компьютер?— напомнил Маккой.

— Ах, да. Спустите нам самый лучший биокомпьютер.

— Капитан,— позвал Спок,— кажется, мы кое-что нашли.

Все подошли к нему, только Маккой остался у своих микроскопов. Спок протянул Кирку папку.

— Там целый ящик таких. Над ними, наверное, работали сотни людей. Никакой биокомп не справится с такой горой информации менее чем за год.

— Тогда этим придется заняться корабельному компьютеру,— сказал Кирк, беря папку в руки.

Надпись на ней гласила:

Отчет о
ПРОЕКТЕ ПО ПРОДЛЕНИЮ ЖИЗНИ
Раздел «Генетика».

— Так вот что ЭТО было,— прошептала Дженис Рэнд.

— Ну, этого мы еще не знаем,— сказал Кирк.— Во всяком случае, это крупнейшая катастрофа в Галактике. Ладно, пора приступать к работе. Мири, ты тоже можешь помочь: раскладывай папки на столе: генетика к генетике, иммунология к иммунологии, и так далее. Не важно, что значат эти слова, самое главное — сортируй их, и все.

Картина вырисовывалась с ужасающей медлительностью. Суть эксперимента была ясна с самого начала: замедлить процесс старения с помощью восстановления разрушающихся клеток. По сути дела, старение есть процесс накопления в организме клеток, чьи функции разрушены различными мутациями. Он вызывается попаданием свободных радикалов в ядра клеток, что, естественно, мешает их нормальному функционированию и нарушает генетический код человека. Колонисты изобрели самовоспроизводящуюся вирусоподобную субстанцию, которая должна была находиться в крови до появления первых признаков старения; тогда вирус должен был проникать в клетки и восстанавливать поврежденные элементы. Субстанция вводилась детям сразу после рождения, пока иммунный механизм ребенка еще не работал и не пытался отторгнуть захватчика; активизировали ее гормоны, выделяющиеся во время полового созревания.

— Самый смелый проект, о котором мне доводилось слышать,— прокомментировал Маккой.— Это же самое настоящее лекарство от рака... Было бы, если бы оно работало,— поправился он.

— Но оно не работает,— сказал Спок.— Их вирус, как, впрочем, и любой другой, в конце концов вышел из-под контроля. О да, он, конечно, продлевал жизнь — для детей, а в пубертате убивал их.

— Насколько?— спросила Дженис Рэнд.

— Насколько он продлевал жизнь? Мы не знаем, потому что с начала эксперимента прошло слишком много времени. Я только могу сказать, что для инфицированных за один месяц «физиологического» времени проходит сто лет объективного.

Дженис уставилась на Мири.

— Месяц за сто лет,— прошептала она.— А эксперимент начался 300 лет назад! Бесконечное детство! Это как сон!

— Очень дурной сон, Йомэн,— сказал Кирк: — Мы уже видели его последствия. Это тупик.

— Причем тупик с единственным исходом — смертью,— согласился Маккой.— Просто удивительно, что выжило так много детей. Мири, что вы делали, когда умерли взрослые?

— Было очень весело: мы делали, что хотели и никто нам ничего не запрещал. Когда мы хотели есть, находили консервы.

Дженис Рэнд, поперхнувшись, обратилась к Кирку.

— Джим, теперь, когда мы разузнали все, что хотели... может быть, уйдем отсюда?..

— Ну нет. Здесь должны быть записи о ходе эксперимента. Они очень важны. Никто их не видел?

— На их месте я бы держал такие записи где-нибудь в подвале,— сказал Спок.

— Боюсь, они так и делали. И нам придется достать их; без них мы ничего не сможем сделать: ни изучить вирус.

— По-моему, это невозможно,— сказала Мири.

— Мы все еще можем остановить этот эксперимент. Мистер Спок, вы не сможете поймать еще одного ребенка?

— Это невозможно. Они слишком хорошо знают местность.

— Ладно, попробуем другой способ. Мири, ты можешь помочь нам найти кого-нибудь из них?

— Вы не найдете никого,— с уверенностью сказала Мири.

— Мы попытаемся убедить их...

— Убедить?— переспросила девочка.— Не получится. Никто не поймет вас, да и не захочет понимать.

— Но ты же поняла.

— Потому что я уже не еднаш,— ее глаза неожиданно наполнились слезами, и она выбежала из комнаты.

Дженис с жалостью посмотрела ей вслед.

— Эта маленькая девочка...— начала она.

— ...старше тебя на 300 лет,— закончил за нее Кирк.

Через минуту Мири вернулась: ее грусть как рукой сняло и она искала, чем бы заняться. Спок посадил ее затачивать карандаши.

— Капитан? Говорит Фаррел с «Дерзости». Компьютер готов.

Подошла Мири, сжимая в кулаке кучу карандашей.

— Этого хватит?

— А?! По-моему, нужно еще немножко.

— Какой-то парень,— начал подошедший Спок, кладя на стол несколько листов бумаги,— сделал эти записи после того, как началась эпидемия. Теперь можно сказать, что финальная стадия болезни, которую мы уже видели, типична для всех. Мания убийства.

— И никаких данных о природе вируса, хотя бы о его биохимической структуре?— спросил Маккой.

— Нет,— ответил Спок.— Он был уверен, что кто-то другой уже написал об этом. Может быть, мы еще не нашли эти записи, а может, они — плод его первых галлюцинаций. Я, однако, узнал, что первые признаки заболевания — это высокая температура, боль в суставах и ослабление зрения. А потом — мания. Кстати, доктор Маккой, вы угадали насчет спирохет: они участвуют в этом процессе. Именно они, а не вирус, вызывают манию. Болезнь быстрее скажется на нас, чем на Мири, потому что мы «не привыкли» к вирусу.

— Значит, мы все еще не знаем, с чем боремся. Передайте все ваши сведения Фаррелу, и, может быть, наконец, мы точно узнаем фактор времени. Если бы мы могли опознать этот вирус — на корабле бы за 24 часа выработали подходящую вакцину.

— По-моему, можно зацепиться вот за что,— медленно проговорил Маккой.— Если это был обычный правительственный проект, то где-то должны находиться ордера, или копии ордеров, на поставку различных реактивов. А если мы будем знать, что и когда использовать, то, может быть, с помощью анализа сможем реконструировать те части эксперимента, которые нам неизвестны.

— Оригинальная идея,— сказал мистер Спок.

Его перебило жужжание передатчика капитана.

— Кирк слушает.

— Фаррел высадившимся. Из дневников, найденных мистером Споком, следует, что вам осталось семь дней.

Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь работой точилки для карандашей. Затем заговорил Спок:

— Это как раз то, о чем я собирался сказать. Вряд ли мы успеем выполнить план доктора Маккоя за неделю.

— Не обязательно,— сказал Маккой.— Если манию вызывают спирохеты, то мы сможем подавить их деятельность с помощью антибиотиков и сохранить способность разумно мыслить...

— А куда делась Мири?— спросил Маккой, когда они зашли в комнату.— Она очень спешила.

— Не знаю,— ответил Кирк.— Может быть, она пошла искать своих друзей, а может быть, ей надоело с нами. У нас нет времени отвлекаться на нее.

— Здесь очень много грязи и ржавчины,— сказал Маккой,— а в случае удачи у нас скоро будет патогенный материал, так что прошу всех переодеться в рабочую форму, которой здесь предоста-

точно. Нашу одежду я продезинфицирую, а когда вернемся на корабль — придется сжечь ее.

— Хорошо, а как же оборудование — фазеры и так далее?

— Оставьте один фазер на крайний случай,— но перед возвращением на «Дерзость» придется выкинуть и его,— остальное убрать.

— О'кей. Дальше?

— Я провел все анализы, осталось сделать только статистические подсчеты, но они бесят меня. Я попросил бы мистера Спока заняться этим.

Кирк усмехнулся.

— Хорошо, мистер Спок сделает это.

— Да, сэр. Прежде всего нам нужно найти те недостающие папки.

Предположение Маккоя оказалось правильным: даже на расстоянии 15 световых лет от планеты, где он впервые появился, бюрократический разум оказался прежним. Вскоре они держали в руках три листа бумаги.

Маккой рассортировал их по степени важности, и биокомп передал всю информацию на «Дерзость».

Затем последовало два дня напряженнейшей работы. Наутро третьего дня Спок, держа в руках кипу карточек, сказал:

— Эти карточки — все, что может дать нам наш биокомп,— он повернулся к Мири, которая вернулась днем раньше безо всяких объяснений своего отсутствия, но с прежней жаждой к работе.— Если ты поможешь мне разобраться с ними, то мы передадим их Фаррелу. Должен признаться, однако, что я лично не вижу в них ни малейшего намека на разгадку.

— Я вижу,— сказал Маккой, поразив всех присутствующих.— Ясно, что активный агент — не обычный вирус, так как если бы он не размножался, то за период между инъекцией и пубертатом исчез бы из организма, а обычный вирус не может размножаться, не разрушая клеток, то есть не делая того, чему наш агент должен всеми силами препятствовать. Скорее всего, он размножается за счет материала, адсорбируемого ВНЕ клеток. А когда на него начинают действовать гормоны пубертата, он теряет это свойство и становится самым настоящим вирусом. Этот механизм, вероятнее всего, должен быть стероидным, а вовлечены в него могут быть только половые стероиды. Все это шаг за шагом выстраивается в довольно привлекательную картину.

— Достаточно красивую для того, чтобы назвать вирус?— нетерпеливо спросил Кирк.

— Ни в коем случае,— ответил Маккой.— Я говорю это чисто интуитивно. Может быть, я даже не на правильном пути. Но мне кажется, что бортовой компьютер выдаст нам то же самое. Кто-нибудь хочет поспорить?

— Ценой этого спора будут наши жизни,— сказал Кирк.— Мистер Спок, вызовите Фаррела.

Спок кивнул и вышел в подсобную комнату, которая теперь

была отсоединена от лаборатории перегородкой. Вернулся он через секунду.

— В чем дело?

— Передатчики исчезли, капитан.

Дженис от изумления открыла рот. Кирк, нахмурив брови, повернулся к Мири. Она попятилась от него, но с достоинством выдержала взгляд.

— Что ты на это скажешь, Мири?

— Я думаю, их взяли еднаши. Они любят воровать вещи. Это игра.

— И куда они их дели?

— Не знаю,— она пожала плечами.— Наверное, запрятали куда-нибудь. Это тоже как игра.

— Это не игра, Мири, это самая настоящая катастрофа. Нам нужно вернуть передатчики, иначе мы никогда не справимся с болезнью.

Она неожиданно хихикнула.

— Тогда вы не уйдете!

— Нет, тогда мы умрем. Скажи нам, где они?

Мири встала, и на ее лице появилось подобие взрослого самодовольства. Если учесть, что она не видела взрослых в течение нескольких столетий, то подражание было просто великолепным.

— Послушайте, капитан, откуда я могу знать?— надменно спросила она.

Если бы Мири сумела сдержать улыбку, то она произвела бы гораздо большее впечатление.

— Зачем этот шантаж?— спросил Кирк, из голоса которого уже исчезла злость.— Ведь ты тоже можешь умереть.

— О, нет!— ответила она.— Мистер Спок сказал, что я проживу на 5—6 недель больше, чем вы. Может быть, кто-то из вас умрет раньше, чем остальные. А я переживу вас всех!— Мири развернулась и направилась к выходу. У двери она остановилась.— Но если вы будете очень ласковы со мной, я могу кое-что разузнать у моих друзей. До встречи, капитан!

Тишину, наступившую после того, как стихли ее шаги, первым нарушил Маккой.

— Теперь можно сказать, что на этой планете вновь появилось радио и телевидение.

Шутка немного развеяла угрюмое настроение.

— Мистер Спок, что мы сможем сделать без помощи корабля?— спросил Кирк.

— Практически ничего, капитан. Биокомп не пригоден для такой работы. На то, что бортовой компьютер делает за секунды, нашему понадобятся часы. К тому же у нас нет аналитических программ.

— Раньше люди как-то обходились без компьютеров. Эй, лодыри, как насчет того, чтобы немного потрудиться?

— Я за,— сказал Маккой.— Но у компьютера было одно преимущество — быстрота. У нас же осталось очень мало времени.

— Жалобы — пустая трата времени,— проворчал Кирк. Маккой с удивлением посмотрел на него.— Извините, кажется, я тоже начинаю излишне нервничать.

— Жаловался я,— сказал Маккой.— Я приношу свои извинения. Но к делу. Конечно, человеческий мозг — это хорошая штука: вспомним хотя бы Пастера... но мне-то до него далеко. Мистер Спок, выньте карточки из этой чертовой «кошки» и сложите их куда-нибудь. Я хочу провести несколько анализов ДНК. Если они что-нибудь дадут, то мы будем повторять их до тех пор, пока не выделим клон.

— Я не могу уследить за вашей мыслью,— сказал Спок.

— Извините, но сейчас нет времени для объяснений. Я попросил вас заняться карточками: выберите мне все, помеченные LTS—428. Мы попросим нашу «кошку» найти незакодированный общий фактор. Может быть, тогда мы получим что-нибудь стоящее.

— Хорошо.

Кирк понимал в происходящем еще меньше, чем Спок: он не разбирался ни в медицине, ни в статистике. Теперь он просто стоял рядом и выполнял всю грязную работу.

Наступил следующий день. Несмотря на стимулирующие пилюли, розданные Маккоем, все чувствовали парализующую усталость. Движения замедлились, словно они находились под водой.

Где-то около полудня вернулась Мири, видимо, чтобы посмотреть на произведенное ее поступком впечатление. Никто не обратил на нее внимания. Мири осталась этим недовольна, и вскоре уселась на стул.

— Теперь загружайте в «кошку» все Т-карточки, относящиеся к D-2. Если их больше трех, то нам здорово повезло.

Пожужжав над двадцатью двумя карточками, введенными Споком, биокомп «выплюнул» одну. Маккой откинулся в кресле, и по его лицу растеклось выражение полного удовлетворения.

— Это сыворотка?— спросил Кирк.

— Нет, Джим. Это просто вирус, лежащий в основе заболевания.

— Сам по себе он не очень важен,— сказал Спок,— но в данных обстоятельствах...

— ...в данных обстоятельствах мы должны синтезировать его,— продолжил Маккой,— и получить из него вакцину. Нет, нет, не вакцину! Вакцина не поможет. Антитокоин! Это гораздо сложнее. Кирк, разбуди наших стражей — в ближайшие 48 часов нам понадобится очень много чисто вымытых банок и пробирок.

Кирк коснулся рукой лба.

— Послушайте, ребята, я чувствую себя отвратительно, и вы, уверен, тоже. Да, мы проработали 48 часов, но продержимся ли мы еще сутки?

— Или мы ловим рыбу, или снижаем приманку,— сказал Маккой.

Кирк почувствовал, что вот-вот сорвется.

— Кто-нибудь, дайте мне флягу с водой,— попросил он,— или я усну прямо на ногах.

Через двадцать часов у Дженис Рэнд произошел первый приступ

болезни. Прежде чем она прекратила сопротивляться, ее пришлось связать и накачать транквилизаторами. Спустя час за ней последовал один из охранников. Оба были полностью покрыты голубыми пятнами; одновременно с прогрессированием безумия голубые пятна начинали увеличиваться и вскоре покрывали всю кожу.

Мири время от времени исчезала, но в момент обоих припадков она присутствовала в лаборатории. Кирк к тому времени уже настолько устал, что даже не замечал ее, ему уже не помогали стимуляторы. Он едва различал голос Маккоя.

— Все идет отлично. Скоро у нас будет живой микроорганизм, Кирк, когда я сниму крышку с чашки Петри, налей туда два миллилитра формалина. Не забудь!

— Не забуду.

Каким-то образом он умудрился выполнить то, о чем просил Маккой. Потом он держал ампулу с прозрачной жидкостью, из которой доктор набирал шприцы. Словно сквозь вату до него доносились слова:

— Это или антитоксин, или нет. Может быть, это даже яд. Только компьютер может говорить с полной уверенностью.

— Сначала Дженис,— проговорил Кирк.— Потом охранника.

— Нет, капитан,— возразил Маккой.— Я должен испытать лекарство на себе.

— Подожди минутку,— попросил он.— Минутой больше, минутой меньше — это же не имеет значения.

Он развернулся и подошел к Мири, стоящей рядом.

— Мири... Послушай меня... Ты должна выслушать меня.

Мири отвернулась. Тогда он схватил ее за подбородок и развернул лицом к себе. Кирк с трудом заговорил.

— У нас... осталось только несколько часов... Мы и все вы... ты и твои друзья... Может быть... мы ошибаемся... тогда не останется никого... ни взрослых, ни еднашей... никого. Верни мне хотя бы одну из этих машин... передатчик. Ты же не хочешь, чтобы на твоей совести была смерть целого мира... Подумай, Мири, подумай!

Она отвела взгляд, посмотрела на Дженис.

— Ну, Мири... РЕШАЙ!

Она глубоко вздохнула.

— Я... я попробую,— она выскользнула из рук Кирка и исчезла.

— Мы не можем больше ждать,— сказал Маккой.

— Ставлю годовое жалованье,— сказал Спок,— что антитоксин смертелен сам по себе

В промежутке между накатывающими приступами боли Кирк увидел усмешку Маккоя.

— Принято,— сказал тот,— но если я проиграю, мистер Спок, то как вы собираетесь получить свои деньги?

Маккой занес шприц.

— Подожди!— выдавил Кирк.

Он опоздал — игла вонзилась в голубое пятно. Маккой спокойно положил шприц на стол и сел.

— Я ничего не чувствую,— сказал он.— Вы видите... джентльмены... это...

Его голова поникла.

— Помогите мне отнести его,— упавшим голосом сказал Кирк.

Вместе со Споком они оттащили врача к ближайшей кровати. Кирк присел рядом и нащупал пульс Маккоя. Сердце неравномерно, но билось.

— Не представляю... как мог антитоксин подействовать так быстро?— сказал Спок. Его голос звучал как шепот.

— Может, его просто одолела болезнь... я и сам почти готов. Проклятое человеческое упрямство!

— Есть преимущества,— пробормотал Спок наставительно,— и у знания.

Он был буквально набит такого рода высказываниями, преимущественно вулканитскими. В узкой трубе, в которую превратилось поле зрения Кирка, появилась голова Спока.

— По-моему, у меня начались галлюцинации,— сказал тот.

Кирк оглянулся. Если у Спока были галлюцинации, то у него и подавно. «Интересно»,— подумал он,— «мы видим одно и то же или нет?»

Возглавляемая Мири в дверь входила целая процессия детей всевозможных возрастов. Выглядели они, словно только что ограбили магазин одежды. Одни были одеты в смокинги, другие в военную форму, третьи в одежду звездопроходцев и спортсменов. Девочки были одеты немного однообразнее: в основном вечерние платья и только на нескольких — костюмы балерин.

Это напоминало какой-то сумасшедший Крестовый поход детей. Но самым сумасшедшим было то, что дети несли оборудование — оборудование высадившихся.

Там было три передатчика, два недостающих трикордера, а «рыжий» мальчик нес фазер. Кирк заметил, что последний был разряжен.

Мальчик перехватил его взгляд.

— Я стрелял из него в Луизу,— с горечью сказал он.— Она превратилась во взроса совершенно неожиданно, когда мы играли в школу. Она была не на много старше меня...

Он передал оружие Кирку; другие складывали награбленное добро на стол. Мири подошла к Кирку.

— Я была неправа,— сказала она.— Я просто не понимала... Потом мне пришлось долго убеждать Джона прийти сюда,— она посмотрела на Маккоя.— Слишком поздно?

— Может быть,— прошептал Кирк.— Мистер Спок, свяжитесь с Фаррелом.

— Попытаюсь, сэр.

Фаррел был страшно удивлен и потребовал объяснений. Спок оборвал его на полуслове и вкратце обрисовал положение.

Теперь им оставалось только ждать.

Кирк стал наблюдать за Маккоем; к нему присоединилась Мири.

Только сейчас капитан понял, что несмотря на все беды, которые она принесла, ее решение вернуть передатчики было вполне разумным и взрослым.

Был ли это обман зрения, или пятна на коже Маккоя действительно стали исчезать? Нет, некоторые из них явно уменьшились и побледнели.

— Мистер Спок,— позвал он,— посмотрите.

— Исчезают,— кивнул Спок,— теперь, если не будет побочных явлений...

Его перебило жужжание передатчика.

— Фаррел высадившимся. Идентификация верна, повторяю, верна! Поздравляю!

Кирк и Спок обменялись усталыми улыбками.

Маккой пошевелился, открыл глаза и попытался сесть.

— Прошу прощения, доктор,— сказал Кирк.— Если вы достаточно отдохнули, полагаю, назначить лечение — ВАША обязанность.

— Подействовало?— хрипло спросил Маккой.

— Еще как; бортовой компьютер подтвердил, что сыворотка сделана как надо, а ты теперь герой, свиноголовый дурачок!

Они вернулись на корабль через неделю, потратив весь антитоксин, который могли синтезировать. Собравшись на мостике «Дерзости», все наблюдали за тем, как планета медленно, но неумолимо уменьшалась на экранах звездолета.

— Я все еще волнуюсь за них...— сказала Дженис Рэнд.— Неважно, сколько они прожили,— ведь на самом деле они все еще дети. И оставить их там всего лишь с одной медицинской командой...

— Они прожили там многие годы и без этого,— сказал Кирк.— Притом я попросил лейтенанта Юхэру послать сообщение на Землю... Космический Центр пошлет и учителей и техников, и администраторов...

— И лентяев-офицеров,— закончил Маккой.

— Без сомнения. С подростками все будет нормально.

— Мири... она ведь... по-настоящему любила вас, капитан,— медленно произнесла Дженис.— Вот почему она так поступила.

— Я знаю и польщен этим,— сказал Кирк.— Но я открою вам секрет, Йомен Рэнд. Я дал себе обещание никогда не связываться с женщинами, которые старше меня.

СОДЕРЖАНИЕ

Джо Холдеман
БЕСКОНЕЧНАЯ ВОЙНА 3

Мак Апп
ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ 167

Дуглас Хилл
ОХОТНИК 289

Джеймс Блиш
ЗВЕЗДНЫЙ ПАТРУЛЬ 371

ДЖО ХОЛДЕМАН
«Пятые звездные войны». (Библиотека зарубежн. крим. и прикл. романа. Выпуск 12).

Художественный редактор *А. САЯПИН*
Технические редакторы *Л. ЗАИЧКИНА, И. ТЫРВА*
Корректор *Н. ЕПИФАНОВА*

Сдано в набор 7.01.93. г. Подписано в печать 27.05.93 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 27,1. Заказ № 3703. Тираж *100 000* экз. (*1-й з-д — 50 000* экз.) *Заказное*.

«Мелор». ЕЕ 0090. Эстония, г. Таллинн, а/я 3515.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

БИБЛИОТЕКА ЗАРУБЕЖНОГО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

12